66.1(2)
Ш 251

Сергей Федорович

ШАРАПОВ

ПЕРЕПИСЬ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта
А. Б. Усманов

Редакционный совет:
Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Сергей Федорович ШАРАПОВ

ИЗБРАННОЕ

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

А. В. Репников,
доктор исторических наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
Ш25

НП БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ИСКУССТВО И СПОРТ

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Ш25 **Шарапов С. Ф. Избранное** / С. Ф. Шарапов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. В. Репников]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 744 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1191-4

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1191-4

© Репников А. В., составление тома, вступительная статья, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Сергей Федорович Шарапов

Сергей Федорович Шарапов родился 1 июня 1855 г. в имении Сосновка Вяземского уезда Смоленской губернии в родовитой дворянской семье. После 2-й Московской военной гимназии (поступил в 1868 г., а окончил с отличием в 1872 г.) продолжил образование в Николаевском инженерном училище в Петербурге, которое вскоре был вынужден покинуть из-за болезни матери (1874), так и не окончив полного курса, но получив специальность сапера.

С началом боевых действий на Балканах Шарапов отправился добровольцем на войну в Боснию. Судя по его воспоминаниям, он участвовал в военных действиях до 1 мая 1876 г., затем был захвачен в Загребе в плен венгерскими властями и лишь в мае 1877 г. освобожден. Ездил по Италии, бедствовал, начал подумывать о самоубийстве, и, жалея о проданном револьвере, не имея денег на веревку, даже собирался утопиться. Потеряв всякую надежду, мучаясь от голода, Шарапов, который, по собственному признанию, к тому времени давно разорвал «всякую связь с Богом по случаю либеральных теорий <„> и забыл, когда в последний раз <...> молился», в отчаянии бросился на колени перед статуей Мадонны[1]. В тот же день пришло сообщение от известного русского издателя и публициста А. С. Суворина, предлагавшего Шарапову сотрудничество. Работа за границей в качестве корреспондента ведущей' российской газеты «Новое время» позволила Шарапову приобрести уникальный опыт.

Вернувшись осенью 1878 г. на родину, Шарапов вышел в отставку и занялся сельским хозяйством, поселившись в Сосновке. Попробовал себя в политике, но безуспешно. Судьба забросила его в Москву, где он сблизился с И. С. Аксаковым, которого считал своим учителем. Шарапов сотрудничал в его газете «Русь», отмечая, что именно общение с известным славянофилом дало ему силы выдержать «экзамен зрелости» на «русского человека». Помимо «Руси», Шарапов

[1] *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. №2. С. 510.

сотрудничал в «Голосе Москвы», «Промышленном мире» и других консервативных органах печати.

Как и Аксаков, Шарапов испытал давление цензуры: с 1886 г. он начал издавать газету «Русское дело», финансируемую московским купцом-старообрядцем Д. И. Морозовым, которая получала неоднократные предостережения за критику правительства (1888, 1889) и в итоге была временно приостановлена. Как отмечал Ю. С. Карцов, «в Главном Управлении по делам печати, в противоположность "ручным" редакторам — Суворину, князю Мещерскому, князю Ухтомскому и другим, Шарапова называли "диким"»[2].

В конце 1880-х гг. завязалась переписка Шарапова с К Н.Леонтьевым, между двумя видными мыслителями установились близкие, почти дружеские отношения. 23 июня 1890 г. Шарапов с отчаянием писал Леонтьеву о своей газете: «Мое "Р<усское> Д<ело>" окончательно погибло, дорогой Константин Николаевич, и я, кажется, перебираюсь в Петроград <...> Пожалуйста, Вы ведь читали начало моего романа [речь идет о романе "Чего не делать?" — *А Р.]*. Скажите по совести и прямо — художник я или нет? Если да, ударюсь в это дело, если нет, останусь публицистом»[3]. В ответ Леонтьев, с присущей ему прямотой, заметил, что вряд ли следует писать такие повести, которые никто не захочет во второй раз и видеть, и лучше оставаться талантливым и будящим мысль публицистом. Затем Шарапов выпускал газету «Русский труд» (1897-1902 гг. с перерывами), которую постигла та же участь, что и «Русское дело». Далее последовала «Русская беседа», разделявшая судьбу предыдущих изданий. На свет появился «Мой дневник» в виде отдельных брошюр, но название пришлось по цензурным соображениям упрятать внутрь. На обложку были вынесены нейтральные названия: «Сугробы», «Посевы», «Жатва», «Заморозки», «Пороша», «Метели» и т.п. Впоследствии ненадолго возобновилось издание «Русского дела», за которым последовал «Пахарь». Попыткой прорыва цензурных препон стало издание «Свидетеля», выходившего в Москве с августа 1907 по декабрь 1910 г.

Шарапов также издал «Московский сборник» (М., 1887), куда помимо его работ вошли произведения М. Д. Скобелева, А. А. Киреева, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова и др., и сборник «Теория государства у славянофилов» (СПб., 1898), включавший труды И. С. и К. С. Аксаковых, А. В. Васильева, А. Д. Градовского, Ю. Ф. Самарина; был автором ряда художественно-публицистических произведений (роман «Кружным путем», утопия «Через полвека», политическая фантазия «Диктатор» и др.).

[2] *Карцов Ю.С.* Хроника распада // Архив-музей БФРЗ. Ф. 1. М-76 (1). Л. 80-81.

[3] Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888-1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 137.

Шарапов пытался, по его собственным словам, к церковному учению Хомякова, историческому — И. С. Аксакова, политическому Н.Я.Данилевского прибавить «русское экономическое учение» и продемонстрировать, что «есть возможность создать научную денежную систему, в основе которой лежало бы также нравственное начало». Объектом постоянной критики с его стороны служил порядок денежного обращения, установившийся в России в результате реформ С. Ю. Витте. Последний вызывал у Шарапова стойкую неприязнь: «Резко поперек моей дороги стоял С. Ю. Витте. Этого барина я определил уже давно и не по слухам, а из личного давнего общения. Он политически вырос на моих глазах, и я отлично знал, где делается его гениальность...»[4] Борьба шла с переменным успехом, но в итоге Витте смог одолеть своего оппонента, дав ему денежную субсидию и тем самым скомпрометировав его. После этого «сказание о том, как за пятьдесят тысяч рублей ссуды публицист патриот Шарапов пошел к Витте с повинною и отрекся от своих убеждений, сопровождаемое злословием и насмешками, облетело левую печать»[5].

В своей концепции Шарапов выделял три главные функции государственной денежной системы: счетчика народного труда; «организатора и направителя» народного труда; защитника государства от соседей-конкурентов и «хищной международной биржи». Золотое обращение, по мнению Шарапова, не обеспечивало выполнения этих функций, и он предложил провести ликвидацию золотой валюты и ввести «абсолютные деньги», которые находились бы в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. При этом государство должно было выпускать только необходимое количество денежных знаков, а денежная единица представляла бы некоторую постоянную, совер-

[4] *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. №2. С. 519.

[5] *Карцов Ю. С.* Хроника распада // Архив-музей БФРЗ. Ф. 1. М-76 (1). Л. 85.

шенно отвлеченную меру ценностей (бумажный рубль). Шарапов считал, что введение золотой валюты пагубно еще и тем, что лишило земледельцев оборотного капитала, т. к. при наличии бумажных денег всегда можно прибегнуть к эмиссии, а после возвращения кредита изъять бумажные деньги из обращения. Резко отрицательно отнесся Шарапов и к предпринятому Витте привлечению иностранных капиталов в Россию, утверждая, что эти капиталы не работают на отечественную экономику, оставляя основную часть доходов от производства в руках иностранцев.

Деятельность Шарапова не ограничивалась публицистикой. Он продолжал хозяйствовать, прославился как изобретатель плугов новой системы, которые с успехом экспонировались на многих выставках (их создатель получил 16 наград, в том числе 10 первых), и основатель Сосновской мастерской этих плугов. В 1903 г. российское Министерство земледелия послало коллекцию плугов общества «Пахарь» на сельскохозяйственную выставку в Аргентину Русские экспонаты, в частности коллекция сельскохозяйственного инвентаря, имели там большой успех.

Еще одна попытка похода в политику закончилась для Шарапова вновь неудачно. Непродолжительное время он являлся одним из учредителей и руководителей Союза русских людей (СРЛ), входил в состав его Исполнительного совета (1905). Участвовал в составлении программы Союза землевладельцев (1905), стоял у истоков Русской народной партии (1905), в которую хотел преобразовать СРЛ. Он также вел активную общественную деятельность, неоднократно выступал с докладами в Русском собрании, вместе с тем подчеркивал свою дистанцированность от монархических организаций: «Я не принадлежу ни к какой партии и в нашей печати и литературе стою совершенно особняком»[6].

Не всегда гладко складывались и его отношения с соратниками по правому лагерю. Шарапов критиковал А И. Дубровина («хороший врач и никуда не годный политик»), А. Г. Щербатова («благонамеренный, но совершенно несерьезный»), В. М. Пуришкевича («жажда власти при полном отсутствии всякого нравственного регулятора») и других

[6] *Шарапов С. Ф.* Земля и воля... без денег. Публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 г. в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному Смоленскому Губернскому Дворянскому Собранию 1 июня 1907 г. М, 1907. С. 3.

лидеров монархического движения. От лидеров правых партий Шарапов дистанцировался резко: «Мои товарищи по изданиям рассыпались: кто налево в вольные конституционалисты, кто направо в Союз Русского Народа и в националисты. При славянофильстве не осталось почти никого, а так как я ни о каких компромиссах не хотел и думать, то у алтаря остался один я, едва ли не в качестве заштатного жреца при упраздненном храме <„> Ушедшие вправо задыхаются от зловония, распространяемого союзниками и националистами, и осуждены выбирать между грызущимися между собою "светилами" вроде о. Восторгова, Пуришкевича, Дубровина, Маркова 2-го и прочей милой компании»[7]. Он признавался: «Была у меня идея создать Русскую Народную Партию, но когда я увидел <„>, как почтенные люди <...> садятся на палочку верхом и пускаются во весь карьер, чтобы обскакать противников на выборах, мне стыдно стало моего увлечения»[8]. В ноябре 1905 г. руководителем СРЛ был избран князь Щербатов, вместе с которым Шарапов неоднократно выступал за отмену золотой валюты и проведение правительством протекционистской политики в интересах отечественной промышленности.

Свои надежды Шарапов связывал с сильным самодержавным государством, которое, опираясь на систему самоуправления, смогло бы добиться приведения капиталистического «потока» в некоторые рамки. Не в последнюю очередь этому должен был помочь проект устроения «национального, исторического русского земско-самодержавного строя». Главная работа, посвященная этому проекту, — «Самодержавие и самоуправление» — впервые увидела свет в 1899 г в Берлине. В предисловии к изданию Шарапов писал: «Горько и больно, что подобные вещи приходится печатать за границей, словно какое-нибудь нигилистическое издание, но что же делать? Мы зашли так далеко в нашей нетерпимости ко всякой свежей, не шаблонной мысли, мы так упорно навязываем одну казенную форму патриотизма, не допуская ничего, что подрывало бы святость и непогрешимость бюрократического начала, что ничего другого не остается». (С. 27.) Автор не был уверен, что российская цензура пропустит его книгу, и оказался прав. Ее переиздание в 1903 г. в Москве привело

[7] *Шарапов С.Ф.* Открытое письмо к Н.А. Хомякову // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. №36. Июнь 1910. С. 6-7.

[8] Русское дело. 1906. № 3.

к конфискации и уничтожению значительной части тиража. В 1905 г. работа вновь увидела свет при газете «Русское дело». В 1907 г. в Москве вышла книга Шарапова «Россия будущего» с подзаголовком «Третье издание "Опыта Русской политической программы"», в которую вошло исследование «Самодержавие и самоуправление», а также переписка с редактором газеты «Гражданин» князем В. П. Мещерским. Различные издания этой работы были известны в монархических кругах. На берлинскую публикацию неоднократно ссылался один из крупнейших юристов самодержавной России П. Е. Казанский в работе «Власть Всероссийского Императора». О московской публикации 1905 г. с одобрением отзывался Л. А. Тихомиров, стремившийся найти в ней подтверждение своим мыслям о всевластии и порочности отечественной бюрократической системы.

Как убежденный монархист, Шарапов с самого начала своей работы постоянно подчеркивал приоритет власти самодержца. Вместе с тем изложенная им программа сочетания централизма и децентрализма призвана была освободить главу государства от решения массы вопросов, которые вполне успешно могли решаться на местах. Подсчитав часы, затрачиваемые монархом на рассмотрение дел государственной важности, Шарапов приходит к выводу, что самодержец в силу объективных причин не может все решать сам и поэтому за него действует бюрократия. Именно она и создает тромб в кровеносной системе государства, препятствуя взаимодействию власти и народа. «Самодержавие государя на глазах у всех обращается в самодержавие министра, последнее обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника». (С. 36.) Шарапов полагал, что человеческую природу можно улучшить путем проведения реформ, но не в либеральном, а исключительно в славянофильском духе: «Не люди <„> виноваты и плохи <„>, а вот этот дух бюрократизма, на котором были построены все отношения»[9]. Как видим, в своей критике бюрократии Шарапов продолжил традицию славянофилов. Он и сам постоянно подчеркивал, что «русская самостоятельная мысль по вопросу о государственном устройстве нашла себе выражение <„> именно у славянофилов <...> славянофильская мысль, единственный продукт нашего собственного национального творчества,

[9] *Шарапов С.Ф.* Сочинения. М., 1902. Вып. 16. С. 82.

опирающаяся только на психологию русского народа и на изучение духа родной истории...»[10]

В качестве альтернативы сложившейся бюрократической системе Шарапов предлагает схему управления, отделяющую «дело государево» от «дела земского». Согласно этой схеме, следует создать ряд крупных территориальных земских единиц, самоуправляющихся в пределах и на основании данного монархом закона. В каждой из этих единиц власть разделяется между представителем монарха, в задачу которого входит «охранение закона» от нарушений, и представителями самоуправления, которые пользуются самостоятельностью в вопросах ведения «всех дел области в пределах данного закона». Таким образом, возникает «ряд живых общественных самоуправляющихся земских организмов». Государство олицетворяет самодержец, а земщину — крупные самоуправляющиеся области. Существующая земская система, с точки зрения Шарапова, должна быть ликвидирована, поскольку число земских губерний излишне велико, к тому же земства введены не во всех регионах России. Должно быть образовано двенадцать «коренных русских областей» и шесть — «инородческих». Таким образом, всего получается 18 областей, созданных на основе географического, административного и этнического деления. Хотя данный проект, по сути, являлся федеративным, федерация предполагалась территориальная, а не национальная. В письме В. Д. Белову от 18 декабря 1902 г. Шарапов признавался: «Мне представляется идеальная Россия примерно в виде современной Северной Америки, с таким же полным и широким местным самоуправлением, но с неограниченным монархом вместо выбираемого каждый четыре года президента. Если около этого монарха современные американские Конгресс и Сенат будут совещательными, то, я думаю, что это будет нечто очень близкое к нашему историческому самодержавию»[11].

В своей концепции Шарапов выделил три ступени областного самоуправления. Низшей административно-земской единицей дол-

[10] *Шарапов С.Ф.* От издателя // Теория государства у славянофилов. Сборник статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, А. В. Васильева, А. Д. Градовского, Ю. Ф. Самарина и С. Ф. Шарапова. Особое приложение к «Русскому Труду» 1898 г. СПб., 1898. С. 3.

[11] Цит. по: *Лукоянов И. В.* Российские консерваторы (конец XVIII — начало XX веков). СПб, 2003. С. 61-62.

жен был быть всесословный приход, рассматриваемый как совокупность церковной и гражданской организации общества. В его ведение передавались все вопросы местной жизни, включая образование, торговлю, полицию, местное самоуправление и т. д. Позиция Шарапова вызвала критику со стороны Тихомирова, считавшего, что попытки «создать из церковного прихода какую-то первичную единицу социальной и политической организации» были бы полным извращением прихода как церковной институции, поскольку «приход должен быть первоячейкой коллективной религиозной жизни, а не жизни административной или экономической»[12]. 2-й ступенью был уезд, а 3-й, высшей — область. Губернское деление упразднялось, создавалась система областного самоуправления, имевшая законодательную, финансовую и экономическую самостоятельность в пределах общеимперского законодательства. Во главе каждой области должен стоять генерал-губернатор, назначаемый монархом. Административное управление областью осуществляла областная дума, члены которой назначались генерал-губернатором и распределяли между собой отрасли управления, неся ответственность перед генерал-губернатором и земским собранием. Городское самоуправление также подчинялось областной думе. Председатель областной думы — областной предводитель дворянства, утверждаемый императором и имевший право личного доклада монарху наравне с генерал-губернатором и в его присутствии. 50 % мест в областной думе сохранялось за дворянством.

Вместе с тем ведущая роль дворянства ограничилась областным уровнем. Шарапов полагал, что «при областном делении кончается центральная государственная роль дворянства. В государственный механизм во всех его отраслях призываются люди по личному выбору государя, и здесь нет места сословности, а есть лишь место способностям и талантам. Назначенный государем министр или член Государственного, или Народохозяйственного совета или Сената может быть лишь человеком, выдвинувшимся из среды земства по своим выдающимся способностям, и уже самый факт его выбора и назначения должен давать ему права потомственного дворянина, если он не был таковым, помимо всяких чинов, или выслуги <...>

[12] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 467.

Таким путем возможно создание многочисленного и действительно "лучшего" общественного класса и в местностях, доселе этого элемента лишенных». (С. 60-61.)

Согласно схеме Шарапова, в состав центрального аппарата должны входить: законосовещательный (по общему законодательству) Государственный Совет, назначаемый Императором и пополняемый выборными от областей по определенному служебному цензу (один представитель от «инородческих» и два от «коренных русских» областей плюс два представителя от Московско-Нижегородской и два от Среднечерноземной областей); Народохозяйственный совет (по экономическому законодательству); Правительствующий Сенат — высшее административное учреждение из назначенных монархом и выборных от областей лиц; Контрольный сенат — высший орган контроля и руководства финансово-экономической политикой; специальные советы из выборных представителей при центральных ведомствах, сохраняющих за собой исключительно технические функции. Представители земства включались в состав Государственного и Народохозяйственного советов, а также участвовали в специальных советах отдельных отраслей управления: финансовом, банковском, железнодорожном, земледельческом, научно-литературном. Для эффективности подобной системы областного самоуправления, по мнению Шарапова, было необходимо проведение честных выборов, наличие ответственности перед законом, широкой самостоятельности для отстаивания закона на всех уровнях власти, до Сената включительно, и соблюдение строжайшего финансового контроля.

Предполагалось наличие свободы мысли, слова и печати, хотя цензура и сохранялась как государственная и областная «прокуратория» по делам печати для охраны «нравственной и художественной стороны в печатном слове». К слову, Шарапов никогда не отрицал необходимость цензуры вообще, отмечая, что в России «образовалось целое сословие "писателей" совершенно безграмотных, невежественных, ни к какой литературе собственно неприкосновенных, и тем не менее ежедневно взбирающихся на газетную кафедру и беседующих с огромными аудиториями <„> Проституция печатного слова не только требует себе права на существование, не только говорит о терпимости к себе, но уже идет дальше. Сплоченная, она желает *власти*, желает быть хозяйкою в области печати,

управлять и *судить*. Газетный стрекулист и прохвост почувствовал свою силу и громко кричит: иду на вас!»[13]

Во главе разработанной Шараповым системы управления находился самодержец, имеющий единоличное управление в международных, военных, церковных, законодательных и судебных делах, а также в делах народнохозяйственных, литературы, искусства и просвещения. Выводя из зоны критики фигуру самодержца, Шарапов обосновывал реформу самоуправления необходимостью борьбы с бюрократическим режимом, дошедшим «до последних степеней безобразия и нравственного уродства и, очевидно, ведущий нашу Родину к гибели...» (С. 69.) В переписке с князем Мещерским Шарапов подчеркивал развращающее воздействие бюрократической системы, принуждающей человека, «с высшим образованием, полного всяких либеральных принципов», «мириться со сделками с совестью», отравляющей его ложью, превращающей в «поэта бюрократического "творчества"». (С. 91.)

Мыслитель подробно разрабатывал аграрную проблематику, выпустив по данному вопросу целый ряд работ. Выступая за некапиталистический путь модернизации сельского хозяйства, Шарапов последовательно отстаивал существование общины, являвшейся, по его мнению, последним прибежищем «русских исторических идеалов». Он характеризовал общину как великий нравственный регулятор отношений в крестьянской среде; само существование общины имело, по мнению Шарапова, духовное и воспитательное значение для ее членов; не случайно он употребляет в одном ряду слова «община» и «соборность». В речи по случаю открытия Аксаковского политического и литературного общества 30 ноября 1907 г. Шарапов произнес, по сути, панегирик общине: «Русская община, и только она, выдержала и помогла выдержать государству и бесконечные нашествия всяких врагов на наши беззащитные равнины, и крепостное право, и господство Петербургской бюрократии. Община претворила и всосала в русский государственный организм бесчисленные инородческие племена, занимавшие когда-то поверхность нынешней России. Община являлась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий, в то время

[13] *Шарапов С. Ф.* Дезинфекция московской «прессы» // Сочинения Сергея Шарапова. Т. VIII. М., 1902. С. 202-203.

как верхний наш класс изменил своему народу и своей истории. Русский народный мир был тою скалой, о которую до сих пор разбивались все волны». (С. 348.) Шарапов считал, что община представляла собой устойчивую хозяйственную организацию, которая, с одной стороны, препятствует разорению крестьянства, а с другой — способствует быстрому распространению полезных нововведений. Конечно, сначала община крайне настороженно относится к любым новациям, но зато всякое частное улучшение, произведенное в общине, подхватывается затем всей остальной массой. В то время как «община обладает тысячью орудиями самосохранения», отдельный хозяин, особенно хуторянин, «страшно неустойчив». В то же время Шарапов обращает внимание на признаки определенной деградации общины, которые связаны не с вырождением общины, а с отсутствием четкой, продуманной государственной системы покровительства общинному землевладению.

Из вышесказанного проистекало отрицательное отношение к столыпинской аграрной реформе. По мнению Шарапова, Столыпину было свойственно «самое поверхностное и чисто бюрократическое знание России при глубоком убеждении, что он знает ее в совершенстве. Бьющий в глаза оппортунизм при склонности к малодушным компромиссам. Невероятный апломб самоуверенности и непогрешимости, показной конституционализм и либерализм при величайшем, каждую минуту прорывающемся самовластии и деспотизме и при этом достаточный запас легкомыслия и рисовки красивыми фразами и жестами»[14]. Шарапов неоднократно выступал на страницах своих изданий против разрушения общины. «Община не отучает, а приучает к собственности. Но у нее собственность иного вида, чем у нас. Там она семейная и основана не на мертвой букве закона, а на верной расценке труда каждого из членов семьи. Эта расценка изумительно точна» (С. 460), — писал Шарапов, предлагая направить средства для технического подъема земледелия, организации агрономической помощи и устройства переселений. Он также приветствовал переселенческую политику, считая, что она не только устранит земельную тесноту в отдельных регионах, но и поможет закрепить за Россией окраины, эмоционально заявляя о том, что остановка переселенческого

[14] Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. 1907. № 3/4. С. 71.

движения — это «величайшее преступление», которое может стоить России Сибири.

Шарапов высказывался против уничтожения крупных частных владений, считая, что разрушение дворянского землевладения повлечет за собой дальнейшее падение уважения крестьян к собственности, точно так же, как разрушение общины подорвет в народе начала коллективизма. Он утверждал, что финансовая поддержка нужна не тем немногим крестьянам, которые, ушли на хутор или в отруб, а самой общине. Тогда, при сохранении общинной формы землевладения, постепенно, с ростом культуры, переход к подворному владению произойдет сам собой. В «Открытом письме к П. А. Столыпину», опубликованном в 1906 г., Шарапов обвинил премьер-министра в том, что он заимствовал аграрную программу «у кадет», и в результате «удельная земля отдана, отдана совершенно напрасно, казенные готовятся к передаче, а за ними, быть может, монастырские и церковные. Частные землевладельцы панически бегут, сдавая земли по чем попало Крестьянскому банку <...> Ведь такая постановка аграрного вопроса ставит на карту всю экономическую, да и политическую будущность России <...>. А главное, чего Вам русские люди не простят, — это полное неуважение правительства к местным силам, принципиальное отрицание всякого их содействия и совета»[15]. Однако, при всей критике политики Столыпина, последний представлялся Шарапову большим государственником, чем Витте.

Проекты модернизации аграрной сферы соседствовали в работах Шарапова с критикой промышленной индустриализации России: «Главный и до сих пор непоправимый ущерб причинен земледелию внезапным, колоссальным развитием промышленности, потребовавшим громадного количества рабочих рук, сплошь отнятых у земледелия. Сельскохозяйственный промысел не может конкурировать ни с каким фабрично-заводским, находясь в более тяжелых и неустранимых условиях»[16].

В издаваемой Шараповым газете «Русское дело» появлялись статьи с жалобами на то, что развитие российской промышленности

[15] Цит. по: *Бородин А. П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993- № 9- С. 36.

[16] *Пасхалов К. Н., Шарапов С. Ф.* Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1906 года). М., 1909. С. 34.

приводит к росту рабочего сословия, которое не только чуждо сельскому патриархальному миру, но даже презирает его. Государство должно в первую очередь развивать не промышленность, а сельское хозяйство, писали авторы в «Русском деле». Усиленное насаждение промышленности отнимает рабочие руки у земледелия. В связи с этим Шарапов критиковал Витте за то, что тот способствовал созданию крупной текстильной промышленности, в результате чего уничтожалось российское домашнее ремесленное прядение и ткачество, русский народ вынужден был бросать льняные и шерстяные домодельные ткани и начать одеваться в хлопок

При всех критических выпадах Шарапов понимал, что «капитализм идет своим ходом», и он должен «логически завершить свой круг». (С. 127.) Все надежды связывались только с сильным самодержавным государством. Обращаясь к рабочему вопросу, Шарапов, подобно многим другим консерваторам, отрицал существование глобальных противоречий между трудом и капиталом, утверждая, что рабочие и предприниматели — это «члены единого организма». Занимая такую позицию, он призывал рабочих радоваться, если предприниматель наживает «огромные барыши» и богатеет. «Барыши возбуждают зависть в других, открываются новые дела, являются новые капиталы. Этим капиталам нужны рабочие руки, их не хватает, и вот капиталисты наперебой поднимают заработную плату». (С. 462.) Интересы рабочего должен был защищать закон и правительство: закон регулирует продолжительность рабочего дня, обеспечивает охрану труда, решает вопросы социального страхования, пенсий и т. п. В роли арбитра при решении споров выступает государство.

Шарапов надеялся, что государство сумеет удержать управленческие функции за дворянским сословием. Реформа 1861 г. привела к тому, что помещики, оставшиеся без рабочей силы, были вынуждены или превращаться в земельных ростовщиков или же пытаться любой ценой заполучить себе в качестве наемного работника крестьянина, отрывая того от его собственного хозяйства. Чем хуже было положение крестьянина, тем больше было у помещика шансов заставить его работать на себя. Выход из этого замкнутого круга Шарапов видел в создании взаимовыгодного союза помещика и свободного крестьянина: «Я бы определил дворянство в будущей его роли так: сословие абсолютно бескорыстное, совершенно лишенное 'ШЖсовёйЬ боЛее или менее для себя

С-Петербург, наб. р. Фонтанки, 44/45 948083

и имеют свои интересы. Интерес дворянства — интерес общий: государства, земства, народности. Все говорят за себя — дворянство говорит за всех. Вы скажете, что это крайний идеализм, — тем лучше. Но в России только эти вещи и ценятся, только с такого рода первым сословием и может помириться народная совесть. Отсюда и все требования, предъявляемые к дворянству. И первое из них: во что бы то ни стало удерживать свою землю, ибо без этого культурная роль дворянства неосуществима. Но удерживать землю не для того, чтобы извлекать из нее доход *всяким* путем, а для того, чтобы нести на своих плечах руководительство земледельческой культурой, идти впереди масс, быть их старшими братьями, учителями». (С. 499.)

Шарапов выступал за восстановление Патриаршества, считал, что необходимо изменить отношение к старообрядчеству, в котором он видел воплощение традиции и крепкого быта. В романе-утопии Шарапова «Через полвека» рассказывается о будущем, когда «старообрядцы давным-давно стали чадами нашей Восточной Церкви, и, по правде говоря, им она больше всего обязана своим нынешним цветущим состоянием <...> в деле веры крутыми мерами внешнего принуждения никогда добрых результатов не достигалось, да и сами эти меры, как насилие, совершенно несовместимы с духом Христова учения». (С. 668.) С последними словами согласуется мнение Шарапова о том, что истинное православие — это «Свобода о Христе <...> Полная и абсолютная веротерпимость <...> полное отрицание вероисповедального насилья, кроме некоторых ограничений иноверческой пропаганды»[17]. Однако взгляды Шарапова на положение старообрядцев и церковную реформу были непоследовательны. Относительно же мусульман он полагал, что «их будущее — воспринять русскую культуру,-и государство должно этому всеми мерами помочь <„> В областях с татарами хозяевами должны быть русские и те из мусульман, которые стали чисто русскими по культуре. У нас даже генералы есть магометане. Но разве же это татары? Я думаю, что они свою татарщину совершенно позабыли». (С. 530.)

Критически относясь к социалистическим идеям, Шарапов тем не менее допускал открытую полемику с их носителями, более того, он полагал, что социализм являлся своеобразной «религией», занимающейся поисками счастья на земле. Но в противоположность

[17] Русское дело. 1906. № 16.

христианству («религии добра»), социализм, пытаясь добиться счастья путем борьбы, есть «религия ненависти». Шарапов рассуждал о «полном параллелизме социализма и христианства», однако ни о каком синтезе социализма и христианства здесь речи нет. Шарапов, наоборот, опасается: «А что, если социализму свойственно не одно голое отрицание? Пример Запада ведь нам не указ». (С. 384.)

Геополитические прогнозы Шарапова нашли отражение в ряде публикаций и в романе-утопии «Через полвека», в котором описана Российская империя 1950-х гг. Герой утопии, уснувший в 1901 г, пробуждается через полвека и видит осуществление славянофильских проектов. Константинополь является четвертой столицей новой Империи. Он представляет собой вольный имперский город с небольшой территорией вокруг. Укрепления Босфора и Дарданелл, утратив военное значение, находятся в руках России. Правительство расположено в Киеве, вторая столица — Москва, третья — Петербург. Западная граница проходит у Данцига (Гданьска), включает всю Восточную Пруссию, Австрию, Чехию с Моравией, мимо Зальцбурга и Баварии она спускается к Адриатическому морю, причем Триест является российским городом. В эту Империю входят Бухара, Персия, Афганистан, Царство Польское с Варшавой, Червонная Русь со Львовом, Вена, Венгрия с Будапештом, Сербо-Хорватия, Румыния с Бухарестом, Болгария с Софией и Адрианополем, Греция с Афинами. Империя раскинулась на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Адриатики.

Усиление международных позиций России не могло не привести к конфликтам с соседними державами, прежде всего с Германией. Шарапов полагал, что поводом для их столкновения вполне могли стать так называемые китайские беспорядки. Россия, по прогнозам Шарапова, воздержится от участия в «усмирении Китая» и вступит с ним в соглашение, после чего китайцы победят англичан и немцев. Характерно, что не доживший до начала Первой мировой войны Шарапов рисует в своей утопии немцев почти теми же черными красками, которыми их изображала патриотическая пропаганда в России после начала Первой мировой войны. Именно из-за немцев, чинивших зверства в Китае, и начнется, по его прогнозам, война с Россией. Интересен прогноз о первом этапе войны, когда России придется иметь против себя сразу и Австрию, и Германию. Немцы, опередившие Россию в мобилизации, вторгнутся в Царство

Сергей Федорович скончался 26 июня 1911 г. в Петербурге. По свидетельству современников, гроб с его телом был перевезен из Петербурга в Сосновку «на собранные среди[1] друзей деньги», поскольку мыслитель так и не скопил состояния, «и после смерти его <...> ничего не осталось»[26]. «Умер Шарапов в бедности, оставив семью почти без куска хлеба», — вспоминал Ю. С. Карцов[27].

В польской печати кончина публициста была единодушно отмечена как крупная потеря для славянства вообще, а для поляков в особенности. Польские газеты не поскупилась на похвалы Шарапову, отдавая дань его благородной деятельности во имя русско-польского примирения, убежденнейшим сторонником которого он был и в пользу которого он «не только писал, но и агитировал повсюду на собраниях и съездах»[28]. Правые же издания обрушивались на Шарапова с критикой за «полонофильство», обвиняя при этом его «чуть ли не в подкупе и измене». А после выхода в 1910 г. брошюры Шарапова «Что делать с Финляндией», в которой он выступил за автономию Финляндии, в правых газетах прямо утверждалось, «что Шарапов куплен финляндцами»; статья в «Русском знамени» была озаглавлена «Сколько дадено?»[29]

В последний путь Сергея Федоровича провожали его крестьяне. 30 июня в селе Заборье состоялись похороны. Над открытой могилой звучали прочувствованные, скорбные речи. Бывший священник Заборьевского уезда о. Петр Руженцов говорил, обращаясь к крестьянам, о бессеребреннической деятельности покойного. Лучшим памятником публицисту стали его произведения, которые постепенно возвращаются к читателю.

А. В. Репников,
***доктор** исторических наук*

[26] *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 751.

[27] *Карцов Ю. С.* Хроника распада // Архив-музей БФРЗ. Ф. 1. М-76 (1). Л. 85.

[28] *Эфрон С. К* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 501.

[29] См. там же // Исторический вестник. 1916. №3- С. 750-751.

С. Ф. ШАРАПОВ

ИЗБРАННОЕ

РОССИЯ БУДУЩЕГО

(третье издание
«Опыта Русской политической программы»)

От автора

Настоящая брошюра состоит из двух частей: во-первых, из исследования «Самодержавие и самоуправление», первоначально напечатанного в Берлине в 1900 году, затем год назад неудачно повторенного в России. Оно было задержано цензурою и истреблено постановлением Комитета министров. Затем уже при новых условиях исследование могло появиться в свет, как часть нашей книги «Опыт политической программы», изданной при «Русском Деле» в 1905 году.

Вторая половина брошюры обнимает мою полемику с кн. В. П. Мещерским[1] на страницах «Гражданина»[2], завязавшуюся именно по поводу заграничного издания «Самодержавия и самоуправления». Любопытно сличить защиту князем принципа нашей бюрократии тогда с теми арбузными корками, коими он увешивает ее теперь.

Параллельно тексту моих писем привожу полностью возражения князя Мещерского. Очень жаль, что пропало мое последнее заключительное письмо, которого князь не напечатал, предпочтя вернуться на свою старую дорогу сыска и доноса, благодаря чему и погиб мой «Русский Труд».

В этом письме, подводя итог всем высказанным мною положениям, я рисовал картину будущей земской России с Самодержавным Царем во главе в следующей аналогии.

Представим себе, что Соединенные Штаты Северной Америки, измученные преобладанием Нью-Йоркской биржи и евреев и с отвращением взирая на то, как через каждые четыре года великая их Республика ставится поистине кверху ногами во время президентских выборов, решили видоизменить свой государственный аппарат и, сохраняя полную автономию отдельных штатов, вместо выборного президента поставить во главе союза *самодержавного наследственного Монарха* с совещательными около него учреждениями выборных от штатов.

Вот то сочетание Самодержавия и самоуправления, которое мне рисовалось. Мог ли бы быть этот Монарх вполне самодержавным? Без сомнения, ибо конституции отдельных штатов его власти в *государственном деле всего Союза* пределов не полагают, вмешиваться же в местное самоуправление ему нет надобности. С другой стороны: осталась ли бы Северная Америка свободной страной? Думаю, что больше, чем теперь, ибо только Самодержец, опираясь на лучших людей страны, справился бы с биржевыми и синдикатскими хищниками. Только эта власть не поклонилась бы Золотому Тельцу[3].

И я глубоко убежден — дайте срок, — что Североамериканские Штаты перейдут именно к такой форме государственной власти. Чем более растет у них власть масона и еврея, искривляется и насилуется воля и воззрения коренного населения, особенно земледельческого, тем более укрепляется мысль о необходимости иной, более твердой и свободной власти, чем президентская.

Эту именно Верховную Власть мы имели. Благодаря ей Россия объединилась, стала великой и могущественной державой. Манифест 17 октября[4] ввел некоторое подобие западной конституции и дал Государственную Думу, странное учреждение, которое сразу же пришлось разогнать. Парламент нам, русским, совсем не ко двору. Нам надо *свое*, широкое и свободное государственное устройство и непременно со свободным и полновластным Царем во главе. Здесь дана попытка создать Русскому Самодержавию такие условия, при которых эта наша историческая Власть была бы действительно свободной и твердой.

Декабрь 1906 г.
Москва

I. САМОДЕРЖАВИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Предисловие к первому (заграничному) изданию

Настоящее исследование было задумано еще давно, как результат длинных разговоров с покойным И. С. Аксаковым[5] во время систематических прогулок, предписанных ему врачами, где я его сопровождал по просьбе Анны Федоровны[6]. Восстановляя и соединяя в одно логическое целое все высказанное между нами тогда, я могу

засвидетельствовать, что изложенная здесь схема принадлежит мне почти столько же, как и покойному учителю. Не очень охотно углублялся он в некоторые ее детали, но в конце концов должен был признать, что иной формы для проявления истинного Самодержавия в России быть не может.

Таким образом, вот, в главных чертах, наша славянофильская программа государственного устройства. Горько и больно, что подобные вещи приходится печатать за границей, словно какое-нибудь нигилистическое издание, но что же делать? Мы зашли так далеко в нашей нетерпимости ко всякой свежей, не шаблонной мысли, мы так упорно навязываем одну казенную форму патриотизма, не допуская ничего, что подрывало бы святость и непогрешимость бюрократического начала, что ничего другого не остается.

Наша бюрократия сделала все зависящее, чтобы скомпрометировать и затемнить наш чудный и светлый исторический принцип — Самодержавие. Еще немного, и она своего добьется, она этот принцип разрушит вовсе, сделает невозможным, неудержимым. Тогда явится «конституция», как акт отчаяния начнется парламентаризм, и мы сразу попадем в какую-нибудь неслыханную стамбуловщину[7]. Мирная *земская* Россия, которая могла бы процветать и развиваться, имея наверху *истинное* Самодержавие, станет ареною политической борьбы, ненависти, лжи и кровавых насилий. Никто не будет в состоянии разобраться, где и в чем беда, как не могут в этом разобраться сейчас во Франции.

Нужно ли это? Неужели *этим* должен закончиться Петербургский период Русской истории?

Май 1899 г.
С.-Петербург

I

В науке русского государственного права есть большой пробел в самом основном пункте: учение о самодержавной власти Русских государей совершенно не разработано. Оно останавливается некоторыми слабыми комментариями над всем известною статьей нашего Свода Законов и затем, ничего не уяснив, пере-

ходит от центра и источника государственной власти на периферию, к органам и функциям этой власти. С другой стороны, наша государственная практика, теоретически признавая принцип Самодержавия, практически отходит от него очень далеко, создавая условия, чуть не прямо противоположные теоретическим требованиям.

Наша общественная мысль в вопросе о Самодержавии резко разделилась на три течения: первое, *конституционно-либеральное*, к которому примыкает большинство нашей интеллигенции, отрицает самый принцип Самодержавия. Второе, так называемое *русское*, или *консервативное*, стоя на почве нынешнего государственного строя, не знает и не хочет знать иной формы самодержавного образа правления, кроме чисто *бюрократической*. Наконец, третье, *славянофильское*, самое последовательное, но количественно слабее всех представленное в литературе, исповедует принцип Самодержавия антибюрократический, *земский*, ища своих идеалов в прошлом, в допетровском периоде русской истории.

О первом течении говорить едва ли стоит, хотя это течение по численности своих сил и их составу самое у нас главное. Оно сильно своим отрицанием только потому, что имеет дело исключительно с защитниками Самодержавия из второй группы. Славянофильские воззрения, выражавшиеся до сих пор в виде общих положений теоретического характера, наши либералы признают красивою и благородною, но несомненно утопией, и пока славянофильство не выступило с совершенно реальною, облеченною в плоть и кровь программою самодержавно-земского строя, такое отношение до известной степени понятно и извинительно.

Второе, консервативное, или русское течение вызывает в нашем обществе то же самое отрицательное к себе отношение, как и защищаемый им нынешний фундамент Самодержавия — бюрократия. Здесь дело доходит до самого первоисточника. Царская самодержавная власть *подлежит ли дроблению и делению* или нет? В этом вся сущность спора. Покойный К. Н. Леонтьев[8] отвечал категорически: «Урядник есть тоже немножко помазанник Божий» — и этим ставил вопрос на совершенно определенную почву. Устранялись всякие компромиссы и недоразумения, и ответ на вопрос формулировался так: да, царская самодержавная власть делима и дробима. Государь облекает ею министров, министры

директоров департаментов и т. д., до последнего низшего агента власти включительно. Устанавливается огромный и сложный механический правящий аппарат, где одни органы управляют, другие судят, третьи ведут хозяйство, четвертые просвещают, пятые проверяют и т. д. Если этот механизм вполне усовершенствовать и наладить, а для его персонала иметь в обществе постоянный контингент хорошо воспитанных, честных и патриотичных кандидатов в чиновники, то задача устроения Русского государства по этой теории будет осуществлена. Благоденствующий народ внизу, мыслящее и прогрессирующее общество над ним, а поверх всего гигантская пирамида всесильной и всемогущей бюрократии, увенчиваемая Самодержавным Государем, от которого исходит и закон, и исполнение, и суд, и контроль.

Если в теории эта схема не лишена стройности и законченности, то ее приложение в жизни у нас дало одно любопытное наблюдение, совершенно уничтожающее всякую веру в этот тип государственного строя. Сам его завершитель в России, Император Николай I[9], доведший способ механического управления до небывалого блеска и стройности, был вынужден охарактеризовать этот режим бессмертными словами: «Россией управляют столоначальники». С тех пор общество русское совершило огромный культурный прогресс: просвещение перестало быть монополией дворянства и широко развилось; нравы улучшились, люди несомненно поднялись в своем умственном уровне и облагородились. Чиновники стали, как люди, неизмеримо лучше.

Казалось бы, должен был улучшиться и механизм управления. Между тем мы видим совсем обратное. С тогдашними, сравнительно плохими, силами управление было гораздо цельнее, механизм его прочнее, законодательство целесообразнее и разумнее, была вера к себя. Теперь стройность исчезла, ведомства парализуют одно другое или вступают в соблазнительные соглашения, вера в себя сменилась всеобщим самоосуждением; на устах у каждого одно-единственное желание: чтобы этот режим как-нибудь закончился, ибо он принял слишком уродливые формы и является неизлечимым и неисправимым. Всем, даже самым пламенным поклонникам системы бюрократического управления, стало ясно, что так управлять Россией далее нельзя, так законодательствовать нельзя, так вести хозяйство нельзя...

Режим осужден окончательно и бесповоротно, но выхода не видит никто.

В нашей печати давно уже не поднималось этого щекотливого и неудобного вопроса. Но поднять его необходимо. Это центр всей нашей общественной жизни, все ее нити сюда сходятся. До разрешения этого вопроса нет решения никаких других, ибо всякий частный вопрос нашего быта органически связан с нашим бюрократическим строем и вне его никакому решению не поддается.

П

Выходов здесь, очевидно, два: или Самодержавие может быть дробимо и делимо — тогда получается нынешний бюрократический строй, всем ненавистный и всеми осуждаемый, или оно *недробимо* и *неделимо* — тогда должен быть отыскан некоторый иной, *небюрократический*, строй управления. В противном случае Самодержавие вовсе невозможно и тогда России остается западный путь конституции и парламентаризма.

На последний путь и толкает Россию наш так называемый либеральный лагерь. Поэтому убежденным представителям славянофильской школы необходимо попытаться обрисовать в кратких чертах этот второй путь недробимого и неделимого царского Самодержавия. В своих основных началах он уже намечен отцами славянофильской школы. Теория его дана. Задача настоящего исследования — сверить эту теорию с практикой, рассмотреть, как славянофильские «начала» могут быть выражены реально, в какие формы должно вылиться управление и как сложится земский государственный строй России с Самодержавием, и притом *действительно Самодержавным* царем во главе.

Как определяет славянофильство Самодержавного Государя?

Это есть живая Личность, принадлежащая, согласно установленным формам наследования, к определенному роду, поставленному Божьим и народным изволением во главе Русского государства. Представляя живое воплощение коллективного исторического организма, русский Государь сосредоточивает в себе всю полноту его прав. В лице Государя *всегда вся Россия.* Она, раз приняв Христову веру по восточному учению, не может ему изменить, и он тоже. Она

полновластна давать себе и отменять законы, он это делает за нее. Она, как член остального человечества, объявляет и ведет войны, заключает мир, вступает в договоры — все эти функции принадлежат Царю и никому, кроме него, как и распоряжение всеми ее силами и ее коллективным хозяйством. '

Из определения «Русский Царь есть живое олицетворение России» вытекают все прерогативы и все ограничения Царской власти, все величие и все тяготы Царского сана. Как и Россия, Государь, не ограниченный внешнею властью, никому отчетом не обязанный и ничьему суду не подсудный, ограничен внутри себя: положительным учением Церкви, которого он ни отменить, ни изменить не вправе; своею совестью, которой Россия вручает свои судьбы и которой верит; историей, которая для потомства даст суд народам и царям; наконец, живою народною совестью, суд которой, хотя бы и молчаливый, веет вечно над Царем.

Давая законы, Государь, очевидно, сам стоит выше закона, как его источник. Но все остальные его подданные, без малейшего исключения, находятся под действием закона, распространяющегося на всю территорию России. Все права и прерогативы царские относятся единственно к лицу Царя. Никто, кроме него, и ни одну минуту не может *по праву* встать вне действия закона или выше его.

Мысль народа, установившего самодержавную форму царской власти, таким образом, вполне ясна. Все управление должно идти на точном основании закона. Где закон бессилен или несовершенен, поднимется в лице Царя вся живая Россия и дает сверхзаконное решение по внушению его свободной воли и чистой совести, просвещаемой Церковью.

В эти моменты совершается проявление царского Самодержавия, и чем свободнее царская воля, чем просвещеннее совесть и сознание, тем вернее его суд, тем благороднее закон, тем мудрее Распоряжение.

Русский народ твердо верует, что совесть его Царей всегда бодрствует, а сознание просвещено особым царственным воспитанием и Учением. Кроме того, он знает, что у Царя никаких личных, или своекорыстных, интересов нет. Вопрос может быть лишь в полной Или не полной *свободе Царского решения*, верном или неверном проявлении Царской воли.

Здесь вопрос переносится уже на чисто практическую почву и разрешается теми же приемами, как любая математическая задача.

Лицо, которому предложено постановить свободное решение в том или другом сомнительном деле, должно прежде всего с этим делом совершенно ознакомиться, уяснить себе и сличить доводы двух или многих сторон. Для этого требуется: 1) время в зависимости от сложности и трудности дела; 2) наличность весьма полно выраженных мнений сторон.

Попробуем подсчитать Царское время, приняв во внимание, что каждое Царское решение, неся с собой чрезвычайную ответственность перед Богом и историей, вызывает особую затрату нервной энергии, действует особенно разрушительно на здоровье нравственное и физическое. Это легко понять, если представить себе, что при чуткой и бодрой совести от человека ждут решающего слова, от которого зависит счастие и благоденствие миллионов!

В году, за исключением праздников, около 300 рабочих дней. Около 100 дней отсюда необходимо исключить на летний отдых для восстановления сил. Остается 200 дней. Царское дело едва ли можно делать без переутомления в течение более трех часов в день. Оказывается, что в распоряжении Государя в году имеется всего 600 часов, которые должны быть распределены гармонично между следующими обязанностями:

Дела Церкви.
Дела международные.
Военная и морская оборона.
Государственное хозяйство.
Народное хозяйство.
Дела внутреннего управления.
Дела суда и милосердия.
Дела областей и окраин.
Дела литературы, науки и искусства.
Дела просвещения.
Дела контроля, статистики и отчетности.
Законодательство.
Особые вопросы (голод, Сибирская ж.д. и пр.)
Чтение частных записок и работ.

Сюда не входят: обязательные торжества, выходы, приемы, посещения, осмотры, представительство и пр., требующие сравнительно очень много времени.

Достаточно только представить себе весь объем современного Царского дела, чтобы понять, как переутомляются наши Государи, с одной стороны, как непропорционально количество дел с количеством Царского рабочего времени — с другой.

При этих условиях является поистине преступным поднесение на высочайшее рассмотрение и утверждение многого множества пустых и ничтожных дел ради одной формальности. Какой может быть разговор о специальном Высочайшем повелении насчет отпуска 1000 р. на командировку чиновника или 500 р. на ремонт моста, если и важнейшие государственные дела физически не могут быть изучены Государем вследствие полного недостатка времени?

Коль скоро поставлен принцип недробимости и неделимости Самодержавия, малейший избыток дел, ему предлагаемых, против возможности их рассмотреть вызывает необходимо Высочайшее решение, Высочайшее согласие, даваемое на *веру* по тому или другому докладу. Государь как бы кредитует министра своею волею, министр облекается в своем решении прерогативами самодержавной власти. Испрошенное и полученное Высочайшее повеление является между тем для министра оправдательным документом бесспорного достоинства, за который с него лично снимается заранее всякая ответственность. Личная Самодержавная воля Государя проявляется там и таким образом, где зачастую Монарх того и не подозревает. Все дело в умении составить доклад и испросить Высочайшее повеление, отказать в котором для Государя иногда невозможно уже потому, что является дело, не терпящее отлагательства, нерешение которого могло бы весьма дурно отозваться на управлении.

Из несоответствия количества предлагаемых Государю решений с количеством его времени вытекает с полною неизбежностью *Расхищение* Царского Самодержавия, прикрытие священным его принципом полнейшего произвола подзаконных элементов бюрократии и полная безответственность последней.

Еще худшее влияние на свободу Царского решения имеет второй элемент из указанных выше — отсутствие мнений сторон. В вопросах законодательных перед Государем являются противоположные

мнения большинства и меньшинства в Государственном Совете (если его мнение выражено не единогласно), которые он может сличить, а затем и согласиться с тем или другим. Но в делах управления перед Монархом по большей части одно мнение данного ведомства, критически отнестись к коему в высшей степени трудно, ибо в умелых руках и при помощи исторических или статистических данных самое странное, чтобы не сказать хуже, предложение может быть облечено в форму, на первый взгляд весьма разумную и убедительную. Присутствие при докладе представителя другого ведомства в тех случаях, когда таковое допускается, весьма редко может помочь уяснению дела перед Государем, ибо основной принцип бюрократической работы есть правило взаимного невмешательства. Министр юстиции, например, знает очень хорошо, что он, хотя бы и в интересах дела, выскажется, положим, против министра путей сообщения и отвратит Царскую волю от решения, которое тому нужно, этот последний не простит этого вмешательства и в свою очередь постарается парализовать какое-нибудь представление по юстиции. Отсюда всевозможные соглашения и коалиции ведомств, совершающиеся вокруг Государя и в секрете от него. Благодаря этим соглашениям, слишком у нас обычным, образуется замкнутый бюрократический круг, где не только Самодержавная воля является вполне изолированною, но и высшее, подготовляющее законы учреждение часто не видит перед собою никакой борьбы сторон, а, наоборот, тесную сплоченность всех глав правящего механизма. Истинное направление дела, истинное его решение дано зачастую гораздо раньше, чем поступает не только на рассмотрение Государя, но даже в Государственный Совет или Комитет министров.

Все эти явления слишком хорошо известны, чтобы было нужно приводить примеры или вдаваться в их подробный анализ. Всеобщее сознание общества установило твердо, что дробление и деление Самодержавия, проистекающее от несоответствия времени у Государя с количеством дел, требующих его решения, и отсутствия состязания перед ним различных мнений, привело мало-помалу к почти полной узурпации бюрократических механизмов власти и идеи Самодержавия.

Выйти из этого порядка при сохранении бюрократического начала управления Россией, очевидно, немыслимо. Ради сохранения исконного нашего принципа — Царского Самодержавия необходимо попытаться для его приложения и осуществления создать иную обстановку, чем была придумана Сперанским[10], необходимо освободить Верховную волю от всякого внешнего руководительства и нравственного принуждения. Устанавливая у себя Самодержавный образ правления, народ русский слишком ясно выразил, что он передает всю полноту своих державных прав живому Лицу, а не мертвому механизму, ибо если дело идет о механизме, то нам незачем отрекаться от западного самодержавного парламента, изображающего механизм, во всяком случае, лучший, чем «самодержавная бюрократия».

III

Рассматривая приведенный выше список дел, на которые Монарх не может и не должен давать более чем 600 часов в год своего времени, можно разделить эти дела на две главные категории. Во-первых, дела собственно государственные, то есть такие, где безусловно нужна личная инициатива Государя, личное направление дела, личная и постоянная за него нравственная ответственность. Оставляя в стороне нераздельное с саном Царским представительство, к этой категории надо причислить: во-первых, военную и морскую оборону страны и постоянное, неослабное внимание к ее вооруженным силам, во-вторых; дела международные и, в-третьих, дела государственного хозяйства. Здесь Самодержавная власть действует самостоятельно, лично и непрерывно, облекая своих агентов и исполнителей необходимым доверием, сама их проверяя и с них требуя отчета. Народ здесь может выходить на помощь Верховной Власти только своим мнением в лице печати, в виде частных записок и указаний, наконец, в виде ответов со стороны своих органов в случае, если бы Верховная Власть пожелала спросить их мнение. Если правильно вести только эти дела, то имеющиеся в распоряжении народа 600 часов Государева времени будут уже почти исчерпаны. Чтобы отделить часть времени на остальное, необходимо и без того давать исполнителям в этой области больше доверия, чем это было бы, может быть, желательно; приходится ограничиваться лишь самым °бщим руководством, не углубляясь в детали дела; в силу физической^ невозможности министры иностранных дел, военный, морской и финансов, будут облечены слишком большим доверием Го-

сударя, получат огромную по объему власть, будут управлять огромным персоналом своих агентов. Принимая на себя непосредственное руководительство в этих областях государственного дела, Монарх будет в состоянии отделить часть своего времени на все остальное, руководить же лично *всеми* отраслями, очевидно, будет совершенно не в силах.

В этих остальных отраслях, считая опять же по времени, Государю едва-едва представляется возможность даже ознакомиться самостоятельно с ходом дел. Если удерживать здесь бюрократический порядок, то неминуемо почти вся самодержавная власть перейдет на соответственного министра, и отделиться от ведомства, стать выше его, выступить его судьею и дать свое самодержавное решение в споре между этим ведомством и интересами народа Государь решительно не может. Это значило бы стать судьей над самим собой, ибо все совершается от имени и волею Государя. Единственно, что остается Монарху, — сменить министра, взять новое лицо, которое откроет новую систему. Но для этого лица старый осужденный путь является на долгое время обязательным, как закрепленный рядом Высочайших повелений, законов, правил и т.д., отменять которые равносильно коренной ломке. Вот почему, раз двинувшись в известном направлении, данная система может дойти до страшного уродства, вся покрыться заплатами и исключениями из правил, но измениться может лишь с большим трудом.

И все грехи, все дурные последствия относятся к ни в чем не повинному Самодержавию, которое не могло не давать полного доверия призванному к делу лицу, не могло не уступать ему всех функций Самодержавной власти.

Самодержавие Государя на глазах у всех обращается в самодержавие министра, последнее обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника. Наступает полный произвол и полная безответственность, ибо управление идет от Камчатки до Калиша, и этого управления во всем объеме нет возможности удержать в одном центре, дробя и передавая из рук в руки.

Чтобы сохранить во всей чистоте принцип Царского *личного* Самодержавия, единственное условие — провести строго и смело полную недробимость и неделимость Самодержавной власти, безусловную невозможность свалить на нее ответственность за результаты управления, установить, наоборот, строжайшую ответственность

перед нею и перед законом за всякое упущение, произвол или нерадение. Как известно, эту задачу преследовали и устроители наших министерств. Какие разнообразные и хитроумные способы ответственности были придуманы, как подробно установлены формы контроля одной власти над другой! Господа творцы бюрократического режима забыли только об одном: что люди везде люди и действуют по определенным основаниям. Ответственность чиновников в России была и есть пока — праздное и хульное слово, и какие ни учреждать инстанции, какие ни придумывать формы, раз данному агенту удалось похитить долю самодержавной власти, он всегда сумеет прикрыться ею от всякой ответственности перед источником этой власти.

Выход отсюда один: Самодержец-Царь должен стоять *вне бюрократической машины.* Он должен хранить эту власть для себя. Что должно быть ответственно перед ним, то не может исходить от него, по крайней мере, в области внутреннего управления, то не должно сливаться с ним, не должно прикрепляться к складкам царской мантии, а стоять *в противоположении Царю,* как подсудимый перед судом его, вечно бодрствующим, всегда свободным и самодержавным.

IV

Если Самодержавный Государь не есть только вершина бюрократического механизма, но есть Лицо, стоящее сверх закона, верховный, действительный Судья, Законодатель и Правитель государства, он должен в тех функциях своих, которые не относятся непосредственно до государственного управления, иметь под собою не бюрократический механизм, из него исходящий и его как бы собой продолжающий, но ряд *живых* общественных *самоуправляющихся земских организмов,* количество коих должно в точности соответствовать реальной возможности личного и живого общения и управления, живой власти и живого суда.

Становясь на почву строгого выделения дела Государева от дела земского, невозможно себе представить иной схемы управления такою колоссальною страною, как Россия, кроме следующей.

Непосредственно под Государем ряд крупных территориальных земских единиц, самоуправляющихся в пределах и на основании

данного Монархом закона. В каждой из этих единиц власть разделяется между представителем Монарха, задача коего есть охранение закона от малейшего нарушения, и представителями самоуправления, коим принадлежит *совершенно самостоятельное ведение всех дел области* в пределах данного закона. До Государя должны доходить лишь те дела области, где: 1) является противоречие между представителями центральной власти и самоуправления, 2) определяется потребность в изменении существующих общегосударственных законов, 3) оказывается необходимым сверхзаконное вмешательство Монарха в виде оказания милости, 4) открывается спор между двумя или многими областями и 5) возбуждено непосредственное внимание Монарха тем или иным путем.

Все остальное течение местных дел совершается в рамках полного самоуправления, которое, если идет удовлетворительно, не возбуждая никаких споров и пререканий, кладет к подножию Престола лишь результаты своей годичной работы в виде отчета местного земства, утвержденного и скрепленного представителем Государя. Время, которое Монарх может уделять каждой области, до такой степени ограничено, что с практической точки зрения следует не того бояться, что самоуправление приобретет излишнюю самостоятельность, а того, чтобы областные дела не слишком часто доходили до Государя, не слишком отвлекали его от его прямого общегосударственного дела. Если на дела внутреннего управления может быть отделено максимум 200 часов государева времени и если мы предположим, что число самоуправляющихся областей 18 (как увидим ниже), то окажется, что каждая из них в течение года не может располагать более чем 10 часами самодержавного внимания и воли. В эти десять часов Монарх должен вполне ознакомиться с восходящими до него спорными делами и дать по ним свое решение, изучить отчет области и картину ее законных нужд, выслушать доклад наместника области, представителей самоуправления и т. д. и выразить свою волю в делах милости и исправления несовершенств закона. Отсюда легко видеть, какая грозит опасность для Самодержавия вследствие малейшего ненужного усложнения в механизме самоуправления. Поэтому все дела местного управления, местного хозяйства, суда и даже законодательства должны *решаться на месте* и выходить из пределов области лишь тогда, когда либо местное земское законодательство выразит поползновение переступить за установленные законом рамки, либо когда неудачно назначенный наместник — представитель Государя своими произвольными действиями, или неправильным толкованием закона, или Царской воли вступит в конфликт с земским представительством. Тогда Царь, по рассмотрении дела Сенатом, дает свой суд в этом споре, становясь на ту или иную сторону, то есть или отзывая своего наместника, если невозможно примирение, или распуская земское представительство и предписывая новые выборы.

V

Зная наших «консерваторов», можно заранее предвидеть упрек в желании расчленить Россию, устроить какую-то федерацию областей и т. д. Мы не боимся этого упрека, ибо наша исходная точка и цель совершенно ясны: дать практическое осуществление священному принципу Царского Самодержавия в России, создать для него обстановку наиболее нормальную. Это не теория, не погоня за утопиями, это реальное требование жизни. Если неложно и нелицемерно веровать в Самодержавие и желать его осуществления во всей его полноте и силе, другого выхода нет. Между *абсолютизмом*, опирающимся на бюрократию, и Самодержавием истинным, имеющим в основе местное самоуправление, ни выбора, ни средины нет. Деление России на крупные области допущено нами не произвольно. Если удержаться на нынешнем делении на губернии, цель ни малейшим образом достигнута не будет, ибо Государь по-прежнему будет лишен возможности общаться непосредственно с 80-90 единицами, и необходимо потребуется их централизация. Наконец, устройство губернское, весьма неудобное для управления и бюрократического, еще менее пригодно для самоуправления. Пять-шесть губерний, однородных по своим условиям, будут бесполезно повторять каждая у себя то, что с большим удобством может быть выработано всеми ими в естественном для них областном центре. Губерния слишком мала и слишком бедна для широкого самоуправления, с местным законодательством, местным судом и широким, разветвленным местным хозяйством.

Да и какие могут быть препятствия к слиянию губерний в естественные области, однородные по племенному составу их жителей, по главному роду промышленных занятий, по характеру населения

и по географическим условиям? Опасность сепаратизма? Опасность распадения России? Но неужели же Россия слагалась в государство для того, чтобы распасться? Неужели держится она внешних законов, а не внутреннею своею связью? Да, наконец, предлагаемым устройством ослабляется ли и самая внешняя связь?

Этот вопрос необходимо рассмотреть. Он имеет иную форму для областей чисто русских и иную форму для областей инородческих. Но прежде, чем о нем говорить, необходимо привести это деление на области, как оно нам представляется, отнюдь не настаивая на географических подробностях и рассматривая его только как схему, подлежащую на практике всяким изменениям.

По всей вероятности, естественное областное деление России будет следующее:

А. Коренные русские области

1. *Северная* (с главным городом Петербургом) из губерний С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой и части Вологодской и Архангельской.

2. *Северо-Восточная* (с главным городом Казанью) из остальных частей губерний Вологодской и Архангельской и губерний: Вятской, Пермской, Уфимской и Казанской.

3. *Московско-Нижегородская* (с главным городом Москвою) из губерний: Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Московской, Нижегородской и промышленной части Рязанской.

4. *Юго-Западная* (с главным городом Киевом), или *Малороссия*, из *Холмщины* Царства Польского и губерний: Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и части Черниговской.

5. *Средне-Черноземная* (с главным городом Воронежем) из земледельческой части губернии Рязанской и губерний: Орловской, Тульской, Курской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Саратовской и части Области Войска Донского.

6. Заволжская (с главным городом Оренбургом) из губерний: Самарской, Оренбургской, части Астраханской, Уральской и Тургайской областей.

7. *Новороссийская* (с главным городом Одессою) из губерний: Бессарабской, Херсонской, части Екатеринославской и Таврической.

8. *Предкавказская* область (с главным городом Ростовом-на-Дону) из части губернии Екатеринославской, части Области Войска Донского, части губернии Астраханской (до Волги), губерний: Ставропольской и Черноморской и областей Кубанской и Терской.

9. *Степная* область (с главным городом Омском) из областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской.

10. Западная Сибирь (с главным городом Томском) из губерний: Тобольской и Томской.

11. Средняя Сибирь (с главным городом Иркутском) из губерний: Енисейской, Иркутской и Забайкальской области.

12. *Восточная Сибирь* (с главным городом Владивостоком) из губернии Якутской и областей Амурской и Приморской.

Б. Инородческие области

13. *Финляндия* (с главным городом Гельсингфорсом) в ее нынешних границах.

14. *Польша* (с главным городом Варшавою) из 10 нынешних губерний: Царства Польского, без Холмщины, но с частями губерний Гродненской, Виленской и Ковенской.

15. Литовско-Белорусская (с главным городом Вильною) из частей губерний: Виленской, Ковенской, Гродненской и Курляндской и губерний: Витебской, Минской, Могилевской и Черниговской.

16. *Прибалтийская* (с главным городом Ригою) из губерний: Лифляндской, Эстляндской и части Курляндской.

17. Средне-Азиатская (с главным городом Ташкентом) из областей: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской, Туркестанского генерал-губернаторства и ханств Хивинского и Бухарского.

18. *Закавказская* (с главным городом Тифлисом) из губерний: Бакинской, Дагестанской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской и Эриванской и Карской области.

Итого восемнадцать областей, две трети коих не допускают никаких сомнений относительно своего русского характера и вряд ли могут возбудить в ком-нибудь мысль о возможности нарушения государственного единства. Остальная треть — шесть областей инородческих, совершенно различных как по своему этнографическому складу, так и по историческим условиям их принадлежности

к Империи. Относительно их нельзя сказать ничего *вообще*, можно говорить лишь о каждой в отдельности. Но прежде всего обратимся к русским областям.

VI

Устройство каждой из них должно быть следующее: во главе области - генерал-губернатор, непосредственно назначенный Государем. Административное управление области принадлежит Областной Думе, члены коей назначаются генерал-губернатором из состава земского областного собрания и распределяют между собою отрасли управления, будучи непосредственно ответственны как перед генерал-губернатором, так и перед земским собранием. Дела нынешних губернских земств разделяются между земствами уездными и областными. Областному собранию подчинено и городское самоуправление. Собрание это составляется из гласных от уездов и городов и собирается на очередную сессию ежегодно, а на экстренные созывается генерал-губернатором, думою или лицом особо уполномоченным от Верховной власти. Председательство в собрании принадлежит областному предводителю дворянства, утверждаемому Государем и имеющему у него личный и непосредственный доклад наравне с генерал-губернатором и в присутствии его, областного митрополита и председателя Областной Думы.

Собранию принадлежит власть издавать в пределах, указанных общим законодательством, местные законы и обязательные постановления, с утверждения генерал-губернатора, устанавливать налоги и сборы, распоряжаться самостоятельно хозяйственными делами области и избирать специальных представителей в общемирские совещательные учреждения, а также в особые совещания по различным вопросам по вызову Верховной власти.

Собранию принадлежит право челобитных на имя Государя при обязательном для сего большинстве $^{2}/_{3}$ голосов. Начальники уездов должны быть назначаемы членом Областной Думы, заведующим внутренними делами области.

Собрание ведает всеми областными имуществами (нынешними государственными) и получает в свое распоряжение все прямые налоги, а также право взимать добавочный налог при косвенных налогах и акцизах, остающихся за государством. Областные финансы строго выделяются от государственных, но сохраняется единство кассы; государственные доходы взыскиваются финансовыми областными органами и поступают в распоряжение центральной власти за ручательством областного управления.

Для наблюдения за финансовым хозяйством области и поступлением общегосударственных доходов в области состоит контролер, назначаемый центральным правительством; ему подчинены государственные же контролеры по уездам. Каждый из них представляет свой отчет ревизионной комиссии местного земского собрания и с его заключением препровождает к контролеру области, который представляет общий отчет областному собранию и с заключением последнего государственному контролеру. Проверке подлежат все безусловно казначейские операции местных финансовых учреждений с правом для областного контролера, в случае замеченных злоупотреблений, возбуждать на общем основании судебное преследование виновных.

Финансовое хозяйство области может быть поставлено двояко. Или ее областному самостоятельному банку может быть предоставлена эмиссионная операция, и все единство областей будет заключаться в общей монетной системе и общем хозяйстве международном, или банк области будет являться лишь отделением Государственного Банка *{Областною казною* по схеме, данной в книге «Бумажный рубль»). Мы лично склоняемся к последнему виду, ибо при нем дело будет стоять во всяком случае проще и будут избегнуты всякие злоупотребления, необходимо сопутствующие практике провинциальных самостоятельно-эмиссионных банков.

Суд в области никаких особенных затруднений не представляет. Здесь одинаково допустима как полная централизация, лишь бы принимались во внимание и уважались местные особенности, так и весьма большая децентрализация до областного кассационного суда включительно. Гораздо важнее устранение судебной волокиты и выработка хорошего гражданского и уголовного общеимперского кодекса.

О военных силах, расположенных в области, говорить много не приходится. Желательно, чтобы область совпадала с военным округом и чтобы управление расположенными в области войсками, будучи ветвью исключительно общеимперского военного ведомства, ни в какой степени не касалось гражданского управления

областью и отнюдь не сосредоточивалось в одних руках с гражданским ее управлением, так как при этом будет страдать как военное дело, так и гражданское управление. Затем остальные отношения могут быть удержаны настоящие (воинская повинность, расквартирование и пр.). Ввиду неравномерного по областям распределения военных сил Империи, желательно самым тщательным образом не только исчислить и распределить военные расходы между жителями Империи, но и учесть тот доход для некоторых областей, который дает им сосредоточение в них большей массы войск.

VII

Вторая ступень областного самоуправления есть уезд. Нынешнее губернское деление едва ли заслуживает удержания вследствие неопределенности его функций и ненужности этой промежуточной инстанции, ввиду уже указанной выше однородности дел в губерниях одной и той же области. Кроме того, наибольшее число уездов в самой населенной из областей, Московско-Нижегородской, или Черноземной, далеко не так велико, чтобы затруднить непосредственные сношения между уездом и областью.

Наконец, третья ступень самоуправления есть приход, о котором распространяться здесь не место, ибо этот предмет достаточно выяснен в литературе.

VIII

При такой областной организации в каком же виде будет центральное государственное управление?

На верху и в центре всей системы Государь, в своем Лице олицетворяющий всю Россию, безусловно Самодержавный, не ограниченный ничьим и никаким вмешательством, не связанный никакими обязательствами, кроме произнесенного им при вступлении на престол обета: чтить законы Империи, повиноваться законам Церкви и не умалять ни в каком случае прерогатив и прав своей Царской Самодержавной власти.

Около Государя во главе Освященного Собора Иерархов Русской Церкви, как в древности, молитвенник и советник Государя патриарх. Царь обеспечивает охрану полного и неприкосновенного ни для

кого действия церковных канонов и правил. Охрану и защиту прав Церкви и свободы совести подданных. Созыв поместных соборов.

В руках Самодержца государственный аппарат, складывающийся из следующих главных отделов:

1. *Законодательный.* Государственный Совет, гласно заседающий, дополняемый представителями областей. Учреждение это выражает свои *мнения*, для Самодержца *отнюдь не обязательные*, и вырабатывает общеимперские законопроекты, утверждаемые или отвергаемые Государем. Помимо Государственного Совета или Сената, ни один министр не должен испрашивать Высочайших повелений.

2.*Административный.* Сенат, ведающий наблюдением над всесторонним исполнением закона. Сенат объявляет даруемые Монархом законы, пресекает злоупотребления, предает суду министров и генерал-губернаторов. Сенаторов посылает Государь на ревизию областей, облекая их правом полной приостановки самоуправления до водворения порядка и правом предания суду нерадивых и хищников.

3. *Судебный.* Верховный имперский Кассационный Суд, он же суд междуобластной.

4. *Народохозяйственный.* Выделенный из состава Государственного Совета параллельный ему Народохозяйственный Совет, работающий на тех же основаниях и с такими же представителями областей. Сказанное относительно Высочайших повелений относится по соответственным делам и сюда.

Нет надобности вдаваться в подробности устройства центральных хозяйственных органов государства, каковыми будут: Большая казна (Государственный Банк), Державная казна (Министерство финансов), Счетная палата (Контроль), ведомства Государственной безопасности, земледелия, железных дорог, промышленности и торговли, наук и искусств, почт и телеграфов, военное, морское, иностранных дел и т. д. Их организация будет иметь различные формы в зависимости от деятельности учреждения. Там, где все ведение дела оставлено за государством, ведомства будут вполне самостоятельны по таким же Делам, которые перешли к областям (земледелие, промышленность и торговля, науки и искусства), центральные ведомства будут лишь органами государственной статистики, местом объединения соответственной деятельности областей и выработки общегосударственных мер в помощь областным органам. Эта работа должна идти при помощи специальных съездов и советов из представителей областей.

IX

Области инородческие, или с преобладающим инородческим населением, должны быть рассмотрены особо.

На первом плане должна быть поставлена *Финляндия,* сохраняющая особые политические права. Эти права должны быть, не нарушая нынешних действующих законов края, пересмотрены как в гражданском, так и в экономическом отношении, с той точки зрения, чтобы 1) подданный Империи ни в каком случае не был ниже в своих правах на территории Княжества, и обратно; 2) чтобы ни Финляндия, ни Империя не пользовались никакими несправедливыми экономическими преимуществами одна перед другой; 3) чтобы общегосударственные тяготы были распределены равномерно (расходы на внешнюю оборону и дела международные). Особая финская армия если и может быть удержана, то ее управление должно быть в руках общеимперского Военного ведомства.

В остальном нет никакой надобности хлопотать о более тесном сближении с финнами. Всякие успехи русификации там крайне опасны, несправедливо открывая Россию для эксплуатации более сильными культурно финнами. Не об объединении нужно хлопотать, а наоборот, о *возможной изоляции России* путем отдельных: монеты, таможен, мер и весов, языка, календаря, учреждений и т. п. Нам в Финляндии искать нечего, все требование от нее России — это военная безопасность столицы, и в этом смысле чем изолированнее, чем самостоятельнее и чем свободнее, счастливее и богаче будет Финляндия, тем вернее будет ее политическая служба России, отождествляющаяся с защитой собственного отечества. Избави Бог создавать из финнов искусственных русских, отдавая им Россию на эксплуатацию! Всякие разговоры о финском сепаратизме поистине нелепы, раз финны получат уверенность, что их национальному существованию ничто не грозит. Наоборот, объединительные стремления наших псевдопатриотов могут вызвать самые грустные усложнения и создать нам вторую Польшу. Для этих стремлений прошло время. Финны выросли в смысле национального единства и представляют народ, полный патриотизма, необыкновенно дружный и сплоченный. Своей культурной и экономической самостоятельности они нам не уступят. Они выработали себе особенный от Империи политический строй и разрушать его не дают, да это нам и не нужно.

Строй этот, ничуть не мешая ни прочному государственному единству, ни тесному, дружескому и соседскому общению, наоборот, дорог, *как прообраз будущего Славянского союза.* На тех же основаниях, что нынешняя Финляндия, русскую государственную власть охотно примут австрийские народы, когда наступит момент распадения Австрии. В общий союз на тех же основаниях охотно вступят и славяне независимые, а также Румыния и Греция. Нарушение же, особенно насильственное, финской областной самостоятельности может надолго задержать естественное разрешение славянского вопроса, ибо если славяне охотно пойдут под власть русского Царя, то русская бюрократия никого из них наверно не прельщает.

X

Польша в этнографических пределах польского народа не представляет никаких затруднений. С русской точки зрения, нам необходимо позаботиться прежде всего о спасении себя от польской эксплуатации путем *возможного изолирования Польши от России.*

Вся культурная сила польского племени должна быть направлена на Запад, на борьбу с германством, с целью возвращения полякам утраченных земель. Между Польшею и Россией может быть даже временно восстановлена таможенная черта, точнее, имперская черта перенесена по Сю сторону Царства Польского с прирезкою к нему польских и отчасти литовских уездов Ковенской, Виленской и Гродненской губерний* и выделением Холмщины.

'Этим имеется в виду подвинуть польскую этнографическую границу в глубь Империи ради усиления польского элемента и расширения его территории на счет литовцев (жмуди) по следующим соображениям: 1) для России нет никакой надобности обессиливать Польшу, которая есть ее защита от культурного германского напора. 2) Литовцы имеют добровольное тяготение к Польше. 3) Обрусение Литвы с целью создания там «искусственных русских» нам, безусловно, не нужно. 4) Выделением уездов с преобладающим польско-литовским и католическим населением чрезвычайно усиливаются русские культурные элементы в соседней области Литовско-Белорусской. 5) В этом крае Польша имеет неизмеримо большую силу ассимиляции, чем *Россия, и* нам гораздо лучше сообразоваться с этим обстоятельством и пользоваться им для славянства, чем даром тратить свои силы.

Внутри Польши должна быть столь же полная автономия, как и в Финляндии, но, конечно, без конституционных ограничений и без особой армии. Польские дела внутреннего управления и законодательства не должны отнюдь смешиваться с имперскими. Должен быть восстановлен Польский Сенат, самостоятельное управление и совещательный Государственный Совет. Сеймы должны собираться на правах областных и уездных собраний. Должны быть урегулированы экономические отношения Империи к Царству Польскому, выделен государственный долг и правильно распределены расходы на военную общеимперскую оборону с принятием во внимание, как и в Финляндии, той доли дохода, которая достается краю вследствие усиленного сосредоточения в нем русских войск.

Разумеется, польскому языку должно быть возвращено его место в управлении, суде и школе, прекращены всякие заботы о русификации поляков, но вместе с тем приняты меры к ослаблению польской эмиграции в Россию.

Что касается религиозного вопроса, то, ничуть не стесняя римское католичество, необходимо *порвать всякие связи с папою* и перестать действовать посредством Ватикана, уничтожив всякие координаты и лишив латинство значения господствующего вероисповедания. Старокатоличество должно быть признано и гарантировано в своей свободе наряду с православием и иными вероисповеданиями.

Вслед за перемещением таможенной линии русские чиновники из Царства Польского должны быть отозваны и собран областной сейм, который и должен выработать для Польши основы ее будущего внутреннего устройства, как указано ниже. Этот проект должен быть рассмотрен нашим Государственным Советом с точки зрения его согласования с интересами России и затем представлен на утверждение Государя в качестве органического устава.

XI

Относительно *Северо-Западного края* необходимо усвоить ту точку зрения, что хотя край этот и русский, но что белорусское племя, его населяющее, составляет по языку и нравам нечто среднее между коренными русскими и поляками. В то время, как малоросс

необходимо тяготеет к России и культурная его сила уходит в великорусское море (Гоголь[11]), белорус одинаково легко обращается и в русского, и в поляка, тяготея культурно более к последнему (Мицкевич[12], Сырокомля[13], Оржешко[14], множество польских поэтов и писателей из Белой Руси и Литвы). Это создает в Литве и Белоруссии культурную борьбу, в Юго-Западном крае фактически уже законченную в пользу русского элемента. Затем необходимо помнить, что в польско-русской культурной борьбе, в Литве и Белоруссии, у центральной государственной власти нет никакой возможности ни помочь, ни помешать какой-либо из сторон. Всякое внешнее угнетение польского элемента, глубоко несправедливое и противное русскому чувству само по себе, кроме того, как уже доказано опытом, приводит к прямо противоположным результатам, усиливая гонимый элемент и нравственно обессиливая покровительствуемый. Русское дело до тех пор собственно и цвело в Литве, пока русский элемент был предоставлен самому себе или угнетался, то есть находился в нынешнем положении поляков. Ополячение Литвы и Белоруссии пошло особенно сильно не до разделов Польши, а после них.

При земской автономии Литвы и Белой Руси русская культура и язык имеют все шансы, естественно, взять верх и совершенно упразднить польский элемент особенно, если будет проведена между Польшею и этой областью таможенная черта, чем Литва отрежется экономически от польских промышленных центров и войдет в район центров великорусских. При русском языке в школе, администрации, суде и самоуправлении, при порядках и законах, одинаковых с имперскими, для польской культуры *фактически не будет места*, и она естественно ослабнет, особенно если будет поведена борьба не против польского элемента как такового, а против Римской церкви и духовенства. Католическое исповедание должно, разумеется, быть свободно, как и во всей Империи, но латинское духовенство не должно быть организовано ни снабжено государственною властью. Для правительства всякий иноверный клир повсюду, кроме Финляндии и Польши, должен представлять *частных людей*, духовное достоинство коих признается только сторонниками того или другого вероучения. Все акты гражданского состояния иноверцев должны регистрироваться нотариальными или полицейскими учреждениями, как это принято для наших раскольников

и сектантов. Разумеется, должна быть сохранена полная свобода богослужения и отменены все ограничительные меры для иноверцев, отнято лишь право пропаганды и государственная поддержка.

Тогда само собою католичество начнет падать, особенно при усилении старокатоличества, и мало-помалу исчезнет вовсе.

Гораздо серьезнее для Литвы и Белоруссии вопрос еврейский, который необходимо урегулировать, а также вопрос об иностранной колонизации, которая здесь должна быть безусловно воспрещена, даже в смысле временного пребывания долее известного срока.

В высшей степени желательно при организации самоуправления, специально в этой области, дать преобладание крестьянскому элементу перед элементами городским и частновладельческим. Это будет вернейшее средство поднять русский элемент.

Но если бы тяготение Белоруссии и Литвы к Польше оказалось настолько сильным, что польский язык и культура стали бы одолевать русские, с этим явлением необходимо примириться. Ждать этого трудно, вернее, что Литовско-Белорусская область будет *двухкультурною*, то есть польско-русскою, наподобие того, как Финляндия представляет культуру двойную, шведо-финнскую. Восставать против этого искусственным путем, особенно же насилием, и несправедливо, и неосмысленно. Нынешняя польская часть населения не виновата же в том, что несколько веков Литва и Белая Русь были в государственном союзе с Польшею, оставившем такой глубокий след. Пусть эта культурная борьба мирно ведется в области, не мешая жить и работать как исконному русскому, так и ставшему уже коренным там польскому населению. Наконец, с более широкой, *славянской*, точки зрения, и самого этого вопроса о культурной борьбе между славянами по справедливости и не должно бы существовать вовсе.

XII

Совершенно иную картину представляет *Прибалтийский край*. Здесь во что бы то ни стало должны быть уничтожены архаические привилегии немецкого рыцарства и бюргерства и поднят местный эстонско-латышский элемент. Как ни верны престолу и общему Отечеству гг. балтийские немцы, но пока край носит немецкий характер и самоуправление в руках немцев, Прибалтийские губернии

будут всегда изображать, хоть в задних мыслях немецких патриотов по ту сторону границы, своего рода Germania irredenta[15], сами же гг. балты будут по-прежнему вносить антирусское исторически-разлагающее начало в нашу славянскую государственность.

Элементам эстонскому и латышскому необходимо дать широкую поддержку в борьбе с германизмом. Боятся их «сепаратизма» нет никаких оснований. Слишком малочисленны эти народности и слишком бедны культурно. Все выходящее из непосредственной сельской их жизни должно неминуемо русеть или немечиться. Важно, чтобы совершалось первое и могло совершаться последнее. Для этого в целях общегосударственных должен быть выкурен самый немецкий дух из этой области, хотя бы и решительными мерами. Дворянство должно быть организовано по общеимперскому образцу и принимать участие в самоуправлении только при условии окончания русской школы и совершенного знания русского языка. На русском языке должно идти все, кроме крестьянских судов и преподавания в начальных школах, где равноправностью должны пользоваться языки местные, эстонский и латышский. Участвовать в городском и земском, уездном и областном самоуправлении должны также лишь лица, знающие вполне русский язык, на котором и должны вестись прения и письмоводство.

XIII

Средняя Азия с ханствами Хивинским и Бухарским нуждается в несколько ином областном устройстве, чем другие инородческие области России. Здесь русский элемент, как элемент культурный и государственный, среди малокультурных азиатов должен иметь явное и полное преобладание. Поэтому областное земское собрание должно быть составлено так, чтобы русским было обеспечено большинство, по крайней мере двух третей всего числа представителей, и самое собрание может быть только совещательным при военном начальнике области, хотя также должно сохранить за собою право челобитных и выработку местных законов, которые генерал-губернатором должны быть представляемы в Государственный или Народохозяйственный Совет Империи по принадлежности. В состав этого совета должны при обсуждении среднеазиатских Дел входить представители ханов Хивинского и Бухарского; поло-

жение последних может быть при необходимости регулировано в свое время на областном собрании и в том или ином виде предоставлено на утверждение Верховной Власти.

XIV

Наконец, *Кавказ.* Разнообразные племена, его населяющие, могут быть подразделены на два типа: старокультурные, как грузины и армяне, и малокультурные, как персы, татары и иные азиаты. Так как ни одно из указанных племен не является повсеместно преобладающим, то связующим между ними цементом может являться только элемент русский, которому самой историей обеспечено здесь господство и культурное преобладание. Поэтому нет никакой надобности как-либо искусственно стеснять местные народности; важно лишь, чтобы борьба между ними шла совершенно равноправная и русский элемент всегда оставался культивирующим и руководящим.

При государственном русском языке в средней школе, суде, администрации и самоуправлении нет никакого основания опасаться, чтобы местные народности чрезмерно усилились в ущерб одна другой. Важно лишь, чтобы в областном самоуправлении русский элемент был достаточно силен, что и необходимо обеспечить путем надлежащей постановки выборов. Русским в каждом уезде должна принадлежать по крайней мере одна треть представительства, остальные ^{2}Д разделены между наличными народностями пропорционально их численности в данном уезде; в областном собрании русских должно быть также не менее трети.

XV

Можно думать, что при таком устройстве областей не может быть и речи о какой-нибудь опасности для единства и целости России. Самодержавная власть не только не уступает никому ни одной из своих прерогатив, наоборот, освобождается именно в смысле надлежащего применения Самодержцем своей неограниченной власти. В распоряжении Государя остается весь необыкновенно могучий, очищенный от всех примесей государственный аппарат, более чем достаточный для сплочения огромной Русской территории. Между тем, развязывая руки Царю, описываемое здесь

устройство снимает с него совершенно неподобающую ответственность за всякий неправильный или вредный шаг в области внутреннего управления, ныне творимого от его имени. Теперь все ставится на счет Верховной Власти, которая отнюдь не виновна в безобразиях современного строя, тогда будут жаловаться Царю, и перед его лицом, не имея куда укрыться и чем заслониться, станут виновные. Государство в лице Царя и Земщина в лице крупных самоуправляющихся областей пойдут в живом единстве любви и доверия, и между ними не будет никаких недоразумений. Тогда вся правда будет перед Царем, и нельзя ее будет скрыть ни на одной ступени бюрократической лестницы, ибо этих ступеней не будет. Будет и время у Царя, ибо до него дойдет только такое дело, где бессилен закон или где спор идет о крупных интересах, достойных внимания Царева. Коль скоро есть доброе согласие на почве закона между генерал-губернатором и областным собранием, коль скоро из области не несутся стоны об угнетении или о сокрытии правды, о насилиях и хищениях, Государю не придется о данной области даже думать. Он лишь заглянет в отчет о *действительном* ее благополучии, пошлет ей свой Царский привет и благодарность за мир и любовь, в ней царящие, и за ту свободу, которую дает ему область для его многотрудного государственного подвига.

А случись что-нибудь в самоуправляющейся области — Царю довольно послать своего уполномоченного разобраться в споре между Царским наместником и органами областного самоуправления. Виноват генерал-губернатор, переступил закон, оскорбил или обидел земство, его Государь отзовет. Прав наместник Государя, прегрешило земство — что стоит распустить собрание, назначить новые выборы и восстановить порядок, устранив от власти и предав суду виновников нарушения закона? А зайдет чрезмерно далеко дух ослушания закону, начнется борьба с государственною властью — разве же трудно отменить вовсе самоуправление в данной области и временно ввести в ней военное управление, если она того заслуживает?

Но не безумие ли и самое предположение возможности сопротивления или непокорства закону в той или другой области? Не клевета ли это на Россию, переживавшую самые ужасные, самые бессудные и темные времена и ни разу на закон не посягавшую? Мы имели восстания народных масс разбойнического характера, имели

вооруженные восстания инородческих областей, помнивших свою государственную самостоятельность, видели революционные вспышки беспочвенной интеллигенции, но мы не можем себе и представить возможности не только восстания, но даже серьезного нарушения порядка законными самоуправляющимися областями, коль скоро Государь стоит вне области и ее деле в качестве Верховного Судьи, решителя ее споров и последнего полновластного прибежища для обиженных.

XVI

Область собственно государственного управления, сосредоточенного в руках Самодержца, так необъятно велика, механизм Империи, обнимающий этими 18 областями $^1/_6$ часть всей суши земного шара, так громаден и сложен, что, если оставаться в пределах математически поставленных и возможных практически для осуществления истинного Самодержавия, то придется и в собственно государственном управлении серьезно и глубоко подумать над облегчением работы и ответственности Монарха. Чтобы средние силы человека могли выдержать такую работу, необходимо, чтобы в каждой области Государь был облечен по крайней мере уверенностью, что механизм действует правильно, что доверие страны правительству обеспечено, что целесообразность и добрые плоды правления вне всяких сомнений. Это достижимо двумя путями: сколько возможно большим участием живых сил областей в разных отраслях законодательства и управления и широкой свободой для общественного мнения в смысле указания недостатков и преподания добрых советов.

Участие областей уже указано выше. Представители земства включены в состав Государственного и Народохозяйственного Советов. Они же должны участвовать в советах отдельных отраслей управления: финансовом, банковом, железнодорожном, земледельческом, научно-литературном и т. д.

Все законопроекты общегосударственного характера должны рассылаться на заключение областных собраний и рассматриваться с этими заключениями. Для отдельных вопросов и вопросов технических должны созываться *съезды общегосударственные и из нескольких областей.* Наконец, когда Верховная Власть пожелает непосредственно из уст живых представителей областей узнать

мнение страны по какому-нибудь вопросу, явится возможность созвать и Земский Собор, имеющий единственное значение - просветить Волю Государя мыслями его подданных, утвердить или поколебать Государя в его решении, поддержать его и снять с него на себя историческую ответственность в случае сомнения.

Но Земский Собор возможен лишь как венец *упорядоченной* России, а отнюдь не как собрание, *имеющее ее упорядочить.* Спаси Бог Россию от того страшного момента, когда правительство, под влиянием собственных ошибок потерявшее голову, вздумает обратиться к Земскому Собору с вопросом, «что делать?» Такой Собор ничем иным не ответит и ответить не может, кроме тяжких и вполне заслуженных обвинений петербургскому бюрократическому режиму, и, Бог ведает, чем закончится подобное обвинение. Затем, при нынешнем неустройстве России и полного отсутствия надлежащего выборного для Собора аппарата, Земский Собор, явившийся в минуту смуты и падения правительственного престижа, может очень легко стать отражением господствующего озлобления и недовольства и вызвать новую смуту, потребовать себе не совещательного только, но и решающего голоса. Это было бы лишь повторением Etats Généraux[16].

XVII

Второй путь для полного освещения перед Государем положения его народа и обеспечения за государственной властью народного доверия есть возможность свободного и невозбранного выражения общественного мнения, которое в наши дни сводится к свободе мысли, то есть свободе слова и печати.

Здесь нет места вдаваться в подробности законодательства о печати; достаточно будет лишь указать главные основания в соответствии с целями, которые необходимо ясно формулировать.

Цели эти — гарантировать положительным и незыблемым законом, исключающим всякий произвол органов управления:

1. Свободу публичного выражения общественного мнения.

2. Возможность успешной борьбы со злоупотреблениями публичным словом.

Печать, особенно в таком огромном и однородном по населению государстве, как Россия, является страшною силою, и постав-

ленный выше юпрос кажется едва ли не самым затруднительным. Во всяком случае, главные основания к его разрешению должны и могут быть намечены.

Публичное изустное слово нуждается в ясном законе и порядке открытия и закрытия ученых и иных обществ, где ведутся публичные прения. Закон этот должен быть, конечно, *общеимперский основной*, на основании которого все частные вопросы должны решаться на месте, в областях, отнюдь не восходя до центра. Общества должны открываться по нормальному выработанному уставу простою регистрацией, закрываться не иначе как судом или постановлением областного земского собрания. Право чтения публичных лекций должно принадлежать без ограничения: 1) духовенству, 2) учебному персоналу, 3) лицам, имеющим право редакторства печатных органов или по их уполномочению и за их ответственностью. С ограничением, то есть с предварительным представлением текста чтения, 4) всем вообще. Текст чтения в этом случае должен быть одобрен местного уездною или городскою школьною администрацией; ответственность для лектора, во всяком случае, может быть только судебная.

Если лекция должна иметь характер беседы, вне заседаний уполномоченного на то общества, то такая беседа может быть устроена не иначе, как под председательством лица, назначенного местного школьной администрацией и в присутствии полицейского агента, с правом для последнего немедленно распустить собрание в случае беспорядка или по требованию председателя.

Что касается печати, то таковая: 1) должна быть, в главной своей части, вовсе освобождена от предварительной цензуры и поставлена под безусловное действие закона с устранением малейшего произвола, 2) должна быть обеспечена от вторжения всяких нечистых или спекулятивных элементов, и 3) обставлена самыми строгими карами за нарушение закона, но исключительно в порядке судебного разбирательства, гласного и открытого.

Цензура должна быть удержана: 1) как орган наблюдения и статистики, 2) как орган охранения нравственной и художественной стороны в печатном слове, 3) как государственная и областная прокуратория в делах печати.

Правом бесцензурности должны пользоваться все *неиллюстрированные* книги, не предназначенные для широкого общенародного употребления, для чего должны быть выработаны и формулованы[17] их признаки (объем, цена, количество экземпляров). Издания для народа и издания иллюстрированные должны быть предварительно разрешены цензурою или одобрены местными литературными и художественными обществами или школьными управлениями. Популярные технические издания должны быть одобрены местными техническими или учеными обществами или школьными управлениями, общими или соответствующей специальности. Авторам и издателям предоставляется право апелляции к цензурным органам области.

Цель этого порядка: хранить народ от спекуляции лубочных издателей, которые, в смысле порчи вкуса или систематического распространения невежественных и нелепых технических изданий, не только обирают темного покупателя, но вводят его заведомо в заблуждение, задерживая и искривляя ход русского просвещения.

Отпечатанная бесцензурная книга должна быть доставлена в цензуру при соблюдении нынешнего порядка выпуска, но в случае протеста цензора дело об освобождении или истреблении издания должно решаться исключительно гласным судебным разбирательством: в общем суде, если книга не затрагивает православного вероучения и догматов, в духовном суде в противном случае, но без всякого исключения, гласно и в состязательном порядке.

Что касается до периодических изданий, то здесь важнее всего не допустить к заведыванию органом нечистых или подозрительных людей. Но затем, раз уже концессия дана, необходимо оградить редактора от чьего бы то ни было произвола.

Отсюда вытекает ряд весьма строгих требований от лица, желающего стать ответственным редактором ежедневной политической газеты. Он должен представить: 1) удостоверение о своем безупречном нравственном и гражданском прошлом от того общества, сословия или корпорации, где он состоит; 2) удостоверение о своем литературном прошлом в виде своих печатных трудов; 3) подробное изложение своих взглядов, убеждений и политической программы, которая становится впоследствии мерилом для его печатной деятельности.

Разрешение ежедневного издания с политической программою Дается после публичного диспута, заранее объявленного при одном Из университетов, с правом обжалования областному земскому со-

браиию, которое должно решить спор большинством не менее ^{2}Д голосов.

Всякие злоупотребления печатным словом должны ведаться судом гражданским или духовным, гласно и в состязательном порядке. Налагаемые наказания могут состоять из кар имущественных или личных, в виде заключения или даже ссылки. Закрытие органа может последовать лишь по постановлению ^{2}Д голосов областного земского собрания, утвержденному Сенатом Империи в открытом заседании.

Караемы должны быть, кроме ныне формулованных в законе проступков, всякие иные злоупотребления словом, носящие характер бесчестности, безнравственности или недобросовестности: явно недобросовестные приемы полемики, общественный обман и соблазн, в каком бы виде они ни проявлялись, корыстная защита и проведение разных темных дел и т. д. При гласности суда нет основания бояться за участь редактора, идущего честным путем убеждения и правды. Но в наши дни публичного разврата и торговли печатным словом необходима суровейшая узда закона на всю ту нравственную гниль и мерзость, которая овладела русскою литературой.

XVIII

Нет сомнения, что области, в которые сложится Империя, будут слишком разнообразны по своим условиям, даже в пределах одного великорусского племени. Поэтому не может быть речи о каком-нибудь шаблонном однообразии в их внутреннем устройстве. Каждая область поэтому должна выработать на почве ясного общегосударственного закона все необходимые местные подробности. Но этот закон должен предвидеть и очертить и сам возможное разнообразие, по крайней мере в его основных чертах.

Бытовой уклад центра России, как метрополии, совсем иной, чем уклад окраин, даже русских, и нет сомнения, что этому центру, строителю и созидателю Русского царства, необходимо придать в государственном отношении первенствующую роль.

Это может быть достигнуто двумя путями: усилением областного представительства в центре для областей Северной, Северо-Восточной, Московско-Нижегородской, Юго-Западной, Средне-Черноземной и Новороссийской и надлежащею постановкою дворянского вопроса.

Мы не думаем разрешать здесь этот вопрос в полном объеме и должны ограничиться лишь несколькими общими положениями.

Задача русского дворянства, как она выразилась в истории — быть слоем *лучших людей*, нести на своих плечах руководительство страною в служилом смысле с величайшею честью в последний период русской истории, выказав себя и свободолюбивым, и благородным, и сословно-бескорыстным. Это живая сила русского народа, воплощение его земской и государственной идеи, и в таком качестве оно должно быть свято сохранено. Государство не может обойтись без класса людей, коего нравственная основа и традиция — бескорыстное, лишенное всякого эгоистического оттенка служение Царю и Земле. Удержание этой традиции за особым сословием, не сообщая ему никаких, кроме почетных, прав, настолько же необходимо, как удержание и охрана и народной свободы.

Ни в каких юридических или имущественных особых правах дворянство не нуждается, как класс наиболее обеспеченный относительно большим размером своего землевладения. С поднятием общего народного труда и хозяйства уже в силу этого поднимется и упрочится материальное положение дворянства. Можно говорить лишь о его политическом положении и здесь сами собой представляются два вопроса: во-первых, об участии дворянства в местном самоуправлении, во-вторых, о пополнении рядов дворянства лучшими силами из других сословий, и только в смысле нравственного отличия, нравственной признательности за те или другие услуги государству.

Основываясь на установившейся уже дворянской традиции земского служения, дворянству, земскому и оседлому, конечно, необходимо сохранить первенствующую роль в земском самоуправлении. Ему должно по-прежнему принадлежать *по праву* председательство в областном и уездных земских собраниях и половина мест в первом. Нынешняя сословно-дворянская организация должна быть Удержана и поднята до области, причем областное дворянское собрание должно состоять из уездных предводителей дворянства, или, в несамостоятельных уездах, из дворян, избранных в предводители земским собранием. Областной предводитель дворянства, избранный собранием предводителей, и два его товарища должны быть:

первый — председателем областного земского собрания, остальные — его вице-председателями и непременными членами областной думы. Областной предводитель будет лицом, равным государеву наместнику или генерал-губернатору, и вместе с ним и митрополитом области, а также председателем областной думы должен иметь личный доклад у Монарха. В его или в его дворянского заместителя лице, вместе с избранником областного земства, станет перед Государем областное самоуправление в споре с церковной или государственной административной властью, если этот спор возник. На нем ляжет ответственность за прения в областном собрании и за его постановления; в нем будет гарантия верной государственной мысли и патриотизма области, как на уездном предводителе ответственность за уезд.

Но при областном делении кончается центральная государственная роль дворянства. В государственный механизм во всех его отраслях призываются люди по личному выбору Государя, и здесь нет места сословности, а есть лишь место способностям и талантам. Назначенный Государем министр или член Государственного или Народохозяйственного Совета, или Сената может быть лишь человеком, выдвинувшимся из среды земства по своим выдающимся способностям, и уже самый факт его выбора и назначения должен давать ему права потомственного дворянина, если он не был таковым, помимо всяких чинов или выслуги.

Это в точности соответствует способу пополнения дворянских родов, который в данном положении России является единственно уместным.

Задача этого пополнения — усилить состав «лучших людей» страны приобщением к роду данного выдающегося лица дворянской традиции в лице его потомства.

Что такое теперь может быть «лучший человек»? Очевидно, лишь тот, кто оказал государству или народу крупную личную и притом вполне нравственную и бескорыстную услугу. Гениальный поэт, художник, музыкант, философ, ученый, изобретатель, выдающийся земледелец или промышленник, явно для всех сослуживший крупную, особенную службу своей местности, области или государству; наконец, военный герой. Предполагая, что потомство данного лица будет чтить и хранить имя и подвиг предка, и не может этого не делать, это потомство уже самым этим фактом приобщается к сословию лучших людей. Тогда и самое сословие приобретает осязательно культурный характер на всех поприщах, а тем самым устраняется отживший уже принцип возведения в дворянство путем беспорочной выслуги, в наши дни создающий отнюдь не славную традицию.

Дворянству в России была бы дана новая, совершенно реальная основа бытия, а вместе с тем в общественную жизнь был бы внесен великий этический стимул: каждый гражданин возможной высшей нравственной наградой — увековечением личной доблести в своем потомстве призывается к делу этой личной доблести путем свободного служения своей Родине на всех поприщах, где его личное дарование может проявиться не в погоне за своими личными и своекорыстными интересами, а в бескорыстном служении общему делу.

Разумеется, возведение в потомственное дворянское достоинство должно оставаться непосредственною личною прерогативою Самодержавной Власти, но ходатайство о том должно восходить от всякой общественной корпорации, рассматриваться и поддерживаться дворянскими собраниями, городскими собраниями, земскими собраниями области и центральными учеными и политическими учреждениями по специальному регламенту.

Таким путем возможно создание многочисленного и действительно «лучшего» общественного класса и в местностях, доселе этого элемента лишенных. До тех же пор в областях, где дворянское сословие не имеет под собою землевладения или слишком малочисленно, самоуправление должно быть организовано несколько иначе, причем председателями уездных земских собраний могут быть назначаемы предводители дворянства, оплачиваемые* от области, но избираемые в областных собраниях дворянских губерний и утверждаемые центральным правительством.

* Вопрос о *бесплатности* службы дворянских предводителей весьма щекотливый. Заслуживает отметки высказываемая мысль, что предводители должны избираться *из дворян*, но не дворянскою корпорациею, а соединенными земским и городским собраниями. Оба собрания, отлично зная местных дворян, выберут действительно лучших, хотя бы и не богатых. Логически отсюда вытекает необходимость *жалованья* предводителю, но не из казны, а путем самообложения, из земских средств. Это вознаграждение стеснить независимости предводителя не может.

XIX

На этом можно и остановиться. Основные начала, на коих может быть построено русское самоуправление под истинно Самодержавною Верховною Властью, более или менее выяснены. Остается рассмотреть, каким образом может и должен совершиться переход от нынешнего порядка вещей к изображенному здесь.

Многим может показаться, что этот переход необыкновенно сложен и тяжел и будет сопровождаться болезненною коренною ломкою существующего строя. Это заблуждение.

Совершенно так же, как задолго до уничтожения крепостного права мысль о реформе созрела в умах народа и его лучших людей, и само крепостное право стало всем невыносимо и ненавистно, так и теперь бюрократическое управление страной, само себя изжившее и всеми ненавидимое, может быть упразднено без малейшего противодействия или сожаления. День, в который будет восстановлено истинно русское историческое Самодержавие наших Царей на почве земского самоуправления, станет еще более яркою историческою гранью, чем 19 февраля 1861 г. Теперь даже трудно себе представить ту радость, тот всенародный восторг, когда будет с высоты Престола возвещено освобождение Царя и народа от мертвого и бессмысленного механизма, изуродовавшего Россию, приведшего ее к разврату и разложению и поставившего на край нравственного и экономического падения.

Прежде всего, разумеется, необходимо, чтобы Государь убедился в верности здесь сказанного и пожелал эту программу осуществить. Ему будет необходимо избрать исполнителем этого дела выдающегося по уму и честности -человека и вручить ему портфель министра внутренних дел; один из товарищей министра вступит в управление министерством и примет все текущие дела, новый же министр посвятит себя всецело делу реформы. Затем из среды членов Государственного Совета и Сената должна быть образована Верховная комиссия с приглашением в ее состав нескольких губернских предводителей дворянства, городских голов и председателей земских управ. Этой комиссии министр внутренних дел будет докладывать весь ход реформы, и по обсуждении всех подробностей, журналы и особые мнения комиссии будут докладываться Государю. Утвержденный им журнал и будет руководство для дальнейшей работы.

Прежде всего, должно быть восстановлено в полной силе действие земского положения Императора Александра II[18] с некоторыми изменениями в избирательном законе, а именно: избрание уездных гласных от крестьян должно впредь до восстановления прихода идти по волостям, во всех волостях в один и тот же день и час под руководством комиссии из приходского священника, волостного старшины и местного землевладельца, по назначению земской управы, под председательством лица, ими самими из среды своей избранного. Каждая волость посылает одного гласного из лиц всех сословий. Не должны быть гласными лица волостной и уездной администрации, приходское духовенство и участвующий в волостной комиссии землевладелец, последний за исключением случая единогласного избрания. Никакого утверждения для гласного не требуется, кроме проверки его прав самим земским собранием*.

Выборы от частных землевладельцев должны происходить по старому избирательному закону, хотя было бы желательно ввести предварительно систему пропорциональных выборов.

Городское представительство в земстве увеличивается в размере от $У_{Ц}$ до $^{1}/_{2}$ всего числа гласных обеих избирательных групп**.

Организовавшееся уездное земское собрание производит выборы в собрание губернское на прежних основаниях. Это последнее по окончании своей сессии выделяет предводителя дворянства, председателя управы и городского голову губернского города, вместе с двумя избранными гласными, на областной земский съезд.

Организовавшимся семи областным съездам: Северному, Северо-Восточному, Московско-Нижегородскому, Юго-Западному (в губерниях Киевской, Волынской и Подольской должны к тому времени закончиться первые земские собрания), Средне-Черноземному, Заволжскому и Новороссийскому — министром внутренних дел будет

* Можно, не дожидаясь восстановления прихода, установить и систему приходских выборов, что даст еще лучший состав гласных. Для этого нужно лишь распорядиться выбором повсюду *приходских всесословных советов,* которых первою обязанностью будет установить книги населения прихода. На основании этих книг и должны быть произведены выборы всеми наличными прихожанами, главарями семей (с допущением женщин к голосованию от тех семей, где главенство принадлежит женщине) непременно в церкви, после обедни и молебствия.

** Или, еще лучше, соразмеряется с числом городских приходов.

предложена для разработки программа вопросов вместе с проектом организации областного земского собрания и его органов. Труды съезда поступают в разработку Верховной комиссии и сообщаются для сведения, сличения и замечаний остальным съездам.

По окончании работ областного съезда он избирает на три года по четыре своих представителя в Государственный Совет с таким расчетом, что двум из них придется кроме общих вопросов управления знать хорошо экономическую и финансовую часть.

Избранные двадцать восемь человек входят с правом голоса в состав Государственного Совета, куда затем министром внутренних дел вносится выработанное Верховною комиссиею общее положение о земском самоуправлении и особый устав для каждой области. За сим Верховная комиссия закрывается.

По разработке этих законопроектов и утверждении их Государем в названные семь областей назначаются генерал-губернаторы, которые прежде всего созывают первые областные земские собрания в усиленном составе гласных для приведения в действие во всех подробностях областного самоуправления и ликвидации губернских земств. Подлежащие ведомства выделяют из своего ведения указанные в уставе областей дела и сдают их областному управлению, переводя на службу области на существующих основаниях соответствующую часть своего служебного персонала. Во имя справедливости никто из лиц, находящихся на государственной службе, не должен потерять своего места ни лишиться своего содержания.

Покончив с организациею русских земских губерний в земские области, министр внутренних дел вносит в Государственный Совет свои предположения об организации самоуправления в остальных русских и инородческих областях, кроме Польши. По одобрении основных начал этого самоуправления Советом и утверждении Государем, для каждой области особо, образуется совещание под председательством одного из сенаторов, из двух юрисконсультов, трех земских членов бывшей Верховной комиссии и представителей ведомств по усмотрению Государственного Совета. Это совещание направляется в областной город новой области и для разработки областного устава на началах, утвержденных Государем, пополняет свой состав сведущими лицами из местных жителей и чинов местных управлений правительственных и общественных по приглашению председательствующего в совещании сенатора.

Выработанные таким образом основные положения об организации местного областного самоуправления вносятся, по каждой области особо, в Государственный Совет и затем на утверждение Государя, после чего в область назначается генерал-губернатор, который и действует, как указано выше, на точном основании устава, то есть собирает областное собрание и пр.

Несколько иной порядок должен быть применен для Царства Польского. Там должен быть созван собственный учредительный сейм с совещательным характером, которому должна быть поручена разработка проекта органического устава для Царства Польского. Сейм должен быть созван из депутатов, по одному или по два от уезда, и пополнен представителями городов. Так как гмина всесословна, то достаточно одного от нее представителя в поветовый сеймик, равнозначащий с нашим земским собранием. Этот сеймик вышлет от себя поветового депутата на сейм в Варшаву.

По разработке сеймом Польского органического устава выработанный законопроект вносится министром внутренних дел на обсуждение Государственного Совета с участием депутатов сейма в количестве, например, десяти человек и, утвержденный Государем, становится органическим уставом Польши и приводится в действие генерал-губернатором. Так как Польша должна иметь совершенно особое управление и свой Государственный Совет, то в имперском Государственном Совете единственно ради необходимых замечаний и справок при прениях достаточно присутствия одного ее статс-секретаря, который, совместно с русским генерал-губернатором Польши, будет иметь личный доклад у Государя по внутренним делам и законодательству собственно Польши, вырабатываемому в местном сейме и Государственном (собственно «Областном», Krajow'oM) Совете.

По мере организации областного самоуправления и открытия действия областных собраний, Государственный Совет пополняется представителями областей: по одному от окраинных областей, по два от русских областей Европейской России (как сказано выше) и сверх того по два дополнительных от областей Московско-Нижегородской и Средне-Черноземной. В момент заключения реформы состав земского представительства в Государственном Совете будет:

От областей Северной, Северо-Восточной, Юго-Западной, Заволжской и Новороссийской по два	10 чел.
От областей Московско-Нижегородской и Средне-Черноземной по четыре человека	8 чел.
От остальных девяти областей по одному	9 чел.
От Польши и Финляндии статс-секретарей	2 чел.
От гг. Москвы, С.-Петербурга и Киева	3 чел.
Итого	32 чел.*

Заседания Государственного Совета должны быть гласны и публичны. Прения и законопроекты печататься в «Правительственном Вестнике».

Когда Государственный Совет окончательно организуется, он должен распасться на два совершенно самостоятельных отдела, точнее, выделить из себя всю область экономическую и финансовую, с организацией особого, упомянутого выше, Народохозяйственного совета. Не входя в подробности его организации, мы должны лишь указать, что здесь земское представительство областей имеет еще более важное значение и если придется численно усилить, дабы наличного состава земских членов с избытком хватало для всяких самостоятельных и коллегиальных работ, никакого неудобства отсюда произойти не может.

Государственный Совет останется органом общего законодательства и совещательною Думою около Государя по всем важнейшим политическим делам., Народохозяйственный совет будет самостоятельным органом государственной экономической политики, и его функции, равно как и ближайших служебных его органов, должны составить предмет особенного исследования (см. «Бумажный рубль»).

За реорганизацией Государственного Совета должно последовать восстановление Русской Церкви на канонических началах и высшего церковного управления приблизительно по программе А. А. Киреева[19], покойного Иванцова-Платонова[20] и Н.Н.Дурново[21]. Необходимо лишь добавить к их программе, что метрополии должны совпадать с областями, и в каждой метрополии должен ежегодно собираться епископский Собор. Общий поместный Собор Русской Церкви должен окончательно выработать устройство священного Синода при первенствующем архиепископе-митрополите или патриархе.

Затем должен быть преобразован Сенат в чисто административное учреждение с выделением своих судебных функций в особый Верховный Имперский Кассационный суд.

Полагаем, что в смысле основных начал необходимой реформы нашего государственного строя, направленной к постановке у нас Царского Самодержавия и земского самоуправления на верных и исторических принципах — здесь сказано достаточно. Детали будут вполне понятны. Исчезнет из нашего обихода всего одно лишь Министерство внутренних дел, последний представитель коего сложит с себя обязанности с окончанием реформы. Это всесильное ведомство, которому Россия XIX века обязана крестьянскою и земскою, с одной стороны, ломкою всех великих реформ Александра II, мраком, гнетом и общественным застоем — с другой, сойдет, наконец, со сцены, сменившись чисто техническим ведомством *статистики самоуправления*. Думаем, что не будет необходимости и в особой государственной полиции, ибо полиция областная в руках местных заведующих внутренними делами членов областных управ будет совершенно достаточна. Не будем забывать, что генерал-губернатор есть живой представитель Государя, с одной стороны, и носитель *всей* исполнительной власти в области — с другой.

XX

Настоящий очерк необходимо закончить указанием великой важности текущей минуты и вместе с тем крайней опасности положения России как во внешнем мире, так и внутри ее самой.

Опасность внешняя заключается в том, что, несмотря на видимое блистательное международное положение, занимаемое Россией, она не только не в силах исполнять какие бы то ни было свои задачи или более общие задачи славянского и православного мира, но ежедневно сама, своими руками, создает себе все более и более

* Мы отнюдь не настаиваем на абсолютном достоинстве этих цифр. Это не более, как схема. Жизнь сама покажет, как велико должно быть областное представительство. Его норма — правильное участие в *работах,* возможность образовать все необходимые комиссии и иметь в их составе настоящих работников и сведущих людей.

тягостное положение. Союз с Францией установил, правда, некоторое равновесие сил и отсрочил развязку великих европейских вопросов, но едва ли еще не обострил этим положения. Франция разлагается на наших глазах и, может быть, подошла к кровавому государственному перевороту, из которого не скоро найдется выход. Сила Германии растет не по дням, а по часам. Пока мы не начинали нынешней «активной» политики на Дальнем Востоке, можно было бы в совершенной безопасности со стороны Азии все внимание уделять европейским делам и тихонько подвигаться по нашему историческому пути к Царьграду, ожидая естественной смерти Турции и Австрии. Но теперь наши руки связаны там, а на европейском юго-востоке полные хозяева — Германия и Австрия. Мы не умели привлечь ко франко-русскому союзу Англию и этим обеспечить себе полное преобладание на суше и на море и полную безопасность всякого движения на Балканы и к проливам, для Англии потерявшим значение. Вместо того мы, единственно в пользу Германии, окончательно вооружили против себя Англию и как бы толкаем ее в объятия Германии*. Нет ничего невозможного, что такая комбинация наступит, мир временно будет в смысле гегемонии поделен между тевтонами и англосаксами и тогда, оторвавшись от нас, сюда пристанет и ослабевшая, никому не опасная и ненужная Франция. Тогда решится австрийский вопрос в смысле полного торжества германизма, который уже пробил себе дорогу на новые земли Малой Азии и неудержно стремится к расширению путем мирной колонизации. Россия будет вновь изолирована, но во главе коалиции против нее станет не мимолетный завоеватель, способный лишь опустошить ту или иную полосу и затем исчезнуть, а культурное и могучее племя, задыхающееся в тесноте и не отдающее раз захваченного".

Самый факт существования России, многоземельной и некультурной, с ослабевшим, голодным и кое-где даже вымирающим населением, рядом с организованной, как машина, Германией составляет вопиющую опасность, усиливающуюся с каждым днем

* А еще раньше толкнули в объятия Японии. Без союза с Англией Япония никогда бы не решилась объявить нам войну.

"Эта опасность не только сохраняет сейчас свою полную силу, но и обостряется нашею несчастною войной с Японией.

вооруженного мира. Этот мир все более и более ослабляет Россию и усиливает Германию, которая, шутя, покрывает свои колоссальные военные расходы и умеет перевооружать миллионные армии в глубокой тайне, удерживая всегда огромное военное преобладание, как Англия — преобладание морское.

И никакая внешняя напасть не была бы страшна для России, если бы ее не подтачивали внутри две разрушительные силы; ее поистине плачевная финансовая и экономическая политика и ее бюрократический режим, не только парализующий всякую возможность правильной организации народных сил, но явно эти силы расшатывающий и ослабляющий.

О финансовой и экономической нашей политике слишком много говорено в «Русском Т^уде», и ее ненормальность достаточно выяснена. Ужас перед результатами бюрократического режима, дошедшего в наши дни до последних степеней безобразия и нравственного уродства и, очевидно, ведущий нашу Родину к гибели, побудил нас, может быть, преждевременно, недостаточно обдуманно и зрело, изложить настоящие мысли*.

К чему привел Россию бюрократический режим в последние дни, тому мы все живые свидетели.

Заглянем назад в нашу историю истекающего века. Император Николай I, вступив на престол после революционной вспышки, повинуясь вполне понятному чувству отвращения к идее народного представительства, уничтожил выработанную Сперанским систему в той ее половине, которая составляла противовес бюрократии и контроль над нею. Остался чисто бюрократический режим, приведший Россию к Севастопольскому погрому[22]. Великие реформы Александра II были еще при его жизни извращены в своих основаниях не кем иным, как бюрократиею, заслонившею собой мало-

* Оказывается уже сейчас (1899), что правительство решительно ничего не может сделать для предупреждения голодовок и поднятия сельского хозяйства ввиду диктатуры финансового ведомства, которое решило, кажется, все народное хозяйство России принести в жертву ради удержания металлического обращения и золотой валюты. Эта политика поддерживается всеобщим непониманием экономических и финансовых вопросов и усердным содействием других ведомств, помогавших замалчивать очевидное народное бедствие. Эта же политика поддерживается и всем бюрократическим строем, обратившим правящий аппарат в молчаливое «соглашение» лиц, стремящихся удержаться у власти.

помалу всю живую силу страны и поставившею и земство, и печать, и суд в положение, поистине невыносимое. Бюрократическая финансовая система, проводимая людьми случая, в то же время материально ослабляла страну и, лишая ее экономической силы, парализовала и ее силу нравственную, внося смуту в умы. Та же бюрократическая система не была в силах охранить священную личность Царя-Освободителя[23], и он пал в тот момент, когда уже готов был обратиться к живой народной силе в лице земщины. Та же бюрократия извратила нашу школу, подготовив поколения, к живому делу и ясному пониманию нужд родной земли вполне неспособные. Та же бюрократия привела нас к горькому унижению после великой народной войны. Наконец, та же бюрократия создала неслыханный разврат концессий и всяческого грюндерства[24] и хищения, предав Россию евреям.

Александр III[25], всею душою веровавший в Самодержавие, но под влиянием страшного впечатления от злодеяния 1 марта[26] отстранивший себя от соприкосновения с живыми, уже созревшими в земской школе силами страны, дал полное торжество бюрократическому началу, создав диктатуру графа Д. А. Толстого[27], коего вся задача была извратить и уничтожить всякий след реформ Александра II, унизить и парализовать самоуправление. Под предлогом борьбы с «крамолою» и охраны священных принципов Церкви и Самодержавия, и то, и другое были почти изувечены. Церковь потеряла всякую духовную силу и обратилась в бюрократическое духовное ведомство с диктатором в лице обер-прокурора св. Синода. Самодержавие было явно расхищено министрами, составившими цепь вокруг благородного и прямодушного Государя, иногда и не подозревавшего, что творится его именем.

В это царствование сошли со сцены все крупные деятели, сотрудники Александра II, и место их заняли или скромные посредственности, или явные хищники вроде Кривошеина[28] и Вышнеградского[29]. Почувствовалось страшное безлюдье, ибо обезличенное и придавленное земство перестало выдвигать государственных работников, почувствовалось, что Россия загнивает живая...

Наша бюрократия, падая нравственно все ниже и ниже, не выносит уже и малейшего себе противодействия или противоречия. Она постаралась устранить в России последнюю тень законности, столь для нее стеснительной. Всякая ответственность исчезла совершенно.

Всякая возможность для частного лица в споре с тем или иным правящим ведомством опереться на закон и восстановить попранное право — отнята. Весь народ в полном составе отдан на милость и немилость не тех или иных определенных лиц даже, а мертвого, безличного механизма, сложившегося в страшную систему лжи и произвола, ненавистную даже для самих агентов власти, патриотизм и человеческое достоинство которых совершенно упразднены. Колоссальный, безграничный произвол данного агента власти не может дать ему никакого утешения, ибо над ним сверху тяготеет еще более тяжкий произвол его начальника, и лишь на самом верху, над министрами кончается этот произвол, ибо в Царе одном бодрствует совесть и живо чувство ответственности перед историей. Но вместе с произволом кончается и власть. Какое гениальное проникновение нужно, чтобы распутать сложную сеть интриг, молчаливых соглашений, личных счетов, взаимных обвинений и ловко составленных записок и докладов? И вот среди этого тумана всякое действие Самодержца является одновременно и рискованным, и неуверенным, и вместе с тем вполне ответственным.

В этом именно лежит великая опасность. Когда положение осложняется и Самодержцу становится необходимо действовать, хотя бы и без ясной уверенности в результатах, у него заранее отнята возможность получить добрый совет со стороны. При отсутствии организованной под Верховною Властью земщины всякий совет, подаваемый Царю, является в зловещем свете «нашептывания». Около Монарха может явиться лишь человек случайный, мнение которого может быть верным и совет спасительным также лишь случайно. От такого рода пособия Царскому сознанию да избавит нас Бог! Таким образом могут подсказываться и проводиться меры, коренным образом противоположные истинным интересам России; таким путем могут вырастать в государственных деятелей чаще всего лишь временщики и проходимцы. Такой путь вернее всего компрометирует Самодержавие и ведет Землю к гибели, ибо чем сомнительнее авторитет и нравственное достоинство временщика, выдвинутого случаем на верх бюрократической пирамиды, тем круче и беспощаднее его произвол, без которого ему было бы невозможно Удержаться и несколько дней.

Мало-помалу с исчезновением даже и той слабой тени законности и ответственности, которая была присуща бюрократическому

режиму эпохи Александра II, этот режим развратился до последней степени. Личные интересы и интересы ведомств заступили настолько место патриотизма и интересов Царя и народа, что о последних в наши дни нельзя уже и говорить иначе, как в ироническом смысле. Все оценивается только с единственной точки зрения личного успеха, личной карьеры, возможности подняться кверху и удержаться на добытом путем всяких сделок с совестью, а иногда и прямых злодеяний, месте. Самые лучшие люди, попадая в этот мир, не могут изменить его хода и быстро приспосабливаются к обстановке, хотя бы только во имя самосохранения. Отсюда странное и ужасное явление. Люди у нас неизмеримо выше и лучше, чем их служебные действия. Человек совершенно раздвояется. Честный и благородный в семье и обществе, правильно и широко смотрящий, как писатель или мыслитель становится в своем ведомстве трусливым и бессознательным, а иногда и сознательным орудием произвола, насилия и вообще всякого зла. Много ли найдется у нас на высших постах чиновников, которые хоть сколько-нибудь верили бы в свое дело, более того, имели хоть каплю самоуважения? Да разве же можно уважать себя, ежедневно, ежечасно кривя душой и действуя не по повелениям совести и патриотизма, а по самым низменным побуждениям?

Как ни ужасен, как ни противоестествен такой режим, но он на наших глазах разросся настолько, что буквально упразднил в общественной жизни все остальное, убил всякое проявление частной, личной и общественной инициативы, оставив вольною лишь сферу хищений и наживы. Земство безгласно, общество разрознено, изолировано и молчит, в печати вытравлено всякое независимое и правдивое мнение. Где требования внешнего благообразия мешают произволу доходить уже до полной дикости, там является соблазн подкупа. Можно смело сказать, что печати у нас не существует, а есть лишь ее внешнее подобие. Вся наша жизнь складывается из одних этих подобий, из безграничной лжи, заливающей и оподляющей всех со всех сторон.

И чем сильнее надвигаются опасности внешние, чем ожесточеннее идет разорение России и гибель нашей культуры, тем ярче и махровее разрастается древо нашего бюрократизма на почве произвола, усмотрения и духовного мрака. В то время, как все кругом России сплачивается, усиливается и растет, одна наша несчастная Родина хиреет и сохнет с каждым днем.

Неужели же возможно верить, что в минуту опасности такая страна, хотя бы огромная по своему пространству и населению, хотя бы прожившая и свыше тысячи лет исторической жизни и явившая миру и начала новой культуры, и образцы удивительного государственного смысла, может оказать необходимую сплоченность и силу для борьбы?* Франция времен Второй империи и Россия под Севастополем — примеры, слишком достаточные результатов ослабления начал искренности, правды и народной свободы, без которых немыслим прочный порядок в государстве. Но Россия современная не может идти ни в какое сравнение с Россией 50-х годов. Тогда были живы все великие общественные силы, притаившиеся под внешним грубым гнетом. Каковы-то эти силы теперь, когда оподление и разврат проникли насквозь, до глубин народной жизни, когда уже самый русский народ ослаблен экономически и развращен нравственно и граждански до самых дальних и глухих углов?

Размышляя обо всем этом и группируя ежедневно накопляющиеся разящие факты, человек чувствует, как его сердце невольно сжимается за судьбу Родины и ум зачастую одолевают сомнения в самой возможности какого-нибудь выхода. Лучшие русские люди проникнуты глубоким и безграничным пессимизмом. Они мысленно уже осудили Россию на гибель, ибо не видят даже возможности выхода и возрождения.

Но, может быть, этот пессимизм в конце концов несправедлив? Может быть, он внушается лишь нашею личной близостью к безобразиям современности, к этой гангрене, что разъедает Россию? Может быть, ей предстоит еще и счастье, и благосостояние, и великое мировое будущее? Может быть, это лишь неминуемая законная ликвидация Петербургского периода Русской истории?

Хотелось бы верить этому. Но если для этой веры есть еще место в русском сердце, то она может оправдаться, мы полагаем, только тем путем, какой здесь изображен. Мы думаем, что только органическое здоровое сочетание Самодержавия и самоуправления соответствует и духу нашей истории, и жизненным потребностям нашего народа. Мы думаем, что организующим Россию началом может

* Увы! Это вышло пророчеством. Позорная наша война и вся внутренняя смута есть целиком дело рук бюрократического режима.

быть только начало нравственное, всецело воплощенное в Самодержавии. Мы думаем, что спасет нас именно оно, а не парламентарный режим, о котором вздыхают многие малодушные соотечественники. Но чтобы Самодержавие было истинным, необходимо дать ему твердую историческую и русскую опору

Едва ли есть умный и искренний человек в России, который возлагал бы какие-нибудь надежды на возможность улучшения нынешнего бюрократического режима, построенного на великой лжи. Остается одно: правильный земский строй, уже спасший Россию в 1612 году и блистательно возродивший ее государственность. Этот земский строй не может сложиться иначе, как в форме крупных самоуправляющихся областей, связанных воедино Самодержавным Царем и могущественным, соответствующим времени и потребностям громадного организма России государственным аппаратом. Основы этого строя изложены здесь.

Мы отнюдь не стоим за подробности дела, которые пришлось указать ради полноты изложения, но тем более стоим за способ приложения к жизни славянофильского политического учения о Самодержавии, построенном на самоуправлении; здесь ничего не принадлежит нам лично, ибо это лишь логический вывод из теоретических положений славянофильской школы, посильно сверенный с условиями русской действительности.

II. О ЗЕМЩИНЕ И БЮРОКРАТИИ

(переписка С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским)

I. Вступление. Письмо П. П. Перцова

Здесь на суд читателя передается «обмен мнений», возникший в 1899 г. между мною и издателем «Гражданина», князнем В. П. Мещерским, по следующему поводу. Я послал в числе других редакторов князю изданную мною за границей брошюру «Самодержавие и самоуправление» для отзыва. В ответ на это я получил от издателя «Гражданина» теплое и дружеское письмо с приглашением на беседу. В этой беседе провели мы часа два. Затем в ближайшем «Дневнике» князя Мещерского появился подробный пересказ части беседы, и это вызвало меня на ответ. Я выбрал газету самого князя, как значительно более свободную, чем моя, рассчитывая перепечатать

для моих читателей «Русского Труда» весь накопившийся материал особым изданием. Этому помешало закрытие моей газеты по доносу моего сиятельного оппонента.

Считаю нужным привести здесь письмо, весьма ценное для уяснения сути нашего спора, полученное мною от моего сотрудника по «Русскому Труду» П. П. Перцова[30]. Это письмо может служить и предисловием, и послесловием к нашему спору с князем Мещерским.

Вот письмо г. Перцова.

«С интересом читаю я вашу полемику с кн. Мещерским. Вы позволите передать вам несколько мыслей, навеянных ею?

Читая вас и параллельно князя, точно переходишь из одного психологического мира в другой. Конечно, вы никогда не сговоритесь, при всей искренности и подробности спора: вы как разные геометрические фигуры — например, круг и треугольник, которые могут существовать рядом, но одна в другую никогда не обратятся.

Безо всякого желания говорить вам комплименты, нельзя не заметить одного важного преимущества на вашей стороне: в то время, когда ваш оппонент выражает лишь свой личный взгляд, — "умозрение" князя Мещерского, — вы стоите на исторической почве выработавшегося серьезной и долгой работой воззрения. Князь Мещерский — "субъективен"; вы — "объективны".

И вот в чем, по-моему, весь интерес вопроса: почему князь Мещерский, который в данном случае, кажется, искренно и серьезно хочет добраться до истины, так глух к этой "объективности"? Для нас с вами мысль славянофилов, естественно покрывающая и стирающая предшествовавшие ей попытки несамостоятельного мышления, есть естественный плод развития русской мысли, и то, что она добыла, есть "объективно" убедительный вывод, который нужно понять независимо от степени личных к нему симпатий. Для князя Мещерского это есть все тот же *личный* взгляд, равноправный с его собственным.

Мне кажется, для того, чтобы понять это фатальное "несогласие" князя Мещерского, нужно обратить внимание на основные психологические мотивы публицистики князя; на "элементы" этого треугольника.

Князь не раз объявлял себя *консерватором-*, таким его все и почитают, таков он и есть в действительности. По нынешним

временам это даже чуть ли не единственный наш заправский консерватор (в журналистике). Ведь не г. Грингмута[31] же считать за такового?

А что такое русский консерватизм? Рассмотрите вдохновляющие его мотивы, его основные тезисы, у Каткова[32], у Победоносцева[33], у того же князя Мещерского — и вы увидите, что это есть *западничество,* западничество чистой воды, то есть *европеизм.* Это не то "западничество", которое известно у нас под этим псевдонимом (впрочем, географически верным — ибо Америка еще западнее Европы). То западничество есть, в сущности, не европеизм, а *американизм-.* от *старой,* чистокровной Европы, Европы *до* 1789 г., оно отворачивается, как от врага, а "признает" лишь Европу новую, Европу революционную, то есть ту, которая подернулась иными, ей в ее сущности враждебными началами, нашедшими себе свою природную почву за океаном. Я не останавливаюсь на этом, так как вам моя мысль ясна.

Но что же такое этот "европеизм"? На каких принципах была построена старая Европа, на которую, кстати, всегда не прочь сослаться наши консерваторы (вспомните благоговение Каткова перед Германией — он и свой классицизм-то выдумал, потому что его раньше немцы выдумали)? У них, в их симпатиях и сожалениях, вы никогда не найдете черты, разграничивающей старую, "королевскую" Европу и нашу, *Царскую* Россию; одинаково тяжко вздыхают они о дореволюционной Европе и о дореформенной России. Они чувствуют, что та и другая в самом деле были родственны. Но что одна умирает, а другая лишь ждет в превращениях своей хризалиды далекого времени своего "совершенства" — этого они не знают и, по-видимому, не желают и знать.

Принцип жизни старой Европы, то есть просто Европы, есть чистый индивидуализм. И наши консерваторы — все индивидуалисты. Мир для них представляется как собрание отдельных личностей, связь которых чисто формальная. Все "соборное", говоря "нашим", славянофильским термином, то есть внутреннее, психическое единение, — для них самое непонятное в мире явление. Отсюда вечное недоверие человека к человеку, которым проникнуты их статьи и их деятельность. Отсюда эта *полицейская* "государственность" Каткова; отсюда эта безумная педагогическая система, главным образом основанная на том, чтобы "надзирать"

и "учитывать" учеников, учителей, директоров, округ, всех "соучаствующих". Доверию здесь неоткуда взяться: мир есть механический конгломерат изолированных единиц, и homo homini lupus est[34]. Отсюда и вера князя Мещерского в непобедимое обаяние "Золотого Тельца" и снова требование надзирательства par excellence[35].

На той же точке зрения стоит князь и во всех вопросах вашего спора. Вы думаете, он понимает славянофильскую, то есть национальную русскую идею *русского* монархизма? Вовсе нет — он понимает под ней просто западный, европейский монархизм, то есть *цезаризм.* Для индивидуалиста нет и не может быть другой формы государственности, как *личный* монархизм. Русская идея Царя, как *представителя народа перед Богом,* здесь заменяется идеей Царя (вернее, короля), как *властителя над народом,* хотя бы и "Божией милостью". И в том, и в другом смысле источник власти может одинаково признаваться божественным, но ее направление будет противоположно; в одном случае это *служение,* в другом *господство.* Я думаю, для всякого, знакомого с общим тоном статей Каткова или кн. Мещерского, ясно, что они понимали русский монархизм именно в этом последнем смысле.

Теперь спросите себя: как же может представить себе монархист-цезарист управление страною иначе, как в виде бюрократии? Бюрократия есть естественное распространение идеи цезаризма, и она всегда являлась с ним рука об руку в истории. Как может цезарь доверить осуществление своей власти кому бы то ни было, кроме прямых своих слуг, то есть иерархии малых цезарей, зависящих от него — большого? Откуда тут взяться идее и факту самоуправления и как понять такой факт иначе, как уменьшение монархизма (читай: цезаризма), — как и понимает русское самоуправление кн. Мещерский? Ведь ничего "общего", "соборного" нет в мире ни в государстве. "Государство — это я"[36], конечно, — если весь мир есть тоже только "я", огромное множество рассыпанных "я".

Бюрократия есть только бесконечно разросшиеся щупальца, посредством которых вершина пирамиды, какой-нибудь Людовик XIV, осуществляет *личную* волю, *личное* чувство, *личную* мысль. Славянофилы говорят, что Земский Собор есть естественный советник Русского Царя. Но кн. Мещерский искренне недоумевает — какая связь между Русским Царем и земщиной?

Совершенно понятно также, что для кн. Мещерского нет никаких "объективностей" — ни в жизни, ни в мысли. Каждое воззрение для него есть личное мнение, которое опять-таки верно или ошибочно на *личный* взгляд каждого, но *абсолютно* имеет одинаковую презумпцию истины. И славянофильство для него — не исторически сложившееся национальное мышление, а тоже лишь изолированный взгляд отдельной партии-, и откуда он взялся — также не определено, как происхождение любого частного мнения: "так, ветром надуло".

Кстати, есть ли большее заблуждение относительно славянофильства, чем распространенное предположение, что оно есть одна из веток нашего консерватизма?! Вот уж поистине смешение христиан с евреями (будущего с прошедшим). А между тем в кругу либерализма (наше "настоящее"), кажется, искренне убеждены в этом. "Убежден" в этом, по крайней мере, убеждает нас, что он убежден, и знаменитый наш критик славянофильства г. Владимир Соловьев[37].

А тот, чей острый ум тебя и постигал, —
В угоду им тебя лукаво порицал...

Но возвратимся к кн. Мещерскому. Мне кажется, теперь можно с уверенностью сказать, что князь не отступит от своих взглядов, и даже заранее определит возможные для него, в случае того или иного спора, ответы. Вообще, в споре самое интересное — выяснение "элементов" противника, а что в данном случае они найдены верно — я думаю, не откажется признать и сам князь, если прочтет это письмо. Обидного для него тут, мне кажется, тоже нет ничего; чем же треугольник хуже четырехугольника или круга? Мне, положим, симпатичнее всего последний, но это, вероятно, потому, что я — славянофил».

Разумеется, в нашем споре князь остался при своем, мы при своем. Но самый спор имеет огромную важность. Кроме нас, двух спорящих, есть еще и читатель, и кто знает, на чью сторону он станет? Важно то, что в споре обе стороны предъявляют весь возможный арсенал аргументации.

II. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

Среда, 18 августа, 1899 («Гражданин», №64)

Сегодня вел оживленную беседу с человеком, искренне убежденным в том, что единственный верный путь к светлому будущему для России есть развитие самое широкое местного или земского самоуправления, на которое он смотрит, как на единственную прочную основу для Самодержавия и как на единственный способ избавить русскую жизнь от гнета на нее бюрократических централизаций.

По его словам, теперь время вполне удобное для расширения земского самоуправления, так как духовный мир местной интеллигенции, коей большинство есть местное дворянство, значительно изменился. Изменение это, по его словам, заключается в двух главных явлениях: во-первых, в том, что в настоящее время почти вывелся тип западного доктринера-либерала, имевший такое влияние на нашу жизнь в 60 и 70-х годах, во-вторых, в том, что большая часть местного образованного общества, хотя и разочарована и скептически относится чуть ли не ко всем вопросам русской жизни, но тем не менее в этом большинстве русских людей еще не потух огонек участия к жизни; если для его деятельности будет предоставлено в широкой доле ответственной работы на месте, определенной и самостоятельной, то этот огонек может разгореться в могучее пламя и вдохновить целые плеяды людей к труду самоуправления. Во всяком случае, говорит мой собеседник, этот путь широкого самоуправления находит себе оправдание в истории Русского государства, и как мера против усиленного бюрократизма, он несравненно более русский, чем тот пошлый западный либеральный путь, который другого исхода в борьбе с бюрократией, как конституции, не находит.

Во всем, что касается критики нынешнего порядка вещей, я со своим собеседником ни в чем не расходился и, как он, приходил к заключению, что децентрализация есть единственное средство в интересах правительства и народа улучшения государственного благосостояния. Но затем, сказал я моему собеседнику, той прыти, с которою он решал этот вопрос посредством широкого механизма земского самоуправления, я, к сожалению, не имею.

Надо подумать над тем, в чем заключается причина, так усилившая бюрократизм и так ослабившая все органы местной самодеятельности. Если бы усиление центральной бюрократии происходило одновременно с яркими проявлениями энергии и жизни в органах местной самодеятельности, тогда не трудно было бы решать задачу упорядочения русской жизни посредством усиления этой местной самодеятельности, доказавшей свою жизнеспособность на счет центральной бюрократии. Но так как в истории последних сорока лет мы видели, что центральная власть предоставила земскому самоуправлению весьма широкое поле деятельности, в особенности в начале введения земских учреждений, и невзирая на то, что земское самоуправление нашло в себе силу исполнять едва лишь сотую часть своего дела, то весьма естественно прийти к заключению, что не бюрократическая централизация, а что-нибудь другое мешало местным органам жизни развивать самоуправление.

И если это так, то логически усомниться в том, чтобы теперь, когда бюрократическая централизация усилилась, а местные органы самодеятельности еще более ослабели, благосостояние России поднялось бы от осуществления проекта еще более широкого местного самоуправления. Притча о зарывшем свой талант в землю здесь невольно припоминается для того, чтобы подорвать доверие к такому, например, аргументу: земство ничего не сделало или очень мало сделало в течение тридцати с чем-то лет с широкими задачами, самоуправлением на него возложенными; расширься еще больше это самоуправление, и земство сделает очень много. Мне кажется, во всяком случае, что бесспорного в предлагаемом вами способе решить дилемму весьма мало. Бюрократия бесспорно вредна и тягостна, когда она усиливает свою сферу деятельности, но дело все в том, что и земство в своей деятельности превратилось в ту же бюрократию: та же бездушная переписка, тот же дух произвола, то же равнодушие к местным живым интересам. Это заставляет предполагать, что между русским чиновником в вицмундире и между земским человеком в пиджаке разницы в духовном мире нет. Это те же люди, в разные положения поставленные. Значит волей-неволей приходишь к мысли, которую я так давно проповедую как главную: дело не в учреждениях, а в живых лицах; значит, чтобы дело шло лучше, надо не пересаживать людей, как в квартете Крылова[38] с места на место, а переделывать их. Мы перейдем, следовательно, к вопросу о воспитании. Вы говорите: дайте русские исторические учреждения местному земскому самоуправлению — и Россия будет спасена, а я говорю: дайте русское историческое и народное воспитание русскому современному человеку - и Россия будет спасена. Спасение ее будет заключаться в том, что люди, в бюрократических центрах иначе воспитанные, поймут, что децентрализация нужна для блага России и для прочности ее самодержавного правительства, и дадут широкий простор местному самоуправлению, а русские люди на месте, тоже иначе воспитанные, поймут, что их интересы, личные, и общественные, и местные, требуют от них патриотического отдания себя всецело службе местного самоуправления. Но пока этого нет, и русские люди получают воспитание космополитическое и абстрактное, русский человек, как чиновник, только централизирует, а русский человек на месте ничего не делает и ничего не хочет делать.

III. Два слова о самоуправлении

(Письмо С.Ф.Шарапова. Из «Гражданина», №65)

Очень Вам признателен, многоуважаемый князь, что вы привели часть нашего разговора в вашем дневнике от 18 августа. Вы передали совершенно верно мои слова и ваше на них возражение, оставив за собою последнее слово. Но вы согласитесь, конечно, что вопрос этим не исчерпан, и я верю, что в интересах его правильной постановки вы мне разрешите сказать несколько слов вам в возражение и *у вас же*.

Вы говорите: «Если бы усиление центральной бюрократии происходило одновременно с яркими проявлениями энергии и жизни в органах местной самодеятельности, тогда...» и т.д. «Но так как в истории последних сорока лет мы видели, что центральная власть предоставила земскому самоуправлению весьма широкое поле деятельности, в особенности в начале введения земских учреждений, и невзирая на то, что земское самоуправление нашло в себе силу исполнять едва лишь сотую часть своего дела, то весьма естественно прийти к заключению, что не бюрократическая централизация, а что-нибудь другое мешало местным органам жизни развивать самоуправление».

Вы, здесь, князь, и правы, и нет. Да, с одной стороны, свобода была большая. Можно было двум земствам закабалить себя гарантией железной дороги, можно было просить кое-где даже о конституции. Первое было грустно, второе забавно. Вообразите себе, что вместо административной рассылки господ-конституционалистов появилась бы полностью их «петиция» в «Правительственном вестнике» с таким *эпиграфом-*. «По докладу о сем Его Императорскому Величеству* было благоугодно собственноручно начертать: *глупцы*». Я полагаю, что это как рукой сняло бы всякие конституции. Это покрепче даже исторической Петровой[39] дубинки. Вообразите всероссийский взрыв хохота и вечную, словно гвоздем прибитую кличку!

Но ведь дело-то вот в чем: земский регламент дало правительство. Оно указало в нем систему *выборов*, что в земском деле *все*. Что же это были за выборы? Могли ли они дать мало-мальски путное *народное* представительство? Почти никогда, разве по счастливой случайности.

Землевладельческая избирательная коллегия могла выставить «деятелями» сплошную *победившую* уездную партию, которая и становилась самовластною хозяйкою в уезде, вне всякой оппозиции; крестьяне словно нарочно «избирали» так, что никого вовсе не могли послать, кроме лиц, указанных мировыми посредниками, а позднее непременными членами, то есть членами той же господствующей партии. По старому закону это были не выборы, а, поистине, черт знает что! Только в губернских собраниях было что-то похожее на дело, ибо встречались люди из разных уездов.

Это раз. Второе то', что земская «свобода» продолжалась очень недолго. Политическая неурядица в центре была теми очками, сквозь которые власть смотрела на земство. Началось урезывание прав, недоверие, взаимное отчуждение власти и земства и окончилось полным озлоблением. Знаю, виновато, конечно, и земство, но, ради Бога, прочтите большой труд нынешнего одесского головы П. А. Зеленого, напечатанный в моем «Русском Деле» 1888 года: «Земские учреждения и реакционная печать», и вы, князь, в ужас придете!

* Александр II и некоторые земства, например, С.-Петербургское, Черниговское и пр.

До Сената доходили вопросы такие, как о перекрашивании верстовых столбов...

Серьезно! Циркуляры и запрещения стали частоколом вокруг земской работы. Наконец, старое, «самостоятельное» земство было заменено нынешним, с другим составом и другими порядками. Земцев нарядили в мундиры и причислили к государству во исполнение странной мысли гр. Д. А. Толстого из самоуправления сделать нечто вроде ballon captif[40], с веревочкой в руках у губернатора...

Чтобы понять всю неурядицу, и до, и после гр. Толстого в земской жизни, изменившую только внешние приемы и костюм, представим себе настоящее, *живое*, а не бюрократическое отношение к земству.

«Господа! Вот вам самоуправление и полная самостоятельность. Но помните: надзор за вами будет строжайший, ревизии частые и серьезные. Всякое ваше нелепое постановление будет отменено*; ваше денежное хозяйство будет проверять Государственный Контроль. Всякая жалоба населения вызовет командировку особого уполномоченного для исследования, а при малейшем хищении вы будете немедленно отданы под суд».

Вместо этого: надзор исключительно политический, вернее, полицейский: «Тишина, молчание, господа! Не поднимайте никаких "неудобных" вопросов. О конституции, Бога ради, не заикайтесь, борьбы с властью не затевайте. Ну, а деньги зато можете тратить как угодно. Ревизионные комиссии ваши пусть будут из кумовей и братьев и пусть едят кулебяки, пьют шампанское и молчат».

Контроля никакого, а жаловаться обывателям коллективно было строго запрещено законом. О ревизии земских дел никогда и слыхом не слыхали.

Неужели этих обстоятельств было мало, чтобы привести земство в полную негодность? И что же, однако? Так ли воровали и расхищали в земстве, как в центре страны? Так ли спали, как спят иные ведомства? Так ли отдавали в жертву интересы населения, как это Делалось многими весьма высокими канцеляриями и департаментами?

* Разумеется, не дискреционной властью, а, например, Сенатом по представлению министра внутренних дел и непременно в состязательном порядке.

Если вы, князь, захотите перелистать книгу г. Сазонова[41] о сельскохозяйственной деятельности земств, то есть именно о том предмете, где земство сделало *меньше всего*, вы будете поражены этой огромной и разнообразной работой. А сколько сделано по медицине, по образованию, по статистике! Я не говорю, *как* сделано: в иных местах хорошо, в других дурно, но количество сделанного необъятно и в самом худшем земстве сделано едва ли не больше и не лучше, чем в любой канцелярии.

Но вот старое земство ликвидировали. Явилось новое, гр. Д. А Толстого. Выборы? Еще хуже! Персонал? Много хуже, ибо — увы! — дворян уже не хватает. Для выборов чуть не мертвецов из могил приходится выкапывать. Да и дворяне остались в большинстве обнищалые, голодные, жалкие. Самостоятельность? *Каждое* постановление может быть опротестовано и уничтожено.

С другой стороны, какую бы глупость или вред земство ни сделало, но раз губернатор *не* опротестовал, вы никакого права не имеете возражать: сделано с благословения местной власти, то есть *она взяла на себя ответственность.*

И что же вышло? Вышло именно то, что вы говорите: земство или самоуправление превратилось в бюрократическое учреждение.

Значит... «значит, — говорите вы, князь, — что дело не в учреждениях, а в живых лицах; значит, чтобы дело шло лучше, надо не пересаживать людей, как в квартете Крылова с места на место, а переделывать их. Мы перейдем, следовательно, к вопросу о воспитании».

Мысль совершенно верная. Вы правы, князь, но мысль *неполная.* Надо добавить *нечто,* а именно: предполагая, что рамки совершенны, все дело будет в людях, то есть в их воспитании. Но разве же не может случиться, что *отличные люди* в скверных рамках будут действовать скверно?

Крылов прав:

> ...Как друзья вы ни садитесь,
> Все в музыканты не годитесь.

Ну, а обратно: представьте квартет из наилучших солистов. Сели. Оказывается: скамейки подламываются, свечи гаснут, а тут еще ноты подложены из «разных опер»! То-то они сыграют хорошо!

У нас и в бюрократии, и в земстве налицо: и скверные рамки, и плохие, в большинстве, невоспитанные для понимания народной жизни и ее нужд люди. Позвольте же вас, князь, спросить: что прикажете отнести на рамки и что на людей? Вот в этом-то весь и вопрос. Людей переделывать — ох, мудреная задача, да и длинная! А дайте рамки, *приспособленные к наличным силам,* лучшие *в данную минуту, в данном составе.* Это и будет решение вопроса. Тогда скажите: мы сделали все, что могли, но русский культурный класс в уезде со всем его окружающим *такая дрянь,* что толку не выходит никакого и самоуправление невозможно...

Так разве мы имеем право это сказать? Разве опыт был сделан? Это мы-то дрянь? Господь с вами! Отчего же в военном мире мы не дрянь? Отчего же не дрянь в монастыре, где можно видеть чудеса самодеятельности, инициативы и порядка? Валаам, Соловки, Афон новый и старый! Мы дрянь, действительная, истинная дрянь *только в канцелярии.* Выше меня мой начальник Иван Иванович, который только и думает, как пролезть в директора: ниже меня много Иванов Ивановичей, которые смотрят мне в рот и готовы делать, писать и проводить что угодно, лишь бы вовремя получить Анну[42] или сорвать на «гуся». Да будь я сам Аристид[43] по доблести или Наполеон[44] по гению, я пропаду, развращусь в этой среде! А дайте-ка мне честное, чистое и *ответственное* дело, да *на людях,* да нравственно-удовлетворяющее, да *самостоятельное*?!.. Я убежден, что и сами эти Иваны Ивановичи (а уж наверно 7, их) переродятся и явятся во всей мощи и красоте русского человека. В том-то и секрет, что *один и тот же* русский Иван Иванович сегодня умирает на Шипке[45] героем, а завтра проворуется в еврейской компании или протухнет в департаменте. Вспомните Меншикова[46]: и правая рука Петра Великого, и заведомый хищник...

Великое дело рамки. Да не в них ли и наилучшая школа? Не они ли и вырабатывают собственно людей?

Я категорически утверждаю: дайте настоящие рамки самоуправлению, то есть: 1) правильные выборы, 2) ответственность не «предварительную», а «карательную» перед законом, 3) самостоятельность при возможности борьбы *во имя закона со всеми* органами власти, до Сената включительно, и 4) контроль в денежных Делах. Словом, поставьте дело так, как у меня изложено в брошюре

«Самодержавие и самоуправление», и я берусь вам в каждом уезде создать очень порядочное самоуправление, ибо, хотя вы этому и не верите, все элементы для него в самом плохом и захудалом уезде найдутся.

В каждом уезде есть между землевладельцами несколько человек кристальной чистоты и честности и высокого идеализма. Они все пойдут в земство*. Им нечего бояться *грозы* и *контроля* — этого боятся только хищники и нерадивцы, те сами уйдут. В каждом приходе (но только в приходе!) найдутся умные и честные крестьяне ли, дворяне ли, разночинцы ли, которых приход (но только он!) и пошлет на земское собрание. Получится состав наилучший из возможного в данную минуту...

В заключение два слова по поводу воспитания. Вы говорите: «Дайте русское историческое и народное воспитание русскому современному человеку — и Россия будет спасена». Святая истина. Но кто же ведает теперь этим воспитанием? Кто составил университетские и гимназические уставы, кто дал программы? Кто монополизовал все образование в России? Все те же бюрократические канцелярии. Хватит ли у них сил при самых лучших намерениях (допустим это) переделать так дурно сделанное дело? Дождемся ли мы доброго исторического и народного воспитания?

Сомневаюсь, князь, и вот почему. Образование дает школа, но воспитание — семья и жизнь. Историческое и народное воспитание получается не из книг и лекций, и даже не из бесед с учителями и профессорами, а *прежде всего* из жизни. *Историческое* и *народное* должно быть кругом: в Церкви, в семье, в атмосфере,

* Не хочу оставить недоразумения. Выборы землевладельческой коллегии, несмотря на разный состав ее, при старом и при новом порядке одинаковы по большинству голосов. В гласные попадает вся целиком партия и ни одного противника. В странах парламентарных, разумеется, ни одна из партий не согласится на *пропорциональное представительство* (обязательно гарантирующее и меньшинство), но что может иметь против такого порядка в земстве самодержавное государство? Выборы производятся так: число избирателей делится на число гласных. Например, 100 человек избирают 20. Цифра 5 и есть то количество шаров, которые достаточны для выбора. Остальные шары не считаются. При записках считают первых пять имен с начала списка. Меньшинство, например, в 30 человек из 100 непременно получит 6 гласных, большинство в 70 человек 14 гласных.

в печати, в обществе, в вагоне, в театре, повсюду. Как удержится в юноше самая лучшая историческая и народная *теория*, если кругом него в жизни *практика* представляет безурядицу, хаос, гибель всех принципов, отсюда отрицание, недовольство все на все, разорение и падение?

Именно эта атмосфера, переполненная отравою всяких отрицаний и невольно воспитывающая и мужика, и барина, и делает из них то, что мы сейчас видим. Ваши слова, князь, «дайте русское историческое и народное воспитание» значат столько же: «перестройте школу», как и «проветрите атмосферу». А проветрить у нас атмосферу можно только, смело и безбоязненно перейдя к местному самоуправлению.

Я думаю, если наши предки умели не только самоуправляться под крепкою государственною властью, но и *собственным почином* умели создать и потом снова воскресить эту крепкую власть, то мы сумеем и подавно. Для этого нам нужно только вздохнуть свежим воздухом, да припасть к земле, которая, как древнему Антею[47], вернет нам и разум, и силу.

IV. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

Понедельник, 23 августа (№ 65)

В этом номере я печатаю письмо ко мне С. Ф. Шарапова, то есть того собеседника, об обмене мыслей с которым я говорил в моем «Дневнике» в прошлом номере. Письмо его, кроме ума, имеет несомненную прелесть в том, что дышит жизнью. Как видно из этого письма, он отчасти соглашается со мною, с моею главною мыслью о необходимости воспитанием русских людей изменять строй жизни, но допускает возможность независимо от этого сделать местное самоуправление плодотворным, поставив людей и дело в определенные рамки. Отчасти, скажу, и я готов с ним согласиться. Рамки в этом, как и во всем, великая вещь, и если жизнь чем-либо страдает существенно во многих отношениях, это именно отсутствием рамок. Поставленные в рамки посредственные люди станут пригоднее ко всякому делу даже недюжинных, не поставленных R рамки.

Но дело в том, что одними рамками, если речь идет о возрождении внутренней России, о пробуждении в ней плодотворной

жизни, о действительном превращении местной самодеятельности в твердую основу Самодержавия, ограничиться нельзя по той простой причине, что рамки могут упорядочить действия, но не могут главного — вдохновлять деятеля. А государство в своем развитии двигается, главным образом, не техникою дела, а духовным настроением, вдохновляющим деятелей и проникающим собою все их действия.

Взгляните ближе в наш петербургский бюрократический мир. Вы в нем увидите много способных и даровитых лиц, вы также в нем увидите довольно определенные рамки, в которых столоначальник ясно отделяется в своей рамке от начальника отделения в его рамке; но как часто, присматриваясь к этому миру, вы видите, что эти даровитые, в рамки поставленные люди, изощряют свой ум над явно непроизводительною работою и вдохновляются или предвзятыми целями, или иллюзиями, рождающимися от незнания жизни, или от равнодушия ко многому, что их душе кажется чужим, а при ином воспитании имело бы для нее значение родного. Сколько раз каждому из нас приходилось видеть и понимать, как часто самое простое живое дело уходит, Бог весть, в какие бюрократические эмпирии, вовсе не по злому умыслу чиновника, а просто потому, что в его душе не оказывается того духовного элемента, которым он мог бы подхватить живую сущность дела, и нет отзвука на известную жизненную нужду. А нет этого потому только, что он прошел школу и вышел в жизнь совсем чужой для духовного мира своего народа. Его совесть стоит перед законным, но весьма редко стоит перед жизненным.

Перекиньтесь затем в любой уголок провинции, и я думаю, что за немногими исключениями, в деятеле местном вы найдете те же духовные явления, происходящие от тех же причин. Грустно сказать, но по совести надо в этом сознаться: всего более похож местный деятель по духовному своему мировоззрению на петербургского бюрократа, когда их уравнивает пройденный курс высшего образования. В этом отношении по отчужденности от русской жизни они родные братья. Возьмите для примера любое дворянское собрание, в котором за последние годы так значительно увеличивается процент дворян, отрекающихся от своих исторических сословных преданий и проповедующих необходимость превратить дворянство в земскую бессословную массу. На этой почве

такие дворяне и местные деятели не родные ли братья петербургского бюрократа? Тут рамки бессильны, ибо дело уже в процессе духовного растления, коего зачатки в таких дворянах восприняты безнародною школою. И чем ниже уровень образования в местном деятеле, тем легче он делается практически толковым деятелем на месте, тем ближе он к жизненной правде, тем более чуткости в его душе к народной нужде.

Все, что говорит г. Шарапов о причинах, мешавших земству сделать свою деятельность плодотворною, безусловно верно. Но дело в том, что, если бы земские люди были по воспитанию более русские, неблагоприятные обстоятельства, о которых говорит г. Шарапов, не могли бы так легко иметь на них деморализирующее[48] и разочаровывающее влияние. В них была бы энергия в борьбе за идеалы, за заветы, за нужды народной жизни. Препятствия самодеятельности в людях, с запасами любви к родному и к долгу, не только не охладили бы эту энергию, но, напротив, усиливали бы в них охоту работать для местных живых нужд. И с течением времени местная жизнь могла бы вырабатывать не говорунов и не либералов, а живых и благородных деятелей, которыми, несомненно, воспользовался бы всегда нуждающийся в выдающихся деятелях Петербург. Вот над этими-то фактами следует, по-моему, призадуматься. Они доказывают, что наш местный организм государственной жизни, так же как и центральный, требует радикального лечения, и это лечение заключается, как я говорил, в воспитании на началах исторической и народной жизни. Но я скажу, как говорит иногда врач при консультации: то, что предлагает мой коллега, — определенные рамки для местной самодеятельности — полезная мера, но паллиативная.

V. Люди, или рамки?

(Письмо С.Ф.Шарапова. Из «Гражданина», N°66)

Вы позволите, князь, продолжать полемику с вами? Из нее начинает выходить нечто хорошее, и я уверен, что, в конце концов, Добросовестно разбирая аргументацию друг друга, мы придем, Может быть, в первый раз в русской литературе к чему-нибудь положительному.

Вы говорите: «одними рамками ограничиться нельзя по той простой причине, что рамки могут упорядочить действия, но не могут главного - *вдохновить* деятеля». «А государство, — прибавляете вы, — в своем развитии двигается, главным образом, не техникою дела, а духовным настроением, вдохновляющим деятелей и проникающим собою все их действия».

От всей души присоединяюсь к этим положениям. Я никогда не говорил, что рамки *все*. Я сам первое место отвожу *духу*. Наилучшие рамки — это хорошо содержимое кладбище. Идеал порядка! Лежат себе покойники смирно и гниют потихоньку. Дух отлетел и в оставшихся рамках действуют и живут только черви, пока не затрубит труба Архангела[49].

Но вы, князь, тут же приводите чудесный пример, из которого вывод у меня будет совсем иной, чем у вас. Вы рисуете петербургскую канцелярию с ее бесплодною работою. Вы видите, что люди там действуют в очень стройных и определенных рамках, и люди, вдобавок, хорошие, но из дела этих людей ничего не выходит, потому что человек прошел никуда не годную школу и вышел оттуда своему народу вполне чужой.

И здесь вы, князь, отчасти правы, но в этой схеме опять пробел. Ну, а человек безусловно подготовленный, знающий народные нужды и единый по духу с народом, человек, надлежащим образом воспитанный или сам перевоспитавшийся, может в этих рамках работать? Как вы полагаете?

Нет, безусловно, нет! И не потому, чтобы рамки были плохи, а потому, что дух бюрократический, этим рамкам неразрывно свойственный, есть дух мертвечины, дух зла.

Позвольте привести пример. Важная правительственная комиссия из больших чиновников, почти сановников. Делопроизводитель — новичок, взятый «для освежения воздуха», толковый, честный, одушевленный желанием послужить родине. Дело идет о крупном и безобразном хищении в одном ведомстве, несколько превосходительств коего сидят в комиссии. На первом же заседании вся грязь всплывает наружу. Журнал составлен образцово. Председатель одобряет, но качает головой.

— Что вы, ваше пр-во?

— Молоды вы очень... Ну, что же? Ничего. **Пошлите для подписи** членам.

Журнал идет к одному из членов того ведомства, где учинено хищение, самому главному. Возвращается в таком виде: вся запись делопроизводителя перечеркнута, рядом пришит новый лист и на нем написано нечто совершенно противоположное тому, что говорилось.

Бежит делопроизводитель к председателю. Тот улыбается:

— Ага! Ну, так и есть!

— Ваше пр-во, да ведь это же подлог?

— Такие слова не употребляются, милейший, — смеется тот. — Это «исправление редакции». У нас иначе не делается.

— Ну, а как же дальше? Ведь и другие записи теряют смысл.

— Да ведь журнал ко всем будет послан? Все и исправят.

Когда через несколько недель журнал вернулся и его пришлось вновь пересоставлять, оказалось, что получается нечто прямо противоположное. К министру попал журнал радикально «исправленный». Составлял его уже другой чиновник.

Что вы на это, князь, скажете?

Ну, положим, честный делопроизводитель, увидя два, три раза, что от него требуют сделки с совестью, плюнул и ушел. Но ведь чиновник поступает обыкновенно необеспеченный. Мест мало, место схвачено зубами. Протестовать и уходить? А есть что? А тут супруга, какая-нибудь Анна Ивановна, такая миленькая, такая любящая, пристает: «Когда же у нас с тобой, Коля или Ваня, абонемент будет?»

И вот человек с высшим образованием, полный всяких либеральных принципов, сначала мирится со сделками с совестью, знакомится с угодничеством, отравляется ложью, затем втягивается и развращается, становясь почти поэтом бюрократического «творчества».

Позвольте, князь, тут не о понимании народного духа, не о таких уже тонкостях речь идет. Тут вопрос: *делать подлог или не делать*? Это доступно и нашему студенту, и юнкеру, и праворедеву, и кому угодно. Жизнь отвечает: *надо делать, а то будешь голодать.*

Позвольте еще сценку, коротенькую,- честный министр, честнейший директор департамента, честный и идеалист начальник отделения. Люди подобраны чуть не специально для «искоренения хищений». Идет доклад начальника отделения директору.

— Семен Павлович, по делу такому-то ничего сделать нельзя. Совсем противозаконно.

— Послушайте, голубчик! Это княгиня Тер-Адербейджанова лично министра просила. Вдобавок она привезла еще письмо от Икса Игрековича, вы понимаете? Черт ее побери, надо сделать. Баба преподлая и напакостить может страшно. Министр очень просит. Ему сейчас нельзя ссориться. Мы проводим наш проект. Ради Бога, сделайте как-нибудь.

Новичок-начальник отделения не сдается.

— Семен Павлович! Ничего нельзя сделать. Дело кричащее.

— Да уж как-нибудь. Пожалуйста! Министру это необходимо. Ну, поройтесь в Строительном уставе, в Уставе о промышленности. Черт с ней, пусть подавится! Но вы нам огромную услугу окажете...

Верьте, князь, через несколько лет в данном случае никаких увещеваний и разговоров не будет. И княгиня Тер-Адербейджанова не будет ни рекомендательных писем доставать, ни министра тревожить. Она прямо явится к названному начальнику отделения, и он сам ей, á force de forger[50], всякую штуку обработает...

Вы, князь, достаточно хорошо знаете наш бюрократический мир, чтобы не назвать такие примеры чем-либо исключительным, карикатурою.

Что я хочу сказать этим примером? А вот что: поскольку речь идет о законодательстве, о выработке того, что для народа полезно и в народном духе, вы правы: у нас нет людей среди нашей бюрократии, да и вне ее их почти не видать. Тут надо *готовить людей*, но об этом после. Но в чем вы, князь, не правы, это в том, что наши личные чиновники не годны вследствие «отсутствия в них того духовного элемента, котóрым схватывается сущность дела». Для законодательства, *да*, для административных мероприятий — пожалуй, но не для 99 из 100 текущих дел. Для этих дел нужны только две вещи: *грамотность* и *честность*. Грамотность чиновничья — это знание форм, умение прочесть и применить закон, честность... а вот честность — это такое, это даже формулировать трудно. Слева стоит простая элементарная *порядочность*, справа — *доблесть*. Ну, где уж нам искать доблести, останемся при простой порядочности: не *задержи* дела, ибо обыватель страдает. Не ищи подходящих статей, чтобы «обставить» заведомую кривду. Только бы это было, и мы бы вздохнули с облегчением.

Теперь спрашивается: откуда это идет? Неужели самая плохая, самая глупая и антинациональная школа готовит у нас к лени и подлогам? Как ни плоха наша школа, но *никто*, конечно, никто из нашей молодежи не поступает на службу с такими принципами. Все стремится более или менее к правде и добру. И студент, и семинарист, и какой-нибудь глупый марксенок[51], и «народник», и нигилист даже, все, коренным образом различные по своим взглядам и мечтам, входят в жизнь с некоторою свежестью и идеализмом. Дайте им одно и то же дело: составить доклад о разрешении такому-то — ну, хоть школу сельскохозяйственную открыть. Все трое напишут одно и то же, ибо помимо посторонних соображений, на основании закона это простая математическая задача, или аптекарское приготовление лекарства по рецепту. Умствовать нечего. Прочти закон, сверь с ним ходатайство — соответствует, пиши доклад. Не соответствует, приведи в соответствие, объясни просителю, затребуй новых данных...

Все это азбука *элементарнейшей* добросовестности. Но ведь в том-то и беда, что дела залеживаются, решаются случайно, и куда вы ни пойдете, вам говорят: вот бы письмецо от Икса Игрековича, тогда можно...

Спрашивается: школа ли это дала? Не другое ли что отравляет нашу бюрократическую работу, и порядочного, честного, умного человека делает в качестве чиновника ненавистным русскому обывателю?

Ответ сам собою подсказывается. Нет, не школа, или по крайней мере не только школа.

Два элемента калечат и уродуют людей в нашем служебном мире: *канцелярская тайна* и *безответственность*.

Недостатки школы исправляет жизнь, стремится исправить. Но *канцелярская тайна*, но *безответственность* — вещи до того всесильные и всемогущие, что перед ними нет спасения! Развращайся, или уходи, ибо вне этой тайны, вне этой безответственности бюрократия, по крайней мере наша, немыслима. Это ее принципы, ее дух.

Русская бюрократия потому-то и вредна, что ничто так не противоречит нашему *национальному характеру*, как мрак и безответственность. Русский человек не выносит мрака. На людях, *на миру* он герой, он умирает на Шипке, он за правду, за веру, за

убеждение сложит голову. Во мраке он тотчас же свихнется, оподлеет и опоганит свою душу Тоже и с ответственностью. Увы! Наш национальный характер таков, что над нами должна быть всегда гроза. Скажите офицеру: командуйте и берите на себя всю ответственность: он будет счастлив, ибо воспитан в постоянной ответственности, жаждет самостоятельности и не боится за себя. Таков дух военного дела. Скажите монаху: иди и делай то-то. Он берет на себя ответственность как «послушание». Скажите-ка чиновнику, чтобы он что-нибудь взял на свою ответственность, и он тотчас же струсит и спрячется.

Бюрократическая ответственность есть грубейший обман, есть передача ответственности с рук на руки, есть прятанье за спину начальника. Сделал пакость начальник отделения. Бумага прошла, подписана, доложена. Может ли директор департамента отказаться от своей подписи и сказать, что его надул начальник отделения вздорным докладом на основании подложной справки столоначальника? Может ли министр взыскивать с директора или разоблачать его? Нет, нет и нет.

И вот у нас во мраке канцелярии делаются мерзкие дела честными и порядочными людьми. Делаются часто бессознательно. Закон играет роль прикрытия, ширм, обстановки, даже сообщника.

Я злоупотребляю вашим вниманием, князь, но вы понимаете, какая это ужасная тема? Вы сами часто о ней говорили. Сжимаю мой вывод в несколько кратких положений.

Не рамки бюрократические ужасны, ужасен дух, с ними неразлучный, дух, калечащий все живое, дух, требующий мрака. Можно ли этот дух из этих рамок выкурить, можно ли их проветрить и наладить, как мечтал'Сперанский? Поможет ли здесь школа, высокий нравственный уровень людей?

Думаю, что нет. Ответственности установить нельзя, раз должности идут по неразрывной цепи и одна другую рождает, направляет и прикрывает. Канцелярскую тайну устранить при этом порядке тоже нельзя. Как вы это сделаете? Позволить газетным репортерам в делах рыться? Или чиновников на площадь сажать заниматься? При бюрократическом строе даже гласность бесполезна, потому что нельзя будет разобраться в обличениях и правду отделить от сплетен.

Выход отсюда один. *В государстве с самодержавным образом правления бюрократия невозможна.* Это я старался доказать в моей брошюре, и вы, князь, с этим отрицательным положением, кажется, согласны. Я отнюдь не думаю, чтобы самоуправление так-таки и заблистало неведомой красотой. У него тоже куча темных сторон, и оно может являть примеры отвратительные. Но в нем *есть жизнь*, но оно не противоречит национальному нашему складу, оно *излечимо* и *исправимо.* Земского истинного строя мы еще не испытали. Но ведь ничего другого не остается. Не конституции же желать, не парламента!

А затем я первый обеими руками подписываюсь под вашим требованием воспитания «на началах народной и исторической жизни». И в этом смысле я готов приветствовать даже последний циркуляр министра народного просвещения, вновь выдвигающий задачу реформы нашей средней школы.

Полемика наша очень полезна, и вы, конечно, князь, ответите. Сделайте милость, установим прежде всего один пункт: можно ли и если можно, то при каких условиях помириться с бюрократическим режимом? Где его границы?

VI. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

(Четверг, 26 августа, № 66)

Продолжаю полемику с г. С. Ф. Шараповым в ответ на его напечатанное мною сегодня письмо «О рамках». Тут между нами существенное разногласие. Г. Шарапов сомневается в том, в чем я убежден, что иное воспитание, чем нынешнее, может мертвенный дух бюрократии превратить в живой. Из его слов выходит, что бюрократия потому вещь несовместимая с Самодержавием, что она по своей сущности, независимо будто бы от воспитания, есть дух мертвенности, омертвляющий всякое в ее ведении и в ее руках дело. Вот с этим я безусловно не согласен. Но оговоримся. Говоря о том, что народная школа может изменить дух правящей Россией бюрократии, я далек от мысли идеализировать мое убеждение и уверять себя и других в том, что завтра, изменись школа, все чиновники сверху донизу и весь бюрократический мир представят сонм ангелов совершенства. Я думаю тоже, что г. Шарапов далек от убеждения, что широкое местное самоуправление даст России идеально-совершенное управление. Люди останутся людьми, русский человек останется русским человеком со всеми его слабостями и пороками, везде

и всегда, но весь вопрос в том, чтобы недостатки русского человека и бюрократического порядка вещей действовали слабее, чем действуют теперь. Дальше этой заботы я не иду. Но в этой заботе иду я смело потому, что имею за мою мысль неопровержимые доказательства. В Европе два государства имеют народную школу в основе политического образования, это Англия и Германия. В Англии начинающий свою службу и кончающий ее государственный человек не стеснен никакими бюрократическими цепями, хотя и там несомненно в каждом департаменте и в каждой канцелярии есть бюрократические интриги и канцелярские загвоздки. Но дело идет вообще удовлетворительно потому, что воспитание дало англичанину для политической жизни такой материал духовный, благодаря которому, все, что интересует других англичан, он считает делом родным и своим. То же самое вы заметите в Германии. Там сильнее бюрократический механизм, чем в Англии, но тем не менее в общем ходе дела и в массе людей, отправляющих государственную службу, вы непременно найдете стремление к наилучшему решению всякого дела, вдохновленное тем чувством, которое немец получил в школе и благодаря которому, так же, как в Англии, всякое немецкое дело немец считает своим и родным. Это за границей. И у нас есть тоже примеры. После космополитического царствования Александра I[52] было вполне русское царствование Николая I, при котором наша школа была несравненно более народною, чем до и после Николая I, и хотя он сам говорил, что Россия управляется столоначальниками, но дело в том, что и столоначальники, и министры того времени, при всех недостатках бюрократизма, смотрели на государственное дело, как на нечто родное, и жизненная правда вследствие этого имела доступ в тайники бюрократии до самых верхов; и я не ошибусь, если скажу, что вред бюрократии был тогда слабее потому, что школа нередко выпускала на службу русского *человека*, тогда как теперь она готовит русского *чиновника*, как метко на то намекает циркуляр министра Боголепова[53] попечителям учебных округов в своей оценке нашей средней школы. А разница большая, так как подготовленный школою русский человек получил то живое, которое не мог в нем убить формализм, а приготовленный школою русский чиновник получил тот формализм, который убил в нем все живое. Да и я сам воспитанник Николаевской школы; я отлично помню, что, когда, кончив курс, мы выходили на службу, из 28 человек не менее 20 были не русские чиновники, а русские люди и, ручаюсь вам, что все они остались во все время своей службы живыми людьми.

Затем вот еще доказательство: вы говорите, что русский человек на Шипке герой, а в канцелярии трус, и подчас нечестен. Но, извините меня, это сопоставление красиво и эффектно, но неверно. На Шипке был героем воспитанник *военной* школы, которая даже при либерализме 70-х годов отличалась от гражданской тем, что она не сушила русское сердце юноши формализмом, не убивала в нем жизни, не разрывала все связи с народом. И из военной школы вследствие этого не только выходили герои Шипки, но получался большой процент людей на государственной службе, живых, честных, восприимчивых и на сделки не шедших. И доселе от скольких гражданских сановников я слышу, что чиновники из военных дают больший процент способных, бойких и честных людей, чем чиновники из кончивших гражданскую школу. Этот факт — сильное доказательство в мою пользу.

Как видите, то, о чем я мечтаю для блага России, несравненно скромнее того, чего вы желаете. Вы хотите в конце концов, мирясь с нашею безнародною школою, за неимением другой, волшебным жезлом создать целую грандиозную картину широкого и ответственного местного самоуправления, со скрытыми доселе маленькими Миниными[54] и Пожарскими[55] в виде земских людей, да вдобавок еще мечтаете о девяти областных генерал-губернаторах, которые должны по всему, что вы на них возлагаете, быть почти идеалами государственного человека, а я мечтаю об одном, чтобы школа наша начала выпускать на службу государства людей, между которыми процент душ, сохранивших живую любовь к отечеству и к Царю, постоянно бы увеличивался, и этим мешал бы мертвящему духу бюрократии иметь всемогущее влияние на дела управления. Жизнь бесспорно доказывает, что честность и гражданское мужество на службе редко даются душе, в которой нет огня любви живой к своему народу, и, наоборот, тот, кто получил в школе любовь к своей Родине и благодаря ей вступил на службу живым русским человеком, тот легко проявит в себе всегда и везде гражданскую честность и гражданское мужество, то есть те именно живые силы, которые торжествуют над искушениями бюрократии.

В этом вся моя мысль и вся моя мечта. Школа народная даст России несравненно больший контингент честных и живых людей, и тогда вред бюрократии будет несравненно слабее.

В ваших мыслях, скажу я г. Шарапову в заключение, я нашел одну, между прочим, крупную ошибку. Вы исходите от мысли, что чиновник начинает службу не зараженным бюрократиею, а заражается ею после. Именно это не так. Школа делает человека чиновником и бюрократом; оттого так трудно человеку, случайно оставшемуся живым, бороться между огромным большинством людей с мертвящим элементом бюрократии. Народная же школа, наоборот, будет поставлять не чиновников, а живых русских людей и для бюрократии, и для земства.

VII. Возможно ли улучшить бюрократию?

(Письмо С.Ф.Шарапова. Из «Гражданина», №б~/')

Знаете, князь, что? В добросовестном споре самое важное — выяснить предмет спора, и чем категоричнее это сделано, тем лучше. Вы именно так сделали, поставив ребром следующее положение:

«Из его (то есть моих) слов выходит, что бюрократия потому вещь несовместимая с Самодержавием, что она *по своей сущности*, независимо будто бы от воспитания, есть дух мертвенности, омертвляющий всякое в ее ведении и в ее руках дело».

Именно это самое из моих слов следует, и именно с этим вы «безусловно не согласны».

Значит, в этом самый центр, самый корень нашего спора. Вы отлично защищаете вашу тему, позвольте же и мне защитить свою и прежде всего установить: *что такое бюрократия?*

Я помещик. У меня управляющий, у него в распоряжении им назначенные старосты, приказчики, садовники, конюхи и т. д. Они отдают отчет ему и слушаются его, он меня. Я не пойду прямо приказывать приказчику, а прикажу через управляющего. Вот зачаток бюрократии.

Дело маленькое. Я наблюдаю сам. Сам приму жалобу, разберу, сам проверю книги, счета, прикажу управляющему рассчитать такого-то и т. д. Поскольку мой управляющий под действительным и неослабным контролем, никаким злоупотреблениям места нет.

Вторая ступень. Несколько мнений в разных губерниях. Главноуправляющий. Контролеры и ревизоры. Бумажная отчетность. Я всюду поспеть физически не могу. Единственно, что мне остается, это ревизии. Но и ревизий я не могу производить лично, а должен *верить* ревизорам и изучать дело уже по бумагам.

Все мои агенты выбраны мною или моим главноуправляющим наилучшие. Не по диплому, конечно, а по личной оценке, по их способности к живому делу и по их нравственным качествам. Я не помещу у себя никакого «нужного» человека или недоросля с протекцией баронессы Швамдрюбер, потому что ему вверяется мое имущество, мое состояние...

И что же оказывается? Как только дело немножко расширилось, как только между мною и живым исполнителем завелось несколько инстанций и бумажное «делопроизводство», так и пошла «бюрократия» во всей своей прелести: отлынивание от дела, сваливание ответственности на «приказы» главноуправляющего... и хищения, хищения без конца.

Разве не общее место постоянные жалобы наших grand seigneur'oB[56], что их разоряют и обкрадывают? Разве не одинаково грабят, не одинаково бездействуют и отписываются почти все гг. управляющие, будь то воспитанники нашей жалкой антинародной школы, будь то самые, что ни на есть культурные *у себя* немцы, англичане, финны, поляки, кто угодно? Да еще культурные люди культурнее и обкрадывают — начисто.

Совершенно то же самое и на государственной службе. Культурные и воспитанные немец, поляк, финн и т. д., как чиновники, лучше, что ли, наших дурно воспитанных и антинациональных россиян? Как чиновники, пожалуй, лучше, исполнительнее, благообразнее, но ведь это не похвала! России живой от них еще хуже.

Итак, в чем же собственно зло бюрократизма? В том, по-моему, что хозяин (в моем примере) до всего дойти не может и имеет перед собой одни бумажные отчеты; не дело, а кривое отражение Дела; а управляющие по человеческой слабости подвергаются искушению — *свой личный интерес поставить выше интересов дела, интересов хозяина.* Совершается это тем легче, чем больше мрака вокруг дела и чем легче укрыться от ответственности.

Противовесом в области частной, наемной бюрократии может быть любовь к хозяину, любовь к делу и страх ответственно-

сти, то есть сознание, что хозяин ежеминутно может увидать и поймать. Затем награда. Противовесом в области казенной — только внутренняя доблесть человека, доблестное, несокрушимо честное служение отвлеченному принципу! Даже награды быть не может, ибо награда полагается за «отлично усердную высидку» такого-то числа лет, за ловкость, за угодничество, а иногда и за прямую пакость.

Я пробыл дней семь на ярмарке у моего приятеля и сотрудника, купца Н. М. Чукмалдина[57]. Вот его бюрократия его не обкрадывает! При миллионных оборотах каждая сделка у него на глазах, каждая копейка проверяется им самим. Его служащие понимают и любят дело, любят хозяина. Отношения самые товарищеские и за столом все вместе, одна семья. Но ведь так же не может вести свои дела не только государство, но даже, скажем, князь Ф. Ф. Юсупов[58]...

На государственной службе казенная бюрократия никакого противовеса своим низменным инстинктам не имеет. Есть люди чистого и пламенного патриотизма, для которых искушений личных нет. Но это белые вороны, да и те, лично не делая злоупотреблений, волей-неволей закрывают глаза и идут на компромиссы с другими, иначе пришлось бы разгонять всех поголовно.

Все остальные прекрасные люди, но *люди*, а не *праведники*. Свои делишки все-таки прежде казенных. А при безответственности и канцелярской тайне ничего другого не остается, как делать карьеру и копить на черный день, обеспечивать детей.

За границей та же бюрократия, но независимо от того, что немец, англичанин, француз лучше воспитаны и верны своим национальным преданиям, там есть и ответственность, есть и гласность.

И ответственность собйвенно на гласность опирается.

Я не верю в невинность Дрейфуса[59], но стану на вашу, князь, точку зрения. Гласность; газеты кверху дном всю Францию повернули ради Дрейфуса. Гласность добилась своего — процесс пересмотрели, генералов ошельмовали... а Дрейфуса все-таки осудили!

Вообразите, что какой-нибудь чиновник, например, префект сделает беззаконие. Его, во-первых, разнесут газеты. Затем в парламенте пустят интерпелляцию. Скандал, и министр, чтобы самому усидеть на месте, непременно взыщет с виновного. Ему не дадут укрыться. Оттого-то нигде и не нарушается закон так грубо, как у нас.

Но и во Франции бюрократия бережется только относительно личностей граждан. В казенном деле не лучше, чем в нашем возлюбленном отечестве. Выставка, например, 1889 года[60], говорят, до сих пор не могла отчета представить контролю. В морском ведомстве Бог знает что творится! Отнимите-ка у французов свободу печати — вдесятеро хуже нашего любезное отечество обворуют.

Я сказал, что бюрократия несовместима с Самодержавием. Самодержавие может допустить очень широкую свободу печати, но оно не может допустить, чтобы человека, облеченного доверием Государя, какой-нибудь писака-журналист третировал как выборного от обывателей. Но ведь если бы доверием Государя был облечен один только, скажем, министр! Нет, под царскую мантию стремится спрятаться и директор департамента, и начальник отделения, и столоначальник. Все это хочет составить одно тело, у которого министр голова, директор рука, начальник отделения палец, а столоначальник — нерв пальца, самое щупальце. Их нельзя отделить, ибо в сущности столоначальник действительно больше и важнее всех. Нерв-то самая рабочая сила и есть.

Господи! Сколько бы я мог вам, князь, поразительных примеров привести, как столоначальник с начальником отделения могут всю государственную машину в своей области остановить, мысли всех над собой стоящих перевернуть и Царскую волю извратить совершенно.

Как тут применять гласность? Кого тянуть к ответу? И заметьте, что людей нет, все *анонимны*. Ведомство такое-то, ведомство такое-то. Чего там во мраке и среди тайны наделали и кто именно, разберите!

Если должна восторжествовать ваша мысль о подготовке людей и ваша, князь, скромная мечта об улучшении существующих рамок, я скажу искренно: finis Russiae[61]. Нельзя улучшить то, что не для людей, а для ангелов сочинено, что нарушает самые элементарные законы психологии. Да, по правде говоря, что, вам этого привычного, тепленького и гнусненького бюрократического болота жалко, что ли? Да пусть оно пропадет!

Меня удивляет, простите за слово, ваша, князь, непоследовательность. Вы мечтаете о сильной власти. Прекрасно. Что может быть нужнее сильной власти! Но как вы хотите эту власть осуществить? Возможна ли эта сильная власть, когда она вся разошлась по рукам?

Самоуправление уже одним тем хорошо, что там нет ни канцелярской тайны, ни безответственности. Там все на виду, там все подлежит критике и разбору там некуда скрыться. Кто же мешает поставить агентов самоуправления, выборных людей под самый строгий контроль, под самую строгую ответственность перед центральной властью? Кто отнимает от власти право каждую минуту ударить на голову виноватого? Кто мешает его устранить, уничтожить, раз им нарушен закон или он негоден к делу?

Нужно именно найти объект для удара, чтобы гром мог каждую минуту раздаться с высоты Престола и найти виновных. А это будет только тогда, когда Самодержавная власть будет *только в руках Самодержца*, а доверием его будут пользоваться лишь те, кто непосредственно близ него и которых он знает. Все остальное может управляться или передачей власти сверху из рук в руки, во мраке и безответственности, или самоуправляться. Третьего ничего нет.

В заключение позвольте сказать, князь, что вы не правы в нашем последнем выводе, будто школа делает уже бюрократов. Мое возражение будет кратко. Вся лучшая сила России сейчас столпилась в канцелярии. Но земство все-таки работает недурно, канцелярия не годится никуда. Попробуйте обменить. Вы увидите удивительное самоуправление даже при нынешних условиях, ну, а что будет с департаментами, этого даже себе и представить нельзя.

VIII. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

(Вторник, 31 августа, № 67)

Продолжаю свою полемику с С. Ф. Шараповым по поводу его третьего, в нынешнем номере помещаемого, возражения. Темой этого возражения служит вопрос: возможно ли улучшить бюрократию?

О, скажу я моему оппоненту, мы договорились до сути вопроса, это правда, но в то же время и до самого больного места.

Проживши шестьдесят лет жизни, в течение которой, разумеется, главная доля мыслей была посвящена моему дорогому Отечеству, я грустно иду к западу своему не потому, что этот запад — конец жизни, а потому, что прожитая жизнь зародила в душе тяжелый недуг в виде вопроса: образованное ли мы в самом деле

Вообразите, что министр затевает бурю:

— Подать такого-то! Это вы сделали? — Нет, ваше-ство, не я, это Х. - Подать Икса! — Нет это не я, мне Игрек приказал. — Подать Игрека! — Я ничего не мог, у нас циркуляр был. — Подать сюда циркуляр! — Господи Боже, сам подписывал. — Кто мне этот дурацкий циркуляр подсунул? — Зет...

А Зета уже поминай как звали. Он уже Департаментом Воздаяний ворочает. Да и циркуляр составлен по форме, совсем правильно.

Посмотрите, князь, на все наши дела и скажите, положа руку на сердце: по ком должна ударить сильная власть? Где объект удара, где виноватые? Их нет и никогда не будет, ибо все делается по приказанию, *каждый шаг заранее обеспечен от ответственности*, каждый чиновник заранее высмотрел лазейку. Гроза. Все нырнули, как утки, в воду, и Комиссия наблюдения над Комиссией построения может греметь сколько ей угодно. Помните Игнатьевский[62] циркуляр об устранении хищений и неправды? Кажется, с этого циркуляра самые хищения-то у нас и пошли.

В том-то и дело, что элементарнейшим образом нарушается психология, перепутываются все страсти, выходят из гробов всякие фантомы и чудища. Вам угодно смотреть на самоуправление, как на узурпацию власти, как на ее отступление (впрочем, в нашей нынешней полемике вы, князь, на эту точку не становились, вы говорили это по другому поводу), ну, а я, исходя из того, что Самодержец отнюдь себя не ограничит, если поручит такие-то местные дела ведать выборным людям, утверждаю, что самоуправление есть *освобождение* власти, есть *укрепление* власти, есть торжество идеи власти.

Заметьте, князь, я ни в грош не ставлю либеральные идеи о правде и всемогуществе всероссийского suffrage universel[63]. Это величайшая ложь и гнусность, может быть, даже похуже бюрократии. В моих словах даже малейшего отголоска нет тех веяний, по которым Россия должна постепенно «прогрессировать», пока не придет к «новейшим свободным формам государственности» и т. п. Я фанатический сторонник идеи Самодержавия, но я признаю только *одного* Самодержца, которому мы присягали, а всю толпу чиновников хотел бы видеть в самых строгих рамках закона. Но, увы, это невозможно. Бюрократию я именно потому и отрицаю, что для нее никакой закон не писан и что ни под какую законность ее не подведешь.

государство или играем только комедию, стоя на помостках, совершенно равнодушные к той жизни, из которой мы берем разыгрываемый нами репертуар?

Вы не щадите темных красок для обрисовки губительных сторон нашей бюрократии, и чем мрачнее вы рисуете ее картины, тем светлее и краше вы разрисовываете те картины благополучия, которые получились бы от осуществления вашего проекта широкого местного самоуправления. Но, Бога ради, будьте беспристрастны и сознайтесь, что эти светлые картины пока только мечты и гипотезы. Сама жизнь не дала вам никакого права предсказывать, что самоуправление широкое и ответственное в девяти областях будет лучше, чем самоуправление, стесненное и безответственное в 36 губерниях.

Вы рисуете себе картину ответственности вашего будущего земства перед грозной Немезидой[64]. Допущу даже, что она будет в трех лицах: в виде суда, в виде контроля и в виде печати. Но скажите, разве государство, когда оно христиански образованное, только тогда обеспечено в своей жизненной силе творчества и развития, когда его граждане страшатся этих трех пугал Немезиды? Нет, скажу я, в государстве образованном, где кипит и струится здоровая народная жизнь, должно быть нечто выше, как нравственный двигатель, страха ответственности перед образами людского суда. Это любовь к Родине, любовь к правде, сознание святости своего долга перед Богом и своей совестью, и наконец, живое действие на душу прекрасных преданий своей истории и высоких идеалов духовного мира.

И вот, когда в народе рядом с равнодушными, с эгоистами, с бесчестными и с преступниками выступают благородные люди на сцену жизни для борьбы с 1гими не по приказу, а в силу душевной потребности отдавать свою жизнь духовную на пользу Родины с тем же безграничным самоотвержением, с каким солдат отдает свою жизнь на войне, тогда этот народ есть действительно образованное государство.

Увы, вот этого-то признака я не видел и не вижу в той жизни нашего государства, где вы браните бюрократию, а я браню земство совершенно по одинаковым причинам.

Взгляните на недавнее прошлое. В 1855 году воцарился в России далеко недюжинный государь[65]. В его проникнутой любовью и к России, и к человеку душе мало-помалу начали зарождаться прекрасные и высокие стремления к самым священным и действительно благим задачам устроения счастья своего народа. Его душе, горевшей нетерпением увидеть это счастие, все, что могло к нему вести, казалось и возможным, и нужным. Оттого все реформы шли так быстро одна за другою и точно со всех концов Русской земли Царево сердце огнем его любви зажигало зарю возрождения. И она зажглась. Но зачем все, что началось с такою верою Царя во благо этой зари, кончилось кровавым заревом 1 марта? Оттого, увы, что Царь-реформатор не нашел в своих сотрудниках достойной чистоты его желаний помощи, оттого, увы, что эти русские люди, его сотрудники, и в петербургской бюрократии, и там, на широком раздолье местной провинциальной жизни, служили своим личным интересам, личным доктринам, личным чувствам, личным увлечениям, но не служили самостоятельно великой безличной идее народного блага.

Когда оно свершилось, это 1 марта, я уже был не молодым, и, стоя среди народа на площади перед дворцом, под гнетом страшного хаоса мыслей и чувств, я запомнил, как родился в душе вопрос, этот роковой вопрос, засевший недугом в душу: государство ли мы христиански образованное или скопище людей, случайно и искусственно сложившееся в форму государства? И тогдашними размышлениями отвечу вам теперь. Если бы в царствование Александра II русское дворянство, освободив крестьян, задалось задачею жить в деревне для их руководительства из любви к своей Родине, если бы это же дворянство своими лучшими людьми наполнило земские учреждения и из той же любви к Родине сочло бы своим долгом сделать из земской службы широкое поприще для забот о народном благе, если бы это же дворянство, внимая голосу Царя, взяло в свои руки образование — высшее, и среднее, и низшее, словом, если бы рядом с чиновниками вошла в государственную жизнь могучая рать русских людей, движимых только любовью к своей Родине, и на арене жизни Ормузд[66] и Ариман[67] имели бы свои борющиеся друг против друга равные силы, то неужели было бы возможно 1 марта, неужели бы теперь мы дошли до полного экономического разорения крестьян и дворян, неужели бюрократия одна Царила бы в России как двигатель жизни, неужели бы вам пришлось сочинять проект спасения России посредством широкого местного самоуправления?

С этими мыслями я доживаю свой век и теперь. Под влиянием этих мыслей я не верю никаким проектам возрождения России по приказу. Не верю никаким реформам: ни конституционным западным, ни славянофильского самоуправления. Но увидев на деле, как быстро и глубоко безнародная школа развратила все наше образованное общество, и в центре, и везде на местах внутренней жизни, я говорю себе, что если так скоро безнародная школа испортила образованную Россию, то спасти ее может только та же школа, но народная. Только она может постепенно создавать людей, готовых служить своему государству по долгу любви к нему, и когда таких людей создастся в русском государстве много, тогда само собою процесс жизни сделает здоровые духовные силы народа сильнее искусственных силенок бюрократии. Но, как я всегда говорил, огромным подспорьем для этой будущей миссии школы была бы разумно предпринятая правительством задача децентрализации.

В заключение скажу, что бюрократию можно улучшить теми же способами, какими можно улучшить земство. Об этом после.

IX. Два примера самоуправления

(Письмо С.Ф.Шарапова. Из «Гражданина», №68)

Ваше последнее мне возражение, многоуважаемый князь, есть chef d'oeuvre[68] публицистики. Искренне вам это говорю! Совершенно не соглашаясь с вами в основе, или, лучше сказать, глядя на нашу жизнь с совершенно иной точки зрения и иначе ее понимая, я с восторгом читал ваши чудные строки об Александре II. Перо само просится вам отвечать, ибо ваша мысль не спотыкается, не блуждает туда и сюда, а идет стройно и, захватывая в немногих словах страшную глубину, рельефнейшим образом выделяет ошибочные положения от верных. Пойду за ходом вашего рассуждения.

На склоне дней вы ставите и *не* решаете такой поистине фатальный вопрос: «Образованное ли мы в самом деле государство, или играем только комедию, стоя на помостках, совершенно равнодушные к той жизни, из которой мы берем разыгрываемый нами репертуар?»

Какой страшный пессимизм мог подсказать такой вопрос! А ответ сам просится. *Конечно, комедию.* Комедия наше просвещение,

выпускающее полированных дикарей, чуждых всяким преданиям и готовых идолопоклонничать и перед Марксом[69], и перед Ротштейном[70], и перед двадцатым числом. Комедия — наши суды, истощающиеся в юридических тонкостях и кассационной казуистике и целыми годами тянущие пустой процесс. Комедия наши железные дороги с их дворцами-вокзалами и шикарными вагонами, окруженные нашей голодной и разоренной деревней с вырубленными лесами и выпаханными полями, с жилищами, где свежий человек задохнется от грязи и смрада, с дорогами, полгода непроездными, и нищетой, нищетой без конца. Комедия — наши народные школы с голодным учителем и босыми ребятами, которых родители не пускают в школу, ибо с восьми лет мальчик уже нужен как работник. Комедия — наше самоуправление, комедия — наша земская медицина, комедия — наша статистика, все, со всех сторон комедия, на подкладке величайшей из мировых трагедий. А эта трагедия — 130-миллионный народ, талантливейший и жизнеспособнейший изо всего арийского племени, тихо, без протеста и бунтов, только со слезами и сдавленным стоном, угасающий в самом расцвете своего исторического поприща, как жертва... даже не чьей-нибудь злой воли, а простых недоразумений!

Народ, великие гении которого пытались произнести миру новое слово! Народ, который чуть не стал во главе мировой цивилизации, чуть не открыл собою новой полосы в исторической жизни земного шара... Вы знаете, князь, про какой момент я говорю? Про ту самую зарю, зажженную бессмертным духом и самодержавною волею Александра Второго, про которую вы говорите.

Но возвращаюсь к нити ваших мыслей. Вы говорите: «Будьте беспристрастны и сознайтесь, что эти светлые картины пока только мечты и гипотезы. Сама жизнь не дала вам никакого права предсказывать, что самоуправление широкое и ответственное в девяти (т. е. в 18 у меня!) областях будет лучше, чем самоуправление, стесненное и безответственное в 36 губерниях».

Нет, князь, простите, я именно из жизни это взял. Привожу вам Два поразительно ярких примера. Первый из русской истории. Не знаю, читали ли вы в свое время ряд замечательных статей П. Д. Голохвастова[71] в «Руси» 1883 года под заглавием «Земское дело в смутное время»? Эти статьи представляют детальный разбор помещенной в издании Актов Археографической Комиссии сотни или

больше грамот, которыми ссылались между собою земства и города северо-восточной Руси в первой четверти XVII века. Иоанн Грозный[72] дал русскому северо-востоку почти полную земскую автономию. Самоуправление так окрепло и шло так свободно и стройно, что в то время, когда государственная власть разложилась и исчезла, верхний класс и столица, развращенные до мозга костей, бросались от «вора» к «вору» и кончили избранием на царство инородца и иноверца Владислава[73]; земская Русь, по-видимому, раздробленная, некультурная, вдруг собственным почином двинулась на освобождение столицы, на очищение территории от врага и на воссоздание Русского государства! Этих страниц нельзя читать без глубокого волнения. И не в Минине, не в Пожарском тут дело, а в самоуправлении русского северо-востока, в том удивительном гражданском и патриотическом воспитании, которое дала народу его «земская изба». Что поделали бы Минин и его друзья, если бы в каждом городишке, на всем пространстве этой половины Руси еще *раньше Минина* не было подробно обсуждено, какая опасность грозит государству, не было *уже* порешено выставить по стольку-то человек от сохи и собрать по стольку-то алтын? А раньше этого эти самые города снеслись друг с другом и выработали общий план действий. У всех была одна мысль: спасать центр государства, спасать святыню Московскую, — связь духовную Русской земли, спасать престол Царский — ее связь политическую, ее единство. Почему был возможен и этот патриотизм, и эта верная мысль, так овладевшая сердцами и умами? Да только потому, что северо-восток самоуправлялся и ценил свою свободу и распорядки. Ни из Новгорода, ни из Пскова, где тот же Иоанн Грозный доканал самоуправление, не двинулся к Москве ни один человек. Эти области давали только «лихих людей».

Неужели этот пример ничего нам не говорит? А раскройте-ка исследование покойного графа Д. А. Толстого — «Историю финансовых учреждений России» да взгляните, что такое было древнее русское самоуправление у этих сиволапых поп-Третьяков, Ивашек да Никишек! Полный народный кадастр был, подоходный налог был выработан и введен, то есть то было, о чем современные государства едва смеют мечтать! Тогдашних финансовых земских раскладок многих мы сейчас и разгадать не можем, а только знаем, что это было в своем роде совершенство.

И при этом ни одной школы. Учили по азам да по херам, считали на пол-чети да на пол-пол-третьи, земские сметы составляли на бирках да на бересте! А что за мудрость проявляли эти сиволапые на бесконечных во все царствование Михаила[74] тянувшихся земских соборах! Пчелы не выводят так свою матку, как земская Русь вывела династию Романовых, дав им твердый завет — Самодержавие на основе самоуправления.

Другой, еще более разительный пример — Финляндия. Что это такое как этнографический материал? Раса едва ли не наиболее обделенная Господом Богом. Мрачная, унылая, без инициативы, без горизонтов, молча стушевавшаяся, уступив свои земли славянам и уцелевшая только там, куда славяне не дошли, где природа мачеха, где камень, туманы, болота и зима. Народ без истории, завоеванный сначала шведами, затем нами. Русские Цари заботятся о своих новых подданных, делают что могут, но дело идет туго. Теплится маленькая культура, маленький патриотизм, собираются народные песни, кое-что вырабатывается, но лишь кое-что. Финляндии нечем блеснуть перед миром.

Заря света и свободы загорается одновременно и над Россией, и над Финляндией. Что вышло там и здесь? У нас эта заря стала заволакиваться тучами чуть не с первых же дней, а кончилась вечно позорным 1 марта, в Финляндии из зари взошло солнце и на скалах и болотах осуществились поистине чудеса.

Вам известно, князь, что похвалы внутреннему строю, просвещению, трезвости, хозяйству, честности финнов стали общим местом. Это утверждают даже националисты-обрусители. Но они говорят при этом: «Еще бы, на наш-то счет!» Но ведь это же вздор. Я был в Финляндии несколько раз, заглядывал в ее статистику, интересовался ее делами, говорил с ее выдающимися деятелями, все с одной упорной целью. Мне хотелось выяснить себе: почему тут, на голых скалах, у полярного круга выросла вот такая цивилизация, а на орловских и тамбовских черноземах пропало и то, что было во времена крепостного права?

И я этот вопрос себе выяснил. Могу громко и уверенно говорить об этом. Либерал-западник скажет вам, что все это сделала свобода и конституция и попадет пальцем в небо, потому что я ему покажу Сербию и Болгарию, где конституция еще махровее, покажу ему Грецию...

Не свобода и не конституция, а *самоуправление под знаменем Самодержавия*, вот что сделало Финляндию тем, что она есть, то есть культурнейшим уголком Европы, образцом сочетания порядка и свободы и просвещеннейшей страною. Прочтите-ка описание финских крестьянских университетов! Взгляните, как баронский герб уважается в хижине и как уважается хижина в баронском доме! А патриотизм финский, от которого по образному выражению одного местного поэта «скалы расплавляются!»

Финляндия не глупой травли заслуживает, а самого глубокого и пристального изучения. Какой чудовищный в самом деле факт: жалкое, почти ничтожное, вымиравшее племя возродилось, воскресло, дало свою национальную культуру, искусство, литературу, поднялось до благосостояния, едва возможного при данных естественных условиях, а великий мировой народ, явивший в истории чудеса мудрости, здравого смысла, самопожертвования, терпения, упал так низко, что его выдающиеся люди серьезно задумываются над его судьбой?

Неужели же не ясно, откуда это? Финляндия выделилась из сферы действий русской бюрократии. Финляндия — самоуправляющаяся страна, а наверху Самодержавный Царь, к которому она прикасается непосредственно. То, что нужно Финляндии, всегда дойдет до Царя, нигде не провалившись под сукно, нигде не задержанное никаким средостением. То, чего захочет Царь, будет выполнено в Финляндии, не исказившись, во всей полноте, если это веление Царя будет передано непосредственно. Никакой конституции нет в Финляндии, Монарх русский только обещал финнам и *обещал добровольно* не *делать перемен* в трех основных пунктах их жизни без согласия земских чинов. Какая же это конституция? Это только земское самоуправление большой области, да и обещание это выманили финны только потому, что инкорпорировались они ведь в чужую империю, стали подданными чужой для себя династии. И не в защиту от Самодержания Царя понадобилось им это обещание, а как гарантия от самовластия бюрократии, от вдохновений разных гг. Грингмутов и Мессарошей.

И вот посмотрите, что выработалось в Финляндии: сословность самая полная, даже с четырьмя особыми сеймами, и вместе с тем полное единство. Самоуправление и «парламентаризм» без ответственных министров, без кризисов и свержений кабинетов. Цензура, и довольно строгая — и свобода печати, истинная, широкая. Чиновники — и полное отсутствие бюрократического духа. Свобода в самом лучшем смысле этого слова и драконовская законность. Власть циркуляра кончается в Белоострове, в Териоках уже царит закон, иногда грубый, дикий, но почитаемый, как святыня. Все это вместе создало *школу*, не здание, где сидят и долбят книгу ученики, а *школу жизни*, школу всего быта и всей обстановки, при которой тупой, жалкий, пришибленный судьбою финн перерабатывается постепенно в первого культурного человека Европы.

Чем же это все достигнуто, как не самоуправлением? Да, князь, финны себе не поставят вашего второго, ужасного поистине вопроса: «Государство ли мы христиански образованное, или скопище людей, случайно и искусственно сложившееся в форме государства?»

Мое письмо затянулось, а я еще не ответил вам на самый главный пункт вашего дневника от 31 августа. Вы ставите вопрос, почему в России великие реформы Царя-Освободителя дали такой горький плод? Почему мы не сделали того, что сделала с собой Финляндия, мы, находящиеся в неизмеримо лучших условиях?

На этот вопрос есть у меня ответ, выстраданный на земле, в деревне, именно выстраданный и пережитый. Но чтобы этот ответ дать, я попрошу удержать за мною слово еще на один номер. Вы знаете, что возражать и оправдываться труднее и требует больше места, чем ставить вопросы и делать положительные указания. Итак, до четверга.

X. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

(Пятница, 3 сентября, № 68)

Мой оппонент С. Ф. Шарапов в нынешнем номере приводит два примера самоуправления. Я беднее его; я привожу один только пример того сильного действия, которое для достижения своей цели может иметь школа. Когда Императору Николаю I сказали, что в университете недостает профессоров со знанием и с хорошим педагогическим направлением, он приказал учредить профессорский институт с тем, чтобы этот институт поставлял хороших профессоров. Казалось бы, что труднее такой задачи, если принять в сообра-

жение, что кроме знания от хорошего профессора требуется дарование? А между тем, как ни трудна была эта цель, она была достигнута потому, между прочим, что местом для учреждения этого института Император Николай избрал не столицу с ее множеством искушений, мешающих науке, а город Дерпт, где университет славился своим серьезным научным образованием. Через несколько лет явилась целая плеяда профессоров, которых отличительная черта заключалась в том, что они не только обучали науке, но и внушали к этой науке интерес и имели нравственное влияние на учащихся, как личность и как авторитет. Нескольких таких профессоров я помню, учившись в их аудитории, и помню также, как бледен и мелок в сравнении с этими профессорами был тип новейшего профессора.

Я привожу здесь пример, как доказательство того, что возможно, ясно определив цель, создать школу для ее достижения. Этим я хочу сказать, что если у преобразователей нашей школы хватит настолько любви к Отечеству, настолько энергии и стойкости, настолько знания молодежи нашей, чтоб наши среднеобразовательные школы устроить так, чтоб учили в ней живые люди, вдохновляя любовью к своей Родине и вся школа была обставлена не только живыми людьми, но и живыми занятиями, развивая тело, ум и сердце, то ни малейшего нет сомнения, что через несколько лет Россия бы не узнала своих бюрократов. Она бы нашла в них людей, которые занимались бы государственным делом так, как занимались они учениками в школе науками: с живым участием, без отупелых мозгов, без малокровных нервов, без пренебрежения к подвластному человеку.

Г. Шарапов убежден в том, что зло нынешнего бюрократизма, как ему присущее, неизлечимо.

А между тем, я помню, как на своем чиновничьем веку я поражался различием между одним и тем же департаментом в руках живого человека и в руках мертвого. В руках живого человека всякий имел немедленный доступ к директору департамента, всякая просьба немедля выслушивалась и принималась к производству, всякое дело по заведенному порядку двигалось быстро, нигде ничего не залеживалось. И сколько раз мне приходилось слышать, как просители по делу благословляли этот департамент. Благодатный секрет заключался в том, что свойство живого человека директор департамента

умел передавать всем своим подчиненным. Совершенно противоположное происходило в департаменте, где директор был тип сухого и мертвого бюрократа. Его дух мертвого формализма проникал во все скважины его подчиненных, во всякую бумагу департамента, во всякую щель шкафа, во всякое дыхание его атмосферы. И когда я видел, как всемогуще действие одного лица на целый департамент, я понял, что бюрократизм в нашем делопроизводстве не есть его неотъемлемая принадлежность, а есть дух, исходящий от лица, стоящего во главе части, который по тому самому может ослабляться и усиливаться, а следовательно, может и уничтожаться.

И потом есть способ в наших центрах значительно уменьшить действие бюрократизма. Стоит только уменьшить надобность переписки, которая и есть главная причина чрезмерного бюрократизма. Способ этот весьма прост. Стоит только устроить в Петербурге центральный административный совет с представителями от каждого министерства, в котором рассматривались бы и решались все дела по представлениям губернатора. Можно было бы разделить Россию на четыре района с тем, чтоб этот центральный совет имел четыре сессии. В каждую сессию являлись бы губернаторы и губернский предводитель дворянства, как представитель земства известного района, и докладывали бы совету все дела, требующие заключения или решения того или другого министерства. Представители министерств, со своей стороны, докладывали бы раз или два в неделю по этим делам каждый своему министру и в течение недели все докладываемые дела разрешались бы без остановок. Губернатору не нужно было бы много писать и, как теперь, бегать по департаменту и выжидать, как проситель, приема у любого директора департамента. К тому же этот совет был бы для губернаторов и предводителей ежегодным экзаменом, на котором сразу способные люди отделялись бы от неспособных, что теперь не всегда легко сделать, так как иногда бывает, что способный правитель канцелярии маскирует собою на письме неспособного губернатора. Но затем еще многое, что имею сказать по поводу прекрасной в нынешнем номере статьи г. Шарапова. Но это впереди, и я бы очень желал, чтобы наш спор, основанный на взаимном уважении к убеждению спорящей стороны, длился долго.

XI. Что погубило дворянство?

(Из «Гражданина», № 69)

Перехожу ко второй половине моего ответа. Вы, князь, говорите: «Если бы в царствование Александра II русское дворянство, освободив крестьян, задалось задачею *жить в деревне* для их руководительства из любви к своей Родине, если бы это же дворянство своими лучшими людьми наполнило земские учреждения... взяло в свои руки образование... и т. д., неужели было бы возможно 1 марта, неужели бы теперь мы дошли до полного экономического разорения крестьян и дворян, неужели бюрократия одна царила бы в России, как двигатель жизни, неужели бы вам пришлось сочинять проект спасения России посредством широкого местного самоуправления?»

Вот, поистине, неожиданные для меня строки из-под вашего, князь, пера! Нечего делать, давайте поменяемся ролями. Вы, защитник дворянства, становитесь в роль прокурора, позвольте мне на минуту занять адвокатскую кафедру.

Разве дворянство наше добровольно отказалось от указываемой вами роли? Разве оно разбежалось с земли так себе, по легкомыслию, или по пристрастию к городской жизни? Да есть ли еще на свете или, лучше сказать, был ли на свете другой класс, который бы так любил свою землю, свою усадьбу, свое поле, так страстно за него держался, как наше покойное, увы, дворянство? Крестьянин, при всей своей привязанности к земле, уходил с нее легче, чем барин, может быть, оттого, что ему хуже жилось. Но дворянин только и рвался, что на землю. Огромное большинство наших отцов и дедов послужит, бывало, до второго чина и скорее рвется домой. Оставались в городах или в строю только бедные дворяне из многочисленных семей, да и у тех всю жизнь наполняла мечта вернуться в свой старый деревенский угол или завести себе новое «дворянское гнездо». Огромная часть дворянской колонизации шла этим путем... А наши дворянские деревни из размножившихся и окрестьянившихся мелкопоместных! Люди предпочитали лично за соху становиться, но в город, в канцелярию, не шли...

Эту любовь к земле ряд поколений с молоком матери в себя всасывал. Она и сейчас у нас, как атавизм, в крови сидит. Дайте *малейшую возможность*, все в деревню поголовно уедем, опустеют от дворян не только канцелярии, но и банки, и акционерные прав-

ления... Мы видели, как бросилась дворянская молодежь в деревню в 70-х годах... И опять не могла она там укрепиться, опять ее *выгнали* оттуда...

Да, выгнали! Это самое мягкое, самое вежливое слово. *Экономически* выгнали!

Существует ходячее, установленное нашею глупой «обличительной» литературой мнение, будто дворяне во времена крепостного права ничего другого не делали, как ели, пили, развратничали, травили зайцев да издевались над своими рабами. Кончилось крепостное право, и нечего стало делать в деревне. К новым условиям люди примениться не захотели, труда боялись и т. д., и т. д.

Но если бросить эту забытую теперь литературу, последним представителем коей был Терпигорев[75], ничего не видавший вокруг себя, кроме своих карикатур, а раскрыть литературу бессмертную, *настоящую*, то будем поражены одним удивительным явлением. Сличите гоголевские типы 30-х годов с тургеневскими[76] 50-х, то есть на расстоянии всего 20 лет. Заметьте, Гоголь был сатирик, его дар был угадывать и выставлять смешное. Взгляните же на данную им коллекцию исключительно комических типов: Собакевич, Манилов, Ноздрев, Тентетников, Коробочка, Хлобуев, Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной. Поищите между ними равнодействующую, и вы увидите, что средними типами окажутся Собакевич и Коробочка, хозяйственные, деловитые люди, так или иначе, но шедшие во главе русского земледелия. Они накопляли, и накопляли больше, чем растрачивали Ноздрев и Хлобуев. В противоположность «обличителям», Гоголь плачет «незримыми слезами» отнюдь не над страданиями мужика, которому фактически вовсе уже не было так дурно у огромного большинства помещиков («зверей» было, может быть, 3-5 %). Он плачет о мертвенности и гнили России, как целого, о несоответствии действительности и идеала, но рядом с этим у него вырывается «тройка».

Теперь раскройте Тургенева и просмотрите его типы помещиков. Вы будете поражены их высоким культурным уровнем, их гуманностью и образованностью сравнительно с типами Гоголя, отстоящими всего на 20 лет. Вот куда скакала гоголевская тройка! Оставим в покое «Записки охотника», где слышится так резко «обличительная» нотка. Возьмите *большие* типы Тургенева: Николая Кирсанова в «Отцах и детях» и Одинцову, Лаврецкого в «Дворян-

ском гнезде», Литвинова в «Дыме», прибавьте сюда несколько помещиков того же склада у Льва Толстого[77] — и вы получите дворянскую среду 50-х годов, ее *основные* типы. *Это* дворянство не разводило гаремов, не гоняло зайцев, оно уже на своих плечах несло всю культуру русского народа, оно было силой, его голос громко и смело звучал в губернских комитетах — и не мудрено: ведь это все сверстники Тургеневых, Толстых, Григоровичей[78], Островских[79], Аксаковых, Достоевских[80], Салтыковых[81], Страховых[82], Леонтьевых, Данилевских[83], Катковых. Все из *этой* среды вышло, а выйти могло только потому, что среди «отцов», позади, стояла тоже целая плеяда гигантов: Пушкин[84], Лермонтов[85], старик Аксаков[86], Гоголь, Хомяков[87], Крылов!

И вот эта-то высококультурная среда, обладавшая страстной любовью к земле, среда, из поколения в поколение деловитая и хозяйственная, вдруг так себе, ни с того ни с сего, сошла со сцены, выбросилась из русской истории, погибла для своего народа, уступив свою роль вождей Колупаевым, Разуваевым[88], иностранцам и евреям? Эта среда будто бы держалась только крепостным правом, а как отняли крепостных, так и засохла, словно выдернутое из земли растение?! Какая чудовищная клевета на дворянство!

Боюсь, что мы опять разойдемся с вами, князь, но я категорически заявляю, что в разорении земельного дворянства отмена крепостного права и юридические условия, созданные Положением 19 февраля, почти вовсе не при чем. Величайшая мудрость законодателя была именно в том, что сельское дворянство и их бывшие крепостные были поставлены в независимые друг к другу отношения. И те и другие были обеспечены землей и тесно связаны экономически. Барину нужны руки, крестьянам заработки. Отсюда могла выйти гармония поразительная и прогресс огромный, тем более, что освобожденный народ проявил величайший такт и неожиданно огромную гражданскую подготовку. У нас наверху даже и не подозревали, что все пройдет так гладко и стройно.

Отчего же вместо этого естественного и вполне законного прогресса, точно Россию кто мертвой водой спрыснул? Ведь разорение началось сразу, с первых дней реформы, и захватило всех самых сильных и свежих? Этого разорения нет никакой возможности, даже путем величайших натяжек, объяснить гражданскими или политическими причинами. Не было этих причин, десять-пятнадцать лет подряд не было! Было что-то другое, чего никто не понимал, да и сейчас упорно понять не хочет.

Разорение, и притом общее, — и барина, и мужика, пошло оттуда, что при прекрасно обдуманной *юридической* и *политической* стороне освобождения его *экономическая сторона* была не только пренебрежена, но прямо перепутана, было сделано нечто, как раз противоположное истинным интересам страны.

Знаете, князь, мне об этом больно и противно говорить, потому что мы все до сих пор загипнотизированы, и я уже слышу вокруг голоса:

«Ага! Это Шарапов насчет Е. И. Ламанского[89] и В. П. Безобразова[90] и банковской реформы 1859 года!.. Знаем, знаем! "Сделали конверсию вкладных билетов в банковые и сожгли какие-то бумажки"... "провели либеральный таможенный тариф"... Это его конек, он на этом помешался. Ну разве можно великое мировое явление объяснять какими-то банковскими маневрами?»

Никто не хочет понять, что при современной сложности государственной жизни финансы играют ту самую роль, как водопровод или электричество в современных больших зданиях. В доме сотня квартир. Вообразите, что невежественный мастер испортил водопровод и воды нет. Что может поделать отдельный жилец? При прежнем порядке послал жену или кухарку на реку, и есть вода. Не угодно ли это сделать теперь? Перед бедствием, заметьте это, князь, уравниваются все жильцы в доме, и самый умный, самый лучший из них ничего поделать не может.

Я ребенком был тогда, но я помню, как лучшая часть дворянства мечтала о вольнонаемном труде, ибо крепостной был очень плох. Во всяком, буквально, во всяком помещичьем доме выписывали агрономические книги и изучали их; съедутся помещики, других разговоров не было, как о реорганизации хозяйства. То, что Атава[91] пишет, *было*, конечно, то есть легкомыслие, увлечение; но это были Редкие исключения. Этакая огромная культурная сила, как земельное русское дворянство 50-х годов, да чтоб не справилось с переделкой хозяйственного своего строя! Чтоб я этому когда-нибудь поверил!

Представьте себе, какую задачу приходилось решать: чтобы вести правильное агрономическое хозяйство при вольнонаемном труде, необходим основной капитал, очень значительный, и очень значи-

тельиый же капитал оборотный. На каждую культурную десятину нужно минимум 200 рублей в инвентаре, постройках и устройствах, да хоть 25 рублей свободной наличности или дешевого и верного кредита. Есть это налицо, и всякий русский помещик (или, по крайней мере, огромное большинство) отлично устроит свое хозяйство и не проест, не промотает денег. Нет, и самый лучший хозяин прогорит и уйдет с хозяйства.

Были ли у нас эти условия? До 1859 года — да! Свободных денег, свободных капиталов, которые при натуральном хозяйстве и даровом труде и наполовину так нужны не были, — было изобилие. Кредит был очень легок без всяких банков, векселей и чеков, ибо денег обращалось в народе много. Затем дворянство *создавало* оборотные средства, по желанию, посредством опекунских советов, сохранных казен и пр. К этому так же привыкли, как к хорошему воздуху, как к здоровью. Никто и не подозревал, что может быть иначе, ибо «канкриновская»[92] денежная система казалась незыблемой.

И что же? В 1859 году пришли совершенно невменяемые, совершенно невежественные люди, которым по какой-то фатальной ошибке доверился Александр И, разгромили канкриновские учреждения и... остановили водопровод.

Вот цифры:

К 1 января 1857 года было в обращении:

Кредитных билетов на	735 297 090 руб.
Казначейских (серий)	87 000 000 руб.
Вкладных, ходивших как деньги, разменных и не имевших курса	1 013 000 000 руб.
Итого	1 835 297 000 руб.*

Да кроме того золотой и серебряной монеты приблизительно на 500 млн рублей".

* Так в тексте С. Ф. Шарапова.

** Это видно из следующей справки:

С 1826 по 1857 г. добыто в России золота и серебра на	285,7 млн руб.
Вывезено за границу	48,3 млн руб.
Привезено из-за границы	189,3 млн руб.
Поступило в народное обращение и казну	426,7 млн руб.

См.: *Garnier et Guillaumin.* Annuaire de l'économie politique et de statistique pour l'an. 1859.

Да с этими 2 '/, миллиардами свободных денежных средств при 65 миллионах жителей, даровом труде, ничтожных податях и бюджете в 255 млн руб. можно было очень гладко и свободно перейти к самому высокому «свободному» земледелию. Так как, однако, переходили от хозяйства натурального к денежному и денежная потребность возрастала, то пришлось бы наличное обращение еще немного увеличить. Николай I и Канкрин, наверно, так бы и сделали. Оба, и великий лжямн-Государь и великий хозяин-министр, отлично понимали, что сокращение или недостаток оборотных средств в стране — большая опасность для ее культуры*[93].

Что же вместо этого сделали и именно в самый момент крестьянской реформы?

А вот что:

Конвертировали вкладные билеты, то есть *ходячие деньги,* в *банковые билеты,* то есть в *бумагу-товар.* Этой бумаге вместо 100 держалась цена 80-75 руб. и даже ниже, курс на нее устанавливала биржа, расплачиваться ею было нельзя, ею можно было *торговать,* то есть *играть.* Эта реформа, этот истинно Геростратовский[94] подвиг был равносилен изъятию из обращения целого миллиарда рублей, да в какую минуту!

Ввели либеральный таможенный тариф. Из-за границы полились «дешевые» товары, за границу в несколько лет ушло все серебро и золото.

Чтобы поддержать курс, стали жечь бумажки. Это единственное платежное и оборотное средство страны предоставлялось в следующем виде:

Кредитных билетов было в:

1858 году	735,5	млн руб.
1869 году	644	млн руб.
1850 году	678	млн руб.
1861 году	712,9	млн руб.
1862 году	714	млн руб.
1863 году	691,7	млн руб.
1864 году	637,1	млн руб.**[95]

* См. записки ст. секр. барона Корфа в Сборнике Исторического Общества.

** *Судейкин Вл.* Государственный банк СПб. 1891. Стр. 358.

То есть к моменту завершения крестьянской реформы гг. «молодые финансисты» (так их величали) свели денежное обращение в России с 2 Уз миллиарда полноценных, ходивших al pari[96] руб., до $^{2}/_{3}$ миллиарда бумажных денег, терявших на курсе 8 %.

Скажите, князь, какая еще страна на свете могла бы выдержать подобное кровопускание? Сокращение денежного обращения на каких-нибудь 10 % вызывает во всякой культурной стране уже серьезный кризис — penurie monétaire[97]. Что же мудреного, что мы свели реформу 1861 года к следующим результатам:

Дворянство разорено и обезземелено.

Крестьянство лишено *всей* обстановки быта свободных граждан и сдано в крепостное право много худшее, чем старое, в крепостное право у зверя кулака, еврея и фискально-полицейских агентов.

Государство ослабело и впало в неоплатные долги.

Цивилизация наша выродилась в нечто не настоящее, в фасаде, в «комедию», как вы, князь, справедливо указываете.

Власть расшаталась и потеряла способы воздействия, ибо управлять толпою нищих и некультурных людей невозможно. Власть самая просвещенная, самая утонченно-гуманная и либеральная потеряла популярность. Под давлением бед экономических и разорения были забыты все гражданские благодеяния эпохи реформ!

Самоуправление погибло, школа в качестве просветительницы погибла, ибо на почве разорения, недовольства и отчаяния все гибнет.

Молодые дворянские поколения, выгнанные из деревни, нашли исход недовольству в самых диких политических учениях, которые *всегда* по общему закону развиваются в эпоху экономических бедствий.

И наконец, совершилось позорное, отвратительное и бессмысленнейшее из исторических преступлений. Царь-Освободитель, Царь из тех, что являются не у всех народов, Царь, каких дожидаются в страстной тоске ряды поколений, падает жертвою заговора, в котором соединилась озверевшая русская анархия, имевшая представителей *всех сословий*.

Не знаю, как для вас, князь, а для меня близкая генетическая связь 1 марта с финансовыми реформами 1859-1863 года совершенно ясна. Я не марксист, не ищу объяснения *всего* хода истории экономическими причинами, я выделяю область духа от области брюха, но ведь здесь причины и следствия стоят уже совсем рядом и нужно быть слепому, чтобы их не видать.

Неужели можно безнаказанно накоплять в стране голодную, озлобленную, не находящую живого дела интеллигенцию?

Неужели бороться с этой голодной интеллигенцией можно только полицейскими мерами? Да какая же полиция удержит или предупредит обезумевшего, образ Божий потерявшего человека? Посмотрите, чем вздумали лечить экономическую беду классицизмом! Человек рук никуда приложить не может, ибо все отрасли труда гибнут и цветет одно хищение, а его берут под подозрение... всю страну берут под подозрение — и какую страну? Ту, которая сама добровольно призвала государственную власть, сама ее воскресила, когда та упала!

Мое письмо затянулось, и потому я ограничусь одним указанием.

Да, ведь мы и сейчас ничему не научились. Мы только разочаровались. Мы и сейчас вместо лечения усердно продолжаем дело самоистребления. Жизнь ясно просит одного, мы даем прямо противоположное. Жизнь говорит: поддержите землю, хозяйство — в них вся суть, весь корень жизни русского народа. Мы отвечаем на это самым бесшабашным биржевым грюндерством. Скоро у нас акций и облигаций будет больше, чем хлеба.

Простите, князь. Все это ведь отступление от главной темы нашего спора. Но вы меня сами на то вызвали. Нам надо вернуться к бюрократии и самоуправлению. Мне хочется еще многое сказать, и я рад, что вы даете мне место. Теперь вопрос идет уже не о разорении и ослаблении, а о жизни или смерти русского народа.

XII. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

(Понедельник, 6 сентября, № 69)

Возвращаюсь к предмету моего спора с С. Ф. Шараповым. В доказательство того, что самоуправление органически согласуется с Самодержавием, мой почтенный оппонент приводит два примера: один из древнерусской местной жизни, другой новейший из финляндского самоуправления. Добросовестно задаю себе вопрос: могут ли эти два примера убедить в том, что завтра введенное Россией широкое земское самоуправление даст жизненные результаты,

похожие на те, о которых летопись древнерусского государства повествует, или на те, которые дает нынешнее финляндское самоуправление? Пример старой русской жизни очень трудно применяется к нашей эпохе с теми многими явлениями жизни, которые ее совсем изменили и усложнили. В то время жизнь была донельзя проста тем, что в себе не содержала, кроме дела каждого в своей области. Отличительною чертою этой простоты был тот факт, что личная жизнь сливалась почти везде с общественным и государственным делом. Теперь, кроме прямого дела, явилось такое множество побочных дел с изобилием частных интересов, потребности жизни так усложнились, газеты, не существовавшие прежде, внесли в умственный мир столько раздражающих и отвлекающих от прямого дела элементов, столько фальши и столько лжи в смысле противоречия жизненной правде, что даже смешно себе представить, как в нынешнее время самоуправление у нас будет вести свое дело хорошо по тем же причинам, по которым оно шло удовлетворительно 300 лет назад.

Еще менее ободряет к вере в русское местное самоуправление пример, приведенный из финляндской жизни, во-первых, потому, что издавна финляндская жизнь ровно ничего не имеет общего с русскою ни по нравам населения, ни по истории ее политической жизни, во-вторых, потому, что финляндское местное самоуправление есть, так сказать, органическая основа всего ее конституционного государственного строя. Г. Шарапов, чтобы доказать совместимость Самодержавия с самоуправлением на примере Финляндии, прибегает к парадоксу и говорит, что Великий Князь Финляндский есть тот же Самодержец для Финляндии, как русский Царь для России. Это не совсем верно́, так как Финляндии дарована конституция, и эта конституция получает в правильной организации местного самоуправления, которое, к слову сказать, уже тем отличается от русского, что весь строй финляндской жизни основан на сидении образованного землевладельца у себя дома. Само собою разумеется, что от русского Монарха, Великого Князя Финляндского, зависит, блюсти или не блюсти лежащие на нем обязанности финляндского конституционного Великого Князя, но пока он их блюдет, Финляндия есть конституционное государство, коего порядок и благосостояние народа обусловлены тем, что в основу конституции, как я сказал, легло правильное местное самоуправление.

Во всяком случае, чем больше я вдумываюсь в обсуждаемую нами в этом споре тему, тем более я удивляюсь тому, чтобы все налицо находящиеся признаки именно несостоятельности нашего земского самоуправления, совсем независимо от вопроса: стеснялось ли оно или не стеснялось правительственными мероприятиями, могли не окончательно убедить в невозможности возродить учреждение местного самоуправления без возрождения людей. И действительно, когда подумаешь, что огромное большинство землевладельцев образованных и состоятельных на месте, то есть в своих уездах, в своих губернских городах не живет, трудно даже себе представить, какие жизненные двигатели теперь, при почти повальном экономическом разорении дворянства, могут побудить местное самоуправление вести лучше, чем оно велось в начале введения земских учреждений, когда было немало состоятельных дворян по уездам и когда земство, как либеральная игрушка, могло увлекать и обольщать многих.

Но все это я говорю для того, чтоб прийти к вопросу, по-моему, самому главному, а именно к следующему: нужно ли плакать, что земство несостоятельно, и нужно ли желать, чтобы земство представляло собою идеал самоуправления в интересах Самодержавия? Об этом до следующего раза.

XIII. Оттуда же

(Вторник, 7 сентября, № 69)

Сейчас прочел в наборе только что присланную мне для нынешнего номера статью С. Ф. Шарапова под заглавием: «Что погубило дворянство?» Статья эта поразительно ярко и верно дает ответ на этот роковой вопрос нашей новейшей истории. Но это один из ответов, ответ, так сказать, финансовый, где мастерски собраны все причины, не зависевшие от воли дворянства, приведшие к разорению экономическому не только поместное дворянство, но и крестьянское население.

Но есть, увы, рядом с этими причины гибели нашего дворянства, от его воли зависевшие. Да, не обинуясь, я говорю, как всегда говорил, что русское земельное дворянство погибло потому, что либеральная политика целого 25-летия его губила, но и потому, что оно Дало себя губить. История этого 25-летия на моей памяти перепол-

йена дворянскими психическими моментами, из которых каждый указывает не только на отсутствие дворянских элементов борьбы за существование, но даже на признаки самоунижения, самоотрицания и самоослабления. Началось это с кокетничанья и заигрывания корифеев дворянства с корифеями либерализма, окончилось оно, увы, разорением повсеместно дворянства, как отражение пассивного отношения к политике правительственных мероприятий, основанных на принципе неуважения к дворянству. Может быть, это покажется наивным, но все же исторический факт тот, что с самого конца 50-х годов дворянство начало погибать потому, что оно не сумело ни само себя уважать, ни заставить себя уважать. Если бы дворянство себя уважало с первого дня либеральных реформ, оно заставило бы себя уважать. Чтобы это понять, стоит припомнить, как рядом с русским земельным дворянством, постепенно изнемогавшим под гнетом чиновничьего реформаторского либерализма, боролось с этим самым либерализмом Остзейское дворянство под знаменем лозунга: один за всех, все за одного. Двигателем этой борьбы было самоуважение и последствием ее было то, что Остзейское дворянство заставило себя во всех либеральных реформах, предпринятых в крае, уважать. Я помню слова, сказанные одним чистокровно русским влиятельным сановником при введении судебной реформы в Остзейском крае, которые, как русского, не могли меня оскорбить, но в которых именно сказалось различие между русским и остзейским дворянством: «Надо везде тщательно подбирать лучших людей, — сказал министр юстиции, — чтобы не осрамиться перед тамошним дворянством». И действительно, был произведен особенно тщательный выбор лиц нового судебного ведомства, и дворянство ðсталось этою, как и всеми другими реформами, довольно. И прошли десятки лет, и экономическое состояние поместного дворянства осталось непоколебленным, а рядом с этим жизнь в крае представляет полный порядок и полную гармонию во взаимных отношениях дворянства, земства, крестьян и правительства. И все это случилось так потому, что дворянство из самоуважения сделало свое «быть или не быть», тогда как на Руси дворянство основало свой modus vivendi[98] и свои отношения к правительству и к интеллигенции и даже народу на принципе самоунижения. И курьезная вещь, в промежуток этого печального для дворянства периода, его кой-какие дворянства по губернии пускали,

как фейерверки, из своей среды всеподданнейшие адреса с наивными требованиями политической роли, а как сословие образованное, к народу близкое и земледельческое, все дворянство вместе помогало духу времени себя уничтожить. Рядом с этим остзейское дворянство никаких адресов с требованием политической роли не представляло, но как сословие, крепкое единством, образованием и земельною собственностью, оно из самоуважения сделало ту силу, благодаря которой все реформы в крае основались на уважении к этому самому дворянству.

В борьбе с татарским игом наши предки-дворяне сумели делать то же самое и в стеснениях своего духа и своей материальной жизни нашли силу не только к борьбе, но и к торжеству своего духа. Эта сила была самоуважение. В борьбе с либеральным чиновником, увы, произошло противоположное: чиновник победил только потому, что в земельном дворянстве не хватило самоуважения для борьбы за дух и предания своего сословия.

XIV. Обуздание золотого тельца

(Письмо С.Ф.Шарапова. Из «Гражданина», №70)

Вы так много, князь, поставили вопросов, так обогнали меня, что я затрудняюсь, на что прежде отвечать и на что после. А пока позвольте указать еще на одну сторону русской жизни, до которой ни вы, ни я еще не касались и которая одна вполне достаточна, чтобы в споре «самоуправление или бюрократия?» сделать выбор вовсе нетрудным.

Мы забыли об экономической области, о материальной обстановке. В новейшем периоде русской истории есть одно такое условие, которое прямо бюрократический режим исключает, делает его совершенно невозможным. Условие это — наша быстро шагающая промышленность, создающая торжество в стране Золотого тельца, культ и власть мешка с деньгами, или, по-западному, «чека».

Вообразите себе такую картину. Крупный и ответственный агент Государственного банка получает 3-4 тысячи жалованья. Параллельный ему по месту и объему обязанностей агент частного банка получает 10-12 тысяч. Инженер на казенной железной дороге, после всех увеличений содержания (в обиду чиновникам других ведомств), имеет 6-7 тысяч, а тот же инженер на частной железной

дороге хватает 20-25 тысяч, да всевозможные «на чаи». Министр получает от 11 до 18 тысяч рублей, а тут же рядом в нескольких шагах частный банк приглашает одного из директоров и платит ему в год *100 тысяч.*

И вот представьте себе, что директор правления такого-то, с жалованьем «соответственным» является хлопотать в ведомство, от которого дело зависит. Денег на всякие «непредвиденные расходы» ассигновано сколько угодно, «дело» эти расходы выдержать может. Министр, допустим, не «возьмет», не «возьмет» и директор департамента. Но ведь дело двигают не они. Настоящий разговор идет с начальником отделения, или, еще лучше, со столоначальником, к которому в столе поступает дело. «Нам нужно провести вот такой-то параграф устава». — «Нельзя, на это наш министр никогда не согласится». — «Мы за расходами не постоим». — «Надо переговорить с Иваном Ивановичем; как они...» — «Пожалуйста, будем вам благодарны».

Столоначальнику обещается приличная мзда, начальнику отделения, если он пойдет на сделку, еще большая. Он будет докладывать дело директору, и задача ставится ему совершенно ясная: убедить директора, что просимый параграф и законен, и справедлив, и нужен «для развития»... ну, положим, «отечественной промышленности». От начальника отделения не требуется ни преступления, ни подлога, ничего такого, что могло бы быть обнаружено и испортило бы его карьеру. Нужно только *покривить немного душой,* посмотреть сквозь пальцы, и за это награда минимум в размере годового содержания. А делец хватит на этом миллион!

Вот генезис наших '«хищений». Это самый элементарный вид. Отсюда один шаг, и начинаются заведомые продажи отечества. Уследить за этим нельзя, изловить виновного невозможно, а в обществе полно разговоров, а по ресторанам открыто хвастаются. Без крупной взятки, говорят, уже ничего получить нельзя... Нет такого ведомства, нет такого поста, которые были бы вовсе гарантированы от искушений. Гарантии только в нравственных качествах, в доблести *лица.* Требуется, при возможности полной безответственности, устоять *только* во имя патриотизма и нравственных начал, требуется оттолкнуть живые реальные блага во имя принципа. Я не спорю, что это *должно быть,* что таких людей

надо подготовлять, что доблесть должна быть такой же необходимой принадлежностью человека на службе, как и вицмундир, да что же с этим поделаешь, если эта доблесть не справляется со множеством ежедневных тайных искушений, падает ниц перед Золотым тельцом, развращается, не выдерживает разницы между скромной и трудовой жизнью на казенное жалованье и шикарной обстановкою биржевиков и дельцов, фактически захватывающих все первые ряды в общественной иерархии? Вот этот биржевой заяц, разбойник и мошенник, едет на прекрасных лошадях, а у меня едва б коп. на конку. У этого банкового воротилы жена по два раза в неделю слушает Мазини" и Баттистини[100], а моя Анна Ивановна, засуча рукава, сама у плиты стряпает...

Я не проповедник морали, не поэт, я только беспристрастный исследователь и свидетель. Наблюдая факты, стараясь дать им посильное объяснение и сделать верные выводы, я вижу совершенно ясно, что перед бешеной биржевой и грюндерской спекуляцией, перед капиталистическим нашим «прогрессом», выдвигающим подонки общества наверх к власти, влиянию и силе, оказываются бесплодными все заботы власти об искоренении хищений, все проповеди и мечтания идеалистов. Как прежде откупщик развращал всю губернскую администрацию и перед ним в бессилии склонялось государство, так теперь развращает весь наш быт и административный строй делец-биржевик, грюндер и гешефтмахер. Бюрократический строй, если он не состоит из одних святых, бессилен выдержать какую бы то ни было борьбу с этим явлением. Капитализм идет своим ходом и несет свои приемы. Устранить этот капитализм нельзя, не пришло время, не в социалисты же идти в самом деле! Капитализм должен логически завершить свой круг; бюрократизм его не остановит и намордника не него не наденет. Об этом нечего и толковать.

Да, это бюрократизм! С Золотым тельцом не могли справиться ни парламентаризм, ни свобода печати. Достаточно указать на Францию, где Панама[101] преблагополучно купила парламент и купила печать. Те немногие органы, которые пробовали кричать о злоупотреблениях, на загипнотизированное общество не подействовали. Золотой телец умеет отводить глаза. Голоса честных людей остались вопиющими в пустыне, да еще их же обвинили, что кричат, мол, они из шантажных видов. Им мало заплатили, и вот они требуют больше...

Выхода здесь никакого нет, а и жить так нельзя. Биржа и ее царство погубит и развратит у нас все, как развратила на Западе, пожрет последние остатки нашей честности и доблести, а их и так немного. Что же делать?

И вот я ставлю вопрос: нет ли какого иного выхода для обуздания выросшего в страшную общественную силу и расходившегося Золотого тельца, для приведения капиталистического потока, по крайней мере, в некоторые рамки?

Раз этот вопрос поставлен, мы неизбежно придем к другому вопросу: если государственная власть, имеющая своими органами бюрократию, или парламент, с Золотым тельцом *заведомо* справиться не может, то не может ли с ним справиться наше русское Самодержавие, имеющее своими органами большие самоуправляющиеся единицы?

Чтобы этот вопрос решить, мы имеем следующие данные: наверху Самодержец, при земском строе абсолютно полновластный и свободный. Он стоит выше самоуправления, но вне его. В его руках органы карающей власти, никаких «дел» с Золотым тельцом не имеющие. Внизу, глубоко под Самодержцем, идет знакомая нам борьба капитализма с органами самоуправления, в рамках, данных Верховною властью, как незыблемый закон. Самодержец, стоя вне этой борьбы, совершенно ясно видит, как в такой-то или такой-то области Золотой телец берет верх, развращает и одолевает местную земскую власть. Этой власти скрыться некуда и защитить ее некому. Ее хлещет печать, стоны ею обиженных несутся к Царскому престолу. Преступные действия этой местной власти не могут всползать вверх по бесконечной бюрократической лестнице, чтобы исчезнуть в бумажном океане. Цепь оборвана. Виноватый стоит лицом к лицу перед Монархом. Гром бьет его без промаха. Министру нет основания его защищать и прикрывать, ибо не министр его назначал. Противодействия раскрытию какого угодно хищения или злоупотребления ниоткуда быть не может, ибо те, кто имеют силу скрыть зло, в этом отнюдь не заинтересованы, а те, кто заинтересованы, не имеют силы. Что может сделать какой-нибудь председатель управы, хотя бы и областной, при появлении в области ревизующего сенатора или особого уполномоченного Государя? Купить его? Но независимые и честные люди около Престола всегда найдутся. Можно указать без ошибки на несколько десятков высших наших сановников, которых купить нельзя. Такой сановник, посланный на следствие в Пермь или Калугу, все раскроет. Ему там не месте все помогут раскрыть. И тот же сановник в Петербурге ничего не раскроет, а если и раскроет, то правительство не решится давать делу полную огласку, *не может решиться*, ибо в любом здешнем хищении все сплетается и переплетается, и если вы найдете первого *по-видимому* виноватого, то он потянет за собою целую толпу попустителей и укрывателей, иногда невольных, часто честнейших людей, виновных только в том, что их опутала бюрократическая сеть.

Взгляните, в самом деле, князь, у нас ли не делаются такие дела, что можно в ужас прийти? У нас ли по ресторанам и в салонах не рассказывают самых невероятных историй о подвигах Золотого тельца и его победах над нашей бюрократией? А часто ли мы слышим желанный гром, столь нужный для очищения здешнего воздуха? Мы его почти не слышим. Уходит тайный советник такой-то «по болезни», или «по прошению» — и только, да не куда-нибудь, а в государственную богадельню, в Сенат или Государственный Совет!

После Токарева, то есть на пространстве 20 лет, мы ни одного губернатора не видели под судом. Даже губернатора! А вы сами знаете, князь, какие вещи иногда проделываются. Самое большое — отставка без огласки. Но если человек хватил хороший куш, что ему отставка?

Я вовсе не фантазирую, не жду каких-нибудь необыкновенных красот от самоуправления. Будь осуществлен предполагаемый мною план, да примись государственная власть за серьезную *чистку* самоуправляющихся элементов, я уверен, что будет множество процессов, множество людей придется отдавать под суд. Но что же с этим делать? Я хочу только сказать, что этот путь, путь Самодержавия, опирающегося на самоуправление, есть не только единственный, остающийся нам путь для излечения России и верной победы над Золотым тельцом, но есть притом наш исторический и национальный путь.

Позвольте, князь, сказанное мною резюмировать по пунктам:

1) Капиталистический расцвет современного промышленного строя, царство гешефта, биржи и Золотого тельца побеждает повсюду все формы государственной жизни. Самодержавное государство бюрократического типа также бессильно совладать с соблазном, как и государство конституционно-парламентарное.

2) Борьба с капитализмом путем социализма идет помимо государства. Капитализм побороть и устранить *пока* нельзя. Он должен завершить свой круг. Что дальше будет, как одолеет его социализм и во что все это выльется, мы не знаем. Запад, вероятно, будет залит кровью, когда наступит решительный момент и социализм почувствует свою силу. Мы, русские, должны искать иного пути.

3) Самодержавие, опираясь на самоуправление, вызвав к жизни все нравственные элементы общества и народа и дав им свободу и силу (что случится само собой при правильной постановке самоуправления) одно может обуздать непомерно выросшего Золотого тельца и ту эволюцию, которая Запад зальет кровью, направить мирным и добрым путем.

Вот что я могу сказать об этой стороне вопроса. Но в нем есть и другие, не менее важные, о которых, если позволите, будет речь дальше.

XV. Из «Дневника» кн. В. П. Мещерского

(Среда, 8 сентября, №70)

Теперь хочу поговорить со своим оппонентом С. Ф. Шараповым о сущности нашего спора — о земском самоуправлении. Когда задумано было в начале 60-х годов, почти одновременно с крестьянской реформой, введение земских учреждений, тогда произошло в наших реформаторских правительственных сферах весьма любопытное явление, которое для исторической характеристики земской реформы необходимо помнить. Казалось бы, что первым вопросом при разработке проекта земских учреждений должно было быть точное и ясное разъяснение практического назначения и конкретных функций будущих земских учреждений. Оказалось, что на категорический вопрос: что такое будет земские учреждения, реформаторы, с П. А. Валуевым[102] во главе, точного ответа дать не захотели и вследствие этого всякий поднесь может не деле убедиться, что со дня введения земских учреждений по настоящее время, невзирая на последовавшую в 1890 году земскую реформу, самое трудное — это задача определить точно значение и назначение земских учреждений в ряду губернских и уездных учреждений.

Почему же, спросит русский человек, этот категорический вопрос был обойден составителями земского положения? Объяснение этой тайны мы находим в тех психических подробностях, которыми сопровождалась реформаторская работа над земскими учреждениями. Дело в том, что как только вопрос о введении земства был возбужден в правительственных сферах, немедленно в его либеральных кружках появилась мысль, что земские учреждения необходимо ввести как подготовительную ступень для будущего народного представительства. В то время уже говорили о том, что самый вопрос народного представительства или конституции доходил, как предмет беседы, до Зимнего дворца, причем в либеральных правительственных сферах никто не говорил о том, что народное представительство немыслимо в России, но говорили, ссылаясь на отголоски, исходившие из Зимнего дворца, что конституцию вводить еще рано и что надо к ней исподволь готовиться. Следовательно, уже ссылаясь на эти отголоски, реформаторы энергично настаивали на том, чтобы на земскую реформу смотрели, как на подготовительную для дальнейших либеральных реформ ступень. Валуев, хотя представлял из себя полнейший тип оппортуниста, тем не менее неоднократно говорил о своем затруднительном положении при разработке земских учреждений лавировать между либеральною тенденциею и между обязанностью быть осторожным и не заходить слишком далеко в области либерального ограничения государственной власти.

Как бы то ни было, но ни малейшего нет сомнения в том, что под влиянием тогдашнего настроения умов составители земского положения не столько заботились о практическом значении будущих земских учреждений, сколько о придании им характера этой подготовительной к чему-то более широкому в будущем ступени. В этом нельзя было сомневаться, ибо если главною заботою правительства в то время была бы разработка практических сторон земских учреждений с определенною целью сделать их хозяйственными местными органами, то, само собою разумеется, прежде всего необходимо было бы разработать проект коренной реформы губернских и уездных правительственных учреждений для согласования их с новыми земскими учреждениями. Валуев действительно приступил было к этой работе; учреждена была комиссия губернских и уездных учреждений, но тот факт, что доселе, кажется, эта

работа не окончена, ясно доказал то, что я говорю, что практическая сторона всех местных вопросов была в то время до того второстепенна, что земские учреждения были введены без всякой разработки для них губернских и уездных учреждений.

Оттого, когда земские учреждения были введены, прежде всего бросилось в глаза отсутствие определенных функций как обязанностей, на земство возлагаемых. У правительства были отняты известные функции местного хозяйства, которые на нем лежали, как обязанности, и переданы с причислением их к земским учреждениям, но не в виде обязанностей, а в виде предметов, которых ведение им предоставлено с правом заниматься ими или не заниматься и с правом ни перед кем никакой ответственности за то не подлежать. Народное продовольствие наравне с дорогами и мостами, наравне с народным образованием, предоставлено было земству ведать на положении скорее любителя, чем исполнительного учреждения, а рядом с этим установление для земской сметы маленькой части обязательных функций относительно государственного земского сбора и огромной части необязательных расходов сразу поставило земские учреждения в полное неопределенное положение как относительно своих обязанностей, так и относительно ответственности. И если прибавить к этому, что земству дано было право, уцелевшее доселе, безграничного обложения земельной собственности для покрытия неограниченных, но необязательных земских расходов, то всякий поймет, что такой хаос безответственности, произвола, юридических нелепостей, в связи с отсутствием всяких определенных законных обязанностей, мог произойти только потому, что, как я сказал выше, законодатель думал, создавая земские учреждения, не о практическом их значении для губернии и уезда, а о составлении такого положения, которое, наскоро чем-нибудь наполнив, можно было бы поставить в основание будущего земского представительства.

Если все это так было, то ничего нет удивительного, что с самого начала своего учреждения земство, ни к чему не обязанное, ни перед кем не ответственное, приемля свои полномочия уже не от государственной власти, а от народного представительства, повело дело так, как ему вздумалось. Еще менее удивительно, что по неизбежной связи между средою составителей земской реформы и земскими деятелями установилось общение неизбежное, в силу которого очень многие земские учреждения предпочли с самого начала на себя смотреть, как на ячейки будущей конституции и, следовательно, гораздо более занимались земскою политикою, чем народным продовольствием и дорогами и мостами.

Во всяком случае, началась борьба между земством, естественно расширявшим пределы своих политических требований, и правительством, этим требованиям не поддававшимся, невзирая на свой либерализм; борьба, кончившаяся тем, что большинство земских деятелей, разочарованных в своих политических мечтаниях и в то же время вовсе не интересуясь земским хозяйством, бросили земское дело на произвол судьбы, и земское положение из крупного механизма превратилось в шарманку в распоряжении маленьких кружков земских людей в губернии, однако с прежним правом безгранично облагать земельную собственность и никакому контролю не подлежать.

Таков краткий исторический очерк наших земских учреждений.

Приблизительно то же самое говорит С. Ф. Шарапов, но только между нами целая бездна выводов. Г. Шарапов, как будто со слезами на глазах, говорит о тех стеснениях земской деятельности со стороны правительства, которые привели будто его к нынешней несостоятельности. Я же смотрю на эту пережитую земскую эпопею, как на назидательный, еще раз судьбою или русским Богом посланный урок России. Игра, начатая либеральным правительством в 60-х годах с земством, могла бы и не тем кончиться. Я с ужасом думаю о том, что с Россией стало бы, если бы от этого земского местного хаоса мы бы успели перейти к центральному земскому хаосу в виде конституции. Но урок был дан, земские учреждения оказались к нам неприменимыми, весь вопрос в том, сумеем ли мы этим уроком воспользоваться.

И здесь опять я коренным образом расхожусь со своим оппонентом. Не наученный этим опытом, он предлагает снова начать игру в земское самоуправление, расширить до пределов возможного его область, и на нем основать Самодержавие. Я никоим образом с этим согласиться не могу по той простой причине, что нельзя основывать Самодержавие на начале, ему противоположном: неограниченная власть Монарха не может опираться на самоуправление, получающее свою власть от народа. И если бы мечта г. Шарапова осуществилась и земское самоуправление стало бы творить

чудеса для народного благосостояния, то первым последствием этого было бы расширение земского самоуправления до центра включительно. Может быть, осуществление этой гипотезы дало бы России счастье — это вопрос, которого я не касаюсь; я говорю только, что местное земское самоуправление ведет к центральному самоуправлению как к неизбежному выводу, как следствие к причине, но никак не к укреплению Самодержавия. А так как исторический опыт доказал неприменимость местного самоуправления на деле, то я из этого вывожу, что местные земские нужды требуют на месте того же применения принципа правительственной Самодержавной власти, как и в центре, что нисколько не мешает возможности пользоваться всеми лучшими людьми на месте. Моя мысль: окружить сильную правительственную власть в губернии и в уезде лучшими местными людьми. Мысль г. Шарапова: подчинить местному земству правительственную власть. Я доселе не видел в переживаемых нами событиях опровержения моей главной мысли. Англия сильна, пока держится своего исторически сложившегося самоуправления; Швейцария тоже; Россия сильна, пока держится своего исторически сложившегося Самодержавия; но она не может быть с Самодержавием сверху и с республикою снизу

XVI. Сущность Самодержавия

(Письмо С. Ф. Шарапова. Из «Гражданина», № 71)

Вы приводите, князь, справку из истории введения земских учреждений и указываете, что деловая сторона самоуправления исчезла за стороной политической, которая состояла в том, что на земство смотрели, как на первую ступень народного представительства. За ним должно было следовать центральное народное представительство, то есть парламент, то есть ограничение Царского Самодержавия или «конституция».

Вы правы. Такое течение было, да и мудрено было ему не быть при тогдашних условиях. Неслыханный духовный гнет, гнет мысли и разума воцарился после 48-го года[103] в России. Общественная жизнь в духовном смысле прямо *загнила.* Все честное, чистое, живое ушло от страшной умственной реакции, от цензуры, вычеркивавшей «вольный дух», от парадной солдатчины, от разврата, лести и лжи, загнездившихся во властных сферах.

В судах черна неправдой черной .;
И игом рабства клеймена,
И лжи, и низости тлетворной,
И всякой мерзости полна...[104]

Вот что была в духовном смысле николаевская Россия по свидетельству честнейшего человека, всею душою преданного Самодержавию. И это при великолепном хозяйстве, при денежной системе, как я уже говорил раньше, создавшей огромные богатства в стране. Государственная обстановка стала так всем ненавистна, что в Севастопольский погром у России нашлось много пушечного мяса, но не оказалось достаточно патриотизма, чтобы сплотиться вокруг ненавистного режима и отстоять честь России. Обратите внимание, что не радикал какой-нибудь, а А. С. Хомяков *торжествовал* при наших поражениях и военных неудачах! И. С. Аксаков чуть пули себе в лоб не пустил от отчаяния, попав единственным честным человеком в среду, полную самых наглых воров (см. его письма из ополченского похода). Вот продукт тогдашнего режима, типично-бюрократического, на который вы, князь, указываете, как на нечто стройное и доброе, режима, который глубже всех презирали в России два человека — Император Николай I и Наследник Престола Александр, будущий Царь-Освободитель. Но царь - увы! - выхода не видел, в свободу не верил и умер, как искупительная жертва страшного недоразумения; Александр II *верил в свободу,* от нее ждал излечения всех зол, и был прав, потому что ничего другого и не оставалось.

Понятно тогдашнее настроение. Зло бюрократизма было так ужасно, Россию духовную разъедала такая гангрена, что все, от Царя до последнего писаря и поденщика, мечтали о выходе. «Чиновник» было синонимом чуть не «злого духа»; «казенное», «казенщина» были прямо бранными словами. Неужели все это мы забыли?

Выхода желали пламенно, но выхода настоящего, русского никто не видал. От бюрократии броситься было умственно некуда, кроме западных форм жизни, кроме народного представительства и конституции. Русская история ведь была всеми забыта. Для тогдашней официальной России она начиналась с Петра, за которым расстилалось нечто дикое, бесформенное... Александр II в молодости, пожалуй, был конституционалист по воззрениям, да ведь и «консти-

туция» еще не была так скомпрометирована на Западе, как теперь. От парламентаризма *можно было* ждать всяких благ. Я думаю, что если в новое царствование не торопились провозгласить «конституцию», то только потому, что придумать таковую для России довольно-таки мудрено, а во-вторых, все же чувствовали, что наша Родина была слишком не подготовлена к западным формам жизни.

С другой стороны, огромное значение для всего царствования Александра II имела записка К. С. Аксакова[105], поданная Государю при вступлении его на престол. Эта записка — некоторым образом славянофильская политическая программа*. Мне рассказывал И. С. Аксаков, что в свое время она произвела на Александра II глубочайшее впечатление и что ее можно считать ближайшею родоначальницею земства. Александр II именно на ней навсегда излечился от конституционных мечтаний и остался Самодержцем с ясной тенденцией заменить бюрократию земским самоуправлением. И этой идее он остался верен. После долгой реакционной полосы уже в его царствование, изнуренный борьбой с нашей крамолой, ничего общего с земским строем не имевшей, Александр II подписал указ о созыве 36 человек представителей от земств в качестве совещательного органа при Государственном Совете, то есть в малом виде Земского Собора с ограниченной и совершенно определенной задачей: обсудить формы борьбы с воинствующим анархизмом, указать путь, как привлечь на помощь государству живые общественные силы, вновь отступившие, вновь оставившие государство изолированным и беспомощным.

Я утверждаю, князь, со слов Аксакова, знавшего дело близко, что у Александра II, как Царя, *уж'е* не было конституционных взглядов. Земство уже в *этом* духе было создано и ни к какой конституции, то есть к ограничению Самодержавия, никоим образом повести не могло. Если бы даже осуществилась идея о включении в Государственный Совет представителей от земских губерний, если бы даже было постановлено, что заседания совета будут гласны и прения печататься в «Правительственном Вестнике», то отсюда не выходит ни малейшего ограничения Самодержавия. *Этот-то* Государственный Совет мог бы повторить лишь формулу древних

* Напечатана вместе с другими документами в моем издании «Теория государства у славянофилов». СПб, 1898. Ц<ена> 40 коп<еек>.

Земских Соборов: «Ты, Государь, твори, как Тебя Бог вразумит, а наша мысль такова».

Да разве же, в самом деле, это ограничение, а не расширение Самодержавия? Разве это не освобождение его от всяких возможных «нашептываний»? Государь неизмеримо больше ограничен докладывающим ему в тишине министром, по своему желанию освещающим дело и направляющим Царскую волю, куда ему угодно, чем открытою честною мыслью лучших людей Земли, мыслью, высказанною вслух и имеющею только нравственную силу. Там Государь имеет перед собою мысль одного человека, вооруженного односторонними данными, подобранными с *целью* доказать Монарху то, что нужно докладчику (кто же будет делать иначе?), здесь видим борьбу мнений между собою, борьбу, одушевленную прежде всего любовью к Родине и обузданною уже тем, что все сказанное произносится вслух перед целой Россией. Здесь правда сама собою выходит из столкновения мнений и аргументов, пусть даже будет и партийная борьба. Эта борьба в области мнений ничуть не опасна. Опасна *власть партий.*

Государю есть из чего выбирать, и он *может* выбирать. Для его личной мысли и воли здесь, и только здесь, полная свобода. Из всего собрания ему показалось правдивее и симпатичнее мысль вятского мужичка Иванова, который среди пышных генеральских речей сказал только два слова, по неумению своему ораторствовать; но эти два слова проникли в сердце Царя и дали ему уверенность, что *здесь* желанная правда, — вот она! И пусть Государственный Совет весь выскажется против, а Царь возьмет, да мнение этого Иванова и примет.

Вот это-то самое и есть сущность Самодержавия. Этого русская Россия никогда от своего Царя не отнимет и не пожелает отнять. И кто покусится на эту свободу, кто подсунет вместо нее какие угодно конституционные гарантии, то есть право большинства, тот «вор» и враг с точки зрения русского народа. Эту свободу Царя русский народ бережет, о ней мечтает, отлично зная, что Царь может ошибиться (дело человеческое!), а господа, то есть *партия*, могут «злоумыслить». В этом коренная наша разница с Западом, и потому мы никаких партий, то есть власти партий, не хотим. Мнение — партиям, это сколько угодно, и чем свободнее, полнее, обоснованнее мнения, тем лучше, а власть Царю, и никому, кроме него.

И вот именно эту свободу и эту власть Царя отнимает и парализует бюрократия. Юридически она остается, понятно. Но ведь дело не в названии, а в факте.

Помните, в 1896 году вы, князь, ставили у себя в газете вопрос: «Знает ли Царь правду? Может ли правда дойти до Царя?» И решали этот вопрос по вашему основному воззрению: «Не учреждения, а люди». Да, бесспорно, люди нужны. Но это все слова, а на деле выходит вот что: честнейший министр докладывает очень неудачный закон, который подготовили его чиновники, совершенно незнакомые с истинной потребностью страны и неспособные ей ответить. Мотивировано все прекрасно: цифры, таблицы, объяснения. Бумага все вытерпит, а чиновники все сумеют написать и «обставить». В Государственном Совете мнения делятся, но большого противодействия нет. Закон технический, специальный. Государь убеждается логикой и цифрами доклада и дает свою санкцию, то есть снимает ответственность с авторов закона и начинает сам нести ответственность за закон перед Богом и историей.

Проходит немного времени. Закон оказывается неудачным, вредным. Жизнь стонет. Стоны доходят до Престола. Добровольцы подают записки, яркими красками излагают все печальные результаты мероприятия. Царь видит, что дело неладно. Министр (честнейший, заметьте!) волей-неволей должен защищать свое дело, успокаивать Царя, противодействовать тем влияниям, которые идут против данного закона, то есть вместе с тем и против его автора. Отсюда один шаг — и честнейший министр уже обращается в человека партии, отыскивает союзников, устраивает коалиции и сначала невольно, а затем по необходимости вводит в заблуждение Государя...

Разве же вся жизнь наших Монархов не есть один сплошной мученический подвиг? Самое нужное, самое дорогое и — верю тому — самое желанное для Царей — правда не дается иногда упорному и настойчивому исканию. Каково жить среди вечной борьбы между Правдою, являющеюся как тень, как стон, как отголосок или догадка, и Ложью, облеченною во всеоружие цифр, логики, красноречия? Что можно извлечь из официальных отчетов, представлений, донесений, кроме того, что тот или иной автор хочет ими сказать? Александр Македонский[106], не будучи в силах распутать гордиева узла[107], рассек его. Русскому Монарху пришлось бы своим мечом разрубить на куски всю показную официальную Россию, ибо это миллион гордиевых узлов, один другого неразрешимее...

Выход отсюда один, все тот же, который мне представляется. Нет, это не гипотеза, князь! При моей схеме достигается *наверно*, по крайней мере, одно: правда во всем объеме будет перед Царем. Эта правда не есть отнюдь покушение на Царскую волю, на Царские прерогативы. Это упразднение самодержавия чиновников и восстановление истинного Самодержавия Царя, возвращение Царю всей полноты его власти.

Помилуйте! Из чего следует, что самоуправление местное имело бы своим последствием расширение самоуправления до центра? Зачем вы мне приписываете такую мысль? Да и как это может случиться? Недоумеваю. И что такое это расширение? Конституция, парламентаризм? Откуда же это следует?

Вчитываясь внимательно в ваши строки дневника от 8 сентября, нахожу, где у вас логическая ошибка. Вы говорите: «Неограниченная власть Монарха не может опираться на самоуправление, получающее свою власть от народа». Ну вот отсюда ваша мысль, князь, и заблудилась. Да разве же самоуправление получает свою власть от народа? Да, только в том случае, когда народ или низверг прежнее правительство и революционным путем создал новое, или когда Верховная власть вступила в договор с народом, отреклась сама и передала ему путем конституции источник власти. У нас ничего подобного нет и быть не может. Поэтому я и говорил, что в Финляндии нет конституции. У нас народ поставил династию Самодержцев и не только ничем их не связал, но противостоял всякой попытке умалить Самодержавную власть. Наше самоуправление может исходить *только от Царя* путем *закона*. Сегодня Царь может представить министру выбрать и представить ему на утверждение такого-то агента власти. Завтра этот выбор может быть предоставлен так или иначе организованным обывателям, но и в том, и в другом случае, без малейшего различия, данный агент получит власть от Царя и ни от кого другого, ибо Царь есть олицетворенная полновластная Самодержавная Россия, носитель (временный, как смертный человек) *всего* ее нравственного коллективного *я*, не ограниченный ничем, как и она. Это вопрос техники, а не принципа.

Знаете, князь, русскому человеку с русским историческим складом мысли просто *неловко* спрашивать: от кого выборный стар-

шина или председатель управы получил свою власть? Да разве же есть малейшая принципиальная (относительно источника власти) разница между например, судьей избранным и судьей назначенным? Разница, повторяю, только в технике дела. И тому и другому судье Царь дает власть и свое имя для произнесения решений, Царь и никто другой. Разница та, что в одном случае Царь согласился на рекомендацию обывателей, в другом — на рекомендацию министра.

В заключение этого моего письма позвольте привести слова, сказанные мне одним земцем и дворянином, занявшим важный государственный пост и ознакомившимся с нашим режимом и здешним персоналом.

«Знаете что? — сказал он мне. — Я посидел в нескольких комиссиях и откровенно вам скажу. Если бы мне пришлось на любом земском собрании поставить на баллотировку вопрос: что лучше для России: Самодержавие или республика, я бы сделал это совершенно спокойно, уверенный в результате. Ну а баллотировать этот вопрос в какой бы то ни было здешней комиссии из тайных советников я бы не решился».

Это мнение очень знающего человека. Так не обвиняйте же наше нынешнее больное и жалкое земство, что оно стремится узурпировать или ограничить Царскую власть. Оно упразднения бюрократии хочет, да, потому что эта бюрократия всем ненавистна и прежде всего себе самой. Оно еще кое-какие исторические предания хранит, оно еще Землю «помнит». А чиновники все позабыли.

XVII. Из «Дневника» князя В. П. Мещерского

(Суббота, 11 сентября, №71)

Ну, батюшка, — скажу я моему собеседнику С. Ф. Шарапову в ответ на его последнее письмо, — мы с вами забрались уже в такие области, что, как говорят, сам черт себе ногу сломит, и я думаю, между нами говоря, что, если его пригласить в третейские судьи в нашем споре и задать ему вопрос: какое наилучшее средство победить или, по крайней мере, умалить действие Золотого тельца в наш век, он несомненно ответит, что, к великому своему удовольствию, никакого средства не имеется; и если я ему скажу, что вот г. Шарапов придумал такое средство в виде широкого местного самоуправления под

охраною Самодержавия, уверен, что он пожмет плечами и усмехнется. Я не черт, но тоже, увы, читал с горькой усмешкой ваши прекрасные строки и позавидовал вам, многоуважаемый Сергей Федорович, что у вас еще от избытка молодости глаголят уста.

Нет, все, что вам угодно, готов принять за аргумент в пользу вашей теории самоуправления, но только не этот. Золотой телец в настоящее время, действительно, стал превыше всяких народных нужд, всяких нравственных принципов, всяких сердечных чувств, но думать, что его власть может ослабеть в России, например, от умаления бюрократизма в центре и от расширения самодеятельности в провинции, это только благодушная иллюзия, за вероятие которой жизнь не дает, увы, ни одного аргумента.

Приглядываясь к жизни одновременно и в столице, и в провинции, нельзя не заметить, что в столице действительно служение Золотому тельцу несравненно обширнее, чем в провинции; но было бы наивно думать, что это потому, что в провинции более честных людей, или потому, что бюрократизм в столице более благоприятствует служению Золотому тельцу. Все дело в том, что в столице сосредоточиваются все пружины и двигатели денежных дел, сосредоточивается власть, их решающая, но могу вас уверить чем хотите, что завтра раскидайте все эти пружины и двигатели по разным углам местного самоуправления, и вы получите в области спасительного самоуправления столько же взяточников и хищников, сколько будет дел, но с тою лишь разницею, что, благо область самоуправления отделена от центра, все хищения, неправды и взятки будут[1] настолько же смелее, настолько более шиты и крыты. В Петербурге все промышленные и торговые дела проводятся взятками, это ни для кого не секрет, но, как вы говорите, в Петербурге никогда не возьмет министр и редко очень обольстится директор департамента. Это уже большая гарантия в том отношении, что, если сделка в угоду Золотому тельцу перешагнет известные пределы и станет слишком вопиющею или скандальною, вы можете рассчитывать на расправу, вы можете рассчитывать на известный страх в продажной душе взяточника, но опять-таки могу вас уверить, что в провинции, если только вы ее снабдите полномочиями утверждать концессии всякого рода, то вряд ли вы найдете там много таких палестин[108], где Золотому тельцу не будут служить и первый и последний, и высший и низший.

Ведь Золотой телец тем ужасен, что он принимает бесконечно разнообразные виды и оттенки; и если вдуматься в это бесконечное разнообразие его проявлений, то невольно станет страшно при мысли, во что обратится бедный русский народ, если вместо одного храма Золотому тельцу и вместо одной биржи сделок в его честь раскинется по всей России столько храмов и столько бирж, сколько будет местных центров самоуправления.

Ведь это будет равносильно увеличению в геометрической прогрессии культа Золотого тельца, ибо все, что делалось во имя этого культа в одном центре бюрократизма, будет делаться во всех центрах самоуправления.

Возьмите для примера крошечное Кожинское дело в Тамбовской губернии. Никто не скажет, что Кожин сделал бесчестный или противозаконный поступок, но все скажут и сказали, что как предводитель дворянства он сделал некрасивую вещь. А между тем все газеты получили от губернатора Тамбовского для напечатания официальное разъяснение, под протекцию которого поступило Кожинское дело. Тут не было преступления; но тут все-таки было служение Золотому тельцу в одном из многих видов. Оно могло найти прямое и ясное порицание со стороны губернатора, именно, как некрасивое действие предводителя дворянства, а между тем оно нашло известного рода юридическое одобрение. По нем нетрудно судить о том, что могло бы быть, если б все органы местного самоуправления получили бы возможность распоряжаться тем, чем теперь распоряжаются начальники отделений в Петербурге.

Это одно. А затем если бы предпринято было следствие или сделана ревизия сотен миллионов кровных денег народа, израсходованных в эти тридцать с чем-то лет земством, то неужели вы сомневаетесь в том, г. Шарапов, что открылись бы такие хищения, такие взятки, которые бесспорно могли бы, я думаю, даже с авантажем[109] соперничать с самыми виртуозными хищениями и взятками в царстве Золотого тельца.

Не забудьте, что Гоголь обессмертил русского взяточника не в начальнике отделения Петербурга, а в русском человеке.

И мы все-таки придем к тому, с чего я начал, — дайте школе ставить лучших начальников отделений, и служение Золотому тельцу настолько ослабеет, насколько усилится частное в цифре честных людей.

XIX. Оттуда же

(Берлин. Суббота, 18 сентября, № 73)

В четверг я выехал за границу. В вагоне встретил пожилого англичанина, горного инженера, с двумя молодыми сыновьями, как ни в чем не бывало возвращавшегося с Урала, не знавши и не узнавши ни единого слова на каком бы то ни было иностранном языке. Как оказалось, это обстоятельство нисколько не помешало ему целые две недели посвятить изучению на Урале горнозаводского дела и вынести очень отчетливые впечатления. Из этих впечатлений у него сложилось убеждение, что Урал еще непочатый угол России, и он возвращается домой с замыслом найти миллионы и начать там крупные горнозаводские предприятия.

Дорогою обдумывал последнее письмо С.Ф.Шарапова, доставившее мне своим содержанием большое наслаждение, тем более бескорыстное, что я все-таки с его главными мыслями никак согласиться не могу.

Начну с маленьких возражений исторического содержания. С. Ф. Шарапов со слов И. С. Аксакова говорит о сильном влиянии на Александра II Записки, в начале царствования ему представленной Константином Аксаковым с изложением славянофильского взгляда на будущие реформы в России, и даже прибавляет, что будто Александр II держался во все свое царствование мысли соединить Самодержавие с земским самоуправлением именно на началах славянофильского credo[110], будучи противником западного конституционного режима.

И. С. Аксаков заблуждался. Император Александр II во все свое царствование проявлял скорее недоверие, чем доверие к славянофилам, не питая к ним никакого дурного чувства. Он именно не доверял им в политическом смысле, и при дворе, в особенности в первую половину царствования Императора Александра II, очень резко так называвшийся кружок Императрицы Марии Александровны[111] отделялся от Государева круга именно тем, что славянофилы находили в первом кружке те симпатии, которых они никогда не находили в кругу Государевом. Оттого ни один злонамеренный и прямо враждебный монархизму в России писатель не был так преследуем цензурою при министре Валуеве, как И. С. Аксаков во всех своих повременных изданиях, хотя, повторяю, его образ мыслей

всегда находил себе сочувствие в Императрице Марии Александровне. Если считать Ю. Ф. Самарина[112] и князя Черкасского[113] славянофилами — что весьма было сомнительно — (Самарин снисходительно только относился к славянофилам, а князь Черкасский по складу ума, по образованию, по убеждениям гораздо более был западник, чем славянофил), то про них можно сказать, что они представляли собою отголосок славянофильской Москвы в гостиной умных людей Великой Княгини Елены Павловны[114], но я не помню ни одного факта, по которому тогда можно было судить о влиянии хотя бы малейшем на ход реформ политического центра Михайловского дворца в славянофильном направлении. Сам Государь, воспитанник Жуковского[115], ничего общего не имевшего со славянофильским духовным миром и окруженный друзьями, как гр. Адлерберг[116], барон Ливен[117], князь Суворов'[18], И.М.Толстой[119], гр. А. К. Толстой[120], если был от чего-либо духовно далек, так это именно от славянофильства. А в доказательство этого достаточно привести тот факт, что главным политическим лицом в начале 60-х годов в роли министра внутренних дел был избран Государем не кто иной, как П. А. Валуев, самый характерный и полный тип западноевропейского политического оппортуниста. С него началось чисто западное либеральное направление правительственной политики, не прекращавшееся ни на одну минуту в царствование Александра II и никогда не дававшее место малейшему влиянию славянофильской доктрины. В этом смысле была разработана земская реформа, ничего общего не имевшая с древними земскими порядками на Руси, и, если я намедни говорил о противоположности между началом полномочия от народного представительства, положенным в основу Валуевского земства и между началом Самодержавной власти, делающей невозможным второе с усилением первого, то говорил en connaissance de cause[121], и именно потому, что Валуевское земство было чисто западным учреждением земского самоуправления, созданным с целью не служить основою Самодержавия, а положить начало процессу конкурирования народного представительства с Самодержавием. И в этой самой идее в конце царствования Александра II пребывал гр. Лорис-Меликов[122] со своими вдохновителями-сотрудниками, когда сочинял свой проект созыва земских представителей экспертов к участию в совещательных присутствиях с высшим правительством...

Доказательством явился тот факт, что когда Лорис-Меликова заменил граф Игнатьев, при Императоре Александре III, то, чтобы начать политику совершенно противоположную политике гр. Лориса, он начал разрабатывать целый проект русско-славянофильского самоуправления, но так как на этом пути сотрудники нового министра увлеклись слишком далеко и дошли до мечтаний о Земском Соборе, то попытка новых реформ в антизападном направлении так ни к чему и не привела.

Затем, кроме этой исторической справки, имею еще возразить моему почтенному собеседнику относительно весьма существенного вопроса. Г. Шарапов для иллюстрации своих нападений на бюрократизм приводит пример честного сановника, который провел через Государственный Совет проект как гуманной меры и получил затем Государеву санкцию для этой меры, но который затем, увидя на деле непригодность и даже вредность меры, не решается из партийных интересов или из-за расчетов самолюбия сознаться в своей ошибке и поддерживает свою меру во что бы то ни стало.

Бесспорно, такой случай может иметь место, но редко. Но неужели г. Шарапов убаюкивает себя надеждою, что с самым широким земским местным самоуправлением тот же самый случай не будет повторяться всякий раз, когда личные или партийные интересы будут сталкиваться с общественными?

Г. Шарапов такого сановника, отстаивающего свою меру, оказавшуюся непригодною, из-за интересов самолюбия называет все-таки честным. С этим я никак не могу мириться. В бюрократии и в самоуправлении честный государственный человек подходит под те же рамки и под тот же диагноз. Я полагаю, что государственному человеку, если он хочет быть честным, предстоит совсем другое, чем пример, приведенный г. Шараповым: если он убедился, что мера, им проведенная, вредна или непригодна, он просто приходит к Государю и объявляет Ему: Государь, я виноват, я Вас обманул, — и отменяет меру, причем, если какая-нибудь мера будет принята вследствие ложного доклада подчиненного чиновника и честный сановник его за это немедленно прогонит, то можно быть уверенным, что этого одного случая будет достаточно, чтобы предупредить повторение попыток вводить в обман своего начальника.

И опять-таки такого рода честных людей — сановников может дать хорошо поставленная и введенная школа в несравненно большем количестве, чем наша не русская и не нравственная школа.

XX. Меры политические и экономические

(Письмо С. Ф. Шарапова. Из «Гражданина», № 76)

Многоуважаемый князь, принимая во внимание ваше последнее возражение, позвольте попытаться выяснить, каким образом моя схема может действительно обуздать Золотого тельца, да так обуздать, что как бы и совсем сей современный бог не расплавился и не пошел на другое употребление, например, хоть на пополнение той золотой монеты, которая ежедневно уплывает из нашего Государственного банка.

Вы совершенно правильно полагаете, что если нынешние бюрократические пружины, собранные в Санкт-Петербурге, раскидать по областям, то «хищения, неправды и взятки будут настолько же смелее, настолько более шиты и крыты».

Да зачем же эти пружины раскидывать по областям? Зачем заводить там бюрократический дух? Это будет только так называемая «децентрализация», про которую можно сказать словами Щедрина, сказанными насчет конституции: «Вот ужо пропишут вам конституцию — вот ужо пропишут вам децентрализацию».

Этот местный аппарат, откуда докладчиками Царю являются *совместно* три лица — генерал-губернатор, областной предводитель дворянства (как председатель областного собрания) и областной председатель думы, или управы (нечто вроде местного министра-президента), будет уже до известной степени в силах справиться с местным Золотым тельцом. Весь этот аппарат не закупишь, а если некупленного останется хоть одна малая часть — правда до Царя дойдет, и гром раздастся.

Это одна сторона дела. Другая сторона в смысле обуздания Золотого тельца будет состоять в следующем: из каких элементов складывается Золотой телец, то есть власть денежного мешка в государстве?

Этих элементов главным образом два:

1) Банки и биржи.

2) Крупные акционерные компании и их союзы.

Местное самоуправление может справиться с Золотым тельцом только в своей области. Во всем том, в чем Золотой телец воздействует прямо на центр и оттуда получает свою власть и силу, местное самоуправление бессильно. Отсюда следует, что Золотой телец в своей главной части должен быть парализован в центре страны.

Рассмотрим главные случаи.

1) Банки. Отнюдь не будучи сторонником так называемого государственного социализма (в немецком смысле), я считаю частную торговлю деньгами в государстве вполне свой век отжившею. Если мы *вполне* могли обходиться без частных банков при очень широкой и полной экономической государственной и местной жизни во времена Императора Николая I, то тем более обойдемся и теперь. Тогда, в те времена, был решен, и хорошо решен, вопрос о нашей денежной системе (идеальной для своего времени) и о государственном кредите. Казенные банки в центрах: Ассигнационный, Коммерческий, Заемный, Ссудные и Сохранные казны. На местах приказы общественного призрения, которым пустяков не хватало, чтобы стать превосходными губернскими банками. Изобилие повсюду частных капиталистов, располагавших чрезвычайно подвижною формою капитала (вкладные билеты), без затруднения переходившего из рук в руки. Вот что была так называемая Канкриновская система, исключавшая Золотого тельца в образе частного банкира почти вовсе.

Каким образом эту систему восстановить при современных условиях, вы, князь, можете во всех подробностях найти в моей книге «Бумажный рубль», где дана полная схема организации государственного кредита на началах Императора Николая I, расширенных для наших современных условий и потому об этом я говорить больше не буду, скажу лишь категорически, что частные банки *безусловно не нужны.*

2) *Биржи.* Пока это только собрание купцов, предлагающих и покупающих товары, никто ничего здесь не скажет. Если идет покупка и продажа акций и облигаций частных мелких предприятий без азартной игры, и в этом горя нет, без биржи акционерные общества немыслимы. Биржа опасна и вредна, когда она ведет игру государственными ценностями и дивидендными бумагами крупных компаний, когда становится хозяином государственной экономической политики. Но ведь при моей схеме *государственных процентных бумаг, имеющих курс, нет вовсе*; крупные компании

И опять-таки такого рода честных людей — сановников может дать хорошо поставленная и введенная школа в несравненно большем количестве, чем наша не русская и не нравственная школа.

XX. Меры политические и экономические

(Письмо С. Ф. Шарапова. Из «Гражданина», № 76)

Многоуважаемый князь, принимая во внимание ваше последнее возражение, позвольте попытаться выяснить, каким образом моя схема может действительно обуздать Золотого тельца, да так обуздать, что как бы и совсем сей современный бог не расплавился и не пошел на другое употребление, например, хоть на пополнение той золотой монеты, которая ежедневно уплывает из нашего Государственного банка.

Вы совершенно правильно полагаете, что если нынешние бюрократические пружины, собранные в Санкт-Петербурге, раскидать по областям, то «хищения, неправды и взятки будут настолько же смелее, настолько более шиты и крыты».

Да зачем же эти пружины раскидывать по областям? Зачем заводить там бюрократический дух? Это будет только так называемая «децентрализация», про которую можно сказать словами Щедрина, сказанными насчет конституции: «Вот ужо пропишут вам конституцию — вот ужо пропишут вам децентрализацию».

Этот местный аппарат, откуда докладчиками Царю являются *совместно* три лица — генерал-губернатор, областной предводитель дворянства (как председатель областного собрания) и областной председатель думы, или управы (нечто вроде местного министра-президента), будет уже до известной степени в силах справиться с местным Золотым тельцом. Весь этот аппарат не закупишь, а если некупленного останется хоть одна малая часть — правда до Царя дойдет, и гром раздастся.

Это одна сторона дела. Другая сторона в смысле обуздания Золотого тельца будет состоять в следующем: из каких элементов складывается Золотой телец, то есть власть денежного мешка в государстве?

Этих элементов главным образом два:

1) Банки и биржи.

2) Крупные акционерные компании и их союзы.

Местное самоуправление может справиться с Золотым тельцом только в своей области. Во всем том, в чем Золотой телец воздействует прямо на центр и оттуда получает свою власть и силу, местное самоуправление бессильно. Отсюда следует, что Золотой телец в своей главной части должен быть парализован в центре страны.

Рассмотрим главные случаи.

1) Банки. Отнюдь не будучи сторонником так называемого государственного социализма (в немецком смысле), я считаю частную торговлю деньгами в государстве вполне свой век отжившею. Если мы *вполне* могли обходиться без частных банков при очень широкой и полной экономической государственной и местной жизни во времена Императора Николая I, то тем более обойдемся и теперь. Тогда, в те времена, был решен, и хорошо решен, вопрос о нашей денежной системе (идеальной для своего времени) и о государственном кредите. Казенные банки в центрах: Ассигнационный, Коммерческий, Заемный, Ссудные и Сохранные казны. На местах приказы общественного призрения, которым пустяков не хватало, чтобы стать превосходными губернскими банками. Изобилие повсюду частных капиталистов, располагавших чрезвычайно подвижною формою капитала (вкладные билеты), без затруднения переходившего из рук в руки. Вот что была так называемая Канкриновская система, исключавшая Золотого тельца в образе частного банкира почти вовсе.

Каким образом эту систему восстановить при современных условиях, вы, князь, можете во всех подробностях найти в моей книге «Бумажный рубль», где дана полная схема организации государственного кредита на началах Императора Николая I, расширенных для наших современных условий и потому об этом я говорить больше не буду, скажу лишь категорически, что частные банки *безусловно не нужны.*

2) *Биржи.* Пока это только собрание купцов, предлагающих и покупающих товары, никто ничего здесь не скажет. Если идет покупка и продажа акций и облигаций частных мелких предприятий без азартной игры, и в этом горя нет, без биржи акционерные общества немыслимы. Биржа опасна и вредна, когда она ведет игру государственными ценностями и дивидендными бумагами крупных компаний, когда становится хозяином государственной экономической политики. Но ведь при моей схеме *государственных процентных бумаг, имеющих курс, нет вовсе*; крупные компании

в большинстве сходят со сцены и остаются только мелкие предприятия, где биржа центральная отнюдь не может принести больше зла, чем любая провинциальная, как это мы сейчас увидим.

3) *Акционерные общества.* Здесь вся сила Золотого тельца. И вот на что, князь, обратите внимание. Чем больше от данного дела требуется личного почина, чем менее способно оно «огосударствиться», то есть стать казенным делом, тем оно безобиднее и безопаснее, как орган Золотого тельца. И наоборот, чем меньше нужно инициативы и предприимчивости, чем больше способно дело стать органом государственной работы, тем опаснее оставлять его в частных руках, тем ужаснее его экономическая власть в стране.

На первый план надо поставить железные дороги, эти крупные компании, которые составляют поистине язву, государство в государстве, плодят всяких Мамонтовых[123], Ададуровых[124], Кульжинских и пр., которые становятся хозяевами и в финансовом, и в путейском ведомствах. Железных дорог частных быть вовсе не должно. Строить и эксплуатировать их, кроме разве подъездных путей, должна центральная власть. Как она с этим справится, это вопрос другой, который я здесь не рассматриваю. Но если в руках казны железные дороги могут быть и плохи, то все же это не Золотой телец. Будут хищения и злоупотребления, но не власть капитала, не организованный разврат и грабеж, как сейчас.

Затем страховое дело должно сполна и во всех видах перейти к государству. Это Золотой телец смирный, но ужасный по своим аппетитам. Наше страхование есть организованный дневной грабеж, и если общества сравнительно не так нагло наживаются, то потому, что сорят деньгами на своих агентов, содержа целые армии тунеядцев, коим плата идет только за привлечение страхователя к обстрижению. Это черт знает что, тем более что мы, во-первых, имеем блистательный опыт казенного страхования в Царстве Польском, во-вторых, самое дело представляет чисто чиновничью шаблонную работу и, в-третьих, — ведь путем страхования можно иметь все те 300-350 миллионов, которые ныне вытягиваются из народа путем отравления его алкоголем. Но говорить об этой идее здесь не место. Прибавлю кстати, что и нефть должна быть взята в казенное управление.

Остаются общества металлургические, горные, сахарные, мануфактурные и иные. С этими в их поползновениях стать Золотым

тельцом справиться вовсе немудрено. Здравая экономическая политика государства имеет много для этого орудий, из которых назову два: *обложение* пропорционально доходам и размеру дела. Пусть будут крупные централизованные дела обложены много больше дел мелких той же доходности, и они сами децентрализуются. Во-вторых, соответственное возрастающим ценам *понижение таможенных пошлин.* Это дивное средство и уже для сахара и угля применялось с успехом. Оно может парализовать какой угодно синдикат. Разумеется, бороться с промышленным Золотым тельцом можно будет отнюдь не бюрократическим путем. Шкала обложений и нормы понижений тарифа, разумеется, могут смирять Золотого тельца только тогда, когда ими управляет ведомство, имеющее в своем лоне земских уполномоченных с правом голоса. Иначе Золотой телец непременно захватит этот регулятор в свои же руки и сделает себе здесь новую крепость.

А затем закон, закон и закон и контроль на местах посредством земских органов. Дайте хорошее акционерное законодательство, например, хоть финляндское, и пусть все дела о нарушениях ведает суд прямо по жалобам частных лиц. Сделайте одолжение — Золотой телец здесь не разгуляется. Да и что от этого Золотого тельца останется, раз его пьедестал вынут, то есть упразднены ворочающие экономической политикой банки, а биржа низведена до ее скромной роли — места *купеческих* встреч? А местная земская власть при свободе печати и серьезном отношении к закону сверху, поверьте, князь, с своими маленькими золотыми уже не тельцами, а поросятами отлично справится. Только бы государство не поддавалось!

Вот что я могу сказать по поводу ваших, князь, опасений насчет размножения неправды и хищений. Моя схема вполне их предвидит, и я думаю, что на этой почве больших возражений вы мне не сделаете.

О НАШЕМ ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ

(Записка, представленная в ноябре 1898 года Его Императорскому Величеству в Ливадии*)

Настоящий момент для нашего государственного и народного хозяйства есть в полном смысле слова критический. Золотая валюта, вызвавшая в России острое безденежье и опустошительный земледельческий кризис, далее удерживаться не может, и не сегодня-завтра министру финансов придется закрыть размен, дабы не истощить окончательно собранного с такими жертвами золотого фонда.

Закрытие размена может тотчас же вызвать сильное падение курса и стремительное обесценение на международном рынке наших бумаг. Между тем этого закрытия приходится ожидать со дня на день", ибо при убыточном в весьма сильной степени расчетном нашем балансе, при ничтожной добыче золота и при напряженном, до последних пределов, хлебном вывозе, мы не имеем никакой возможности поддерживать курс иначе, как путем искусственного прилива в Россию золота, то есть увеличением прямой задолженности, во-первых, и привлечением иностранных капиталов в нашу промышленность, то есть фактической распродажей России, во-вторых. Очевидно, что этот искусственный приток золота может существовать только тогда, когда 1) на европейских рынках довольно свободных средств; 2) пока наша задолженность не перешла той границы, за которой уже начинаются сомнения и недоверие.

До тех пор, пока европейские биржи располагали свободными средствами, С. Ю. Витте[125] путем самой беззастенчивой рекламы и подкупа почти всех главных европейских газет мог поддерживать мнение о нашем будто бы блестящем экономическом положении и почти безграничной кредитоспособности. Нетрудно было предвидеть, что малейшее стеснение в деньгах на Западе, остановив

* В № 16 «Русского Дела» в числе документов, приведенных в передовой статье, было помещено дополнение к этой записке, написанное в 1899 году. По просьбе некоторых из наших читателей воспроизводим полный текст записки.

** По слухам, в Министерстве финансов уже идут даже ночные заседания для обсуждения возможности закрытия размена. *Прим. 1898 г.*

приток к нам золота, разрушит иллюзию и поставит наше финансовое ведомство в безвыходное положение.

Так именно и случилось. Благодаря крайнему покровительственному тарифу и поднявшимся ценам на хлеб, Соединенные Штаты так повернули в этом году в свою пользу свой расчетный баланс, что за покрытием всех своих обязательств на их долю приходится чистый остаток около 225 млн долларов, то есть почти 450 млн руб., которые и должна им выплатить Европа.

Установился могущественный золотой поток в Америку, который в сильной степени опустошил европейские денежные рынки, тем более что все поступающее в Америку золото назад не возвращается. Наступила паника. Главные банки — английский, французский, германский в октябре этого года подняли, ради спасения своего металла, учетный процент до небывалой высоты.

Несмотря на все наши старания, приток золота к нам резко оборвался. По сведениям «Русского Труда», С. Ю. Витте в свою последнюю поездку ни в Париже, ни в Берлине сделать ничего не мог. Кроме того, европейские капиталисты пришли, наконец, к тому справедливому убеждению, что в России далеко не такое блистательное финансовое положение, как стараются представить С. Ю. Витте и его панегиристы.

При постоянных «недородах», при крайнем разорении народа во всех полосах России, кроме разве западной окраины, при полном упадке земледелия, хороших финансов быть не может. В этом смысле появился ряд статей даже в газетах дружественных России. Равным образом ничего не удалось достичь г. Татищеву[126] и в Англии, где Министерство финансов предполагало через его посредство открыть, третий по счету, золотой себе рынок (Париж, Берлин, Лондон).

Такое положение дел, обещающее совершенное прекращение дальнейшего нам кредита, ставит нашу золотую валюту в критическое положение и вызывает мероприятия, уже совершенно гибельные для нашего народного и государственного хозяйства. Последнее поднятие Государственным банком своего учетного процента, при остром безденежьи во всей стране, равносильно закрытию важнейших промышленных и земледельческих кредитов, то есть разорению всех трудящихся классов.

Истребление бумажных денег в мелких купюрах с целью принудительного удержания золота в обращении уже отозвалось неслы-

ханным никогда ранее безденежьем в деревне. Перевод нашей внутренней ренты на металлическую (для заграничных держателей) является мерой, до последней степени опасной, и которую в нравственном отношении даже трудно квалифицировать. Ее значение видно из следующего сопоставления.

Золотые платежи *к началу 1898 года* составляли в миллионах рублей старого чекана:

По системе государственного кредита на капитал	2133,7	93,6
По облигациям частных железных дорог на капитал	327,7	14,7
По 3,5 % закладным листам Дворянского банка на капитал	28,3*	1,1
Итого на капитал:	2189,7**	109,4
К 1 октября 1898 года		
По системе государственного кредита на капитал	2133,7	93,6
По облигациям частных железных дорог на капитал	401,8	18,3
По 3,5 % закладным листам Дворянского банка на капитал 372,0 млн рублей нового чекана = старого чекана	248.6	9,9
По 4 % ренте (действительно находящейся за границей) нового чекана на 450,0 или старого чекана на капитал	300,0	11,4
Итого на капитал:	3084,1	133,2

Такое резкое увеличение золотой задолженности в течение каких-нибудь десяти месяцев является в последней степени опасным. России без крайнего напряжения сил невозможно ежегодно оплатить 133 млн золотом старого чекана, что составит полных 200 млн руб. нового чекана. Еще несколько шагов в этом направлении — и перед нами неизбежное государственное банкротство.

Невозможно даже себе представить, что может придумать С. Ю. Витте, чтобы, не закрывая размена, выйти благополучно из им же самим созданного положения.

* 42,5 млн руб. нового чекана = 28,3 старого.

** Так в тексте С. Ф. Шарапова.

Увеличить наш хлебный отпуск невозможно, ибо еще в прошлом году по дешевым ценам вывезены были все запасы, а в нынешнем огромный район будет до нового урожая нуждаться в продовольствии.

Прикрываться новыми займами почти невозможно. В деньгах неизменный всюду отказ.

Продолжать привлечение иностранных капиталов тоже невозможно: 1) главные наши национальные богатства (уголь, руды, нефть, золотые прииски) уже в значительной степени распроданы; 2) основание промышленных новых дел уже не сулит инициаторам прежних выгод; 3) денежные рынки стеснены; 4) в самой России поднимается со всех сторон ропот на закабаление русского народного труда иностранцами.

Приходится выпускать незаметным образом на покрытие текущих недочетов наш золотой фонд — вот единственно, что остается С. Ю. Витте. При его непомерном самолюбии, мешающем ему сознаться в сделанной ошибке, при его беззастенчивости и решительности, весьма возможно, что и этот шаг не исключается.

Последние балансы Государственного банка указывают на сильную убыль золота. Говорят, что его выпускают в народное обращение. Между тем огромное количество империалов нового чекана обращается за границей. Очевидно, эти деньги, если и прошли через руки народа, то не могли быть им удержаны.

При наличности в золотом фонде, вместе с кассой, 995,8 млн руб. (баланс на 1 октября) есть еще некоторый выход, дабы избежать катастрофы. Если этот фонд убавится еще хотя бы на 300 или на 200 млн, катастрофа будет уже неотвратима.

Золотая валюта все равно осуждена. Два года ее насильственного поддержания стоили России неисчислимых убытков. Дальнейшее поддержание будет стоить экономической катастрофы, полного закабаления России в неоплатный долг, потери ею всякой тени экономической самостоятельности, *а может быть, и катастрофы политической**.

Ошибка денежной реформы заключалась в признании золота единственным устойчивым металлом и в принятии золотой валюты в основание нашей денежной системы.

* Предсказание это в точности исполняется. — *Ред.*

Печальные последствия начали обнаруживаться непосредственно вслед за первым шагом к фиксации курса рубля на золото с отречением от нашей прежней монетной единицы — серебряного рубля.

До 1893 года Россия имела две валюты: золотую, на которую были исчислены ее международные обязательства и в которой взимались таможенные пошлины, и обесцененную бумажную, на которую совершались все внутренние сделки и расчеты. Уровень этой валюты был гарантирован законом о чеканке серебра для приносителей на основании нашей старой монетной единицы — серебряного рубля в 4 зол. 21 долю чистого металла. Пока действовал этот закон, кредитный рубль не мог подняться выше своего металлического основания и все внутренние цены не могли упасть ниже серебряных цен. Только это обстоятельство и защищало русское земледелие от кризиса, охватившего Европу и Америку, начиная с 1873 года, то есть с года демонетизации серебра Германией. Русские продукты вывоза ценились дешево на международном рынке в золоте, но выручаемая за них плата в серебре была для русских хозяев вполне достаточна. А так как наши бумажные деньги стояли ниже своего серебряного паритета, то наше земледелие имело еще и премию даже против серебряных стран.

Колебания курса бумажных денег и отсутствие у них твердого металлического основания имели своей причиной отнюдь не чрезмерное количество выпущенных бумажек, но единственно плохое состояние нашего расчетного баланса. При постоянных в нем дефицитах, вследствие сильной нашей внешней задолженности, мы были лишены естественного притока металла и низкий курс наших кредитных рублей выражал как раз наше неудовлетворительное международное хозяйство. Исправить это положение можно было единственно, улучшив наш внешний расчет, то есть приведя наши международные платежи в строгое соответствие с поступлениями.

Обесценение серебра давало нам к тому прекрасное оружие, перенося весьма значительную часть убытков России на ее контрагентов и конкурентов. Европа в убыток себе обесценивала все больше и больше серебро, и в 1893 году, без всяких хлопот с нашей стороны, наш бумажный рубль вернулся к своему металлическому основанию, то есть сравнялся с рублем серебряным, так что сам собою открылся размен на серебро.

В это время наша внешняя задолженность (считая здесь все ее виды) была гораздо ниже нынешней, и задача финансовому управлению предлежала самая простая:

1. Привести золотые платежи в соответствие золотым поступлениям, выделив совершенно золотые международные расчеты от внутренних и приведя их в полную независимость от курса.

2. Озаботиться снабжением России достаточным количеством оборотного денежного средства в форме ли серебра, которое уже начало появляться в обращении, или путем правильного установления эмиссионной операции на серебряном основании.

3. Озаботиться развитием сети кредитных учреждений, крайне у нас несовершенной и вполне неприспособленной для самой главной своей задачи — снабжения оборотными средствами земледелия и промышленности в уезде (Государственный и частные банки снабжают средствами только торговлю, и притом единственно в центрах).

Исполнение такой программы в то время (1893 год) не представляло никаких затруднений. Наши обязательные золотые платежи были сравнительно умеренны и с избытком покрывались добываемым золотом и таможенными поступлениями, эмиссионная операция была крайне облегчена восстановлением серебряного паритета, а новый, выработанный уже устав Государственного банка весьма приближался к правильному решению задачи о провинциальном и сельском кредите. Было также в значительной степени парализовано зло — спекуляция на курс наших бумажных денег.

Никакой нужды в валютной реформе не предстояло. Мы имели денежную систему, которую можем оценить по достоинству лишь теперь, когда ее потеряли. Трудно себе представить что-либо более шаткое научно и более опасное практически, чем те основания, которые были выставлены для нашей валютной реформы.

Какую цель преследовала реформа?

Исходя из ложного положения, что серебро вследствие своего перепроизводства не годится, как валютный металл, и отыскивая более постоянное и устойчивое мерило ценностей, авторы реформы остановились на золоте.

Предполагалось, что, приняв золотую валюту, общую с цивилизованными народами, мы получим естественный приток денег из стран, где они дешевы, в Россию, которая в них нуждается и где они дороги.

Таким образом мы должны были получить: верную и прочную монетную единицу и правильное, так сказать, автоматическое снабжение России деньгами. Теория не замедлила оказаться совершенно ложной во всех своих утверждениях.

Никакого перепроизводства серебра в мире нет, наоборот, именно его производство является наиболее устойчивым; и если серебро по отношению к золоту обесценилось, то только вследствие совершенно искусственного лишения измерителя его значения. Это подробно и обстоятельно доказано П. Олем[ш] в докладе «Мнимое перепроизводство серебра».

Золото, считавшееся наиболее устойчивым по ценности металлом, оказалось, наоборот, именно самым неустойчивым и, следовательно, мерилом самым плохим. Колебания indexnumbers[128], или товарных чисел, доказывают это с совершенной очевидностью. С 1873 года золото по отношению к 45 главнейшим товарам Лондонского рынка вздорожало почти на 60 %.

Что касается естественного к нам притока золота, ожидавшегося министром финансов, ложная теория обманула и здесь. Золото приливает не туда, «где оно дороже», или «где в нем наиболее нуждаются», а туда, куда направляет его результат мирового хозяйства, или расчетный баланс каждой отдельной страны. В Турции деньги много дороже, чем в Англии, или Франции, и Турция наиболее нуждается в золоте, а между тем оно приливает не в Турцию, имеющую чистую золотую валюту, а во Францию и Англию.

Все дело в расчетном балансе страны. Известное государство обменивается с остальным миром (внешним для себя) ввозными и вывозными произведениями, различными услугами, оцениваемыми на деньги и вызывающими тот или иной приход или расход и, наконец, платежами и получениями по долговым обязательствам своим иностранцам, или обратно.

Общий подсчет всех платежей и поступлений в международном хозяйстве данной страны и составляет ее расчетный баланс. Счет ведется на международные деньги (после 1873 года — золото) и в них же выражается сальдо, или окончательный результат расчетного баланса. Если это сальдо пассивно, то есть страна более получает от внешнего мира, чем сама ему дает, золото (мировые деньги) из нее неизбежно уходит, или она обременяет себя долгом; если сальдо активно, то есть иностранцы уплачивают данной стране более, чем

получают от нее, прилив к ней металла является неизбежным, хотя бы деньги в этой стране стоили и очень дешево и их было бы изобилие.

Прилив международных денег в страну обусловливает высокое развитие в ней предприимчивости и быстрое накопление капиталов. Капиталы эти, скопившись в избытке, перестают находить себе выгодное помещение в отечестве. Это способствует развитию в жителях данной страны международной предприимчивости. Франция, Англия, Бельгия, Германия, подняв свою промышленность на огромную высоту, ищут помещения капиталам, которые дома уже с выгодой не размещаются. На эти капиталы основываются заграничные предприятия или покупаются иностранные обязательства. Начинается действительно отлив капиталов (и, следовательно, денег) из стран богатых в страны более бедные, но от этого не только не восстанавливается экономическое между ними равновесие, но, наоборот, положение стран бедных, с пассивным расчетным балансом, становится все зависимее и тяжелее.

Таково именно положение России с тех пор, как фиксацией курса она открыла дверь приливу иностранного капитала и сделалась объектом широкой и всесторонней иностранной эксплуатации.

Нынешняя финансовая система одинаково гибельна и для народного, и для государственного хозяйства.

Народное хозяйство парализовано падением цен на все продукты земледелия и безденежьем, дошедшим до самой острой формы.

Государственное хозяйство дошло до последней границы задолженности и подошло непосредственно к перспективе государственного банкротства.

Россия голодает, нищает, вырождается, и предотвратить это или чем-нибудь облегчить страдания народа правительство при нынешней денежной системе бессильно. Денег в количестве, необходимом для народного обращения, золотая валюта не может дать, она, наоборот, все сжимает и сжимает денежное обращение. Цен исправить тоже не может. Россия осуждена разоряться.

Государственное Казначейство, не обманывая само себя, не может найти средств не только на вопиющие государственные нужды, но и на исполнение уже существующих обязательств по государственным долгам. Государственное хозяйство так же плачевно, как и народное, что и не может быть иначе.

Таким образом мы должны были получить: верную и прочную монетную единицу и правильное, так сказать, автоматическое снабжение России деньгами. Теория не замедлила оказаться совершенно ложной во всех своих утверждениях.

Никакого перепроизводства серебра в мире нет, наоборот, именно его производство является наиболее устойчивым; и если серебро по отношению к золоту обесценилось, то только вследствие совершенно искусственного лишения измерителя его значения. Это подробно и обстоятельно доказано П. Олем[127] в докладе «Мнимое перепроизводство серебра».

Золото, считавшееся наиболее устойчивым по ценности металлом, оказалось, наоборот, именно самым неустойчивым и, следовательно, мерилом самым плохим. Колебания indexnumbers[128], или товарных чисел, доказывают это с совершенной очевидностью. С 1873 года золото по отношению к 45 главнейшим товарам Лондонского рынка вздорожало почти на 60 %.

Что касается естественного к нам притока золота, ожидавшегося министром финансов, ложная теория обманула и здесь. Золото приливает не туда, «где оно дороже», или «где в нем наиболее нуждаются», а туда, куда направляет его результат мирового хозяйства, или расчетный баланс каждой отдельной страны. В Турции деньги много дороже, чем в Англии, или Франции, и Турция наиболее нуждается в золоте, а между тем оно приливает не в Турцию, имеющую чистую золотую валюту, а во Францию и Англию.

Все дело в расчетном балансе страны. Известное государство обменивается с остальным миром (внешним для себя) ввозными и вывозными произведениями, различными услугами, оцениваемыми на деньги и вызывающими тот или иной приход или расход и, наконец, платежами и получениями по долговым обязательствам своим иностранцам, или обратно.

Общий подсчет всех платежей и поступлений в международном хозяйстве данной страны и составляет ее расчетный баланс. Счет ведется на международные деньги (после 1873 года — золото) и в них же выражается сальдо, или окончательный результат расчетного баланса. Если это сальдо пассивно, то есть страна более получает от внешнего мира, чем сама ему дает, золото (мировые деньги) из нее неизбежно уходит, или она обременяет себя долгом; если сальдо активно, то есть иностранцы уплачивают данной стране более, чем

получают от нее, прилив к ней металла является неизбежным, хотя бы деньги в этой стране стоили и очень дешево и их было бы изобилие.

Прилив международных денег в страну обусловливает высокое развитие в ней предприимчивости и быстрое накопление капиталов. Капиталы эти, скопившись в избытке, перестают находить себе выгодное помещение в отечестве. Это способствует развитию в жителях данной страны международной предприимчивости. Франция, Англия, Бельгия, Германия, подняв свою промышленность на огромную высоту, ищут помещения капиталам, которые дома уже с выгодой не размещаются. На эти капиталы основываются заграничные предприятия или покупаются иностранные обязательства. Начинается действительно отлив капиталов (и, следовательно, денег) из стран богатых в страны более бедные, но от этого не только не восстанавливается экономическое между ними равновесие, но, наоборот, положение стран бедных, с пассивным расчетным балансом, становится все зависимее и тяжелее.

Таково именно положение России с тех пор, как фиксацией курса она открыла дверь приливу иностранного капитала и сделалась объектом широкой и всесторонней иностранной эксплуатации.

Нынешняя финансовая система одинаково гибельна и для народного, и для государственного хозяйства.

Народное хозяйство парализовано падением цен на все продукты земледелия и безденежьем, дошедшим до самой острой формы.

Государственное хозяйство дошло до последней границы задолженности и подошло непосредственно к перспективе государственного банкротства.

Россия голодает, нищает, вырождается, и предотвратить это или чем-нибудь облегчить страдания народа правительство при нынешней денежной системе бессильно. Денег в количестве, необходимом для народного обращения, золотая валюта не может дать, она, наоборот, все сжимает и сжимает денежное обращение. Цен исправить тоже не может. Россия осуждена разоряться.

Государственное Казначейство, не обманывая само себя, не может найти средств не только на вопиющие государственные нужды, но и на исполнение уже существующих обязательств по государственным долгам. Государственное хозяйство так же плачевно, как и народное, что и не может быть иначе.

Таков результат денежной системы, от которой обещаны были всякие блага.

Министр финансов совершенно осведомлен об истинном положении дел, но самолюбие при железной воле заставляет его вести борьбу a outrance[129], ставя на карту все, до будущности и независимости России включительно. Большинство мыслящих и честных людей с финансовыми делами не знакомы и потому протестующего голоса поднять не могут, печать в большинстве закуплена и молчит или славословит.

Небольшая группа независимых людей, ревнующих о благе Родины и следящих шаг за шагом за нашей финансовой политикой, не отчаивается еще в возможности доброго исхода, но совершенно убеждена, что нынешний министр финансов слишком далеко зашел, чтобы этот исход был для него возможен.

Эти люди после тщательного изучения выработали свой план, изменявшийся постепенно и шаг за шагом по мере того, как действовала наша финансовая система*. С каждым новым ее мероприятием осуществление этого плана, легкого и простого в 1893 и 1894 годах, усложнялось и затруднялось все более и более. В 1898 году он уже едва-едва осуществим. Через несколько месяцев никакой здоровый выход уже возможен не будет, и финансы России очутятся в таком же положении, как у Турции, Бразилии, Чили и т. д.

Имеющийся план опирается не на какие-либо подозрительные биржевые комбинации, а на ясное, прямое и простое поднятие народного хозяйства, вследствие чего само собой поднимется и упрочится хозяйство государственное. Основа экономического процветания страны, принимающей участие в международной жизни и обмене есть, как уже выяснено выше, ее расчетный баланс. Современный расчетный баланс России находится в самом плачевном положении. Золотая течь уж равняется одному миллиону рублей в день, что обстоятельно исчислено в № 5 «Русского Труда» за 1898 год. Лечение должно начаться именно с этого пункта.

Подробности о нашем расчетном балансе изложены в предисловии прилагаемой здесь книги «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895»[130]. Там же, то есть еще

* План этот изложен в брошюре П. Оля и С. Шарапова «Как ликвидировать золотую валюту?» СПб., 1899.

в декабре 1896 года, была выяснена гибельность для России вводившейся тогда золотой валюты и предсказано слово в слово то положение, в которое денежная реформа поставила наше Отечество.

Ничего нового предлагаемый план не вводит, ни малейшего риска в себе не заключает. Все, чего он потребует, — это отмены распоряжений 1897 года, еще не вошедших в Свод Законов, некоторых реформ в постановке сберегательных касс и во взаимных отношениях Государственного, Дворянского и Крестьянского банков и затем строгого выполнения законов, еще не отмененных, но временно как бы приостановленных.

Разумеется, после столь печальных глубоко захватывающих нашу экономическую жизнь ошибок, положение не может измениться вдруг, по мановению руки, но катастрофа будет предупреждена и для России может начаться полоса здорового преуспевания и залечения ран, нанесенных несчастным опытом золотого обращения.

Таков результат денежной системы, от которой обещаны были всякие блага.

Министр финансов совершенно осведомлен об истинном положении дел, но самолюбие при железной воле заставляет его вести борьбу a outrance[129], ставя на карту все, до будущности и независимости России включительно. Большинство мыслящих и честных людей с финансовыми делами не знакомы и потому протестующего голоса поднять не могут, печать в большинстве закуплена и молчит или славословит.

Небольшая группа независимых людей, ревнующих о благе Родины и следящих шаг за шагом за нашей финансовой политикой, не отчаивается еще в возможности доброго исхода, но совершенно убеждена, что нынешний министр финансов слишком далеко зашел, чтобы этот исход был для него возможен.

Эти люди после тщательного изучения выработали свой план, изменявшийся постепенно и шаг за шагом по мере того, как действовала наша финансовая система*. С каждым новым ее мероприятием осуществление этого плана, легкого и простого в 1893 и 1894 годах, усложнялось и затруднялось все более и более. В 1898 году он уже едва-едва осуществим. Через несколько месяцев никакой здоровый выход уже возможен не будет, и финансы России очутятся в таком же положении, как у Турции, Бразилии, Чили и т. д.

Имеющийся план опирается не на какие-либо подозрительные биржевые комбинации, а на ясное, прямое и простое поднятие народного хозяйства, вследствие чего само собой поднимется и упрочится хозяйство государственное. Основа экономического процветания страны, принимающей участие в международной жизни и обмене есть, как уже выяснено выше, ее расчетный баланс. Современный расчетный баланс России находится в самом плачевном положении. Золотая течь уж равняется одному миллиону рублей в день, что обстоятельно исчислено в № 5 «Русского Труда» за 1898 год. Лечение должно начаться именно с этого пункта.

Подробности о нашем расчетном балансе изложены в предисловии прилагаемой здесь книги «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895»[130]. Там же, то есть еще

* План этот изложен в брошюре П. Оля и С. Шарапова «Как ликвидировать золотую валюту?» СПб., 1899.

в декабре 1896 года, была выяснена гибельность для России вводившейся тогда золотой валюты и предсказано слово в слово то положение, в которое денежная реформа поставила наше Отечество.

Ничего нового предлагаемый план не вводит, ни малейшего риска в себе не заключает. Все, чего он потребует, — это отмены распоряжений 1897 года, еще не вошедших в Свод Законов, некоторых реформ в постановке сберегательных касс и во взаимных отношениях Государственного, Дворянского и Крестьянского банков и затем строгого выполнения законов, еще не отмененных, но временно как бы приостановленных.

Разумеется, после столь печальных глубоко захватывающих нашу экономическую жизнь ошибок, положение не может измениться вдруг, по мановению руки, но катастрофа будет предупреждена и для России может начаться полоса здорового преуспевания и залечения ран, нанесенных несчастным опытом золотого обращения.

БУМАЖНЫЙ РУБЛЬ. (Его теория и практика)

Выгодность для Германии торговых сношений с Россиею чрезвычайно ослабляется принятою в России системою неразменных бумажных денег, составляющих иногда прямое препятствие ко ввозу туда наших мануфактурных произведений. При низком курсе рубля немецкий фабрикант не в состоянии конкурировать с русским и вместе с тем тот же низкий курс создает русскому экспорту крупные премии. До восстановления в России металлического обращения страна эта будет недоступна для наших правильных и широких в ней оборотов, а потому в интересах Германии всеми мерами способствовать введению в России металлической валюты и уничтожению курсовых колебаний.

(Из отчета Кенигсбергской торговой палаты)

От автора

Настоящее исследование представляет первую попытку связать славянофильское учение с данными экономической науки, осветить, с одной стороны, экономические явления с точки зрения свободы человеческого духа, с другой — найти реальную опору славянофильским нравственным и политическим воззрениям.

Я избрал предметом исследования вопрос о бумажных деньгах потому, что он является, так сказать, средоточием всей экономической науки. Мне хотелось показать, что, оставаясь на почве механических законов необходимости, экономика ни к чему не придет и не может прийти, разве к удостоверению, что у человечества нет иной будущности, кроме рабства слабого у сильного или гибели всего современного строя путем бунта слабых.

Деньги — вот орудие экономических отношений лиц, групп и стран. Господствующая на Западе денежная система выражает непосредственно бессилие нынешней экономической науки. При всем относительном совершенстве денежного обращения на Западе, при бесчисленном множестве всяких организаций, форм, гарантий, союзов и соглашений, довольно немного углубиться в сущность западных денежных условий, чтобы увидеть в них неизбежный зародыш того же страшного разложения, которое снедает западную науку, искусство, религию, философию, право, государственность, словом, всю западную цивилизацию во всем ее объеме и проявлениях.

Зародыш этот — начало *бездушного формализма*, заменившего мало-помалу всюду идеальное начало *веры;* начало условного и относительного, заменившее мало-помалу начало абсолютного, высшего и вечного, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое *я* и обратившее все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену бесконечной борьбы эгоизмов. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, силятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить.*

Но не удается это Западу ни в какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в материалистический атеизм, философия — в пессимизм, государственность — в анархизм, этика — в проповедь чистейшего эгоизма, экономика — в формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти — с другой.

Бессилие Запада в области мысли до того поразительно за последнее время, что, кроме опошленных, износившихся и полных внутренних противоречий нескольких модных мировоззрений, не является ничего на смену, не блещет нигде ни луча надежды. Да и неоткуда ему там взяться!..

Славянофильство, скромно стоявшее особняком, в стороне от старых великих очагов человеческой мысли, теперь оказывается единственным мировоззрением, единственною философиею, полною жизни и *веры в жизнь.* Оклеветанное, осмеянное, оно вдруг начинает привлекать к себе взоры и умы. К нему начинают прислушиваться, его начинают изучать.

Настоящее исследование представляет слабую попытку пополнить и развить основные воззрения славянофильства в той области, до которой оно почти не касалось ранее. Это область экономическая. Думаю, что мне посчастливилось, исходя из основ этого учения, данных Киреевским[131], Хомяковым, Аксаковым, Самариным, Дани-

левским и пользуясь строго научными приемами школы, посильно пополнить это учение. Я хотел показать, что и в экономической области достаточно отвергнуть некоторые условности и победить застарелые предрассудки, чтобы жизнь тотчас предъявила свои права и показала возможность органического творчества там, где до сих пор видели лишь стихийную игру слепых сил. Государство как условность, как мертвенная форма, олицетворяющая внешний порядок, не смеет и мечтать ни о каком экономическом творчестве. Наоборот, государство как живое выражение мирского, соборного начала, олицетворенное в живом полновластном Государе, оказывается чрезвычайно творческим и могущественным. Деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила и орудие рабства слабого у сильного обращаются в расчетную бумажку, беспритязательного объективного счетчика, в орудие христианской помощи народному труду, предприимчивости и сбережению. Выясняется возможность полного примирения, и не условного только, а прочного, истинного, враждующих человеческих эгоизмов путем отнятия незаконной *власти* у одного и возвращения законной *свободы* другому. Там, где на Западе раздается как последнее слово — слово отчаяния, славянофильство смело поднимает свой голос надежды и оправданной, уясненной, раскрытой веры в лучшее будущее человеческого изобретения, труда и скромного стяжания. Сущность экономических процессов остается та же, от века предуставленная Провидением, как законы движения и равновесия, света и электричества, но человек освобождается от власти слепых сил, становится не бездушной пешкой в экономической борьбе, каким силилась утвердить его западная наука, а живым, свободным деятелем, применяющим эти законы сознательно, а не только им пассивно подчиняющимся. Если будет справедливо на весь мир экономических явлений смотреть как на «систему человеческих деятельностей, обусловливаемых и направляемых пользою», то разница между западными и славянофильскими взглядами немедленно обнаруживается. Идея «пользы» там есть самостоятельная, самодовлеющая сила, ничего выше себя не знающая. Здесь ее истинное место лишь как *служебного начала* другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно перестанавливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в «рабы Господни», единственное сладкое рабство, с коим

сознательно мирится и в коем воистину освобождается бессмертный дух человека.

И в этом признании, в этой перестановке понятий тотчас же раскрывается и истинно великая сила нравственного начала, поставленного как высшая власть. Экономическое начало пользы злое и бессмысленное, как признанное божество нового Запада, становится творческим орудием и послушною силою в руках государства, построенного не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном — *доверия*.

С этой точки зрения я и прошу читателя взглянуть на изложенные в этой книге законы творчества мнимых капиталов, регуляторов денежного обращения в государстве, зависимость постоянства денежной единицы от обстановки главного народного труда, образование государственных запасных капиталов и пр., и пр. Все эти законы раскрыты только посредством исследования той денежной формы, которая по существу своему *нравственна* и, как таковая, не поддается западной игре эгоизмов и западной наукою отвергается.

Важность этих законов, независимо от их верности и научного значения, лежит, по моему мнению, еще в том, что, уясняя вопрос о правильном устроении экономической жизни в государстве, они раскрывают неизмеримо далекие перспективы, указывая на второстепенное значение экономического мира явлений и вознося перед государством высшие и величайшие цели бытия. Указывая, что вопрос о «пользе» и ее проявлениях в общежитии разрешается к полному удовлетворению и благополучию трудящихся, сберегающих и умствующих, не говорят ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и сберегать, и умствовать возможно лишь во имя иных, вечных и высоких целей, возносящихся тем ярче и виднее, чем лучше, понятней и достижимее справедливость и спокойствие обстановки временной, материальной человека?

Вот с этой точки зрения я и позволю себе надеяться, что мой труд имеет значение в целом составе славянофильского мировоззрения. При всей неполноте, неясности, сбивчивости и плохом расположении частей моего исследования, я думаю, что мне удалось выяснить и отметить по крайней мере важнейшее, и что те, кому по душе придется мой труд, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но и кроме этого принципиального значения, я хотел бы надеяться, что мой труд не останется без некоторой прямой доли пользы. В русском обществе не имеется никаких установившихся взглядов на финансовые вопросы. Западные теории, так дорого стоившие нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредит и в общественном обиходе держатся лишь по недоразумению. Между тем русской теории, русских взглядов не выработалось, и потому господствует необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практике. Наряду с мероприятиями, указывающими на некоторое приближение к пониманию смысла и значения абсолютных знаков в самодержавном государстве, возникают и осуществляются проекты и предположения прямо противоположного характера, наносящие нашему бумаго-денежному обращению серьезный ущерб. Ни с того, ни с сего весь газетный хор начинает, например, вдруг славословить золотую валюту, абсолютные деньги называть «сладким ядом» и плакать о прекратившемся полвека назад металлическом у нас обращении.

Вслед за славословием является неожиданно мера, которая никогда бы не могла получить своего существования, будь в нашем обществе и у специалистов установившиеся финансовые воззрения. Между тем разрешение сделок на золотую валюту, исходя из того взгляда, что золото - деньги лучшие, деньги более верные, чем «сладкий яд» - кредитные билеты, поражает в самый корень наш абсолютный знак, выдвигает вновь вопросы, по-видимому, историей уже порешенные...

Ввиду особенного значения этой меры и в предвидении ее печальных последствий для русского общества будет особенно важно разобраться в мотивах, ее вызвавших, и оценить как нравственное, так и теоретическое значение неожиданно выдвинувшейся вперед идеи о восстановлении у нас металлического обращения. Имея в виду эту потребность, я счел себя вынужденным изменить мое первоначальное намерение - вновь коренным образом переработать помещенные в «Русском обозрении» 1893 года статьи «Основы денежной системы». Я выпускаю их почти в черновом виде, без всякой обработки, надеясь на снисхождение читателя и припоминая предисловие Виктора Пого[132] к его «Histoire d'un crime»: «Ce livre n'est pas seulement utile, il est urgent — je le publie»[133].

Часть I
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ АБСОЛЮТНЫХ (БУМАЖНЫХ) ДЕНЬГАХ

I

В ряду так называемых гуманитарных наук наука о финансах занимает положение совершенно исключительное. У нее существует обширная литература, представляющая очень подробное и остроумное исследование фактов, накоплявшихся целыми столетиями. Из анализа этих фактов выведены обобщения, законы и правила, складывающиеся в стройные системы. Самая наука имеет предметом явления, в значительной степени подлежащие опыту и учету и выражающиеся в цифрах. И именно эта-то наука, как оказывается, разошлась с живою жизнью до такой степени, что становится возможным не в шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопрос: кто кому должен подчиняться — жизнь финансовой науке или эта наука жизни?

Как ни странен этот вопрос, но раз он поставлен, он обличает крупное внутреннее недоразумение, в котором необходимо разобраться. До сих пор мы понимали науку вообще, как исследование и уяснение тех законов, по которым движется жизнь в ее разнообразнейших областях и проявлениях. Каким бы методом ни было сделано известное обобщение, оно, чтобы стать научным законом, должно непременно не только выяснить и систематизировать явления, но и управлять ими, предвидеть и предсказывать их.

Если мы с этой точки зрения подойдем к так называемой финансовой науке, то наша вера в нее (если предположить, что таковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или другие меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и соображает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравнение с точными науками и речи быть не может. Астрономия, например, предсказывает затмение на тысячу лет вперед, и оно совершается минута в минуту. Механика вычисляет смелую арку моста, и мост выдерживает как раз ту тяжесть, какая от

него требуется. Химия на основании известных умозаключений предсказывает, что должно быть открыто какое-то простое тело с такой-то плотностью пара и атомным сродством, и тело открывается именно такое. Даже медицина, в общем представляющая совершенно невозделанное поле, и та в своем экспериментальном запасе имеет несколько бесспорных правил и указаний: дайте пациенту в таком-то случае то-то и произойдет то-то.

Ничего подобного так называемая финансовая наука не имеет и не знает, и все ее построения по меньшей мере спорны, а практические советы в большей части никуда не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхождение и развитие западной финансовой науки, мы легко убедимся, что, собственно говоря, наука эта там еще и не зарождалась. Для нее не было вовсе почвы. Финансовая наука — законное дитя политической экономии. А что представляет собой эта наука? Она, начиная с Адама Смита[134], своего основателя, продолжая Жаном Баптистом Сэем[135] и Рикардо[136] и кончая социалистами, дала целый ряд школ и остроумных писателей. Текущие явления экономической жизни были изучены в подробностях и подведены под известные законы, довольно верно выражающие внешние признаки явлений. Адольф Вагнер[137] посвятил специально России огромный труд, долгое время считавшийся у нас чем-то вроде финансового евангелия. Внутренняя, психологическая сущность экономических процессов была, однако, исследователями оставлена в стороне, и на основаниях простой, чисто механической повторяемости, а в духовном отношении на основании одной идеи *пользы* было признано, что экономическим миром явлений управляют такие же слепые законы необходимости, какие управляют неодушевленною природой. Всякая борьба с этими законами или всякое стеснение их свободного проявления является, по воззрениям экономистов, нарушением основного принципа *пользы*, который в своем свободном виде заключает все элементы технического и культурного совершенствования, достаточного для человечества.

Совершенно в стороне от мирового научного движения стоит гениальный изобретатель бумажно-денежной системы и великий финансист-практик Джон Ло[138] со своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочинениями. В стороне же стоит группа так называемых утопистов, пытавшихся посредством крайне остроумных, но рассудочных комбинаций обойти законы органического творчества в мире экономии и *сочинить* новые финансовые системы, оказавшиеся сплошь неудачными. Наконец, виднеется Фридрих Лист[139], впервые признавший великую роль нравственного начала в экономическом мире и совершенно развенчавший материалистическое учение Адама Смита и Сэя. Но этот замечательный экономист высказывает лишь самые общие идеи и почти совсем не говорит о финансах. Из всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и творений Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западе произнести с глубоким уважением, это имя Родбертуса[140], к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге «Исследования в области национальной экономии классической древности», но отнюдь их не разрешившего.

И сейчас, как и тридцать лет назад, финансовая наука в лице ее наиболее выдающихся представителей на Западе стоит все на том же *золотом* основании. И сейчас еще она насквозь материалистична, и это лишает ее всякой глубины и всякой основательности. Как ни чудовищны практические выводы из теоретических псевдонаучных построений, у Запада словно не хватает мужества взглянуть им прямо в глаза.

Управляемый *пользою*, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой изощряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплачиваются в группы и союзы, удесятеряют этим свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группою, общественный класс с классом, наконец, народ с народом.

Положенный таким образом в основание политической экономии элемент борьбы явился, в сущности, совсем не случайно. Если признавать действие данной духовной и исторической среды на формулирование и формирование господствующих мировоззрений, то нельзя не усмотреть, что *борьба* лежит на Западе в основе всего, окрашивает и одухотворяет собой все. В области веры — борьба авторитета и свободы. В области права — борьба индивидуума и общества. В области государства — борьба власти и автоно-

мии. Наконец, даже в области природы — борьба за существование, знаменитая struggle for life[141], увенчивающая и как бы оправдывающая весь цикл борьбы.

Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономики, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя; где сильный рвет у слабого, торжествуя и радуясь; что непосредственные, ближайшие по крайней мере, формы борьбы могут быть облечены в совершенно приличную оболочку; что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр — к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым по существу образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник-рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку «правового порядка».

В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, явилась совершенно последовательным орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали за последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для экономической борьбы, переводила эту борьбу с меленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда[142] с целым человечеством, на борьбу мира англосаксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы.

Финансовая наука Запада шла рука об руку и росла с успехами так называемой цивилизации, то есть пара и электричества. Не больше, чем в какие-нибудь полвека, тихое когда-то и почти невидимое в массе прочного и спокойного труда биржевое царство разрослось до необъятных размеров и совершенно подчинило себе, задавило собою общества, государства и народы. Иметь столько-то десятков миллионов золота в фонде — вопрос жизни и смерти для современных государств. Оружие так остро, борьба так быстра и удары так глубоки, что одна неудачная финансовая операция может

бросить, по-видимому, хорошо вооруженного и здорового противника к ногам его врага. И чем утонченнее финансовая система, чем сложнее и огромнее финансовые обороты в стране, тем опаснее всякий кризис. Кто-то сказал совершенно справедливо, что современная морская артиллерия гораздо опаснее для стреляющих из нее, чем для ее противников. Совершенно то же и в финансовой области.

Фридрих Лист, излагавший свои замечательные воззрения на связь мануфактур с земледелием, на промышленный рост и культуру народов и столь симпатично рисовавший картину будущего братства наций, развивавших параллельно друг другу свои силы, по-видимому, и не подозревал, до какой степени ненормальная финансовая система, основанная в конституционно-парламентарных странах на золоте и власти биржи, изуродует и перевернет это естественное движение и во что обратит так называемый «прогресс цивилизации» человечества. Живи этот замечательный писатель не в первой, а во второй половине кончающегося столетия, он, наверно, не собственно трудовое, промышленное соперничество народов выставлял бы в качестве главной подлежащей разрешению задачи, а тот печальный биржевой режим, который в наши дни парализовал собою все, не только в экономической, но и в политической, правовой и нравственной областях. Если европейское человечество без особого труда справилось с промышленной гегемонией Англии, если Германия, Австрия, Италия и даже Россия (про Францию и Соединенные Штаты нечего и говорить) освободились от мануфактурного и денежного верховенства Англии, создали свою промышленность и завоевали самостоятельные внешние рынки, то та же Европа попала в полном составе в кабалу еще горшую, допустив развиться международной биржевой спекуляции и взрастив неведомых истории ранее биржевых царей и первосвященников, изображающих в данную эпоху силу, неизмеримо более грозную и могущественную, чем любое из европейских правительств, ни одно из которых, за исключением русского, не смеет и думать о какой-либо самостоятельной роли среди своего государства и народа.

Основным и наиболее характерным признаком окончания какого-либо исторического периода служит обыкновенно то обстоятельство, что главная, центральная, так сказать, историческая идея, отмечавшая собою весь период, приходит к очевидному уродству,

изживает сама себя. Такою основною идеею европейской цивилизации последних столетий в области экономической является, несомненно, *золотая идея*, то есть идея, что золото — единственные и истинные деньги. Идея эта легла в основание всей банковской и финансовой системы современных государств, породила фонды, фондовую биржу и ее спекуляции, опутала государства сетью неоплатных долгов, создала капиталу политическую власть и преобладание в государствах, выдвинула к международному господству финансовых израильских царей и кончает великим политическим развратом, совершенно одинаковые симптомы коего так резко проявились в последние годы одновременно во Франции, Италии и Германии, что отдельные случаи «хищений» складываются мимовольно в великую и печальную картину политического разложения современной Европы. Продолжать жить таким образом невозможно, выхода тоже не оказывается никакого. Перепуганная биржа спешит потушить одинаково и Панаму и Панамину, зажать рот Альвардту[143], но она не в силах ни вдохнуть веру в себя, ни поднять дух изнемогающих под биржевой кабалой народов.

Среди этого хаоса мелкая и жалкая финансовая наука Запада едва лепечет свои старые формулы; мы вторим ей по старой привычке идти за европейской ученостью, по-видимому, и не подозревая, что наступает новый исторический период, который в противность материалистическим воззрениям, борьбе как главной движущей силе природы и человечества и философскому пессимизму как конечному выводу вознесет перед ними совсем иные знамена и идеи.

Мы не имеем в виду раздвигать настолько широко программу нашего исследования. Мы хотели указать лишь, что основною чертою этого нового периода должно явиться преобладание духовного и нравственного начала во всех областях человеческого мышления и делания, ибо только нравственное начало и способно вывести заблудившийся цивилизованный мир из дебрей материализма и бессмысленной животной борьбы. И кто знает, в этом новом движении не очутится ли наша тихая и наименее «цивилизованная» по-западному Русь впереди других племен и народов как сохранившая в своей непосредственности чистые нравственные начала и донесшая их до момента оказавшегося в них всеобщего оскудения?

В области финансов, по крайней мере, нам это кажется несомненным, ибо только одна Россия не допустила биржу создать своих

Ротшильдов и Блейхредеров[144], ибо только у нас биржа начинает отцветать, не успев как следует зацвесть, и ярко определяется некоторое новое течение.

П

Мы уже говорили, что в западной умственной атмосфере чувствовался особый специфический недостаток, словно не позволявший умам мыслителей ориентироваться и найти верный путь для построения истинной финансовой науки. Этот своеобразный дальтонизм[145] сбивал с дороги даже таких выдающихся мыслителей, как Прудон[146] и Фулье[147]. Про умы меньшего полета нечего и говорить.

Сделав десять шагов в области чистой науки, ученый на одиннадцатом шаге спотыкался и уходил в условности, не будучи в состоянии, именно вследствие этого дальтонизма, ярко, последовательно поднимать финансовые вопросы в их истинно научном виде: он уклонялся в мелкие практические рассуждения, разрабатывал такие частности, как моно- и биметаллизм, а общую теорию усиливался окургузить и обосновать не на бесспорных логических выводах, а на золотом предрассудке, да на *существующем* запасе фактов, освященном данным экономическим строем эпохи. Получалось нечто поистине жалкое.

Чтобы уяснить эту мысль, возьмем частный случай с бумажными деньгами. У некоторых западных финансистов, пока они рассуждали отвлеченно, логика оказалась достаточно сильною, чтоб охарактеризовать эти деньги как идеальные по своему совершенству (не в смысле суррогата золота, не в смысле кредитных денег, а именно в смысле денег абсолютных). Но их умы не справились и не могли справиться с первым же поставленным экономическою практикой вопросом: ну, а что, если государственная власть напечатает этих денег излишнее количество? С точки зрения западного человека, даже нельзя себе представить государственной власти, которая *не могла бы* напечатать лишних бумажек. Всякая напечатает, одна по нужде, другая по легкомыслию; гарантий никаких быть *не может*, а потому — прочь самая идея об абсолютных знаках! Все рассуждения о них праздны. Будем держаться за золото и допустим бумажки только в качестве его заместителей. Тут будто бы еще возможны некоторые гарантии и контроль.

Читатель чувствует полную ненаучность подобного приема, чувствует, что здесь, с этого именно шага, наука кончилась и пошли совсем произвольные построения. Вот почему и финансовой науки, годной для всех времен и народов, устанавливающей точные законы *денежного обращения* (ибо это и есть в строгом смысле предмет финансовой науки как части политической экономии), нет и не было.

Вот, по нашему мнению, каков должен бы быть истинно научный прием и как могла идти дальше финансовая наука.

Идеальная, наилучшая форма денег — абсолютный знак, единица меры отвлеченная, как метр, аршин, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать бесспорным. Но мы не знаем (на Западе) такой формы государственной власти, которая могла бы оперировать с такими деньгами, или, по Родбертусу, не имеем соответственных политических и общественных учреждений. *Предположим,* однако же, что такая форма возможна. Предположим, что государство будет выпускать и снимать с рынка как раз необходимое для жизни количество знаков. Рассмотрим и изучим функции этого абсолютного знака.

В математике не остановились перед такой логической бессмыслицей, как мнимая величина. Ввели ее, *предположили, допустили* и построили великую науку. В финансах того не сделали, и потому никакой финансовой науки не получилось.

Создание финансовой науки на Западе было затруднено, между прочим, и известною историею Джона Ло с грандиозным государственным банком и не менее грандиозными государственными спекуляциями. Это была очень грустная история, оставившая неизгладимое впечатление, во вред истинной науке. Джон Ло был бесспорно гениальный человек и за два с половиною века до нашей поры создал и осуществил такую денежную систему, которая для нас сейчас еще является почти недосягаемым идеалом. Не формулируя научно законов денежного обращения, он угадал их вдохновением гения и безошибочно понял их основание в *нравственном начале**. Но, во-первых, тогдашняя французская абсолютная государственная власть уже находилась на пути полного разложения;

* Знаменитое его изречение: «Государь не нуждается в кредите, он его создает...»

она растеряла все свои идеалы, и притом была настолько безнравственна, что пустилась на открытый грабеж; а, во-вторых, и сам Ло, вместо того чтобы удержаться на чистой идее абсолютных знаков, впутал свой банк в неистовую биржевую игру акциями своей злосчастной компании и, перейдя все границы благоразумия, чуть не разорил окончательно Францию. Нравственное начало и государственное творчество в финансовых вопросах были скомпрометированы больше, чем на двести лет, а похоронившая французскую легитимную монархию революция положила поистине надгробный камень над нравственным началом. Даже серьезные и глубокие умы не могли отделаться от силы нового потока, увлекшего Запад в рационализм, давшего торжество грубому материализму, извратившего и задержавшего и истинную культуру, и развитие финансовой науки.

Когда возникнет, да и возникнет ли на Западе настоящая финансовая наука, неизвестно; наше горе в том, что нам приходится или изучать совершенно неподходящие для нас системы, чувствуя, как их положения не сходятся с русскою жизнью, или самим создавать настоящую финансовую науку, или, наконец, вести государственное хозяйство без всякой науки, на основании простого здравого смысла, цифр и опыта.

Попробуем рассмотреть все три случая.

Финансовые теории Запада (мы говорим о господствующей школе финансистов) пора, наконец, бросить; это-то уже, по крайней мере, бесспорно. Если мы бедны, если русский народ осужден полгода сидеть без дела, если мы по уши в долгах, если наше земледелие гибнет, а мануфактурная и иная промышленность развиваются безобразно, то винить за это надо исключительно нашу финансовую учительницу — Европу, благодаря которой наша финансовая политика второй половины XIX века представляла то чистые западные образцы, то робкие компромиссы между указаниями западных финансистов и требованиями русской жизни. Об этих теориях теперь и говорить уже как-то стыдно.

Хозяйничать без всякой теории, как хозяйничали Кольбер[148], Канкрин, бесспорно лучше. Если мы представим себе очень крупное имение с огромным и разветвленным земледельческим и фабричным производством, с многочисленным персоналом служащих, с широко развитым кредитом, то это будет государство в миниатю-

ре. Хозяйничать следует так, чтобы дела шли прочно, хорошо, чтобы все отрасли преуспевали, чтобы имение развивало свои силы. Нужен заем - делать заем. Можно платить проценты меньше, делать конверсию долга. Постройка затеяна - производить ее подрядным или хозяйственным способом, что окажется выгоднее...

Да, но так может хозяйничать частное имение, крупный завод или, наконец, маленькое, несамостоятельное экономически государство, как Сербия. У всех трех меновое средство, деньги, не свое, а чужое. Все в тесной зависимости от соседей, а частное предприятие, кроме того, от государства. Разумеется, хороший хозяин, здравомыслящий министр финансов, поведет этим путем русское хозяйство недурно, исполнив высказанное противниками финансовых теорий желание «знать свою страну и уметь вовремя проявлять смелость и толковость этого знания».

Но этого все же будет недостаточно. Помещик может быть великолепным хозяином, но без земледельческой химии ему никак не обойтись. Смелый здесь наделает огромных ошибок, робкий будет вечно сомневаться. А со знанием земледельческой химии и смелый, и робкий в смысле результатов до известной степени сравняются. Как ни будь я смел, но если я знаю, что на этом участке не хватает фосфорной кислоты, я пшеницы сеять не буду. Как ни будь я робок, но, если я знаю, что урожай клевера утраивается каинитом, я не побоюсь затратить деньги на его покупку, если это обещает выгоду.

Следует ли говорить, что в области финансовых мероприятий мало смелости, мало также и знания народной жизни, а прежде и важнее всего ясное *предвидение результатов* данной комбинации? Нам приходится строить железную дорогу. Средства для ее постройки могут быть добыты: новым налогом, внутренним займом или выпуском бумажек. Чтобы выбрать тот или другой способ, мало знания народной жизни и смелости. Рассуждение министра финансов будет примерно таково: «Налогов новых вводить нельзя, бумажек, *кажется*, довольно: капиталы на рынке, *кажется*, есть свободные. Сделаем заем».

Шаткость этого рассуждения бросается в глаза. Западная доктрина здесь только запутывает человека. Но и без здоровой, ясной теории дело плохо. «Кажется» — критерий весьма плохой, а при смелости и совсем нехороший. Но что же тогда делать?

Теория, безусловно, нужна. Нужна истинная финансовая наука, широкая, верная, позволяющая *точно* определить, заем ли делать или бумажки печатать и *почему именно?*

Но этой теории нет. Финансовая наука еще не родилась, если не считать робких намеков, да таких теорий, *не дошедших* до выяснения истины, как рентовые билеты Цешковского[149] или долговая теория Маклеода[150]. На Западе, повторяем, финансовой науки нет; есть местные правила, есть финансовые системы для Франции, Англии, Германии, до известной степени пригодные. У нас тоже финансовой науки не создали наши экономисты, ибо до сих пор шли в хвосте западной мысли. Но в русской экономической литературе были, по крайней мере, ясные попытки осветить если не научные законы, то практику совершенно иного денежного обращения, чем на Западе.

III

Если бы кто-нибудь вздумал попробовать действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о заменяющих его суррогатах.*

В самом деле любопытно посмотреть, как золото стало деньгами и как воздействовало на построение этих своеобразных теорий.

Как определяет понятие «деньги» финансовая наука? Она говорит: деньги — единица измерения ценностей, как метр — измеритель длины, грамм — веса, литр — объема. Определение очень точное и научное. Между парой сапог и четвертью ржи для определения их взаимной ценности необходимо вставить некоторую *условную* и непременно *постоянную* единицу. Мы говорим: пара сапог стоит десять рублей, четверть ржи — восемь. Единица для сравнения — рубль. Совершенно так же говорим мы: от Москвы до Петербурга шестьсот верст, от Петербурга до Колпина восемнадцать. Единица сравнения — верста.

Казалось бы, что роль и значение этих единиц приблизительно одинаковы. Единица меры ценностей должна бы, научно говоря, иметь столь же отвлеченный характер, как и всякая другая единица меры. Если угодно придать этим единицам взаимную связь и посто-

яниый характер, достаточно приурочить одну из них к какой-нибудь неизменной величине, а остальные приурочить к первой.

Метрическая система так и сделала. За основание взяла земной меридиан и одну сорокамиллионную часть его назвала метром. Объем кубического дециметра назвала литром и получила точную объемную единицу; вес кубического сантиметра чистой воды при известной температуре назвала граммом и получила точную весовую единицу.

А вот на единице ценностей наука споткнулась. Отвлеченную единицу ценностей установить оказалось невозможным по тем психическим элементам, о которых мы говорили выше. Потребовались гарантии против злоупотреблений; нормальный метр можно всегда проверить. Но удостоверению правительства в том, что все метры, выпускаемые с казенным клеймом, точны и сверены с нормальным, поверить было можно; какой-нибудь нормальный франк или рубль, если это кусочки металла, — тоже, но самое измерительное их качество, *идею ценности*, в них заключающуюся, проверять оказалось невозможным, и наука так на этом и остановилась.

С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но, в сущности, это были не деньги, а был «всем нужный товар», разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука*. При всех неудобствах золота, при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по произволу золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший

* Указание на практику английских *clearing houses* возражением не будет. *Clearing house* есть суррогат, обход необходимости в банковых билетах, которые сами суррогат золота. Но и у этого суррогата основа все та же: *разменность билетов и золотой фонд.* Поколеблите этот фонд, и весь английский обмен взлетает на воздух.

золото всегда богач, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота, и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие.

Когда наступили новые века, жизнь и промышленность на Западе усложнились и золота как менового средства оказалось слишком мало, чтобы удовлетворить всем потребностям; и вот появилась финансовая наука, точнее говоря, были изобретены приемы, посредством коих из частного кредита, известного еще в древности, выросли последовательно кредит банковый и государственный.

Писать историю финансов не наша задача, а потому, опуская все длинные рассуждения о том, как все это постепенно складывалось, довольно сказать, что для замещения крайне недостаточного золота были изобретены его суррогаты в виде банковских билетов, которые — указывалось на это с особым ударением — *с бумажными деньгами, с деньгами абсолютными*, ни к какому металлу, ни к какой реальной стоимости не прикрепленными, *ничего общего не имеют.*

Получилась следующая общепринятая в Европе комбинация: счет ведется по-прежнему на золото (не упоминаем о серебряной валюте в некоторых государствах и вовсе не касаемся моно- и биметаллизма, ибо это только бы усложнило и затемнило вопрос), у правительств по-прежнему связаны руки, но в большинстве государств, рядом с правительством, под его контролем, хотя в полной от него независимости, учрежден национальный банк, ведающий денежным обращением. Этому банку предоставлено *в помощь и в замену курсирующего золота* выпускать под его обеспечение *в строго определенном количестве* банковские билеты, разменные на золото во всякую минуту.

Эту комбинацию придумала западная практика и вполне одобряет западная наука. Но как ни старается она связать руки государству и оградить карманы публики от финансовых колебаний, в жизни получается следующее явление: для государственного хозяйства или войны нужны деньги; правительство решается сделать внутренний заем и, стягивая в свои кассы известное количество золота, выпускает беспроцентные обязательства, свои или банковские, а чтобы не выпустить из своей казны золото, объявляет их неразменными и уста-

навливает принудительный курс. Получается как бы долг государства народу; в неблагоприятных случаях курс этих бумажек на золото падает, устанавливается лаж, и финансовая публика начинает кричать, что она обокрадена, что у нее взяли франк, а дают лишь 60 сантимов и т. д.

Основною характерною чертою этого строя является неизбежное экономическое господство одного народа или государства над другим во внешних сношениях и неизбежное господство денежной биржи внутри государства.

Взглянем на отношения Турции, Египта, какой-нибудь Аргентины или Сербии к их европейским кредиторам. Разве это не формальная кабала?

А если заглянуть в царство биржи, то достаточно припомнить историю различных крупных спекуляций и крахов. Деятельность гг. Ротшильдов, Блейхредеров и всего европейского еврейства выясняется во всем ее величии. Царство золота последовательно и логически убило истинную финансовую науку, связало все народы и государства мира одною огромною цепью и, словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля.

Достаточно развернуть и прочесть в русской книге Кауфмана[151] о банках удивительный, невероятный, хотя по-своему и поэтичный, гимн золоту. С первых же строк станет ясно, что никто, кроме еврея, ничего подобного написать не мог. Гимн этот настолько характерен и откровенен, что мы решаемся сделать небольшую выписку. Вот как определяет г. Кауфман драгоценные металлы:

«Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров. Они как бы представляют цель, которая может сокращаться и расширяться, *смотря по силам тех, кто к ней стремится*. И большая, и малая сила одинаково могут ее достигнуть. Вследствие того, что драгоценные металлы в малом объеме могут содержать большую ценность сравнительно с другими ценностями,

они преимущественно перед другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, в которой его удобнее *скрывать от чужих взоров, от чужого нападения и похищения*. Золотое и серебряное тело представляет, таким образом, наилучшую крепость, *за стенами которой имущество чувствует себя всего безопаснее*. Но золото и серебро не только лучше всего оберегают имущество в данном месте. С ним легче всего совершенно *избавить имущество от опасностей, которыми ему угрожает данное место*. Переодеваясь в золото и серебро, имуществу всего легче *убежать из опасной страны:* драгоценные металлы служат как бы шапкою-невидимкой имуществу. И куда бы с ними не явился их обладатель, повсюду он встречает спрос на них, повсюду он их может обменять на необходимое. Драгоценные металлы *освобождают его от прикрепленности к данному месту и повсюду ему дают свободу, пропорциональную их собственному количеству*.

Какой бы мы ни взяли вид капитала, кроме драгоценно-металлического, всякий представляется нам с совокупностью особенностей, свойств и качеств, отличающих его от других видов капитала, делающих его годным на удовлетворение известной, определенной потребности, приноровляющих его к достижению одной какой-либо частной цели. Он представляет собою материал или орудие, нужные для заготовления того или иного вида вещи, простой ли необходимости или характеризующей роскошь; он представляет собой материал или орудие, нужные при заготовлении платья, жилища и т. д. Вообще всякий другой вид капитала, кроме драгоценно-металлического, представляет всегда какую-либо специальную и специфическую полезность. Золото и серебро, вследствие универсальной общепризнанности их полезности, составляют исключение. И они только одни составляют это исключение. Сами по себе взятые, они непосредственно весьма на многое годятся, но их можно обменять *на что угодно, где угодно и когда угодно*. Кто ими обладает, обладает поэтому *каким ему угодно капиталом, в какое ему угодно время и в каком ему угодно месте*. То есть когда капитал принимает форму золота и серебра, он освобождается от всех тех ограничений, которыми его полезность стесняют качество, пространство и время. От всего, что стесняет имущество, что *суживает силу богатства*, что прикрепляет его к определенному назначению, времени или месту, от всего этого драгоценно-металлическое

тело его освобождает. *В драгоценно-металлическом теле капитал получает полную и безграничную свободу.* Неудивительно, что многие утверждали, что *в этом теле капитал получает душу:* он ведь свободно может подвигаться, куда ему угодно, а *прочность золота и серебра дает ему бессмертие,* каким не может похвалиться человеческое тело. Англичане это выражают иначе. Они говорят, что всякий другой вид капитала представляет только один вид богатства; золото и серебро, напротив, представляют отвлеченное богатство (abstract wealth). Драгоценные металлы представляют собою то, что сосредоточивает на себе весь экономический мир, но не в бестелесной, а в осязательной форме. Это — *оживленная отвлеченность.* Несомненно, что самая высокая (во всяком смысле) абстракция, какую знает история прогресса человечества, представляется тою, которая обобщает все проявления полезной (культурной) человеческой деятельности, что она ни создавала бы — хлеб, платье, обувь, жилище, *песню, военную победу, политический порядок* и т. д., какому бы времени, какой бы национальности и местности она ни принадлежала, — все, словом, проявления деятельности обобщает, как проявление общечеловеческого единства. Эта-то наивысшая абстракция имеет практическое, реальное значение в той мере, в какой она воплощается в золоте и серебре, представляющих *все ценности, выработанные культурой. За золото и серебро отдаются все эти ценности.*

"Абстрактное богатство" обладает покупательного силой, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своею *чистотой* или, вернее, своею очищенностью от всяких иных примесей (например, от нравственного закона. — *Авт.).* Это значит, что насколько драгоценные металлы служат не для удовлетворения одной какой-либо надобности из той совокупности их, которая входит в крут экономической жизни и в ней обособляется в особую группу, насколько, напротив, драгоценные металлы представляют общую возможность добывать какую угодно из отдельных вещей и услуг, нужных для удовлетворения вообще означенных надобностей, - настолько они выделяются из общей массы имуществ и всей массе *противопоставляются,* как сила противопоставляется разнообразным результатам, которые она в состоянии произвести, как центр противопоставляется периферическим пунктам окружности, к которым ведут радиусы от него. Пока кто-либо

имеет драгоценные металлы, он обладает *силою, которая его может повести к какому угодно из этих пунктов и по самому кратчайшему направлению.* Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех тех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшею скоростью. Вот почему покупательная сила драгоценных металлов дает возможность производить обмены с наибольшей скоростью. Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он всего скорее может достигнуть каждого из его периферических пунктов»*.

Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основною чертою грубой *утилитарности* и стремления к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк.

Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала — капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, — таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром.

Какие усилия были употреблены, чтоб и Россию захлестнуть тою же цепью! Но Бог, видимо, хранит нас. Мы только ослаблены и разорены, но не закабалены никем, да и не случится этого никогда. Нас спасет то, во-первых, что Россия не государство только, а мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый; во-вторых, спасет сохранившееся именно в русском племени отвращение к грубой материальной силе в качестве идеала; спасет, наконец, истинная финансовая наука, которая должна же когда-нибудь явиться.

IV

Первым шагом на пути создания истинной финансовой науки должна быть победа именно над этим золотым предрассудком,

* *Кауфман И.* «Кредит, банки и денежное обращение». СПб., 1873-

полное отрешение от того взгляда, по которому драгоценные металлы отождествляются с деньгами.

Как только этот шаг сделан, и хотя бы только в нашем представлении явились деньги, лишенные всякого вещного, товарного значения, деньги — знаки, деньги — измеритель и орудие расчета и учета, деньги, наконец, — представитель не реальной ценности, а некоторой идеи; уже мы будем в состоянии тотчас же приступить к изучению работы этих знаков и их роли в народной и государственной экономике.

Это, повторяем, единственно научный путь, и для его освещения у нас есть наша собственная долголетняя финансовая практика. Многие и не подозревают у нас, что в действительности Россия с перерывами, но уже второе столетие живет на совершенно абсолютных деньгах, что золото и серебро давно перестали быть русскими деньгами, и то, что считается какой-то экономической болезнью, каким-то несчастьем, есть, в сущности, исторический хозяйственный процесс, далеко выдвигающий нашу родину впереди других цивилизованных народов.

Став на эту точку зрения, мы попытаемся уяснить законы денежного обращения, пока только по русским данным и применительно к России, обладающей, если не вполне реально, то, несомненно, потенциально, теми государственными и общественными условиями, необходимость коих чувствовал Родбертус. Расширить рамки нашего исследования и применить к этим законам данные и явления чужой жизни будет всегда возможно.

В наших предыдущих сочинениях мы уже обрисовали приблизительно эти законы, вытекающие из данных русской практики. Поэтому теперь мы выставим их в качестве ряда положений, которые и попытаемся посильно выяснить и доказать.

Положения эти следующие.

1) Меновою, денежною единицей в России есть и должен быть рубль, представляющий собою постоянную, совершенно отвлеченную ценность.

2) Эта единица на практике изображается бумажным знаком, выпуск и истребление коего принадлежат государственной власти.

3) Золото есть товар такой же, как и все остальные металлы, но, ввиду того, что этот товар системою соседних государств принят за монетную, денежную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счеты приходится вести на него.

4) Бумажный рубль, не зависящий от золота и выпускаемый по мере необходимости, позволяет при правильной организации кредитных учреждений оживлять и оплодотворять народный труд и его производительность как раз до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания. Он является *мнимым капиталом* и действует совершенно так же, как и капитал реальный.

5) Существует весьма простой регулятор, указывающий во всякую минуту центральному кредитному учреждению, много или мало денег в стране, и позволяющий с величайшею точностью сжимать и расширять наличное количество знаков.

6) При системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального *государственного* учреждения, господство биржи в стране становится совершенно невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

7) Место хищных биржевых инстинктов заступает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

8) При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных, мирских или государственных запасных капиталов.

9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в государствах биржево-золотых *власти.*

10) При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Наконец:

11) Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных знаках, изменит самый характер современного русского государственного строя, совершенно освободив от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

Если бы нам удалось доказать эти положения и обратить их в законы, то надеемся, их было бы достаточно, чтобы предлагаемой теории придать истинно научный характер.

Думаем, что это совершенно возможно. Доказательства наши могут быть, конечно, только исторические и логические, и они облегчаются тем, что в зародыше все это у нас уже есть или было и что все наши экономические и финансовые затруднения только тем и обусловливаются, что мы, даже практически *уже почти придя к прекрасной денежной системе,* все еще не решаемся открыто ее признать, все еще оглядываемся на старые учебники.

История наших финансов, начиная с графа Канкрина, полна оправдания самого ясного всему изложенному выше. К ней мы обратимся позднее, а пока рассмотрим представленные тезисы.

V

Наше первое положение, то есть, что *денежная единица* должна представлять некоторую *постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей* (у нас в России бумажный рубль), доказывать теоретически едва ли нужно. Западная наука и некоторые из выдающихся ее представителей у нас, как, например, Н. Х. Бунге[152], не отвергают, что эта форма денег теоретически наилучшая, но она, по мнению правоверных финансистов, неосуществима.

А между тем наша русская практика показывает, что она не только осуществима, но и практически существует. Неужели же серьезно можно сказать, что наш бумажный рубль соответствует такому-то количеству золота и серебра, если тридцать или сорок лет подряд за этот рубль дают не то количество металла, которое на нем прописано, а то, которое устанавливает на каждый курсовой день биржа? Мало того, за эти сорок лет правительство два раза пыталось восстановить размен, то «сть привести бумажки в точное соответствие с металлом, и что же? Дело кончалось каждый раз огромными убытками, рубль шел своей дорогой, а золото — своей.

Нам говорят: рубль бумажный есть долг казны предъявителю. Казна *взяла в долг* золото и дала бумажку — вексель, по которой в любую минуту можно золото получить обратно. Рубль ходит как деньги *только потому* будто бы, что на осуществление рано или поздно этого обещания все надеются. Но как же надеяться на это обещание, если тридцать или сорок лет подряд казна совсем не платит по этим мнимым своим векселям и, уверены, никогда платить не будет? Если бы бумажные рубли ходили только в силу по-

добных надежд и простого торгового доверия, ясное дело, что после первой же приостановки размена доверие к ним совершенно исчезло бы и за них никто не дал бы ни копейки. Не правильнее ли заключение, вытекающее отсюда, что рубли внутри страны ходят только потому, что это настоящие абсолютные деньги, а не гарантии их каким-то золотом, которого никому не выдают? Не ясно ли также, что и для иностранцев, торгующих с нами, это обеспечение не имеет никакого значения, а важна покупная ценность рубля внутри России?

Иностранцу нужен, положим, лен. В России пуд его стоит 5 рублей, заплатить за него иностранец может на золото, допустим, 10 марок. Ясно, что эти 10 марок обмениваются на 5 рублей. Это наиболее простой случай, который мы приводим, собственно, затем, чтобы показать, что золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле, никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно уяснить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: «Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлению в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету». Полагают ли гг. финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу будет это решительно все равно, лишь бы рубль сохранил в России свою покупательную силу, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо не может русский человек мириться даже с таким наивным самообманом, жутко, неловко ему...

Когда граф Канкрин выпустил вместо прежних ассигнаций новые «кредитные билеты», он, в сущности, совершенно произвольно приурочил наш рубль к французским 4 франкам. Тогда Россия обменивалась с иностранцами правильно, в долги не залезала, путешественники не везли русского достояния проматывать за границу; тогда в заключение международного обмена почти каждый год приходилось не нам добавлять золота в пользу иностранцев, а обратно: золото это накоплялось в России и ходило в публике не только рядом с бумажками, но было часто даже несколько дешевле их, курс внешний был очень устойчив и благоприятен. После Крымской войны наш международный расчет совершенно изменился.

Золото из России ушло, приплачивать иностранцам стали мы, а потому залезли в долги и обесценили на внешних рынках наши бумажки; но внутри России рубль остался все теми же царскими деньгами, хотя за него иностранные купцы и перестали выдавать 4 золотых франка.

Не ясно ли, что как ни хлопотать, а рубль стремится в России занять положение, независимое от золота? Не ясно ли, что к золоту его не привяжешь? Да и незачем привязывать. Это деньги совершенно абсолютные, ставшие таковыми уже в силу простой давности, и сокрушаться об этом нет никаких резонов.

Некоторый, небольшой, правда, лаж на бумажки — лучшее доказательство того, что бумажный и металлический рубль величины всегда несоизмеримые. Когда у нас скоплялось иностранное золото и серебро и выпускалось правительством в публику, русская монета не дешевела значительно только потому, что имела, в сущности, такой же принудительный курс, как и бумажки, то есть служила законным платежным средством. Небольшой лаж выражал лишь сравнительное удобство бумажных денег. Но если бы правительство раз и навсегда признало бы единственным законным платежным средством внутри страны бумажки и отказалось бы от чеканки монеты, цена на золото и при большом его изобилии в стране установилась бы только как на товар. Право чеканки монеты потому и есть правительственная регалия, что дает казне всю разницу от удешевления металла. Наглядное тому доказательство — медь, из пуда коей, стоящего 14-17 руб., бьется монеты на 50 руб. Как только товарная стоимость меди превысит эту цифру, обязательный курс и падет сам собой, медь переплавят в изделия и медная монета исчезнет из обращения.'

Сокрушаясь о низком курсе, упрекая государство в том, что за наш рубль дают всего 65 коп. золотом, мы высказываем положительную неблагодарность нашим прекрасным абсолютным деньгам. В книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» мы старались доказать, что этот низкий курс был для России поистине благодетелен, отстояв в самую критическую минуту ее экономическую независимость, а теперь позволяем себе думать, что первое положение совершенно доказано: *мы уже имеем в бумажном рубле ценовую единицу, совершенно отделившуюся от металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы*

сжились с ними, и нам остается лишь открыто их признать и провозгласить.

Второй закон сам собою заключается в первом и доказательств не требует, а потому переходим к третьему, который был нами сформулирован так: «Золото есть товар, такой же, как и все остальные металлы, но, ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счеты приходится вести на него».

И это положение требует для своего доказательства только справки с текущею действительностью, так как прямо вытекает из принятого определения бумажного рубля. Если этот рубль — деньги абсолютные, то золото ничем иным, кроме товара, быть не может.

Справка в области нашей финансовой практики укажет с полной очевидностью, что золото у нас именно есть товар.

Мы выпускаем монету, на которой написано «пять рублей», но эта монета вовсе не обращается внутри страны. 99/100 русского населения ни разу в жизни не произвели на нее ни одной сделки, а 9/Ю, наверно, ни разу в жизни и не видали. Видят ее только заграничные путешественники, да и то редко, а главным образом столичные жители на выставках меняльных лавок. И вот до какой степени это не деньги для России, что правительство особую русскую золотую монету даже *вовсе уничтожило.* Наш прежний полуимпериал был несколько больше 20 франков. Недавно введен новый, совершенно равноценный 20-единичной монете, принятой латинским монетным союзом, равный 20 франкам, левам, динарам, драхмам и пр. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилем Русского Государя и надписью «5 рублей». Впрочем, эта надпись так же мало соответствует 5 рублям, как и надпись на кредитных билетах: «предъявитель сего...» и т. д. И вот наши новые полуимпериалы прекрасно обращаются как монета, как деньги за границей, а у нас в России, если б у кого и оказались, то прежде, чем их употреблять, было бы необходимо *продать* их, разменять их *по курсу* на русские деньги совершенно так же, как золото в слитке или любую иностранную монету.

И здесь факт налицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого достаточно было бы не писать на полуимпериале <5 руб.», а поставить вразумительно: «Российская для внешних пла-

тежей монета. Двадцать...» Существительное подберите какое угодно, но никак не рублей, чтобы не было путаницы.

Но какая же надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовою монетой латинского союза? Ответ на это самый простой: добываемое у нас золото при обращении в монету дает казне известный доход. Доход этот небольшой, но зачем же им пренебрегать?

Нам могут возразить, что по закону у нас валюта не золотая, а серебряная и что наша монетная единица не золотой, а серебряный рубль. Да, мы пытались это сделать, и одно время серебряные рубли у нас ходили. Но когда последовало перемещение относительных ценностей золота и серебра, последнее вовсе вышло из употребления и осталось лишь в качестве мелкой разменной монеты, да и то низкопробной, чтобы не было выгодно переплавлять. Рубли бьются на нашем монетном дворе и сейчас, но идут, как кажется, исключительно на Восток, в Турцию, Персию и пр. В России они совсем не ходят, и сделки на серебряную валюту вовсе не совершаются ни во внутренних, ни в международных сношениях. А если мы пишем «100 рублей серебром», то пишем это по старой памяти, подразумевая в действительности «100 рублей бумажных». Никому в голову не придет требовать уплаты серебряными рублями, ибо и на них есть особый курс, и «100 рублей серебром» вовсе не равноценны 100 серебряным рублям*[153].

Наша низкопробная разменная монета — лучшее доказательство. Раньше была у нас монета полноценная, строго соответствовавшая принятой единице — серебряному рублю. Когда бумажный рубль отделился от металлического и золото потекло за границу, потекло за ним и серебро. Мы рисковали совсем остаться без билонного (разменного) средства, и волей-неволей пришлось выпустить серебряные деньги с большим количеством лигатуры, переплавлять которые на серебро не было бы выгодно.

* В ту минуту, когда мы пишем эти строки, цена на серебро настолько упала, что серебряный рубль стал дешевле кредитного и сам собою вышел из своей роли законной денежной единицы. Рубля в полноценной монете не принимают вовсе, а между тем низкопробные пять двугривенных, где серебра едва будет на 40 коп., ходят наравне с бумажным рублем. Не ясно ли, что серебро — товар, а серебряная разменная монета тоже своего рода абсолютный знак, вроде «медных ассигнаций» царя Алексея Михайловича.

Полагаем, что после всего сказанного, не может быть сомнений в том, что золото и серебро в нашем внутреннем хозяйстве *не деньги, а товар,* в торговле же нашей с иностранцами — *чужие деньги,* хотя частью и заготовленные на нашем монетном дворе, но *приравненные не к русским, а к латинским деньгам.*

Переходим к четвертому и пятому положениям. Здесь приходится ради их научного обоснования предпослать несколько слов о внутренней ценности или, точнее, о покупной силе бумажного рубля сравнительно с таковою же силой золота.

Чем обусловливается покупная сила золота, это мы уже видели. Золото никогда заметно не подешевеет, ибо его не может появиться вдруг слишком много. Покупная сила золота, его внутренняя ценность пропадает лишь при совершенно исключительных условиях, например, на корабле, на котором среди открытого океана кончилась провизия, или в осажденном городе, отрезанном от сообщения со страной. В остальных случаях в зависимости от внешних обстоятельств могут быть колебания в ту или другую сторону. Но большого обесценивания золота при сколько-нибудь нормальном порядке быть не может.

Суррогат золота — банковские билеты гарантируются от обесценивания положительными установками банков, обусловливающими постоянную их разменность и невозможность их выпуска в количествах произвольных. Злоупотребления здесь крайне опасны и приводят прямо к государственному банкротству; страны же, правительства коих не в силах восстановить правильные международные расчеты, запутываются в долгах и фактически теряют свою самостоятельность (Египет, Турция).

Чем же обусловливается внутренняя ценность, или покупная сила, абсолютных денег, не имеющих никакого отношения ни к какому металлу и выпускаемых государственною властью в России вполне свободно?

VI

Мы видим в жизни явление с точки зрения западных финансистов почти необъяснимое: русский рубль, величина совершенно отвлеченная, на деле изображаемая бумажкой, не имеющей сама по себе никакой ценности, ибо потребовать законной валюты за пре-

кращением размена нельзя и не у кого, отлично ходит и обладает замечательной внутренней устойчивостью. Экспедиция заготовления государственных бумаг тут же в распоряжении министра финансов. Печь — клетка во дворе Государственного банка. Никаких точных приемов для исчисления количества потребных в каждую минуту для страны кредитных билетов действующая система не знает, а потому выпуск и уничтожение знаков вполне произвольны. Завтра может быть подписан указ министру финансов о выпуске хотя бы двух или трех миллиардов знаков. Послезавтра может быть подписан противоположный указ, по которому верховная власть, согласившись на представление следующего министра финансов, что знаков слишком много, прикажет консолидировать их в процентные бумаги, то есть выпустить государственные облигации, а «лишние» бумажки снимет с рынка и истребит. Никаких формальных гарантий нет и быть не может. Между тем даже незначительные колебания менового средства производят огромные перемещения в экономической области, отражаются на всех ценах, на всякой работе, на всех предприятиях. Выпуск или уничтожение бумажек, производимые искусственно, а не *по законам денежного обращения*, могут совершенно изменить расположение производительных сил страны. По западному взгляду, в такой стране жить нельзя, как нельзя жить в стране, где не обеспечены жизнь, честь, собственность.

А мы живем, и если нам приходится иногда плохо, то по причинам совершенно противоположным, чем на Западе. Запад все ищет гарантий против возможных злоупотреблений верховной власти, находит эти гарантии в золоте и акционерных национальных банках и попадает в безысходную кабалу к бирже и ее царям. Россия добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо веруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что все экономические бедствия и неурядицы проистекают от недоразумений или злоупотреблений исполнителей царской воли, умевших так или иначе уйти от контроля и вызвать верховную власть на несвободное решение.

Поясним это на примере выпуска денежных знаков.

Огромность и разносторонность государственной работы в такой колоссальной стране, как Россия, таковы, что Русскому Государю нет ни малейшей возможности быть специалистом ни в какой области государственного управления. Его специальность — видеть

перед собой беспрерывно общую картину России в самых магистральных ее линиях, смотреть на русскую жизнь с самой возвышенной точки зрения. Детали если ему и доступны, то не иначе, как в виде частных примеров, объясняющих направление магистралей.

От самодержавного Государя поэтому мы можем ожидать личной инициативы лишь постольку, поскольку это касается образа целой России, например, в делах политических. Во всех же остальных случаях ему достаточно дать свое свободное и окончательное решение по выслушивании по меньшей мере двух противоположных мнений, подготовляющих и освещающих для него тот или другой вопрос.

Министр финансов находит, что для потребностей промышленности и торговли наличного количества денежных знаков мало и необходим их новый выпуск. На Западе ничего не стоит подготовить в желательном смысле парламентское голосование, а потому там спешат оградить страну от самой возможности выпуска, вырывая у правительства Национальный банк — экономическое сердце страны, создавая последнему независимое положение и обусловливая золотое обеспечение для банковских билетов.

В России, наоборот, все убеждены, что Государь никогда не подпишет указа о новом выпуске денег, пока не будет совершенно убежден в целесообразности этой меры, и все жаждут только того, чтобы Государю была предоставлена возможность не *довериться* лишь той или другой личности, но действительно *убедиться*, сверив доводы за и против мероприятия.

Таков русский народный идеал, столь глубоко вкоренившийся в русских умах и сердцах, что Россия безропотно переживает тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этот идеал в надежде, что рано или поздно установится у нас настоящая, ясная и всем понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тот или иной указ, не будет болеть сердцем от неуверенности и сомнений, прав или не прав его министр, автор Данного мероприятия.

И вот пока в области денежного обращения господствуют западные воззрения, пока искусство министра финансов является чем-то таинственным, наподобие колдовства или чернокнижия, мы видели пока одно явление: целый ряд русских Самодержцев, считая выпуски денежных знаков вообще делом весьма рискованным, прибегал

к ним лишь в самых крайних случаях, охотно конвертируя или уничтожая денежные знаки и с крайней осторожностью разрешая выпускать новые.

Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы Государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно было быть уверенным, что такая же мудрая осторожность была бы проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено ни бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские железные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость. Верховная власть волей-неволей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходившие со сцены, натворя бед России.

Вот почему здоровая и ясная финансовая теория, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тех же началах, на коих зиждется и наша государственность, — так необходима для нас. До сих пор разработке этой теории, возникновению истинной финансовой науки мешал наш бессознательный европеизм, отвергавший самые ее начала. Но его пора проходит.

Эти начала, утраченные Западом, но без коих вся западная культура лишается своего фундамента и вырождается в нечто постепенно теряющее даже образ человеческий, — *любовь и доверие*, составляющие в своем целом единое *нравственное начало*, западною финансовой наукой совершенно игнорируемое. Наша верховная власть есть порождение и представитель именно нравственного начала, начала полного доверия и любви и полной свободы действий. Да, верховная власть без всякого протеста и противодействия, без всякого парламентского вотума *вправе* завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаков, мало того, вправе объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для России трактат... Но то, что она *вправе* еще не значит, что она *сделает*, а если случайно и *сделает*, то не иначе, как по недоразумению, с самым искренним желанием добра стране или поддавшись ловко прове-

денному обману, предупреждать и охранять Государя от которого есть первый и священнейший долг верноподданного. Наша сила, наши гарантии лежат в том, что история создала и поставила нашу самодержавную государственную власть в положение ежеминутной ответственности перед Богом и собой, создала ей условия полнейшего бескорыстия и беспристрастия, окружила ее народной совестью и живым же народным мнением. При правильном действии указанных условий, при Самодержавии истинном и свободном, без всяких формальных ограничений, не может не получиться самого осторожного, самого консервативного правительства в мире. Нравственная сила — такая великая сила, что наша верховная власть, даже среди обстановки, сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле чрезмерной осторожности, чем риска. Вечный недостаток у нас свободных бумажных знаков лучшее тому доказательство.

Эту аргументацию мы считаем совершено научною, ибо нравственное начало есть вполне положительная величина, долженствующая иметь в финансовой науке строго определенное значение. Введя ее в рассуждение, мы можем точно, *научно* определить внутреннюю стоимость бумажного рубля.

Внутренняя стоимость, покупная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках коей находится управление денежным обращением.

Это нравственное начало действует в том направлении, что все несовершенства существующей денежной системы сводит к простым ошибкам и недоразумениям, совершенно устраняя всякие иные дурные элементы, коль скоро определилось убеждение верховной власти в их вредности.

Это совсем не то, что на Западе, где добивающаяся власти партия или даже династия жертвует сознательно великими интересами родины ради своего господства и где сама власть бессильна бороться с колоссальными хищными эгоизмами биржевых владык, в руках коих находится экономическое сердце страны. Ниже эта разница будет указана в более полном виде.

В противоположность истории Запада вся наша история с глубокой древности, с призвания варягов, основана на доверии, и вот

почему, между прочим, именно нам суждено было изобрести первые в мире государственные абсолютные деньги (Рошер[154]). Как жаль, что наши историки совсем почти не касались экономических отправлений древней Руси и едва-едва исследовали княжеские кожаные деньги. Нет никакого сомнения, что эти деньги (кусочки кожи с княжеской печатью) имели характер настоящих абсолютных знаков (а не банковских билетов). Они оказали могущественное содействие русской культуре и вышли из употребления (при Дмитрии Донском[155]), когда благодаря выгодной торговле с иностранцами в России стало в больших количествах накопляться золото и серебро. Правительственная власть начала чеканить монету, и в России явилось металлическое денежное обращение. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если в стране накопляется золото, то оно само собою стремится обратиться в деньги и заместить другие знаки. Но когда наличное количество золота в мире перестало соответствовать потребности в нем, когда выковалось острое оружие международной борьбы в виде западных банковских систем и когда вследствие этого удержание металлического обращения в стране с плохим международным балансом или отставшей в своем промышленном развитии равносильно ее разорению и кабале у евреев — королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти, порожденной нравственным началом, имеет возможность перейти к деньгам абсолютным и отречься от золота!

VII

Ниже мы надеемся с полной убедительностью доказать, что полноценность во внутреннем обращении денежного абсолютного знака находится в прямом соотношении с весьма несложными законами денежного обращения, стоящими, в свою очередь, в непосредственной и тесной зависимости от нравственного начала, положенного в основание государственного строя. Пока укажем лишь, что, поскольку это нравственное начало чисто и действенно, оно почти бессознательно приводит государственную власть к соблюдению законов денежного обращения. Как ни парадоксальным может показаться подобное утверждение, но в нем заключается глубокий смысл.

Если взглянуть на бумажный рубль как на простое расчетное средство, как на учетную квитанцию, выдаваемую третьим лицом, посредником между двумя лицами или группами, вступающими в сделку, тотчас же станет ясно, что свобода, обеспеченность и верность учета сделки станет в прямую зависимость от степени доверия контрагентов к их посреднику, от веры в его бескорыстие и беспристрастие. С другой стороны, именно на этих принципах полного бескорыстия и беспристрастия и стоит русская верховная власть.

Поясним это на частном примере. Для выяснения сложных и запутанных расчетов между двумя взаимно кредитующими друг друга предприятиями, владельцы коих сами рассчитаться не могут, приглашается бухгалтер; проверить его расчеты контрагенты не могут, но, ввиду его заведомого беспристрастия и добросовестности, заранее принимают его учет как верный и справедливый.

Бумажный рубль есть этот бухгалтер, беспрерывно учитывающий сделки. Точность расчетов его зависит от его беспристрастия или от постоянства его внутренней ценности. Это постоянство, эта верность его как единица меры является вполне элементом нравственным, ибо зависит прежде всего от нравственных побуждений выпускающей рубли в обращение власти. А так как нравственные побуждения самодержавной власти заранее принимаются нами как безусловные, то совершенство или несовершенство бумажного рубля как счетчика зависит только от тех ошибок, которые могут быть допущены при выпуске и изъятии знаков, которые во всяком человеческом деле неизбежны и которые будут необходимо устраняться по мере обоснования и развития истинной финансовой науки, то есть по мере раскрытия законов работы абсолютных знаков.

Если мы спросим себя: что же такое бумажный рубль? Наша практика ответит нам: это отвлеченная денежная единица, которую когда-то хотели прикрепить к известному количеству металла, но которую жизнь с этим металлом бесповоротно раскрепила. Это *идейная единица меры ценностей*, выражающая собой *только акт посредничества* верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках. Посредничество это абсолютно беспристрастно, нравственно и благожелательно, но, ввиду невыясненности законов денежного обращения и несовершенства денежной нашей системы, грешит *чрезмерной осторожностью в выпуске знаков* и потому пока *придает рублю бóльшую внутреннюю стоимость*,

чем была бы его истинная. Другими словами, во имя этой осторожности у нас денег в обращении мало, и потому деньги дороги.

Еще 50 лет назад Цешковский давал следующую характеристику, что такое золото? Самое верное *обеспечение* ценности, но весьма плохой ее *измеритель.* Что такое бумажные деньги? Самый лучший *измеритель* и самое плохое *обеспечение.* Необходимо, следовательно, отыскать такую денежную систему, которая бы имела монетную единицу, совмещающую в полной степени как *обеспеченность* золота, так и *измерительную способность* бумажки.

Разумеется, эта задача Цешковского разрешима вполне только при принятом нами условии обеспечения в виде нравственного начала, лежащего в основе самодержавного государства. Это есть наилучшее *обеспечение* как постоянства денежной единицы, так и ее обращаемости, так, следовательно, и ее внутренней полноценности для граждан данной страны.

Определив, таким образом, внутреннюю стоимость, внутреннюю покупную силу бумажного рубля, рассмотрим теперь, чем же обусловливается его внешняя покупная сила, его постоянно колебательное отношение к международным деньгам, золоту? Что такое бумажный рубль для иностранцев?

Абсолютные деньги чужой страны, нечего и говорить, не представляют для иностранца никакой ценности. Для немца, не имеющего дела с Россией, русский рубль есть пестрая бумажка и только. Она *что-то* стоит, потому что за нее дадут в меняльной лавке некоторое количество золота те, *кому она нужна.* Кому же она нужна? Людям, которым приходится платить за русский товар. Но как эта бумажка попала в Германию? Эти бумажки привезены из России, где их променяли на золото". Зачем их меняли? Потому что русским нужно золото: платить за иностранный товар, платить свои металлические долги, проживать за границей.

Проследим этот круг, и мы увидим, что бумажка зарождается в России, попадает к русскому А. Тот меняет ее на золото у банкира Б. для закупки заграничного товара. Банкир Б. еще раз меняет ее на золото и передает иностранцу В., которому нужно платить за русский товар. Бумажка вернулась в Россию, золото вернулось за границу. Товар поменялся на товар. Деньги вернулись в каждую область свои. Ценность русской бумажки для иностранца, таким образом, определяется тем, что за эту бумажку можно купить в России. Если эта бумажка

полноценна и, так сказать, *полноверна* внутри России, то и для него она полноценна и полноверна, *поскольку ему нужен русский товар.*

Представим себе, что между нами и иностранцами навсегда прервались всякие торговые сношения. Никакого обмена, никаких расчетов нет. Золота за оставшуюся за границей случайно русскую бумажку никто не даст, ибо за нее *нигде нечего купить.* Ясно, что ее курс, ее внешняя ценность равна нулю, хотя внутри страны, в России, эта же бумажка будет вполне полноценна.

Невольно улыбаешься, когда говорят: кредитные билеты обеспечиваются таким-то фондом и серьезно несут этот фонд из одной кладовой в другую. Говорят, это нужно для иностранцев, а то курс упадет, доверия не будет. Но неужели же иностранец так наивен, что пойдет менять бумажку в этот фонд? Он ведь знает не хуже нас, что там ему ни рубля не разменяют. Он купил эту бумажку за 2 7_4 или за 2 $У_2$ франка и будет ждать, что ему дадут из фонда 4? Совсем не потому он дал *только* 2 $'/_2$ франка, что на остальные 1 $'/_2$ *пошатнулось его доверие* к русским финансам. Он им верит не хуже нашего. Он знает, что русский рубль не потеряет ничуть своей стоимости *в России,* пока он, иностранец, закончит хотя бы и долгую торговую операцию. Он дал 2 $'/_2$ франка потому, что для него, для иностранца, на золото бумажка *больше не стоит,* потому что такая цена строго *определилась на международном рынке* в зависимости от нашего торгового обмена с иностранцами (не упоминаем про биржевые махинации и жульничество понижателей и повышателей, которое только усложняет, *несколько* изменяет здоровую, нормальную торговую цену рубля на золото и золота на рубли).

Когда золото и серебро перестали быть русскими деньгами (а они перестали ими быть, когда ушли из России и на них установился курс как на товар), наш международный курс стал простым обменом товара на товар. Будем вести счет на бумажную нашу валюту или на золото, результат будет один и тот же.

Вот образчик.

Платежи наши иностранцам, скажем, в таком-то году (за все, что мы от них берем, считая здесь и проценты по нашим долгам) 100 руб. (золотом).

Платежи иностранцев нам
(за все ими у нас взятое)..... 90
Разница..... 10

Эти 10 руб. (так называемых рублей) золотом мы должны в таком-то году приплатить, без чего баланс не сойдется. Мы не доплачиваем. Представим себе, что в начале года золото и бумажки стояли al pari, то есть 100 руб. золотом равнялись 100 руб. бумажным. Что получилось? Или мы задолжали 10 руб. золотом и выдали на себя металлическое обязательство, или за границей очутились лишние 10 руб. бумажных, не имеющих ровно никакой цены, потому что за них не то, что нельзя, а *не нужно* ничего покупать. Что сделалось с этими бумажками? Их вернули в Россию вместе с прочими 90 руб., сочтя 100 руб. за 90, то есть понизив наш курс, или стоимость нашего рубля на золото на 10 %. Бумажный рубль уже не равен рублю золотому, как было в начале года, а стоит всего 90 коп., или не 4 франка, а 3 ф- 60 с.

Но здесь вмешивается государство. Ему кажется это «падение рубля» опасным. Оно хочет удержать *пари*. Оно выдает металлическое обязательство на 10 руб. и платит за него проценты. На потомство ложится долг, но зато курс держится твердо.

Но вот наши платежи за границу растут против платежей *нам* непомерно. Проценты все увеличиваются. Наконец, правительство видит, что поддерживать искусственно курс — значит разоряться. Оно предоставляет дело рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падает. Курс начинает колебаться и, наконец, устанавливается на каждый срок как раз в соответствии с международными нашими расчетами и следует за ними шаг за шагом. Уменьшается иностранный ввоз, увеличивается наш вывоз — курс повышается. Обратно — понижается.

Вот другой образчик расчета на бумажную валюту в другом году. Для простоты возьмем в начале года курс рубля в 2 марки.
Платеж наш иностранцам:

За все взятое..... 100 руб. = 200 м.
Проценты по долгам..... 50 руб. = 100 м.
Итого..... 150 руб. = 300 м.
Платеж иностранцев нам..... 150 руб. = 300 м.

Баланс сведен, товары и долги покрыты нашими товарами; ясно, что рубль как был, так и остался на курсе 2 м.

Представим себе теперь, что мы уплатили иностранцам по расчету не 150 бумажных руб., а 200, а у них взяли столько же, сколько сказано, то есть на 150 руб. (300 м.), курс упадет и вычислить это

падение нетрудно. Те же 300 м. будут равны 200 руб., или рубль вместо 2 всего 1 $^1/_2$ м.

Обратно предположим, что иностранцы уплатили нам на 100 м. больше. Ясно, что те же 150 руб. будут теперь не 300, а 400 м., то есть рубль будет стоить не 2 м., а 400/150 = 2,66.

Эта простейшая схема так ясна, что позволяет употребить чисто математический прием доказательства для установки настоящего закона, определяющего взаимный курс золота и абсолютных знаков.

Внутренняя стоимость рубля, его покупная сила обусловливается только его постоянством как единицы меры, то есть благонадежностью его выпусков верховной властью, только в меру действительной потребности народа в расчетном и платежном средстве.

Внешняя его стоимость обусловливается его покупною силой внутри России и состоянием международного рынка, то есть нашими денежными расчетами с иностранцами.

Исключая постоянный элемент, то есть благонадежность внутри России и, следовательно, неизменную внутреннюю покупную силу рубля, его внешняя стоимость, или курс, выразится в виде следующего финансово-научного *закона* (частного, для России, конечно).

Курс рубля, или отношение его к золоту находится в зависимости исключительно от международного баланса. Количество знаков, обращающихся в России, никакой здесь роли не играет.

VIII

Этот ясный и простой закон был превосходно освещен покойным Н.Я.Данилевским в его статьях, озаглавленных «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности», помещенных в *Торговом сборнике* за 1867 год.

Приводимый им пример представляет чисто научное упрощение нашего международного обмена и значения бумажных и металлических денег. Мы приводим в извлечении эту художественную и правдивую фантазию о деньгах Атлантиды:

«Предположим, — говорит Данилевский, — что среди океана существует остров, — назовем его хоть Атлантидой, — который не имеет никаких сношений с остальным миром и жители которого Думают о себе, что они единственные разумные существа во Вселен-

ной. Благоприятствуемые климатом, почвою и природными способностями, атлантидцы собственным трудом вышли из состояния грубости и достигли известной степени цивилизации. Условия жизни их до того усложнились, что они не могут более довольствоваться простою меною своих произведений. Скот, соль, раковины не удовлетворяют уже потребности их в том средстве, которое мы называем деньгами. Драгоценные металлы на острове есть, но островитяне еще не открыли их. Мудрец, живший в то время между атлантидцами, стал рассуждать, как помочь их горю, и вот приблизительно ход его рассуждений. Искомое средство должно иметь такие свойства, чтобы его можно было променивать на каждый товар и на каждое количество товара. Так как все товары делимы, то и наше искомое должно иметь соответственную делимость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяют этому требованию, потому что, назначив, что раковина соответствует самому малому количеству самого дешевого вещества, можно достигнуть того же, как если б они были делимы. Далее необходимо, чтобы средство всеобщей мены долго сохранялось, не уничтожаясь и не портясь. Соль для этого решительно не годится, раковины же, хотя с грехом пополам, удовлетворяют этому требованию. Но и этого еще мало: надо, чтобы нельзя было или, по крайней мере, очень трудно было подделывать наше общеменовое средство; а то все, вместо того чтобы настоящее дело делать, станут заниматься его подделкою, и никогда нельзя будет быть уверенным, что его не слишком много наделали. Раковины и в этом отношении, пожалуй, годятся. Надо, наконец, чтобы вещество, которое употребим на общеменовое средство, было достаточно редко, для того чтобы каждый не мог увеличивать по произволу количество его. Мудрец пришел к тому заключению, что ни одно из известных ему произведений острова не годилось для желаемой цели. Но почему бы, подумал он, не придать требуемых качеств какому-либо веществу искусственно? Возьмем, например, хоть кусок бумаги. Разной величиною или формою кусков можем удовлетворить требованию делимости; трудным рисунком, которого секрет будет известным лишь правительству, предупредим подделку; обменом старых, износившихся бумажек на новые придадим ему неуничтожимость; наконец, ограничив количество их выпуска единственно потребностью торговли и промышленности, предупредим излишнее их на-

копление. Конечно, думал он, странно, каким образом вещь, сама собою ни на что не пригодная, будет выменяваться на всякий действительно полезный предмет; но ведь ценность вещи основывается на ее пригодности для какого-либо употребления; быть же орудием мены есть употребление весьма важное, и как только мои бумажки станут на это употребляться, то тем самым приобретут они и ценность. Не то ли самое со всяким предметом, пока не придумают ему употребления? Белая глина, которой у нас так много, не имела никакой цены, пока не придумали делать из нее фарфоровых сосудов, и с тех пор глина стала ценна. Почему же и бумажки, когда они применяются к своему назначению посредством известного приготовления, а главное, посредством строго соблюдаемых условий их выпуска, так же точно не получат ценности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначению? Проект был приведен в исполнение. Сначала определили условно, что бумажная единица соответствует такому-то количеству необходимейшего вещества, например, хлеба, и в таком лишь случае прибавляли число денежных знаков, когда постоянный лаж удостоверял, что оно недостаточно для нужд промышленности и торговли. Таким образом утвердилась в Атлантиде полная доверенность к искусственному средству облегчения мены. Это был *первый период денежного обращения* в Атлантиде.

Через несколько столетий остров был открыт и вступил в торговые и иные сношения с иностранцами. Конечно, иностранцы не захотели принимать атлантидских бумажных денег, но из этого затруднения вывернулись случайным открытием на острове золота и серебра. Атлантидцы так привыкли к своим деньгам, что не хотели переменить их на золотые и серебряные, а согласились на следующую сделку. Золото и серебро было собрано в особое хранилище и установлены соответственность бумажной денежной единицы известному весу этих металлов. Торговля стала производиться следующим образом. Атлантидцы приезжали в иностранные земли и покупали на свои бумажные деньги тамошние продукты. Иностранцы с этими деньгами приезжали в Атлантиду, выменивали их на золото в разменной палате и потом за это покупали атлантидские товары. Получившие золото атлантидцы спешили в разменную палату и возвращали себе за золото свои любимые бумажки. Это был *второй период атлантидской торговли*, совершавшейся посредством размена билетов на золото и золота на билеты.

Вскоре обе торгующие стороны заметили, что совершенно напрасно затрудняют себя излишнею процедурою двукратного размена и стали поступать так: иностранцы, получив атлантидские билеты, прямо покупали на них атлантидские товары. Разменная палата опустела и чуть не была совершенно забыта. Своих товаров атлантидцы отпускали как раз на столько, на сколько покупали иностранных, и потому иностранные купцы брали бумажки, как если б они были чистым золотом, зная, что ведь нужно же будет им покупать атлантидские товары, а на них и уйдут бумажки; разве ценили их немного дешевле за то, что в промежуток времени между получением бумажек и покупкою на них товаров они не имели для них употребления; но так как торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильного действия. Это был *третий период в развитии атлантидской торговли,* в который размен на драгоценные металлы подразумевался и вместо прямого существовал, так сказать, косвенный размен. Цена бумажек и тут не падала, и невозможно вообразить никакой причины, почему бы ей было пасть.

Но вот атлантидцы развратились, забыли староотеческие обычаи и предания, пристрастились к различным удобствам жизни, приняли разные чужеземные привычки, которым могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали их накупать в гораздо большем количестве, чем отпускали своих собственных товаров. Очевидно, что при таком порядке вещей некоторое количество атлантидских бумажек должно было оставаться в руках иностранцев, и когда их порядочно накопилось, иностранцы, конечно, не знали, что с ними делать. К счастью, вспомнили про разменную палату. Она снова была открыта, и золото потекло из нее рекой за границу. Атлантидцы вовсе об этом не беспокоились, так как не были заражены меркантилизмом. Таков был *четвертый период в ходе торговли и в судьбе бумажных атлантидских денег.*

Период этот, конечно, не мог быть продолжителен, и однажды иностранные купцы, явившись променивать оставшийся у них излишек бумажек, услышали горестную весть, что променивать их не на что. То, что они считали деньгами и что было таковым в течение долгих лет, обратилось в простые бумажки. Они было хотели прекратить всякие сношения с атлантидцами, но те стали их успокаивать: "Чего вы опасаетесь? Ведь не нынче мы начали, не нынче и перестанем торговать с вами. Мы признаем за бумажками полезную их

цену; отдайте их нам, а мы доставим вам на следующий год товаров на всю их стоимость, да еще проценты за то, что вы нам раньше срока деньги в руки дадите". - "Хорошо, - отвечали иностранцы, - но вы не берете в расчет, что на будущий год опять приедете к нам закупать наши товары в таком же количестве, как и за прошлый, а пожалуй, и еще того больше, и захотите платить теми же бумажками, тогда как значительную долю наших товаров должны вы будете отпустить нам за те же уже бумажки, которые мы вам теперь отдадим, да проценты за них: таким образом, вы, наконец, должны будете отпускать все потребное для нас количество ваших товаров за старые долги, а на что вы будете вновь покупать? Так нельзя, а послушайте вот что. Вы покупали у нас в последние годы товаров на 150 миллионов, мы же ваших - только на 100 миллионов; следовательно, 100 миллионов ваших билетов имеют и для нас полную ценность, остальные же 50 с тех пор, как нельзя променять их на золото, все равно, что клочки тряпья. Так как, однако, на ваших билетах не написано, которые из них принадлежат к первой сотне и которые ко второй полусотне миллионов, то мы можем и будем принимать их вообще лишь за две трети их цены, а там что будет, то будет". Так и решили, что внутри Атлантиды билеты будут попрежнему в полной их цене, а во внешней торговле будут приниматься лишь в две трети их номинальной стоимости. Но на деле вышло не так. Всякий торговец туземными произведениями внутри острова стал рассуждать, что может ведь случиться, что на вырученные деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношению к которым бумажки стоят всего $^{2}/_{3}$ своей цены, да если не придется этого ему самому, то, пожалуй, вздумает рассуждать таким образом тот продавец, у которого он будет покупать внутренние продукты; следовательно, против такого риска надо себя обеспечить, и нельзя принимать билетов в полной их цене. Наоборот, иностранные купцы стали думать, каждый со своей стороны: положим, атлантидские билеты стоят у нас лишь $^{2}/_{3}$ их номинальной Цены; но ведь атлантидские товары остались в прежней своей цене, и я смело могу рассчитывать, что, сколь бы ни закупил их, все сбуду. Если поэтому буду принимать билеты не в $^{2}/_{3}$, а в $^{3}/_{4}$ или ^{4}Д их цены, то мне охотнее будут продавать, я закуплю больше, чем другие и увеличу свои обороты. Таким образом убедились, что билеты или вообще деньги имеют характер жидкости, то есть что цена их стре-

мится прийти к одному уровню. Однако же, как и жидкости, вполне этого не достигают, если из двух действующих причин одна стремится возвысить или удержать жидкость на известной высоте, а другая стремится ее понизить, — убедились, что и тут по мере удаления действующей причины действие ее ослабляется в некоторой степени, почему резкие и крутые разности в цене, как полноценность на внутреннем и $^{2}/_{3}$ цены на внешнем рынке, рядом существовать не могут; и что, хотя на внутреннем рынке ценность билетов будет стоять выше, чем на внешнем, переход между этими двумя уровнями будет, однако же, постепенен и разница между ними не так велика. Тем не менее понижение цены билетов всех изумило; говорили: "Кажется, условия, предписанные древним мудрецом, исполняли мы в точности, лишних билетов не выпускали, были мы в этом отношении скорее скупы, чем щедры, — и однако же билеты упали". Имя виновника стольких бедствий готовы были предать проклятию, пока следующие соображения не привели атлантидцев к более справедливому образу мыслей: "Ведь мудрец, рекомендовавший употребление бумажных денег под единственным условием благоразумного и умеренного выпуска их жил в то время, когда мы думали, что, кроме нас, на свете никого нет; когда, следовательно, атлантидская ценность и всемирная ценность были выражениями тождественными. Он говорил, что бумажные деньги могут служить при известных условиях представителями атлантидских ценностей, и они служили ими вполне; мало того, дальнейшая судьба их показала, что посредством косвенного размена могут они служить отчасти и представителями иностранных ценностей, именно такой доли их, которая равняется ценности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотели, чтобы наши билеты сделались представителями не только наших, но и вообще всемирных ценностей, без всякого ограничения?"

Какова была дальнейшая судьба атлантидских денег, мне неизвестно. Но из участи их доселе оказывается несомненным, *что ценность бумажных денег не зависит исключительно от того, соответствует ли их количество внутренней потребности в этих деньгах, а зависит также и от хода внешней торговли.* Конечно, в действительности торговые сношения происходят не так, как в нашем примере; но все различия в этом отношении усложняют только процесс, нисколько не изменяя его сущности; и так как, думаю я, нельзя указать на какую-либо ошибку в изложенном ходе торго-

вых сношений и их влиянии на ценность билетов, то и должно признать, что торговый баланс может оказать влияние на ценность бумажных денег».

IX

Когда таким образом установлен закон *независимости нашего внешнего курса ни от фонда, ни от количества рублей внутри России,* при условии их в ней полноценности и полноверности (а это, в свою очередь, обусловлено всенародным доверием к верховной власти), необходимо для обоснования и доказательства следующих двух законов поставить и исследовать вопрос: *сколько же должно быть в обращении у нас знаков?* В чем выражается их недостаток? Где предел потребности в них? Начиная с какого момента знаки становятся излишними и их покупная сила, их внутренняя стоимость ослабевает?

Если мы из огромного окружающего нас моря экономических явлений возьмем наиболее типичные для характеристики недостатка в знаках, то увидим следующее.

Я землевладелец. Чувствую, что мое хозяйство идет очень плохо. Испольная система никуда не годится. Рядом хозяйство многопольное, с винокуренным заводом, с клевером, с хорошим скотом. Пора бы перейти и мне на такое же. Но я не могу. Денег нет. Чтобы завести такое хозяйство при моей поверхности землевладения, у меня должен оборачиваться капитал в 10-15 тыс. руб. Имение мое стоит 30 тыс. по банковской оценке; 60 %, то есть 18 тыс. руб., я получил и уплатил старые долги. Под вторую закладную мне дадут 8 тыс., но возьмут с меня в год минимум 960 руб. процентов. Этого мне не хватит, и подобного процента я платить не могу. Соло-векселя? В отделении Государственного банка рассмотрели мое нынешнее хозяйство и посулили мне только 1800 руб., ибо мой нынешний оборот 3 тыс. руб. Есть возможность получить кредит от 3 до 5 тыс. руб. в местном взаимном кредите за 9-Ю % годовых. Наконец, есть возможность учесть векселек-другой в частных руках за копейку в месяц. Нет уж, придется оставаться при старом положении. Получаю в год 1200 руб. дохода, мог бы получать тысяч 5, ничего не поделаешь!

Мы должны согласиться, что для России это не средний, а много «выше среднего» случай. Сидит этот земледелец прочно,

не должает и жалуется *только* на то, что вместо 5 тыс. вырабатывает 1200 руб. Нечего и говорить, что огромное большинство не имеют и этого и бьются, нуждаются и смотрят на подобного счастливца с завистью.

Поищем определенного *признака* недостатка знаков, так как ясно, что *самый недостаток* налицо.

Соло-векселя оставим в стороне. Это кредит, во-первых, почти филантропический, а во-вторых, совершенно недостаточный (ибо дается не на будущий *большой* оборот, а на настоящий *малый).* И при этом, кажется, сделано недавно распоряжение (секретное) не давать никому полной нормы; по крайней мере, кому следует 1 тыс. руб., тому открывать кредит только на 500*.

Рассмотрим обыкновенный, нормальный кредит.

Заметим, что *личного* земледельческого кредита почти нет, а есть лишь под обеспечение свободною стоимостью имения. Землевладелец может получить деньги:

под вторую закладную за 10-12 %;

из местного общества взаимного кредита за 9-10%;

под вексель от частного лица за 12—18 96.

И при этом во всех случаях кредит крайне ограниченный. Большой суммы денег достать невозможно. Ограничивают потому, что свободных денег нет.

В лучшем случае хозяйство может дать 6-7 % при огромном личном труде и при большом риске или жизни впроголодь. Спрашивается: можно ли брать деньги при этих условиях? Ясно, что хозяйство будет вестись по-прежнему, и вместо полной продуктивности таковая будет в $^1/_{10}$, $^1/_8$ - $^1/_4$ нормальной или будет расхищаться капитал, то есть опустошаться земля.

Нужно ли говорить про крестьянина? Хороший, зажиточный мужик для покупки, например, лошади вместо павшей или для уплаты податей (не вовремя) закладывает семенной хлеб, холсты, инструменты, одежду за 5 коп. процентов в месяц. В уездных городах целые улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, где хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр., и пр. *Пять* коп. в месяц, или 60 % в год, — это еще *сносно.*

* Так делали, например, еще недавно в Смоленском отделении Государственного банка.

Бедняки без залога и за этот процент не получат ссуды. Для тех существует такой кредит.

В апреле берется в долг четверть ржи ценою в 7 руб. За процент убирает в июне $^1/_2$ десятины луга - 4 руб. В августе отдает четверть ржи - 6 руб. Или же за взятые на четыре месяца 7 руб. платит 3 руб. процентов, то есть в год 12 руб., или 158 %.

И оба эти вида кредита не самые плохие, а только средние или, пожалуй, выше среднего. А например, такой случай, лично виденный нами. Приходит баба просить почтовую марку. Денег нет. Письмо нужно отправить экстренно. За одолжение 7 коп. на неделю баба полола $У_2$ дня, и была очень довольна. Знаете, из каких это процентов получился кредит? Считайте день бабы только в 35 коп. (летний), и окажется, что за неделю она заплатит 250 %, или в год *тринадцать тысяч на сто.*

Это, разумеется, курьез, хотя и математически точный.

Фабрикант платит: крупный, имеющий учет в Государственном и больших банках, 6-7-8 %, маленький, кредитующийся кое-где, 9 и 10 %. За ограниченностью банкового кредита все, даже очень крупные фирмы, при хороших делах тихонько бегают к дисконтерам и платят 10 и 12 %.

Полагаем, распространяться дальше не стоит. *Признаки* недостатка знаков налицо: 1) *высота процента за наем денег,* 2) *обесценивание труда.*

Оба эти признака теснейшим образом связаны между собой: вследствие недостатка денег процент, или плата за их наем, становится непомерным и параллельно с этим труд, постепенно дешевея, совершенно обесценивается.

Баба, очевидно, ровно ни во что считавшая свой полудневный труд, — пример очень яркий. Но не менее яркий пример и такой: очень добросовестный арендатор дает за имение 1 тыс. руб. аренды. Владелец не соглашается и, начав работать сам, вырабатывает 1200 руб. Другими словами, за свой годовой поистине каторжный труд он выработал 200 рублей или, откинув проценты на (мысленное) страхование от рисков, например, 100 руб., получил всего 100 руб., то есть меньше, чем жалованье самого убогого волостного писаря. Положим, что в этом труде было наслаждение, то есть некоторый нравственный элемент. Но ведь *денежно-то* этот труд вполне обесценен?

Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прежний труд, являющийся орудием новому труду. *Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала,* отделяет, *отрезывает его от труда* будущего, *обесценивает,* парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит *элементы праздные — в положение, господствующее в стране, элементы трудовые — в рабство им.*

Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создалось новое, в тысячу раз тягчайшее, крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьеры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия *недостатка денежных знаков* и вместе с тем его точные признаки.

Но возвращаемся к основному рассуждению и ставим второй вопрос: где предел потребности жизни в денежных знаках? Есть ли такой предел?

Несомненно, есть, и его можно выразить в форме следующего закона, который мы и постараемся доказать.

Увеличение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотоле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего.

Что такое отпечатанная в Экспедиции заготовления государственных бумаг бумажка до момента ее выпуска в публику? Это не что иное, как *ассигновка на труд,* расчетный знак, ожидающий сделки, которую он учтет. Пока этот труд не произведен, пока сделка не совершена, знак этот никакой цены не имеет. Это не та засаленная и пропотелая бумажка, которая вернулась в казначейство и только удобства ради меняется на чистенькую, свеженькую бумажку. То деньги настоящие, полноценные деньги, уже работающие, уже государству как бы не принадлежащие. Мы говорим про новенькую, новорожденную бумажку, идущую не в обмен на другую, а вполне независимую, самостоятельную.

Представим себе простейшую схему: сидит в деревне уволенный в запас солдат Иван Сидоров. Выучился он в крепости, скажем, кирпич обжигать. Завел бы маленький кирпичный заводик и работал бы сам, да с ним односельцы в свободное время — нельзя; нужно 300 руб. на дрова, на постройку, на расплату за сырец, за инструмент. Заложить нечего, кредита даже и за 60 % в год нет. Ну, значит, и сиди, празднуй, или ходи на поденщину за 30 коп., да и то, когда экономия позовет, потому что и там, по безденежью, все работы сокращены. Ни труда, ни производства нет, люди просидели праздно, Иван Сидоров от скуки только пьянствовал. Заработает что-нибудь урывком - не стоит беречь, не скопишь 300 рублей, взял и пропил.

Представьте, что каким-нибудь чудом Иван Сидоров получил вот эти 300 новорожденных бумажек на десять лет, в рассрочку из 5 %. Он построил заводик и начал работать. Платит свои взносы очень аккуратно, так как дело идет хорошо и платеж льготный. 45 руб. вернулись в казначейство в первый же год. Они состоят из двух величин: 30 руб. возврата ссуды и 15 руб. чистого дохода казны, потому что операция не стоила ей ничего. Что такое эти 30 руб.? Теперь это уже не бумажка, а измеритель действительных ценностей, необходимый для обращения, ибо где-то в Церевококшайске или под Сызранью идет новое дело, кипит новый, *ранее спавший* труд, и вокруг кирпича совершается бесчисленное количество новых оборотов. Сидоров сшил себе полушубок (а то бы еще год ходил в старом), Матрена-работница купила два платка и скормила своей семье семь пудов лишней ржи (без работы ели меньше). Кроме того, пили чай. Все заработали, все *увеличили потребление,* все поправились, и эта поправка, в микроскопической, правда, доле, но отразилась и на доставке чая добровольным флотом, и на Киевском сахарном рынке, и на Ивановской набивной фабрике. Увеличились все обороты, 300 руб. влились словно керосин в гаснувшую лампу. Спрашивается, что должно сделать правительство с возвращенными [ем]У 30 руб.? Сжечь их как свободные или ненужные? Нельзя, это явно стеснит промышленность, ибо обороты расширились, а меновое средство не увеличилось. Нельзя их сжечь — их пускать, немедленно дальше пускать надо! Бесчисленное множество этих Сидоровых протягивают руки за ним. И они сидят без работы, и они могли бы работать, да нечем, инструмента нет...

X

Мысль о прямой творческой способности бумажных знаков, правда, не в виде знаков абсолютных, а только заместителей золота, высказывалась, хотя и туманно, западными финансистами и составляет часть известной теории кредита. Но из всех западных построений нет никакой возможности прийти к *теории мнимых капиталов*, которую я изложу ниже и которая ближайшим образом истекает из существа абсолютных денег. На это их свойство намекал покойный Н. Я. Данилевский в своих, к сожалению, немногочисленных экономических работах. Яснее говорили об этом русские практики и представители здравой русской мысли, покойные Шипов[156] и Кокорев[157]. Она ярко просвечивает в посмертном труде Н. П. Гиляров-Платонова[158] «Основы экономии». Затем по этому поводу впервые были высказаны нами в «Русском деле» следующие соображения по вопросу о постройке Сибирской железной дороги, соображения, сполна принятые и осуществленные правительством позднее.

Вот что говорится в передовой статье № 3 «Русского Дела» за 1888 год: «Неужели нужно для постройки железной дороги средствами государства непременно занимать деньги, отыскивать чужой капитал и только обращать его в недвижимость, рискуя доплачивать огромные суммы, если эта недвижимость не даст условленных четырех или пяти процентов владельцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость из непроизводительно лежащих: труда и естественных богатств?

Предположим, что государство решает строить Сибирскую дорогу по частям, расходуя в год, например, 50 млн руб. и производит специально для этого соответственный выпуск кредитных билетов. Эта сумма при денежном обращении в 1100 млн не повлияет заметным образом на наш денежный рынок и тем более не уронит нашего курса. Она вся целиком распределяется среди рабочего люда и промышленников, которые получат заработок на дороге. Каждый из участников этой работы исполнит труд, которого он иначе бы не сделал, и вследствие этого увеличит свое потребление: крестьянин купит больше хлеба и мануфактурного товара. Инженер, администратор, писец, бухгалтер, сторож — все увеличат свое потребление; заводы и их рабочие, увеличив свою работу, увеличат потребление в равной мере. Вся сумма в 50 млн пока чисто фиктивных знаков, каковыми, несомненно, будут выпущенные бумажки, пойдет в народное обращение и при каждой сделке, при каждой передаче вызовет некоторый новый труд, *который иначе не был бы совершен.*

Увеличение труда, сбыта, потребления почувствует немедленно вся без исключения промышленность. За границу из всей этой массы труда не будет уступлено ничего, ибо все нужное может и должно быть сделано дома.

Таков первый момент. Результата труда мы еще не касались. Отметим пока это оживление и припомним, что совершенно таковое же и тем же путем было достигнуто во время последней войны. Вся Россия усиленно работала на выпущенные бумажки. Прилив средств чувствовала вся промышленность, и в это время она сделала громадные успехи.

Но отсюда начинается разница. В результате войны получился: в материальном отношении — даром затраченный труд (вся сумма его пропала), в нравственном... позор! Усиленная работа кончилась, спрос и труд сократились, дух поник. Доктринеры признали, хотя к тому не было никаких оснований, избыток кредитных билетов и конвертировали его в бумагу-товар. Начался ряд кризисов, продолжающихся до сегодняшнего дня.

Результатом выпуска 50 млн бумажных руб. для постройки железной дороги будет то, что увеличившаяся во время постройки покупная и потребительная сила народа увеличится еще по ее окончании. Такая железная дорога, как Сибирская, по достройке хотя бы только первого участка, уже вызовет целый ряд новых, до сих пор не производящихся оборотов и промышленных предприятий. Выпущенные совершенно фиктивно поначалу знаки не только не окажутся лишними, но вызовут потребность в еще новых количествах знаков, ибо если от 50 млн лишних рублей наше денежное обращение увеличится на $^{1}/_{22}$, то от постройки первого участка Сибирской дороги и при самой этой постройке количество сделок и оборотов в России возрастет на величину еще большую.

Если посмотреть на вопрос с другой стороны, то окажется, что государство сделало следующее: оно выдало вперед ассигновку на ТРУД. Этот труд совершился, дорога создалась, так сказать, из ничего (так как без этой ассигновки труд этот не был бы совершен и пропал бы даром), ассигновка обратилась в нечто реальное, в не-

движимость, изображаемою новой железной дорогой, а главное, в новый ряд непрерывно идущих сделок. И вместе с тем государство получило ее даром, так как выпущенные знаки брать назад не приходится. Это уж не те фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенные народным трудом совершенно реальные *деньги,* орудие известных торговых и промышленных оборотов, которых бы без этой новой дороги не было».

Это и есть в своем первоначальном виде *теория мнимого капитала,* совершенно заменяющего капитал реальный, заключающийся в выраженных золотом или иными ценностями сбережениях. Разумеется, эти мнимые капиталы работают с полною силой только в руках центральной государственной власти (Мальцовские[159] деньги показывают, что то же возможно и в частных руках, но это государство в государстве), оживляют и вызывают народный труд только тогда, когда вызвать этот труд возможно, то есть когда его элементы уже есть налицо в виде материалов, рабочих рук и умственных сил.

XI

Чтобы уяснить себе практические условия приложения к жизни теории мнимых капиталов, необходимо рассмотреть ее пределы, то есть условия, определяющие *излишек* и *недостаток* денежных знаков в государстве.

Признаки недостатка в знаках совершенно, думается нам, могут быть уяснены на приведенных двух примерах.

Эти же примеры в обратном виде могут отлично послужить для уяснения признаков как нормального количества менового средства, так и *избытка в знаках.*

Представим себе, что правительство, следуя этой системе, начнет пускать в оборот все большие и большие количества денежных знаков. Предположим далее, что ни одного из них не употребляется на текущие государственные расходы, а все идут только на оживление труда. Строятся железные дороги, элеваторы, порты, производятся обширные работы по орошению, лесоразведению. Расширяется помощь фабрикам, заводам, сельским хозяевам. Щедрою рукою кредитуются Иваны Сидоровы через посредство ли земств или артельным порядком, за круговой ответственностью. Труд растет гигантскими шагами. Оживляется потребление, а, следовательно, множество побочных промышленностей. Трудящийся человек поднимается в цене, ибо ему не только создается работа *вообще, какая-нибудь,* но у него является уже *выбор работы.* На фабрике платят дорого, в экономиях тоже, сам затеет что-нибудь — заработает еще больше. Навстречу этому росту вознаграждения труда понижаются постепенно цены на предметы жизни, вследствие большего и выгоднейшего их производства, ростовщик и тунеядец хиреют. Что делать дисконтеру, когда, благодаря обилию денежных средств в стране, торговля деньгами становится совсем невыгодною? Процент за наем капитала понижается, ростовщики и рантьеры сами начинают бегать, искать помещения для своих денег. Основывают акционерные общества, придумывают новые предприятия и сами *работают в них.*

Наконец, наступает момент *насыщения.* Новых знаков не нужно, употреблять их производительно *некуда.* Можно бы и еще построить железных дорог, необходимо подождать: инженеры, землекопы все заняты, а так как рвут в разные места, то они слишком подняли цены на свои услуги. Можно бы заняться с выгодой каменными постройками — опять надо обождать: все каменщики заняты, потому что постройка идет повсюду. Можно бы расширить запашки, заменив человека машинами? Трудно, хлеб подешевел. Основать еще фабрики? Трудно, подешевели сукна, ситцы, машины, мебель, *подешевело все, где человек играет роль второстепенную, вздорожало все, где нужен личный труд, личное искусство человека.*

А главное, за деньгами никто не бегает, никто их не ищет, никто из-за них не кланяется. Процент, получаемый лежа на боку, так низок, что *деньги бегают за человеком,* деньги служат человеку. У нас изобретатель — синоним человека голодающего. При тех условиях изобретатель — владыка. Да так и быть должно, ибо изобретатель изображает цвет лучшей формы человеческого труда — труда умственного.

Итак, вот признаки надлежащего количества знаков:

удешевление денег как предыдущего капитала производства;

удешевление денег как знаков, как оборотного средства, то есть понижение процентов;

Удешевление всех машинных производств;

Удешевление жизненных припасов и обстановки жизни;

вздорожание личного труда;

торжество и огромная оплата труда творческого и вообще умственного.

Читатель чувствует, что это уже не про матушку Россию идет речь? Это уже Америка живьем, представляющая налицо большую часть указанных элементов. Тут и рабочий, два раза в неделю меняющий белье и спящий на пружинном матраце. Тут и деньги, которых девать некуда. Тут и Эдисон[160], полубог промышленности, и 20-этажные дома, и все чудеса Нового Света.

Нам могут возразить, однако, что в Америке металлическое обращение. В Америке золотые деньги. Америка задыхается от изобилия золота.

Совершенно верно. Все это возможно и при золоте как деньгах. Разница будет лишь та, что, во-первых, при золоте все подобное может быть достигнуто лишь хищным путем, на чей-либо счет. Америка втянула в себя половину мирового золота путем прямой обиды для остального человечества. Во-вторых, как ни высока в Америке промышленность и как ни развита банковая система, но каждую минуту промышленность не обеспечена от потрясающих кризисов, вроде разыгравшегося летом 1893 года и вызванного только тем обстоятельством, что золото и серебро, будучи деньгами, являются одновременно и товаром и, как таковые, подлежат действию тех *стихийных* сил, от которых абсолютные деньги, товарного качества не имеющие, могут быть совершенно изъяты. Самостоятельная экономическая страна, как, например, Россия, достигнет при системе абсолютных знаков того же необъятного экономического развития, не отняв ни у кого ни куска хлеба и не рискуя ровно никакими кризисами.

Да наконец, ведь и Америка развилась только при помощи своих *гринбеков*[ы], бывших в свое время почти абсолютными знаками. Разница была лишь в том, что эти деньги выпускались не центральною властью, а каждым штатом, источником их было не *единодержавие*, форма русская, а *федерация*. При помощи гринбеков Америка оплодотворила свой народный труд, затем запретительными тарифами изолировала себя от потребления продуктов чужого труда, *но сама свой труд умела навязывать иностранцам*. Ей приплачивали золотом все, с кем она ни торговала, золото накопилось и заменило гринбеки. Мало того: его накопилось так много, что оно

начало обесцениваться так же точно, как будут обесцениваться бумажки, когда их количество превзойдет здоровую в них потребность, *когда делать с ними будет более нечего*. Затем неожиданно обесценилось серебро, резко нарушилось его давно установившееся отношение к золоту и, так как серебряный доллар есть не только de jure, но и de facto[162] монетная единица, то понятно, что наступило жестокое потрясение всей американской промышленности, конец которого пока трудно даже предугадать.

Наступившее, начиная с Америки, всеобщее падение серебра отразилось и у нас и дало новое великолепное доказательство превосходства нашей абсолютной денежной системы. У нас, как известно, «неприменяемая и законная единица» всех денег, обращающихся в государстве, — серебряный рубль такого-то веса. Пока золото и серебро были твердо связаны между собою, из России оба металла ушли одновременно. Чтобы не остаться совсем без мелкой разменной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, так называемую билонную, монету, имеющую значение не монеты, но тех же почти ассигнаций. В пяти двугривенных серебра было значительно меньше, чем не только в полноценном рубле, но даже в полтиннике.

Наступает обесценивание серебра. Сначала серебряный рубль, ставший таким же товаром, как и полуимпериал, ценился ниже рубля золотого, но выше рубля кредитного. Затем на минуту он сравнялся с кредитным, и рубли появились у нас в обращении, но отнюдь не в качестве «законной и неприменяемой» монеты, а просто как новинка, как курьез.

Прошло всего месяца три. Затем серебро подешевело еще, и полноценный серебряный рубль, законная монета, стал дешевле рубля кредитного. И вот эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди, затем и казенные учреждения. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затем начало отказывать в переделке на монету частного серебра (ибо это могло вызвать великие злоупотребления: вы принесли серебро, купленное вами за 80 руб. на вес и должны получить монеты на 100 руб.!) и, наконец, распорядилось исключить серебро вовсе из разменного фонда. Серебряный рубль, еще стоящий в Своде Законов как основная наша единица, фактически исчез, не произведя ни малейшего потрясения, и самый факт был совершено не замечен народом. Дивились только одному курьезу: за полноценный

серебряный рубль дают только четыре, а затем и три двугривенных, заключающих серебра не более, чем на 30 коп. Серебряный рубль сам собою превратился в товар, разменная монета — в маленькие металлические ассигнации.

В это же время все цивилизованные страны с двойным металлическим обращением переживали жестокий кризис, а страны с серебряною валютой подошли чуть не к банкротству.

Историю и обстоятельный анализ финансового положения Северной Америки читатель найдет в любопытной книге А. А. Красильникова *«Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения>>*. Эта превосходная книга была у нас замолчана, как замалчивается обыкновенно все умное, дельное, самобытное.

Последний экономический момент — *излишек свободных денежных знаков,* мы полагаем, после всего сказанного не стоит и разбирать: признаки его ясны. Ввиду невозможности основывать новые серьезные дела, развивается промышленная спекуляция, появляются *дутые* или заведомо неблагонадежные предприятия, руководимые за неимением специалистов невежественными людьми. Риск растет, ибо владелец капитала для сохранения его ценности вынужден рисковать. Цены, сначала переместившись правильно, начинают перемещаться уродливо. Денежная единица начинает вещно обесцениваться, то есть дешеветь, ее покупная сила ослабевает, иными словами, все дорожает. Прежние капиталы в опасности. Их владельцы несправедливо страдают.

Такой момент был у нас вскоре после 1812 года. Верховная власть, только что осознавшая весь вред чрезмерных выпусков бумажных денег и твердо решившая привести в порядок русскую денежную систему, ввиду крайней государственной опасности, вынуждена была выпустить в тогдашней патриархальной и очень мало промышленной России непомерно огромное количество ассигнаций. Рядом с ними обращалось неведомое количество фальшивых, пущенных Наполеоном, которые тем не менее приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупная стоимость рубля в тогдашней крепостной и совершенно не промышленной России пала. Рубль дошел до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпусков ассигнаций в 1809-1815 годах даже завзятые доктринеры не решаются говорить о вреде бумажных денег. Между тем даже и здесь абсолютные знаки в виде ассигнаций, которые с болью сердца выпустил Александр I, принесли отнюдь не вред, а *явную и несомненную пользу*.

Чтобы это понять, достаточно мысленно отделить причину от следствия и взглянуть на *ассигнации* как на *показатель* народных жертв и напряжения народных сил для спасения России и Европы в 1812-1815 годах.

В 1807 году ассигнационный рубль стоил на серебро около 50 коп., в 1813 году — 25 коп. Другими словами, его внешняя стоимость понизилась за шесть лет наполовину. Предположим (хотя это и не так), что и внутренняя его стоимость упала также на 50 %. Кто в 1807 году имел 1 тыс. руб., тот фактически в 1813 имел 500, а к 1815 году — еще меньше; другими словами, потерял половину своего имущества. Относится это только к лицам, державшим деньги *на вкладах* в казенных банках, но отнюдь не к землевладельцам и промышленникам, ибо земли соответственно увеличивались в ценности, а промышленники подняли цены на свои товары. Пострадали, конечно, и они, как и вообще все население, но *их* убытки вознаградились широко увеличившимся трудом, а убытки непосредственно разоренных Наполеоном — правительственною помощью.

В результате нашествие неприятеля отражено, хозяйство в огромной полосе, опустошенной войной, восстановлено, Москва отстроена, русские войска вошли в Париж и спасли всю Европу. Расходы на все это покрылись ассигнациями, которые вызвали прямые убытки для групп рантьеров, косвенные убытки для всех и напряжение сил для классов трудящихся. Всего через год после Венского конгресса рубль уже поднялся со своей наинизшей цены в 1815 году, доходившей до 20 коп. за рубль, на 5 %; это указывало прямо, что народный труд стал самостоятельно залечивать раны, нанесенные войною.

Утверждаю с полным правом, что эти излишние в мирное время ассигнации явились в великую войну 1812 года не только *показателем* принесенных Россией жертв, но и драгоценнейшим *орудием*, посредством которого в огромной степени были облегчены самые жертвы и народная тягота разложилась и распределилась наиболее равномерным и вместе с тем наиболее легким способом.

XII

Итак, нижеследующий тезис можем считать доказанным.

Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания.

Но из этого же положения как вывод следует и обратное: под влиянием промышленного оживления и улучшенных условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания. В самом деле, в приведенном выше примере при определении момента полного насыщения страны знаками мы видели, что, например, новую железную дорогу приходится отложить за недостатком свободных инженеров, которые свои услуги стали ценить крайне высоко. Не ясно ли, что в обществе должно явиться усиленное стремление к инженерному и вообще техническому образованию и под воздействием этого толчка число инженеров и техников станет быстро возрастать? Лучшее вознаграждение и постоянное торжество труда должно могущественно подействовать на трудолюбие народа и усилить его, равно как и технические познания. Для предприимчивости являются также прекрасные примеры, а потому должна развиваться и она.

С другой стороны, не трудно видеть, что при условии обесценивания всякого рода труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труд? Врач, желающий практиковать в деревне, должен или получать жалованье от земства, или питаться чуть ли не Христовым именем, собирая с нищего населения яйца, полотенца и т. д.

Из всего сказанного до сих пор о бумажных деньгах в стране, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить все свои потребности, казалось бы, прямой вывод следующий: печатать бумажки, пускать их в обращение, оплодотворять народный труд и приостановить дальнейшие выпуски лишь тогда, когда жизнь

посредством указанных выше признаков даст понять, что знаков довольно, что новые бесполезны или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: если бы мы только знали *эти* признаки, если бы никаких *более точных приемов* к урегулированию денежного обращения наука дать не могла, даже и в этом случае можно было бы смело просить верховную власть печатать и выпускать в народное обращение бумажки. Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, *пустяки* в сравнении со страшным злом, обусловливаемым их заведомым недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения.

Начало обесценивания внутренней стоимости бумажной единицы, как уже было указано выше, подметить легко. Это всеобщее вздорожание продуктов труда и, главным образом, первой необходимости. Однако основываться только на этих признаках нельзя.

Промышленное развитие страны — вещь слишком сложная, и разнообразные кризисы наступают совершенно непредвиденно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владеющей запасными средствами.

Представим себе, что вдруг один из таких кризисов, разразившись над одной крупной отраслью народного труда, парализует и остальные. Народный труд сокращается, и тотчас же оказывается, что значительная часть абсолютных знаков является излишнею. Излишние знаки роняют тотчас же ценность остальных и важнейшее условие нормальной промышленной жизни — устойчивость денежной единицы — становится в опасности. Ясно, что *эти избыточные знаки должны быть немедленно сняты с рынка, извлечены из обращения*. Легко может быть, что через несколько месяцев эти знаки или еще большее их количество понадобится снова, но в минуту кризиса они должны быть удалены, иначе народный труд потерпит огромный ущерб. Другими словами, денежное обращение должно быть эластичным.

Мы подошли как раз к тому регулятору, о котором было упомянуто в начале. Этот регулятор может действовать почти автоматически и совершенно облегчить как практические приемы учреждения, ведающего денежным обращением, так и тяжкую нравственную ответственность главы государства. *Он устраняет из финансовых мероприятий правительства все неточное, гадательное, произ-*

XII

Итак, нижеследующий тезис можем считать доказанным.

Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания.

Но из этого же положения как вывод следует и обратное: под влиянием промышленного оживления и улучшенных условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания. В самом деле, в приведенном выше примере при определении момента полного насыщения страны знаками мы видели, что, например, новую железную дорогу приходится отложить за недостатком свободных инженеров, которые свои услуги стали ценить крайне высоко. Не ясно ли, что в обществе должно явиться усиленное стремление к инженерному и вообще техническому образованию и под воздействием этого толчка число инженеров и техников станет быстро возрастать? Лучшее вознаграждение и постоянное торжество труда должно могущественно подействовать на трудолюбие народа и усилить его, равно как и технические познания. Для предприимчивости являются также прекрасные примеры, а потому должна развиваться и она.

С другой стороны, не трудно видеть, что при условии обесценивания всякого рода труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труд? Врач, желающий практиковать в деревне, должен или получать жалованье от земства, или питаться чуть ли не Христовым именем, собирая с нищего населения яйца, полотенца и т. д.

Из всего сказанного до сих пор о бумажных деньгах в стране, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить все свои потребности, казалось бы, прямой вывод следующий: печатать бумажки, пускать их в обращение, оплодотворять народный труд и приостановить дальнейшие выпуски лишь тогда, когда жизнь

посредством указанных выше признаков даст понять, что знаков довольно, что новые бесполезны или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: если бы мы только знали *эти* признаки, если бы никаких *более точных приемов* к урегулированию денежного обращения наука дать не могла, даже и в этом случае можно было бы смело просить верховную власть печатать и выпускать в народное обращение бумажки. Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, *пустяки* в сравнении со страшным злом, обусловливаемым их заведомым недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения.

Начало обесценивания внутренней стоимости бумажной единицы, как уже было указано выше, подметить легко. Это всеобщее вздорожание продуктов труда и, главным образом, первой необходимости. Однако основываться только на этих признаках нельзя.

Промышленное развитие страны — вещь слишком сложная, и разнообразные кризисы наступают совершенно непредвиденно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владеющей запасными средствами.

Представим себе, что вдруг один из таких кризисов, разразившись над одной крупной отраслью народного труда, парализует и остальные. Народный труд сокращается, и тотчас же оказывается, что значительная часть абсолютных знаков является излишнею. Излишние знаки роняют тотчас же ценность остальных и важнейшее условие нормальной промышленной жизни — устойчивость денежной единицы — становится в опасности. Ясно, что *эти избыточные знаки должны быть немедленно сняты с рынка, извлечены из обращения*. Легко может быть, что через несколько месяцев эти знаки или еще большее их количество понадобится снова, но в минуту кризиса они должны быть удалены, иначе народный труд потерпит огромный ущерб. Другими словами, денежное обращение должно быть эластичным.

Мы подошли как раз к тому регулятору, о котором было упомянуто в начале. Этот регулятор может действовать почти автоматически и совершенно облегчить как практические приемы учреждения, ведающего денежным обращением, так и тяжкую нравственную ответственность главы государства. *Он устраняет из финансовых мероприятий правительства все неточное, гадательное, произ-*

вольное и создает совершенно ясные условия выпуска и погашения денежных знаков.

Представим себе следующую схему.

Я веду промышленное дело. Обороты и производство временно сократились, на руках у меня остались свободные знаки, девать которые некуда. Рядом умер мой товарищ. Вдова ликвидировала дело, и у нее на руках свободные деньги. Если этим деньгам не дать естественного убежища, они неминуемо будут угнетать промышленность, ибо их владельцы будут искать им помещения, будут друг перед другом ронять услуги капитала.

Представим себе, что государство входит в роль посредника по помещению этих денег. Оно открывает специальную кассу, куда всякий желающий приносит излишние у него денежные знаки. Касса выдает ему *вкладной билет*, приносящий небольшой процент. Деньги эти накапливаются.

Что может и что должно государство делать с этими деньгами и откуда будет оно платить проценты по вкладам?

Если мы припомним выдачу Ивану Сидорову 300 руб. из 5 %, мы сразу поймем, что эти 300 руб. могут быть прямо взяты из вкладов, а проценты будут уплачены из взятых с Ивана Сидорова процентов. Иван Сидоров платит за ссуду 5 %, государство дает вкладчику 4 %, а 1 % идет на расходы по организации дела и в доход государства.

Если мы заглянем назад в историю русских финансов, мы найдем приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системою старых банковских учреждений, сохранными казнами, приказами общественного призрения, ассигнационными, коммерческими, заемными и ссудными банками. Система эта оказала огромные благодеяния старой, дореформенной Руси, хотя самый кредит и был довольно односторонним, направляясь почти исключительно в землю в виде долгосрочных ссуд дворянству. И тем не менее теперь трудно даже себе представить, как при тогдашней несвободе труда, при отсутствии почти всякой предприимчивости в среде поместного класса, при гораздо меньшем населении, при отсутствии железных дорог*

* По недавно сделанному расчету одно *несовершенство организации железнодорожных расчетов* связывало, то есть извлекало из обращения, несколько десятков миллионов руб. знаков. Теперь это зло устранено системой взаимного расчета дорог при посредстве Государственного банка.

и страшной медленности оборотов, при 20 млн бесплатных рабочих, денег почти не видавших, могла Россия вмещать такое огромное количество золотых и бумажных денежных знаков. Россия, при всем ее патриархальном характере, при отсутствии фабрик и заводов, при натуральном обмене, была очень богата. Едва ли в 40 лет успели мы расточить накопленное дедами, да и то после бешеной оргии. Теперь мы действительно обеднели, мы убили и закабалили труд, а главное, мы беспощадно опустошили землю хищническим хозяйством. Но довольно вернуться нам к здравой, самой историей оправданной финансовой системе, довольно ввести настоящее абсолютное денежное обращение и правильно организовать народный кредит, чтобы в несколько лет все грехи были поправлены и Россия снова разбогатела.

Как это ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически денежную систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денежных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа «молодых финансистов» с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и, после тридцатилетнего владычества, сдала Россию в том ужасном виде, в котором она теперь находится.

Читатель, интересующийся подробностями этого поистине нашествия на Россию «молодых финансистов», найдет все данные в нашей книге *«Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве»*, в главе «Как разоряются государства?» Здесь мы отметим лишь главные основания так называемых финансовых реформ 1856-1864 годов.

После Крымской войны вследствие либерального тарифа курс рубля на золото немного упал. Было признано, что виною этому *изобилие бумажных денег.*

Чтоб их уничтожить, признано было необходимым их консолидировать, то есть вывести из обращения, превратить в процентные бумаги. Были выпущены процентные займы. Явился на рынке избыток бумаги-товара.

Россия брать этот товар не желала даже по 70 коп. за рубль. Она хотела трудиться. Лишние деньги по-прежнему не хотели прятаться в бумагу-товар, а шли во *вклады* в старые банки, где вкладные билеты менялись во всякое время.

Понизили уплачиваемый за вклады процент до 2, чтобы выгнать эти вклады и силой вогнать их в товар-бумагу или в акции множества основанных в это время иногда совершенно нелепых дел.

Процентные бумаги все-таки не шли.

Тогда разгромили старые банки, создали Государственный банк и конвертировали вклады *насильно.*

Бумагу-товар в виде выкупных свидетельств выдали поместному классу, до того нуждающемуся в знаках, и эти выкупные свидетельства, *обеспечивавшие 5 дохода, отдавали по 65 коп. за рубль.*

Уничтожили старые ипотечно-кредитные учреждения. Поместный класс лишили всяких оборотных средств и затем сдали в жидовскую эксплуатацию частным банкам.

Четверть века подряд делали огромные долги, чтобы восстановить металлическое обращение, и кончили полным крушением международной ценности рубля.

Все это совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

4 млрд бесполезного долга, в том числе около половины на золото;

огромные бюджетные назначения на уплату процентов;

широко развитые за наш счет германская железная промышленность и машиностроение;

огромный ввоз иностранных товаров в Россию;

сеть железных дорог, обремененная почти неоплатным долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов;

разорение поместного и земледельческого классов;

биржевая игра русскими фондами;

ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде, ради самосохранения;

унижение труда, торжество всякой наживы, спекуляций и хищничества;

понижение нравственного уровня; отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей; нигилизм, анархисты...

Пусть не смущается читатель, что мы вводим сюда эти чисто нравственные величины. Зависимость труда от денежной системы мы, надеемся, доказали. Зависимость нравственной атмосферы страны от форм и положения труда в ней, мы полагаем, нечего и доказывать.

Вот что дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин. Теперь это минувший тяжелый сон. Но, несмотря на полное крушение доктрины, хвалиться нам нечем. Доктрина исчезла, однако биржевой период государственного хозяйства не только не закончился, а принимает формы самые нежелательные...

XIII

Регуляторами денежного обращения в России были: Ассигнационный банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой - агентурами, принимавшими на вклады свободные средства публики. Реформаторы, «молодые финансисты», объединили управление денежным обращением в построенном на совершенно иных началах Государственном банке и его отделениях.

Против самой идеи объединения всех народно-хозяйственных денежных операций в одном учреждении и выделения отсюда хозяйства собственно государственного (что осталось за Государственным Казначейством) возразить ничего нельзя. Это две области совершенно различные. Управление денежным обращением не должно и не может иметь ничего общего с управлением государственною росписью, с государственным хозяйством в тесном смысле слова, хотя кассоводство может и должно быть общее.

В прежних учреждениях при всех их практических отличных качествах не бьио строгой системы, не был о надлежащего единства. Но этот недостаток с избытком вознаграждался простотою и целесообразностью их действий. Процентных бумаг и акций вовсе почти не было, а, следовательно, не было ни фондовой игры, ни биржевой горячки со всем ее безобразием, ни уплаты государством пенсий огромному классу тунеядцев.

У вас были лишние или свободные деньги. Вы их несли на вклад в сохранную казну или приказ общественного призрения. По это-

му вкладу вам платили проценты, но в эти проценты не шло *ни одной копейки из государственного бюджета,* кроме тех случаев, когда заемщиком являлось само государство. Платили те, кто при посредстве казны нанимал ваш капитал, пользовался его услугами. Правительство одною рукою брало, другою выдавало. Брало наличные деньги на вклады, выдавало ссуды земледельцам (долгосрочные, под залог имений), промышленникам и купцам. Участие собственно государственного хозяйства в этих операциях заключалась в том, что государство в трудные для казначейства минуты делало заимствования из свободной наличности, причем иногда притеснялся несколько частный кредит, лишь бы избежать новых выпусков денежных знаков; впрочем, это неудобство парализовалось постоянным избытком ввоза драгоценных металлов над их вывозом во все время управления гр. Канкрина.

Превосходным регулятором, действовавшим автоматически, эти старые учреждения были потому, что по движению вкладов можно было всегда с большой точностью судить о состоянии промышленности и торговой деятельности в стране. Число вкладов увеличивалось, и росли их суммы. Это показывало, что промышленность в застое, что деньги ищут помещения. Увеличивалось количество требований — это указывало прямо на оживление торговых дел, то есть на нужду страны в знаках. Центральному народно-хозяйственному учреждению указывался сам собою путь и представлялась полная возможность разумно воздействовать на денежное обращение, то расширяя, то суживая обе свои двери. Вклады чрезмерно приливают. Промышленность в застое, чем ее оживить? Удешевить несколько наем капитала. Достаточно немного понизить платимый по вкладам процент и равномерно понизить же и процент по ссудам. Обратно: вклады уходят, чувствуется чрезмерное, может быть, даже нездоровое оживление промышленности. Чем его остудить? Удорожить несколько капитал, дать поощрение *спокойствию* в ущерб *предприимчивости,* поднять процент и по вкладам, и по ссудам. Но это оказывается не горячка, а здоровое развитие промышленности? Признаком будет подъем цены на услуги частных капиталов. Производство или торговля сулят такие выгоды, что при затрудненном казенном кредите *стоит* заплатить и больший процент частному владельцу капитала. Но у этого частного владельца капиталы в тех же вкладных билетах. Поощряемый премией от заемщика, он идет их менять, несмотря на то, что платимый ему процент повышен. Ясно, что потребность в деньгах возросла, а признак тому самый точный налицо: *возвышение процента по вкладам* (умеренное, конечно) *не останавливает отлива вкладов, возвышение процента по ссудам не останавливает требования ссуд.*

Тогда выпускаются бумажки и путем ссуд или возврата вкладов идут в народное обращение.

Не будем забывать, что при системе бессрочных вкладов вкладной билет на предъявителя, свободно переходящий из рук в руки, есть, в сущности, рентовый билет Цешковского, *те же деньги,* и потому потребность страны в новых знаках в канкриновское время выражалась почти исключительно более быстрым или медленным обращением вкладных билетов.

Обратно: понижение' процента по вкладам, удешевление ссуд не останавливает вкладчиков и не поощряет берущих ссуды. Бумажки накопляются в кассах. Что с ними делать? Они лишние. Хотите — жгите, хотите - заприте и поберегите, если они еще не очень истрепались и могут идти вновь в случае нужды. Хотите, наконец, усиливайте промышленность искусственно или начинайте государственные предприятия вроде Сибирской железной дороги.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы идеализировать чрезмерно эту нашу старую денежную систему. В ней были крупные недостатки, поскольку именно она не была свободна от металлического предрассудка, положенного гр. Канкрином в основу его реформы 1839 года, и поскольку существовавшее в полном расцвете своем крепостное право искусственно задерживало переход России из страны чисто земледельческой в страну земледельческо-мануфактурную.

Важно лишь то, что все задатки превосходной абсолютно-денежной системы у нас были самобытно выработаны историей. Все старые нестройные и неловкие, может быть, государственно-кредитные учреждения не были *придуманы* в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими государственными *практиками* в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если б среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того чтобы злобно топтать в грязь *все,* что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели

бы теперь настоящую, отвечающую и науке, и нашим нуждам денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалетний опыт послужит нам на пользу.

XIV

Вся задача денежной системы, основанной на ссудах и вкладах, движущихся автоматически, заключается в постоянном присутствии в обращении такого количества денежных знаков, которое точно соответствует нуждам рынка, то есть размеру совершающихся сделок. Система будет правильно действовать, очевидно, лишь тогда, когда ее автоматический регулятор будет *держать покупную силу, внутреннюю стоимость рубля на одном постоянном уровне.*

Для достижения этого идеального качества денег, которым, очевидно, не обладает ни золото, ни серебро, представляющие товар, никакого другого пути нет, кроме приискания некоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. В области измерений ценовых величина измерителя не может быть подогнана ни к каким постоянным вещественным величинам. Метр как длина одной сорокамиллионной окружности меридиана, ярд как длина секундного маятника в Гринвиче, звездные сутки как время прохождения Землею $'Д_{65}$ земной орбиты опираются на постоянные величины. В области цен таких постоянных *реальных* величин нет и быть не может. Все волнуется и колеблется вокруг некоторых *идей*, единица ценностей есть поэтому *идейная единица* и ее *постоянство* (в данном случае покупная сила) соответствует не произвольно избранной реальной величине, а некоторой *равнодействующей определенных экономических условий.*

Единица меры ценностей не может опираться ни на какую другую измеряемую ею цену, ибо все цены колеблются и часто в полной независимости одна от другой. Открыли Америку — подешевело золото. Ввели в Индии и Австралии обширные посевы пшеницы — упали цены на хлеб. Изобретены новые способы добычи или выделки тех или других металлов или изделий — цены резко переместились. Меняются цены на землю, на труд, на все. *Отыскать что-либо реальное, имеющее постоянную ценность, немыслимо.* Принять что-либо за эту постоянную ценность *условно,* вроде известного труда в форме рабочих часов или иной, как добивались

«утописты», — бесполезно. В. Белинский в своей замечательной статье в *«Русском Деле»* о переустройстве нашей денежной системы рекомендовал принять в основание денежной единицы сумму всего достояния Русского государства и ее известную долю назвал рублем. Но эта условность, не принося ни малейшей пользы, лишает бумажные деньги их главного качества — *постоянной внутренней стоимости.* В самом деле, если принять сумму достояния государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постоянным, а мы видели уже, что таковым оно быть не может. При постоянном количестве знаков будет именно беспрерывно изменяться их внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютным их количеством, а *потребностью в них, их движением.*

Мерилом, следовательно, постоянства денежной единицы может служить нечто иное, *лежащее вне области собственно цен.* Сделаем попытку принять за такое мерило *отношение главного народного труда* в стране *к его вознаграждению и окружающей трудящихся обстановке.* Я попытаюсь сейчас это доказать.

Возьмем наш главный народный труд — земледелие. Для государственной и народной жизни в России он первее и важнее всего. К нему должны прилаживаться и на него оглядываться *все другие виды русского труда.* Пусть цветут, как угодно, фабрики, пусть развиваются все виды внедеревенского труда, но если земледелие зачахнет, благосостояние иных форм производительности будет подорвано. Итак, корень в земле и земледельце, в его труде, в его потреблении. Если этот труд хорошо вознаграждается, если, с одной стороны, от земли не бегут, а с другой — ею не спекулируют и за нее не грызутся, если земледелец живет сыто и спокойно, то есть является потребителем, и притом нормальным, и фабричного, и всякого много, в том числе и умственного труда, то это прямо указывает, что в стране (земледельческой, понятно, в данном случае речь идет о России) денежная система хороша, а главный признак хорошей денежной системы — *постоянство ее денежной единицы.*

Мысль об этом соотношении между постоянством денежной единицы и обстановкой главного труда в стране была впервые высказана Мальтусом[163], но в форме довольно туманной, ибо и этот экономист не был свободен от золотого предрассудка. Развить это положение и доказать его особенных трудностей не представляет.

Попробуем проследить за таким рассуждением.

Денежная единица *должна* иметь столь же отвлеченный и постоянный характер, как и другие единицы меры, то есть ее *нужно* приурочить к постоянной величине. Такой величины нет, но *предположим*, что мы ее отыскали, к ней нашу единицу приурочили и взяли некоторую отвлеченную ценность, ну, хоть тот же бумажный рубль. Его ценность, основанная на доверии к верховной власти и на соответствии количества знаков с нуждами народного обращения, изменяется беспрерывно по отношению ко всем другим ценностям. На золото она сегодня 65, завтра 68 коп., на хлеб, сахар, землю, рабочую плату и т. д. она также сегодня одно, завтра — другое. Является вопрос: чья, собственно, ценность меняется? Самого ли рубля или товаров, изделий, заработных плат вокруг него? Как этот вопрос разрешить? Изучая вздорожание и удешевление разных предметов, мы находим, что каждая из цен устанавливается независимо от денежной единицы, *если она постоянна* (а это, не будем забывать, у нас *предположено*), и независимо друг от друга (сахар может вздорожать, миткаль подешеветь, золото вздорожать, хлеб подешеветь и т. д.). Ясно, что в области реальных ценностей искать постоянного основания для денежной единицы бесполезно, и на поставленный вопрос: рубль ли меняется в своей цене или предметы вокруг него — ответа мы здесь не найдем. Но нам необходима постоянная единица меры ценностей. Нам нужно *знать, убедиться*, что предположенное постоянство рубля не предположение, а *факт*. Значит, нужно искать посторонних *признаков* постоянства. Является такой силлогизм.

1) Денежная система в стране может быть совершенной лишь тогда, *когда ее денежная единица* (отвлеченная или реальная) *постоянна*.

Золото этой постоянной единицей быть не может, ибо его собственная ценность беспрерывно колеблется: а) вследствие изменяющегося его количества в мире — не пропорционально изменениям в промышленности, в торговых оборотах; б) вследствие различных международно-торговых комбинаций. В одной стране, выгодно торгующей (Франция, Америка), золото может скопляться и обесцениваться, в другой (Россия, Австрия) — дорожать. Во Франции может быть лаж на банковские билеты, в России — на золото.

2) Денежная система может быть тогда названа совершенной, когда совершаемые ею сделки учитываются и ликвидируются вполне правильно, то есть когда главный народный труд находится при данных законодательствах и иных условиях в самой лучшей обстановке, то есть: а) когда за денежными средствами (знаками) нет и не может быть остановки; б) когда цены на труд и на продукты устанавливаются естественно, то есть по внутренним условиям народного быта и труда, а не под давлением денежного рынка (например, я продал лен дешево *только* потому, что его большой урожай, а не потому, что был вынужден продать за недостатком кредита. Обратно: рабочий взял с меня 15 руб. в месяц потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалил его предыдущею зимой. Говорим *главный труд* потому, что главный труд является и главным потребителем, то есть прямо обусловливает *все* остальные виды труда.

Следовательно, предположенное нами постоянство ценности рубля как денежной единицы станет фактом и вместе с тем теоретически будет доказано тогда, когда основанная на этом денежная система создаст наилучшую качественную обстановку для главного вида народного труда (в России — земледелие).

Просим непредубежденного читателя вникнуть поглубже в наш *прием* доказательства. А вот и проверка в обратном направлении.

Количество рублей будет изменяться, все цены — тоже. Но человек, имеющий 1 тыс. руб., будет знать, что он имеет нечто тождественное и сегодня, и завтра, и через год.' Подешевеет квартира, вздорожает прислуга, подешевеет хлеб, газеты, фрукты, вздорожает мясо, подешевеет платье, поездки, вздорожают уроки и т. д. Но *средняя, равнодействующая*, будет одна и та же; другими словами, труд, освобожденный от искусственного давления денежного рынка, будет учитываться свободнее, а следовательно, справедливее. Не будем забывать основной идеи денег: облегчить расчеты, отнять у денег их *собственное, самостоятельное значение*, устранить те замешательства, которые вносит в жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установке цен, свободному взаимодействию труда, знания и капитала. Идеал денег — *вполне облегченный учет работы этих трех элементов, свободный от всякого влияния самих знаков.* Знаки должны быть нейтральны, безразличны и, *следовательно*, постоянны. Где же может быть проверка этого постоянства? В свободе и доброй обстановке главного труда. Практически это постоянство заключается именно в том, что государство

путем вкладов и ссуд может держать в обращении как раз потребное число знаков. Практика и теория здесь вполне сходятся. Центральное государственное кредитное учреждение является сердцем, вклады и ссуды — кровообращением. Постоянство денежной единицы — ровностью пульса.

Итак, вот где, по нашему мнению, ключ к чрезвычайно важному закону денежного обращения, определяющему постоянство абсолютной денежной единицы. Формулировать этот закон можно так.

Постоянство денежной единицы, то есть неизменность ее внутренней ценности, или покупной силы, зависит не от количества обращающихся знаков, а от соответствия этого количества с потребностями в каждую данную минуту народной производительности. Соответствие это определяется качеством обстановки, в коей находится при данных внешних условиях главный основной вид труда в стране.

Надеемся, что после сказанного не может быть никаких недоразумений для практического приложения этого закона.

Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков — вот настоящий, почти автоматический *регулятор* денежного обращения.

Внимательная, добросовестная оценка условий сельской жизни и земледелия — вот его превосходный нравственный *контроль*. За все остальное бояться нечего. Давным-давно сказано: сыт мужик, сыт барин, сыт фабрикант, сыт чиновник, сыт ученый — богато и сильно государство, богат и славен монарх. И наоборот, pauvre paysan — pauvre roi[164], а если бедность на обоих этих концах, то не может быть благоденствия и посредине.

XV

Обратимся теперь к рассмотрению роли и значения в нашей денежной системе *процентных бумаг* и к проверке этой роли с научной стороны.

Господа «молодые финансисты», приступив к разрушению старой нашей системы финансовых учреждений, прежде всего постарались ввести вместо вкладов, *не допускавших биржевой игры*, процентные бумаги или *бумагу-товар*. Сделано ли это было по крайнему легкомыслию, в угоду европейской доктрине, или лежало

в основании нечто совсем другое, называющееся совсем иначе, но в результате получилось вот что:

государство добровольно само себе связало руки и фактически отреклось от управления денежным обращением;

свободные капиталы были изъяты из народного обращения и скрыты в бумагу-товар;

положено было прочное начало тунеядству на государственный счет и широкой биржевой игре;

земледелие и промышленность были лишены орудия обращения - денег.

Все это находилось в тесной зависимости от введения системы внутренних и внешних займов, то есть от выпуска государственных процентных бумаг.

Попытаемся же научным образом осветить значение в народном и государственном хозяйстве процентной бумаги и постараемся ответить на вопрос: *должно ли государство вообще делать займы и не дает ли система абсолютных денег возможности обходиться без них вовсе?*

Из предыдущего изложения мы уже видели, что государственное хозяйство идет или должно идти совершенно независимо от денежного обращения, входящего в область хозяйства народного, коего государственное хозяйство составляет лишь некоторую часть. Среди общей суммы оборотов фабрики есть специально «расходы по управлению». То же и в крупном земледельческом хозяйстве. В государстве бюджет, обнимающий собой множество отраслей, при всей его сложности, сводится опять же к управлению, внешней защите, просвещению, суду и т. д., то есть имеет дело с теми внешними формами, внутри которых идет самостоятельная народная жизнь с ее трудом, капиталами, землевладением, торговыми оборотами и прочим.

Государственный бюджет представляет всенародную складчину на содержание государственного аппарата, расходуемую государственными органами. Каждый из трудящихся членов, равно как и каждый капиталист, привлекается к этой складчине в доле своего имущества или дохода. Государственная рамка для страны необходима, а потому неизбежны и налоги на ее содержание. Чем более усиливает государственная организация народную производительность (или чем больше способствует нравственному подъему наро-

да), тем выгоднее и приятнее участвовать в этой статье расхода гражданам. Бывают исторические минуты, когда находящаяся в опасности государственность так любезна и дорога, что граждане отдают на ее спасение свое имущество или поголовно вооружаются и идут ее выручать (Нижегородское движение 1612 г.). Но бывают, наоборот, такие условия, при которых государство, разошедшееся в лице правящего класса с действительной народной жизнью, эгоистически развивающееся вне народной жизни, независимо от нее и *над нею*, становится крайне тяжелым для граждан и требует от них совершенно непосильных жертв. Жизнь в этих искусственно утяжеленных рамках становится невыносимою, а государственность ненавистною. Современному немцу или члену Австрийского государства приходится огромную долю своего труда расходовать ради целей своей государственности, в под держку таких стремлений правительства, которые не только не дают народной жизни и труду ничего в настоящем, но несут за собою ряд великих опасностей в будущем.

Но если государства Австрийское и Германское могут, по крайней мере, с одной стороны, похвалиться величайшими заботами об этой обремененной налогами и военными расходами народной жизни, а с другой стороны, могут хоть софизмами оправдать ту идею, которая вызывает столь огромные тягости (для Германии опасность от России и Франции, для Австрии чувство самосохранения от панславизма), то мы ничего не можем привести в объяснение нашего невыносимо тяжелого положения, кроме великого недоразумения, завещанного группой «молодых финансистов» и продолжающегося до сего дня.

В самом деле: наши военные расходы, падающие на каждого жителя, попросту ничтожны сравнительно с расходами других великих держав. Стоимость содержания нашего государственного аппарата, или наш расходный бюджет, также относительно невелика. А между тем ни австрийцу, ни германцу так не тяжело жить и платить государству, как нам. Зло, угнетающее нашу народную жизнь и парализующее наш народный труд, состоит в том, что введенная у нас тридцать лет назад финансовая политика систематически заменяла деньги — орудие обращения, деньги — прежний капитал производства государственными процентными бумагами, являющимися не чем иным, как *свидетельствами на получение от государства некоторого постоянного содержания без всякого труда.*

Вот простейшая схема того, что было придумано г. Ламанским «со товарищи». При прежней системе дело обстояло так:

Я капиталист. Сейчас у меня нет своего предприятия, я сложил деньги на вклад и получаю процент. С кого я получаю? С того, кто при посредстве государства работает на мои деньги, кто взял их взаймы на промышленное дело, земледелие или торговлю. Я желаю начать дело сам. Я иду с моим вкладным билетом в кассу и в любую минуту освобождаю мой капитал. При этом, если тот, у кого мои деньги, продолжает работать, государство дает мне новые деньги. Выпуск их в обращение совершенно понятен. Работал *А*, обращалось количество денег *а*. Пришел и начал работать, *кроме того*, *Б*, явилось новое количество знаков *б*. Работа увеличилась, стала *А + Б*, денежное обращение тоже увеличилось и стало *а + б*.

По системе гг. Ламанских.

Я капиталист. Деньги у меня свободны. Я отдаю их государству и получаю некоторую бумагу, у которой обеспечена не *стоимость ее* (эта стоимость устанавливается на бирже), а *известный* довольно большой *доход* (чтобы приохотить меня к держанию бумаги, которая колеблется от первого ветра и трепещет от мановения бровей Г.Ротшильда). Куда девались мои деньги? Они сожжены государством в печи во дворе Государственного банка. Зачем сожжены? Потому что г. Ламанский нашел, что знаков избыток. Но кто же мне будет платить проценты? *Государство из своего бюджета.* Но откуда же они возьмутся в бюджете? *А правительство взыщет необходимую сумму в виде налогов.*

Эта схема математически точна с действительностью. Продолжим ее благополучно до нынешних дней, и мы увидим, что чуть не половина нашего бюджета состоит вот из этих платежей по бесчисленным купонам — и внутренним, и внешним. Огромное количество людей, у которых были прежние сбережения, ничего другого не делают, как в известные сроки стригут купоны и несут их менялам или в казначейство, а исправники и становые рыщут, выколачивая подати, чтобы казначейству дать средства платить по этим купонам.

Нам возразят: но ведь не для того же государство делало займы и выпускало процентные бумаги, чтобы *только* жечь кредитные билеты. На эти бумаги оно совершило огромную крестьянскую выкупную операцию, на них же выстроило сеть дорог и пр., и пр.

На это ответ один: нет, именно и только для того выпускали гг. доктринеры займы, чтобы *жечь бумажки* или не выпускать их в необходимом для страны количестве, то есть *жечь их мысленно*. Доказать это нетрудно. Просмотрим все три главные операции.

1) Выкупные свидетельства. До реформы, при обязательном труде, между владельцем и крепостными на барщине денежных знаков почти не нужно было. Читается манифест 19 февраля. Все стало делаться на деньги. Владелец на все *нанимает* и за все *расплачивается*. Крестьяне за все *платят*. Знаков против прежнего нужно, по крайней мере, втрое, ибо сразу все сделки переходят из натуральных на денежные. Если бы выкуп был совершен на вновь выпущенные для этой цели кредитные билеты, их бы едва-едва хватило для новых условий денежного обращения, ибо всем — и барину, и мужику — пришлось заводить совсем новое хозяйство. Вместо этого были выпущены процентные бумаги, а, с другой стороны, «консолидировали» «излишние» (!) знаки и жгли кредитки, обменивая их на особо выпускаемые банковские билеты. И вдобавок у помещика удержали весь капитальный долг, сделанный им в опекунском совете, и выдали только разницу в виде выкупных свидетельств.

Бросился барин искать денег на свое новое хозяйство, бросился и мужик. Барин продал свое выкупное свидетельство за 65 коп. за рубль, кулак, чтобы дешево купить мужицкий труд и продукт, продал полученную им банковскую бумагу (вместо прежнего вклада) тоже за 65-70 коп. и начал эксплуатировать и барина, и мужика.

Спокойные капиталисты в это время купили 5 %-ную ренту за 65 коп., то есть начали на свой капитал получать почти 8 % *от государства* в виде пожизненной пенсии за то только, что направили свой капитал не непосредственно в дело, а в печь во дворе Государственного банка.

Надеемся, можно смело сказать, что выкупные свидетельства *заменили собою те бумажки*, которые было необходимо выпустить ради удержания на надлежащей норме денежного обращения после 1861 года, вместо этого:

Осталась земля и на ней барин и мужик с голыми руками, с обесцененным трудом, без оборотных средств, а кругом них, словно вампиры, денежные спекулянты, для которых 8 % в виде купонов было мало, ибо около изнемогавших в агонии землевладельцев

и земледельцев можно было погреть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали!

Этот мартиролог изложен в самых ярких чертах не газетными репортерами, а правительственной комиссией по исследованию упадка сельского хозяйства, работавшею еще в 1873 году!

2) Железные дороги. Мы уже видели, как действуют железные дороги на денежное обращение в стране. При постройке увеличивается народный труд и возрастает нужда в знаках. По окончании постройки и открытии эксплуатации эта нужда еще более возрастает. Железная дорога — новый кровеносный *сосуд в* организме. Прибавилось сосудов и стало быстрее кровообращение, ясно, что крови должно быть больше. Вместо этого кровь постепенно выпускали. *Для* постройки железных дорог употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, так бы и остались впоследствии в народном обращении; наоборот, привлекали готовые капиталы, а так как таковые не приливали изнутри, ибо и без того попрятались в процентные бумаги, так как этих процентных бумаг и без того было наводнение, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русский, а за иностранный труд.

Получилось: создание за границей огромного класса русских кредиторов; возрождение за границей народного труда. Внутри России: расширенная система кровеносных сосудов при выпущенной крови; пустая, а потому бездоходная сеть дорог среди нищего населения сел, сеть, обремененная неоплатным долгом, проценты за который приходится изыскивать все с того же обнищавшего населения.

Ясно, что и здесь мысленно сожжены те же бумажки, которые нужно было выпустить для постройки *и эксплуатации* (то есть увеличенных оборотов промышленности) русской сети дорог.

3) Займы, сделанные явно с целью прямо жечь деньги, например, Восточный заем и другие, нечего и разбирать.

Мы рассмотрели обстоятельно значение процентных бумаг в истории наших финансов и нам хотелось бы показать теперь, что *система денежного обращения в экономически самостоятельной стране, основанная на абсолютных знаках, вовсе не нуждается в процентных государственных бумагах и не требует ни одной копейки из государственного бюджета для оплаты процентов.*

К доказательству этого положения мы и переходим.

XVI

Главное зло современных государств, процентные займы, внутренние или внешние, неизбежные при золоте как деньгах, могут быть совершенно устранены при абсолютно денежном обращении и при правильной организации государственного и народного кредита.

Из цивилизованных стран нет в эту минуту ни одной, которая удовлетворялась бы одною формой денег — благородными металлами или одним золотом. Повсюду рядом со звонкою монетой циркулирует большее или меньшее количество ее суррогатов, разменных банковских билетов, настоящих *кредитных* денег. Основная черта этого денежного обращения - разменность банковских билетов каждую минуту на металл. Приостановка этого размена равносильна государственному банкротству. Это обман и насилие над подданными. Во избежание этого обмана и всяких искушений для парламентарного государства, орган денежного обращения в стране *отнимается у правительства* и ставится особняком, ограждаясь от всяких на него воздействий серьезными и положительными статутами*[165].

Совершенно тот же вопрос поднимался и у нас при основании Государственного банка в I860 году; до сих пор еще существуют серьезные люди, которые проповедуют необходимость выделить наш центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. Что эта идея имеет почву - статьи г. Гурьева[166] в *«Новом Времени»*, «ученого секретаря Ученого Комитета» Министерства финансов (да-да, есть такой титул двойной учености), помещенные в начале 1893 года.

Читателю этого исследования названные статьи, наверное, показались необыкновенно смешными и наивными. 1урьев доказывает без малейшей улыбки, что передавать Государственный банк акционерной компании невозможно. Да кто же может в здравом уме и твердой памяти предложить противоположную комбинацию? Другими словами, кликнут клич по всему европейскому Израилю: «Милостивые государи! Не будет ли вам угодно получить в ваше заведование экономическое сердце России? Приходите к нам, составляйте акционерную компанию, получайте золотой фонд, печатайте бумажки и заведуйте нашим денежным обращением; то есть *берите в полное владение с правом жизни и смерти: наше сельское хозяйство, фабричную и заводскую промышленность и нашу торговлю, словом, весь наш народный быт и труд во всех его видах*. Государство от всего этого отрекается, ибо оно верит, что вы с этим лучше справитесь, чем оно само. Вы, конечно, на всем этом будете наживаться, но ведь это дело торговое».

* Лучшее доказательство серьезности этих гарантий — разоблачение бывшего французского министра Рувье, что ему приходилось за недостатком наличности в секретных фондах «перехватывать» у частных лиц. Даже такие не стеснявшиеся люди, как французские министры и «представители народа», во Французский национальный банк, по-видимому, запустить руку не могли.

В этих словах нет ни тени преувеличения. Читатель недоумевает и спрашивает, какой смысл в этом приглашении акционеров, в этом устранении правительства от самого центра государственного дела? Что дадут акционеры, управляющие Банком? Верно, есть же какая-нибудь идея в этом желании?

Идея, несомненно, есть. Вот она: *акционерный банк поставит народное денежное обращение в полную независимость от правительства*. Но зачем же это нужно? А затем, чтобы министру финансов в трудную для государства минуту не пришло искушение смешать источники собственно денежного обращения с источниками бюджетными, другими словами, чтобы государственная власть не могла *ограбить подданных*.

По-видимому, даже предположить что-либо подобное уже есть своего рода безумие? Ничуть не бывало! Находятся на Руси органы и публицисты, которые хоть и не столь грубо открыто, но высказывают совершенно то же самое.

Дело вот в чем. Существует Государственный банк и ведает *народным* денежным обращением. Существует Государственное Казначейство и ведает *государственными* приходами и расходами. И там, и здесь суммы разные, и смешивать их невозможно, ибо все экономические отправления тотчас же придут в расстройство. Поэтому и ведется, например, такой счет: наличность Государственного банка (собственная) такая-то. Кроме нее, имеются в Банке суммы, принадлежащие Государственному Казначейству такие-то. Представим себе, что вследствие неурожая или других условий подати задержи-

ваются или государству предстоит экстренный расход. Собственных сумм Государственного Казначейства может не хватить. В это время собственная наличность Банка может быть очень велика и лежать непроизводительно. Граф Канкрин, да и все почти русские министры финансов, кроме упорных доктринеров, делали следующее: они заимствовали из банковской наличности и, по мере поступления государственных доходов, пополняли эту наличность. У графа Канкрина был в особенности неисправим один предрассудок: он как огня боялся займов и налогов, а потому предпочитал довольно грубо нарушать теорию и в бухгалтерском смысле допускал произвол, лишь бы не отягощать народ по купонам. Велось подобное хозяйство не год и не два, и Россия, только что разоренная Наполеоном и истощившая все силы на «спасение Европы», быстро поправилась и разбогатела.

Нам говорят: этого нельзя! Если государственных доходов не хватило или понадобился экстренный расход, *делайте заем*, то есть выпускайте процентные бумаги и платите по купонам податями. Не смейте *заимствовать* в свободной банковской наличности, не усложняйте счетов, не отступайте от устава. А главное, не проявляйте ни государственной власти, ни государственного творчества! А так как здравомыслящий министр финансов и хороший хозяин не может этих позаимствований не делать, то призвать евреев и сдать им Банк, другими словами, поставить их на страже против возможных злоупотреблений органа, которому верховная власть поручила распоряжение государственным и народным хозяйством.

Даже ученый секретарь Ученого Комитета догадался, что подобный порядок, безусловно необходимый при парламентском режиме, совсем не подходит к самодержавной монархии. Предполагая, что подобное заимствование может сделаться не иначе, как по специальному Высочайшему повелению, оказывается, что *необходимо звать евреев собственно затем, чтобы ограничить верховную власть в возможности дать подобное повеление.*

Вот по самому добросовестному толкованию идея акционерного Государственного банка. Можно думать, что, несмотря на все подходы и сладкие словеса представителей у нас европейского мировоззрения и аппетитов мечтать об осуществлении чего-либо подобного просто-напросто глупо. Уж на что было бесшабашное по этой части время — конец 50-х годов. Но и тогда гг. молодые

финансисты не могли провести свою идею насчет обращения Государственного банка в акционерный, и это учреждение так и осталось в ведомстве Министерства финансов, хотя и разграниченное (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства.

XVII

Ясно, что при не зависимом от государства положении центрального органа денежного обращения государственной власти, вынуждаемой к каким-либо экстренным расходам, приходится либо возвышать налоги, либо закладывать эти налоги, выпуская внутренний или иностранный заем. И в том, и в другом случае принцип остается тем же самым. Новый налог дает небольшие сравнительно суммы ежегодно; заем, сделанный сразу, погашается теми же налогами в будущем, в течение известного числа лет.

Никакого другого выхода нет, ибо парламентское государство ничему другому не верит, кроме золота, и потому решительно не хочет и не может предоставить дело *экономического творчества* государству. Говорим про существующие государства буржуазно-либерального склада, против которых так яростно протестует социализм разных видов и оттенков. Что за государство создаст сам социализм, как удастся *ему* оформить государственное творчество, этого мы еще не видали, да, вероятно, и не увидим, ибо социализм, еще не успев положить первого камня в смысле положительном, уже выродился, и совершенно логически, в анархизм, то есть в разрушение *всего существующего* с голой надеждой, что на развалинах вырастет *само что-нибудь.*

Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдает бирже, то есть представительнице капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудем, что деньги — концентрированный прежний труд и орудие труда будущего), естественным образом приобретает и полное господство над трудом во всех его видах.

Правительство обращается в простого городового, наблюдающего за порядком, а страна при биржевом режиме резко разделяйся на два класса: *правящие* — представители капитала, или труда прежнего, в их руках сосредоточенного; *правимые* — представите-

ли труда настоящего или будущего, работающие *только потому*, что правящие, то есть капиталисты, дают свой капитал в производство.

И власть, и творчество, и действительное управление страной, и законодательство, и внешняя политика, и мировоззрение, и национальные идеалы — все это монополизуется одним правящим классом. Как Людовик XIV[67] когда-то, так биржа теперь может сказать: «L'etat — c'est moi»[168] — и будет совершенно права, ибо, властвуя над трудом и заработком человека, нельзя вместе не властвовать и над его душой, и над его bulletin de vote[169] вплоть до тех пор, пока озлобленный пролетарий, утративший Бога истинного и не могущий уверовать в бога Меркурия[170], не начнет швырять своих директоров фабрик в бассейны с расплавленным стеклом...

Но дело сейчас еще не в этом, а потому в эту область отвлекаться не будем. Нам хотелось показать, что коль скоро *творчество отдано бирже,* то и *заработок* от всего капитала *идет целиком ей же,* как исключительно представительнице творческого начала и как властительнице и капитала, и труда.

Поясним это на примере. Государство строит железную дорогу, как указано выше в статье «*Русского Дела*», на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработок, ибо вызывается огромный труд. Капитал, оплодотворивший этот труд, *не действительный, а мнимый,* ибо бумажки представляют из себя пока простые *квитки,* расчетные знаки. Что изображает этот заработок? Как он распределился? Он распределился на началах политической экономии, по законам свободного спроса и предложения. Но при этом, кроме заработка всех и каждого из участвовавших в работе, явилось еще некоторое реальное имущество, приносящее доход, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежит ей, то есть составляет предпринимательную долю этого мнимого капитала, *ставшего, однако, после постройки капиталом действительным.*

Чей это капитал? Кто его собственник? Очевидно, государство, то есть весь народ.

На Западе, при власти биржи и золоте-деньгах, дело идет совсем иначе. Для постройки дороги биржа авансировала известный свой *готовый капитал,* выговорив себе определенный процент. Труд произведен, дорога построена, все заработали, но заработок распределился совсем иначе. Капиталист разменял 3-процентную ренту, чтобы купить акции новой железной дороги, и получает теперь, скажем, 6 % дивидендов, то есть стал вдвое богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получив свой заработок, купили на него (ту же проданную капиталистом) ренту, чернорабочие прожили и прокормились (может быть, даже лучше, чем жили и кормились раньше, может быть, даже сберегли что-нибудь и снесли в «caisse d'epargne»[171]), но вообще остались в том же положении, а государство *осталось совершенно в стороне.* Оно выиграло, может быть, лишь в смысле налогов, имея возможность несколько обложить новую линию как новое *чужое* для него имущество.

Понятна или нет основная, глубочайшая разница в обстановке предприятия, двигавших им силах и в его результатах?

В первом случае заработки распределились совершенно равномерно между всеми трудящимися, а фактически обогатилось только государство, *создав,* то есть получив *даром,* недвижимый капитал, новую линию железной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доход. Капиталисты остались здесь в стороне или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода*. Работал здесь в широком смысле труд, оплодотворенный *мнимым капиталом,* как бы уступившим свою долю вознаграждения государству, то есть предоставивший ему новый *капитал реальный.*

Во втором случае заработки тоже распределились, но между трудом и готовым *старым капиталом.* Государство осталось в стороне. Продукт творчества пошел не ему, а капиталу, то есть бирже, удвоив богатства биржевых царей, как увидим позднее.

Политическая экономия прекрасно разъясняет, как при возрастании капиталов сама собою уменьшается доля дохода капитала, как вследствие этого капитал становится живее, подвижнее и стремится все дальше и дальше продолжать творчество. Вообразим же себе, что эта работа капитала во имя саморазвития и дальнейшей власти и преуспеяния совершается долго и продукты ее все усиливают самый капитал. Прибавим сюда, что при международном господстве золота известное племя, или страна, счастливее других Работают в лице своих капиталистов. Страна может страшно разбогатеть, найти себе данников по всему лицу земли и поставить свой

"Основав, например, новые предприятия, обусловленные новою линией.

собственный труд в положение и обстановку весьма сносные*. Взглянем на Францию, какое колоссальное обилие накопленных капиталов! 5 млрд уплачены как 5 руб. Налицо 4 млн людей, живущих рентой, то есть пользующихся чужим трудом, кормящихся за счет итальянцев, и за счет египетских феллахов, и за счет своих собственных трудящихся и нищенствующих сограждан.

Государство тоже, по-видимому, богато, ибо бюджет его огромен. Но все-таки у государства ничего *своего,* оно только собирает и расходует налоги, оно непричастно никакому творчеству и, в случае потребности в экстренном государственном расходе или опасности, может *только увеличивать налоги и делать займы,* предварительно заручившись благоволением биржи.

Самодержавная государственная власть в экономически самодовлеющей стране, действуя при помощи бумажных денег, *имеет источники своего собственного богатства,* и это богатство сосредоточено не в руках одного из государственно-экономических классов (капиталисты, рантьеры), а является в полном смысле *мирским,* народным, или, вернее, *всенародным,* ибо государство есть внешнее выражение народа. Богатство это, выражающееся не в золоте, а в *мирских,* государственных имуществах, дающих определенный доход, или в известном количестве *запаса труда* (см. ниже) может *безгранично приумножаться,* совершенно так же, как приумножаются частные капиталы у правящих классов государства парламентарного. И это государство не будет носить ни малейшего западно-социалистического оттенка, вернее, ходячие социальные воззрения окажутся к нему вовсе не приложимыми. Социализм, ратующий против исключительных прав капитала, ради таких же исключительных прав труда, то есть *желающий' заменить деспотизм капитала деспотизмом труда,* логически не может кончить ничем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя, или невинными, но совершенно вздорными фантазиями, вроде Беллами[172], обратившего свободную Америку в колоссальные арестантские роты посредством неизбежной государственной регламентации труда

* К несчастью, и этого нет. Биржа так жадна, капитал так бессердечен, что наряду с непомерными богатствами Ротшильдов и др., пролетариат во Франции, Англии, Германии и повсюду страшно беден и фактически *голодает.*

в его мельчайших подробностях («всеобщая трудовая повинность» Беллами есть нечто, столь принципиально чудовищное, что перед нею побледнеют и каторжные работы). Самодержавное государство, основанное на начале доверия к верховной власти, разумно пользуясь указанными выше *мнимыми* капиталами, возможными только при бумажных деньгах, способно явить *идеал личной и экономической свободы.* Услуги мнимого капитала представляют отнюдь *не нарушение прав* капиталов реальных, но *устранение их несправедливой монополии, низложение их с того престола, который они себе создают на бирже,* развенчание золотого тельца, в парламентарном государстве захватившего державу и скипетр совершенно открыто, у нас тайно посягающего на прерогативы самодержавной власти.

От капитала не отнимется ни возможность промышленного творчества, ни возможность нормального роста. Но ему отводится для этого область *частной предприимчивости,* все же государственное творчество и всю общественную *власть,* ныне захваченную капиталом, а в социальных теориях — *трудом,* государство оставляет за собой.

Вместе с государственным творчеством государство оставляет себе и создание государственных *самостоятельных доходов,* основанных не на одной лишь раскладке податей. Такое государство никогда не встретится с необходимостью делать займы и выпускать процентные бумаги, ибо несколько мирных лет позволят скопиться *колоссальным запасным капиталам,* с избытком достаточным для любого черного дня.

Нам кажется, что этим совершенно доказан и шестой из поставленных в начале этого исследования тезисов, именно:

При системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, господство биржи в стране становится невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

Просим прощения у читателя, которому кое-что может показаться неясным или недоговоренным. Все высказанное здесь выяснится ярче и рельефнее при рассмотрении следующего тезиса — о замене хищных биржевых инстинктов здравой государственной экономической политикой, к которому и переходим.

XVIII

Тезис этот таков.

Место хищных биржевых инстинктов заступает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

Этот закон является последовательным логическим выводом из всего предыдущего. При золоте в качестве денег и его суррогатах — банковских билетах правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, то есть капиталистов, рантьеров, властвующих в стране. Центр, святилище этого класса — биржа, в руках которой само собою сосредоточивается творчество. Основой, фундаментом этого творчества являются капиталы, народные сбережения, сосредоточенные в руках правящего класса и отчасти классов трудящихся, стоящих посредине между настоящими рантьерами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетариями, вовсе не скопившими сбережений. Такими типами будут, например, какой-нибудь парижский извозчик, выезжающий ежедневно на работу, но уже имеющий капитал в 5-10 тыс. фр., или привратница, заведующая домом и ежедневно откладывающая известный доход на приобретение ренты или других ценных бумаг.

Как действует биржа с этими капиталами?

При изобилии сбережений в руках рантьеров и полурантьеров естественный нормальный доход капитала сам собою понижается. Вернейшее помещение денег — государственная рента, но маленькому капиталисту она приносит слишком мало. Самостоятельного дела он начать не может (при большом риске и труде она обещает иногда меньше, чем текущий заработок в *чужом* предприятии), но увеличить свой капитал или доход всегда рад. При малейшей возможности или доверии маленький рантье всегда готов часть своих сбережений вынуть из государственной ренты (она перейдет к новому *образующемуся* рантье, менее капитальному) и поместить в различные «russes», «egiptiens», «hongrois»[173] и другие иноземные государственные бумаги, дающие больший доход. Более подвижный и смелый или более сведущий и капитальный буржуа способен некоторую часть своего капитала доверить и какой-нибудь Панамской компании, сулящей громадные дивиденды, особенно если во главе дела стоит такая известная личность, как Фердинанд Лессепс[174]. Рантьеров и свободных, ищущих применения капиталов, — изобилие. Центр, куда все это стремится, где основывают все дела и устанавливается расценка всевозможных предприятий — биржа. На бирже сейчас же сама собою возникает *биржевая игра*, имеющая две основных стадии: во-первых, действительные перемещения капитала, действительные покупки и продажи. У меня была рента, я ее продал и купил акции Credit Mobilier или Emprunt Egiptien[175], во-вторых, *игра в собственном смысле*, когда я, ничего не продавая и не покупая, а лишь делая фиктивные сделки, держу, так сказать, пари, что такая-то бумага повысится или понизится, и в известные сроки (liquidation[176]) получаю выигрыш или плачу проигрыш — разницу в курсе.

Эта биржевая игра, идущая, очевидно, внутри только правящего экономического класса рантьеров (и в малой степени полурантьеров), но непосредственно отражающаяся на сбережениях *всей страны*, имеет в основании одну идею: быстрое обогащение более сильных и ловких капиталистов за счет менее сильных и более наивных их собратьев, а, главным образом, за счет трудящихся полурантьеров. Выигрывает в этой игре тот, кому удастся *наверное предугадать или предузнать политическое обстоятельство, имеющее поднять или уронить данную бумагу*. Если я случайно узнаю раньше других, что через две недели Россия объявит войну Турции и что, следовательно, курс на русские бумаги сильно падет, я смело могу идти на биржу и все свое состояние поставить в продажу русских фондов, которых у меня вовсе и нет налицо. Я *продаю*, то есть обязуюсь доставить через месяц такое-то количество русских бумаг по 98 за 100. Через месяц эти бумаги упадут до 68, и при ликвидации я получу чистого дохода 30 коп. на рубль; мне всегда возможно их *доставить*, ибо я тогда куплю их по этой цене и сдам. Но этого вовсе не требуется; сделка, как известно заранее, была чисто фиктивная и шла только на *разницу*.

Итак, я выиграл. Кто же проиграл? Проиграл тот, кто *по незнанию того, что я знаю*, купил мои «russes». Это мог быть и крупный биржевой игрок, но прежде всего это те мелкие рантьеры

и полурантьеры, которые *часть* своих сбережений стараются поместить *выгоднее*, чем в сухую и малодоходную ренту. Они хотя и не играли, но упавшие бумаги лишили их части их капитала. Совершенно то же и Панама, только посложнее. Биржевые спекулянты, опять же более сильные и знающие (что компания должна лопнуть), сначала употребили все меры, чтобы поднять, раздуть курс акций, наградили в розницу этими акциями («разместили») множество рантьеров и полурантьеров (на каждого понемногу, ибо это тоже народ осторожный и поместит сюда только *часть* своего капитала), затем сделали крах, сыграли на понижение и 600 млн фр. положили себе в карман. Вся Франция закричала: «Nous sommes volés»[177], но тот же извозчик, у которого была одна акция, вчера стоившая 600 фр., а сегодня упавшая до 150, тот же консьерж, потерявший 450 фр., не согласятся на радикальный переворот и на уничтожение биржи. Они будут через своего представителя в палате кричать: «A bus le ministre»[178] и требовать суда над виновными, но в глубине души они уже помирились со своей потерей, потому что та же биржа, нагревшая их сегодня на 450 фр. раньше давала им хорошее увеличение их капиталов, будет давать и в будущем, ибо бумаг солидных и солидных дел все-таки больше, чем жульнических.

Вот почему буржуазный строй не повалит *и не захочет никогда повалить биржу* и отлично помирится и с подкупными газетами, и с подкупным парламентом, и с подкупными министрами, что Франция и доказала на осенних выборах 1893 года. Как христианин, плохой или хороший, все же органически, по душе своей, сын и член церкви, так и буржуа, рантьер (в государстве с золотой валютой) по душе своей сын и член биржи. И тот и другой могут возмущаться, бунтовать против своей матери, но *порвать с нею совсем не могут*. Христианин без церкви начинает протестантизмом, впадает в атеизм и логически кончает отчаянием нигилизма. Рантьер, порвавший с биржей, или пролетарий, не сделавшийся рантьером, то есть биржею извергнутый, начинает умеренным социалистическим протестом, попытками организовать труд, стачками, рабочими союзами, а так как это не ведет ни к чему, ибо биржа и сильнее, и хитрее, то пролетарий логически кончает анархизмом и начинает в лице своих наиболее передовых и нетерпеливых действовать динамитом.

XIX

Итак, взглянем поглубже на биржевые процессы.

В классе рантьеров идет упорная междоусобная борьба.

В этой борьбе сильные и ловкие *играют наверняка*, обстригая постепенно среднюю публику, но редко ее разоряя, ибо эта публика привыкла к осторожности.

Среди этих сильных и ловких являются единицы, скопляющие чрезмерно большие капиталы. Они становятся настоящими царями биржи, а с нею и всей страны. Их капиталы вяжут такое огромное количество дел, предприятий, им так задолжены трудящиеся классы, и притом не в одной, а в разных странах, от них в такой тесной зависимости миллионы рантьеров и полурантьеров, что эти люди являются великой политической силой, настоящими, некоронованными лишь самодержцами, и притом экстерриториальными, ибо власть их простирается *всюду, где работает их капитал.* Они так связали свои личные интересы с интересами миллионов трудящихся и полурантьеров, что ни одна государственная власть не смеет выступить с ними на борьбу во избежание страшных внутренних потрясений, но должна служить им и поддерживать их. *Уничтожив Ротшильда, ни одно правительство в мире не может* (кроме русского, *пока оно его не пустило вырасти**[179] в России), ибо это было бы теперь разорение для $^3/_4$ граждан. Уничтожить Ротшильда может лишь анархия, когда от всего современного строя Запада не останется камня на камне.

Прибавим сюда: в Панамском деле, во всем этом грабеже, Ротшильда, например, совсем не видно. Для него это дело и слишком мелко, и слишком несерьезно. Ему незачем прибегать ни к подкупу, ни к мелкому сравнительно грабежу. Его идеал *миродержавство*, вполне серьезное и путем серьезных же средств. К его услугам все *честные* элементы Французской республики. Его контора — Национальный Французский банк, его уполномоченный, его личный секретарь — глава Французского государства, его приказчики — министры, его серьезные операции на бирже приносят ему неизме-

* Начало этого роста уже есть. Любопытный факт: в 1890-1892 годах выселяли из Москвы множество мелких, в большинстве безвредных, евреев-ремесленников, а о Лазаре Полякове никто и не заикнулся. А еще недавно Самуил Поляков домогался *баронства* Российской Империи.

римо больше, спокойнее и вернее, чем Панамская, чисто карманная, кража. Ротшильд и... Панама! Фи!

В этом-то и трагедия последнего слова биржевого царства. Крадет краюшку хлеба глупый чертенок, Вельзевул[180] *властвует.* Вельзевул велик.

Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада: 1) золото как деньги (первая власть евреев, как ростовщиков); 2) система банков и банковских билетов как заместителей золота (вторая власть евреев, как банкиров и финансистов, начало их обогащения); 3) процентные займы государства, царство биржи в стране (третья ступень власти евреев - ростовщичество государственное и затем полное миродержавство).

Общий дух всего движения: устранение *мирского соборного начета,* выражающегося в государстве, от экономического творчества, устранение *нравственного начала доверия,* торжество хищного человеческого *я,* возведенного в догмат, полная потеря всякого нравственного критерия, борьба, заведомо безнадежная, во имя *нравственности условной* (morale lai'que ou re'publicaine[181]). В конце неизбежная анархия, разрушение и одичание, ибо и с другой стороны, в том отвергнутом наполовину мире, откуда могло бы явиться западному (латино-германскому) человечеству спасение, царит тот же Ротшильд в тиаре, исповедующий все то же я и все то же *миродержавство,* ненавистное сердцу еще больше, ибо деспотизм духовный неизмеримо тяжелее *даже* деспотизма экономического.

Вот куда увлекло нас рассуждение об абсолютных деньгах и о процентных бумагах. Не жалеем об этом. Читатель не осудит нас, что, войдя в подробный анализ биржевой игры, основанной, главным образом, на существовании процентных бумаг, то есть *собственной нищете государства,* мы поневоле должны были сделать некоторые выводы в нравственной области, без которых невозможен и обстоятельный разбор экономической творческой политики государства как *полной противоположности власти и задачам биржи.*

На основании сказанного прошу досужего и любознательного читателя, знакомого несколько с историей наших финансов, самостоятельно припомнить и оценить те явления в русской жизни, которые характеризуют пришествие к нам биржевика-еврея и те голоса в печати, которые славословят западную финансовую систему с ее золотом, процентными займами и самодержавием биржи. Подобное размышление будет не бесполезно, и мы будем очень счастливы, если читатель уяснит себе, откуда все это веет, во что верует и чему служит. Да, к несчастью, и русская православная почва в сильной степени заражена миродержавными еврейскими идеалами. Очистить, скорее очистить надо эту почву (в нашем сознании, а затем и в жизни), и тогда только пышным цветом зацветут на ней русские идеалы.

XX

Переходим к восьмому и девятому положениям, изложенным так.

8) *При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных государственных запасных капиталов.*

9) *При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в государствах биржево-золотых власти.*

Основная разница между биржево-парламентским режимом и самодержавным государством с абсолютными деньгами, как мы уже видели, заключается в том, что в первой стране вся экономическая политика состоит *в эгоистическом самоуправлении капитала посредством биржи,* сполна подчинившего себе государство и, в свою очередь, подчинившегося нескольким биржевым царям, капиталы коих, безгранично приумножаясь, сковывают *золотыми* цепями труд не только данного народа, но и всех имеющих нужду в готовых капиталах, заимствующих их у этих биржевых царей.

Во второй стадии экономическая государственная политика состоит (или *должна состоять*) в том, что весь народный *мир,* в лице своей государственной власти, выступает благожелательным посредником между трудом, знанием и капиталом, обеспечивает полную свободу каждому из них, *но оставляет за собою власть удерживать эти экономические элементы в надлежащей гармонии, не давать несправедливого преобладания какому-либо из них.* Одновременно с этим государственная экономическая политика имеет целью, помогая наилучшей постановке и производительности труда, сбережению и накоплению частных капиталов, *увеличи-*

вать всеми мерами достояние собственно государственное, то есть ***всенародное, мирское,*** *имеющее значение запасного капитала на случай чрезвычайных государственных расходов или народных бедствий.*

Первая часть вопроса лежит, собственно, вне области денежного обращения, предмета нашего исследования. Поэтому о ней скажем вкратце: исключив из общественной жизни, посредством изъятия из обращения процентных бумаг, биржу с ее игрой, государство тем самым раз навсегда лишает капитал экономического, политического и всякого иного преобладания, распускает армию рантьеров, развенчивает биржевых князей и царей и ставит свободный капитал лицом к лицу со свободным трудом, предоставляя им при посредстве государственных финансовых учреждений (или помимо них) вступать в полюбовные сделки и *равноправно обмениваться услугами,* добросовестно вознаграждая третий экономический элемент — знание, служащее им оплодотворяющею силой. *Капитализму,* то есть *господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе — социализму.*

Другая сторона вопроса лежит непосредственно в области государственного творчества и тесно связана с денежным обращением. На ней поэтому придется остановиться с большим вниманием.

У западного парламентарно-биржевого государства, кроме случайно уцелевших, как наследство старины, государственных земель и лесов, собственно говоря, нет никакого мирского, всенародного имущества (морская и сухопутная оборона едва ли может считаться имуществом), а потому нет и никаких иных ресурсов, кроме некоторых регалий (например, монетная), монополий (например, почтовая, телеграфная, табачйая) и налогов разнообразного вида и характера. При всяком поэтому чрезвычайном расходе приходится пользоваться или специальным, если есть таковой, военным фондом (в случае войны), или устанавливать новые налоги, или делать займы, то есть закладывать налоги будущие, внося в будущие бюджеты проценты и погашения по займам. Других ресурсов у этого государства нет никаких, потому что нет никакого творчества, потому не может быть и другого исхода, в случае крайности, как займы или новые налоги.

У государства самодержавного, уничтожившего биржу, усвоившего абсолютные деньги и работающего при помощи *системы*

ссуд и вкладов, как посредник, и системы государственных предприятий при помощи *мнимых капиталов,* как инициатор, — останется в качестве *своей* государственной или, что то же самое, всенародной, мирской собственности *вся та доля прироста и образования капиталов, которую у парламентарного государства отнимает биржа для образования ротшильдовских богатств.*

Поясним это примером.

Представим себе, что страховое дело монополизировано государством. Это и практически давно пора было сделать, тем более что у нас есть блестящий пример государственного страхования в Царстве Польском. Получается огромное облегчение для страхователей вследствие удешевления администрации, устранения необходимости заграничных перестрахований, и у государства остается весь тот доход, который в настоящее время идет акционерам русским и заграничным (по перестрахованию). По самой малой оценке этот доход не ниже 10-15 млн (цифр под руками у нас, к сожалению, нет).

Далее. Вернемся к примеру железной дороги, выстроенной на мнимый капитал, то есть на выпущенные знаки. Знаки эти усилили в необходимой степени народное обращение, и жечь их не приходится. Дорога — собственность государства, и весь остаток дохода, кроме расходов на эксплуатацию, — чистый доход государства. Кому шел раньше этот доход? Акционерам, давшим свои готовые капиталы. Кто стоял над акционерами, ощипывая избытки их доходов путем биржевой игры? Гг. X, У, Z, маленькие доморощенные Ротшильды, знавшие ходы в «сферы» и *умевшие узнавать то, чего не знала в данный момент биржа.* Подводя итог всей операции, мы увидим, что государство 1) устранило акционерное, *всегда своекорыстное предприятие,* побудив акционеров искать помещения своих денег, тихого и не рискованного, во вкладах; 2) лишило наживы спекулятивный элемент на бирже; 3) парализовало образование миллионов у какого-нибудь Полякова[182], переведя эти миллионы во всенародное, мирское достояние, в государственный запасный капитал.

Третий пример: где-нибудь на Мурманском берегу открыты се-Ребряно-свинцовые месторождения. Трое солидных горных инженеров, составив товарищество, просят у правительства ссуду на экс-

плуатацию этих рудников. Дело совсем новое, оплодотворяется спавший доселе труд, следовательно, мнимый капитал вполне у места. Дается ссуда из вновь выпущенных кредитных билетов (или из вкладов, ибо вклады при оживлении дел и требовании на них пополнятся всегда вновь выпущенными знаками). Устанавливается процент и погашение, или предприниматели признаются государственными арендаторами. И в том, и в другом случае то, что в политической экономии называется «долею барышей капитала», осталось государственным всенародным достоянием.

Никто не помешает тем же инженерам воспользоваться услугами не мнимого, а настоящего, реального частного капитала и войти с ним в добровольную сделку. Разница будет лишь в том, что частный капитал более склонен бояться риска, ибо у его владельца нет охоты лично ехать на Мурман, и нет тех средств контроля, какими располагает государство. Кроме того, мнимый капитал удовольствуется гораздо меньшим, ибо ему важен не столько размер дохода, сколько пробуждение спавшего народного труда и дальнейшая всенародная польза от дела.

Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, то есть частные, капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу, и в этом именно и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будут мешать друг другу, ибо их цели совершенно различны. Государству важно оживить и улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доход хотя бы лишь в отдаленном будущем: государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать *немедленно*, то есть получить больше, чем ему платят на вкладе. Ясно, что первые капиталы экономическая политика направит хотя и на малодоходные, но государственно-полезные дела, вторые пойдут на дела, государству безразличные, но более доходные. Элеваторы, порты, железные дороги, первые (в каком-либо деле) фабрики будут строиться на мнимые капиталы, то есть или прямо государством, или при поощрении со стороны государства; подгородные конки, подъездные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы, мастерские будут оборачивать капиталы реальные.

Если мы только представим себе мысленно, какое огромное количество народного труда в России может быть быстро вызвано вот этими мнимыми капиталами, мы легко поймем, как быстро,

даже при крайнем бескорыстии государства, скопятся в его руках огромные запасные средства. Вспомним, что наш стомиллионный народ полгода сидит без дела, а остальные полгода, *кое-как* ковыряя землю, едва-едва вырабатывает себе годовое пропитание. Вспомним, как выколачивают из него ничтожные, сравнительно, налоги! Вспомним, как ничтожно его потребление и обмен по его совершенной нищете, и мы поймем, что, примись этот народ работать как следует (а он, как мы видели, не может, ибо нет инструмента - денег, ибо деньги спрятаны в процентные бумаги и акции), та доля, которая будет падать на *мнимые капиталы*, ссужаемые государством, быстро станет выражаться в сотнях миллионов рублей.

Чтобы выразить в одной формуле роль здесь экономической политики государства, скажем так:

Государство не отнимет у частного капиталиста, ищущего производительного помещения своих капиталов, ничего, кроме *власти*, которую на Западе создает капитал и передает бирже. Оно ограничит затем у капитала всякую возможность хищной, спекулятивной наживы, не даст возможности возникнуть Ротшильду и на место его хищных капиталов, ищущих миродержавства, выставив в балансе свои собственные *запасные средства*, переведет в *христианскую мирскую* собственность всей православной Руси величины, соответственные тому или части того, что *грабят у западного человечества евреи* и на чем они же основывают свою над ним так непомерно растущую безнравственную и погибельную власть.

Вот тут-то, размотав этот несчастный клубок до конца, мы и увидим, что эти колоссальные собственные запасные средства государства не только позволят *совсем обойтись без всяких займов и процентных бумаг*, но по мере своего роста дадут возможность государству, несмотря на постоянное возрастание своего бюджета, приняться за *постепенное облегчение существующей податной тягости.*

Да, вот одна из великих задач, совершенно неразрешимых при золоте и господстве биржи, и, наоборот, очень легко разрешимая при творческой государственности, усвоившей абсолютно денежное обращение! Налоги, составляющие государственный бюджет, представляют *всенародную складку* для произведения необходимых государственных расходов. Образованием собственных, то есть *безличных*, всенародных источников дохода можно заменить извест-

иую часть этих прямых сборов, падающих *лично* на граждан или на их *личные* имущества. В научном отношении не важно, какая именно доля налогов будет замещена собственными доходными источниками государства, важно *установление принципа*, указание пути к этому возможному замещению. А принцип этот, думается нам, установлен довольно твердо и выражается в нашем десятом тезисе:

При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Относительно последней, о которой мы еще не упоминали в нашем исследовании, пока можно сказать, что она изменится в смысле ее *подвижности*, как органическая часть центрального денежного учреждения. Коль скоро государство возьмет в свои руки истинное управление денежным абсолютным обращением и создаст для этого соответствующие органы, в его руках очутится сама собою монопольная торговля драгоценными металлами, являющимися орудием расчета международного. Другими словами, этот центральный государственный орган будет *устанавливать курс на золото.*

Коль скоро это достигнуто, всякий таможенный тариф теряет значение. Объявлением курса можно *ежедневно* регулировать привоз и вывоз товаров, и это установление курса в руках твердой национальной политики будет оружием неизмеримо более острым и гибким, чем тяжеловесный и малоподвижный таможенный тариф.

Подробно исследовать этот *частный вопрос* денежной системы здесь не место, и мы надеемся вернуться к нему со временем, когда придется подвергнуть анализу дальнейшие выводы и последствия, проистекающие из нашей истории.

XXI

Нам остается рассмотреть теперь последние вопросы, составляющие органическую часть исследуемой нами денежной системы.

Необходимо, во-первых, указать, в каком виде должны находиться те запасные средства государства, которые представляют *мирское* всенародное имущество, которые служат фондом на разные экстренные расходы, являющиеся в государственной жизни, и не только позволяют вовсе не прибегать к займам, но, наоборот, постепенно возрастая, дают возможность постепенно убавлять прямую податную тягость народа.

При золотой валюте такого рода запасные средства государства могут составлять, главным образом, вернее, единственно, в запасах золота в кладовых Национального банка. Земли, леса и всякое другое имущество *нетворческому* государству совсем не нужны или бесполезны, ибо биржевой режим совершенно последовательно противится всякой государственной собственности. Государству, изображающему только внешний порядок, нечего делать с недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которые она сумеет двадцать раз перебросить из рук в руки, сделав их предметом разнообразнейших спекуляций. Такое государство, даже получив недвижимость, должно стремиться поскорее от нее избавиться как от чего-то, его роли явно не соответствующего.

Да и самый золотой фонд может быть нужен только для двух целей: для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять же принадлежит не государству, а выделенному из него Национальному банку, и для военных целей. Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом.

Государство, работающее при системе абсолютных денег, очевидно, никакого запасного капитала в денежных знаках иметь не может. Оно выше денег, оно *творит* их само и, следовательно, *оно* не может ни считать бумажки капиталом, ни помещать в них что бы то ни было. Бумажки для такого государства в лице его Государственного ли Казначейства или центрального Государственного банка суть *мнимые величины*, инструмент расчета, но *никак не деньги.* Бумажный рубль рождается в момент перехода из рук государства в руки подданного и умирает, войдя обратно в государственную кассу. *Там*, в этой кассе, это костяшки на счетах, это квитки, обернувшиеся в хозяйстве, марки в булочной Филиппова. Там важно иметь этим рублям строжайший учет, но полагать в них какую-то внутреннюю силу — нелепо.

Но если запасы государства не могут быть в деньгах, то *считаться* они все же не могут иначе, как на деньги.

Золото в качестве запасного фонда тоже может иметь лишь значение крайне ограниченное, и притом условное. Золото есть товар, без которого во внутренних сделках и торговле страна может почти вовсе обойтись (предметы роскоши в трудную минуту Д[Ля] народа теряют значение, остается только потребность в хлори-

стом золоте для фотографии и, кажется, для медицины). Необходимость в золоте является только при необходимости покупать что-либо у иностранцев, и то только тогда, когда *обмен с ними* товаров дает баланс не в нашу пользу. Для страны экономически самодовлеющей, то есть имеющей все продукты, ей нужные, внутри своих границ, такой надобности вовсе не представится при некоторой предусмотрительности. Для России, в частности, потребуется очень немногое. Подробный разбор этого любопытного вопроса читатель найдет в нашей книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» в главе «Война и кредитный рубль», где в свое время мы обстоятельно разобрали, какие пустяки нужны нам из-за границы и прямо отрицали необходимость золота для войны. Если, говорили мы, война победоносна и идет на неприятельской территории, мы посылаем свой хлеб, а все остальное берем путем реквизиций у побежденных. Если война менее счастлива и идет в наших границах, мы опять же кормим армию своим хлебом, а за остальное, ей нужное, платим кредитными знаками, учитываемыми впоследствии. Только современное наше неустройство ставит нас в зависимость от иностранцев, например, отчасти в оружии, в селитре, в свинце. Чтобы заготовить все это и иметь возможность дальше покупать во время войны, мы должны иметь некоторый запас золота, то есть международных денег. Золото же это может быть добыто как из собственных рудников, так и из-за границы, накопляясь постепенно в руках казны как избыток платежей иностранцев нам против наших платежей им*, или, наконец, если война застанет малый военный фонд, как заем у них, который, во всяком случае, из первых же свободных количеств золота или иных продуктов должен быть впоследствии погашен.

Чтобы определить характер запасных средств государства, необходимо рассмотреть, для чего эти запасные средства могут быть нужны. Про войну мы уже говорили. Остаются: внутренние народные бедствия, как неурожай, разного рода стихийные несчастья, эпидемии, эпизоотии и т. п.; государственные предприятия, имеющие не столько творческий (производительный), сколько *оборонительный* характер (например, лесонасаждение, борьба с обмелением рек и т. п.). Наконец, весьма важное значение запасных средств: расширение государственных расходов, то есть рост расходной росписи и постепенное уменьшение податной тяготы населения.

* Просим читателя не забывать, что это рассуждение относится к теоретической, научной стороне вопроса. Мы совсем игнорируем нынешнее запутанное наше финансовое положение и нашу задолженность. Это вопрос особый.

Из внутренних бедствий самое страшное — неурожай. Разумеется, дело идет здесь только о хлебе на продовольствие и на семена. Ясно, что единственный фонд здесь *государственные хлебные запасы.* Неурожай и громадный подъем цен в 1891 году выяснили вполне этот вопрос. Мысль П. П. Зубова*, Васильского предводителя дворянства, — вот прекрасная организация дела. Добавим сюда, что внутренняя торговля хлебом должна быть свободна, а весь вывоз должен составлять монополию правительства, которое может en grand[183] торговать, совершенно не поддаваясь давлению любой европейской биржи, а наоборот, производя само могущественное давление на хлебных потребителей. В случае войны правительственные хлебные запасы окажутся поистине благодетельными и чрезвычайно упростят и удешевят продовольствие армии. В мирное время только при посредстве массовых покупок правительством хлеба в свои элеваторы и можно поддержать, где нужно, цены, ставящие сельского хозяина иногда в критическое положение. Более подробные объяснения в нашу программу пока не входят**.

Борьба с эпидемиями и эпизоотиями по их преимущественно местному характеру является вопросом до некоторой степени спорным: государственное ли это в экономическом смысле дело? Не достаточно ли для государства иметь лишь распоряжение и руководство в этой борьбе, возлагая все расходы на органы местного самоуправления и их *запасные средства?* Но если бы государству и пришлось уделить на это собственные свои средства, то самое рациональное заимствование их из кассовой наличности вкладов, не включая вовсе в роспись, а возвращая вновь на вклад из образующихся свободных средств, то есть из будущих сверхсметных доходов.

Совершенно то же и при всяком ином государственном чрезвычайном расходе, хотя и вызывающем некоторый народный труд, но

* См.: *Шарапов С. Ф.* Сочинения. Т. II: «Из разговора с П. П. Зубовым».

** Министерство финансов для помощи сельскому хозяйству начало эту операцию в 1895 году, но на основаниях довольно шатких.

не рождающем его, а только претворяющем труд готовый. Спасение реки от обмеления ничего не создаст вновь, а только поддержит существующее, и те же рабочие руки, может быть, с еще большею пользой были бы заняты на другом деле. Здесь народный труд не только не оплодотворяется, но, пожалуй, даже тратится непроизводительно, по нужде, расходуется из запаса, а потому и мнимые капиталы никакого приложения иметь не могут. Ясно, что *этот запас только и может быть в том же виде, что и запас всякого иного рода частного труда* (капитал — концентрированный труд), то есть во вкладах в центральном учреждении народного хозяйства. Труд, потребный в этом случае правительству, угнетает до известной степени частный труд на рынке, и это математически точно выражается в угнетении коммерческой операцией казны коммерческих операций частных лиц в учреждении, ведающем вкладами и ссудами.

Поэтому и эта часть государственного запасного капитала не может быть помещена ни в чем ином, как во вкладах. Соответственное учреждение окажется здесь истинным регулятором, с точностью указывающим взаимное соотношение капитала и труда государственного, мирского с капиталами и трудом частных лиц. *В этом соотношении и будет лежать истинный государственный запас специального назначения.*

Поясним это примером.

Десять лет подряд правительство, допустим, вносило на вклады, ставя в свою смету, скажем, по 3 млн руб. на улучшение рек. Образовался фонд в 30 млн руб. В данном году эта сумма вынута и истрачена на реки. Никаких замешательств в денежном обращении не произошло, ибо *выем этих денег отразился на денежном обращении как раз настолько, насколько отвлечение на реки массы рук отразилось на промышленности и земледелии.* Иначе и быть не может, ибо при системе ссуд и вкладов все денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни, то есть относительного положения в данную минуту труда и капитала.

Таким образом, и самая идея государственного запаса, или запасного капитала в остальной его части, то есть кроме золотого фонда и хлеба, сводится на *запас труда,* выражаемого в тех же денежных, то есть ценовых единицах, в которых выражается труд и запасы труда, то есть капиталы у всех граждан государства. Другими словами, пока государство оплодотворяет труд, оно выдает под

него авансы, то есть печатает знаки, но, *имея дело с запасом труда готового, оно становится в ряд со всеми отдельными гражданами и хозяйничает, как и они, меряя на ту же единицу и проходя сквозь тот же регулятор.*

Как и они, государство, вооруженное лишь колоссальным творчеством, непрерывно богатеет, то есть располагает все большим количеством продукта и запасного труда. Как и частный капиталист, оно быстро переходит за ту черту, где даже роскошная жизнь не поглощает всех доходов. Капиталист продолжает богатеть или начинает дарить свои излишки согражданам*[184] или, наконец, начинает *давить* своим капиталом, создавать свою власть и миродержавство, если есть для этого орудие — биржа (например, Ротшильды). Государство, изображающее всенародный мир, начинает равномерно облегчать податную тяжесть своих граждан, убавляя или вовсе отменяя некоторые налоги (Соединенные Штаты). По существу это один и тот же процесс, регулируемый *нравственным началом,* коего применение чрезвычайно облегчается *основанными на чисто нравственном же начале* абсолютными деньгами.

XXII

Чтобы закончить настоящее исследование, нам остается выразить в кратких чертах ту экономическую политику, которая, будучи основана на абсолютно денежном обращении, может создать наи-

* Любопытный вывод этот осуществляется иногда раньше, чем для него вполне настало время. Возьмем, например, наших Третьяковых, давших России прекрасную национальную галерею. Возьмем американцев: Лика, давшего средства на постройку великолепной обсерватории, или Стенфорда старшего, основавшего богатейший в мире университет на Пало Альто в Калифорнии. Немного нужно просвещения и патриотизма, чтобы делать даже огромные пожертвования на пользу своей родины, если богачу некуда иначе девать свои деньги и если не строить обсерваторий и картинных галерей, то, кроме битья дорогих зеркал и посуды, ровно ничего не придумаешь.

Когда посредством системы абсолютных денег у капитала будет отнята всякая политическая власть, миллионеру в самом деле ничего иного не останется, как то или другое меценатство, и здесь он будет вне конкуренции с государством; тогда быстрое обогащение единиц станет для страны поистине благодеянием, а для самих богачей высшей нравственной наградой за их предыдущий труд в виде возможности делать высшее добро, не всегда доступное даже монархам.

лучшие материальные условия для страны, установив истинно свободные и справедливые отношения между тремя основными экономическими элементами: трудом, капиталом и знанием и представив государству как всю подобающую ему (на Западе узурпированную капиталом) *власть*, так и подобающее ему *творчество* вместе с его результатом — собственными, то есть мирскими, всенародными средствами.

Прежде всего, эта экономическая политика должна на основании изложенных начал установить сеть учреждений, соответствующих абсолютным деньгам. В основу этих учреждений должен быть положен принцип строгого разделения *хозяйства собственно государственного* (расходы управления, просвещения, обороны, суда и пр., словом, расходы по росписи) от *хозяйства народного;* оживляется и денежное обращение, народный кредит или в широком смысле *управление народными капиталами и трудом.*

Сеть учреждений поэтому расположится так.

Наверху: отдельно стоящее учреждение, ведающее государственной росписью, то есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долею государства как *результат* оплодотворенного народного труда. Это будет в строгом смысле *Державная Казна*, соответствующая в принятой у нас терминологии части Министерства финансов, — Государственному Казначейству.

Рядом, в совершенной независимости от первого, учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежною частью всенародных государственных предприятий. Это будут *Большая Казна*, или по современной терминологии — Государственный банк.

Внизу, в областях (губерниях) и уездах, должны быть *Приказы Большой Казны* (отделения Государственного банка первого и второго разрядов, слитые вместе с уездными и губернскими казначействами). Сеть этих учреждений должна быть одна, несмотря на одновременные их операции с частными и государственными суммами. Так как счет ведется на одинаковую единицу и движение денег одинаковое, то никакого затруднения в счетоводстве быть не может, а между тем при подобном единстве *Большая Казна* может в любую минугу с величайшей точностью иметь все данные как об общем денежном обращении, так и о специальном состоянии счетов Державной Казны.

Главная задача Большой Казны — управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду же ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков.

При таких условиях всевозможные частные и общественные или акционерные банки становятся совершенною аномалией и не потому, между прочим, что государство стало их преследовать или закрывать, а по невозможности конкурировать с совершенно *бескорыстным* государственным кредитом, довольствующимся самым небольшим чистым доходом в запасные средства государства. Для частного кредита останется лишь одна форма при известных условиях, может быть, еще более выгодная — это общества взаимного кредита.

Кредит государственный уже потому исключит кредит частный, понудит, так сказать, частный капитал пройти сквозь вклады, что в местных приказах примут живое и деятельное участие (оформленное весьма широко уставом) всевозможные самоуправляющиеся местные, земские, городские, сословные, торговые и промышленные учреждения и частные союзы и общества. Даже самое установление ссудного и вкладного процентов будет принадлежать местным приказам с ведома и согласия, разумеется, центрального учреждения.

Такова схема организации денежного обращения, в тесной связи с которой будет и экономическая политика государства, уже обрисованная в общих чертах в предыдущих главах и здесь лишь кратко формулируемая.

Эта экономическая политика, во-первых, *должна пробуждать народный труд и улучшать формы существующего*. Достижимо это посредством как мнимых, так и реальных капиталов, создавая на тех и других льготный, простой и доступный всякому трудящемуся кредит. При всем разнообразии его форм, преобладающими типами будут: *кредит земледельческий, ипотечный и мелиоративный,* — долгосрочный с неизменным на долгое время ссудным процентом. Соответственно этому кредиту имеются и капиталы, ищущие особенно долгого, иногда вечного и прочного помещения. Таковы капиталы различных учреждений, по своему нравственно верному и неподвижному характеру как раз отвечающие прочному и взаимному ипотечному кредиту. *Кредит земледельческий и про-*

лишенный оборотный, — с более короткими сроками, чем ипотечный, но все еще с долгими сроками, дающий возможность выдерживать на складе запасы произведений и товаров. Ему соответствуют и менее долгосрочные вклады, представляющие капиталы частных лиц или запасные капиталы общественных учреждений, союзов, промышленных предприятий. Наконец, *кредит торговый, учетный* — с краткими сроками. Ему соответствуют и краткосрочные вклады, или текущие счета.

Включение *уездов* в сеть учреждений Большой Казны даст полную возможность развивать и *мелкий,* преимущественно *сельский кредит,* оживить множество небольших крестьянских и владельческих предприятий и создать столь необходимую *зимнюю работу* русскому народу. Пусть всякое крестьянское товарищество, всякий отдельный крестьянин или сельский мир имеют право кредитоваться и долгосрочно, и краткосрочно, при гарантии в смысле солидности начинания, хотя бы на самые малые суммы, и пусть не возражают, что этот вид кредита потребует чрезвычайно сложной бухгалтерии в уездном приказе и большого персонала. Если бы нынешние уездные казначейства с одним казначеем-бухгалтером и двумя-тремя писарями, ничего иного не знающими, как выдавать жалованье, оплачивать купоны и принимать налоги от старост и старшин, обратились в огромные палаты с многочисленными отделениями и множеством служащих, это означало бы только, что уезд делает огромные обороты, что *он живет.* Очень возможно, что практика вызовет вскоре и новые, еще более мелкие учреждения, подведомственные Большой Казне, — кредитные учреждения приходские (когда же станет, наконец, *приход,* а не бумажная волость низшей административно-земской единицей?!). Но это уже частности.

Возвращаемся к экономической политике. В области денежного обращения ее вторая формула: *увеличивать собственные средства государства, то есть капиталы и запасы всенародные.* Центральным органом здесь является также Большая Казна, эти капиталы создающая и управляющая их обращением, и затем Державная Казна, их расходующая вместе с теми средствами, которые собираются с народа на расходы государственные.

Мы уже достаточно выяснили, кажется, *способ* и условия образования и помещения государственных запасных капиталов. Здесь

может идти речь только о счетоводстве и об операциях с ними Большой Казны. Капиталы эти будут, очевидно, на вкладах наравне со всякими другими общественными и частными капиталами, но в банковской деятельности их значение, ввиду несколько особого характера, будет иное. Запасы народного труда, в них выраженные, в общих оборотах казны будут тем же, чем балласт на корабле; при усиленной нагрузке излишний балласт снимается, но он же необходимо увеличивается при нагрузке малой, дабы придать судну надлежащую осадку и, следовательно, надлежащую устойчивость.

Переводя этот пример на формы государственного хозяйства, его можно выразить так: государственные запасные капиталы, выражающие концентрированный народный труд в распоряжении Державной Казны, представляют в операциях Большой Казны подвижный, сжимаемый и расширяемый по требованию минуты элемент. *В тяжелую для государства минуту это прямо расходуемые запасные средства* (от чего, разумеется, пострадают косвенно текущий труд и капиталы, но ведь тем же и отличается трудная минута); *в спокойное время при оживлении народного труда капитал этот должен возрастать, то есть налоги быть больше, в обратном случае, то есть при застое, налоги должны уменьшаться.*

Вот формула, совершенно неизвестная западной финансовой теории, но представляющая прямой вывод из нашей теории абсолютных денег. Согласимся, что подобный регулятор представляет для государства огромную важность, ибо 3 руб., взысканные с гражданина, выгодно работающего, легче для него иногда, чем 1 руб., взысканный с него же в минуту кризиса. А западная финансовая система дает как раз обратное. Именно в минуту, тяжелую для граждан, и должны увеличиваться их жертвы на свою государственность.

XXIII

Мы были бы несправедливы к представителям западной науки, если бы вздумали приписывать исключительно русской мысли возникновение и развитие выше сказанных положений. Среди западных экономистов совершенно особняком стоит великий немецкий мыслитель (хотя и славянского происхождения) Родбертус-Ягецов, который в одном из своих превосходных трудов с величайшей ясностью охарактеризовал денежную историю человечества и пря-

мо высказал мысль о бумажных деньгах как о завершении его трудного и болезненного финансового развития. Это не глубокое и подробное научное исследование, это лишь беглая заметка в форме объяснительного примечания к другому труду, но это примечание стоит томов. Вот оно.

«Деньги как ликвидационное средство разделения труда развиваются по трем главным историческим моментам. Сначала они еще вполне *товар,* затем они служат уже *только показателем цены* и удерживают свое качество товара *только для того, чтобы правильно показывать.* В-третьих, они не нуждаются уже более *в товарном качестве,* но не суть еще исключительно только *квитанция и перевод.* Эти три фазы денег вполне соответствуют трем хозяйственным фазам (то есть *ойкос,* или семейно-родовое хозяйство, *полис,* или хозяйство земледельческо-городское, и *современное государство).* Пока оборот имуществ покоится еще на тяжело обращающемся механизме денег, которые словом *pecunia*[m] напоминают о своем происхождении и, следовательно, существуют ли они еще *в быках или уже в золоте, сами еще обращаются вместе, как товар,* до тех пор все еще существует натурально-хозяйственное положение, хотя бы обращающиеся суммы составляли тысячи фунтов золота (или 683 вагона Французского Национального банка), как они обыкновенно также и циркулируют в действительных весовых фунтах... Если же затем деньги приобретают в большей мере значение показателя и *удерживают свое товарное качество только еще как* ***предполагаемое*** *ручательство за правильность показания,* то есть это качество товара исполняет еще только субсидиарную задачу быть регулятором потребления, равномерного с производством, тогда натурально-хозяйственное положение вытесняется *денежно-хозяйственным,* но оно пока еще только именно денежно-хозяйственное, а не *кредитно-хозяйственное.* Таковое положение денег в нашем нынешнем состоянии: товарные обороты гораздо менее совершаются посредством денег, чем *вычисляются на деньги, сравниваются с последними.* Деньги же в качестве товара выступают только еще как *конечный регулятор ценности* (точнее, как единица измерения. — *Авт.).* Между тем кредитно-финансовый характер обнаружится только тогда, когда деньги сделаются *исключительно только квитанцией, переводом, когда они* ***окончательно выбросят за борт свое товарное качество*** и в состоянии

будут сделать это по той причине, что тогда будут уже существовать *такие социальные учреждения,* которые дозволят оказывать *полное доверие* даже такому нефундированному (необеспеченному) показателю цены. *Насколько еще лежит в будущем осуществление этих условий, настолько еще мы удалены от наступления кредитив-хозяйственного периода»*.*

Вот блестящее научно-экономическое и философское подтверждение изложенной нами в этих статьях денежной теории. Мы начали именно с того, на чем остановился великий экономист. Дело в том, что наши бумажки историческим путем уже стали абсолютными деньгами, разошлись с золотом и совершенно утратили свое значение *денег-товара.* На Западе еще во всей силе продолжается период *товарно-денежного хозяйства,* у нас уже совершился переход к *абсолютно-денежному хозяйству.* Те условия, о которых мечтал Родбертус, то есть необходимый элемент доверия и соответствующие учреждения, у нас наполовину имеются. Непоколебимое доверие к верховной власти налицо, на нем построен весь наш государственный быт. Недостает надлежащих финансовых учреждений, но их не так трудно создать. Зачем же возвращать Россию к пережитому ею и, по меткому выражению Родбертуса, выброшенному за борт денежному хозяйству? Зачем добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у нас деньгами и ставшее ценным товаром и *деньгами только международными,* вновь овладело нашею финансовой системой? Не мешайте естественному прогрессу (в хорошем смысле), не мешайте России идти по тому пути, по которому Бог, видимо, ведет ее впереди других племен и народов, заставив, хотя и со страшною болью, выработать (или подойти к выработке) идеальную политическую форму государственности и теперь, принуждая вырабатывать новую и совершеннейшую, чем где-либо, денежную систему. Повторяем: будем глядеть вперед, а не назад. К золоту мы не вернемся и вернуться не можем. Утешимся. Золото — отжившая *рабская и языческая* форма денег. Рабская потому, что приводит естественно к господству капитала над трудом, еврея над христианином, биржи над церковью. Языческая потому, что золото-деньги исключают *нравственную роль государства.* России

* *Родбертус-Ягецов К.* Исследования в области национальной экономии классической древности. Перевод. Ярославль, 1887. Примеч. 51.

предстоит с болью, с жертвами, с недоразумениями и ошибками, конечно, выработать систему *христианских денег,* то есть таких, при которых денежный знак является безусловно послушным орудием в руках *христианского государства* и не искажает форм труда и нравственных основ *христианского общества,* а мы, словно евреи вокруг золотого тельца, плачем и рыдаем, что история разрушает этого божка...

Вот почему мы повторяем с особенною настойчивостью: будем же, наконец, смотреть на деньги как на *орудие учета народного труда, знаний и капитала.* Только этот ясный и простой взгляд выведет нас из тех финансовых дебрей, в которых беспомощно бродят гг. Гурьевы и К^0, предлагая проекты, один другого страннее и нелепее. Поймем же наконец, что нам нужно одно-единственное условие.

Найти денежную единицу, которая была бы *постоянною сама по себе, а не по отношению к золоту.*

Эта единица у нас есть. Ее дала нам история. Это бумажный рубль, выпускаемый верховною властью. Условия его постоянства определены нами подробно раньше. Постоянство это — его *нейтральность,* его *безразличие,* его *невмешательство* в те сделки, которые при помощи его совершаются. Чтобы это условие было достигнуто, рублей в каждой точке русской территории нужно налицо столько, *сколько потребует жизнь.* Если этих рублей меньше, недостаток их давит труд, знание и капитал в одну сторону. Если их больше — в другую. Спасение от зла — устройство правильных органов денежного хозяйства, где рубли рождаются, действуют и исчезают совершенно автоматически, то есть как *перевод,* как *квитанция,* а не как самостоятельный товар... "

XXIV

Теперь, надеемся, оправдан и наш последний, одиннадцатый тезис.

Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных деньгах, изменит самый характер современного русского государственного строя, освободив его от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

В самом деле: бумажные деньги при стройности и полноте учреждений и надлежащей экономической политике являются удивительным организатором и счетчиком народного труда. При бумажных деньгах только и возможна *идеальная свобода как государства,* так и его отдельных *граждан* от всякого поползновения с чьей-либо стороны узурпировать власть. Эта власть остается за тем, кому она исторически принадлежит и остается в ее чистом, свободном виде. Такая власть, отданная добровольно, являющаяся *тяжким бременем, великим подвигом, а не торжеством, не целью,* и будет *истинно христианскою,* а освобождение трудящихся и сберегающих от биржевого насилия, хищной еврейской власти золота и неминуемых социальных катастроф будет тем торжеством *христианской цивилизации,* которую утратил Запад *и духовно, и научно, и экономически,* сбившись с дороги.

Да, читатель! Позвольте в заключение этих бесед высказать нашу главную, основную руководящую мысль. Христианская истина, неся человечеству свет *истинной свободы,* одна, только одна способна дать критерий и для христианской политики, и для христианской экономики. Отживающая и подошедшая к абсурду и самоубийству цивилизация Запада характеризуется тем, что во всех областях, малопомалу, поставила основой грубый, бессмысленный и злой физический закон *необходимости.* Этот закон материализма, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел затем и душой человека, убил ее свободу, отрекся и от самой души, низложил в гордыне своей Творца и Спасителя душ. Дальше идти некуда... Побежденные стихийные силы в природе воскресли в буйствующей душе человека и погубили ее. Дня западной цивилизации уже начинается тьма, небытие. У динамита нет ни мысли, ни оправдания, ни философии. Его девиз один — *гибель всему.* И Запад гибнет в страшных конвульсиях.

Припомните Сантандер и Барселону, прочтите письма маленького, ничтожного и бесцветного анархиста Лотье, вонзившего ни с того, ни с сего нож в сербского посланника Георгиевича, и вы увидите, что это наивное признание дикаря — *последнее* строго логическое слово западной цивилизации, эпитафия над ее могилой.

Да, эта цивилизация погибла. Ее когда-то гордые носители, ее изжившие и пережившие, с надеждой и детской радостью встреча-

ют в самом всемирном центре этой цивилизации грядущую другую, жадно ловят новый свет с Востока.

И эта цивилизация идет совсем новая, совсем другая, с другим основным законом, *законом свободы во Христе.* Задача этой цивилизации — вернуть вновь в подчинение стихийные силы, сложить вновь к подножию веры слепой закон необходимости, вознести и очистить душу человеческую.

Экономика и финансы — суть великие *орудия* общежития человеческого. В руках у закона необходимости они приспешили лишь смерть цивилизации Запада. Освещенные и согретые законом христианской свободы, они возродят наше общежитие и создадут и истинную государственность, и истинную христианскую цивилизацию. Падет биржа, ставшая Церковью, и воссияет истинная Христова Церковь.

Часть II
ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БУМАГО-ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И НАРОДНОГО КРЕДИТА

I

До сих пор мы изучали лишь общие законы работы абсолютных знаков, почти не спускаясь в частности и не ставя вопроса об организации центрального народно-финансового органа. Мы назвали лишь его Большою Казною в отличие от Казны Державной, финансового органа собственно государственного. Мы выяснили в общих чертах функции того и другого и теперь должны перейти к практической стороне дела и попытаться решить следующий вопрос:

Какова же должна быть надлежащая организация Государственного банка, или, как мы его назвали, *Большой Казны,* ибо пора бы уже, казалось, отрешиться нам от этой иностранной терминологии, русский язык не обогащающей, а только уродующей.

Исходя из высказанных нами теоретических положений, нетрудно усмотреть, что для постановки на правильных началах центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, необходимо иметь в виду его главное назначение: *быть экономическим сердцем страны* и, подобно тому, как живое сердце

безраздельно с кем бы то ни было управляет кровообращением, так и Большая Казна должна одна безраздельно управлять денежным обращением.

Сходство обоих процессов в самом деле поразительное. Кровь, окисленная в легких, исходит из сердца по артериям, производит работу в волосных сосудах и возвращается в сердце по венам, чтобы вновь, окислившись в легких, идти в обращение. Бумажка, выйдя из Большой Казны, проходит по ряду артерий, совершая постоянно свою счетную работу (осуществляя, учитывая и заключая сделки), и возвращается назад истрепанная, разорванная, засаленная.

Бумажки сжигаются, затем возрождаются в Экспедиции заготовления государственных бумаг и вновь выталкиваются в обращение. И совершенно так же, как в теле человека, часть крови по особым артериям и венам питает и само сердце (Большую Казну), и голову (правительство), так и в государственном организме часть текущего народного труда, изображаемого денежными знаками, питает собственно государство в лице его многочисленного служебного персонала.

Comparaison n'est pas raison[186], положим, но такая поразительная аналогия процессов невольно наталкивает на мысль, что первое условие здоровой деятельности Большой Казны — есть полнейшее единство ее органов.

Не будем пока говорить об абсолютных, или кредитных, деньгах; рассмотрим вопрос об организации центрального денежного органа в государстве, аналогичного по своему устройству и при деньгах, опирающихся на фонд, и при деньгах абсолютных.

Что мы видим сейчас в России?

Налицо как бы два главных сердца с их системами кровеносных сосудов и множество сердец дополнительных, связанных, однако, с одним из главных сердец.

Во-первых, нынешний Государственный банк и его конторы и отделения. Эта сеть имеет кровообращение по очень грубым сосудам. Волосных сосудов, где идет самая главная работа, у нее почти вовсе нет.

Во-вторых, Государственное Казначейство, имеющее очень сложную систему сосудов, но тело *вовсе не питающую.* Уездные казначейства высасывают часть крови (денежного средства) из организма, но эта кровь, попадая в сердце, идет не на питание всего тела,

а лишь на питание некоторых органов при истощении остальных, отчего питаемые органы безмерно утолщаются (жалованья, бюрократия и ее непомерное развитие, стремление всех попасть в чиновники, то есть пристроиться к одной из питающих артерий).

В-третьих, отдельные сердца, с их отдельными системами - частные и специальные государственные банки. Функции этих сердец, будучи даже отдельно возможно совершенными, не могут быть плодотворными потому, что зависят от главного органа кровообращения, функционирующего неправильно и располагающего недостаточным количеством крови. Совсем другое было бы дело, если бы эти банки были самостоятельно эмиссионными, как в Америке, но наше государственное устройство имеет *иной тип*, оно не могло примириться даже с такой невинной, но очень плодотворной вещью, как мальцевские деньги, ходившие полным курсом по всей Калужской губернии, и недавно еще засудило одного из южных предводителей дворянства за квитки, которые, при вопиющем недостатке денежных средств в местности, ходили как государственные бумажки.

Оставляя физиологические сравнения, мы видим, что сеть органов Государственного Казначейства не имеет ничего общего с сетью органов Государственного банка, вследствие чего денежное обращение терпит огромный ущерб и деньги неминуемо застаиваются и делают долгие и бесполезные передвижения. Частные банки, будучи в тесной зависимости от Государственного банка, ничего иного не делают, как *торгуют деньгами по мелочам* и подчиняют общественный кредит произвольным и совершенно бесполезным стеснениям, давая возможность наживаться своим акционерам и разным ростовщикам и задерживая нормальный ход промышленности и торговли.

Поэтому первая задача переустройства наших финансовых учреждений состоит в том, чтобы *привести их к полному и безусловному единству*. Деньги должны обращаться внутри *только одной сети сосудов* или органов. Сквозь эту сеть *по счетам*, то есть книгам, *на бумаге* могут проходить какие угодно капиталы, но *всякая уплата денег и всякое их получение должны производиться только одним из органов этой единой сети*, центр коей, экономическое сердце, должно находиться вполне *в области деятельности и власти государственной*. Практически это можно себе представить таю

Центр системы, эмиссионное, кредитное и расчетное учреждение — Большая Казна. Во главе ее — министр Народного хозяйства или, по-древнему, как сочтется наиболее подходящим, например, боярин Большой Казны, или Большой Казначей (в отличие от Державного, или Государственного, Казначея).

Органы ее: приказы областные и уездные, совмещающие в себе все отрасли денежного хозяйства в провинции. Меньшие органы, если представится надобность, — Приходские Казны.

Становятся излишними: Государственное Казначейство и все его особые органы. Собственно государственное хозяйство будет представлять лишь счет денежных сумм исключительно бюджетных и запасных (всенародные капиталы) и будет вестись особым учреждением — Государственною или Державною Казною с Державным Казначеем во главе, по приказам которого Большая Казна будет также получать и выдавать, как и по приказам иных своих клиентов.

П

Совершенно очевидно, что Большая Казна должна быть совершенно самостоятельна и независима от других государственных органов. Поэтому смешение в одном лице двух столь различных функций, как управление народным денежным обращением и движением собственно государственных приходов и расходов по росписи — явление совершенно ненормальное. Министр финансов, которому, с одной стороны, нужно заботиться и вести хозяйство народное, требующее часто великих жертв от государства; с другой стороны, с того же народа и его хозяйства изыскивать средства на содержание и расходы государственного аппарата, — попадает в самое неловкое и двусмысленное положение. Сами собою интересы бюджетные, как ближайшие и виднейшие, берут верх, и вся задача министра финансов сводится на искусное составление и исполнение росписи при помощи различных биржевых и банковских комбинаций, а главное, путем беспрерывно увеличивающихся разного рода займов и налогов. Народное хозяйство остается совершенно в стороне, предоставленное самому себе. Государственный банк живет своею почти замкнутою жизнью и в его нынешнем виде совершенно не в состоянии ответить не только нуждам народного хозяйства, но даже нуждам денежного обращения, регулируемого совершенно

произвольно, на основании соображений, которые нельзя не назвать попросту странными.

Так, кредитных билетов обращается в стране ничтожное количество (около 1100 млн). В обеспечение их размена имеется значительный золотой фонд, который, однако, в размен не пускается. Новые выпуски в гомеопатических дозах производятся, отчисляя в фонд новые количества золота рубль за рубль. Рассчитывают, что этим путем удерживается международная ценность рубля и его внутренняя покупная стоимость, между тем курс не повышается, колеблясь по совершенно иным законам. И вдобавок и министр финансов, и управляющий Государственным банком лишены всякой возможности знать, довольно ли в стране менового денежного средства? Об этом можно лишь говорить гадательно. Вот почему такой глубоко разумный и плодотворный акт верховной власти, как ассигнование в 1892 году 94 млн новых кредитных билетов на постройку Сибирской дороги, был обставлен в финансовом ведомстве весьма оригинальными, но совершенно излишними оговорками. Говорилось, что это не новые деньги, а старые, изъятые, но случайно не сожженные. Эта оговорка неточна ни нравственно, ни фактически. Во-первых, если по указу Государя такие-то кредитки изъяты из обращения и их *поведено сжечь*, то, будь они действительно сожжены или только приготовлены к сожжению, для граждан этих денег уже не существует. Во-вторых, *ведь те* бумажки были старого образца, их все равно надо сжечь и выпустить *новые*. А так как мы имеем здесь дело не с бумажками в материальном смысле, а с *нравственными величинами*, то ясно, что сжег те бумажки не огонь *теперь*, а указ Государев *тогда*, и на постройку Сибирской дороги выпускаются* *новые* знаки и выпускаются самым плодотворным образом в качестве *мнимого капитала*, который оплодотворит долю народного труда, обратит выпущенные знаки в деньги, и дорогу, великую Сибирскую дорогу, прямо подарит государству. Ясно, что если теперь этот акт имеет вид какой-то уступки, компромисса перед господствующей теорией, то его великое практическое значение этим не умаляется, а только с ясностью выступает

* Говорим про принцип. Министерство финансов, как известно, строит Сибирскую дорогу на остатки свободной наличности и к выпуску знаков не прибегало.

на вид несостоятельность господствующей теории и жалкое положение центрального органа денежного обращения, никак не могущего предугадать, какие изменения на денежном рынке произведуг эти вновь выпускаемые 94 млн.

Из этого примера, независимо от коренных недостатков существующей денежной системы, явствует, что управление Большою Казною должно быть совершенно самостоятельно и что глава этого ведомства должен занимать не подчиненное и второстепенное положение в Министерстве финансов, а, по крайней мере, одинаковое с другими министрами. Другими словами, народным денежным хозяйством (Большая Казна и ее органы) должно ведать одно независимое учреждение, государственной росписью (Державная Казна) — другое. Во главе каждого из этих учреждений должны стоять лица (Большой Казначей и Державный Казначей), независимые друг от друга, хотя и работающие согласно во всех общих вопросах и имеющие каждый свой особый самостоятельный доклад у Государя — только верховная власть и может иметь полную свободу и полное всестороннее освещение для своих определений.

Итак, основные задачи Большой Казны должны быть:

1) Управление народным денежным обращением, то есть выпуском и уничтожением денежных знаков.

2) Монопольная торговля золотом, то есть битье монеты для международных рассчетов, покупка и продажа драгоценных металлов.

3) Битье разменной внутренней монеты.

4) Заведывание всеми формами государственного кредита, долженствующего вытеснить *мало-помалу* все формы частной торговли деньгами. Операции с вкладами и ссудами.

5) Производство всех денежных операций Державной Казны.

6) Обороты со всенародными (государственными) запасными капиталами, денежные обороты и расчеты по всем государственным предприятиям, заведывание международной хлебной операцией и хлебными государственными запасами, заведывание добычею золота.

Основные задачи Державной Казны будут:

1) Составление государственной росписи.

2) Производство всяких сметных и чрезвычайных государственных расходов посредством приказов Большой Казне и ее местным органам.

3) Изыскание и получение всяких государственных доходов и образование государственных капиталов и запасов. Исчисление, установление и взимание всяких налогов посредством местных органов Большой Казны.

Очевидно, что обе эти области в известных отраслях тесно соприкасаются друг с другом, а потому требуют дружной, совместной работы. Недоразумений быть не может никаких на том основании, что основным принципом деятельности Большой Казны будет точность и строгость учета всех операций, ради свободы и независимости народного труда и капитала, основным принципом деятельности Державной Казны — изыскание средств для возможно широкой и плодотворной деятельности государственного аппарата при наибольшем развитии собственных средств государства и наименьших пожертвованиях частных лиц. Деятельность Большой Казны будет иметь в результате *отчисление все больших и больших средств во всенародное достояние, то есть в распоряжение Державной Казны.* Этот именно факт и устраняет всякие пререкания, установляя полнейшую ясность компетенций. Большая Казна только регулятор денежного обращения и косвенно народного труда. Она только оберегает его от расстройства. Державная Казна — хозяин коллективного, безличного, всенародного, то есть государственного блага. Противоречия в деятельности обоих этих ведомств возможны только в одном случае, именно, когда народу приходится жертвовать на свою государственность в ущерб своему благосостоянию и труду. В этих случаях у престола Царя являются обе стороны: народный труд в лице главы Большой Казны и государство в лице главы Державной Казны; и свободной власти Государя привадлежит по разуму и совести постановить свое безапелляционное решение. Это совершенно противоположно нынешнему порядку, где в подобных случаях обе стороны совмещаются в лице министра финансов, который представляет на рассмотрение и утверждение Государя свое готовое, уже составленное и мотивированное мнение.

Таким образом, необходимость в низших органах для Державной Казны совершенно устраняется. Наоборот, тем ярче выступает необходимость полной и совершенной организации местных органов денежного обращения, кровеносной сети сосудов Большой Казны. Деятельность этих органов сама собою приурочивается

к административному и земскому делению России на области (губернии) и уезды. В каждой губернии и в больших торговых и промышленных центрах должны быть более сложные органы денежного обращения; в уездах, в меру более простой деятельности, органы менее сложные. Наконец, сеть этих учреждений может заканчиваться *селом*, где возможны настоящие кровеносные *волосные* сосуды в виде простейших органов получения и выдачи денег — *приходских касс.* Нельзя же допустить, повторяем, чтобы нелепая, бумажная волость долгое время еще могла оставаться земскою и административною низшею единицею.

Деятельность областного (губернского) *Приказа Большой Казны*, или просто Областной Казны, должна заключаться в следующем:

1) В заведывании всеми отраслями вкладной и ссудной операции, то есть в приеме вкладов и выдаче ссуд на все сроки. Таким образом, местный долгосрочный ипотечный кредит сосредоточивается в этом учреждении.

2) В управлении местным денежным обращением посредством изменения высоты вкладного и ссудного процентов на всю область по постановлению местного совета казны в пределах норм и правил, установленных Большою Казною или с ее разрешения (а также по ее распоряжению) в случаях необходимых уклонений за эти нормы.

3) В обращении принадлежащих государству и местному областному земству капиталов.

4) В производстве всякого рода современных банковских операций, в том числе комиссионных, как для государства, земства и городов, так и для частных лиц и учреждений.

Деятельность уездных Приказов Большой Казны или Уездных Казен будет обнимать собою:

1) Вкладную и ссудную операцию по процентам, установляемым Областною Казною. Среднесрочный и краткосрочный кредит. Текущие счета.

2) Обращение местных, государственных и уездных земских капиталов.

3) Производство всякого рода банковских операций, необходимых для местной торговли и промышленности.

Наконец, Приходская Касса или Казна будет представлять собою нынешнюю, несколько расширенную, ссудосберегательную кассу

Государственного банка с приемом на вклад мелких народных сбережений, с выдачей мелких же ссуд и с производством в известных пределах переводов и текущих счетов.

Нечего и говорить, что всем этим учреждениям должен быть придан характер полнейшей самостоятельности действий, разумеется, под строгим контролем центрального учреждения и специальных контрольных органов государства на основании весьма широкого, но и весьма точного регламента. Нет никакого смысла, чтобы эти учреждения за всякой мелочью, за всяким пустяком обращались в столицу за разрешением, внося невыносимые проволочки в живое дело и слагая с себя ответственность именно в том случае, где эта ответственность важнее всего. Теперь, например, отделения Государственного банка, а также отделения Крестьянского и Дворянского банков лишены всякой самостоятельности и входят с представлениями поистине нелепыми (например, о разрешении некоторых кредитов), как будто в Петербурге лучше, чем на месте, в Твери или Новгороде, знают о положении дел или имений такого-то.

Эта же самостоятельность имеет и ту превосходную сторону, что вызывает к жизни местную общественную самостоятельность. И Областной, и Уездной Казне, как банковским учреждениям, придется работать, соприкасаясь со всеми почти местными экономическими силами. Это соприкосновение выразится во множестве самостоятельных учетных комитетов вокруг каждой казны соответственно разным видам кредита (например, учетный комитет от землевладельцев, от фабрикантов и промышленников, от городских и сельских торговцев, от крестьянских обществ, от крестьянских кустарных и промышленных товáриществ и пр., и пр.). Затем, в тесную связь с местного казною станут областное и уездное земство и городские управления. Казна, став живым местным экономическим центром, не может не оживить и всей местной жизни, создав для самоуправления категорию реальных, жизненных, а не мнимых бумажных интересов. При надлежащем контроле со стороны государства злоупотребления почти не будут возможны. Еще большее оживление почувствуется в селе, ныне совершенно лишенном всякого кредита и всяких оборотных средств. Богачи до сих пор держат свои сбережения в кубышках, а народу предоставляется кредитоваться у кулаков по 5 и до 10 коп. за рубль в месяц.

Ш

Наши финансисты ломают головы и копья над двумя вопросами: во-первых, откуда достать денег для развития самонужнейших форм кредита, без которого совершенно парализован народный труд; во-вторых, что делать с нашим огромным государственным долгом, платеж процентов по которому, несмотря ни на какие конверсии, переходит за $^1/_4$ млрд в год!

Они и не подозревают того, что это ведь две половины одного и того же вопроса, только искусственно расколотые. Труд прошедший (богатство, капиталы) отделен от труда настоящего и будущего, заперт искусственно в кладовые Государственного банка (по последнему балансу *на хранении* ценностей, то есть процентных бумаг в этом учреждении, 2 $У_4$ млрд при денежном обращении в 1100 млн) и вместо того, чтобы помогать труду настоящему, его же угнетает платежами по купонам.

Чтобы поднять народный труд и благосостояние, нужно широчайшее развитие кредита — с этим, кажется, согласны все. Чтобы развить повсюду потребный кредит, нужно такое количество знаков, чтобы *всякая серьезная сделка* (не один учет векселей только), *всякая мелиорация могла осуществиться*, чтобы учреждение кредитующее никогда не говорило: «нет денег».

С другой стороны, платеж по бесчисленным российским купонам идет прямо из бюджета, то есть из налогов, совершенно высасывая страну. Почему бы этот платеж не переложить *с изнемогающего нынешнего труда на труд будущий, который эти же самые капиталы могут и вызвать?*

Если бы нам не остались в наследство эти безрассудные 4 млрд (или более) долгов, сделанных почти все искусственно, народный кредит мог бы быть прямо организован из *мнимых капиталов*, то есть на выпуск новых знаков в меру их потребности, и тогда весь доход с кредита, все «вознаграждение капитала» пошло бы во всенародное мирское, государственное достояние (см. первые главы); теперь, к несчастью, этого сделать нельзя. Пускать в народное обращение приходится готовые, уже образовавшиеся капиталы, а потому понятно — и доля вознаграждения пойдет им, а не государству, и накопление всенародного запаса будет совершаться значительно медленнее.

Позволим себе пояснить это реальным примером: возьмем какую-нибудь отдельную губернию, например, Смоленскую. Пусть будет перестроен Государственный банк и открыта Смоленская Областная Казна (Смоленское отделение Государственного банка) и двенадцать уездных. Образован ряд учетных и мелиорационных комитетов, открыты разнообразные виды кредита и прием вкладов. Обращается сейчас в губернии такое количество знаков, на котором ни кредита развить никакого нельзя, ни вкладам образоваться не из чего. Остановка будет за знаками. Откуда их взять?

Представим себе, что государство, ранее сделавшее *консолидацию* знаков в процентные бумаги, поступит обратно — произведет *ликвидацию*. Оно снимает с рынка, погашает вновь выпущенными знаками какой-нибудь свой заем. Владелец 4-процентной бумаги решительно ничего не потеряет, а будет даже благодарен, если у него возьмут его облигацию, стоимость которой вечно колеблется, и выдадут вкладной билет, разменный по предъявлении в любом учреждении Большой Казны. Тогда эти выпущенные деньги и составят *вклад*, например, хоть в ту же Смоленскую казну, и на этот вклад и могут начаться ее первые расширенные кредитные операции.

В результате: государственный бюджет освобожден от платежа процентов по займу, владелец капитала спокоен за размер своего имущества, его деньги *работают*, а не *истреблены*, трудящийся заемщик имеет к услугам деньги-орудие, деньги-капитал по условиям свободного соглашения, а не на ростовщических началах, и затем в пользу государства остается весь чистый банковский заработок кредитного учреждения, то есть разница между ссудным и вкладным процентом за покрытием административных расходов.

Разумеется, сразу сделать что-либо подобное в огромных размерах, например, ликвидировать весь процентный долг, трудно. Этим можно вызвать если не потрясение, то жестокую лихорадку и в земледелии, и в промышленности. Но это может случиться лишь тогда, когда кредит, устроенный в областях, будет безрассуден, недостаточно строг и обдуман и вообще *выше, чем кредитоспособность, или, что то же самое, готовность к труду* населения и технический уровень предпринимателей.

Разумеется, *сейчас* 4 млрд процентных бумаг, размененные на знаки, поглощены промышленностью, торговлей **и** земледелием быть не могут, или, другими словами, земледелие **и** промышленность не могут *добровольно и свободно* переложить на себя из бюджета все 250 млн руб., идущих на уплату купонов. Значительную часть придется по-прежнему взыскивать в виде налогов, но важно то, что кредит станет расти и расширяться, и в несколько лет будет достигнуто правильное, здоровое размещение всех выпущенных знаков. Разумеется также, что государство должно к этому приложить все усилия и помочь возникновению новых форм труда, о чем речь впереди.

Пока нам довольно выяснить первый и второй шаги на пути нашего финансового излечения. Первый шаг — переустройство денежных учреждений, образование сети органов Большой Казны и открытие очень строгого и осторожного, но разностороннего и разнообразного кредита и прежде всего в уездах. Второй шаг: ликвидация процентных бумаг с переводом их во вклады, причем эта ликвидация может быть сделана или единовременно, путем обмена бумаг на другие, или последовательно, по мере выясняющихся нужд страны в денежных средствах. Процесс будет по существу один и тот же, но его обстановка в том и другом случае будет несколько иная, и это мы сейчас рассмотрим.

Мы говорим, разумеется, только о долгах, заключенных в кредитной валюте, и прежде всего о чисто государственных долгах, затем о займах на специальные цели, как, например, на железные дороги, дворянский и крестьянский кредит и т. д. О долгах металлических говорить не будем, так как условия их ликвидации совсем иные. Кредитный долг может быть погашен простой выплатой капитала в кредитных рублях или выдачей вкладного билета, разменного по предъявлении. Долг металлический может погашаться или металлом, что уничтожило бы наши запасы золота, или металлическими же, но истинно разменными обязательствами, которые точно так же поставят в опасность золотую наличность России.

Наконец, металлические долги стоят как бы вне общей внутренней денежной сети. На их погашение могут быть обращаемы добываемое золото и золотые доходы казны, например, таможенный. Недостаток этих средств может покрываться усиленной расплатой продуктами народного труда, причем *как только наш международный баланс станет заключаться в нашу пользу, так внешний долг будет сам собою убывать*. Говорить поэтому будем лишь о наших долгах кредитных.

Итак, могут представиться два способа: единовременная ликвидация и постепенное снятие с рынка займа за займом.

Выгоды первого способа неоспоримы. Достаточно исчислить приносимые теми или другими бумагами доходы и фиксировать их, имея в виду лишь одно: чтобы владелец капитала получал столько же дохода, сколько и раньше. Капиталисту все равно, если он получал 4 $^{1}/_{2}$ руб. со 100 руб. капитала или будет получать 4 со 100, если при этом его капитал возрастет до 112 $'/_{2}$ руб. и, следовательно, будет приносить те же 4 $'/_{2}$ Руб. Следовательно, в этом случае ликвидация будет простым расчетом доходности и перечислением капитала. При этом заемщику дается бумага, никаким колебаниям не подверженная и во всякую минуту разменная. Очевидно, эти ее преимущества могут быть уравновешены незначительным понижением процента.

В результате операции получится огромный капитал вкладов, с которым государство пусть на первых порах и не знает, как поступить производительно. Оно платит по ним проценты, кроме той части вкладов, которая соответствует уже выданным ссудам. На остальные идет платеж прямо из бюджетных средств, и разница с нынешним положением будет лишь та, что по мере развития кредита платеж этот будет убывать, пока не прекратится вовсе.

Во втором случае, то есть когда займы будут сниматься последовательно, произойдет следующее: государство назначило, положим, вкладной процент 3 $'/_{2}$. Бумага приносила 4 $'/_{2}$ %. К моменту ее выкупа ее цена возрастет против номинальной как раз настолько, что новый процент по вкладу и старый по купону почти сравняются. Заемщик, получивший свой капитал бумажными рублями по биржевой цене и сдавший'эти рубли во вклад, ровно ничего не потеряет и не выиграет.

Со снятием с рынка одного, двух, трех займов биржевая ценность или курс остальных неминуемо повысятся. Есть экономический закон, по которому доход от всякого рода капиталов в данное время стремится к равенству, и потому ясно, что относительно своей биржевой цены и 3 %-ная, и 4 $'/_{2}$ %-ная государственная бумага одинаково доходны.

Повторяем: процесс тождествен, и вся разница будет лишь в том, что так как на всякой денежной конверсии или ликвидации неминуемо теряет государство и наживают биржевики и банкиры, то для

государства всего лучше та операция, которая биржу *по возможности устраняет вовсе.* Государство могло бы рядом финансовых маневров парализовать биржу, так сказать, *обмануть ее,* но, право, это не дело христианского государства.

Поэтому первый способ мы считаем безусловно предпочтительным. Практически он может оформиться так:

1) Правительство, то есть Большая Казна, устанавливает желательный и возможный по времени вкладной процент и исчисляет на него всевозможные государственные долги, написанные в кредитной валюте.

2) Владельцам бумаг выдаются разменные вкладные билеты, приносящие тот же доход.

3) Вклады пишутся долгом за Державной Казной (Государственным Казначейством), которая из росписи своей платит по ним проценты.

4) Валюта этих вкладов в виде вновь выпущенных бумажных рублей распределяется по областям и уездам и постепенно путем развития кредитных операций (путем ссуд) пускается в народное обращение.

5) По мере выпуска в обращение бумажных денег суммы их списываются с долга Державной Казны, и проценты уже платит не она, а заемщики.

6) Державная Казна и сама пользуется этими вновь выпускаемыми знаками для своих (государственных) предприятий. По мере расходования суммы эти списываются с ее долга и переводятся на счет данного предприятия, которое платит само проценты по ссуде.

7) Чистый доход от операций всех учреждений Большой Казны вместе с чистым доходом от предприятий Державной Казны и различных иных государственных предприятий, а также все окладные и неокладные государственные доходы пишутся в счет Державной Казны и идут или на погашение ее первоначальной ссуды, или в образование ее собственного державного вклада (всенародного запаса).

Здесь перечислены лишь главные основания счетов между Большой и Державной Казной. Впоследствии мы надеемся иметь случай говорить подробнее об операциях Державной Казны, а пока с особенной настойчивостью упомянем лишь об одном: ни о ка-

ком «казначейском» выпуске денег при этой системе не может быть и речи, и ни один рубль не пойдет в народ в виде конкурента прежним рублям, то есть не будет ронять покупной стоимости денег.

IV

Покойный И. С. Аксаков, единственный в России публицист, понимавший и разделявший наши финансовые воззрения и смело дававший место в «Руси» нашим статьям, столь противоположным по духу действовавшей в то печальное время финансовой системе, говаривал бывало: «Пишите, что хотите, но если ваша речь обращена к нашей бюрократии, то знайте: как вы ясно ни высказывайте вашу мысль, она не произведет должного впечатления. Скажут: "это все рассуждения". Им не только мысль нужно дать, им надо готовый циркуляр предложить».

Памятуя эти вещие слова, мы решились высказанные нами мысли о переустройстве нашей денежной системы и государственного кредита сформулировать в виде краткого и сжатого *проекта устава Большой Казны,* который своевременно и был представлен куда следует. Мы ни на одну минуту не увлекались иллюзией, чтобы этот устав был принят и проведен в жизнь. Для этого — увы! — еще не настало время. Наш устав, логически вытекая из научных положений, нами выведенных, правду сказать, мало считается с текущей действительностью и представляет, скорее, конечную цель и *конечную форму* (насколько, разумеется, хватает глаз вперед в нашей исторической жизни) будущей русской денежной системы, *экономический идеал,* чем практическое мероприятие. Для современных деятелей это нечто вроде memento mori[187]. Новый устав Государственного банка, выработанный комиссией А. Я. Антоновича[188] и ныне введенный в жизнь, является по сравнению со старым уставом некоторым шагом вперед. Тем любопытнее сравнить его с нашим уставом Большой Казны, для чего последний и приводим здесь полностью. Из этого сравнения читатель может заключить, какой долгий путь предстоит еще русскому кредиту и денежному хозяйству, пока установится последнее в стройную систему.

Вот этот наш:

УСТАВ БОЛЬШОЙ КАЗНЫ

I. Устройство Большой Казны и ее действия

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Назначение и права Большой Казны

1. Большая Казна со своими местными учреждениями есть государственное установление, самостоятельно ведающее денежным обращением и народным кредитом.

2. Ей присвояется:

а) выпускать и извлекать из обращения государственные денежные знаки;

б) чеканить монету для внутреннего и международного обращения;

в) производить по приказам государственных установлений всякие платежи и получать всякие уплаты согласно государственной росписи;

г) принимать вклады и выдавать ссуды на условиях, ею самою объявляемых;

д) производить на исключительном праве торговлю золотом и серебром.

3. Никаких собственных капиталов или имуществ Большая Казна иметь не может. Получаемые ею прибыли поступают сполна в государственное достояние и ведаются Державною Казною. Капиталы, Большою Казною обращаемые, принадлежат государству, земствам, городам, обществам или лицам.

4. Способ действий Большой Казны двоякий: счетно-исполнительный и хозяйственный.

5. Счетно-исполнительные действия Казны имеют целью точное производство и учет всяких получений и платежей по приказам государственных учреждений, обществ и частных лиц. Хозяйственные действия Казны направляются к приумножению государственных средств и облегчению народного труда и промыслов.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Выпуск и изъятие денежных знаков

6. Государственные денежные знаки выпускаются в обращение Большою Казною по соображению точной потребности народного хозяйства, торговли и промышленности в денежном меновом средстве.

7. Потребность эта определяется расширением местных земледельческих и торгово-промышленных оборотов и выражается ближайшим образом увеличением требования на ссуды и превышением возврата вкладов над их поступлением.

8. Предварительно увеличения в пределах округа количества обращающихся в нем денежных знаков Казна входит в рассмотрение:

а) оправдывает ли возросшая промышленность и расширенные торговые обороты потребность в новых знаках;

б) не усматривается ли нездорового возбуждения предприимчивости (спекуляции) в ущерб спокойным и постоянным производствам.

9. В последнем случае Большая Казна повышением ссудного и вкладного роста старается охладить чрезмерное возбуждение.

10. Изъемлются излишние знаки из обращения в том случае, когда наблюдается превышение вносимых вкладов над их востребованием и ослабевает требование ссуд.

11. Предварительно изъятия излишних знаков из обращения Большая Казна входит в рассмотрение:

а) не ощущается ли действия причин, угнетающих в округе народный труд и предприимчивость;

б) оправдывается ли необходимость изъятия излишних знаков продолжительным свойством промышленных затруднений.

12. В последнем случае предварительно изъятия излишних знаков Казна, путем понижения роста по ссудам и вкладам, пытается внести оживление в местную промышленность.

13. Выпускаются в народное обращение денежные знаки доставкою потребного их количества Окружным Казнам из Большой Казны, изъемлются возвратом знаков Большой Казне.

14. Ветхие знаки обмениваются на новые по особому счету согласно существующих правил.

15. Для точного учета истребляемых в обращении без обмена знаков, а также для затруднения подделок рисунок и внешний вид знаков изменяются каждое десятилетие.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чеканка монеты

16. Большая Казна чеканит монету троякого рода:

а) разменную внутреннюю;

б) полноценную российскую серебряную;

в) международную золотую.

17. Разменная монета низкопробного серебра, медная и никелевая выпускается в долях рубля и чеканится с таким расчетом состава своих сплавов, чтобы не представлялось особых выгод для переплавки оной в изделия, ни для подделки.

18. Полноценная серебряная российская монета изготовляется согласно действующему монетному уставу и назначается преимущественно для торговли с восточными странами.

19. Золотая международная монета изготовляется по составу и ценности в точности сходственною с монетою латинского союза и служит для внешней торговли и международных государственных расчетов.

20. Сделки и обязательства на полноценную и международную монету внутри Империи, кроме сохранных расписок, совершать воспрещается.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Приходование и расходование государственных средств

21. Никакое лицо ни установление, кроме Большой Казны и ее учреждений, или помимо их, не может быть уполномочено ни к приему, ни к выдаче каких бы то ни было принадлежащих государству денежных ценностей.

22. Всякого рода государственные платежи и получения, производимые не самою Большою Казною или ее местными учреждениями, могут совершаться лишь по их полномочию на основании особых в каждом случае выдаваемых расчетных книг, или листов, с представлением принятых денег, или отчета в расходе выдавшему полномочие учреждению Большой Казны.

23. Большая Казна и ее местные учреждения ведут каждое в пределах своего ведения счета государственным приходам и расходам и производят получения и уплаты согласно обнародованной в законодательном порядке росписи сметных и чрезвычайных государственных приходов и расходов и приказам лиц и учреждений, имеющих на то законное право.

24. Никакая выдача вне сметы, или на употребление, в смете не указанное, или учреждению и лицу несоответственному, не может быть произведена без особого Высочайшего повеления.

25. Приказ о денежной выдаче должен заключать в себе поименование: лица или учреждения выдающего, лица или учреждения получающего, количества выдаваемых денег и предмета выдачи с указанием подлежащих статей сметы.

26. Таким же порядком совершается заприходование государственных поступлений.

27. Каждое учреждение Большой Казны, независимо от общего счета государственных сумм в пределах своего округа, ведет отдельные счета местных государственных учреждений и лиц, производящих через его посредство выдачи и получающих платежи.

28. Выдачи и получения могут производиться всеми учреждениями Большой Казны посредством взаимного перевода, но лицевой счет местному учреждению ведется лишь соответственным местным учреждением Большой Казны.

29. Отчет о движении сумм по сметам отдельных государственных учреждений представляется этим учреждениям в сроки, распоряжением подлежащего ведомства установляемые.

30. Отчет о движении государственных сумм вообще, то есть о произведенных приходах и расходах государственных сумм ежедневно всеми учреждениями Большой Казны, сообщается телеграммами в ее столичное управление, где всему дневному денежному обороту правительства подводятся итоги и обнародываются во всеобщее сведение.

31. Подробные отчеты о состоянии счетов каждого ведомства и об исполнении всей государственной росписи составляются и обнародываются ежемесячно.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прием и выдача вкладов

32. От всех лиц, обществ и учреждений Большая Казна и ее местные органы во всякое время принимают денежные вклады не менее 100 рубей.

Примечание. Ссудо-сберегательные кассы Большой Казны принимают вклады на особых основаниях.

33. Вклады принимаются:

а) вечные;

б) срочные;

в) бессрочные;

г) на текущий счет.

34. Под вечными вкладами разумеются такие, которые никогда возврату не подлежат и приносят их владельцу единственно постоянный ежегодный доход.

35. Вечные вклады могут быть делаемы земскими, городскими, сословными, общественными и частными учреждениями, действующими на основании Высочайше утвержденных уставов или в пользу сих учреждений.

36. Вечные вклады частных лиц, вносимые на какое-либо постоянное богоугодное, благотворительное, научное или художественное назначение, принимаются на основании особо установленных правил.

37. Срочными вкладами именуются вклады, вносимые на время свыше одного года.

38. Бессрочные вклады вносятся и возвращаются по усмотрению владельцев капитала в столичных и областных Казнах без ограничения, в уездных, если вклад свыше 10 тыс. руб., с предупреждением о возврате оного местной Казны за пять дней.

39. Срочные и бессрочные вклады могут быть именные и на предъявителя.

40. Текущие счета открываются частным лицам и учреждениям по внесении соответственной суммы или по представлении иного обеспечения на основании ст. 54 и 102.

41. Никакая власть не может налагать арестов и взысканий на [Вв]еренные Большой Казне капиталы, вклады и текущие счета, ни на

получаемый по оным доход иначе, как по судебному решению, вошедшему в законную силу.

42. Установленный и указанный во вкладном листе рост по вкладу не может быть изменяем без согласия вкладчика: по вкладам срочным до истечения срока, по бессрочным в течение трех лет со дня принятия вклада.

43. Принятый вклад не может быть возвращаем до срока вкладчику, ни изменяем в его характере и назначении.

44. Рост по вкладам устанавливается Советом Большой Казны в различных размерах и изменяется для вновь принимаемых вкладов по ее усмотрению в соображении с условиями денежного обращения и нуждами народного хозяйства.

45. По истечении срока срочного вклада рост по нему исчисляется как по бессрочному.

46. Выдача роста по именным вкладам производится владельцу или его уполномоченному, по безыменным — предъявителю во всех местных Казнах.

ОТДЕЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Выдача и возврат ссуд

47. Ссуды Большою Казною выдаются:
а) обеспеченные имуществом;
б) кредитные.

48. Имущество, принимаемое в обеспечение ссуд, может быть движимое и недвижимое.

49. Кредит может быть земледельческий, промышленный и торговый.

50. Ссуды, на сроки не свыше одного года и уплачиваемые полностью единовременно, именуются краткосрочными. Ссуды, выдаваемые на срок более одного года и платимые взносами в установленные сроки, именуются долгосрочными. Ссуды, даваемые на вечные времена за получение одного лишь постоянного дохода, именуются вечными.

51. В вечные ссуды помещаются только вечные вклады, ссуды долгосрочные соответствуют вкладам долгосрочным, ссуды краткосрочные — вкладам бессрочным.

52. Ссуды, обеспеченные недвижимым имуществом, выдаются особым порядком областными и городскими Казнами, имеющими особые отделения по залогу недвижимостей.

53. Ссуды, обеспеченные движимостью, выдаются всеми учреждениями Большой Казны на основании правил о выдаче ссуд под товары и заклады.

54. Личный кредит открывается местными Казнами при содействии ссудных комитетов общих или отдельно по каждому ряду кредита, где таковые положены.

55. Взыскания по всем вообще ссудам из Большой Казны и ее местных учреждений приравниваются во всех случаях ко взысканию государственных платежей, и Большая Казна является первенствующею перед всякими другими заимодавцами.

ОТДЕЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Торговля золотом и серебром

56. Золото и серебро, не в изделиях, не могут быть предметами частной торговли.

57. Привоз сих металлов из-за границы, равно как и вывоз их за границу, производятся единственно Большою Казною.

58. Все количество добываемых в России золота и серебра подлежит сдаче в Большую Казну за установляемую ею плату.

59. Потребное внутри России на изделия и химические работы золото и серебро приобретаются единственно в Большой Казне.

60. Всякие расчеты с переводом платежей на монету и счет международный и обратно совершаются чрез посредство учреждений Большой Казны по курсу, ею объявленному, и на основании особых правил.

61. Для уплаты из России за границу выдается Большою Казною золотая международная или полноценная серебряная монета, учетные таможенные свидетельства или приказы на заграничных агентов Казны по последнему курсу, объявленному Казною.

62. Для уплат из-за границы в Россию принимаются Большою Казною или ее заграничными агентами, а также всеми таможенными учреждениями золотая и серебряная монета, таможенные свидетельства и приказы заграничных агентов Казны по тому же курсу.

63. Курс государственных денежных знаков на золото и серебро и обратно объявляется Большою Казною в установленные сроки по телеграфу во все местные Казны, таможням и заграничным агентствам на основании соображений о ходе международной торговли,

требований переводов как нашими, так и иноземными торговцами и наличных металлических запасов Большой Казны.

64. Вывоз за границу государственных денежных знаков воспрещается.

II. Управление Большой Казны

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учреждения управляющие и исполнительные

65. Учреждения Большой Казны по характеру своей деятельности разделяются на управляющие и исполнительные.

66. К первым принадлежат:

Совет Большой Казны в столице.

Окружные Казны с их советами.

67. Исполнительные учреждения суть:

Губернские, областные и городские Казны.

Уездные Казны.

Сельские ссудо-сберегательные кассы.

Почтово-телеграфные сберегательные кассы.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Совет Большой Казны. Большой Казначей

68. Во главе учреждений Большой Казны стоит Совет, председательствуемый Большим Казначеем с правами министра, назначаемым и увольняемым Верховною Властью.

69. Совет Большой Казны состоит из Товарища Большого Казначея, управляющих отдельными отраслями Казны, членов от других правительственных ведомств и представителей земледелия, промышленности и торговли.

70. Управляющих отдельными отраслями восемь человек:

1. Управляющий Печатной Денежной Палатой.
2. Управляющий Монетным двором.
3. Управляющий счетами Державной Казны и государственных учреждений.
4. Управляющий вкладной операцией.
5. Управляющий обеспеченной ссудной операцией.

6. Управляющий кредитной операцией.
7. Управляющий международной расчетной операцией.
8. Управляющий надзором и проверкой местных учреждений Казны.

71. Членов от других правительственных ведомств семь человек

По ведомству Державной Казны (Государственного Казначейства) - трое.

По ведомству Государственного Контроля — один.

По ведомствам Земледелия, Промышленности и Торговли — по одному.

72. Членов по выбору девять человек:

От земледельческих обществ Вольного Экономического, Московского Общества Сельского Хозяйства и Общества Сельского Хозяйства Южной России — по одному человеку.

От мануфактурных советов Петербургского, Московского и Иваново-Вознесенского — по одному человеку.

От купеческих обществ: Петербургского, Московского и Нижегородского ярмарочного — по одному человеку.

73. Заседание Совета считается состоявшимся, если присутствуют четверо управляющих, один представитель Державной Казны, представители Государственного Контроля и ведомств Земледелия, Промышленности и Торговли — всего девять человек.

74. Председательствует в Совете Большой Казначей, его Товарищ, или один из Управляющих по старшинству.

75. Дела решаются большинством голосов. При равенстве голос председательствующего дает перевес.

76. Постановления Совета утверждаются Большим Казначеем. При его несогласии с большинством тот же вопрос передается на обсуждение Совета в наименьшем составе восемнадцати членов. Постановление, принятое $^{2}/$, голосов на этом заседании, в случае несогласия Казначея, вносится им вместе с особыми мнениями меньшинства и его собственным заключением на рассмотрение Верховного Хозяйственного Совета (Деп. Экономии Гос. Совета, усиленный представителями подлежащих ведомств). Мнение Совета представляется на Высочайшее утверждение.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круг ведения Совета

77. Предметы деятельности Совета суть:

а) направление всею деятельностью учреждений Большой Казны;

б) разрешение всяких вопросов и сомнений, восходящих от Окружных Казен;

в) надзор за деятельностью всех учреждений Большой Казны;

г) инструкции Окружным Казнам и управляющим отдельными отраслями;

д) установление величины вкладного и ссудного роста;

е) разрешение личных кредитов на суммы свыше 100 тыс. руб. Вопросы эти решаются Советом самостоятельно.

78. Обсуждаются и повергаются Большим Казначеем чрез Верховный Хозяйственный Совет на Высочайшее утверждение:

ж) выпуск и изъятие из обращения денежных знаков;

з) всякие вопросы по прежним государственным долгам;

и) затруднения, проистекающие при исполнении государственной росписи;

й) затруднения в осуществлении и учете государственных предприятий;

к) предположения о необходимых изменениях в действующем законодательстве;

л) разногласия между Большой и Державной Казнами или другими ведомствами;

м) предание суду членов Совета, управляющих отдельными отраслями и окружных казначеев.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Окружные Казны и их Советы

79. Окружные Казны простирают свою деятельность на несколько губерний или областей, объединенных общими народно-хозяйственными или промышленными признаками.

80. Окружные Казны управляют денежным обращением и народным кредитом в своем округе и руководят деятельностью местных учреждений Большой Казны, им ближайшим образом подчиненных.

81. Во главе Окружной Казны стоит Совет под председательством Окружного Казначея, состоящий из его Товарища, шести управляющих отдельными отраслями, двух членов от ведомства Державной Казны, по одному от ведомств Контроля, Земледелия, Промышленности и Торговли, трех от областных и губернских земств округа и по одному от земледельческих обществ, мануфактурных советов и купеческих обществ округа.

82. Члены совета от Державной Казны присутствуют по очереди губерний согласно распределению Державного Казначея. Члены от прочих ведомств назначаются своими начальствами также по очереди губерний. Остальные члены по выбору поступают в Совет согласно очереди, установленной между губерниями, и на сроки, соответствующие избирательным срокам посылающих представителей учреждений.

83. Порядок заседаний и постановлений Совета таков же, как и Совета Большой Казны.

84. Предметы ведения Совета суть:

а) исследование состояния народного хозяйства и денежного обращения в губерниях и областях округа;

б) представления Большой Казне о повышении или понижении вкладного и ссудного роста в казнах округа;

в) надзор за деятельностью местных казен округа с производством внезапных и постоянных ревизий;

г) назначение и увольнение служащих и представления Большой Казне о назначении в должности губернских и городских казначеев и об их увольнении;

д) разрешение недоумений в деятельности местных казен и их пререканий между собою;

е) распределение запасов денежных знаков между губернскими, городскими и уездными казнами округа;

ж) рассмотрение в административном порядке жалоб на неправильную деятельность местных казен или злоупотребления служащих;

з) дисциплинарные взыскания со служащих;

и) постановления о предании их суду, кроме губернских и городских казначеев, о коих делаются представления Совету Большой Казны.

85. Постановления Совета приводятся в исполнение Окружным Казначеем.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Губернские, уездные и городские казны [1]

86. Губернские, городские и уездные казны суть учреждения исключительно исполнительные.

87. Губернские и городские казны суть учреждения первого разряда, уездные — второго.

88. губернские казны ведают залоговой операцией недвижимостей на пространстве всей губернии, остальная их деятельность совершается в пределах уезда губернского города и ничем не разнится от деятельности казен уездных.

89. Городские казны открываются в тех городах, которые по своим оборотам требуют широкого денежного обращения. Они также производят залоговую операцию недвижимостей в черте своего города, где сосредоточиваются и остальные их операции.

90. Местные казны ведают:

а) поступлением и расходованием государственных сумм по приказам подлежащих учреждений и под наблюдением местных органов Державной Казны и Контроля;

б) приходом и расходом особых сумм по сметам местных государственных предприятий и по приказам их управлений;

в) приходом и расходом местных земских, городских, сословных и всякого рода общественных сумм для обществ, действующих на основании утвержденных уставов по приказам соответствующих управлений и за надлежащим по уставам учреждений и обществ надзором;

г) приходом и расходом частных сумм для лиц и предприятий, желающих иметь'открытые счета в сих казнах и поручают им свою кассовую и денежную часть;

д) приемом и возвратом вкладов;

е) переводом платежей, получений и взысканий;

ж) продажами и покупками золота и серебра в монете, учетом и выдачей приказов на металлический счет по заграничной торговле и таможенным платежам;

з) приемом в залог движимости для открытия текущих счетов или выдачи под нее ссуд;

и) учетно-вексельной операцией.

91. губернские, городские и уездные казны находятся в заведывании губернских, городских и уездных казначеев при необходимом штате служащих. Штаты вырабатываются и должности распределяются советами окружных казен и советом Большой Казны по принадлежности.

92. Местные казначеи, распоряжаясь в своих казнах вполне самостоятельно, подчиняются непосредственно надзору и распоряжениям Окружных Казен и несут на себе всю ответственность.

ОТДЕЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ссудные комитеты при Казнах

93. При всех губернских, городских и уездных Казнах состоят по одному или нескольку ссудных Комитетов, на обязанности коих лежит как оценка представляемых под ссуды обеспечений, так и определение кредитоспособности и благонадежности лица, ходатайствующего о личном кредите.

94. Совет Окружной Казны устанавливает, скольким Комитетам быть при каждой из местных Казен и каким именно.

95. Ссудные Комитеты составляются из местных землевладельцев, промышленников и торговцев и именуются смешанными, земледельческими, промышленными и торговыми.

96. Каждого рода ссудный Комитет должен состоять из шести избранных членов при шести к ним кандидатах. Председательствует в Комитете казначей или лицо по его уполномочению.

97. Комитеты собираются в определенные дни в наименьшем составе трех человек. Заявившего о болезни или отпуске члена замещает кандидат.

98. Во все время службы в Комитете члены и их ближайшие родственники личным кредитом пользоваться не могут.

99. Выборы в Комитет производятся следующим порядком:

а) образуется правительственное совещание. В губернии: из губернского казначея, губернского предводителя дворянства, городского головы, председателя губернской земской управы и председателя старейшего из местных земледельческих обществ под председательством губернатора. В уезде: из уездного казначея, исправника, председателя уездной земской управы, город-

ского головы и податного инспектора под председательством местного предводителя дворянства;

б) совещание составляет список членов Комитета или столько списков, сколько комитетов установлено при местной Казне;

в) если список один, то он сообщается соединенному заседанию местного земского собрания городской думы и мануфактурного совета или местного купеческого общества. Заседанию предоставляется избрать из этого списка не менее трех лиц;

г) если списков несколько, то список земледельческий сообщается местному земскому собранию, промышленный — соединенному заседанию земского собрания и городской думы, торговый — соединенному заседанию городской думы, мануфактурного совета или местного купеческого общества;

д) каждое из собраний, избрав по предложенному списку трех или более лиц, составляет посредством выборов свой список и препровождает его правительственному совещанию, которое обязано избрать остальных до шести членов каждого Комитета.

е) выборы кандидатов производятся по избрании членов Комитета тем же порядком.

100. Избранные члены Комитетов и их кандидаты вступают в должность по произнесении присяги в охранении торговой тайны частных лиц, комитету обращающихся.

101. При Комитетах состоят особые присяжные оценщики, но отдельные оценки могут быть поручаемы членам Комитета, так же, как проверка оценок и действий оценщиков.

102. Размер как обеспеченных движимостью ссуд, так и открываемого личного кредита устанавливаются ссудным Комитетом бесспорно.

103. Оценка недвижимых имуществ может быть оспариваема. При этом Комитет или выслушивает в своем заседании доводы оценщика и владельца, или назначает одного из своих членов для решения спора на месте.

104. За высказываемые в Комитете мнения и оценки члены никакой ответственности не несут.

ОТДЕЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сельские ссудо-сберегательные кассы и почтово-телеграфные сберегательные кассы

105. Повсюду, где значительные местные денежные обороты того требуют, открываются Большою Казною городские, посадские и сельские ссудо-сберегательные кассы, непосредственно подчиненные местной Казне.

106. Кассы эти действуют на основании существующего устава сберегательных касс Государственного банка с нижеследующими дополнениями и изменениями:

а) при возрастании вклада одного лица свыше 1 тыс. руб., управление кассы предлагает ему внести в подлежащую Казну часть его денег на вклад по его указанию;

б) кассы выдают переводы на все другие кассы и Казны в сумме до 300 руб.;

в) кассы выдают ссуды по расчетным листам местных Казен и открывают лицевые счета с оборотом до 1 тыс. руб.;

г) кассы принимают на себя кассоводство и отчетность местных сельских союзов, волостных и сельских правлений, школ, приходских попечительств и иных сельских учреждений;

д) подробные инструкции для этих операций, а также способ вознаграждения касс определяются Советами Окружных Казен.

107. Почтово-телеграфные кассы действуют на основании существующих постановлений. Окружной Казне предоставляется определить предельную цифру оборота, перейдя которую кассы эти обращаются в самостоятельные ссудо-сберегательные кассы.

Приведенный выше устав Большой Казны исчерпывает в главных чертах собственно устройство денежного обращения и устанавливает источники и схему народного кредита, не входя в подробности организации последнего. Эта организация, имеющаяся У нас, хотя и в самом несовершенном виде, для крупных отделов кредита: земледельческого, торгового и промышленного, совер-

шенно отсутствует для самого нужного России — кредита мелкого, народного.

Ниже в приложении помещаем доклад, сделанный нами в Обществе для содействия Русской Промышленности и Торговле[189] и представляющий попытку разрешения вопроса о мелком народном кредите путем организации особых местных единиц — сельских союзов, а теперь, чтобы закончить практическую сторону нашего исследования, формулируем в нескольких положениях русскую финансовую и народно-хозяйственную программу, какою она должна быть на основании изложенной теории абсолютных денежных знаков в самодержавном государстве.

Положения эти следующие:

1. Направить все усилия финансового управления к спасению России от задолженности у иностранцев. Для этого необходимо обратить внимание на точную статистику всех элементов, составляющих наш международный расчетный баланс. Увеличивать, насколько возможно, вывоз наших мануфактурных произведений и нашего сырья. Расширять, хотя бы и с пожертвованиями, добычу золота. Безусловно прекратить наши внешние золотые займы, а выпущенные постепенно переводить на бумажную валюту. С другой стороны, всеми мерами стараться:

Сократить привоз иностранных товаров путем развития, хотя бы и с большими пожертвованиями, соответственных производств дома.

Прекратить морские и военные заказы Казны за границей, а также затруднить заказы частных лиц.

Затруднить проживание за границей богатых русских.

Устранить перестрахования наших страховых обществ за границей и постепенно взять страховое дело в руки государства.

Не поощрять, но затруднять наплыв к нам иностранцев и их капиталов, могущих быть замененными капиталами мнимыми и своими собственными предпринимателями и техниками.

Всеми мерами способствовать развитию отечественного торгового мореплавания, дабы избежать уплат иностранцам за провоз наших, преимущественно громоздких произведений.

2. С началом поворота в нашу пользу международного расчетного баланса организовать правильное погашение наших внешних долгов в золотой валюте путем оплаты вне сроков наших металлических долговых обязательств, а также выкупа частных бумаг из рук иностранцев-держателей.

3. Развивать все роды и виды народного кредита, не стесняясь могущими произойти небольшими потерями для центрального органа денежного обращения. Потери эти относить на расход по промышленному воспитанию народа. Учреждать в новых отраслях промышленности первые фабрики и заводы на счет Державной Казны и выдавать щедрые субсидии лицам, вводящим новые промышленности и новые культуры.

4. Усиливать и развивать внутренний рынок потребления: южного хлеба и мяса на северной половине России, русских мануфактур — на южной.

5. Установить взгляд на железные дороги, как на государственное перевозочное предприятие, и сполна подчинить все тарифы требованиям народно-хозяйственной политики, невзирая на денежные результаты эксплуатации дорог.

6. Взять постепенно в руки государства весь вывоз хлеба за границу. Образовать государственные хлебные запасы, обеспечивающие народное продовольствие и управляющие ценами на хлеб.

7. По мере возможности облегчать прямую податную тягость сельского населения путем переложения налогов на классы, более состоятельные, и развития системы косвенных налогов.

8. Постепенно сокращать питейный доход, переводя его на доход от всеобщего обязательного страхования в различных его видах (мысль покойного А. Д. Пазухина[190], которую надеемся обстоятельно разработать со временем), начиная от страхования от огня и кончая страхованиями от града, чумы, страхованием жизни и т.д.

9. Установить гласный и открытый общественный контроль над всеми операциями финансового ведомства в помощь специальному контролю государственному.

10. Организовать на практических и здравых началах систему специального земледельческого и промышленного образования для подготовки собственных деятелей во всех отраслях культуры.

Программа эта, разумеется, представляет лишь самые общие требования от нашей финансовой и народно-хозяйственной политики. Важнее всего то, чтобы она проводилась систематично, и недостаток в одной ее части не парализовал всего остального.

Она достаточно, как нам кажется, полна, но для ее надлежащего осуществления необходимо еще одно, весьма крупное и трудное условие: это децентрализация нашей хозяйственной деятельности, сосредоточение в центре лишь самых главных рычагов экономической жизни и пробуждение местных центров к самостоятельности и самодеятельности.

Но этот вопрос настолько труден и сложен, затрагивает так глубоко весь наш быт и строй, что здесь решать его невозможно.

ФИНАНСОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Доклад, прочитанный в заседании «Русского Собрания» в Петербурге 9 марта 1908 года

I

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Ровно три месяца тому назад в этом самом зале я имел честь изложить перед вами печальную картину экономического положения России и вопиющее несоответствие нашего, погибающего от истощения народного хозяйства той блестящей государственной росписи, которая тогда была только что внесена в Государственную Думу.

Внимание, с которым ваше собрание выслушало мой длинный и скучный доклад, и знаки одобрения, которые вы мне оказали, вызвали во мне желание еще раз испытать ваше терпение и передать на ваш суд работу, составляющую естественное продолжение, вторую часть первой.

Тогда я представил вам посильный анализ нашего экономического положения, указал на огромные предлежашие задачи и закончил сомнением в том, чтобы наша Дума была в состоянии сделать что-либо иное, кроме внесения несущественных, почти пустяковых поправок в роспись, в бухгалтерском и канцелярском отношении безупречную, но не задающуюся даже отдаленно мыслью ни исправить что-либо в народном хозяйстве, ни создать хотя бы малейшее облегчение народному труду.

Теперь я позволю себе представить вашему вниманию обзор финансовых реформ, в которых нуждается наше народное хозяйство, ту программу, которая логически вытекает из положения вещей и которую должен будет принять русский министр финансов, если он пожелает и будет способен выйти из роли равнодушного к опасностям Родины и страданиям народа чиновника и проявить истинное государственное творчество, то есть сделать то, что именно обязан делать руководитель экономической политики великой Державы.

Но прежде, чем перейти к изложению тех преобразований, без коих немыслимо финансовое возрождение России, я позволю себе остановиться на минуту над судьбой нашей государственной роспи-

си в Думе и засвидетельствовать правоту сделанного мной в декабре предсказания.

Вот уже три месяца, как Государственная Дума в лице множества комиссий и подкомиссий работает над росписью. Со всех сторон торопят и погоняют эту работу, от задержки которой страдает так сильно техника правящего механизма. Работа подходит к концу и скоро доклады и заключения комиссии будут предъявлены Думе. И вот, насколько можно судить по отрывочным газетным сообщениям, мы увидим любопытное зрелище. За исключением единственного, узко специального вопроса о флоте, лучшие силы, которыми располагает Дума, люди независимые, не принадлежащие к чиновничьему миру, а отчасти даже и прямо враждебные существующему государственному строю, послушным стадом пошли по проложенной дорожке и, сделав огромную канцелярскую работу по проверке цифр и оснований росписи, оставили вместе с ее составителями совершенно в стороне народное хозяйство. Аккуратно подсчитывая, набавляя здесь, сокращая там, добрые люди даже не догадывались, что вся эта их добросовестная и усидчивая работа ничего не стоит по существу и совершенно бесполезна для народного хозяйства. Если бы они, даже вовсе не обсуждая росписи, приняли ее всю целиком, а эти три месяца посвятили изучению экономического положения России и изысканию пути к необходимым реформам, это был бы только чистый выигрыш.

Но увы! Ничего подобного Дума сделать не могла уже потому, что в ней совершенно отсутствуют люди, специально знакомые с финансами. А без этого на одних любительских силах далеко не уедешь. Вот почему г. Коковцову[191] и было так легко взять Думу на буксир.

П

Система экономических реформ, имеющая целью финансовое возрождение России, то есть постановку как ее народного, так и государственного хозяйства на верные и прочные основания, распадается на три главные части: 1. Установление надлежащей денежной системы, как основного регулятора всех экономических отправлений в стране. 2. Приведение в стройную систему экономических и финансовых органов в государстве и 3. Установление надлежащей

экономической политики, согласованной во всех своих частях и стремящейся сознательно и планомерно: с одной стороны, к наилучшей постановке народного труда и наибольшему благосостоянию народа, с другой — к возможно широкой и плодотворной постановке хозяйства собственно государственного и доставлению казне самых широких средств для всесторонней деятельности правящего аппарата.

Начнем с нашей денежной системы. Всякая денежная система в государстве имеет значение, с одной стороны, счетчика народного труда, с другой — организатора и направителя этого труда. Кроме того, в тех государствах, которые достаточно самостоятельны по природе своей и могут выбирать ту или иную денежную систему, а не обязаны силой вещей держаться только одной определенной системы, эта избранная система должна служить орудием экономической независимости государства от его соседей и в особенности от хищной международной биржи.

Итак, вот три стороны, требующие от денег определенных условий. Как счетчик народного труда, денежная единица должна быть постоянна и верна. Как организатор и направитель труда, другими словами, как орудие обращения, деньги должны постоянно и повсюду являться на работу в том количестве, в каком нужно, и, наконец, как охранитель экономической независимости страны деньги национальные, в известных случаях, должны не совпадать, а противополагаться деньгам международным и вообще быть от них независимыми.

Посмотрим, как отвечает на эти требования наша государственная денежная система после проведенной графом Витте золотой реформы 1896-1898 годов.

Как счетчик, золотые деньги, кажущиеся наиболее постоянными, являются, в сущности, самыми неверными. Собственная ценность золота подлежит большим колебаниям в зависимости от его добычи, от мировых экономических явлений и, главным образом, от столкновения различных финансовых течений, как, например, недавнее стягивание металла Америкой. После крушения биметализма, золото, ставшее единственным мировым мерилом ценностей, производит постоянные экономические пертурбации и дает возможность строить на мировых рынках настолько произвольные цены, что народный труд всех стран испытывает зачастую настоящую кабалу.

Как организатор народного труда, золото является деньгами еще более неудовлетворительными. В противность теории его свободного переливания из страны, менее в нем нуждающейся, в страну, более нуждающуюся, оно обыкновенно накопляется и производит застой там, где оно не нужно, и, наоборот, отказывается притекать туда, где в нем особенно нуждаются. Наилучшим примером являются Франция и Америка, Россия и Турция.

Наконец, золото, ставшее единственным мерилом ценностей, стало вместе с тем настоящим орудием закабаления слабых экономически стран международной биржей, которая, в свою очередь, получив бесконтрольную власть над необъятными, постоянно ею перебрасываемыми капиталами, сделалась полной владычицей не только в странах слабых и задолженных, но и в странах экономически сильных, подчинив себе одинаково: как ту часть человечества, которая нуждается в капиталах, так и ту, которая имеет свободные капиталы и ищет им помещения.

Наша старая, номинально серебряная, фактически же чисто бумажная валюта, при всех своих недостатках давала народному хозяйству России огромные преимущества: создавала премию при вывозе хлебов и сырья, затрудняла иностранный ввоз, затрудняла помещение у нас иностранных капиталов и всяческую эксплуатацию России иностранцами. Если бы все до единого русские министры финансов, начиная с Рейтерна[192] и Бунге и кончая Коковцовым, не трепетали перед бумажными деньгами и не считали их бедствием, эта же система могла бы дать и прекрасную организацию снабжения страны своими оборотными средствами. Но боязнь бумажных денег поддерживала всегда денежный голод и не давала развиваться ни публичному кредиту, ни народному труду.

Неудобства нашей старой денежной системы ощущались только государственным хозяйством; при ней было трудно заключать займы. Россия была экономически и денежно изолирована от Европы. Частые колебания курса затрудняли расчеты и платежи по системе государственного кредита. Кроме того, на иностранных биржах, особенно на Берлинской, шла за последние годы перед реформой сильнейшая спекуляция на курс рубля, которую оказалось, однако, возможным прекратить и без ломки денежной системы.

Вся задача русского министра финансов сводилась к тому, чтобы обосновать русскую денежную систему именно на изолированности России, а не на валютном единении с Западом, то есть на внешних долгах и зависимости от европейских бирж. Но эти воззрения,* к сожалению, никогда ни Министерством финансов, ни так называемой «наукой» не разделялись, и автор денежной реформы всего менее был расположен им следовать. Золотая валюта была решена графом Витте и единолично введена явно недобросовестным способом, в обход Государственного Совета и в нарушение прямой воли Государя*.

Эта злополучная реформа резко и надолго изменила экономический путь России (обращение ренты в золотую бумагу, вечная зависимость от иностранных бирж и пр.). Она нанесла неисчислимые убытки земледелию, вызвала лихорадочное оживление, затем жестокий кризис в промышленности и торговле, погубила огромное количество национальных капиталов, поглощенных спекуляцией и биржевыми крахами, открыла страну для беспощадной эксплуатации иностранцами, заставила нас заключить постыдный мир, обусловленный прямо финансовыми соображениями, и теперь, не давая возможности поднять экономическое положение России, поддерживает и питает революцию, ею же, путем народного разорения, подготовленную.

III

Всякая финансовая ломка, а тем более изменение денежной системы является делом и трудным, и опасным. А потому прежде, чем решиться проповедовать уничтожение у нас, в России, золотой валюты, нужно твердо уяснить себе ее роль в нашей экономической жизни, а также с совершенной точностью определить, какая России нужна денежная система в уровень ее государственным силам и требованиям народного труда.

Уже давно в наше общественное сознание брошена мысль, будто экономическому росту и благосостоянию деревни мешает не та или иная финансовая политика, а главным образом гражданское неустройство, теперь община. Этим пытались замаскировать перед правительством и обществом истинную причину беды. Заблуждение

* «Дело это требует еще продолжительного обсуяодения». — *Высочайшая надпись на мемории Государственного Совета 1896 года.*

это необходимо рассеять, как и другое — крестьянское малоземелье. Дело совсем не в поверхности землевладения и не в общинных порядках, а в вопиющем недостатке у народа оборотных средств, обесценивающем и парализующем всякий сельский труд. Поправиться и разбогатеть у нас давно уже стало нельзя от земли, можно лишь около земли, путем кулачества и эксплуатации не сил природы, а своего соседа. Но такая разбогатевшая единица закабаляет и разоряет сотни и в конце неминуемо разоряется сама. При таких условиях все начинания бесплодны, и гражданский строй, даже самый лучший, осужден на гибель, а страна — на разорение и анархию, ибо для толпы обнищавших и доведенных до отчаяния людей, не могущих уважать ничьей собственности и не видящих примеров доброго и выгодного труда, нет «гражданского устройства», а есть лишь дикие аграрные инстинкты, умело эксплуатируемые разрушительными элементами, а затем бунты и усмирения и самая тяжелая государственная опека.

Первый и самый важный вопрос: возможно ли повернуть наш экономический руль при нынешней денежной системе? Чтобы дать на это ответ, нужно решить сначала другие вопросы: может ли эта система дать деревне нужные оборотные средства для земледелия? В чем эти оборотные средства заключаются и каков их размер?

Теперь уже всеми хорошо понято, что без местного мелкого кредита оборотных средств в деревне создать нельзя. Кредитному товариществу, действующему в районе трех-четырех волостей, Государственный банк дает основной капитал в 1-2 тыс. руб. Это капля в море. Кредитное учреждение должно обслуживать не больше одной волости и иметь капитал не менее 50 тыс. руб. Только тогда все кредитоспособные будут 'удовлетворены, все земледельческие и промышленные обороты обслужены. Этот капитал в 50 тыс. руб. будет все время обращаться внутри волости, никуда не уходя. Считая волость в 5 тыс. жителей, это составит всего 10 руб. на человека. Чтобы удовлетворить потребность всей России, потребуется денежных знаков только для этого местного сельского обращения 1200 млн руб. Между тем все количество денежных знаков, обращающихся в России, едва превышает ненамного эту сумму и почти всецело поглощается городами и крупными центрами. Деревня почти денег не видит и вынуждена вести свое хозяйство совершенно голыми руками. Взять часть денег из городского обращения

и создать на них мелкий кредит невозможно. Для этого необходимо к существующему денежному обращению добавить, по крайней мере, 1 млрд руб. Эту именно цифру определял сам С. Ю. Витте в комиссии по реформе Государственного банка.

Каким путем найдет эти средства наша финансовая система, вопрос иной, но только та финансовая система и будет отвечать своему назначению, которая это сделает. Нынешняя ограничивается ровно у... частью задачи (ассигнование 2 млн руб. для пособий мелким кредитным учреждениям), да и это «пособие», кажется, было отнято ввиду экономии, когда у нас начала свирепствовать система урезок и сокращений.

IV

Но денежная система важна не только со своей количественной стороны. Качественная сторона денег заслуживает еще более внимания, ибо деньги дорогие, имеющие высшую покупательную способность, и мировые - это одно, деньги дешевые и национальные — совершенно другое. Деньги, выгодные для стран-кредиторов, могут быть разорительны для стран задолженных; деньги мировые, деньги богатых стран — мера, неизбежная и необходимая также для стран экономически несамостоятельных; однако они могут в стране, по природе своей экономически самодовлеющей, но задолженной, вызвать великие бедствия и полную ломку хозяйственных отношений.

Этого вопроса не ставил и не изучал у нас никто, кроме нескольких человек, и в этой области царит полная темнота. Русская финансовая система взяла себе в основание не русскую науку, не данные русской психологии и экономии, а случайные теории, возникшие в странах иного экономического склада и на почве иных экономических данных.

Процесс, ныне нами переживаемый, есть приспособление русского экономического организма к перенесенной им тяжкой операции — замене дешевых национальных денег деньгами дорогими и мировыми. Если этот процесс будет продолжаться, Россия будет, в конце концов, задолжена, разорена и обезличена. Эта политика, по выражению Г. В. Бутми[193], напоминает собой выведение свода посредством камней, выламываемых из фундамента. Единственная

надежда — это прекращение действия золотого механизма, добровольное, спокойное и планомерное, когда явится облеченный доверием Монарха финансовый деятель, носитель здоровой и оригинально-русской финансовой теории (без коей здесь шагу сделать нельзя), или несчастное и случайное в момент крупной внешней катастрофы или внутреннего истощения, например, при ближайшем общем неурожае.

Ближайшая задача русского министра финансов — честно, смиренно и внимательно разобраться в вопросе, мобилизовать для его решения все лучшие русские умы, рассеять мнимо-научный гипноз и создать, наконец, денежную систему по плечу великой страны и в меру ее жизненных потребностей. Задача эта значительно проще, чем представляется на первый взгляд. Дтя ее решения материал в русской финансовой истории и литературе имеется достаточный. Нужно лишь добросовестное сомнение в мнимо-научных авторитетах, беспристрастное искание правды и смирение перед русской жизнью и мыслью.

Вот, несомненно, главная задача дня. Только в зависимости от ее решения могут быть решены остальные вопросы, ибо никакие иные реформы при действии золотой валюты не обновят и не оживят народного труда. Начало нашего возрождения — довольство и благосостояние крестьянской избы, вытекающее прежде всего из хорошо вознагражденного земледельческого труда, а это вознаграждение мыслимо единственно при работе с достаточными оборотными средствами, то есть с хорошей скотиной, плугом, молотилкой, при хорошем отдыхе, с сытной пищей, при цветущей семье, со здоровой, не замученной на работе бабой, со здоровыми веселыми детишками. Никакие внешние* гражданские реформы этого не дадут, а то, к чему мы стремимся с таким усердием сейчас — к разрушению крестьянской общины и введению отрубного и хуторского хозяйства, является только плодом недоразумения, вытекающего из нашего давнего и трудно излечимого финансового невежества в союзе с бюрократическим высокомерием и самовластием.

Но не пора ли в самом деле вернуться к благоразумию и вместо того, чтобы истощать силы государства в борьбе с тысячелетним народным бытовым и аграрным институтом, поискать и призвать талантливого и серьезного экономиста, который смог бы поставить русские финансы на их надлежащий уровень и сделал бы на

первый случай хоть только одно, самое нужное дело, от которого всячески открещивается нынешнее финансовое начальство: широко и правильно организовал бы народный кредит? Чтобы вывести свое сельское население из той беспросветной тьмы и нищеты, в которой оно заперто искусственно, благодаря ложному и антинациональному характеру денежной системы, Россия должна перейти от золота или к нашей старой серебряной валюте, или к валюте абсолютной, чисто кредитной, без всякого металлического основания, которую мы имели в течение двух огромных периодов*. И та и другая дадут стране нужные оборотные средства, позволив расширить денежное обращение в уровень требований народного труда. И та и другая понижением внутренней стоимости и покупной силы непомерно дорогого ныне рубля создадут выгодные цены на продукты земледелия, поднимут потребление и промышленность, дадут лучшую расценку труду, ныне явно обесцененному; и та и другая изолируют нашу Родину от хищного и властного иностранного капитала, в кабале у коего Россия ныне состоит.

V

Чтобы рассеять нелепую клевету, пускаемую золотыми монометаллистами по адресу сторонников серебряной или чисто бумажной валюты, достаточно указать на возможность точного и совершенно автоматичного действия эмиссионного механизма, исключающую какую бы то ни было возможность «инфляции», или «бумаго-денежного наводнения». При системе бумажных знаков, разменных на серебро или воплощающих только идею ценностей (чистый абсолютный знак, расчетная квитанция), эмиссионная операция предполагается, разумеется, только характера банковского, но отнюдь не казначейского. Ни одному государству ныне не придет в голову, кроме случаев политических или военных катастроф, выпускать бумажные деньги для удовлетворения текущих расходов.

С другой стороны, никто не станет осуждать, например, Французский банк за то, что он постоянно расширяет свою выпускную операцию, все более раздвигая законодательным порядком максимум, установленный для бумажных денег. Французский банк имеет

* 1778-1841 и 1857-1896 годы.

в виду удовлетворить всех своих кредитоспособных клиентов и никому не придет на ум бояться огромного количества бумажных знаков, обращающихся во Франции, которые были бы столь же полноценными без всякого размена, как полноценны теперь, обеспеченные разменом на золото. Все дело в назначении денег и в устройстве системы кредита. Количество же их определяет сама жизнь.

Автоматичность денежного снабжения страны, при котором ни один выпущенный знак не будет излишним и ни за одним необходимым не будет остановки, заключается в правильно организованной сети кредитных учреждений, опирающихся на центральный регулятор денежного обращения и кредита — эмиссионный банк.

Совершенно очевидно, что сколько бы ни было заготовлено денежных знаков, только выпущенное в обращение в публику их количество имеет экономическое и финансовое значение. Предположим теперь, что в уезде действует отделение Государственного банка, кроме самостоятельных кредитных операций, питающее еще целую сеть мелких банков — приходских касс. Учетные комитеты отделения и касс организованы, допустим, весьма совершенно. Они не отпустят ни одного кредитоспособного, не выдадут ни рубля не на дело или в неверные руки.

Начинается работа.

Ввиду явного недостатка в знаках в уезде, требование на деньги будет поначалу огромное. Как сухая губка втягивает влагу, так и истрадавшийся без кредита уезд начнет всасывать оборотные средства и пускать их в ход. В это время эмиссионный банк подкрепляет уездные кассы нужными количествами денег. Чрез самое короткое время, вследствие расходования этих денег заемщиками в виде всяких платежей, в разных руках начнут скопляться денежные знаки, свободные от немедленного расходования. В непосредственной близости находится касса, куда эти знаки можно отнести на вклад, или текущий счет, получая за них проценты. Начнется прилив вкладов, который будет настолько меньше их отлива из касс, насколько есть в наличных деньгах нужда. Но вот уездная и приходские кассы кредитуют дальше и дальше. Число обращающихся знаков растет, растет количество вкладов. Наступает момент насыщения, когда количество денег, выдаваемых и получаемых сетью касс, выравнивается. В этот момент ходит в данном районе, очевидно, то именно количество денег, какое нужно для населения, ибо если бы оно было

меньше, приток вкладов не достигал бы выдаваемых ссуд, если больше, излишние знаки явились бы немедленно искать себе процентного помещения.

Очевидно, что случай равенства количества ссуд и вкладов возможен только в теории. Практически будет всегда превышение одних над другими. Во время застоя в делах ссуд будут брать меньше, наоборот, начнут притекать вклады. При оживлении дел получится обратное. Цифра, выражающая потребность данного района в денежных знаках, будет вечно изменяться, отражая состояние сделок. Но в руках банкового управления имеется регулятор, позволяющий удерживать постоянное равновесие и производить полезное воздействие на промышленность. При застое и приливе вкладов понижается процент по вкладам и ссудам; промышленность поощряется более дешевым наймом денег. При промышленной горячке и усиленном требовании денег вкладной и ссудный процент повышаются; поощряются осторожность и спокойствие. Верная и умелая учетно-ссудная политика может служить великолепным регулятором денежного обращения и надежной гарантией постоянства ценности бумажных денег, хотя бы не обеспеченных никаким металлом. Очевидно, что при таком устройстве кредита и денежного обращения не может быть речи ни о каком излишнем выпуске бумажных денег. Наоборот, через самое короткое время, с развитием чековой системы и текущих счетов, это количество начнет сокращаться за надобностью, без всякого стеснения для народного труда и оборотов.

VI

Но для истинно широкой и мудрой государственной экономической политики постоянство ценности денежного знака внутри страны столь же важно, сколь и всегда нормальное, то есть каждую минуту наивыгоднейшее для народа отношение ценности внутреннего национального знака к знаку мировому, коим ныне стало безраздельно золото. Низкий курс наших денег на золото иногда столь же выгоден для страны, сколь в другое время высокий. Центральный денежный аппарат в государстве должен иметь возможность быть не рабом, а хозяином этого соотношения, то есть управлять курсами.

Управление внешними курсами и даже какая-либо попытка к воздействию на курс считается правоверными экономистами величайшей ересью.

К этому призваны сейчас биржи, имеющие наисовершеннейшим образом осуществлять закон спроса и предложения капитала. В действительности курсы почти всегда выражают собой тайную волю нескольких миродержавных князей дома Израилева, которые мало-помалу во всех странах Запада и стали настоящими, хотя и не венчанными царями и обратили парламентарные правительства в свои послушные агентуры. С тех пор как, разрушив национальную денежную систему Императора Николая I, мы вступили на путь финансового рабства у Европы, увенчанный в 1898 году завершением золотой реформы, власть биржи простирается и на нас и хотя еще не совсем подчинила себе нашу внешнюю и внутреннюю политику, но уже наложила на Россию своего рода цепь и заставляет с собой считаться на каждом шагу, особенно в заколдованной области еврейского вопроса.

Управление внешними курсами, помимо и часто вразрез велениям биржи, есть венец освобождения государственной власти от воздействия иностранного капитала, освобождения народного хозяйства от рабства биржи. Это освобождение осуществимо, конечно, только при системе национальных денег и при благожелательном посредничестве государства во всех денежных расчетах своих граждан с внешним миром путем сосредоточения всех валютных сделок в учреждениях Государственного банка. Он один в стране должен являться продавцом и покупателем иностранной валюты, устанавливая ей цену в национальных знаках, или, что то же, национального знака в иностранной валюте не по биржевым бюллетеням, а по соображениям нужды и пользы для государственного хозяйства.

Представим себе огромный урожай у нас при низких ценах на мировом рынке. Подчиняясь биржевому курсу, мы, может быть, ликвидировали бы наш урожай с большими потерями. Но вот эмиссионный банк понижает курс своего знака, увеличивает цену на валюту мировую и этим удерживает цены хлеба от падения на внутреннем рынке. Это же понижение курса является одновременно возвышением таможенной плотины для ввоза и премией для вывоза. Некоторый прямой денежный убыток, если таковой получится

в хозяйстве банка, в виде недополученного золота, покроется многократно избавлением от убытков народного хозяйства.

Точно так же может представиться и обратный случай искусственного повышения курса национальных денег, то есть понижения цены золота, например, при неурожае, когда важно понизить непомерно возросшую на международном рынке цену хлеба и удержать его в пределах страны.

Во всяком случае, здесь должен действовать некоторый точный регулятор, чуждый всякого произвола и ошибок. Сам вопрос об этом поднимается здесь впервые, и сейчас совершенно нельзя сказать, как скоро может справиться Русское государство с подобной задачей. Но что эта задача ставится повелительно нашему государственному аппарату, в этом, кажется, нет сомнения.

VII

Независимо от управления курсами, Русское государство ввиду национальной экономической независимости и ради доставления народному труду необходимых оборотных средств, получить которые при режиме мировых денег равносильно настоящей кабале, должно отрешиться от мировых денег и вернуться к покинутым им в 1896 году национальным, будь это серебро или бумажные деньги. Как бы ни была (по неподготовленности нашей) несовершенно организована эта национальная система, уже одно то, что только при ней пойдет полным ходом русский народный труд, позволяет заранее примириться со многими ее недостатками.

Особенно трудно будет положение государственного хозяйства впредь до урегулирования нашего огромного внешнего долга. Ради этих трудностей, собственно, и был совершен переход к золотой валюте.

Но эта трудность может быть в значительной степени облегчена разделением государственного хозяйства по двум росписям, составляемым и исполняемым в разной валюте. Все внутреннее хозяйство государства будет иметь счет в национальных деньгах, все внешние платежи и поступления исчисляться и производиться в деньгах мировых, в золоте.

Это разделение установит сразу полную ясность отношений. Золотая часть росписи сложится примерно следующим образом:

Поступления:
таможенные пошлины;
военное вознаграждение;
консульские сборы;
покупка добываемого золота;
покупка золота, поступающего в платеж за наш вывоз;
выпуски долговых обязательств за границу.

Платежи:
платеж процентов по займам;
казенные заказы;
содержание посольств и консульств, церквей, стипендиатов, заграничные командировки и прочие расходы;
продажа золота (тратт) для заграничных расчетов частных лиц;
покупка (выкуп) наших долговых обязательств за границей.

Сальдо этого счета будет выражаться в уменьшении или приросте золотого запаса, в увеличении или уменьшении внешней задолженности.

До народной экономии и внутреннего бюджета эта часть государственного хозяйства будет касаться лишь постольку, поскольку она влияет на цены ввоза и вывоза.

Из приведенной схемы ясно видно, какую огромную роль играет курс валюты и как важна для государства полная независимость в этой области. Россия, как страна совершенно обеспеченная всем необходимым и самодовлеющая, раньше всех должна прийти к этой независимости, обусловливаемой у нас единственно здравой и верной финансовой политикой с талантливыми и честными ее руководителями. То, о чем многие народы и страны не смеют и мечтать, у нас может быть осуществлено опирающейся на великий коллективный разум Земли единой Самодержавной Волей, коль скоро путь для проявления этой Воли будет надлежащим образом уяснен и подготовлен.

VIII

На этом позвольте с вопросом о денежной системе покончить.

Но прежде, чем перейти к необходимым реформам в области народно-хозяйственной политики, необходимо коснуться организации самого финансового ведомства, в его нынешнем виде к проведению серьезной экономической политики совершенно неспособного.

Необходимо, прежде всего, поставить в надлежащее положение то лицо, которое будет призвано Верховной Властью на пост министра финансов. Нынешнее его положение в смысле работы заведомо непосильное и неестественное, и только жажда власти и нежелание упускать из своих рук почти монопольное управление всей экономической жизнью народа и государства могло бы удерживать министра от добровольного выделения из состава ведомства большей половины его нынешних органов. Финансовое ведомство, в строгом смысле слова, должно быть только приходо-расходчиком государства. Управление свыше чем двухмиллиардным бюджетом мировой державы, раскинувшейся на $^1/_6$ всей суши Земного шара, уже одно может поглотить все силы и внимание выдающегося деятеля. В это ведомство войдут Государственное Казначейство, органы взимания прямых, косвенных и таможенных налогов, Кредитная канцелярия и орган, ведающий государственными долгами. Четыре соответственных департамента и Комиссия погашения государственных долгов, слитая с Кредитной канцелярией*, и должны поэтому составить собственно Министерство финансов. Все остальное, совершенно не подлежа компетенции этого ведомства, является для него лишь бременем и не может, без очевидного внутреннего противоречия, оставаться долее в его составе.

Первое разделение Министерства финансов произошло на наших глазах. Из его состава выделены были сначала в особую группу учреждения по торговле и промышленности, которые теперь образовали самостоятельное министерство. Следующая очередь за учреждениями, ведающими народным денежным обращением и публичным кредитом. Только нахождением Государственного банка в составе Министерства финансов и можно объяснить, как возможность столь странного, чтобы не сказать более, проведения вредной Для народа денежной реформы, так и нынешнюю политику Государственного банка, совершенно чуждую истинных интересов народного хозяйства.

* За последней останутся только сношения с заграничными биржами и государственными кредиторами.

Задачи собственно финансового управления и народного денежного обращения и кредита представляют две области, весьма мало общего между собой имеющие. Первое стремится к наилучшему обслуживанию государственной росписи, второе — к сохранению в полной гармонии и порядке экономического кровообращения в стране. Общий руководитель обоих ведомств не может быть беспристрастным судьей при несогласовании их политики и стремлений. Государственное хозяйство будет всегда ближе и дороже министру финансов, чем народное, и интересы последнего, даже самые жизненные, могут легко подчиняться временным и частным задачам финансового управления. Единственным здесь судьей может быть только Верховная Власть, коей одинаково дороги и народное, и государственное хозяйство, и которая стоит выше личных пристрастий и частных интересов. Но для свободы этого суда необходимо, чтобы обе стороны были представлены перед Престолом равноправно и политика обоих независимо и всесторонне освещена.

Как только совершится выделение Государственного, а также Дворянского и Крестьянского банков из состава Министерства финансов, тотчас же обнаружится вся ненормальность их обособленного существования. Так как ипотечная операция обоих банков, поставленная ныне на весьма фальшивые основания, должна будет отступать на задний план сравнительно с культурными операциями в области краткосрочного и мелиоративного кредита, то первая может стать особым отделом Государственного банка и идти в той же сети его учреждений, не спускаясь ниже губернии. Культурные же операции по существу своему родственны операциям коммерческим и нуждаются лишь в несколько иных приемах и особых самостоятельных учетных комитетах при полном единстве кассы. Другими словами, и Дворянский, и Крестьянский банк рассосутся в общем строе учреждений Государственного банка, который явится самостоятельным ведомством.

Ведомство это должно сохранить за собой и сеть сберегательных касс. Эти учреждения нуждаются в коренной реформе, так как их нынешняя роль поистине плачевна. Они действуют одной лишь стороной: высасывая, как пиявки, массу мелких народных сбережений и направляя эти сбережения в сторону от земледелия и деревни, совершенно обезденеживают последнюю. При денежном стеснении, спутнике и последствии золотой валюты и пассивного баланса, государство монополизовало за собой пользование огромным капиталом народных сбережений, разместив этот капитал в разного рода государственные и государством поддерживаемые предприятия. Деревня, имевшая прежде хотя бы незначительный приток сбережений, в настоящее время его совершенно лишена. Нового типа кредитные товарищества, при ничтожной помощи со стороны Государственного банка и невозможности конкурировать с казенными сберегательными кассами в привлечении вкладов, осуждены на жалкое прозябание, тем более что ограниченность их оборотов не в состоянии оплачивать даже самой убогой администрации и требует бесплатных работников, то есть подвижников. Сберегательные кассы должны быть сделаны маленькими местными банками, принимающими вклады и выдающими ссуды краткосрочного характера и исключительно малого размера. Это условие *sine qua* поп[т] для развития народного сельского кредита, но освободить для этой цели миллиардный капитал нынешних народных сбережений немыслимо без увеличения на соответственную сумму количества обращающихся денежных знаков.

Замечательным образцом устройства мелкого народного кредита являются финские сберегательные и особенно болгарские земледельческие кассы. Восемьдесят пять земледельческих касс Болгарии раздают, при 2 ½ млн населении княжества, свыше 100 млн фр. ежегодно только в области мелкого кредита.

Наш желательный тип — приходская касса, имеющая в малом размере главные банковые операции: учет векселей, переводы, текущие счета, ссуды разного рода, кроме ипотечных, инкассо и всякого рода поручения и комиссии. Управляющий кассой должен быть выборный от прихода, помощник его, назначенный уездным отделением банка, кассир, учетный комитет, выборный от селений прихода, землевладельцев, промышленников и торговцев. Ревизовать кассу должны приход, земство и Государственный банк, который, имея в составе кассы своего агента, должен ответствовать за целость вкладов, привлекая к суду виновных в злоупотреблениях.

Кредит землевладельцам, торговцам, промышленникам и иным лицам, не удовлетворяющимся размерами мелкого кредита, открывается кассой не самостоятельно, но по поручению уездных отделений Банка.

В ведомство Государственного банка должен отойти также Монетный двор. Экспедиция заготовления государственных бумаг может принять междуведомственное положение с контролем от ведомств Государственного банка, финансов и Государственного контроля, составляющих наблюдательный совет учреждения.

Пограничная стража должна быть совершенно выделена из финансового ведомства и действовать по охране границ на правах боевой воинской части. Школьная сеть должна слиться с общей сетью переустроенного Министерства народного просвещения и вместе с ней перейти к областным самоуправлениям.

IX

Государственные земельные и лесные имущества, государственные предприятия, как винная монополия (до ее упразднения), железные дороги, с их тарифами, водные пути, казенные заводы (кроме специально военных и морских), монополии: элеваторная, табачная и нефтяная, а также, может быть, почты, телеграфы и телефоны — должны быть сосредоточены в одном очень сильном и самостоятельном ведомстве, которое можно бы было назвать министерством государственных предприятий или государственного хозяйства.

Сколь ни разнородны на первый взгляд перечисленные здесь отрасли, их общий и важнейший по существу признак — исключительно коммерческое и живое (в противоположность бюрократическому и бумажному) отношение к делу. Главная здесь задача ведомства: обслуживая прямо народное хозяйство (элеваторы, почты, телеграфы и телефоны, железные дороги) или не мешая его свободной экономической деятельности, извлекать для государства значительную часть его доходов путем совершенно иным, чем налоги, ведаемые Министерством финансов. С коммерческой же точки зрения заведывать почтой или телефонной сетью, казенной табачной фабрикой или элеваторами — совершенно одно и то же. Чисто хозяйственное отношение к делу, широкие, если нужно, затраты, щедрое вознаграждение исполнителей за талант и инициативу, принципиальное отрицание чинопроизводства и бюрократической «высидки», быстрое выдвижение одаренных трудолюбивых и честных деятелей, оценка деятельности по результатам, а главное, полная гласность и широкий общественный контроль, все это составляет «душу живу» государственных предприятий в той же степени, как и любого торгового дома. Главой этого ведомства должен быть коммерческий талант первой величины вроде покойных Кокорева, Мальцева[195], 1убонина[196] или Алчевского[197], или здравствующего А. А. Померанцева.

Доход, который должно давать государству это ведомство, находится в тесной зависимости от постановки в нем дела и приемов контроля и управления, так как предполагается, что государственные предприятия по существу своему могут быть лишь абсолютно верными, не допускающими никаких сомнений. Даже те новые отрасли, в которых государство выступит как бы первым номером, действуя более в интересах народного хозяйства, чем фиска, должны исключать всякую возможность ошибки или убытка.

Достичь этого возможно только при соблюдении условий: 1) самостоятельности ведомства, 2) широкой гласности и 3) правильного контроля.

Лучше всего это уяснится на частном примере. Предположим, что ведомство государственных предприятий решает организовать элеваторную монополию: 1) открывается гласное и публичное состязание на лучший проект постановки дела; 2) поступившие проекты, свод коих сделан в ведомстве, сообщаются редакциям газет, рассылаются на заключение заинтересованным земствам, биржевым комитетам, городским управлениям портовых и пограничных городов, выдающимся техникам и специалистам; 3) полученные отзывы и статьи вместе с первоначальным материалом гласно и публично разрабатываются в особой комиссии, а тем временем намечается лицо, имеющее стать во главе дела; 4) этому лицу поручается составление законопроекта, всех инструкций и уставов; 5) законопроект в законодательном порядке идет на утверждение Верховной Власти, которая одновременно, по представлению министра, утверждает представленного им руководителя дела; 6) лицо это выбирает себе сотрудников и организует дело, строго держась закона, выработанных инструкций и утвержденной сметы; 7) контроль над делом принадлежит как ведомству, так и Государственному Контролю в порядке ревизии отчетности, но отнюдь не в порядке нынешнего «фактического контроля», тормозящего и мертвящего всякое начинание; 8) учреждения, подведомственные предприятию, его счето-

водство и отчетность открыты для осмотра и изучения всем желающим; 9) печатная оценка и всякого рода разоблачения не могут быть останавливаемы администрацией, а подлежат только судебному преследованию; 10) руководитель дела и служебный персонал должны, независимо от хорошего вознаграждения, иметь участие в чистой прибыли дела.

Приведенные условия, полагаем, вполне достаточны как для совершенной солидности всякого намеченного дела, так и для его безупречного и выгодного ведения. Полагаем также, что условия эти не имеют ни малейшего сходства с тем бесшабашным грюндерством, которое практиковалось на наших глазах так недавно под покровом канцелярской тайны и при помощи самых грязных отбросов международной биржевой клики (о-во «Сталь» и пр., и пр.).

X

Из сказанного явствует необходимость не только правильной постановки, но и надлежащей группировки экономических органов государства, которые только тогда будут в состоянии дать цельную и единую экономическую политику.

Такая группа объединенных органов-ведомств складывается сама собой из следующих министерств:

1. Министерство финансов.
2. Министерство торговли и промышленности.
3. Министерство государственных предприятий, или государственного хозяйства.
4. Министерство народного кредита (Государственный банк).
5. Министерство земледелия.

Группа этих пяти ведомств нуждается, очевидно, в более тесном объединении, чем представляет наш высший государственный аппарат в виде Сената, Совета Министров, Государственной Думы и Государственного Совета. Жизненные интересы страны, ведаемые сетью экономических учреждений, слишком важны и слишком своеобразны, чтобы довольствоваться общим наблюдением и руководством сверху, не говоря уже про законодательство посредством случайного состава Думы. Малейшая несогласованность в частях единой экономической политики государства — и вся хозяйственная жизнь страны пойдет вкривь и вкось. С другой стороны, эта область лишь косвенно соприкасается с остальными частями государственного законодательства и управления, полицией, судом, просвещением и пр.

Наилучшим, объединяющим звеном в административном отношении был бы параллельный нынешнему Совету Министров Хозяйственный Совет под председательством выдающегося экономиста, состоящий из глав и представителей, входящих в группу ведомств, чинов Государственного Контроля и лиц, особо назначенных Верховной Властью из числа известных русских экономистов и финансистов. Задача этого учреждения согласовать и проверять неослабно деятельность ведомств, устранять все разногласия и давать компетентное руководство по каждому представляющемуся вопросу. Здесь же должны предварительно обсуждаться и согласовываться все законопроекты, ранее внесенные в законодательном порядке.

Для законодательства в экономической и финансовой области нынешние законодательные учреждения: Государственный Совет и Государственная Дума — и недостаточны, и едва ли соответственны. Экономическое законодательство требует прежде всего абсолютной беспартийности и весьма больших специальных познаний.

Я не буду входить в эту область, которая требует совершенно особого исследования и увлекла бы нас слишком далеко. Скажу только пока совершенно голословно и в виде намека, что именно здесь парламентарного типа учреждения особенно непригодны. Если желать серьезного экономического законодательства и серьезного контроля над деятельностью ведомств, нет иного средства, как образование специальных учреждений из выборных от земств, как представителей элемента земледельческого, и городов и торгово-промышленных учреждений, как представителей элемента коммерческого, на основании серьезного служебного ценза, определяющего работоспособность членов будущей коллегии.

В этом деле не может быть места никаким случайностям. И если случайности бюрократического характера, вроде полновластного 11-летнего хозяйничания совершенно невежественного и беспринципного человека, привели Россию к страшному современному положению, то случайности парламентарные, в виде законодательства так называемых «лучших людей», высланных политической улицей, могут привести нашу Родину к самым тяжким катастрофам.

XI

Перехожу к последнему отделу настоящего труда — к финансовой политике.

Задача финансовой политики, как уже сказано мной в начале: с одной стороны, создать наилучшую обстановку народному труду и наибольшее материальное благосостояние народу, с другой стороны, изыскать средства, возможно большие при наименьших жертвах со стороны народа для исполнения государством своих целей и задач.

Я рассмотрел выше то основное условие, без которого не может быть речи о надлежащем выполнении той или другой задачи правильной финансовой политики. Это надлежащая реформа нашей денежной системы. Далее было рассмотрено другое существенное условие — правильная постановка тех государственных органов, которые ведают экономической политикой в том и другом направлении. Размеры сообщения не позволяют мне остановиться подробно на системе мероприятий, необходимых для подъема нашего народного хозяйства, и на этот раз я вынужден ограничиться лишь той частью экономической политики, которая имеет отношение собственно к государственному хозяйству.

Если наше экономическое возрождение лежит всецело в области народного хозяйства, которая должна служить предметом особых и спешных забот правящего аппарата, то наше финансовое возрождение зависит от правильной постановки приходной части государственной росписи, то есть от тех необходимых реформ в области казенных налогов и всякого рода сборов и поступлений. И здесь дело обстоит крайне неблагополучно, и существенные и важные реформы необходимы спешно.

В моем первом сообщении о государственной росписи я уже имел честь изложить главные несовершенства нашей приходной сметы и теперь могу прямо перейти к желательным реформам.

Несоответствие размеров государственных расходов с доходами выражено в России чрезвычайно резко. Стоимость нашего государственного аппарата, абсолютно умеренная, вызывает крайнее налоговое перенапряжение. Колоссальные недоимки в прямых доходах, которые с отменой выкупных платежей придется списать, и дороговизна жизни, как результат системы косвенного обложения, свидетельствуют о глубоко нарушенной гармонии между хозяйством государственным и народным.

Между тем говорить о каких-либо сокращениях в государственном бюджете едва ли представляется возможным. Наоборот, расходная половина росписи растет и будет расти вполне естественно с развитием государства и усложнением его функций. Единственное серьезное сокращение росписи возможно по системе государственного кредита, о чем будет сказано ниже. Но как ни существенно может быть это сокращение, естественный рост бюджета его быстро обгонит. Поэтому усиленное внимание финансового ведомства должно быть обращено на систему государственных налогов и сюда необходимо внести весьма важные и существенные изменения.

Впредь до надлежащего развития народного хозяйства и потребления и вытекающего отсюда усиления платежных средств населения существующие налоги, особенно косвенные, должны быть по возможности понижены и весь центр тяжести государственных доходов передвинут в ином направлении.

На первой очереди давно уже стояла отмена особенно тяжелого для населения налога — выкупных платежей. Великодушная воля Монарха это уже сделала. В настоящую минуту государственный поземельный налог представляется не только не обременительным, но прямо ничтожным. Значительно увеличивать его, однако, невозможно, так как земля является главным источником для местного, земского обложения. Но здесь возможна реформа, имеющая, кроме прямой цели увеличения дохода казны, еще и косвенную, отчасти политическую, отчасти экономическую, цель — способствовать дроблению ненормально крупных землевладений. Установление прогрессивного поземельного налога является к тому средством наиболее целесообразным.

Что касается косвенных налогов, то таковые должны быть пересмотрены в смысле облегчения обложения предметов первой необходимости, каковы чай, сахар, керосин, спички и т. п., и усиления обложения предметов роскоши, и особенно привозных из-за границы. Но так как богатых и даже зажиточных людей у нас по отношению к общей массе населения ничтожно мало, то последний вид обложения далеко не уравновесит недоборов казны на предметах потребления всенародного. Очевидно, что должны быть изысканы и развиты новые источники государственных доходов.

На первый план здесь должны быть поставлены железные дороги, кредитные учреждения, казенные, или пользующиеся казенной поддержкой промышленные предприятия, государственное страхование и разнообразные монополии.

XII

Чрезвычайно важным источником дохода могли бы быть наши железные дороги, по своему естественному положению и количеству грузов вполне способные давать крупный чистый доход, а теперь дающих лишь огромные убытки.

Доходность наших дорог была бы очень велика, если бы наше коммерческое движение было иначе поставлено и если бы мы не были вынуждены строить ряд бездоходных линий, иногда единственно с целью поддержки золотой валюты, путем прилива иностранного капитала и поддержки металлургической и горной промышленности доставлением им работы. Убытки нашей железнодорожной сети, независимо от крайней дороговизны ее сооружения, имеют прямым источником нашу финансовую систему. Обезденеживая страну, держа население в нищете, она сокращает и производство, и потребление, и уменьшает количество грузов. С другой стороны, проведение новых линий, вовлекая в экономический круговорот и предавая расхищению новые земли и леса, сбивает цены на хлеб в старых районах земледелия. Получается лихорадочное выбрасывание на рынок хлеба и сырья, обусловливающее самую нерациональную эксплуатацию всех служб и передвижного состава. При таких условиях даже очень значительное грузовое движение и при тарифах, тяжело ложащихся на Обесцененный хлеб*, не может быть выгодным вследствие непомерно возрастающих расходов на эксплуатацию. Но самое главное, конечно, условие для возвышения доходности железных дорог — это зажиточность населения, то есть поднятие его хозяйства и потребления.

Между тем в нашей железнодорожной политике замечается стремление возвысить доходность чисто механически. Недавно объявлено повышение цен на пассажирские билеты, самое нерациональное,

* Нынешние высокие цены являются исключительными, как цены голодные.

что только наши финансисты могли придумать, а теперь говорят о необходимости возвысить на 10 % все товарные тарифы.

Можно без всякого колебания предсказать результат, совершенно обратный предполагаемому. Пассажирское движение сократится, и только, и убытки будут еще больше. А что касается до поднятия фрахтов, то от этой нелепости авось откажутся и сами ее авторы.

Кредитные учреждения. При живой и рациональной постановке Государственного банка, с полной сетью его учреждений до волостной или приходской кассы включительно, все дело публичного кредита во всех его видах, кроме, быть может, взаимного кредита, сосредоточится неминуемо в руках государства без всякого насилия над частными банками. Выше мы видели, что один мелкий народный кредит должен оборачивать капитал около 1200 млн руб. Если мы попробуем представить себе всю необъятную массу кредитных оборотов в торговле и промышленности, то, сосредоточив ее всю в государственной сети банковских учреждений, получим гигантский оборотный капитал, ежедневно отдаваемый государством в наем. Без всякого обременения клиентов он принесет огромный доход государству, который, как можно предположить, далеко превзойдет сумму прибылей всех существующих частных банков, тем более что централизованное управление сетью учреждений Государственного банка будет стоить сравнительно очень недорого. При своих до крайности ограниченных кредитных операциях нынешний Государственный банк дает казне значительный доход. Что же даст он при полном развитии своих оборотов, включая сюда и громадную эмиссионную операцию всех видов, обслуживающую земства, города, частные предприятия и т. д., когда сам оборотный капитал при режиме бумажных денег банку ничего стоить не будет?

Вспомоществуемые казной предприятия. Современная постановка дела на казенных заводах и специальных заводах военного и морского ведомства крайне плоха и ненормальна по самому своему принципу. Заводы эти подлежат передаче в частные руки, лучше всего в аренду. Но казна может извлекать значительные доходы из своего участия капиталом в разнообразных крупных национальных предприятиях, становясь акционером в тех делах, которые для частного капитала не под силу по своему размеру или новизне. Если представители казны не будут вмешиваться в ведение дела, как это, к сожалению, практикуется теперь в виде назначения директоров от

правительства, а оставят себе лишь бдительный и постоянный надзор за делом, оно пойдет успешно и хорошо; таким образом могут быть на чисто коммерческих началах организованы прежде всего заводы военного и морского ведомств и основано много новых производств, ныне отсутствующих в национальной промышленности, но имеющих будущность и широкий внутренний рынок. Так, например, при помощи казны может быть организовано производство жней-сноповязалок, швейных и пишущих машин и т. п. новые производства. Пусть правительство дает хотя бы и $^3/_4$ акционерного капитала, но возложит на своих представителей не руководство делом, а только ревизию и контроль. При мало-мальски добросовестном выполнении этих функций и обдуманном основании предприятия оно пойдет прекрасно и будет давать солидные дивиденды.

Монополии. О винной монополии и государственном страховании будет сказано ниже, здесь же необходимо указать, что значительным источником государственного дохода могут служить монополии табачная, нефтяная и элеваторная.

Табачная монополия, приносящая всем, без исключения, странам, где она введена, огромные доходы, у нас почему-то пренебрежена. Быть может, скоро откроется здесь не первая, но увы, грандиозная Российская Панама, провалившая в свое время проект табачной монополии. Между тем из всех предметов обложения больше всего может вынести потребление табака. Это налог на предмет не необходимый, относительно легко поддающийся учету и совершенно доступный для государственного приготовления.

Нефтяная монополия, благодаря исключительному положению России и истощению нефтяных запасов в Америке, представляется операцией тем более блестящей, что весь налог может быть переложен с внутреннего потребителя на мировой рынок. Нефтью и ее дериватами казна должна торговать на международном рынке монопольно, покупая весь вывозной товар от производителей и добытчиков и устанавливая ему надлежащую цену.

Возможны еще и другие монополии, например, марганца и платины, но самая доходная и верная будет, без сомнения, элеваторная на хлеба и лен. Принцип здесь тот, что, оставляя хлебную и льняную торговлю свободной, казна весь вывозимый хлеб и лен выпускает не иначе, как проведя сквозь свою сеть портовых и пограничных элеваторов и подвергнув их там обезличению, очистке и браковке. Тариф на эти услуги должен быть подвижным и включать в себя изменяющийся размер вывозной пошлины, устанавливаемый сообразно состоянию цен на мировом рынке, внутреннему и внешнему урожаю в движении хлебных запасов. Весьма возможно, что несомненный успех этого дела, в связи с необходимостью правильно поставить дело нашего народного продовольствия и иметь государственный хлебный фонд, вызовет организацию государственной сети элеваторов и для внутренней хлебной торговли; но говорить об этом пока преждевременно. Элеваторная же монополия для вывозной торговли безусловно необходима, так как только она может устранить злоупотребления с засорением русского хлеба и фальсификаций льна, без чего немыслимо упорядочение нашего отпуска.

XIII

Перехожу к винной монополии, ставшей за последнее время на очередь в ряду неотложных реформ, благодаря энергичной проповеди члена Думы Челышева[198].

Винная монополия, учрежденная с благою целью вытрезвления народа, через самое короткое время обратилась в орудие извлечения наибольшего дохода от пития путем поощрения и облегчения потребления вина, то есть почти незамаскированного спаивания народа.

Вынудила к этому опять же новая денежная система, ослабившая производительную и потребительную способность народа и задержавшая естественный рост других доходов государства. Пришлось гуманитарную идею отложить в сторону и извлекать доход, откуда можно.

В моем предыдущем сообщении было указано все лицемерие, безнравственность и страшный вред этой торговли. Во имя чести и достоинства русской государственной власти это постыдное предприятие должно быть уничтожено.

Но ранее, чем серьезно об этом говорить, необходимо указать источник, из коего можно добыть необходимые сотни миллионов, получаемых ныне путем отравления народа.

Задача эта, быть может, самая высокая и светлая из всех задач материального благоустройства в нашем пьяном царстве, может быть разрешена, конечно, только установлением на равную сумму ново-

го налога, прямого или косвенного. Всякий такой налог, который, упразднив водку, даст казне выручаемую сумму, будет заплачен тем же народом и из тех же скудных средств, но он сбережет народу равную, а, может быть, еще большую сумму, в виде трезвых трудовых дней, материальных сбережений, а главное, здоровья.

Но есть возможность не только получить в замену монопольного дохода равную или большую сумму, но и распределить новый налог с почти идеальной уравнительностью, а сверх того за взимаемый налог дать народу не яд, а ряд истинных благодеяний, доступных только государственной власти.

Вот задача, достойная великого самолюбия и великого патриотизма! Царя, скрепившего своей подписью подобную реформу, история без колебания назовет Великим.

Решение этого, совершенно еще не разработанного, но уже намеченного в литературе вопроса, лежит в государственном всеобщем страховании.

Идея этого страхования не нова. Автономное Царство Польское ввело и практиковало его в широких размерах еще с 40-х годов прошлого столетия. Государственное страхование и сейчас действует в русской Польше хотя в урезанном и искалеченном виде.

По существу своему ведение страхования есть работа чисто канцелярская, не требующая ничего, кроме статистических выкладок и точного исполнения регламента. Здесь почти нет места личным талантам, творчеству и инициативе. Из всех видов предприимчивости это, бесспорно, самая доступная для государства и, пожалуй, даже более простая, чем управление железными дорогами, почтами, телеграфами и телефонами.

Представим себе, что государство принимает на себя и делает обязательным на всем пространстве русской территории страхование: от огня, града, падежей скота, страхование жизни, пожизненных пенсий, несчастных случаев, товаров в пути, словом все виды рисков, устанавливая обязательный минимум и допуская свыше этого страхование добровольное. Пусть будет застрахована от огня безусловно всякая постройка, всякая движимость; от града всякая десятина посева, от падежа всякая лошадь, корова, овца. Пусть каждый русский подданный, достигший нерабочего возраста, получает пожизненную пенсию обязательную, например, от 3 руб. в месяц, добровольную — произвольного размера, а в случае смерти — пенсию детям. Пусть будет застраховано каждое место товара в вагоне и на воде, минимально по классу тарифа, максимально по оценке. Что получится? Необъятная сумма рисков, при которых премия, оплачивающая самую дешевую администрацию и совершенно не оплачивающая услуг капитала (ибо здесь статистика, имея дело с колоссальными цифрами, будет математически верна, страхование же по существу будет строго взаимное), эта премия будет чрезвычайно, почти ничтожно мала.

Рядом с этим будут во всех главных видах определены имущественные признаки всех русских граждан. Налог в 300-400-500 млн руб., распределенный на единицу имущества, будет разложен так, как никогда не разложить никакого подоходного налога.

На малоимущие классы упадет сравнительно немного, на богатых ляжет очень много, и ни те, ни другие не будут иметь поводов жаловаться. Последние и сейчас от огня страхуют почти все; страхование от града, эпизоотии, страхование жизни является и сейчас, несомненно, выгодным, даже при относительно очень высоких премиях, и практикуется многими добровольно. При осуществлении государственного страхования, хотя бы с присоединенным к нему 500-миллионным налогом в пользу казны, страховые премии будут едва ли выше нынешних, скорее ниже, принимая во внимание необъятный размер всей массы застрахованных имуществ. При относительно небольшом у нас проценте зажиточных и богатых людей среди общей бедноты тем не менее 500 млн налога, составляя при 150 млн населения России по 3 руб. на жителя, лягут, вероятно, не более чем 2 руб. на душу бедного населения. Остальная половина падет на страхование добавочное, добровольное.

Вопрос этот настолько важен и дает такой счастливый выход для государственного хозяйства, что его, во всяком случае, следует немедленно и всесторонне осветить и изучить в цифрах, не жалея средств на эту работу, дабы привлечь лучших статистиков и специалистов. Эта работа, очевидно, не под силу никакому отдельному экономисту.

XIV

В числе остающихся за реформированным по этой схеме Министерством финансов отраслей деятельности находится управление

государственным долгом. Не вдаваясь в подробный анализ, отмечу самые главные пункты предлагаемой программы по этому вопросу.

Великим несчастьем нашей финансовой политики и поистине тяжким наследством будущему министру финансов является наш огромный государственный долг, перешедший за 8 $^{1}/_{2}$ млн руб. и обременяющий роспись более, чем 350-миллионным ежегодным платежом, коего львиная доля приходится на долю заграничных держателей наших бумаг. Внешний долг наш образовался, смеем думать, единственно по недоразумению. Россия совершенно не такая страна, чтобы неизбежно и неотвратимо быть вынужденной пользоваться иностранными капиталами и внешним кредитом. Имея все необходимое у себя дома, будучи в состоянии при огромном вывозе своих избытков сократить иностранный ввоз до крайнего минимума, то есть, имея на столетия вперед обеспеченный активный торговый баланс, мы могли бы при иной денежной системе явиться с предложением, а не со спросом капитала. И если мы до сих пор действовали обратно, то только потому, что руководились указаниями биржевой финансовой науки, бесплодно истощая силы своего народа и мешая его самобытному земледельческому и промышленному развитию.

Отвергнув в 1859 году здравую и разумную народно-хозяйственную политику Императора Николая I, оставившего хотя и крепостную, но здоровую и богатую Россию, новое царствование, вместо того чтобы приспособить эту систему к нуждам освободительного дела, коим она как нельзя более соответствовала, ввело финансовую систему, словно нарочно придуманную для разорения только что освобожденного народа. Национальный капитал вместо быстрого прироста стал таять на глазах, старокультурная Россия — обращаться в пустыри. Разраставшийся превыше меры государственный аппарат, ранее почти внешних долгов не знавший, начал все чаще и чаще прибегать к услугам иностранного капитала. Национальная задолженность всех видов стала неудержимо расти и сделала огромный скачок в последнее десятилетие, особенно с момента, когда введение золотой валюты обменяло наши национальные деньги на мировые и открыло широкие ворота для помещения у нас иностранного капитала. Несчастная Японская война довершила дело нашего закабаления иностранными биржами, и сбросить это иго теперь под силу разве гениальному экономисту.

Самый печальный в народно-хозяйственном смысле шаг был сделан обращением нашего главного государственного долга — ренты в металлическую бумагу с обязательной уплатой на вечные времена иностранным держателям процентов в золоте по неизменному паритету.

Первой заботой нового министра финансов должно быть освобождение от этого обязательства хотя бы той части ренты, которая находится в руках русских капиталистов; это может быть достигнуто немедленным требованием к заштемпелеванию находящихся за границей листов ренты и отменой для дальнейших уходящих за границу количеств обязательства металлической оплаты*.

Затем наш внешний долг должен начать последовательно и неуклонно сокращаться, на что не следует жалеть никаких средств. Погашение его возможно единственно путем покупки на иностранных биржах наших бумаг, для чего должен дать средства активный расчетный баланс. Станет же этот баланс активным тогда, когда активность нашего торгового баланса будет гораздо большей, чем ныне, и не будет в зависимости от выпавших или не выпавших вовремя дождей.

И здесь дело прежде всего в подъеме нашего земледелия и промышленности. Достаточно первому увеличить свои, крайне низкие ныне урожаи, всего на 1-2 зерна, достаточно, чтобы этот хлеб не был искусственно обесцениваем народной нуждой, податным давлением, неустройством кредита и неверной денежной системой, чтобы Россия тотчас же вернулась к своей прежней роли — житницы Европы и, вывозя одни избытки, увеличила бы свой хлебный экспорт чуть не вдвое. Но достичь этого подъема урожаев можно лишь доставлением народному хозяйству оборотных средств в указанных выше размерах. Тогда же и русский рынок потребления будет широко удовлетворять национальную промышленность, которая, обладая со своей стороны достаточными капиталами и оборотными средствами и защищенная высокими тарифами, будет в состоянии сократить иностранный ввоз до минимальных размеров.

Так как оплата внешнего государственного долга путем возврата в страну бумаг, ныне находящихся у иностранцев, возможна единст-

* Пример этот не нов. В этом роде поступила Испания после несчастной Американской войны.

веиио активным сальдо расчетного баланса, то есть чистым остатком в пользу России в международных расчетах, то забота об этом остатке должна занимать видное место в финансовой нашей политике. Настоящее положение нашего расчетного баланса, даже при сравнительно выгодном торговом, в высшей степени плачевно. Огромный вывоз нашего хлеба и сырья в ущерб собственному потреблению явно разоряет население. Путешественники, больные и постоянно живущие за границей русские переводят из России огромные суммы. Взамен этого иностранцы в России не только не оставляют ничего (кроме посольств и консульств), но, являясь к нам для заработков и наживы, в свою очередь, уносят огромные суммы. Перестрахование, морские фрахты, казенные заказы, дивиденды иностранных промышленных дел, покупка золота и серебра, а, главное, оплата процентов по внешнему долгу не только сполна поглощают все избытки в нашу пользу торгового баланса, но и образуют ежегодно огромный дефицит, так как, кроме жалкого военного вознаграждения от Турции и процентов от Китая, никаких соответствующих статей прихода извне у нас не имеется. Этот ежегодный дефицит мы вынуждены покрывать все новой задолженностью, прямой и замаскированной, в виде размещения за границей бумаг, выпускаемых для постройки новых железных дорог или иного привлечения иностранных капиталов, остановить приток коих значило бы немедленно подвергнуть опасности наш золотой механизм.

При этих условиях образуется замкнутый круг, разомкнуть который нет возможности иначе, как дав народу те оборотные средства, которые ему необходимы, а этому, в свою очередь, ставит резкое препятствие золотая денежная система, требующая всевозможных жертв и не допускающая увеличения денежного обращения.

Пока золотая валюта и размен будут существовать, нет никакой возможности ни сделать наш расчетный баланс активным, ни поднять народное хозяйство, ни уменьшить нашу национальную задолженность мировому капиталу. Наоборот, задолженность эта будет все возрастать, а хозяйство падать, пока какая-нибудь стихийная или политическая катастрофа не ниспровергнет насильственно золотую денежную систему, которую мы не желаем ликвидировать добровольно.

Подробный анализ нашего расчетного баланса и, как его вывод, указание способа ликвидации золотой валюты и переустройства

денежной системы на национальных основаниях подробно разработаны Г. В. Бутми, П. В. Олем и мной в целом ряде сочинений, из коих главные: «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895» и брошюра «Как ликвидировать золотую валюту»[199].

В этом последнем сочинении органической частью переустройства нашей денежной системы поставлена, между прочим, ликвидация и нашего внутреннего процентного долга.

Долг этот предлагается обратить последовательно во вклады в кредитные учреждения с соответственным выпуском кредитных знаков и этим одновременно освободить нашу роспись от платежа многих десятков миллионов процентов и создать именно те оборотные средства для народа, в коих он так нуждается.

Операция эта чрезвычайно проста и представляет, в сущности, возврат к системе Императора Николая I. Держателям государственных фондов совершенно безразлично, как называется их бумага и из каких источников выплачиваются по ней проценты, раз их платеж совершенно обеспечен. Но для государства совсем иное дело взыскивать эти проценты путем налогов с разоренного народа или дать только свое ручательство, что эти проценты будут уплачены тем же народом, как плата за наем оборотного капитала, в котором он так нуждается и который ему будет дан в виде кредита посредством целой сети областных, уездных и приходских кредитных учреждений.

Наконец, если бояться совершенно невероятных ныне злоупотреблений с выпусками беспроцентных денежных знаков, то почему нет этого страха перед совершенно возможным и постоянно практикующимся злоупотреблением с выпуском знаков процентных? А нашими государственными бумагами переполнены портфели французских держателей, русской рентой и консолями снабжены в изобилии все парижские извозчики и прачки. Процентными бумагами переполнен и русский рынок, что явствует из тех жертв, которые еще так недавно приносились финансовым ведомством ради искусственного поддержания нашей ренты у нас и во Франции и, быть может, приносятся еще и теперь.

Но эти жертвы не помогли, и недавнее крушение наших бумаг, вызванное так называемым «освободительным движением», принесло жестокое разорение как своим владельцам капиталов, так и на-

шим доверчивым друзьям — французам. Потеря четвертой доли своего состояния каждым держателем наших бумаг была законным возмездием: нам за финансовое невежество, французам — за их продажную печать и доверие к международным евреям, поддерживавшим сначала великого Кольбера — графа Витте, а затем пресловутую революцию.

XV

На этом позвольте закончить мое настоящее сообщение и отложить третью и последнюю часть всей работы, — изложение желательной экономической политики до другого раза. Резюмируя все высказанное сегодня, я предложу на ваш суд нижеследующие положения:

1. Чтобы выйти из нынешнего печального экономического положения, ведущего Россию к разорению и гибели, необходимы три условия: во-первых, отменить нынешнюю золотую денежную систему, не отвечающую ни внутренним, ни международным потребностям России, и перейти к такого рода деньгам, которые как в качественном, так и в количественном отношении соответствовали бы нашим экономическим условиям, то есть давали бы возможность правильно обставить народный труд и широко развить кредит, способствовали бы накоплению национальных капиталов и избавили бы нашу Родину от кабалы у международной биржи. Такими деньгами может быть или наша старая испытанная серебряная валюта, или бумажные деньги. Во-вторых, переустроить в полной между собой гармонии правящие экономической жизнью народа и государства органы. В-третьих, начать совершенно иную экономическую и, в частности, финансовую политику.

2. Основой здравой финансовой политики после переустройства русской денежной системы является пересмотр нашей системы прямого и косвенного обложения и перенесение центра тяжести государственных доходов с налогов и сборов на другие источники.

3. Главными источниками государственного дохода должны быть: государственные железные дороги, государственные кредитные учреждения, капиталы казны, вложенные в промышленные предприятия, и монополии: табачная, нефтяная и элеваторная.

4. Вредная и безнравственная питейная монополия должна быть упразднена с возмещением получавшегося от нее дохода равномерной раскладкой соответственной суммы на все виды имуществ и рисков, по введении всеобщего обязательного государственного страхования.

5. На первый план должно быть поставлено постепенное погашение нашего внешнего долга, достижимое единственно путем улучшения нашего торгового и расчетного баланса при совершенном прекращении всяких дальнейших займов и привлечения иностранных капиталов.

* * *

Исполнение этой программы зависит исключительно от доброй воли и ясного сознания правящих сфер. Но для того, чтобы прояснить это сознание и разбудить волю, необходимо дружное содействие всего русского общества, ясное одобрение указываемого здесь пути общественным мнением, общественной совестью. И я думаю, что для этого уже наступает крайняя пора, миновали все сроки и отсрочки. Наше государственное хозяйство, ныне паразитно живущее за счет хозяйства народного, привело нашу Родину в самое печальное, самое опасное и невыносимое положение. Огромная, свежая и живая страна с талантливым и трудолюбивым народом дошла до положения жалкого паралитика, прикованного к своему одру, и то бессильно на нем мечущегося, то не подающего признаков жизни. А между тем со всех сторон собираются тучи, готовятся величайшие, быть может, за всю нашу историю испытания. России придется отстаивать и от пробуждающегося желтого Востока, и от фанатизируемого все более и более ислама, и от своих мнимых западных друзей не только свою целостность и независимость, но, быть может, и самое свое существование.

Перед лицом такой страшной угрозы нужно отрешиться от старых гнилых канцелярских традиций и призвать все живые умственные силы нашего народа на то, чтобы предстоящие ей испытания Россия успела встретить цельная, сильная и здоровая. А здоровым и сильным государство может быть только то, у которого здоров и силен его народный труд, управляемый всецело экономической политикой и финансами.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЧАЛА И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Речь, произнесенная С. Ф. Шараповым 30 ноября 1907 года при открытии Аксаковского Политического и Литературного Общества

Милостивые государыни и милостивые государи!

С самого начала минувшего столетия в русском образованном обществе, путем исторического насилия оторванном от своих народных основ, начался долгий и мучительный процесс духовного возрождения. Наша национальная мысль, в веке Петровой реформы ослепленная Западом, стала мало-помалу чувствовать тоску разъединения с родным народом, хранившим в своих глубинах заветы старины и жившим совершенно иной духовной жизнью, чем его образованный слой, принявший не только дух, но и внешний вид каких-то иностранцев в родной земле.

В эту пору возникло и стало развиваться так называемое славянофильское движение, или учение, направленное к уяснению в сознании тех народных духовных начал, которые были позабыты и отвергнуты. Это движение выдвинуло к середине XIX века крупные умственные силы в лице Хомякова, двух Киреевских[200], Юрия Самарина, Сергея и Константина Аксаковых[201] и их немногочисленного, но высоко настроенного кружка, полного святой ревности, жажды истины и искренней любви к Родине и народу.

Этим людям принадлежит создание нашей национальной исторической, богословской, культурной и философской школы, отыскавшей, определившей и оценившей те затерянные народные начала, которыми одухотворяется Русская Земля, которые ее сплотили, возвели на степень могущественной духовной личности, создали то, что называется в народе «Святая Русь».

В лице Ивана Сергеевича Аксакова, в память коего возникло наше Общество, славянофильское направление нашло своего могучего толкователя и провозвестника и из уединенных кабинетов мыслителей, философов и историков вышло в жизнь, стало серьезной общественной силой, повело непримиримую борьбу с чуждыми началами, с заимствованными с Запада идеалами, взглядами и учениями.

Аксаков и его кружок читателей являлись в современном им, насквозь западническом обществе, очень одинокими, составляя как бы остров среди многоголового пестрого моря. Никакие шумные успехи не сопровождали их проповедь и, однако, мало-помалу ее могущественное воздействие на общественную мысль и даже государственную жизнь и судьбы России сказалось очень скоро. Только усилиям славянофилов и их непосредственному деятельному участию в законодательных работах обязана Россия освобождением крестьян *с землею*, удержанием свободного, привычного народу сельского *общинного* строя, крестьянским *самоуправлением.*

Все это дало совсем новое направление делу 19 февраля 1861 года и спасло Россию от решения крестьянского вопроса во вкусе Остзейских губерний. Свободная Россия двинулась по своей национальной, а не по чужой дороге, и если мы не видим ее процветающей и спокойной, то только потому, что наш верхний класс все еще не понимает русского народного духа, все еще чужд ему, все еще старается лечить наши мнимые, а не настоящие болезни по самым странным заморским рецептам.

К последней четверти XIX века славянофильство оказалось не только силой идейной и культурной, но и силой политической. Начавшееся в 1875 году Славянское движение[202] под влиянием давней славянофильской у нас проповеди нашло великий отголосок в душе освобожденного русского народа. Иваном Сергеевичем Аксаковым и Славянскими Обществами в Москве и Петербурге была поднята великая национальная и народная волна. Вся Россия от мала до велика почувствовала предлежавший ей мировой подвиг освобождения братьев по вере и крови от тяжкого ига, освобождение великой христианской святыни от мусульманского плена. Свобода славян и крест на Святой Софии подняли и двинули, казалось бы, самых равнодушных к политике людей. Старшие поколения современников помнят эту народную волну, это святое одушевление простых серых масс, жаждавших пострадать за веру и братьев.

Движение оказалось столь могучим, что увлекло за собою и верхние классы, и миролюбивейшего из Государей, Царя-Освободителя. Война 1877-1878 годов дала два новых свободных государства Европе, дала великое торжество народной России и великий позор России правящей и интеллигентной, которые не сумели историче-

ское народное дело довести до конца, смалодушествовали, изменили и остыли.

А остыли они потому, что те идеи, которые одушевляли народ, хотя и смутно их сознававший, наши родные исторические и национальные идеи были все-таки чужды и непонятны образованному обществу, увлекли его только временно, захватили, так сказать, механически.

Позорной памяти Берлинский трактат[203], плод неслыханного малодушия наших правящих, стал поворотным пунктом новейшей истории. Тот позор, те ужасы, которые мы недавно пережили и еще переживаем, были тогда же предвидены и предсказаны И. С. Аксаковым.

1 марта 1881 года пал от руки убийцы Царь-Освободитель. Разыгрались подпольные силы, расшатывавшие и разъедавшие наш быт, наш государственный и общественный строй. Правительство принялось за ревностную борьбу с назревавшей революцией и в этой борьбе душило невольно всякие проявления свободной общественной жизни и самодеятельности. Бюрократия захватила в свои руки всю жизнь великой страны и резко противопоставила себя обществу и земщине, бросив все искреннее, мыслящее, свободолюбивое в глухую оппозицию, в ненависть и отрицание. Никогда ложь не была так могущественна, притворство и благонамеренное фарисейство так властны. В течение долгих лет все лгали друг другу и сами себе, поддерживая официальное благополучие. Всякая доблесть, всякая смелость и искренность мало-помалу исчезли, и над Русской Землей повис густой туман, где уже не было возможности разобраться, где место честных и стойких государственных людей, с величайшей легкостью занимали хищники и проходимцы, губившие Россию нравственно и разорявшие ее материально.

И все это делалось под знаменем якобы русских народных начал. Великие слова «Православие», «Самодержавие» и «Народность» прикрывали собой циническое ханжество, полное самовластие приказного элемента и грубейший чиновничий национализм, русскому народу совершенно чуждый.

Чистое и высокое учение славянофильства, полное веры и искренности, независимое и бесконечно свободолюбивое, было расхищено на все стороны. Пустые звуки, слова без содержания, у него выкраденные, стали вывеской совершенно противоположных ему

по духу течений, и вот то направление, которое вырастило и воспитало такого гиганта мысли и творчества, как Достоевский, оказалось в глазах легкомысленного общества чуть не обскурантизмом, темной реакцией и человеконенавистничеством.

В славянофильские ризы вырядился прежде всего наш казенный консерватизм, «истинно русскими» людьми стали раньше всех самые главные пружины бюрократии и все то, что пользовалось ее милостями и подачками.

Умерли великие основоположники русского национального философского учения, сошел в могилу последний его трибун Аксаков, школы, учеников почти не осталось, а тем временем славянофильские идеи уже вошли в умственное обращение, смешавшись в странном сочетании с идеями западническими. А так как умственная жизнь России шла ненормально, а реформированная графом Дмитрием Толстым школа толкала молодежь только в сторону одичания и анархии, то, разумеется, наступил полнейший духовный разброд и хаос, становившийся совершенно невыносимым и безнадежно иссушавший умственную жизнь России. Прибавьте сюда ежедневную газету, заменившую собой книгу, страшное падение науки и просвещения, грубое шарлатанство вместо серьезного знания, грубую, почти животную, ненависть вместо любовного и смиренного искания истины.

Вот при каких условиях застала Россию великая катастрофа на Дальнем Востоке[204]. Изолированная и словно очутившаяся в безвоздушном пространстве, номинально всемогущая, фактически бессильная власть, совершенно разложившийся государственный аппарат, злорадное, растерявшее всякий патриотизм, всякие нравственные устои общество, обнищалый, разоренный и споенный собственным правительством народ, брошенный на руки самого низкопробного и развращенного чиновничества, отданный на политическую подготовку нашей сплошь революционной уездной интеллигенции, так называемому третьему элементу!

Болезнь шла, все усиливаясь, и скоро во всем государственно-народном организме не оставалось ни одного незараженного места. В Церкви вместо Филаретов[205], Платонов[206] и Никаноров[207] блистали Гапоны[208], Григории Петровы[209], Михаилы и Антонины[210], армией руководили Куропаткины[211], Стессели[212], Рейсы[213], Фоки[214] и всякие Штакельберги, Гриппенберги и Бильдерлинги, по морям

плавали Рожественские[215] и Небогатовы[216], во главе правительства стоял граф Витте.

Что можно было ждать при этих условиях от войны, разразившейся на другом конце света? Не помогло ни глубокое государственное чувство и патриотизм, хранившиеся — увы! — только в народе, ни доблесть нашей армии. Россия была обречена заранее на бесславную, без единой победы войну, которую она не могла, не смела довести до конца, хотя Япония в первый же год была уже истощена окончательно и нуждалась в мире гораздо больше, чем мы. Победа — удел народов цельных духовно, верующих в себя и одушевленных, как один человек, великими историческими идеями. Наше ужасное нравственное положение, нашу зияющую духовную нищету мы почувствовали при первых ударах японских миноносцев в Порт-Артуре. Но в то время, как наших правящих охватило чувство ужаса и они в бессилии опустили руки, образованным обществом овладела подлая холопская радость — предчувствие поражения ненавистного бюрократического режима, хотя бы с этим режимом гибла и наша военная слава, народная честь, политическое преобладание и значение в сонме мировых держав. Были люди, и не из последних на общественной лестнице, которые, например, громко выражали страх за возможный успех эскадры Рожественского, за возможный поворот военного счастья на нашу сторону. Это спасло бы ненавистный режим.

При таком извращении лучших национальных чувств, при таком глубоком нравственном падении огромного большинства русского образованного общества, разумеется, правительству нужно было спешить заключить хоть какой-нибудь мир. И вот в эту постыдную минуту русской истории и для этого безгранично постыдного дела был готов как раз подходящий человек в лице великого Витте, реформатора нашей экономической жизни и типичного представителя нашей смрадной современности.

Заключение Портсмутского мира отнюдь не случайность, не акт минутного малодушия. Это логическое завершение целого исторического периода, необходимый и неотвратимый, как рок, конец той длинной полосы, в которую Россия вступила после Берлинского трактата.

«Неужели, — пророчески восклицал Аксаков в 1881 году, — можно было думать, что такое нравственное падение России не произ-

ведет в ней убийственной деморализации?.. Не могло безнаказанно совершиться над великим историческим народом такое деяние, которому имя — Берлинский трактат... Чувство государственной чести и достоинства и инстинкт великих мировых судеб России выношены в нашем народе всею многострадальною тысячелетнею его историей. Понятно поэтому, что теперь, даже не отдавая себе отчета в причине, он поник духом и недоумевает... Одушевление сменилось унынием, вера — сомнением, порыв — бессилием воли, волнение — вялостью, затишьем, тяжелым, сонным затишьем, подобно затишью вод, которые

...лениво спят
И под ленивыми листами
Презренный производят гад.

И развелся он, этот гад, на просторе, благодаря атмосфере национального бесчестия и приниженного духа...»

Если эти, истинно пророческие слова великого патриота давали яркий диагноз русской болезни после Берлинского трактата, то что сказал бы теперь Аксаков после Портсмутского договора, в тысячу раз более постыдного и нравственно тяжкого?

Но Аксаков в могиле, а за него ответили события. Если после Берлинского договора настало гнилое затишье и стал, по образному выражению, «распложаться гад», то тотчас же за подписанием Портсмутского договора вскрылся наш столь долго назревавший великий и мучительный нарыв.

Что мог дать Петербург, не отстранивший только, но исказивший, изуродовавший, вышутивший и опрофанивший наши исторические и национальные начала, кроме последнего им удара, последней и величайшей лжи?

Логика истории требовала выхода из ужасного нравственного положения, в котором очутился правящий Петербург и с ним вся живая Россия. Этот логический, естественный и, в сущности, единственный верный выход — было бы созвание великого Земского Собора, торжественный акт всенародного покаяния, всенародных молитв, примирения, омытия великих, общих всем нам грехов и завершения постыдного Петербургского периода нашей истории развенчанием современного Вавилона...

И этот выход открылся бы сам собою, будь в сознании наших правящих живы и действенны наши национальные и исторические начала.

Но мстительная и жестокая судьба не дала нам этого утешения. Чужие, антирусские и антинародные течения оказались по-старому руководящими, русские начала, духовные заветы нашей истории были позабыты теперь более, чем когда-либо. И вот Петербург бросился в другую, противоположную сторону, и мы получили... акт 17 октября.

Я не буду останавливаться над изложением того, что пережито всеми нами за эти последние ужасные два года, наступившие вслед за странным и печальным актом, из которого, как об этом ни хлопотали, так и не удалось выкроить никакой «конституции». Эти события у всех еще перед глазами. Здесь будет довольно попытаться уловить их общую связь и исторический смысл.

Манифест 17 октября, данный Самодержавным, как стояло в заголовке, Царем, возвещавший ряд свобод, не говорил ни слова ни о какой конституции. В нем был, если хотите, только *намек* на некоторое ограничение Царской власти в области законодательства *обещанием*, что впредь ни один закон не должен иметь силы, не пройдя через Государственную Думу. И что же, однако, получилось? Именно 17 октября и было тем моментом, с которого открыто началась наша грязная и нелепая революция, с одной стороны, заговорила народная совесть — с другой.

Словно острое жало пронзило великий народный организм — и вот вся Россия судорожно заметалась. С одной стороны, действует страшная политическая прививка, стремящаяся овладеть тканями, мускулами и нервами и претворить их в новое тело; с другой стороны, могучий, хотя и ослабленный, организм упорно сопротивляется, стараясь выбросить болезнетворное начало. Мы видели чудовищные пароксизмы этой болезни, выразившиеся в море крови, в ужасах военных восстаний, в бесконечных пожарах и грабежах. Несчастная Родина наша целых два года напоминала горячечного буйного больного, утратившего самосознание, потерявшего здравый смысл и свободу действий и в безумии калечившего самого себя и разрывавшего все повязки.

Какими хитрыми соображениями ни объяснять этот ряд явлений, в основе их лежала, несомненно, все та же давняя борьба между русскими народными и историческими началами, незыблемо покоившимися в душе народа и тем чужим началом, которое проникло к нам двести лет назад и властно оторвало от народа весь его образованный и правящий класс. Это народная совесть билась и протестовала против святотатственного покушения интеллигенции на ее величайшую святыню, на то *нравственное начало*, которое составляло до сих пор единственную основу Русского государства и воплощалось в великой формуле «Православие, Самодержавие, Народность».

Пусть эти начала были до неузнаваемости изуродованы, опрофанены, ослаблены нашим двухсотлетним рабством у Запада — народное чувство жестоко страдало, народная совесть протестовала против этого искажения, отвечая презрением и недоверием на все ухаживания интеллигенции, но в душе народа жила непоколебимая вера, что зло пройдет, что испытания эти только временные, что правда воссияет. С этою верою наш народ переносил безропотно самые невероятные над ним издевательства, самую разорительную экономическую политику, самую бессмысленную и противную его духу внешнюю обстановку. Он работал голыми руками, едва вырабатывая на подати и вечно погруженный в недоимки, выколачиваемые беспощадной рукой. Он жил среди грязи и смрада, как живут только дикари и как, наверно, не живут культурные и продуктивные животные. Он топил свое горе в вине, услужливо подставлявшемся правительством, которое с глубоким цинизмом строило свое хозяйство на народном отравлении. Он видел к себе одно невнимание и презрение со стороны «господ», третировавших его, как скотину, и в бесчисленных канцеляриях, и в либеральных земских управах, и у гуманных врачей, и адвокатов. Наконец, и в самой Церкви, оставшейся ему единственным прибежищем, он зачастую видел священника, более похожего по профессии на чиновника окладных сборов, чем на пастыря.

Кто знает наш народный быт, господа, тот не затруднится сказать, *во имя чего* так долго и спокойно переносил народ наш это истинно невыносимое, истинно каторжное положение. Только во имя своих идеалов, только во имя своей несокрушимой веры в Бога, а после Бога в Самодержавного Царя, который вспомнит же о своем народе когда-нибудь, как вспомнил Александр II, уничтоживший крепостное право, как вспомнил Александр III, основавший Крестьянский банк, чтобы земля попадала не к кулаку, а к мужику.

И вот вдруг народное сознание почувствовало, что этого-то Самодержавного Царя хотят у народа отнять или, еще хуже того, — выкрасть, и народная совесть заговорила.

Я не могу опять же вдаваться в подробный разбор печальных и страшных явлений, в которых выразился этот народный протест, усложненный и искривленный водкою и разбойною пропагандою революционеров. Но я уверен, — и наше собрание разделит мою веру, — что в основе всего лежала все-таки защита своих исконных русских начал, расхищение и опасность окончательной гибели коих народ инстинктивно понял или даже только почувствовал.

Этого глухого протеста народной совести было достаточно, чтобы совершенно лишить почвы наши западнические затеи. На наших глазах могучее русское движение подняло огромную волну до самого Царского престола и под напором этой войны русские начала стали брать верх даже в бюрократическом и космополитическом Петербурге. Посреди всех ужасов, мятежей и смуты отмененное было Самодержавие стало вновь подниматься и воскресать. Торжественно раздались Царские слова: «Самодержавие Мое останется таким же, как было встарь», собралось Предсоборное Присутствие для подготовки Поместного Собора Русской Церкви, имеющего уврачевать наши глубокие духовные язвы; новый избирательный закон 3 июня 1907 года обличал уже серьезную уступку национальному чувству, дав явное преобладание в Думе русской народности и сократив в ней число инородцев. Словом, определилось по всей линии отступление западных начал и торжество начал русских. Тем временем проснулась и государственная власть, был выброшен за борт, и на этот раз, по-видимому, окончательно, злой гений России и творец Портсмутского договора, граф Витте, и Россия народная начала успокаиваться.

Догорела революция, чужая, сверхнародная, показавшая свою ужасную духовную нищету и нравственное бессилие. Только грубым обманом, только при пособничестве сверху высокопоставленных предателей могла она замутить и поднять против порядка и власти наше общество и воспользоваться протестом народной совести, разбудив в народных массах злые и разрушительные инстинкты, соблазнившие временно христианскую душу народа-Богоносца. Теперь перед нами лишь остатки, лишь — простите мне это выражение — помет революции и сор из народной души, все эти гра-

бежи, зверства и чудовищные извращения русской духовной природы. Острая опасность анархии и распадения государства миновала, жизнь входит в свое мирное русло.

Но не будем торопиться торжествовать! Если миновала опасность острая, если вопрос об усмирении революции внизу сводится теперь только к экономическому подъему совершенно разоренного и голодного населения и полицейской борьбе с разбоями, то надвигается опасность новая, еще горшая. Разыгрывается и растет революция сверху, революция, по-видимому, совершенно благонамеренная и даже патриотическая, революция, громко провозглашающая русские начала, поющая «Боже, Царя храни», кричащая «ура» Самодержавному Царю и клянущаяся умереть за Царя и Родину.

Вот когда приходится напрягать всю силу внимания и мысли, чтобы распознать и разоблачить недостойный маскарад, снять маску с западничества, воровским образом под личиною русских народных и исторических начал пробирающегося в самую цитадель русского народа.

Русские начала... Торжество Православия... Торжество Самодержавия... Торжество русской народности! Все это громко провозглашено в последнем правительственном документе, все это черным по белому стоит в программе, торжественно объявленной в Государственной Думе председателем Совета Министров. И вот добрые русские люди, мнящие себя быть носителями и хранителями этих русских начал, уже служат молебны, делают правительству горячие овации, шлют приветственные телеграммы...

Но в чем, кроме пышных слов, выражается это торжество русских начал? Что отвечает будничная неумолимая действительность?

Не в том ли торжество Православия, что Поместный Собор все откладывается и, по-видимому, сойдет на нет и испарится в воздухе из страха церковной бюрократии перед огромным торжествующим злом, из неверия наших синодальных владык в обетование Христа, что врата адовы Церковь не одолеют? А что если одолеют? Не лучше ли оставить зло в покое и не тревожить ветхую храмину, быть может, представляющую, как и все остальное, уже только одну декорацию?

Не в том ли торжество Самодержавия, что громко провозглашенное и объявленное «драгоценнейшим достоянием русской го-

сударственности» оно сдано в архив и будет сберегаться только для великих исторических минут и государственных потрясений, а в обычное время будет замещено «представительным строем» чисто конституционным, в западном смысле, но только без соответственной вывески?

Новым сановным правозвестникам русских исторических начал пожелалось, однако, после решительной неудачи парламентаризма в лице двух подряд Государственных Дум не вернуться к действительно *русским* началам и заветам *истории и созвать Земский* Собор в Москве, а смастерить третью Государственную Думу, третий по счету западный парламент, вернее, его постыдную карикатуру на Русской Земле.

И вот они могут радоваться. От прежней толпы бешеных смутьянов, кричавших «долой министров», осталась ничтожная кучка, да и та держит себя сравнительно прилично. Разбитые кадеты обратились в мирную парламентскую оппозицию, тон дает любезная министерским сердцам партия «последнего правительственного распоряжения», а гг. правые, хранители и носители русских народных начал, вместо «революции справа», которой от них ожидали, служат молебны и бьют лбами в землю перед министерством, бьют до синяков. Только крестьяне на этот раз смотрят по-русски и иногда гладят гг. правящих против шерсти, но на этих серых и безграмотных мужиков не стоит, конечно, обращать внимания!..

Бедные русские начала! Бедные их носители, вся эта патриотическая рать правых, с таким одушевлением собравшаяся в Петербург отстаивать русские народные чаяния и упования!

Отстояли!

Отстояли пышную фразу, пустой термин и пропустили самую суть! Не сообразили, что наше историческое Самодержавие и принцип «народного представительства», так называемый представительный строй, совершенно несовместимы или совместимы разве в остроумной комбинации г. Столыпина[217], обещавшего конституцию в будни, Самодержавие по праздникам!

Страшно заразительна эта борьба за власть! Страшно соблазнителен самый воздух парламента! Смотрите: уже наши правые, вчера еще у себя дома гремевшие против укрепления Государственной Думы и желавшие только воспользоваться ею, как всенародною

трибуною, уже клянутся один за другим в своей верности *законодательной* Думе...

И вот осуществление русских начал в области законодательства нам обещается в такой форме: переговорили Милюков[218] с Гучковым[219] и пришли к соглашению — прошел один закон. Состоялся вместо этого блок правых с октябристами, первый закон отвергнут и прошел совсем другой, может быть, даже противоположный. Мало того: не дообедали или не приехали на заседание несколько «депутатов», и вот какими-нибудь пятью-шестью голосами Дума решает дело в совершенно другом смысле, чем решила бы, если бы господа отсутствующие или заседающие в буфете кушали поскорее.

Вот отчего будет теперь зависеть и законодательство, и «обновление России» посредством «работоспособной», наконец, Государственной Думы! До сих пор русская народная совесть полагала, что Россию ведет Божий Промысел, умудряющий разум и просвещающий совесть и волю Царя. Теперь все это упраздняется и вместо Промысла Божия и совести Царской вершителем судеб России будет случайный подсчет голосов, подлежащий всяким капризам и настроениям, а, может быть, и сознательной душевной подлости иных господ «депутатов». Погодите, объявится и это!..

И вы думаете, что наш народ этого не понимает или что народная совесть с этим может примириться?...

Мне остается сказать только о третьем торжестве русских начал, о торжестве принципа *народности.*

Позвольте думать, что нашему великому народу, призванному, по выражению Достоевского, вместить наиболее полно высшую нравственную правду на земле, явить синтез цивилизаций, до него бывших, воплотить в душе своей все скорби и радости племен и народов, народу, радостно проливавшему свою кровь за чужую свободу и под могучими крылами Русского Орла приютившему стольких обиженных и угнетенных, не к лицу ни хищный западный национализм, обуявший вдруг наших космополитов-сановников, ни римские понятия о привилегированном гражданстве и о делении людей на граждан и париев.

Нашему народу всякий чужой народ — брат во Христе, если он верует во Христа, и добрый сосед, или соотечественник, если он во Христа не верует, *но русскому народу зла не делает.* Вот наше русское исконное понятие о народности; его поэтическое и фило-

софское выражение, отвечающее этому понятию, мы найдем у А. С. Хомякова, предостерегавшего от народной гордыни:

Не верь, не слушай, не гордись!

С этим совершенно несовместим ни национализм немецкий, выражающийся в столь любимой нами формуле «Deutschland über Alles»[220], которую мы, не смущаясь, целиком перевели на русский язык, ни понятие о римском гражданине, неожиданно появившееся у г. Столыпина с переводом в Петербург г. Льва Тихомирова[221].

Но если здесь так называемое «торжество русских начал» в области народности является только спорным, то там, на земле, в уезде, в деревне, ему грозит уже явная опасность.

Одним из наших народных свойств, особенно отличающих племя великорусское, есть строгая и сознательная приверженность к соборному или мирскому началу, нашедшему себе такое полное выражение в нашей сельской общине. Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, и стало великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства, станет, с Божьей помощью, и во главе Славянского мира. Все остальные славянские племена вместе со своей общиной потеряли одно за другим и свою государственную независимость, ибо славянин вообще, а русский в особенности, могуч и крепок только на миру, индивидуально же, по мягкости своей природы, заведомо уступает другим народам.

Русская община, и только она, выдержала и помогла выдержать государству и бесконечные' нашествия всяких врагов на наши беззащитные равнины, и крепостное право, и господство Петербургской бюрократии. Община претворила и всосала в русский государственный организм бесчисленные инородческие племена, занимавшие когда-то поверхность нынешней России, Община являлась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий в то время, как верхний наш класс изменил своему народу и своей истории. Русский народный мир был тою скалой, о которую до сих пор разбивались все волны...

И вот теперь, в момент торжественного провозглашения руководящими «исконность русских начал», наша великорусская общи-

на вдруг объявлена врагом, держащим в тисках своих членов, и с высоты парламентской трибуны устами «главы правительства», как себя скромно назвал первый министр, обречена на слом, словно негодная ветошь!

Вот, господа, что провозглашается в Петербурге под именем русских исконных начал, и вот чему рукоплещут: не кадеты, не социал-демократы и смутьяны, желающие распада русского государства, а православные русские люди, только что служившие молебны по случаю пригрезившегося им торжества русских начал.

Но откуда же взялось, кому понадобилось это неожиданное разрушение общины, спешное расселение крестьян на отрубы и хутора? Так завещано великим устроителем России, все тем же графом Витте, которому было нужно этим путем замаскировать прорехи его финансовой системы. В том же направлении слепо и послушно пошли его наследники и ученики.

Ужасающее падение крестьянского хозяйства и постоянные голода то там, то здесь требуют решительных и быстрых мер. Для спасения земледелия нужна широкая постановка народного кредита, снабжение земледельцев оборотными средствами. Но золотая денежная система источников на это не имеет. Она решительно отказывается увеличить, в меру надобности, народное денежное обращение и создать кредит. И вот находится выход: разбить общину, расселить крестьян на хутора, сделать из них личных землевладельцев и этим землевладельцам предоставить закладывать свои участки, добывая этим путем деньги на хозяйство. Только на этом условии наша денежная система, зависящая всецело от благоволения заграничных бирж, и может доставить крестьянству необходимый кредит.

Но ведь это же неминуемо поведет к страшному обезземелению русского крестьянства, которое до сих пор так усиленно берегли неотчуждаемостью наделов? Что же делать? В силу новейших «исконно русских начал» так и следует, и правительство спокойно идет этому явлению навстречу. Услужливая доктрина показывает, что для государства нет в этом никакой опасности. Земля своего хозяина всегда найдет.

Так было, говорят нам, во всех просвещенных и культурных странах. Да и во главе этих стран надо поставить Венгрию и Галицию. Ипотечный кредит для крестьянства сослужил там поистине преда-

тельскую роль. Чуть не половина сельского населения лишилась своей земли, проданной с публичных торгов, и стало батраками. И мы знаем, *кто* стал хозяином этой земли! Вот он здесь, около нас... Это он раздувал и устраивал нам революцию, он ломится в двери... Помогите же ему, господа правящие, поскорее снять Россию с петель и овладеть крестьянской землей!

Таковы-то эти новейшие истинно русские начала, коих ревностное приложение мы видим теперь в Петербурге при трогательном единодушии российской обновленной бюрократии и новенького российского парламента. Это единодушие должно вызывать в нас сугубую осторожность. Опасность бесконечно велика. Если наш народный дух и народная совесть смогли справиться с откровенной революцией, с откровенными домогательствами разрушить наши народные начала и этим погубить Россию, то революцию сверху, революцию, несущую не меч, а растление и соблазн, не побороть народному, хотя бы и могучему, и верному инстинкту! На борьбу с этою *революциею сверху* может и должно выступить то действительно русское, действительно патриотическое, что еще осталось в русском образованном обществе.

Да будет же наше скромное Общество, основанное в память великого борца за русские начала, подлинные и неискаженные, незабвенного Ивана Сергеевича Аксакова, первым маленьким отрядом, выступающим на мирную, идейную, культурную, бескровную, но упорную и беспощадную борьбу. На этой борьбе сосредоточим все наши силы, все внимание и будем верить в Божию помощь, народную и Царскую совесть.

I

ПОВОРОТ В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Главноуправляющий ведомства Землеустройства и Земледелия А. В. Кривошеин открыл недавно весьма обстоятельной речью съезд высших губернских представителей правительства по сельскохозяйственной части, созванный для обсуждения мероприятий к подъему земледельческой культуры в России.

Мероприятия эти обсуждались уже бесчисленное количество раз, намечались программы, говорились речи и в конце концов все оставалось по-старому. Каждый раз словно невидимая рука сталкивала обсуждение с надлежащей дороги и вместо вопросов земледелия подсовывала добрым людям *политику* разнообразных цветов и окрасок, в которую участники совещаний тотчас же обыкновенно и погружались с головой, совершенно забывая о сельском хозяйстве и его прямых нуждах.

Последним примером, и едва ли не самым ярким в этом роде, были пресловутые работы особого совещания под председательством С. Ю. Витте, тогда еще не графа. Под этим центральным совещанием расположилась целая сеть губернских и уездных со множеством приглашенных земцев, агрономов и вольных ораторов-любителей. Наговорено и написано было так много, что для хранения всех этих «материалов» потребовалась особая комната. При этом сельское хозяйство из обсуждений куда-то бесследно пропало и вместо его поднятия рассуждали, главным образом, об общине и о гражданском правопорядке, якобы мешающих земледелию.

Вслед за тем наступила война и аграрные смуты 1905-1906 года, в которых главную роль, независимо от пропаганды, играло разорение земледельческой России и всеобщее падение сельского хозяйства. Для его излечения новая правительственная политика выдвинула и новые средства, весьма скоропостижные и притом такие ярко революционные, как упразднение великорусской общины, переход крестьян на личное владение и чуть не принудительное расселение на хутора.

С великой энергией взялось «объединенное» правительство за это дело. Скуплено на сотни миллионов рублей частных земель, проведен ряд экстренных законов, открыты повсюду землеустроительные комиссии.

И здесь сельское хозяйство осталось на втором плане. И здесь первое место заняла так называемая «аграрная политика», исходившая из твердой веры в то, что только крестьянин — личный собственник является устойчивым государственным элементом и может наладить и культурно повести свое хозяйство.

Опыт показал, однако, что одной перемены формы землевладения недостаточно и что без средств и знаний хуторянин также ничего не сделает в своем хозяйстве, как и общинник.

Отсюда выяснившаяся необходимость помочь этому хуторянину показом и кредитом. В этом смысле осенью прошлого года перед земскими собраниями был разослан памятный циркуляр председателя Совета Министров, предлагавший земствам изыскать средства и принять меры для оказания агрономической помощи крестьянам, выделившимся из общин. О других разрядах сельского населения в циркуляре не упоминалось и на многие земства это произвело очень тяжелое впечатление.

Во вступительной речи главноуправляющего А. В. Кривошеина на съезде слышится уже совершенно другая нота. Съезд приглашается выработать мероприятия для подъема земледелия не только у хуторян, но и у *общинников.* Министр заявляет совершенно резонно, что одно землеустроение задачи не решает и что, наоборот, если помочь хозяйству общинному, то этим самым ускорится и дело землеустроения.

Вот какой огромный кружный путь пришлось сделать правительственной мысли, чтобы прийти к тому простому выводу, что прежде всего надо поднимать сельское хозяйство, а все прочее приложится.

Это положение, казалось бы, выводит, наконец, работу власти по поднятию нашего погибающего земледелия на верный путь. Но во вступительной речи А. В. Кривошеина есть одно место, открывающее поле для больших сомнений. У русского государства нет будто бы средств оказывать помощь *всем,* а потому приходится ограничиваться пока *одними зажиточными крестьянами.*

Эта удивительная, поистине, мысль заслуживает самого внимательного разбора.

По газетным отчетам, министр выразился так: «Оказать помощь всем хозяевам сразу нельзя, на это не хватит ни сил, ни средств. По необходимости поэтому приходится делать выбор, останавливаясь

в первую очередь на хозяевах более предприимчивых, которым агрономическая помощь может принести наибольшую пользу».

С этим положением можно было бы с грехом пополам согласиться, если бы дело шло только о прямой агрономической помощи, да и то в самом узком смысле. Правительство, допустим, желает в известной местности развести хорошую породу свиней; пару племенных поросят естественно дать обстоятельному, выдающемуся по своему хозяйству крестьянину, а не бедняку, который их не в состоянии даже прокормить. То же можно сказать о всяком другом породистом животном, о хорошем орудии, об искусственных удобрениях, о культурном растении.

Но и здесь если эта мера есть только «помощь», то есть один чистый расход, то она совершенно несправедлива, ибо всякая подобная «помощь» сразу же и на много возвышает доход хозяина. От пары свиней он к концу года уже будет по очень высокой цене продавать племенных поросят, за случку с быком или жеребцом будет брать хорошие деньги, на искусственных удобрениях получит отличную прибавку урожая. За такую помощь крестьянин охотно заплатит при хорошем результате (а при плохом будет не помощь, а недоразумение и срам для казенных агрономов). Следовательно, это только форма культурного кредита, без малейшей для казны жертвы. Каким же образом можно говорить, что на это не хватит средств? Да на это миллиардов не жалко, и эти миллиарды найдутся, ибо они нужны не на затрату, а на оборот.

Если же А. В. Кривошеин ставил вопрос не в столь узкие рамки, то недоразумение еще более возрастет. Самая главная помощь сельскому хозяйству, и особенно крестьянскому, вовсе не в этих поросятах, бычках и туках, а во-первых, в общих экономических и финансовых мероприятиях правительства, а во-вторых, в культурном показе.

Из общих мероприятий самое первое и важнейшее — широкая постановка народного кредита. Пусть ведомство земледелия добьется, чтобы не жалкие 20 млн, а *все капиталы* сберегательных касс шли исключительно на дело народного кредита — в пять лет Россию нельзя будет узнать. Современное убогое кредитное товарищество вместо 3-4 тыс. руб. будет раздавать населению 70-80 тыс., и мужику не будут сулить десятку, когда ему нужно дозарезу и на серьезное дело 100-150 руб.

Неужели же для такого мероприятия не хватит «сил и средств»? Оно не только не потребует расходов, но может дать казне даже солидный доход.

А рядом с развитием кредита разбросайте по уездам опытные станции и поля, устройте учительские и церковные показательные хозяйства, помогите земствам широко поставить склады орудий и удобрений — на это потребуются не Бог знает какие деньги. Посмотрите, что на эти вещи жертвуют другие страны, другие правительства, у которых народное хозяйство на первом, а не на десятом плане.

Критика критикой, а ведомство земледелия все же приходится приветствовать за проявляемую им инициативу и пожелать как настоящему центральному, так и обещанным будущим областным съездам как можно полнее и лучше справиться с их бесконечно важными задачами.

КТО И КАК РАСТАСКИВАЕТ РОССИЮ

Три главные европейские нации растаскивают Россию с трех концов под влиянием совершенно одной и той же причины — истощения национальных капиталов, экономического обнищания великой, но бесхозяйной страны.

Англичане захватывают наиболее выгодные промышленные дела и естественные богатства, экономически аннексируя целые территории, французы затягивают над Русским государством все туже и туже петлю внешнего долга, немцы въедаются в живое тело России, гоня постепенно русского человека на восток и захватывая его земли.

Все это, повторяю, совершается в силу одной и той же общей причины — исчезновения, точнее, *растраты* русских национальных капиталов, экономического разорения всех решительно классов народа и совершенной неспособности нашего правящего аппарата понять и предотвратить беду.

В прошлом дневнике я приводил два примера: владельца золотоносной площади и железного заводчика. Но позвольте: разве не буквально в том же положении находится министр финансов, сводящий роспись с дефицитом и не имеющий возможности этот дефицит покрыть ни путем раскладки, то есть налогов, ни посредством внутреннего займа, и потому обращающийся за новой ссудой к Парижской бирже?

Разве не в том же положении находится харьковский или волынский помещик, вынужденный продать свою землю немецким колонистам, надвигающимся определенной полосой и дающим более, чем могут дать русские крестьяне, даже со ссудою Крестьянского банка?

Сколь ни разнородно, казалось бы, положение министра финансов и указанного помещика, но явление одно и то же, только в разных формах.

Что значит невозможность для министра финансов пополнить дефицит путем раскладки, то есть введения нового налога или возвышения старого? Да то, что совершенно точные соображения указывают ему на истощение оборотных капиталов в стране и притом настолько серьезное, что отделить от них что-либо в государственную складку плательщик уже более не может.

В самом деле: всякий государственный платеж делается исключительно из оборотного капитала, все равно, частного лица или предприятия. Попробуйте чрезмерно натянуть эту струну, она лопнет. Прямой налог придется взыскивать насильственно, то есть разорять предприятие, беря уже не из *оборотного*, а из *основного* капитала, косвенный налог не будет уплачен, ибо плательщик стеснит себя и уменьшит потребление. Посмотрите, железнодорожный доход упал из-за возвышенного тарифа, падает монопольный доход от водки, — самый устойчивый доход, ибо пить больше не на что.

И вот министр финансов увеличивает внешний долг, затягивающий все туже петлю нашей неоплатности и одновременно ставя Россию все в большую зависимость от международной биржи совершенно так же, как переход завода к англичанам увеличивает английское экономическое владычество над Россией.

. И то и другое крайне тяжело и опасно, но эту экономическую зависимость даже и сравнивать нельзя с прямой *потерей земли.*

Остановимся на минуту, например, продажа имения немцам-колонистам. Разве это не то же самое, что приведенный выше случай? Почему продается имение? Да потому же, почему и золотые россыпи в Сибири, и заводы на Урале. Вследствие убытков и невозможности вести дело при недостатке оборотного капитала. Почему имение остается за немцами? Потому что, имея нужные оборотные капиталы, они могут извлечь из имения больше, а следовательно, и больше заплатить. Кроме того, за немцами стоит таинственная сила, направляющая их на стратегические пункты русской территории. Тут уж торговаться не приходится.

В результате — всестороннее расхищение и закабаление России иностранцами. Причина, надеюсь, мною достаточно выяснена. *Это недостаток у нас оборотных средств, это высыхание русского национального капитала.*

Отсюда ясно, что привлечение иностранного капитала в какой бы то ни было форме есть бедствие, несчастье, крайняя опасность, долженствующая вызывать все внимание правящих и самые решительные меры к спасению национальной независимости.

Что же мы видим вместо этого?

Неизменно одно: протянутую жалостно руку министра финансов и самое гостинодворское зазывание иностранцев:

— Пожалуйте, господа! Спешная распродажа! Самые лучшие остатки!

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

I

«Комиссия по народному образованию признала необходимым предоставление земским и городским учреждениям права устанавливать *обязательность всеобщего обучения*».

Вот коротенькая газетная заметка из рубрики «Государственная Дума» — заметка, чрезвычайно характерная в своем лаконизме. Очевидно, почва для проведения обязательного всеобщего обучения во *всей* России еще недостаточно подготовлена, и наши законодатели торопятся осуществить один из самых кардинальных пунктов прогрессивной правительственной программы хотя бы частично, руками наиболее передовых земств и городов.

Читатель припомнит, может быть, что всеобщее обучение стояло на самом видном месте в первой же правительственной декларации нынешнего премьера. Правда, об *обязательности* его там еще не было речи, но правительство обещало идти на всякие жертвы, считая этот вопрос едва ли не самым важным в деле обновления России.

Вскоре, однако, пышное обещание оказалось весьма трудновыполнимым. Когда подсчитали, во что обойдется полная школьная сеть в России, оказалось, что требуемая сумма намного превышает бюджетные средства и что дело можно вести только по частям и в темпе довольно умеренном.

Но вот, оказывается, что некоторые местности подошли довольно близко к полной сети школ, и наши законодатели спешат забежать вперед и разрешить установление обязательности обучения.

Обязательность обучения! Можно ли без горького чувства стыда произносить эти слова в России, где в XIV и XV веках без всякого обязательного обучения все население Севера сплошь было грамотным и еще до книгопечатания при каждом почти погосте существовали свои рукописные библиотеки? Петербургский период утопил эту культуру во мраке своих канцелярий и все-таки не убил в русском народе страстной жажды просвещения. Но только народ не отождествляет «просвещение» с современной школой или слишком беден, чтобы жертвовать домашней работой ребенка казенной или земской грамоте. И наши либеральные просветители готовы взяться за палку.

Обязательность обучения! Из всех форм насилия над народом это едва ли не самая отвратительная. Это любимейшая форма воздействия масонских и республиканских правительств на население в смысле искоренения «темноты и предрассудков», а попутно и веры, и народных преданий, и исторических традиций. Достаточно взглянуть на современную борьбу вокруг школы во Франции, чтобы с ужасом увидеть, какой опасностью угрожает народная школа в руках атеистической интеллигенции и либеральных правительств. Французская, так называемая *лаическая*, народная школа[222] вытравила или стремится вытравить из своих учеников не только религиозное чувство, но и всякие исторические предания, и даже патриотизм. С этою целью беззастенчиво подделываются учебники, своеобразно воспитываются и подготовляются учителя и объявляется беспощадная война всему тому, что не желает подчиниться этой ужасной переработке духа и воззрений целой нации в лице ее молодых поколений.

Но то, скажут, во Франции. У нас ни к чему подобному не стремятся. В России обучение закону Божию в народной школе не только обязательно, но передано по закону в руки духовенства. С Церковью не только не ведется борьбы, но она признается господствующей ит. д.

Так ли это? На словах — да, но на деле русская народная школа давно уже стоит на том самом пути, как и на Западе. Вокруг школы столпилась прогрессивная интеллигенция чиновничья и земская, создалась целая литература, подготовился значительный персонал учителей.

Еще давно, в 60-х годах прогрессист Писарев[223] провозгласил свой знаменитый афоризм «поймайте таракана». Таракан — это была народная школа, которую нужно было интеллигенции захватить в свои руки, чтобы вместе с нею поймать народ и подчинить его своему руководительству.

И это движение шло все время, ни на минуту не останавливаясь. Создалась огромная литература, приспособленная к народному пониманию, вся почти сплошь нерусская и не только не православная, но даже по тенденции антицерковная и антихристианская. Подготовился огромный контингент народных учителей и учительниц и среди них только в виде исключения можно найти истинно народных по вере и воззрениям людей. Остальные — полуграмотные «прогрессисты», воспитанные политически на копеечных брошюрках «Донской Речи». Мы помним хорошо их роль в смутную эпоху 1905-1906 годов, помним земские учительские союзы, бойкотировавшие и гнавшие с места, словно паршивых овец, людей-подвижников, людей дорогих и близких народу. Да и чего ждать от народных учителей, когда сами сельские батюшки, выходцы из нынешних семинарий, чуть не сплошь заражены тою же копеечной «прогрессивностью»?

Прежде чем говорить об обязательности всеобщего обучения, не следовало бы поставить во всю ширину и с полной искренностью вопрос: почему наш народ чуждается нынешней школы, не любит ее и не считает своею, а предпочитает иногда полуграмотного, но «вольного» человека в качестве учителя? Почему ни нынешняя казенная, ни земская, ни даже церковно-приходская школа не имеют права называться школами народными?

П

Почему, в самом деле, наша так называемая «народная» школа вовсе не народна и, как таковая, не пользуется не только любовью, но даже простым сочувствием населения?

Этот вопрос ставим не мы, а сама жизнь. Достаточно заглянуть в любую нашу начальную школу в деревне. Картина повсюду одинакова. Вот учитель или учительница — зачастую добросовестные подвижники своего дела. Но они чужие народу по духу, и эта печать отчуждения лежит на них камнем. Вот дырявое и холодное школьное здание, тоже всем чужое. Вечная история с ремонтом, с отоплением, со сторожем. Никто не хочет заткнуть дыры, принести вязанки дров. Вот ученики, проходящие какую-то чудную, по мнению народа, странную и бесполезную науку.

Школа усердно стремится переработать крестьянских детей по-своему. Жизнь и среда упорно сопротивляются. Большинство, пройдя механически школьную премудрость и сдав экзамен, возвращаются в свою среду и в лучшем случае остаются только грамотными, стряхнув все остальное. Меньшинство, воспринявшее «интеллигентность» и разные обрывки прогрессивных «идеек», отрывается от простой сельской среды и уходит прочь из деревни или безнадежно в своей среде чахнет и тоскует, а иногда и хулиганит.

И это относится одинаково ко всем трем типам «народной» школы — министерской, земской и церковно-приходской. Каждая из них, словно корень чужеядного растения, старается проникнуть в народную толщу и укрепиться, и каждая одинаково хиреет и влачит жалкое существование, не находя себе живого питания в сельской среде.

Глубокая фальшь этой постановки, глубокий духовный разлад между школой и населением бьют в глаза.

Чтобы понять, в чем эта фальшь, вообразим себе совершенно убогую деревню, о которой позабыли все три начальства, ведающие школьным делом. Останется ли она без просвещения? Утонет ли в невежестве?

Жажда просвещения так велика в народе, что эти забытые крестьяне непременно, если не все, то имеющие малейшую возможность, пригласят отставного солдата, мещанина-пьяницу, грамотную черничку и непременно будут отдавать ребят «в науку», понимая под этой наукой: во-первых, грамоту и письмо, во-вторых, «божественное», то есть Псалтирь, Часослов, молитвы. Бедность и необходимость эксплуатировать детский труд оставит многих без просвещения, и эти оставшиеся будут тосковать и завидовать.

Но поднимемся на одну ступень и возьмем такую же деревню зажиточную. Ей будет на что содержать учителя, уже гораздо более ценного и толкового и, если только начальство не помешает, школа непременно возникнет, с учителем по душе, со всеобщим сочувствием и заботами и с просвещением в строго народном духе.

Наконец, поднимемся еще выше, представим себе зажиточный православный приход, организованный в правильную церковную и гражданскую общину с пблным самоуправлением. Дадим этому приходу право найти себе и священника, и учителя по душе. Можно ли даже допустить мысль, чтобы этот приход и с таким священником остался без школы? Можно ли думать, что эта школа будет народу чужая и, как таковая, не встретит надлежащей заботы и поддержки?

Ответ дают старообрядцы, коренные русские люди, пронесшие наш старый народный дух и предания сквозь угар и насилия петербургского периода.

До сих пор им не дозволяли школ — они были поголовно грамотны, граждански и религиозно крепки и просвещенны. Теперь

школы дозволены, как и храмы, и самые маленькие из зарегистрированных общин торопятся строить свои церкви, жертвуя чем могут, и рядом школы, которым наши казенные, земские и церковные могут только завидовать.

То же движение поднимется неудержимо и в православном народе, облегчите лишь его бедность, дайте свободную и широкую приходскую организацию и снимите казенную опеку со школы.

Может ли быть иначе, если вера и просвещение определяются по самому существу своему внутренним порывом верующих сердец и творческих умов, а не мертвыми циркулярами и бумажной «школьной сетью»?

Не пора ли, наконец, перестать смотреть на русский народ, как на гладкую доску, на которой всякий, кто угодно, может чертить узоры по своему произволу? И те наши либералы, которые кричат о «народной свободе», не являются ли величайшими деспотами, вторгаясь со своим сочинительством и насилием в дело органического творчества самой жизни, в дело веры и благочестивого порыва?

Народная школа в России должна принадлежать организованному, свободно самоуправляющемуся приходу — православной церковной общине, и никому другому. Говорим о местностях чисто русских и православных, не касаясь пока окраин. Там дело ставится несколько иначе.

Предвидим ряд страхов и возражений и постараемся их разобрать.

Ш

Относительно народной школы для чисто православных местностей России нами было принято как основной принцип, что эта школа должна принадлежать самоуправляющемуся приходу — церковной общине, и никому иному

Мы тогда же предвидели разнообразные сомнения и возражения, в которых необходимо разобраться.

И наши ревнители нынешнего церковного строя, и наши так называемые консерваторы возразят, что современному приходу, давно потерявшему всякую привычку к самостоятельности, разрозненному и темному, школы доверить нельзя. При отсутствии или великой редкости истинно просвещенных людей из простого народа школа неминуемо попадет в руки все той же нынешней интел-

лигенции, от которой так желательно ее избавить, и тогда в школе пойдет политическая пропаганда, или, если крестьяне вздумают вести эту школу сами, при помощи учителя «себе по мысли», они рискуют напасть на такого педагога, который в смысле техники преподавания не может в благоустроенной школе быть терпим ни минуты.

К последнему возражению охотно присоединятся и все наши просвещенные и либеральные левые.

Ответить на оба возражения трудности большой не представляет.

Мы готовы и сами предвидеть заранее полную возможность проникновения в школу политического агитатора из эсдеков или эсеров со всеми печальными от сего последствиями. Но разве же мы отрицали правительственный надзор за школой?

Не говоря уже про то, что если бы крестьяне под каким бы то ни было влиянием и допустили подобную ошибку, раньше всех они же заметили бы ее и сами. Но если даже этого и не случится или случится не скоро, то ведь за школами наблюдает специальная инспекция или простая полицейская власть. Приезжает инспектор в школу и сидит на уроке, на другом, посмотрит тетрадки, поговорит с учениками, с родителями и сразу же определит *тон* и *дух* школы. Быть может, это выйдет не сразу, но конец будет неизменно один. Если окажется этот дух разрушительным или вредным, инспектор соберет экстренное собрание приходского совета и честь-честью предложит им этого учителя уволить.

Это увольнение ничего не стоит обставить самыми лучшими гарантиями, если угодно, даже с участием суда; но если инспектор будет *лично ответствен* сам за дух в школах своего района, можно быть спокойным, что ни один политически вредный учитель долго не продержится.

Так же легко отпарировать и второе возражение — о неспособности хотя бы и благонадежного учителя. Во-первых, его выдадут результаты его деятельности — успешность обучения. Если крестьяне очень тонко разбираются сейчас в своих контрабандных педагогах в местностях, где школ мало и приходится приглашать с воли солдат и черничек, то уж, конечно, в учителе постоянном, нанимаемом за приличное жалованье, они разберутся еще лучше.

Но пусть, погнавшись за дешевизной, приход терпит до поры плохого учителя. В конце концов он все же уйдет, ибо слишком

мало из его учеников выдержат экзамен в земской школьной комиссии и получат свидетельства, а может быть, и совсем никто, то есть крестьяне увидят, что деньги свои они учителю платили даром. Неужели же мужик настолько глуп, чтобы этого учителя держать дальше?

И поверьте, тот же приходской совет не выдумает ничего лучше, как пригласить учителя настоящего, разумеется, основательно его рассмотрев и столковавшись. А кроме того, своей *рекомендацией* (но не *назначением*!) помогут и земство, и та же инспекция.

Указанные внешние условия нимало не ограничивают здоровой самостоятельности прихода — хозяина школы — и вместе с тем вполне гарантируют и политическую благонадежность, и высокую технику преподавания. Но какая неизмеримая разница окажется между этим порядком и нынешним!

Бесконечно облегчается роль власти. За нею остается надзор в самой простой и ясной форме и снимается всякая забота о постановке дела, о программах, учебниках, средствах.

Бесконечно облегчается положение самой школы. Она будет у народа своя, с самостоятельно приглашенным учителем, со своими, а не казенными распорядками, с преподаванием того и в том духе, какой соответствует взглядам и потребностям деревни.

Возвышается и облагораживается дело учителя. Он работает на полной свободе, не стесняемый никакими циркулярами, программами и инструкциями. Он, добровольно пошедший на зов прихода, а не свалившийся ему на шею, станет неминуемо вторым после священника культурным человеком деревни. И посмотрите, что народ, любитель церковного благолепия, непременно постарается совместить звание учителя с саном диакона, а саму школу сделать прежде всего органом Церкви или, по счастливому выражению А Виталя, «церковью детей».

Дух захватывает от тех светлых перспектив, которые могут открыться, если мы решимся, наконец, освободить народную школу от бюрократического плена и поставить ее в свободное и достойное положение первого и важнейшего органа освобожденной от того же плена русской православной Церкви.

лигенции, от которой так желательно ее избавить, и тогда в школе пойдет политическая пропаганда, или, если крестьяне вздумают вести эту школу сами, при помощи учителя «себе по мысли», они рискуют напасть на такого педагога, который в смысле техники преподавания не может в благоустроенной школе быть терпим ни минуты.

К последнему возражению охотно присоединятся и все наши просвещенные и либеральные левые.

Ответить на оба возражения трудности большой не представляет.

Мы готовы и сами предвидеть заранее полную возможность проникновения в школу политического агитатора из эсдеков или эсеров со всеми печальными от сего последствиями. Но разве же мы отрицали правительственный надзор за школой?

Не говоря уже про то, что если бы крестьяне под каким бы то ни было влиянием и допустили подобную ошибку, раньше всех они же заметили бы ее и сами. Но если даже этого и не случится или случится не скоро, то ведь за школами наблюдает специальная инспекция или простая полицейская власть. Приезжает инспектор в школу и сидит на уроке, на другом, посмотрит тетрадки, поговорит с учениками, с родителями и сразу же определит *тон* и *дух* школы. Быть может, это выйдет не сразу, но конец будет неизменно один. Если окажется этот дух разрушительным или вредным, инспектор соберет экстренное собрание приходского совета и честь-честью предложит им этого учителя уволить.

Это увольнение ничего не стоит обставить самыми лучшими гарантиями, если угодно, даже с участием суда; но если инспектор будет *лично ответствен* сам за дух в школах своего района, можно быть спокойным, что ни один политически вредный учитель долго не продержится.

Так же легко отпарировать и второе возражение — о неспособности хотя бы и благонадежного учителя. Во-первых, его выдадут результаты его деятельности — успешность обучения. Если крестьяне очень тонко разбираются сейчас в своих контрабандных педагогах в местностях, где школ мало и приходится приглашать с воли солдат и черничек, то уж, конечно, в учителе постоянном, нанимаемом за приличное жалованье, они разберутся еще лучше.

Но пусть, погнавшись за дешевизной, приход терпит до поры плохого учителя. В конце концов он все же уйдет, ибо слишком

мало из его учеников выдержат экзамен в земской школьной комиссии и получат свидетельства, а может быть, и совсем никто, то есть крестьяне увидят, что деньги свои они учителю платили даром. Неужели же мужик настолько глуп, чтобы этого учителя держать дальше?

И поверьте, тот же приходской совет не выдумает ничего лучше, как пригласить учителя настоящего, разумеется, основательно его рассмотрев и столковавшись. А кроме того, своей *рекомендацией* (но не *назначением*!) помогут и земство, и та же инспекция.

Указанные внешние условия нимало не ограничивают здоровой самостоятельности прихода — хозяина школы — и вместе с тем вполне гарантируют и политическую благонадежность, и высокую технику преподавания. Но какая неизмеримая разница окажется между этим порядком и нынешним!

Бесконечно облегчается роль власти. За нею остается надзор в самой простой и ясной форме и снимается всякая забота о постановке дела, о программах, учебниках, средствах.

Бесконечно облегчается положение самой школы. Она будет у народа своя, с самостоятельно приглашенным учителем, со своими, а не казенными распорядками, с преподаванием того и в том духе, какой соответствует взглядам и потребностям деревни.

Возвышается и облагораживается дело учителя. Он работает на полной свободе, не стесняемый никакими циркулярами, программами и инструкциями. Он, добровольно пошедший на зов прихода, а не свалившийся ему на шею, станет неминуемо вторым после священника культурным человеком деревни. И посмотрите, что народ, любитель церковного благолепия, непременно постарается совместить звание учителя с саном диакона, а саму школу сделать прежде всего органом Церкви или, по счастливому выражению А. Виталя, «церковью детей».

Дух захватывает от тех светлых перспектив, которые могут открыться, если мы решимся, наконец, освободить народную школу от бюрократического плена и поставить ее в свободное и достойное положение первого и важнейшего органа освобожденной от того же плена русской православной Церкви.

КАК В ТАМБОВЕ СПРАВЛЯЮТ ГЕОРГИЕВСКИЙ ПРАЗДНИК

Передо мною маленькая брошюрка «Георгиевские праздники в 1908 и 1909 г. в Тамбове и Тамбовской губернии». Вещица эта вызывает очень сложное чувство - от нее становится и радостно, и стыдно.

Радостно потому, что на этих 20 страничках словно вдруг загорелся огромной силы прожектор, разбросавший далеко-далеко яркие лучи пламенного русского патриотизма, огромного государственного ума и такого искреннего национального чувства, от которого пожаром загораются сердца. Эту брошюру нельзя читать без глубокого волнения, почти без слез.

Ну а стыдно потому, что этот яркий прожектор осветил очень уж скверный мрак кругом. Подумайте только: в Петербурге, где, кажется, единственно праздновался в старые времена военный праздник Георгия Победоносца, как раз в этом году этот «день русских героев» отменен. Москва, ожидовевшая и окадетившаяся, глуха и слепа. Киев, Харьков, Нижний, Саратов, все наши областные столицы не отозвались ни единым звуком. И вдруг какой-то Тамбов, который

> ...на карте генеральной
> кружком означен не всегда[224],

празднует, вот уже второй год подряд, Георгиевский праздник, - да как празднует! За всю многогрешную Россию, с таким блеском, с таким духовным подъемом, как никогда и нигде до сих пор не праздновали. И кто же инициатор? Вы думаете, один из героев минувшей войны, начальник какой-либо прославившейся в боях части с георгиевскими лентами или трубами? Ошибаетесь! Инициатором явился штатский или, по презрительному выражению военных людей, «рябчик», «штафирка», да так отпраздновал, что по уши осрамил все Военное ведомство, не умеющее ни понимать великой души русской армии, ни уважать ее.

Мысль о местном Георгиевском празднике принадлежит Тамбовскому губернатору Н. П. Муратову[225]. Не имея возможности удовлетворить ходатайства некоторых бедных георгиевских кавалеров,

просивших дать возможность к 26 ноября съездить в Петербург, 1убернатор решил устроить праздник в Тамбове и уездных городах. Он снесся с местным военным начальством и обратился к богатым людям губернии, прося помочь денежными пожертвованиями. Воззвание было написано таким сердечным языком, предмет был так важен и дорог, что губерния дружно откликнулась. До 450 георгиевских кавалеров собрались в Тамбове, остальные — по городам губернии. Полиции было дано распоряжение помочь всем добраться до города, хотя бы пользуясь лошадьми конных стражников.

26 ноября прошлого года Тамбов был свидетелем невиданного никогда ранее события. Торжественная архиерейская служба с внесением в церковь знамен местных частей войск. Церковный парад с участием в строю 450 мужиков, георгиевских кавалеров, торжественный ход по городу в казармы, шпалерами расставленные учащиеся и прекрасное угощение на собранные по подписке средства.

Привожу начало и конец речи Н. П. Муратова за этим обедом, которая и в чтении вызывает глубокое волнение. Какова же была она в громовом живом слове?

«Никакой самой долгой, верной и преданной службой, никакими заслугами перед Царем и Родиной на гражданской службе нельзя получить этого белого креста, что украшает вашу грудь. Его дают только тем, кто боролся с врагом, в глаза заглянул смерти. Всякий из вас прежде, чем получит белый крест, ждал себе другого креста, того, что венчает могильный холм, и не на родной стороне, а на далекой чужбине. Всякий из вас, вырывая свой крест из костлявой руки смерти, защищал не собственную семью и не собственное достояние, а общие нашу семью и дом — Русь святую, общее наше достояние — честь Царя... Вот почему при виде креста вашего бьется сильно сердце, подымается рука ломать шапку, чтобы поклониться подвигу вашему...»

Губернатор поминает героев, чудо-богатырей русской армии, мертвых и здравствующих, характеризует неслыханные трудности последней войны и кончает так:

«Выше головы, господа кавалеры! И смотрите, как моя, представителя всех сословий и всего населения Тамбовской губернии, склоняется перед вами в низком поклоне, со словами самой теплой, самой сердечной благодарности за вашу службу Родине, за вашу защиту нас всех».

Вот какова была эта «штатская» речь. После речей и приказов Скобелева[226] никто, кажется, не говорил у нас на таком языке, даже в военной среде.

Огромный успех импровизированного в прошлом году праздника сделал его совершенно неизбежным и в этом году, как, разумеется, и в последующие годы. Но теперь Муратов поставил дело гораздо шире. Пожертвований собрано еще больше, можно было не только роскошно убрать залу, но и сделать подарки гостям, а вечером поставить для них спектакль с Суворовым[227] на сцене (пьеса не указана). Конечно, губернатор и на этот раз произнес прекрасную речь с таким же подъемом и искренностью. Приводить ее не могу - нет места. Теперь праздник обеспечен на долгие годы.

Да, господа, это все в Тамбове. А в Москве открывается «Общество мира», а в Берлине немцы накладывают арест на капиталы Российской державы, а дипломатия Российской державы вместо окрика посылает его превосходительство г. Дыновского[228] «кончить дело по-домашнему». Вот тут и сопоставляйте.

СОЦИАЛИЗМ КАК РЕЛИГИЯ НЕНАВИСТИ

I

Нашу пресловутую революцию сравнивают с «Великой» французской[229], и кто-то рекомендовал даже следить за ней по краткой истории, как по отрывному календарю, ручаясь за возможность прямо предугадывать дальнейшие события.

Увы, этот пророк «отгадчиком» не оказался, и наша «революция» хоть и потребовала много крови и жертв, но во французскую не выросла, а обратилась в некую политическую гнусность, закончившуюся убийствами из-за угла и экспроприациями, сначала идейными, а затем и просто разбойными.

Сходство с сильной натяжкой, пожалуй, найдется, как всегда найдется сходство между двумя ломаемыми домами. И там, и здесь разбирают старую постройку, летит пыль, накапливается много мусора. В обоих случаях, когда процесс ломки закончится, старого здания не будет. Но на этом кончается и все сходство.

Как видите, оно чисто внешнее. Но зато если мы обратим внимание на разницу между нашей революцией и французской, то она окажется так велика и существенна, что ни о каком сходстве не придется и говорить.

Довольно указать на два пункта. Французская революция была не только национальна, но, можно сказать, крайне преувеличенно национальна. Никакие инородцы в ней не участвовали, а вся остальная Европа шла на ее усмирение. Патриотизм самих французов был так горяч, что за одно подозрение в его недостатке господа революционеры без церемонии рубили головы.

В этом смысле наша революция является прямой противоположностью. Ее вожаки — в большинстве инородцы, вошедшие между собой в союз и предоставившие господам россиянам роль весьма второстепенную. Затем насчет патриотизма замечается тоже как раз обратное. Если бы дело дошло, помилуй Бог, до снимания голов, то таковые стали бы сниматься за проявление русского патриотизма, а уж никак не за его недостаток. Подсчитайте число политических жертв и их окраску, и вы увидите, что это все были именно патриоты. Кто же не знает, что для нашей революции «патриотизм» — понятие весьма презренное, а «патриот» даже

прямо ругательное слово? Да это и понятно. На свою национальную революцию французские патриоты несли патриотически свое, иногда последнее, достояние. Наша революция идет сплошь за чужой счет, сначала за японский, как это недавно документально доказано, затем за счет международных, точнее, еврейских денег, ибо главная задача русской революции есть все-таки еврейское равноправие, недостижимое при старом самодержавном строе. Теперь этот строй заменяется парламентарным, то есть именно тем, который нужен опять же евреям и всяким инородцам, а русским пристал, как корове седло.

Будь наша революция национальной, она прежде всего вылилась бы в форму борьбы *за земщину* против бюрократии. Но земщина-то именно у нас и провалилась в революционный период как понятие чисто русское, для еврейства еще гораздо более противное, чем самодержавие. И наивен был бы тот, кто стал бы ждать от нашего парламента серьезной постановки и свободы самоуправления. Наоборот, он, если бы удался, создал бы неминуемо централистский шаблон, так бы все нивелировал и обезличил и законодательством, и всякими общеимперскими союзами, что от всей земской свободы осталось бы едва ли не одно только великое право — собираться на митинги, да и то левые, а отнюдь не патриотические.

Второе коренное отличие нашей революции — это ее социальный характер в противоположность чисто политическому характеру революций западных. Насколько во французской революции бьет в глаза ее решительно буржуазный облик, ее домогательства устранений феодальных привилегий во имя чисто политических прав и свобод (припомним драконовские постановления о собственности, о стачках и т. п.[230]), настолько же наша русская революция насквозь прокрашена социалистическими вожделениями и нежеланием ни одной минуты остановиться и укрепиться на ненавистном капиталистическом или буржуазном строе.

Это последнее обстоятельство придает всему нашему «освободительному» движению совершенно своеобразный колорит и предначертывает ему путь совсем особый, где французская книжка по истории ровно ничему не поможет и ничего не уяснит.

П

Многие русские люди ломают себе голову, решая вопрос: *откуда взялся у нас социализм и почему это учение в такое короткое время и так могущественно овладело умами нашей молодежи*, да и не только молодежи, а даже взрослых и серьезных, по-видимому, людей, которым, казалось бы, обязательно более вдумчивое отношение к тому, что проповедуется на газетных столбцах?

Чтобы выяснить этот вопрос, от которого в значительной степени зависит то или иное отношение к русскому освободительному движению, необходимо установить сначала твердую принципиальную точку зрения на самый социализм, как на положительное учение. Смело говорим, что в широких кругах русского, так называемого образованного, общества никакой такой точки зрения не существует. Огромное большинство судит о социальных доктринах совершенно превратно, и мы не ошибемся, если этот общий расхожий взгляд выразим так:

«Социализм есть учение весьма дельное и серьезное. Но в самую глубину этой премудрости заглянуть обыкновенному смертному очень трудно, так как она окружена чрезвычайно туманной и сложной диалектикой, в которой и упражняются специалисты. Наш домороценный социализм в его практических применениях и в *популярной* проповеди есть нечто весьма искаженное и изуродованное, годное, конечно, для гимназистов да совершенно отпетых и невежественных людей вроде Аладьиных[231], Жилкиных[232] и К° в первой Думе и Алексинских[233] во второй или новоявленных кавказских выходцев, каковы, например, были пресловутые Рамишвили[234], Зурабовы[235], Церетели[236] и т. п. Эти господа только компрометируют социализм, требуя слишком преждевременно разных несуразных вещей и притом с ненавистью и дерзостями. Но это не мешает социализму *подлинному* быть "учением будущего" и привести человечество к благу».

Думаем, что этим довольно верно определяется взгляд среднего грамотного русского обывателя. Если мы прибавим сюда ходячее мнение, будто существует еще какой-то христианский социализм, мирный и благостный, и что вот этот-то социализм и есть самый настоящий, мы можем на этом и закончить. Большего от русской публики не требуйте. Маркса ни в подлиннике, ни в переводах она не читала, хотя усердно раскупила несколько изданий *Капитала*.

Комментаторов и продолжателей Маркса вроде Энгельса[237], Каутского[238] и прочих она знает еще меньше, а серьезных критиков и близко не видала. Все, что она читала, — это ряд популярных брошюрок, которые прежде проносились под полой, а ныне свободно продаются и раздаются бесплатно и которые для несамостоятельных умственно людей представляют критику современного капиталистического строя — весьма сокрушительную и обещания будущего — самые заманчивые.

Добрая и душевная русская публика даже и не подозревает, что социализм *никакой науки, никакого учения собой вовсе не представляет;* что это есть не более, как известная система диалектики, чрезвычайно утонченной и сложной, вся цена коей ломаный грош, ибо отправной пункт содержит в себе первородную *ложь;* что сила социальной доктрины заключается не в ее выводах, которых и сами социалисты не сделали, не в положительных формулах людского общежития, которых никто не установил и установить не мог, а только в отрицании, опирающемся на специальное *настроение* отдельных ли лиц или целых общественных групп; что в социализме нет поэтому абсолютно никакой *творческой* стороны, а исключительно *разрушительная* и что, наконец, как учение, построенное на лжи, вражде и ненависти, оно не имеет никаких иных логических выводов, кроме чистейшего анархизма, если остаться только при разрушении, или неслыханного нигде и никогда рабства, если упорствовать в праздной мечте и созидании общежития на социалистических началах.

III

Научная истина всегда объективна, ясна, сама себе равна и воспринимается *разумом* достаточно независимо от настроения учащего или поучаемого. Социальная доктрина для своего усвоения требует *чувства,* особенным образом подготовленного, которое только тогда ее не отвергнет, когда поучаемый будет заранее подготовлен звучать в унисон с учащим. Отсюда всеобщее и давнее наблюдение: социальное неравенство есть повсюду и всегда, но чтобы социальное учение нашло восприимчивых слушателей и воспламенило массы, необходимо, чтобы общественные страдания, насилия и несправедливости перешли известную черту, за которой уже не-

угасимым огнем загорается ненависть слабого к сильному, бедного к богатому, глупого к разумному.

Только в такую среду социальная доктрина может с успехом бросать свои ядовитые семена.

Потрудитесь американцу Соединенных Штатов, получающему заработную плату до 2 и больше долларов в сутки и быстро накопляющему сбережения, начать развивать ту доктрину социалистов, что предприниматель-капиталист его грабит, отнимая от него «прибавочную ценность», которая ему, рабочему, принадлежит. Американец засмеется вам в глаза и решительно не будет в состоянии понять, каким образом у свободного гражданина, свободно предлагающего свой труд и назначающего ему свободную расценку, кто-нибудь может что-нибудь украсть.

Но обратитесь с той же проповедью к голому и голодному итальянцу или к русскому фабричному пропойце - и ваш слушатель развесит уши. На заманчивые перспективы всеобщего равнения имуществ американец ответит бранью, потому что у него впереди благосостояние и победа, основанная на личной предприимчивости, удаче и сбережениях. У него самого растет его небольшой капитал, который в будущем будет только удваивать его трудовые силы, и потому всякое покушение на этот капитал будет ему казаться покушением также и на него лично. Наоборот, какой-нибудь итальянец, совершенно изверившийся в возможности выбиться из бедности упорным трудом и бережливостью и вынужденный покидать родину, чтобы идти куда глаза глядят, уверует в будущий коллективизм, как в Евангелие.

Вот почему Северная Америка, страна исключительного расцвета промышленного капитализма, является, по выражению социалистов, «страной оставления всех надежд» (для них), а Италия — истинным рассадником и гнездом социализма. Поэтому же Германия с ее твердой властью и прочным экономическим строем хотя и прислушивается к туманной диалектике своих главарей социального движения, хотя и охотно рассуждает о нем за кружкой пива, но практически переработала самое учение так, что истинные, кровные социалисты называют германский социализм «наукою о безропотном перенесении рабочими ига капиталистов».

И это выражение необыкновенно счастливо и точно. Немецкий рабочий отлично знает, с каким колоссальным трудом и борьбой

отвоевывает рынок и дает своим рабочим работу немецкий капитал и каким небольшим, сравнительно, довольствуется он вознаграждением. Он хорошо знает, что малейшее неловкое прикосновение к этому капталу отразится страшной катастрофой прежде всего на самих же рабочих. И вот господа немецкие социалисты, покуривая свои трубки, рассуждают весьма здраво, что хотя, по Марксу, капитал им и враг, но пока что они от него кормятся; хотя милитаризм - и недостойная, и презренная вещь, поддерживающая буржуазный строй, но, однако, без внушительной военной силы Германия не могла бы так шагать на иностранных рынках, и потому хоть и неохотно, но все же вотируют в рейхстаге нужные кредиты на армию и флот.

А попробовали те же социалисты стать поперек дороги германскому буржуазному творчеству, получился неслыханный разгром партии, которую на последних выборах в рейхстаг жестоко закидали черняками и сократили более чем вдвое.

IV

Так обстоит дело на культурном Западе, потоками крови оплатившем всякие перевороты и революции. У дальнейших из тамошних народов - немцев и американцев - социальная доктрина, являясь всем понятным предупреждением, принесла и свою долю пользы. В Америке гигантские стачки всемогущего капитала вызвали не менее гигантские рабочие союзы[239], прекрасно оградившие трудящиеся массы от возможности хищнической их эксплуатации. Но увы! Об *этих* рабочих союзах социалисты предпочитают умалчивать, ибо они построены на чистейших буржуазных принципах и в корне противны социальному учению. Это не более как взаимное страхование мелких капиталистов в ответ на стачку крупных. Пролетарий, в этот союз не попавший, услугами его не только не пользуется, но и встречает явно враждебное к себе отношение. Подите-ка вступите в американский рабочий союз! Это потруднее, чем в любую из наших биржевых артелей, где нужен взнос в несколько тысяч рублей.

В Германии развитие социальных учений подсказало правительству вовремя позаботиться о правовом и экономическом положении рабочих. Государство мастерски вырвало инициативу всяких *разумных* улучшений из рук вожаков социализма, и еще руками

Бисмарка само создало прекрасное рабочее законодательство, обеспечив рабочих в их внешних условиях труда, насколько только это доступно государственной власти. Социализму в Германии остались только невинные ораторские упражнения да забастовки, производимые очень редко, тонко и осторожно.

В России, где при ничтожном процентном отношении фабричных рабочих к общей массе населения и при землевладении всей крестьянской массы социализму, казалось бы, совсем нечего делать, это учение волею судеб оказалось в противовес всякому здравому смыслу руководителем революционного движения. Главари социализма, скрывавшиеся в подполье в то время, когда земские передовые силы выступили на борьбу со старым режимом, тотчас же после первых побед земцев вышли на поверхность и буквально сели буржуазно-либеральному течению на шею.

Не успели наши конституционалисты отпраздновать первый медовый месяц отвоеванного с таким напряжением и хитростями парламентаризма, как уже в Государственной Думе за их спиной выросли разные «трудовые группы», явились люди столько же некультурные, как и наглые, и сразу предъявили свои претензии на власть.

Никогда еще великий господин Пролетариат не выступал в мировой истории с таким умственным и нравственным убожеством и... с таким апломбом. Он не хочет считаться ни с чем. Для правительства у него нет других терминов речи, как «воры», «провокаторы», «хулиганы». Почтенных и истинно свободолюбивых людей, как покойный гражданин Гейден[240], он величественно именует «старыми шлепаками» (можем привести подлинную цитату из одной пугачевской газеты) и кричит им «довольно» и «долой». Милостиво-презрительно, как истинно зазнавшийся хам, относится он к перетрусившим либералам, усердно вертящим перед ним хвостом, и при малейшем серьезном противоречии дает им пинка. Пользуясь растерянностью и скудоумием власти, устраивает в России пугачевщину и готов взять за горло все ему сопротивляющееся, все культурное, спокойное, просвещенное. И при этом полное отсутствие какого бы то ни было намека на патриотизм, стремление к неслыханному самовластию, переходящему в прямое самодурство, нетерпимость, забывающую всякие границы, и насилие, насилие и кровь без конца...

Вот в каком виде довольно неожиданно появился на нашей политической сцене Российский Пролетариат, одушевленный великими доктринами социализма. Пока что перед удалью этого младенца все в ужасе расступаются, и все чувствуют основательность этого ужаса. В голосах господ Алексинских, Жилкиных, Аладьиных и иных чувствуется не их личное нахальство, а огромный, косматый, проснувшийся дикий зверь, нечто вроде древнего апокалипсического Змия, неутолимый и неукротимый, словно олицетворивший в себе все, что жило в грязном и мрачном подполье русской народной души, жило, сдавленное тисками полицейского государства, и со времен Стеньки Разина[241] и «дедушки Емельяна Ивановича»[242] не подавало голоса.

Теперь этот зверь рычит и выпрямляется, и мы с ужасом чувствуем, как его когти вонзились в нашу Родину. Волей-неволей приходится этому зверю заглянуть в лицо **и** ознакомиться с его родословной.

V

Мы сказали выше, что вся социальная доктрина основана на первородной лжи и потому ровно никакой, ни научной, ни практической, ценности не представляет. Ложь эту необходимо разобрать и выяснить истинную сущность столь властно утвердившегося у нас учения.

Один из главарей немецкого социализма, Бебель[243], так определил свое исповедание: «Наша цель, — сказал он, — в области политики — *республика*, в области экономики — *коммунизм* и в области религиозной - *атеизм*». .

Если мы отстраним первый член этой формулы — республику, как взятый из чужого лексикона за неимением собственных ясных понятий о желательном типе государства, то двух остальных будет вполне достаточно, чтобы определить всю духовную сущность социальной доктрины.

Это то же христианство, но с отрицательным знаком.

Современное человечество переживает самый расцвет буржуазно-капиталистического строя. Его основы — широкая политическая свобода и широкий экономический индивидуализм, прямо из этой свободы вытекающий. Правовое государство твердо держит-

ся принципа экономического невмешательства и предоставляет личностям и их союзам устраивать свои материальные отношения как хотят, проявляя активную власть единственно ради поддержания общественного порядка, охранения свобод и дарования минимальной обязательной справедливости во внешних отношениях своих граждан.

Вправо от этого строя начинается область религии, которая в лице христианства усиливается побороть старое юридическое и языческое государство и построить жизнь людей на иных, высших началах. Церковь, не отрицая государства и не борясь с ним (Кесарево Кесареви), старается воспитать и вознести души людей так, чтобы, оставаясь в прежних материальных и юридических условиях, люди перестали их ценить и смотреть на них как на высшее благо, ища такового не здесь, на земле, а за гробом. Христианин должен поэтому относиться совершенно безразлично и к своему имуществу, и к своим правам, и ко всей земной обстановке. Последняя должна быть ему ценна лишь постольку, поскольку дает возможность совершать *дело любви*, то есть помогать благополучию своих ближних. А так как дело любви возможно при каких угодно политических и экономических условиях, то, с христианской точки зрения, нет ни оправдания, ни осуждения никаким общественным и государственным формам. Всякий строй для него приемлем, поскольку в нем возможно «тихое и мирное житие», ибо только это, с христианской точки зрения, и требуется от государства. Остальное дадут личный подвиг, личный духовный подъем и самосовершенствование христианина. И в этом смысле все общественные деления, например сословность, все неравенства состояний, даже рабство, для христианства одинаково приемлемы, как и наисвободнейшее общественное и политическое устройство. Любовь все сгладит и восполнит, Христос всех уравняет и даже сделает первых последними, а последних первыми.

И эта вера в могущество высшей небесной правды составляет такое сильное орудие христианства, что совершенно исключает всякую зависть бедного к богатому (богатый несчастнее, ибо ему труднее войти в Царство Небесное), всякую ревность подвластного к властвующему (сознание величайшего бремени ответственности) и делает из истинно христианского общества и народа единый целостный организм, сознающий и свое братство во Христе, и свое

полное духовное равенство, даже с некоторыми привилегиями для кротких, милостивых и нищих духом, то есть для наиболее обездоленных общественных слоев.

VI

Влево от правового капиталистического, буржуазного строя лежит социализм. Для этой доктрины небо является областью «святых и воробьев», человеку же остается искать своего счастья только на земле и в пределах земного. Для любви места нет, и она является в этом мировоззрении как странный пережиток чего-то прошлого, как *альтруизм*, неизвестно зачем впутывающийся по старой привычке в отношения людей между собой и эти отношения только искривляющий. Счастье добывается только борьбой (в борьбе обретешь право свое), воодушевить же на борьбу может прежде всего *ненависть*, которая в социализме играет ту же самую роль главного двигателя человеческой души, какую в христианстве играет *любовь*.

Отсюда полный параллелизм социализма и христианства. Перемените у любого из атрибутов христианства плюс на минус - получится соответственное понятие у социалистов. Возьмите, например, *равенство*. У христиан равенство перед Отцом Небесным заставляет людей совершенно различных, но одинаково одушевленных любовью, смотреть друг на друга как на братьев. У социалистов равенство есть требование земного общежития; отсюда жгучая ненависть ко всякому политическому и экономическому неравенству, заставляющая низшего по положению видеть в высшем заклятого врага. Чувство совершенно однородное, но с обратным знаком.

То же самое с *братством*. С положительным знаком это чувство единит самых различных людей любовью во Христе. С отрицательным оно сплачивает однородные элементы ненавистью ко всему тому, что не они, создавая новый термин «товарищ». Наконец, и самая *свобода*, понятие для христианства совершенно положительное, как абсолютно необходимое условие для проявления и веры и деятельной любви, получает в социализме отрицательный знак, превращаясь в совершенно определенное *принуждение*. Так, *политическая свобода*, первейшее требование социализма, есть, в сущности,

только условие свободного проявления ненависти, в форме ли слова, печати, союзов и т. д. *во имя борьбы*. Борьба эта должна уничтожить все существующие неравенства, все привести к одному уровню, а затем свобода превращается в грубое и абсолютное *насилие* общества над индивидуумом.

Насилие — да ведь это и есть свобода с отрицательным знаком! И поскольку свобода есть необходимая принадлежность христианства, допускающего только свободный личный подвиг, постольку же насилие есть неизбежный основной фундамент социального строя, ибо без насилия не могло бы ни одного дня продержаться обезличенное и уравненное под один ранжир человечество. Насилием должен *осаживаться* до среднего уровня каждый умный, сильный и независимый, насилием *подниматься* до того же среднего уровня глупый, слабый и несамостоятельный или ленивый. Попробуйте вычеркнуть элемент насилия и допустить небольшую свободу, и от социального построения тотчас же не останется камня на камне. Общество дифференцируется самым буржуазным образом, и установленное насильственно равенство будет радикально ниспровергнуто.

И совершенно так же, как христианская свобода по существу своему безгранична, имея регулятором только совесть личную и общественную, безгранично и насилие социализма. Оно не останавливается не только перед принудительным распределением работ и профессий, перед принудительным распределением благ, но даже и перед принудительным общественным воспитанием*. Это совершенно логично и последовательно. Раз отрицается высший регулятор — *совесть*, человечество, чтобы не стать диким стадом, должно подчиниться внешнему регулятору - отвлеченной *общественной воле*, организованному до последних мелочей принуждению и насилию.

VII

Чтобы закончить параллель между христианством и социализмом, необходимо остановиться над идеями коммунизма, одинаково свойственными и тому и другому.

* А быть может, даже и перед принудительным половым общением. В специальной литературе на это есть намеки.

Возвышая дух, обостряя и усиливая деятельную любовь к ближнему и самопожертвование, христианство совершенно естественно освобождает душу человека от связи с обстановкой буржуазно-капиталистического строя. Собственность и богатство становятся в тягость, как и индивидуальное одиночество. Во главе церковной общины в качестве учителей и добровольно признанных распорядителей стоят люди высокой нравственной доблести и духовных совершенств. В церкви-общине есть неимущие, нуждающиеся, больные, хилые. Величайшая радость, величайшее удовлетворение христианина — отрешиться добровольно от ига собственности, снести свое богатство в общую кассу и предоставить своим духовным вождям позаботиться о неимущих. Но вот у христианина не осталось и собственности, а есть только его личность, его труд. Не веря в свои силы и ища дальнейшего подвига, он и эти силы, и волю, и труд отдает в распоряжение общины. Является полная свобода даже от собственных дум и воли, снимается самое невыносимое для любящей и смиренной души — страх *ответственности.* И вот чистый коммунизм, коммунизм апостольской общины первого века, готов.

«У многочисленного же общества верующих было *одно сердце* и *одна душа;* и никто ничего из имения своего не называл своим, но все было у них общее... не было между ними никого бедного; ибо все владельцы поместий или домов, продавая оные, приносили цену проданного. И полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду».

Так повествуется в IV главе «Деяний Апостольских». Совершенно то же, но с отрицательным знаком мы встречаем в мечтах социалистов. Личной собственностй быть не должно. Все принадлежит «обществу» или «нации». Всякий вносит все, что имеет, всякий получает, что ему нужно. Но так как *одного сердца* и *одной души* нет, и никакая любовь этого общества не согревает, то вместо добровольной складки и добровольного отречения от собственности в пользу всех приходится прибегать к регламентации и насилию. Организованные неимущие овладевают благами имущих, и эти блага поступают в общее распоряжение. Эгоистический протест имущих заглушается огромным большинством «пролетариата», который, как большинство и как подавляющая физическая сила, захватывает диктаторскую власть и не делится ею ни с кем. А чтобы «пролетариат» был готов к этому торжеству, его необходимо сплотить, и прежде всего сплотить ненавистью к богатым, к имущественным классам, в коих видится общий враг и угнетатель.

VIII

Параллельность, как видите, самая полная. Элементы христианства и соответственные элементы социализма могут быть расположены в следующем характерном ряду:

Вера	Атеизм
Свобода	Насилие
Любовь	Ненависть
Совесть	Принуждение
Отречение от собственности добровольное	Обязательный коммунизм
Добровольное подчинение	Насильственная регламентация

Все члены одного ряда совершенно однородны с членами другого ряда и находятся между собой во взаимном отрицании. Ход и последовательность логики одна и та же. Человек, не удовлетворяющийся условиями современного общежития, опирающегося на чисто языческие начала индивидуализма, политической свободы, положительного права и собственности, может порвать с этим строем и выйти в любую сторону. Одушевленный верой и любовью, сознавая свою безграничную духовную свободу и повинуясь голосу совести, он может стать христианином активным, то есть добровольно отречься от своей индивидуальной собственности и направить свое состояние на облегчение чужого горя и нищеты. Если при этом он захочет сложить с себя и последнюю тяготу буржуазного строя — личную свободу и ответственность, он может найти общину таких же, как и он, активных христиан и, вступив в нее, закончить подвиг самоотречения, добровольно подчинив себя признанным вождям и духовным руководителям.

В этой общине его земная личность, имущество, воля, право исчезнуть, освободив всецело его духовную личность на подвиг самоусовершенствования и на бескорыстную службу ближним.

Таков в идеале своем монастырский режим. Таково учреждение «старчества», столь чтимое народом.

Совершенно таким же образом человек может взять направление противоположное и из буржуазного мира уйти в мир социальной доктрины.

Твердо уверенный, что на земле конец всему, отбросивший всякие упования на Небо, одушевленный ненавистью к общественному неравенству, разврату, несправедливости и злу, он, пользуясь своей политической свободой, может вступать в союзы людей, добивающихся проведения своих идеалов путем регламентации и насилия. Образовав сознательное большинство своих сторонников в государственном механизме, он может принудительно завладеть чужими имуществами для обращения их в коллективную собственность. Добившись власти путем современной парламентской организации, изображающей собой безразличный и мертвый регулятор общественной воли (поскольку последняя выразима системой выборов), социалист может переломать все человеческие отношения и ввести путем принуждения какой угодно регламент, хотя бы индивидуальную свободу и самоопределение и вовсе уничтожающий.

Из сказанного, надеемся, станут понятными и ход, и приемы, и условия успеха социальной доктрины в том или другом обществе.

Необходимо прежде всего, чтобы образовалась среда, удобная для процветания ненависти и к ее семенам восприимчивая. Такая среда образуется само собой в государствах, идущих по пути к разорению. Нищета, падение земледелия, разорение промышленности, безработица, отсутствие возможности правильно приложить труд, непосильные налоги.' В народе воспитывается глухое раздражение, количество бедствующих увеличивается, духовные силы народа надламываются и уродуются, злые инстинкты растут.

Все это постепенно создает почву для ненависти, но еще ее самостоятельного возникновения и развития не обусловливает. В утешение бедствующему народу приходит религия, сохраняется надежда на высшие правящие классы, которые должны приложить старания, чтобы народную нужду облегчить. Наконец, огромной сдерживающей силой является патриотизм, особенно в тех случаях, когда страдания и злоключения народа приходят извне, от несчастной войны, то есть насилия соседей.

Нужно, следовательно, чтоб эти умеряющие ненависть факторы ослабли и перестали действовать.

Религия может обратиться в холодное выполнение обрядов и перестать быть руководительницей и утешительницей.

Высшие классы и правительство могут оказаться для своей задачи совершенно непригодными и быть скомпрометированы.

Наконец, может иссякнуть в народе и патриотизм путем долгого проведения антинациональной политики и утраты патриотизма верхними классами.

Тогда к чувству горя, обиды и страдания сама собой начинает примешиваться ненависть — и почва для социалистического посева готова.

IX

Ход заражения социальной болезнью таков.

Государственный строй не в силах ответить нуждам и желаниям народа — долой его!

Высшие классы, «общество» неспособно постоять за народ, неспособно исполнить свои правящие обязанности. Отсюда его богатство есть грабеж, его землевладение — узурпация, его промышленность — эксплуатация рабочих масс — долой их!

Религия, не дающая утешения в бедах, не возрождающая и не просвещающая душу, а только кормящая своих жрецов, — ложь и обман — долой попов!

Затем и патриотизм, который оказывается простой слепой приверженностью к существующему порядку, постепенно вытравляется, и крик: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» — становится естественным лозунгом.

Таков естественный ход страшной болезни, именуемой социальной доктриной. Это пока только отрицание существующего, без всяких идеалов, без всяких даже серьезных обещаний и программ на будущее. Это просто религия ненависти, которая как эпидемия овладевает низшими слоями народа и сильнее всего отражается на молодежи как на наиболее чутком органе общественного тела. Здесь болезнь развивается ярче всего, поражает все умы и приобретает пропагандистов-апостолов, которые с жаром новообращенных разносят заразу шире и шире, пока она не охватит всего народа.

Поэтому же и проповедь социализма необыкновенно проста и доступна самому малограмотному, но с распаленным ненавистью, фанатизмом юнцу. Фразы, для серьезного человека до тошноты пошлые и банальные, звучат как откровение, падая прямо на раскрытые раны. Ненависть фанатика встречается с ненавистью обездоленного, и контагий прививается сразу. Для *сознательности* учения, то есть для его формального закрепления в душе простеца, достаточно нескольких диалектических приемов, быстро заучиваемых. А так как без положительной стороны, без идеала и некоторой программы учение было бы совсем лишено реального содержания, то и эта сторона является сама собой.

И здесь снова бросающийся в глаза параллелизм с христианством. Оно обещает *рай на небе*, социализм обещает *рай на земле*, как только установится царство пролетариата, то есть как только общественная власть перейдет к заведомо готовому большинству нищих и обездоленных. О существе этого рая, о будущих в нем порядках незачем ни спрашивать, ни распространяться. Ведь эти же люди сами непосредственно будут хозяевами. Так неужели же они не устроят своей судьбы получше, чем им до сих пор устраивали «господа»? Важно только то, чтобы пролетарии скорее объединились, жарче разжигали в себе ненависть, дружнее шли на разрушение. Все остальное придет само собой.

Из сказанного читатель легко уяснит себе, какую силу может возыметь социальное движение у нас, в России, где, словно нарочно, все условия соединились в самой счастливой комбинации, чтобы дать торжество учению ненависти и разрушения.

Сопоставьте только.

Население разорено. Класс обездоленных, спивающихся, голодающих, мерзнущих, обираемых и всякими способами угнетаемых — да ведь это же чуть ли не все наше многомиллионное крестьянство!

Правительство представляет образец отсутствия инициативы и бесплодия, и не по личному составу даже, а по тому бюрократическому болоту, в котором господа правящие безнадежно барахтаются и вязнут, в котором гибнет всякое достоинство, ум, честь и талант.

Высшие классы — образованное общество — на редкость неспособны у нас к живому делу, тунеядцы, невежественны и духовно ничтожны.

Церковь в лице духовенства давно уже омертвела, сложила с себя всякое духовное водительство, утратила всякую нравственную власть.

Прибавьте сюда долгую антинациональную политику, увенчавшуюся небывало постыдными поражениями на суше и на море и подлым, трусливым миром, продиктованным заграничными евреями.

X

Это ли не исключительно благоприятные условия для *торжества ненависти*, для успеха проповеди *разрушения?* И поистине, не успехам социальной доктрины надо удивляться, а тому, как еще слаба она, как крепко держится русский народ за свои верования, как стойко переносит свои истинно каторжные условия.

Прибавьте сюда еще, что наша молодежь развращена тупоумнейшей школой, озлоблена мертвечиной, формализмом и нуждой и совершенно не способна ни к научной критике, ни к самостоятельности мышления, но зато воспламенима, как порох; что в России, кроме всего указанного, существуют еще два специально благоприятствующих разрушительным силам условия: близкая наличность земель, могущих быть пущенными в грабеж и раздел, и многочисленный контингент евреев, только путем революции могущих получить давно и страстно желаемое равноправие.

И еще прибавьте для полноты картины, что сил, способных не то чтобы остановить, а даже только оказать серьезное противодействие политической заразе, почти вовсе нет.

Печать в огромном большинстве органов захвачена евреями и служит «освободительному движению», явно потворствуя социальным пропагандистам. Устное слово не раздается, заглушаемое революционными криками, школа в руках революции, власть лишена всякого авторитета, армия развращается с каждым днем все больше и больше.

Единственно, что может нас спасти, — это здравый смысл нашего народа и его еще не окончательно вытравленное христианское чувство. Но для проявления и народного разума, и народной веры не хватает *пустяков* — не хватает организации, и потому, если эти силы и есть, то они парализованы. «Союз русского народа» и всякие патриотические сообщества еще ничего творческого не дали, никаких программ не выработали и уже начинают становиться полити-

ческими партиями и втягиваться в парламентарную игру, заведомо недостойную и безнадежную.

В будущем не видно ничего, кроме взрыва стихийной ненависти, которая накопляется все больше и больше. Этот взрыв, если до него доведут, может привести к анархии и даже иностранной оккупации, а быть может, и временному разделу России, о чем мы уже имели случай говорить.

Но не невозможен ли какой-нибудь иной исход? А что, если России придется пережить еще нечто совершенно неизведанное — опыт государственного и общественного творчества в духе социальной доктрины? Быть может, имеющие овладеть государственным рулем господа социалисты разрешат практически проблему всеобщего благополучия под красным флагом? А что, если социализму свойственно не одно голое отрицание? Пример Запада ведь нам не указ. Если социальная республика не могла до сих пор нигде в Европе установиться, то помехой ей было буржуазное большинство парламентов, не подпускавшее социалистов к рулю и жестоко с ними боровшееся. У нас с первого же шага нашего нелепого парламентаризма Государственная Дума получила громадный контингент социалистов, который чуть не смел весь старый режим. Временное торжество этих доктрин возможно, и еще не устроить ли нам тогда наш российский пролетариат некоторого нового порядка?

Для нас лично здесь все ясно. Мы верим твердо, что на ненависти выстроить ничего нельзя — это только элемент разрушения. Но для читателя коснуться этого вопроса, пожалуй, и не лишнее.

XI

Главное орудие социального переворота — это политические забастовки. Мы пережили их в конце 1905 года, и притом в таких размерах, какие Западу незнакомы. Останавливалась вся железнодорожная сеть, бастовали неделями почты и телеграфы, прекращалось электричество, газ, водоснабжение. При наличии наверху графа Витте эти забастовки вызвали знаменитый акт 17 октября, если только не были инсценированы умелой рукой самого его сиятельства, чтобы добить ненавистное ему самодержавие.

И что же получилось? Только два года политической судороги, всеобщее одичание и разорение и, наконец, медленный поворот

к старому. Социальная революция не удалась, торжества для социальной идеи не вышло. А казалось бы, все старое пошло прахом, и пролетариат крепко держал власть за горло.

В чем же дело? Да именно в том, что социализм, как учение, есть ложь, а как режим — только ненависть, разрушение и всеобщее разорение. Может ли он, даже при самых лучших для своего торжества условиях, иметь какую-либо будущность?

Рассмотрим, что такое стачка как главное орудие социальной борьбы.

Существует воззрение, по которому признается право для рабочего в промышленном деле «улучшать свое положение» путем стачек. Исходя из совершенно неправильного и вздорного противоположения капитала труду, представителям последнего предоставляется организовываться в союзы и, добровольно подчиняясь решению своих выборных властей, устраивать мирные стачки, то есть производить экономическое насилие над капиталом, дабы заставить его поступиться частью своих барышей, отвоевать у него долю той Mehrwerth[244] — прибавочной стоимости, которую он будто бы отнимает у рабочих. Но, вводя это право в законодательство и отказываясь от преследования забастовщиков, все решительно правительства считают своей непременной обязанностью охранять «свободу труда», то есть не позволяют забастовавшим распространять свою власть насилием над желающими работать.

На деле эта защита «свободы труда» сводится, разумеется, к фикции. Рабочие союзы разрастаются, приобретают власть, вооружаются накопленными сбережениями и устраивают грандиозные стачки, в результате коих победа иногда остается на стороне рабочих.

Но эта победа обыкновенно оказывается мнимой. Конкуренция в мировой промышленности не допускает чрезмерных барышей для капитала. Обыкновенно его вознаграждение весьма и весьма умеренно, так как достаточно какому-нибудь производству стать особенно выгодным, чтобы к нему тотчас же бросились новые капиталы и понизили его доходность до известной законной нормы.

Одна или несколько победоносных стачек, нанеся поражение капиталу, вложенному в дело, вызывают неминуемо перекладку принесенной жертвы на товар и вздорожание товара на рынке. Но этому вздорожанию кладет предел та же мировая конкуренция или в странах, таможенно защищенных, покупная способность рынка.

В результате получается неминуемый уход части капитала из данной отрасли промышленности и тотчас же, как логическое последствие, — сокращение производства и соответственное сокращение рабочей силы, остающейся вовсе без работы.

В конце концов — вздорожание товара, ложащееся тяжким гнетом на бедную часть населения, или огромный ущерб в вывозной торговле и небольшое улучшение благосостояния и заработка части рабочих при совершенной безработности и нищете остальных.

Яснее всего выразилось это в английской промышленности. Ряд рабочих стачек дал, с одной стороны, некоторое улучшение быта рабочего класса, с другой — удорожил английскую промышленность и заставил ее отдать огромную часть мирового рынка немцам, с третьей — образовал в самой Англии многочисленный контингент безработного, прямо умирающего с голода люда, представляющий великую государственную опасность.

XII

При всем безобразии нашего бюрократического строя рабочий вопрос при министре Бунге был у нас поставлен довольно правильно. Стачки считались незаконными и не допускались, но правительство ввело фабричную инспекцию и ряд законов, регулирующих труд. Был поставлен известный minimum[245] условий, которым фабрика должна была удовлетворять в отношении рабочих. Вопрос о заработной плате был предоставлен свободному соглашению сторон.

В результате получилось попечение о рабочем как о человеке и гражданине, внешний порядок и полное невмешательство в отношения экономические. Избытку населения, обращавшемуся на фабрику, предоставлялось предлагать свой труд, где и как ему выгоднее, а так как шел предлагать свой труд почти всегда член семьи *земельного крестьянина*, то его положение и заработок, как рабочего, являлись всегда лучшими по отношению к земельному крестьянству. Иначе не было бы смысла идти из деревни на фабрику.

И если наша заработная плата была невысока, и жилось рабочим неважно, то все-таки их положение, во-первых, было всегда лучше крестьянского, во-вторых, в России почти не было безработных. Все теснились, но все же так или иначе пристраивались и кормились.

Довольно было нашему правительству смалодушествовать и под впечатлением паники январских дней 1905 года[246] в Петербурге допустить и узаконить стачки, чтобы наш рабочий вопрос сразу же обострился, как никогда, сделался гибельным для русской промышленности и явился могущественнейшим орудием в руках деятелей революции. Довольно было допустить рабочие организации, чтобы таковые тотчас же попали в руки «освободительного движения», то есть социал-демократов и «Бунда», и стали величайшей опасностью для государства.

Получилась такая картина. Экономические отношения по самой природе своей не такого свойства, чтобы их было легко регулировать вмешательством ли власти или какими бы то ни было рабочими организациями, стачками и забастовками. Их можно насильственно нарушить, надолго исковеркать; можно перепутать и ослабить всю промышленность, но *нельзя рабочему классу за счет капитала улучшить свое положение*. Это самая вредная и дикая из утопий. Улучшить насильственно свое положение могут разве *некоторые* рабочие за счет *остальных*, выбрасываемых на улицу, но и это улучшение является только *мнимым*, так как нарушенная экономическая жизнь и ее законы мстят за себя с жестокостью беспощадной.

Сегодня рабочий путем стачки увеличил свое вознаграждение на 10 % — завтра же чувствует он, что условия жизни вздорожали на 15 %, и он остался в чистом убытке.

Неужели же не очевидно, что для освободительного движения, для всех вчера еще ворочавших судьбами России конституционалистов-демократов, социал-демократов и социал-революционеров не *это* главное? Не сытость и благосостояние рабочего класса их интересует. Это только предлог. Они обманывают рабочих, быть может, бессознательно, вследствие своего полного невежества в политической экономии и делают их орудием своей политической агитации, и только. В лице рабочего класса им нужна человеческая толпа, масса, дисциплинированная и объединенная в их руках и послушная их команде для борьбы с государством. Чтобы понять все это и определить, довольно взглянуть на такие стачки, как железнодорожные и городских рабочих.

Слов нет, и частные, и казенные наши дороги были очень виноваты в том, что недостаточно следили за отношением размера вознаграждения своих служащих к условиям жизни. Множество низ-

ших агентов получают за свой труд непропорционально мало и зачастую живут впроголодь. Это обстоятельство, это преступное невнимание «начальства» в сильной степени оправдывает несчастных служащих в их податливости на соблазн главарей революции. Но оно ничуть не оправдывает вожаков революционного движения. Стачка железнодорожного персонала, направленная к прекращению движения по линиям, не может быть даже и близко приравнена к стачке рабочих на какой-нибудь фабрике. Железная дорога монополизировала все перевозки, убила всякую иную возможность сообщения. Перерыв железнодорожного движения ставит в критическое положение город как потребителя и деревню как производительницу. Скот, молоко, дрова, многое множество продуктов первой необходимости, делая пробку, одинаково разоряют и город, и деревню. 3-5-10 руб. прибавки к жалованью какого-нибудь товарного кондуктора или стрелочника, вымогаемые этим путем, вызывают такое колоссальное количество убытков для всей страны, сопровождаются такими страданиями и несчастьями, что не только не могут быть ничем оправданы, но составляют прямое и тяжкое преступление перед родиной и преступление тем более ужасное, что его авторы, господствуя над бессознательной массой, творят его совершенно холодно и сознательно, обращая забастовку экономическую в забастовку политическую.

Народу, не спрашивая его, навязывают свои собственные книжные и теоретические построения, ломают у него на глазах привычную его государственность и этот же самый народ заставляют оплачивать эти опыты ценой великого и всеобщего разорения, кровавых смут и анархии.

XIII

Бывало ли когда-нибудь в мире худшее и преступнейшее проявление деспотизма? И если это называется «освободительным движением», то что же тогда называется гнетом, тиранией и произволом?

Нужно ли говорить про забастовки водопроводные, фармацевтические или недавнюю забастовку почтово-телеграфную?

А мы пережили и их. Когда заглядываешь в условия почтово-телеграфной службы, когда видишь преступное нежелание начальства изменять хоть немного действительно каторжное положение

несчастных людей, обслуживающих доходнейшее ведомство, разумеется, не чувствуешь в себе мужества обвинить голодную толпу, заведомо направляемую на гнусное и скверное дело насилия над всем народом. Но тем сильнее, тем категоричнее наше осуждение революционных главарей. Вы, господа, стоите за обездоленных? Просите, *требуйте*, наконец, справедливого и безобидного для народа вознаграждения почтовых и телеграфных служащих. Помогите выработать законные нормы их вознаграждения и предъявите эти нормы кому следует. Будьте уверены, что *теперь* ваши требования будут быстро и справедливо разрешены. Но, прежде всего, оставьте этих самых несчастных тружеников в покое, не налагайте на родину их руками лишних страданий и разорения, не ввергайте ее в анархию.

Но в том-то и дело, что этим элементам было нужно не быстрое и справедливое удовлетворение тружеников, а *сами эти труженики* как армия революции, как орудие политических домогательств и переворота.

Ну и чего же они добились, наконец? Народ в его массе уже начал выходить из напущенного тумана и после первых же моментов торжества революции ответил на нее то грозными репрессиями в Нижнем, Балашове, Кишиневе, Твери, Томске и других городах, то мирными демонстрациями необыкновенного ума, достоинства и юмора, как в Нежине.

«Еще немного, — писали мы в № 40 *"Русского Дела"* за 1905 год, то есть в самый разгар забастовок, — и правительство почувствует точку опоры в пробужденном народе, выйдет из-под вашего гипноза и освободится от охватившей его трусости и нерешительности. Реакция уже начинается. Вы полагаете на нее ответить новыми взрывами мятежа, новыми забастовками? А если дисциплинированные вами рабочие массы ускользнут из ваших рук? Если та резня и гражданская война, которую вы уже вызываете еще и еще, окончится вашим поражением?

Подумали ли вы, что это будет торжеством только старого бюрократического строя, возвратом к реакции, которая закует Россию надолго, ибо все освободительное движение с начала и до конца будет вами бесповоротно и надолго скомпрометировано? И опять заглохнет творческая мысль, опять водворится полицейский режим, опять наступит царство чиновника, который при всем

своем нравственном и политическом ничтожестве, при всем беззаконии и воровстве все-таки умел оберегать общественный порядок.

К чему и для кого вы все это говорите? - спросит читатель. Есть старая английская поговорка, гласящая, что "из всех глухих самый глухой тот, кто не желает слушать", а таковы — увы! — наши вожаки и герои социального переворота. Они идут все вперед и вперед, не разбирая средств, не видя цели, не зная конца. Глубоко трагична их судьба — быть живыми жертвами конца смрадного и позорного петербургского периода русской истории».

События нас оправдали. Социальная революция сошла на нет, социализм остался только в разгоряченных мозгах молодежи да в диких мечтах рабочих, еще не освободившихся от тумана, напущенного грошовой социальной литературой. Будущности у социализма не оказывается, болезнь идет на излечение, опыт дал результаты, противоположные ожиданиям фанатиков социализма.

Пожелаем же нашей молодежи скорейшего вытрезвления, а бедной родине успокоения. Но оно наступит не раньше, чем у господ социальных утопистов не будет вырвана почва и русская экономическая жизнь не подвергнется коренной дезинфекции и оздоровлению.

ЗА ЧТО ЛЮБЯТ НАС ФРАНЦУЗЫ?

Берлин, видимо, утрачивает свое политическое главенство над Европой. Как только в России пронеслась свежая струйка, сразу вся Европа почувствовала, что завоеванная с великими усилиями, основанная на тысяче всяких каверз и хитростей гегемония Германии зашаталась. Князю Бисмарку[247] на старости лет пришлось довольно неудачно выйти с последними козырями, и все-таки игра, по-видимому, проиграна.

И вот в Берлине шипят и злобствуют. С напряжением всех сил ума придумывает старый волк последние фортели, пробует то возбудить вражду между кем ему нужно, то заманить обещанием выгод, то отуманить нелепыми сопоставлениями, то наконец устрашить... но увы! Ничто не помогает.

Не на Берлин смотрит теперь русский человек, а на Петербург да на Париж. В первом медленно, тащась далеко в арьергарде живой России, совершается процесс освобождения от немецких уз дружбы, во втором, словно волны в разбушевавшемся море, вздымаются старые антипатии и новые симпатии.

Эти антипатии понятны, а о симпатиях следует поговорить.

В них высказывается нечто гораздо более глубокое, чем простое и естественное стремление сблизиться с союзником, имеющим одинаковую почву для действий, одинаковые интересы и одного общего врага. Французские симпатии к нам в эту минуту, так верится нам, представляют нечто иное. В них ярко просвечивает своеобразный идеализм, присущий галльскому характеру. Любовь к России и Славянству вспыхивает то там, то сям яркими огоньками и разгорается иногда в груди отдельных единиц в могучее пламя. Сверху все это еще прикрыто сплошной дипломатически холодной корой, сквозь которую проскакивают и эти искры, и это пламя. Но под корой, видимо, накопилось много горючего материала, и этот материал все нагревается и нагревается.

Франция стояла всегда, стоит и теперь во главе западного человечества, переживает сердцем и перерабатывает сознанием все различные периоды европейской жизни, все европейские идеалы, по крайней мере на несколько десятилетий раньше. В хвосте у ней тащатся остальные романские народы, сбоку бредет Англия, всю свою сердечную и умственную жизнь направившая в торговлю

и промышленность и вся с головой ушедшая в дикий национальный эгоизм. Наконец, далеко позади шествует Германия, переживающая во второй раз на философский манер все то, что Франция уже пережила сердцем, и ухитряющаяся обращать все это переживаемое в ученую, бессердечную и педантически тяжелую карикатуру. У Франции было вечно юное и живое человеческое сердце; у Германии холодная умозрительная философия, все возводившая в систему, все размерявшая на аршин, ко всему приклеивавшая ярлычок.

Французы поэтизировали и увлекались, немцы рассчитывали и рассуждали. Оставим Англию с ее своеобразной жизнью в стороне. Отметим, что Италия и Испания в новейшую эпоху являлись только бледными отголосками французской мировой жизни, и мы найдем на западе два типа, активно участвующие в мировой работе новой германо-романской цивилизации — типы французский и немецкий. В высшем человеческом смысле первенства приходится без колебаний отдать первому. В нем все — почин и оригинальность, источником коей служит, как мы уже сказали, свежесть французского сердца и горячий увлекающийся характер. Вся оригинальность немцев выразилась в одном Гегеле[248], представляющем великий мировой циркуль, аршин, весы, что угодно, универсальный прибор — измеритель и регулятор мышления. Больше этого немцы не дали человечеству ничего (поэты не в счет, разумеется), но одной немецкой философии было достаточно, чтобы сообщить всей немецкой мировой жизни навсегда свой особый отпечаток.

Сравним только: век Людовика XIV, полный своеобразной поэзии и широкого размаха, и чисто казарменную, лубочную карикатуру этого века в Пруссии. Великую революцию 93-го года[249] и Берлинские «события»[250]. Полное громов и славы триумфальное шествие мирового военного гения и почти разбойническая война 70-71 года[251], где победитель не видал ни одной минуты бранного хмеля, ни на одну минуту не выпускал из рук мешка с добычей и откуда, в конце концов, он вышел полным хищником на ужас всего человечества. Сравним далее: социализм французский и немецкий; науку французскую, кипучую, живую, полную блестящих откровений гения, и науку немецкую, от великого ума не укладывающуюся ни в какие трактаты, сухую, скучную и холодную. Религию — у французов также идущую от сердца и перебрасывающуюся с поэтического католицизма в поэтический, хмельной, как вино, скептицизм, а затем

в детски-наивный, но чистосердечный атеизм и у немцев, во всю их духовную после Лютера[252] жизнь, стремящихся измерить и определить Божество и вступить с ним в разумные, логические отношения. Какой яркий пример - смерть Поля Бера[253]! Увлекавшийся и выбрасывавший из школ Евангелия и Распятия, министр горячо кается перед смертью и умиленно возвращается к Богу...

Немец никогда не выпустит из рук молитвенника, и перед смертью каяться ему не в чем: он относился к Богу с подобающим уважением, ибо и для Бога у немца в голове есть своя клеточка, свое умозрительное определене, что Бог есть персона очень высокая.

Да простится нам это отступление, но оно необходимо, чтобы найти объяснение тому странному на первый взгляд факту, что эта самая Франция, совмещающая в себе сердце и душу Запада и идущая всегда далеко впереди остальных членов германо-романской группы — сначала инстинктивно чуждалась России и почти ненавидела ее, затем вдруг, словно разгадав великую духовную силу Славянства в лице наших гениальных писателей, полюбила нас всем сердцем, не зная удержа расходившемуся чувству. Франция узнала нас еще давно, когда мировой поток, выдвинувший первого Наполеона, разбился о русскую скалу. Она почуяла в Славянстве нечто новое, грядущее в мир, но не определила сразу, где и в чем славянский гений. Она бросилась на поляков и горько разочаровалась. Разгадав польскую эмиграцию с ее мрачно-поэтическими больными образами, определив этот мертвый мир призраков, она поняла, что гений Славянства не там, не в Мицкевиче, Красинском[254] и Словацком[255], и отвернулась от поляков. С появлением первого же тома, переведенного на французский язык русского писателя, — этот славянский гений, эта новая грядущая сила была замечена. С увлечением бросились французы изучать Русь и русское. Лучшие французские критики наперерыв старались заинтересовать общество и растолковать ему, какие глубокие мировые идеалы скрыты в Славянстве, главой и провозвестником которого являемся мы, русские. «Россия, как представительница славянского гения, как будто говорили французы, решит те вопросы, над которыми бьется западное человечество. Смотрите туда. Там в умах великих писателей светится то, чего мы напрасно ищем в нас и вокруг нас. Религиозные, экономические, даже политические идеалы не здесь, а там. Эти идеалы еще скрыты, не сформулированы, их не видно, но не чувствовать их

нельзя. Между последним гением Запада — Гюго и первыми вестниками правды с Востока: гр. Л. Толстым и Достоевским - целая бездна. Пого как бы слил в себе все великое прошлое латино-германства, Достоевский и Толстой несут первые лучи будущего Славянства. Пого весь понятен, русские писатели сплошь загадка, как загадка и самый мир, их породивший».

Нам кажется, что именно таковы основания взглядов, высказываемых французами на Россию и ее *душу*. Какое же логическое объяснение можно придумать для этих взглядов, как не то, что Франция, как глава западного мира, как представительница западной цивилизации и как нация с пылким и честным сердцем, разгадала новую сильнейшую, чем латино-германская, *культуру*, почувствовала ее силу и красоту и честно, с поэтическим увлечением приветствует ее восхождение?

А у нас, в самой России, есть еще до сих пор европейцы, молящиеся на Запад, для которых не только непонятна, но попросту, словно для доброго немца, ненавистна самая идея о славянской самобытности. За «самобытность» приходилось еще так недавно бороться Аксакову, а ведь самобытность — это лишь только понятие отрицательное, скорее оборонительное. Какая там «самобытность», когда весь Запад уже успел понять, что в России со дня на день растет и накопляется необъятная духовная сила, и не обороняться будет русский гений от западных нападений, а сам перевернет и подчинит себе все, новую культуру и идеалы внесет в мир, новую душу вдохнет в дряхлеющее тело Запада!

С этой точки зрения, любовь французов и ненависть к нам немцев объясняются очень просто. Французы уже пережили, *изжили* свою латино-германскую цивилизацию, завершили весь ее цикл: науку, промышленность, гражданскую свободу, материализм (атеизм). Дальше пустота, тяжелая томительная пустота, невыносимая для живого человеческого сердца. Запад уже не даст ничего. Блестит луч с Востока, греет сердце, и это сердце доверчиво отворяется и оживает им, этим лучом. Это понятно. Ни зависти, ни зла к нам во Франции мы не встретим. Она даст нам свою любовь, как благодарность за то *тепло*, которое дадим мы...

Германия другое дело. Она, кроме ненависти, ничего не может дать, и ее ненависть чудовищна, хоть и законна. Последнее, позднее дитя латино-германского мира, развившееся позже всех, усвоившее себе все злое и отрицательное, что было на Западе, не имеющее никаких идеалов, кроме заимствованных у еврейства хищных идеалов чисто материального мирового владычества, осужденное на борьбу со всем миром, уже смотрящим вперед, уже назвавшим Германию волком, — это дитя не может не ненавидеть новую культуру, новый свет мира всеми силами своей души. Пожалеем во имя нашей христианской правды об этой трагической ненависти, но тем с большими симпатиями будем смотреть на Францию!..

Однако пора и спуститься с тех умозрительных высот, на которые неудержно влечет фантазия, раз дело идет о таком священном и высоком предмете, как мировое призвание России и Славянства и будущий триумфальный путь наш во главе христианских народов. Спустимся же в ежедневную политическую прозу и поставим на очередь вопрос, предложенный нам недавно одним из наших уважаемых читателей.

— Почему в самом деле Россия не заключает союза с Францией? Ведь этот союз законен и нужен на случай войны с Германией. Чем себе объяснить подобное недоразумение? Уж не тем ли, что во Франции тупоумный парламент, адвокат вместо монарха и ни одного серьезного государственного человека, за исключением генерала Буланже[256], который идет прямо к диктатуре, но которого, по-видимому, боится сама французская современность? Не тем ли, наконец, что французская республика, как форма правления, самая несимпатичная для наших монархических принципов, и в данном случае внушает нам отвращение уже тем, что выдвигает на пост государственных деятелей явных нигилистов и демагогов?

Таковы вопросы бесхитростного русского читателя, над которыми следует остановиться.

Да, мы искренне жалеем о том, что наша дипломатия упорно воздерживается от всякого шага к сближению с Францией, хуже того, явно отталкивает Францию, уже, по-видимому, готовую на союз с нами. Но перечисленные причины слишком мелки и не в них лежит объяснение того отвращения, какое испытывают наши правящие сферы к Франции.

Истинная причина нашего отвращения не здесь. Все мы знаем очень хорошо, что французский тупоумный парламент заранее осужден на путешествие через окно, как это повторялось решительно каждый раз, как только правовое начало становилось тормозом

французскому гению, выступавшему на мировую арену; что добрый старик Греви[257] не более, как правитель мирных дел и стушуется совсем бесследно и без сопротивления в великий исторический момент, что республика с кабатчиками, социалистами и коммунистами, хотя бы даже в ролях министров и депутатов, превратится в чистейшую диктатуру, дисциплинированную, как машина, и послушную, как воск, в руках того человека, кого судьба таинственным процессом воплощения вынесет из толпы на вершину исторического потока. Буланже ли этот человек, или там где-нибудь в тишине и мраке зреет другая великая душа — не все ли это равно? Ведь этот человек *будет*, он найдется, он придет, иначе Франция не Франция.

Наши антипатии к республиканскому правовому началу тоже причиной быть не могут. Начать с того, что если мы будем отыскивать в России среди нашей несчастной интеллигенции истинных идеалистов самодержавия, или хоть даже и не идеалистов, но людей, для которых слово «конституция» не звучит запретным, но дорогим понятием, то мы попадем в ужасное затруднение. Идея самодержавия лежит действительно в душе народа, который *не может* иначе смотреть на Царя, как на отца, но в нашем образованном классе людей «самодержавия» ровно столько же, сколько и единиц, пребывающих духовно вкупе с народом. Ну а этот класс, несмотря на великий успех проповеди Хомякова, Самарина и двух Аксаковых — все еще слишком немногочислен, чтобы составить серьезную общественную и *государственную* силу.

Да и по правде сказать, со стороны людей этого лагеря можно меньше всего ожидать предубеждений относительно республики во Франции. Они могут сокрушаться в душе над тем, что такой свежий, симпатичный и талантливый народ, как французы, питаются такой гнилью, как «правовой порядок», хотя бы даже в его *лучшей* и наиболее *честной* форме — республики (конституционная монархия хуже уже потому, что построена на добровольном самообмане), но они понимают, что иначе во Франции не может и быть, что мечтать там о *гоу*^{m} по идеям легитимизма есть величайший самообман. Кто видит в русском самодержавии политический идеал, тот всегда поймет, что французский легитимизм — ложь и карикатура и протянет дружескую руку откровенному не́ant[259] — французской республике, которая, по крайней мере, не ложь, а *честное* сознание Запада в своем полном духовном и политическом бессилии.

Это славянофилы. Ну а почему же наша интеллигенция и властные сферы чуждаются Франции? В «Русском Деле» мы уже имели случай говорить о немецком иге. Вот где ключ ко всему. Мы можем сочувствовать Франции, можем возносить бокалы в честь Деруледа[260] или Буланже, но мы никогда не поймем Франции, никогда не выйдем из немецких тисков, пока не поймем *своего* мирового призвания. Лучшие люди Франции, предугадывающие великую миссию России, изболевшие сердцем по своей духовной и политической мертвечине, идут к нам, смотрят, вглядываются, чуть не прямо говорят, что ищут света с Востока. Русская интеллигенция подобострастно глядит им в глаза и лакейским образом оправдывается: «Знать не знаем! Что вы, какой там свет! Это вы нам несете свет науки и елей правового порядка!»

Но француз не верит этим глупостям. У него в руках издания Льва Толстого и Достоевского. Он еще ничего не понимает, но он уже *верит* и фантазирует, обманывает сам себя. Просим читателя обратить внимание на следующие слова, напечатанные в органе французской патриотической лиги «Le Drapeau». Это конец речи известного французского поэта и патриота Поля Деруледа, произнесенной им на собрании лиги в виде отчета о своей поездке в Россию.

«У русских, не входя в расспросы о личности, мое французское происхождение облегчило мне всякие формальности, сопряженные с приездом. Я должен сказать, что с первого дня моего приезда в Россию и до самого отъезда, в продолжение всего моего пути, я не встречал ничего, кроме непрерывного ряда симпатий и постоянно возраставшего радушия.

Существует английское мнение с немецким на него толкованием, что русские — варвары, даже и у нас есть писатели, которые так определяли русских: "Восточный народ, сохранившийся во льдах". Я утверждаю, что не встречал ни в одной стране более вежливых и более развитых светских людей, ни более умных и бодрых людей из простонародья. Их религиозность, очень глубокая, не имеет ничего фанатического; их суеверия не выражаются в принуждении, Даже их пьянство лишено грубости. Прибавьте к этому самую беззаветную храбрость, неизменнейшее добродушие — и вы поймете тогда восхитительную параллель Щедрина между немецким мальчиком, который имеет все и ничему не улыбнется, и между русским мальчиком, который ничего не имеет и надо всем смеется.

Мое восхищение этим народом не доходит, конечно, до того, чтоб я находил в нем совершенство, но его недостатки — недостатки хорошей, сильной расы, в которой человеческий прогресс совершится скорее умственным развитием, нежели путем кровавой революции. Россия имеет уже то, что освобождает людей из рабства: великих писателей и великих мыслителей. Что же касается до самодержавия, против которого восставали наши политики, оно, конечно, имеет и будет иметь свои несовершенства, остающиеся в тени; но какая демократия окажет стране более явную, более действительную услугу, чем освобождение крестьян и наделение их землею?

Кончаю эти рассуждения, которые увлекли бы меня очень далеко. Я буду говорить только о том, что непосредственно касается дела нашего возрождения, которого мы верные работники. Изложив перед вами глубокую ненависть русского ко всему немецкому, я порадуюсь с вами превосходному настроению, удивительной дисциплине, замечательным маневрам бесчисленной армии Царя. Кстати, передам вам тост одного из русских генералов: "За славу французского и русского оружия". Укажу также, что даже тогда, когда немецкие газеты хвастались, что Пруссия добилась моего изгнания, петербургская пресса устроила в честь меня банкет, во время которого все поднимали свои бокалы и через голову "Средней Европы" пили за здоровье Франции и России. Скажу более: не было ни одного дня, ни одного разговора, ни одного кружка, где не произносилось бы всегда с уважением и часто с сожалением имя нашего дорогого великого Гамбетты[261]. Как говорили французы: "Мы потеряли Скобелева", так и русские: "Мы потеряли Гамбетту!"

Ах, друзья мои, если бы я руководился только обязанностью выразить мою благодарность моим хозяевам за их прием! Но нет, мое желание — заставить проникнуть в ваши сердца мои убеждения, мои надежды; с какой полной радостью, с каким обилием доверия говорил бы я еще долго и долго о великой империи севера, составляющей грозную силу, которая поможет нам рано или поздно успокоить народы и восстановить равновесие Европы.

Знайте только и повторяйте повсюду, что если люди, стоящие ныне во главе Франции, сумеют воспользоваться сделанным посевом и уже поднимающимися всходами, то, наверное, недалека жатва славы и свободы».

А вот отрывки из статьи другого французского патриота, Люсьена Мильвуа[262], провинциала, живущего в департаменте Коррез и на всю Францию, во всех парижских и провинциальных газетах гремящего за Россию. Вот что прислал нам этот почтенный патриот, густо отчеркнув красным карандашом сильные места:

«Бесчестно оклеветанные английскими и австрийскими государственными людьми, злобно осуждаемые итальянскою печатью и правительством, отталкиваемые холодною политикой Германии и тайною (?) ненавистью ее официозов... получившие неблагодарность за благодеяния, измену за дружбу, окруженные криками ненависти... пусть русские найдут отраду в горячих симпатиях к ним, все растущих и растущих во Франции.

Франция увлечена в этом случае своим чувством справедливости. Она негодует, видя, как, по старинному выражению, *"лакеи пробуют прогнать своего хозяина";* ее прозорливый и чистый инстинкт подсказал ей это...»

Далее:

«Маяк, который осветит наш, ныне еще темный национальный путь, бросит свой благодетельный свет и на Восток. Человек, которого призовет Господь, чтобы вывести Францию *из хаоса и мрака парламентаризма,* поведет ее прямо к России, где истинные друзья ждут часа ее пробуждения. Неужели это — иллюзия нашего патриотизма?»

И все это по поводу двух-трех цитат из «Новостей» (!!) «Нового Времени» и «Nord». Вот уж поистине страстно хотеть чего-нибудь — есть почти тоже, что получить.

А мы что отвечаем на это? Посылаем маленькие подарки, книжечки, портреты, почетные сабли... Да это ли нужно? Где тот сердечный, любовный ответ, которого ждет от нас Франция?

Один из умнейших русских публицистов, имеющий независимую газету, выразил недавно ту мысль, что для России, в сущности, все равно, Франция ли побьет Германию, или наоборот. По мнению сего автора, последний случай чуть ли не полезнее, ибо ослабит Германию. Победоносная Франция может будто бы напустить на Европу все ужасы анархии и коммунизма...

Вот что отвечаем мы устами наших лучших людей на задушевные, страстные порывы французских патриотов. Мудрено ли, что вопрос о союзе является пока (разве события упредят) совсем празд-

ным вопросом, ибо кто же не знает, что наша дипломатия еще менее свободна от той «чуточки немца», про которую говорил покойный Аксаков и которая сидит в каждом русском человеке, не исключая даже даровитого и талантливого независимого журналиста. А не избавившись от этой несчастной «чуточки немца», долго-долго не понять нам нашего мирового призвания, без чего жалка и незавидна наша международная роль, без чего не передадим мы нашего внутреннего света жаждущим света...

ВВИДУ ГРЯДУЩЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В конце ноября прошлого года, совершенно неожиданно для нашей дипломатии, газеты вдруг заговорили о неминуемой.предстоящей новой войне с Японией. Слухи, неведомо откуда исходившие и, как потом оказалось, попросту сфабрикованные в Германии, указывали на неизбежность нового нападения на Россию, которое будто бы уже решено Японией, не использовавшей своих побед 1905 года. Все это казалось тем более вероятным, что военные приготовления Страны Восходящего Солнца шли все время в огромных размерах и с лихорадочной быстротой.

Слухи скоро затихли, и, к великому удовольствию нашей дипломатии, опасность осложнений на Дальнем Востоке устранилась. Впереди тишина, мир и дружба с Японией. Затем вскоре приехали китайцы учиться, как *не надо* строить флот и им управлять, и наговорили нам десять тысяч любезностей. Оказалось, что опасностей никаких нет, и мы можем продолжать спать спокойно.

Ясно сознавая, что новая война с Японией, если, точнее, *когда* ей суждено будет вспыхнуть, не может никоим образом быть локализована, как первая, на одном Дальнем Востоке и что в нее непременно будут вовлечены одна за другой почти все европейские державы, я набросал настоящий очерк. Если он и не пригодился для ближайшей своей цели — успокоения малодушно струсивших соотечественников (а уж как струсили!), то, во всяком случае, может быть прочтен не без интереса.

I

На Дальнем Востоке сгустились тучи, засверкали первые молнии и, того и гляди, разразится страшная гроза в виде новой войны с Японией.

Насколько спокойно и почти беззаботно отнеслось наше общество к брошенному нам вызову Японией в 1904 году, удивленно пожимая плечами, как осмелился желтый пигмей напасть на белого великана, настолько сейчас чувствуется и в печати, и в обществе, и в правительственных сферах глубокая и острая тревога, совершенно, конечно, законная, ввиду только что пережитого тяжелого Урока, но, по свойственной нам способности бросаться из одной

крайности в другую, готовая перейти далеко за пределы, обусловливаемые реальной опасностью.

Нечего и говорить, что обстановка новой Русско-японской войны в эту минуту совершенно иная, чем пять лет тому назад. При наличности у нас Тихоокеанского флота, почти уравновешивавшего силу флота японского и опиравшегося на крепость, считавшуюся неприступной, с сосредоточенными силами внутри страны и накрепко закованными революционными элементами, единственное преимущество, непререкаемо остававшееся за Японией, была ее близость к театру войны, который для нас находился на другом конце света. Нужен был целый ряд несчастных и преступных совпадений, чтобы мы погубили наш флот, вручили крепость и армию бесталанным и ничтожным людям, дали внутри торжество разрушительным силам и, наконец, в тот момент, когда истощенная своими победами и страшными усилиями Япония уже дошла до предела возможного напряжения и должна была искать мира во что бы то ни стало, трусливо обрадовались случаю и подарили ей Портсмутский договор[263].

Подарили и успокоились за судьбы Дальнего Востока.

Но не успокоилась Япония.

Уже с первого ее шага можно было во всем объеме определить и ее цели, и ее средства. Цель, только временно отложенная в осуществлении — вытеснить Россию совершенно с Тихоокеанского побережья и забрать себе ее земли, со всеми их бесконечными богатствами, Россиею самой не эксплуатируемыми и самым небрежным образом охраняемыми. Могла ли эта цель измениться от того, что не была достигнута сразу? В первую войну Япония подвинулась так близко к ее осуществлению, что мир явился только отсрочкой, только передышкой, чтобы дать желтым собраться с новыми силами.

И действительно: чуть не с первого же дня Япония начала вновь работать над своей задачей и работать во всех направлениях. Рос и без того огромный флот. Реформировалась и увеличивалась *победоносная* армия. Залечивались экономические раны. Заглатывалась и переваривалась Корея. Строилась сеть стратегических дорог. Наконец, *аренда* Квантуна[264] обратилась во *владение*, и Япония стала твердой ногой на материке.

И одновременно с этим началась настоящая облава на Россию с другого конца. Не было того уголка, имеющего малейшее значение в будущей войне, куда бы предусмотрительно не заглянула Япония. Сегодня мы видим ее в Турции, завтра ее эмиссары шныряют по Финляндии и Швеции. Послезавтра разносятся слухи об австро-японском союзе. Ясно, что все помыслы Страны Восходящего Солнца направлены к одной цели — продолжать так счастливо начатое единоборство с Россией. И неужели же, поставив в этой борьбе все на карту, Япония станет дожидаться, когда, наконец, нам будет, угодно выстроить Амурскую дорогу и проложить второй путь по Сибирской?

Весь смысл для нее напасть на нас именно теперь.

А мы?

Не будем растравлять наших глубоких, зияющих ран. В том страшном столбняке, который напал на наш огромный государственный механизм под ударами неслыханного разочарования и нравственного падения, было бы чудом, конечно, если бы Россия в эти несчастные четыре года успела и одуматься, и надлежащим образом приготовиться. Да, совершенно верно, *и эта* война застает нас более или менее врасплох, и ее мы должны принимать в самых тяжелых, самых страшных условиях... Но да не будет же места малодушию. Если для Японии значительно улучшились шансы, то, оглядевшись внимательно кругом, оценив внутреннее и внешнее наше положение, мы найдем и в нем значительные перемены.

И перемены не к выгоде врага.

П

Попробуем же рассмотреть, что изменилось за эти годы во внутреннем и внешнем положении России и как эти перемены отражаются на ее боевой способности по отношению Японии.

Не будем не только вдаваться в какие-либо иллюзии, но примем самое худшее. Во внутреннем нашем положении, пережив революцию и ряд реформаторских попыток, мы либо остались на месте, либо сделали несколько шагов назад. Кто в самом деле осмелится твердо и убежденно сказать: Россия обновленная, Россия снабженная «конституцией» и «парламентом» будет сильнее, умнее и тверже старой дореформенной России, выдвинет военачальников более талантливых, найдет дипломатию менее затхлую, менее бестолковую?

Но если, в лучшем случае, придется допустить, что мы *только* остались на месте, один шанс все-таки изменился в нашу пользу. Только один, но способный уравновесить все остальные. Если первая Японская война не возбуждала ровно ни в ком никакого энтузиазма и ни в каком случае не могла быть названа *народною*, то вторая война будет иметь совершенно противоположный характер. Теперь уже нет и быть не может в России самого темного человека, который бы не знал, что такое Япония, чего она хочет и во имя чего мы с нею будем драться. Момент объявления войны вызовет во всей России как раз то самое настроение, в котором мы все находились в те памятные дни, когда только что пополненная и доведенная до надлежащей боевой готовности наша чудная армия, готовая броситься на истощенного врага, была в последний момент опозорена Портсмутским миром.

И пусть себе Япония, пользуясь, как в 1904 году, временными преимуществами, бросается на наше почти беззащитное Тихоокеанское побережье, захватывает Владивосток, Уссурийскую и Приморскую области, Китайскую дорогу — чем более она захватит, чем далее проникнет, тем ярче будет народное одушевление, тем грознее напор нашей силы, тем вернее наша победа, тем невозможнее новый позорный мир.

Затем, надо полагать, вторая война с Японией уже не будет сопровождаться той грязной вакханалией, которая известна под именем Российской революции и столь жестоко связывала нам руки во второй период войны. Наши темные и разрушительные силы остались все те же. Но с них сорван тот таинственный покров, который их облекал до 1905-1906 года, рассеялся совершенно тот удушливый туман, благодаря которому русское образованное общество готово было видеть в наглых и безграмотных людях героев, вождей и избавителей. Эти «вожди» окончательно разыгрались в мелких воришек и крупных воров, способных и сейчас на что угодно, но уже неспособных никого ни увлечь, ни обмануть. Азефовщина[265] была их последней надгробной плитой.

Вот два условия, совершенно изменивших наше внутреннее положение уже бесспорно в нашу пользу. А затем не следует забывать, что раз война ведется *начистоту* и принимает *народный характер*, все остальное приложится. Проснувшаяся *душа* великого народа создаст необходимое одушевление, выдвинет и назовет героев и гениальных полководцев, подскажет, откуда и как взять нужные

средства. Господа наши враги, отлично изучившие все детали наших беспорядков, хаоса и неустройств, воображающие, что перед ними та же Россия, что и в 1904 году, когда народная *душа* еще спала, будут изумлены тем, что они встретят, когда вместо чиновника, сонно и лениво двигающего перепутанные воинские части, пред ними засверкает грозный облик исторического и державного народа, кипящего гневом и местью...

На этом в исследовании наших внутренних перемен можно и остановиться. Кто верит в силу народного духа, тот нас поймет и без дальнейших объяснений. Этот дух слишком ярко запечатлелся на страницах нашей многострадальной истории, одна из которых, быть может, самая тяжелая и кровавая, грозит раскрыться.

Теперь обратимся к переменам внешним в окружающем Россию мире.

III

Если указанные в предыдущей главе внутренние изменения в настроении и силах России составляют в общей сложности бесспорный плюс для нас и минус для Японии, то во внешнем для них и для нас мире за эти четыре года последовали перемещения еще более глубокие.

В момент начала первой Русско-японской войны в 1904 году из всех мировых держав только Франция, связанная с нами союзным договором и миллиардными ссудами, стояла на нашей стороне, да Германия, глубоко нас ненавидящая, решила держать строгий нейтралитет, ибо еще не наступил час русско-немецких расчетов, и малейшее агрессивное движение немцев было бы равносильно общеевропейской войне, к которой Германия отнюдь не была готова.

На стороне Японии стояли совершенно определенно важнейшие для нее морские державы — Англия и Америка. Англия была с нею в союзе и, хотя активно в военных действиях не участвовала, однако помогала Японии совершенно открыто: снабжала оружием, помещала японские займы. А случай на Доггер-банке с эскадрой Рожественского обрисовал, как нельзя лучше, настроение английского общества и дипломатии по отношению к нам.

В основе враждебных к России чувств Англии и Америки лежал старый страх перед расширением русского могущества на Дальнем

Востоке. Никому и в голову не приходило бояться такого же могущества маленькой Японии, а потому поражение России на берегах Тихого океана приветствовалось одинаково и янками[266], и англосаксами, как их собственное торжество, обеспечивавшее на Дальнем Востоке господство обеих морских держав с их политикой «открытых дверей», то есть систематической эксплуатации Китая.

Вот почему, когда победоносной Японии в последний период войны становилось уже не под силу, первой предложила свое посредничество Америка, а Англия поспешила произвести давление на Японию, благодаря которому (угроза не возобновить союз) графу Витте и удалось подписать Портсмутский договор на условиях, с первого взгляда, для России и не особенно унизительных.

Но с этого же момента и в Англии, и в Америке началась сильнейшая реакция в пользу России. Поняли, что с ее ослаблением на Дальнем Востоке устранился единственный серьезный противовес непомерным великодержавным замыслам Японии, вследствие чего европейские и американские интересы не только не выиграли, но попали в самое опасное положение. Устранив Россию, Япония осталась фактически полной хозяйкой Дальнего Востока и, как страна ярко промышленная, да еще с могущественным флотом и сильной армией, очень легко могла парализовать в Китае всю европейскую и американскую торговлю. Это высиживание европейцев началось так скоро и в таких грубых формах, что англо-японский союз совершенно побледнел, Англия начала искать сближения с Россией, а между Америкой и Японией целых шесть месяцев висела грозовая туча войны, разрешившаяся на этот раз мирной прогулкой американского флота в Японию. Янки и желтолицые показали друг другу зубы и временно успокоились, но чувства глубокой враждебности и полного недоверия остались и укрепились.

Эти чувства настолько определились за эти годы, что едва ли англо-японский союз удержится в случае новой Русско-японской войны. Едва ли также и американцы упустят случай посчитаться с японцами в тот момент, когда последним придется снова поставить на карту все свое могущество в борьбе с Россией.

Только полная беспрограммность русской дипломатии и непонимание ею основных интересов Родины помешали в соответственную минуту заключению тесного союза между Россией и Соединенными Штатами. Но этот союз так естествен, так выгоден и важен для

обеих держав, что, надо думать, возникнет сам собой даже без особых с нашей стороны усилий. Ни Америка, ни Англия не могут допустить, чтобы Япония захватила наше Тихоокеанское побережье и стала великой континентальной державой.

Теперь посмотрим на положение других стран.

IV

Центральное место занимает и главную, хотя и искусно скрытую роль, в дальневосточном вопросе играет Германия. Ее главная задача до сих пор была — спровадить Россию тем или иным путем на Дальний Восток, чтобы развязать себе руки на Востоке Ближнем. Перед первой Японской войной это ей блестяще удалось. Всем известно, под какими влияниями был нами занят Порт-Артур и что из этого вышло. Совершенно так же, как в свое время бьиа отправлена в Тонкин Франция, была Россия двинута к Желтому морю, где ей предстояло на долгий срок защемить свою государственную мощь.

Но расчет дальновидных немецких политиков оправдался не совсем, Франция довольно счастливо отделалась от навязанной авантюры, и снова ее все силы в Европе; Россия, хотя и израненная, и ослабленная, тоже вернулась «домой» и тотчас же силой вещей должна была стать на старое место в вопросах славянства и Ближнего Востока.

Между тем политические условия за это время круто изменились. Перемена в воззрениях и настроении Англии сблизила ее сначала с Францией, а затем с Россией. События в Турции совершенно изменили расположение сил на Балканах и нанесли жестокий удар немецкой монополии на Босфоре. Германии удалась еще одна крупная дипломатическая победа в виде присоединения Австрией Боснии и Герцеговины, при соответственном унижении России, но эта победа уже из разряда пирровых[267], и ее результаты вышли совершенно не те, какие предполагала Германия. Европейскую войну, положим, задержать удалось, но внутренние перемены в Европе и на Балканах оказались чересчур глубокими и для немцев весьма печальными. В Австрии началось сплочение славянских племен, совершенно парализовавшее ее старое и довольно прочное польско-немецкое большинство. В Венгрии началось с неслыханной раньше страстностью движение к разрыву австро-мадьярской унии[268]. В результате сила Австрии как союзницы Германии совершенно парали-

зована, и хотя австрийские военные сферы усердно бряцают мечом, угрожая на три фронта и России, и Сербии, и своей пока еще союзнице Италии, но на эти угрозы можно смотреть довольно равнодушно. Если уж Боснийская аннексия и частичная мобилизация для войны с Сербией вывели совершенно из равновесия австрийские финансы, то на какие средства поведет Австрия большую европейскую войну? Да и как еще к этой войне отнесется ее славянское большинство?

Далее обнаружился еще один печальный для Германии результат. Зародилась и стала неудержимо расти идея Балканской федерации, при старом турецком режиме совершенно невозможная. Царь Фердинанд[269] уже дружески обнимается с королем Петром[270], и к этому соглашению всецело примыкает Черногория. Турции еще здесь нет, но она уже признает принципиально, что Балканский союз будущего никакой опасности для нее не представляет. Еще несколько шагов, еще несколько ловких ходов Чарыкова[271] в Константинополе, и Турция примкнет к союзу. С проведением поперечно Балканской железной дороги к Адриатике Сербия окончательно уходит из австрийских тисков, и Балканы дружными усилиями своих народов запирают, наконец, перед Австрией и немцами двери на Юг.

Наконец, последний и самый страшный для Германии шаг — свидание в Раккониджи[272]. Простое дружеское рукопожатие русского Царя и итальянского короля встряхнуло, как карточный домик, всю долголетнюю мастерскую работу Германии по привлечению Италии в совершенно неестественный для нее тройственный союз[273]. Этот союз на бумаге еще жив, но *душою* Италия уже принадлежит к группе держав противоположной. Газеты уже подсчитывают соединенные сухопутные силы Италии, Франции и России с Турцией и Балканскими государствами, по одной стороне, противополагая эти силы соединенным австро-германским, и в этом случае чутье не обманывает газетчиков.

Словом, все идет неудержимо к полному изолированию Германии в Европе, и она отлично это сознает. Единственным жизненным для нее выходом является поэтому втравить Россию в новую войну с Японией. И нужно быть глубоко наивным, чтобы, зная всю энергию, широкие взгляды, талант и предусмотрительность германской дипломатии, сомневаться хоть минуту в том, что эту войну день и ночь готовят нам в Берлине.

V

Необходимо рассмотреть самый трудный и самый темный из вопросов соотношения внешних сил — это вопрос о роли Китая в будущей Русско-японской войне.

Насколько Европа стоит перед нами открытая и исследованная во всех направлениях, настолько здесь все загадочно и темно.

И самыми темными являются два основных вопроса: 1) Япония и Китай враги между собой или друзья и союзники? 2) Китай, представлявший всего несколько лет назад нечто сверхмирное, рыхлое и беззащитное и на наших глазах начавший *страстно* превращаться в военную и героическую нацию, успел ли настолько подготовиться, чтобы представлять для нас серьезную опасность?

Кто даст ясный ответ на первый вопрос? Отрывочные факты несут абсолютно противоположные друг другу указания. С одной стороны, несомненная расовая ненависть, почти такая же, как между японцами и корейцами. Воспоминание о бесчисленных обидах и унижениях. Тягота японского хозяйничанья в Южной Маньчжурии. Недавний ожесточенный бойкот японских товаров в Китае. Несомненная опасность, сопряженная с усилением Японии.

Все это, казалось бы, дает надежду, что при умелом (а где оно?!) воздействии русской дипломатии в Пекине, можно если не двинуть рядом с нами Китай против Японии, то по крайней мере удержать его в вынужденном нейтралитете, как в 1904 году.

Но, с другой стороны, несомненно: общее дело всех желтых против «белых чертей». Охотное признание Китаем руководительства за Японией в вопросах военного возрождения и борьбы с белыми. Включение нас, русских, всецело в стан исконных белых врагов (воспоминание о нашем предательстве Китая в Порт-Артуре, о совместном с Европой походе на Пекин, о дележе беззащитного Китая, о всех высокомерных обидах китайцев во время войны). ,

И как последние, самые свежие факты: признание китайцами за Японией не аренды, а полного права владения на Квантуне и явный вызов России в переговорах о Харбине и полосе отчуждения Восточно-Китайской дороги.

Каким образом угадать отношения и будущее поведение Китая в момент японского на нее нападения?

В этом случае самое верное и самое благоразумное — смотреть опасности прямо в лицо и предполагать наихудшее, именно, что Китай нейтральным не останется, а все его силы и средства в борьбе с нами будут предоставлены в распоряжение Японии.

Что же это за силы?

Очевидно, что речь может идти только о новосозданной, точнее, *создающейся* регулярной на европейский лад китайской армии. Что же она собою изображает?

Опять полная темнота и отрывочность сведений.

Что эта армия хороша, дисциплинированна, отлично вооружена и вполне боеспособна, в этом — увы! — нет сомнений. Прибавим, что драться будет она *дома* и *за родину*. Численность войск у Китая с полной организацией армии предполагается огромная.

Сейчас вывести в поле китайцы могут всего около 100 тыс. человек. Обученного резерва почти нет. Чтобы не впасть в ошибку и не нарваться на сюрприз, предположим 200 тыс. Большего числа Китай выставить безусловно не в состоянии *сейчас*. Через пять лет при надлежащей поспешности и старании это число, конечно, может перейти за миллион с миллионными же резервами.

Таким образом, *сейчас* против нас может быть двинута вся японская армия, около миллиона человек, плюс 200 тыс. вспомогательного войска китайцев.

Без всякого сомнения, эта соединенная рать под умелым предводительством и заранее освещенном каждом аршине местности обрушится на нашу Восточную Сибирь и без труда захватит ее если не по Байкал, то, во всяком случае, по Читу или Сретенск, причем в первую голову будет отхвачена, конечно, вся Восточно-Китайская дорога.

Очевидно, отбить это нашествие и отнять захваченные территории нам будет можно только с силами, значительно большими, чем у противников. На 1200 тыс. японско-китайской армии потребуется сосредоточение *за Иркутском* по крайней мере 2 млн наших войск. При войне *народной*, при войне *на своей территории* и при талантливых вождях, которых выдвинет именно народная война, да при русском упорстве эта кампания обещает быть, пусть и долгой, и кровавой, но победоносной.

Теперь нам следует оглянуться назад на нашу западную границу и затем подсчитать шансы и средства.

VI

Если мы представим себе, что на Дальний Восток будет отвлечена на значительный срок *двухмиллионная* армия, вся остальная вооруженная сила России до последнего человека может быть обращена фронтом к Европе, как охрана нашей западной границы и участница великой европейской войны, когда таковой суждено разразиться.

И вот тут-то любопытно рассмотреть, каковы будут шансы обеих групп, как союзной нам и дружественной, так и враждебной.

После свидания в Раккониджи всю европейскую печать обежала появившаяся в первый раз, если не ошибаюсь, в итальянской газете «Corriere del Mattino» табличка, указывающая на распределение морских и сухопутных сил обеих групп держав, первую из которых составляют Россия, Франция, Англия и Италия (предполагая ее выход из тройственного союза), вторую — Германия и Австро-Венгрия.

Вот эта табличка:

Сухопутные силы

*1-я группа (без Англии): **Франция, Россия, Италия***	
Армейских корпусов	58
Пехотных дивизий	200
Кавалерийских дивизий	34
Орудий	10 652
Всего солдат	4 885 000
2-я группа: Германия и Австро-Венгрия	
Армейских корпусов	38
Пехотных дивизий	140
Кавалерийских дивизий	13
Орудий	7 864
Всего солдат	3 750 000

Разница получается огромная, именно на 1133* тыс. людей и на 2788 орудий. Но если вычесть отсюда связанную на Дальнем Востоке русскую боевую силу в 2 млн человек с 4 тыс. примерно орудий, то получается *дефицит в 865 тыс. человек и около 1200 орудий.*

* Так в тексте С. Ф. Шарапова.

Однако при подсчете вооруженных сил, здесь приведенном, его автор впал в некоторую ошибку, допустив существенный пропуск. В этом подсчете исчезли совершенно Балканские государства, которые должны бы собственно стать в самую первую очередь, ибо при малейшем движении Австрии в какую бы то ни было сторону, ни Сербия с Черногорией, ни Болгария, ни Румыния нейтральными остаться не могут. В какую сторону направятся силы первых трех государств, едва ли можно спрашивать, что же касается Румынии, то, несмотря на свою династию Гогенцоллернов[274], румыны, во всяком случае, постараются захватить Трансильванию раньше, чем Бессарабию.

У нас нет под руками точного подсчета вооруженных сил названных четырех балканских государств, но их с избытком хватит, чтобы пополнить указанный выше дефицит.

Остается Турция. При всей заманчивости для нее попытать счастья восстановить былую славу и былые пределы оттоманского могущества, самое элементарное благоразумие должно подсказать ей, если не присоединение к первой группе, то, во всяком случае, строгий нейтралитет. При наличности нашего, хотя и отсталого, Черноморского флота, Россия со стороны Черного моря для Турции неуязвима, вступать же активно во вторую, австро-немецкую группу было бы для Порты и бесполезно, и крайне рискованно. Старых потерь на Балканах не вернуть, рисковать же попасть под воздействие даже небольшой специальной английской эскадры нет оснований. Поэтому для Турции будет совершенно достаточно, если Балканские государства обеспечат целость ее европейских вилайетов, а морские силы первой группы — спокойствие на ее берегах и на Крите.

Таким образом, есть все основания думать, что отвлечение на Дальний Восток двухмиллионной русской армии не нарушит количественного равновесия сухопутных сил в обеих враждебных группах держав. 3 $^{1}/_{2}$ млн, примерно, штыков и сабель по одной стороне встретят как раз такое же количество и по другой.

Качественная сторона этих сил весьма разнообразна, и мы попробуем подвергнуть ее краткой оценке особо. Здесь же, оставаясь только при цифрах, необходимо заметить, что указанное равновесие является только кажущимся и совершенно падает, если к силам сухопутным мы прибавим краткий подсчет тех *морских* сил, которыми располагают обе группы. Заимствуем этот подсчет из того же итальянского источника.

1-я группа: Австро-Венгрия и Германия

Броненосцев	44
Крейсеров	64
Орудий	2 892
Миноносок	133
Подводных лодок	5 (?)

2-я группа: Англия, Россия, Франция и Италия

Броненосцев	123
Крейсеров	244
Орудий	9 945
Миноносок	638
Подводных лодок	165

Как видит читатель, картина совершенно изменяется.

VII

Правительство поспешило опубликовать самое успокоительное сообщение о наших делах на Дальнем Востоке. По сведениям компетентной власти нет никаких поводов ожидать не только войны, но даже мало-мальски серьезных осложнений.

Остается только порадоваться такому обороту дел, раз начальство берет на свою совесть столь категорическое успокоение публики. Это не должно, однако, помешать нам докончить начатое исследование, которое, даже оставаясь после официального разъяснения чисто академическим, представляет, надеемся, достаточный интерес для читателя.

Итак, сделаем небольшую расценку *качественного* состава боевых сил тех государств, которым, по нашему предположению, суждено участвовать в великой мировой борьбе. Если приведенные в предыдущей статье цифры сводятся к равновесию сил на суше и значительному перевесу *нашей* группы на морях, то качественная расценка этих сил может внести глубокие изменения в эти подсчеты.

Начнем с группы враждебной — австро-германского союза.

Про *германскую* армию распространяться едва ли придется. Традиционно победоносная, она все время только налаживалась и совершенствовалась. Ни со стороны боевой, ни со стороны поли-

тической не видать никаких опасных дефектов. Правда, в ее рядах много сознательных социал-демократов, но эти последние, не в пример другим, заявили полную готовность драться и умирать за немецкое отечество.

Единственное «но» — это почти сорокалетний период мира, в результате чего в германской армии нет ни единого человека, фактически нюхавшего порох. От вождей и до последнего солдата нет никого, кто бы слышал свист пуль и треск шрапнели. В этом смысле германская армия находится в несколько иных условиях, чем в 1870 году, когда значительная ее часть была прекрасно обстреляна в войнах 1864 и 1866 года. Прибавим сюда, что поляки, составляющие весьма заметный контингент этой армии, будут драться, во всяком случае, без одушевления за родину-мачеху... даже против России.

Австрийская армия по своему составу и личным боевым качествам входящих в ее состав народностей была бы ничуть не ниже германской, если бы не представляла изумительного племенного винегрета из глубоко и сознательно ненавидящих друг друга народов. Эту армию можно с горем пополам повести против Китая, Японии, Америки, но не против кого-либо из ближайших соседей, особенно же против России. Можете себе легко представить, как одушевленно будут драться с нами чехи, русские галичане, угроруссы, словаки, хорваты, сербы. Не будем забывать, что каждый из этих солдат с детства чтит и любит Россию, в казармах все время читал свои народные газетки, где прославляется Россия как защитница и покровительница славянства, а по выходе в запас все время жил в весьма густой славянской атмосфере.

Австрийскую армию нельзя даже рассортировать так, чтобы получились однородные части. В немецком полку офицеры, скажем, итальянцы — чего же стоит этот полк против Италии? В чешском полку офицеры — немцы, и их преспокойно могут перевязать и сдать русским. Единственные национальные части — мадьярские гонведы, но на них одних отыграться трудно, да и там едва ли не большинство словаков, румын, сербов.

В самом лучшем случае в войне с Россией австрийскую армию надо считать в $^1/_3$ ее действительного состава. Да и этой трети не пришлось бы заняться более остальными двумя третями, чем неприятелем.

Французская армия — величайший *икс*. С одной стороны, мы были свидетелями отвратительных результатов долгой и упорной пропаганды антимилитаризма, выразившихся в осквернении знамен и т. п. Легкий ли это частичный налет, имеющий в серьезную минуту исчезнуть без следа, или глубокая язва? С другой стороны, не будем забывать, что ядро армии все та же здоровая земледельческая Франция. А что самое главное — это то, что при гнусном режиме настоящей третьей республики в армии сосредоточилось все национальное, все верующее, все оскорбленное поганой французской современностью. Эта часть армии ждет с нетерпением часа войны, видя в этом возрождение Франции. И будем верить, что эта часть увлечет за собой вторую, расслабленную и распропагандированную.

Технически — французская армия на той же высоте, что и германская и, если уступает ей в численности, то не будем забывать, что ей придется иметь дело только с *половиной* германской армии.

Итальянская армия — тоже великий знак вопроса, но перед нею соответствующий по силе и духу враг и великое дело народного объединения.

Об армиях *болгарской, сербской и черногорской* говорить много не приходится. Мы их знаем.

VIII

Ну а наша боевая сила? А русская армия, прошедшая крещение бесславия на Дальнем Востоке и заразу революции дома?

Не искушаясь господствующим у нас самоунижением и самооплеванием, скажем положа руку на сердце, что наша многострадальная армия с честью вышла и из того, и из другого испытания. Позор нашего государственного малодушия ее не коснулся. Ее неудачи на поле сражений ни в малейшей степени не падают на русского солдата и лишь в ничтожной доле затрагивают офицера. Вся целиком вина ложится на недостойный высший персонал командования, на тех штатских в душе и канцелярских по воспитанию вождей, которым так неудачно была вверена наша несравненная по доблести и стойкости армия. Это они мобилизовали стариков-бородачей, которые только в теплушках-вагонах в первый раз знакомились с магазинками, чтобы идти в бой прямо с поезда. Это они воевали без

карт и без разведчиков, перекоряясь друг с другом и предательски подставляя целые части на истребление. Это они, наконец, заводили панику и отступали, сдавали крепости и эскадры и кормили солдата гнилой мукой и консервами.

Но суд Божий и народный уже совершился. Наряду с опозоренными именами народ и армия могли назвать и имена иного рода. Война выдвинула целую плеяду истинных вождей и героев, а наша обезоруженная накануне победы армия хранит в своем лоне сотни, если не тысячи офицеров, готовых кандидатов в вожди, с геройским духом и еще, быть может, не совсем зажившими ранами.

Возьмите любой русский полк, хотя частью участвовавший в кампании 1904-1905 года — в каждом из них окажутся и свои боевые предания, и имена, о которых не кричат радикальные газеты, но которые живут в душе солдата. Прислушайтесь к тихому говору армии, умейте ее допросить, и она без колебания назовет своих будущих вождей.

Вот условие, составляющее наш огромный плюс по сравнению с любой европейской армией.

Что касается технической стороны нашего военного дела, похвалиться здесь особенно нечем, но, однако, главные и существенные раны, нанесенные нашей армии первой Японской войной, более или менее залечены. Запасы возобновлены, новые тактические и боевые приемы добросовестно усвоены. Об этом не было ни крику, ни славословий, но кто видел дивизионные маневры после войны, мог убедиться, что уроки прошлого использованы на совесть. Японцам уже едва ли придется нас чем-нибудь удивить, за окопами ли или в открытом поле, а немцев, быть может, удивим кое-чем и мы.

Если есть в нашем военном организме смрадная и гнойная язва, в последние дни раскрывающаяся во всю глубину, то это наше интендантство. Читатель припомнит, может быть, хвастливые уверения главного интендантства в начале последней войны, что ничего подобного позорному прежнему не может быть. Увы! Это прежнее бледнеет перед последними подвигами «героев тыла»...

Новое правительство имело мужество вскрыть до глубины эту язву. Множество хищников изловлено с поличным, отстранено и предается суду. Но эта операция еще не обещает залечить зияющей раны, ибо порядки остаются прежние, а с ними и прежняя безнаказанность, и прежние соблазны.

Между тем оздоровить интендантское ведомство совсем не трудно, если принять за руководящий принцип необходимость во что бы то ни стало разомкнуть чисто бюрократический круг интендантских операций. Достаточно ввести в окружные советы серьезный контингент выборных людей от промышленности и торговли, а в приемные комиссии также выборных (от хозяев) опытных приказчиков по разным специальностям, чтобы хищения и гнусные сделки сократились наполовину. Но и эта половина исчезнет, если правительство решится ввести другой незыблемый принцип: *совершенно отстранить от каких бы то ни было подрядов или поставок евреев*, как элемент, вносящий всюду соблазн, фальсификацию и мошенничество.

Вот задача, счастливое разрешение коей удвоит боеспособность русской армии.

А теперь можно в этой части нашего исследования подвести некоторые итоги.

Сколь ни тяжела будет для нас новая Японская война, если таковая разразится, даже при условиях войны общеевропейской наше положение вовсе нельзя считать безнадежным. И там, и здесь театр войны будет на нашей территории, что придает войне отчаянный всенародный характер, уменьшает расходы и увеличивает напряжение и шансы на победу. И там, и здесь мы будем в численном и качественном превосходстве. Затем на западном театре войны мы одни имеем уже испытанную армию и обстрелянных вождей.

Остается последний и самый важный вопрос о средствах войны у нас и у наших союзников и противников. Надеюсь, что его посильное освещение, к которому мы перейдем сейчас, рассеет последние страхи малодушных и оправдает нашу твердую веру в светлые судьбы Родины.

IX

Отличие, и притом коренное, старых войн от новых заключается в том, что прежде войны тянулись целыми десятилетиями, теперь же при миллионных армиях и колоссальных военных расходах войны должны заканчиваться очень быстро, иначе даже победоносная сторона может быть окончательно истощена и разорена.

Теперь совершенно независимо от технических сторон войны выступает на первый план вопрос, сколько времени может выдержать данная страна свое военное напряжение? И в ответе на этот вопрос будет лежать почти готовый ответ о победе или поражении.

Вот с этой точки зрения, любопытно взглянуть на силы и средства держав — участниц возможной мировой борьбы.

Начнем с Дальнего Востока.

Мы уже видели в кампании 1904-1905 года, что за 18 месяцев борьбы с Россией Япония истощила все свои силы и дошла до полного изнеможения. Еще два-три месяца, не говоря уже о возможных победах Линевича[275], и Япония была бы вынуждена сама просить мира. *Фактически почти так и было*, и только наше преступное малодушие спасло Японию от страшной катастрофы.

В чем изменилось ее положение с тех пор? Не будем отнюдь преувеличивать, но 2 $^{1}/_{2}$ млрд сделанного долга, несмотря на прекрасно оборудованные армию и флот, едва ли увеличивают возможный срок ее военного напряжения. Да, конечно, теперь Япония с первого же удара может шагнуть чрезвычайно далеко; возьмем самое худшее — захватить всю Восточную Сибирь по Байкал.

А затем? Чтобы из этого захвата вышла реальная польза, необходимо заставить Россию подписать мир и уступить захваченные территории. А если Россия этого мира не подпишет, а сосредоточит, конечно, со всякими задержками и опозданиями, двухмиллионную армию и начнет постепенно подвигаться вперед, даже, если угодно, уклоняясь от чрезмерных кровопролитий? Сколько же времени может Япония держать на боевом положении, да еще в чужой пустынной и негостеприимной стране свою армию?

Самое большее — год. А затем?

Не будем забывать, что если наши 2 млн солдат, даже взятых из запаса, совершенно ничего не расстроят и не остановят в России, то в Японии каждый человек на счету. Каждый при деле. Русская армия будет кормиться своим дешевым хлебом с Алтая и из Западной Сибири. Японцы будут весь хлеб покупать и подвозить издалека.

Затем всю войнгу 1904-1905 года Япония провела на деньги, занятые в Англии и Америке. На величайший наш шанс — бумажные деньги — Япония воевать не может: ее денежное обращение не допускает ни малейшего увеличения знаков — дадут ли ей денег сейчас Англия и Америка? А ведь для *этой* войны денег потребуется, по крайней мере, вдвое больше. В первую войну Япония едва выставила 1/ млн, теперь должна будет двинуть всю свою новую миллионную армию.

В результате довольно будет Государю повторить бессмертные слова Александра I, даже откинув их первую часть («отращу бороду» — борода отросла уже у Александра III), чтобы, в конце концов, Япония сама очистила нашу Восточную Сибирь. Но тогда вопрос изменяется в постановке, и можно будет с полным правом сказать, что в своем движении вперед русская армия уже не остановится, пока последний японец не будет отправлен туда, откуда пришел, то есть на свои острова.

О Китае говорить не будем. Мы рассматриваем войну *ближайшего* будущего, когда Китай еще не военная держава и кроме сотни тысяч штыков и сабель ничего выставить не может.

Совсем иное будет, конечно, когда перед нами встанет Китай возрожденный, с 5-миллионной, как это обещается, армией, вооруженной и обученной по-европейски. Но этот случай лежит вне области ближайшего политического предвидения. Такой Китай явится тогда, когда у него будет — за малым дело стало — *сильное центральное правительство и необходимая финансовая организация*. Сейчас при 200-миллионном бюджете, огромная часть которого идет на уплату внешнего долга, и при полном самовластии областных правителей, миллионной армии не создать. Чем поможет здесь обещанная с будущего года конституция и парламенту угадать невозможно, но, во всяком случае, ранее чем стать опасной для нас силой, Китаю предстоит пережить величайшую революцию. Когда и каков он из нее выйдет, покрыто полным мраком. Во всяком случае, будет это не завтра, и в этой отсрочке лежит одно из самых счастливых для нас условий.

Теперь посмотрим на Запад.

X

Сколько времени могут выдерживать войну европейские государства? Какое из них прежде всех «поддастся», очутившись в тяжелом положении экономическом, совершенно независимо от военных успехов или поражений?

Начнем с *Англии*. Островное положение и могущественный флот вместе с колоссальным богатством позволят ей выдерживать войну очень долго, тем более что ее сухопутные силы в расчет вовсе не принимаются. Англия может быть погублена в несколько недель, если ее флот погибнет в борьбе с могущественной мировой коалицией. Но об этой коалиции сейчас не может быть и речи. Второй по величине флот Франции принадлежит к ее группе. Флот итальянский войдет, вероятно, туда же. Единственный враждебный флот, германский, будет заперт или истреблен.

До тех пор, пока мировое морское владычество Англии вне опасности, Англия может выдерживать войну дольше всех. Эта война не остановит ни ее промышленности, ни мировой торговли и, сравнительно с державами сухопутными, не потребует даже чрезмерных расходов.

Франции будет много тяжелее. Ей придется призвать под знамена всех способных носить оружие, и это сильно отразится на ее земледелии и промышленности. Но не будем забывать, что Франция прежде всего страна мелкого крестьянского хозяйства, где мужчина легко заменяется женщиной. Затем в смысле продовольствия Франция - страна самодовлеющая, то есть кормящаяся своим хлебом. Ее народные сбережения и ее богатство колоссальны. Наконец, океаны и моря будут ей все время открыты. При этих условиях война, сколь ни будет тяжела, может быть очень продолжительна, и разве только занятие врагом огромной части территории и ряд грозных поражений могут подвинуть ее на бесславный мир.

Италия очутится также в очень тяжелом положении. Она бедна для тех колоссальных расходов, которых потребует война, но зато ее флот и счастливое географическое положение сильнейшим образом локализуют войну и, если эта война не с Францией, в достаточной степени гарантируют полуостров от вторжения. Немцам туда попасть мудрено, австрийцы могут отделить лишь небольшую часть армии — их главные силы будут отвлечены на Балканах и у русской границы. При этих условиях Италия может воевать довольно экономно и вести войну очень долго, не отвлекаясь за пределы своих национальных целей и, в крайнем случае, Албании.

Балканские государства, при условии обеспечения тыла со стороны Турции, могут вести войну с Австрией очень долгое время, ибо это будет война одинаково народная как для Сербии и Черногории, так и для Болгарии и Румынии.

Совершенно иной представляется картина войны для союзных Германии и Австро-Венгрии.

Из всех европейских держав, кроме Англии, Германия представляет наиболее развитой и совершенный и вместе с тем, конечно, наиболее нежный и хрупкий *промышленный организм*. Промышленность развилась в ней настолько, что для сельского хозяйства, отодвинутого далеко на второй план и имеющего тоже преобладающе-промышленный характер, уже не хватает своих рабочих рук, которые и приходится пополнять рабочими, пришлыми из русской Польши, Галиции, даже Италии. Затем в соответствии с огромной промышленностью, работающей на вывоз, необыкновенно развито в Германии банковское и кредитное дело, торговое мореплавание и всевозможные крупные и мелкие дела на дальних рынках. Не будем забывать, что германская промышленность и торговля уже не только успешно конкурируют с английской, но и бьют ее на всех почти рынках. Отметим, наконец, что ни своего хлеба для германского населения, ни кормов для скота не хватает и что Германия целую треть своего годичного продовольствия ввозит из-за границы и, главным образом, из России.

Эти обстоятельства создают для всякой войны, которую могла бы предпринять Германия, совершенно особые условия. Ей необходимо с первого же момента развить всю свою колоссальную военную силу и сразу, одним натиском, если можно, уничтожить противника или принудить его к миру. Сами германские военные писатели утверждают, что Германия должна закончить войну *в течение трех месяцев*. Именно так и поставлена в Германии мобилизационная часть, составляющая всю душу немецкого военного искусства. Не успеет противник опомниться, как уже вся Германия мобилизована, и сотни поездов бросают ее армии к любой границе.

На этом, собственно, и держится вся военная мощь Германии, и здесь ей почти нет равных, хотя в смысле мобилизации очень много сделано и французами. Но здесь же и величайшая опасность для самой Германии. А если в три месяца война кончена не будет, а затянется на год или на два?

Вот эту-то картину мы и попытаемся представить.

XI

Стратегические планы Германии и Японии поражают своим сходством. И там и здесь задача — развить сразу наибольшую силу и постараться с места же нанести противнику оглушающий удар.

Удар, возможный со стороны Японии, мы уже оценили. Посмотрим теперь, что сможет сделать Германия.

Объектом ее удара могут быть, во-первых, давно уже ею облюбовываемое Царство Польское и, во-вторых, Прибалтийский край до Петербурга, а может быть, и с Петербургом включительно.

Возьмем опять же условия самые что ни на есть для нас плачевные.

С момента объявления войны Царство Польское становится неудержимым. Наши войска, не имея возможности опереться на бумажные крепости, едва будут иметь время отступить в порядке, чтобы начать сосредоточение... хорошо еще, если у Брест-Литовска, но, вернее, где-нибудь около Бобруйска. Через две недели огромный район будет буквально залит половиной германской армии. В это же время германский флот, если предположить, что ему удастся спастись от англо-французского, будет спешно перевозить немецкие войска в Финский и Рижский заливы.

Здесь дело пойдет для немцев несколько медленнее, и первые серьезные столкновения будут, вероятно, на побережье, так как несовершенство нашей мобилизации сильно уравновешено медленностью морской перевозки. Во всяком случае, беззащитным Петербург не останется, и на худой конец, если уж и придется его потерять, то из него будет вывезено все ценное, например: золото Государственного банка, запасы оружия, установки и оборудование военных заводов. На это-то времени хватит.

Вторгнувшаяся с запада часть немецкой армии на Москву, конечно, не пойдет, отчасти, чтобы не повторять Наполеона, а главным образом, потому, что у Бобруйска встретит, наконец, мобилизованную Русскую армию, достаточную для ее остановки.

Что эта остановка неминуема, хотя бы другая, даже 2-миллионная наша армия была двинута на Дальний Восток, явствует из того, что ведь и Германия должна отделить целую половину своей армии к Вогезам, должна оккупировать Польшу, чтобы держать ее в страхе и оберегать свои сообщения и должна, кроме того, разбить инвазионную армию на три части: одну направить на Петербург, другую — на Бобруйск и третью — на Киев, в помощь друзьям-австрийцам, которые без этого рискуют быть побиты даже теми сравнительно небольшими силами, которые мы будем в состоянии противопоставить им с юга.

Между тем раскройте первый попавшийся календарь и подсчитайте, сколько у нас запасных, не трогая ополченцев. Ведь за 2 млн остается еще хороших миллиона два, и не на бумаге, а в действительности. Может быть, не на всех хватит магазинок*, но ведь и берданка[276] все же оружие, и хорошее оружие, а не палка.

Мы не говорим про возможные победы, мы берем худшее — занятие неприятелем огромной территории даже с Петербургом. Но ведь должна же быть остановка? Ведь всю-то Россию не проглотишь!

И вот *в этой-то остановке все и дело.* Посмотрите на карту. Пусть немцы заняли Польшу, Прибалтийский край до Пскова, Петербург. На все это понадобится минимум три месяца, а после этих трех месяцев получается такая картина.

Можно уверенно утверждать, что при этих условиях мира у нас никто не подпишет. Против каждой из немецких армий будет стоять равная по силе русская. Правительство будет в Москве, а Россия только что раскачается на настоящее озлобление, на настоящую *народную войну.*

А в Германии будет вот что: остановка всей промышленности. Остановка сельского хозяйства и морской торговли, перехваченной Англией. Остановка подвоза хлеба из России и морем. Остановка и затем общий крах всех банков и всего кредита. *Разгрома всего хрупкого и сложного промышленного организма Германии.*

Обратите внимание на этот срок, исчисляемый германскими стратегами — три месяца. Да ведь это срок обычного европейского торгового векселя! Это срок наличных продовольственных запасов! С чем же и как воевать дальше? Занятые территории хлеба не имеют — они только прокармливают сами себя. Хлеб для оккупационных армий нужно подвозить — откуда? Единственный остающийся рынок — Венгрия, но она воюет сама, если не отпала от Австрии. А о подвозе с моря не может быть речи — моря наглухо заперты Англией.

* Оказывается, и магазинки уже имеются на всех.

В таком положении не останется ничего другого, как уходить восвояси, то же, что предстоит и Японии. Мы уже не говорим о расходах денежных. И Германия, как и Япония, на бумажные деньги воевать не может, а золота занять будет негде.

Но уходить — Россия по пятам. И *Россия народная*, Россия, только что собравшая силы, обновленная духом, с Царем в Московском Кремле... Эта Россия будет не та, что сейчас.

Попробуем теперь подвести итоги.

XII

Все высказанное в этом ряде очерков сводится к заключениям весьма несложным. Особенно бояться не только одной дальневосточной, но даже и мировой войны, если бы таковую вздумали вызвать гг. немцы, нам не приходится. Независимо от нашей численности, от чудной армии, от огромных пространств и климата, наших вернейших союзников, одолевших двух военных гениев, Карла XII[277] и Наполеона, у нас есть еще один самый важный союзник — это наша почти бесконечная *сопротивляемость экономическая*.

В то время, как главный наш противник — Германия — может выдержать всего три месяца, а Япония с великим трудом год или полтора, мы можем смело рассчитывать на пять, если не на десять лет борьбы при единственном условии — *не зарываться*, не растрачивать сил и крови в решительных боях, а мудро, спокойно и систематически *выстаиваться*, доводя неприятеля до неминуемого изнеможения и истощения. Наше экономическое положение таково, что нам, в сущности, терять нечего. Хлебом будем питаться своим, промышленность всех видов не только не остановится, но получит огромный толчок, хлопок будем подвозить через Одессу, так как Черного моря наши союзники закрыть не дадут. Оттуда же будем получать и селитру, если запаса таковой (чего нельзя даже предположить) не сделало заблаговременно военное ведомство. Остальное все есть дома.

Что касается собственно денежных средств, то у нас есть шанс, совершенно отсутствующий у врагов, — это переход на бумажные деньги, которые еще великий Наполеон считал наисильнейшим орудием в руках тех стран, которые им могут воспользоваться. Это средство выручило нас самым блистательными образом в годину

великого нашествия и дало нам возможность надлежаще закончить последнюю войну с Турцией. Не затрудняя читателя подробностями, прошу пока принять на веру сделанный мной подсчет, согласно которому мы можем выпустить до 6 млрд руб., почти не уронив курса, и только при следующих 4 млрд рубль может дойти до 50 коп. на золото. Но это только отразится благотворно на земледелии и поднимет внутреннюю промышленность, задев слегка класс рантьеров и капиталистов, у нас попросту ничтожный.

Десяти миллиардов, во всяком случае, на пять лет самой напряженной войны хватит, а дальше едва ли стоит и заглядывать.

Но разумеется, тот здоровый оптимизм, та моя вера в нашу великую Родину, которая диктует настоящие строки, отнюдь не исключает яркого сознания крайних бедствий и опасностей мировой войны, если бы таковая разразилась, и необходимости сделать все возможное, чтобы эти бедствия и опасности отстранить и не только увеличить и обеспечить шансы нашей будущей победы, но и сделать самую мысль о войне для наших противников безумной и нелепой.

В этом смысле да будет мне позволено в заключение настоящего очерка набросать вытекающую из него краткую программу как военно-оборонительную, так в связи с ней и чисто политическую. На мой взгляд, совершенно необходимо:

1. Без малейшего замедления доканчивать Амурскую и второй путь Сибирской дороги.

2. Самым серьезным образом укрепить Владивосток и снабдить его блестящим, хотя бы только минным и подводным флотом.

3. Привести в полную боевую готовность наши крепости по западной границе, и не только второй, но и первой линии. Не будем забывать, что даже колоссальные здесь расходы будут всецело нашим народным заработком.

4. Принять самые серьезные меры к обороне Балтийского побережья и, в частности, Петербурга.

5. Немедленно реформировать интендантство на указанных в одной из глав началах и установить серьезные продовольственные запасы.

В политическом отношении:

1. Сохраняя добрососедские отношения с Германией и Японией, заключить теснейший оборонительный союз с Англией. Сами же наши соседи подали к этому отличный пример.

2. Употребить все усилия, чтобы окончательно вырвать Италию из тройственного союза и привлечь в нашу группу.

3. Заключить союз с Соединенными Штатами Северной Америки по взаимной поддержке: с нашей стороны — сухопутными силами на Дальнем Востоке, с их стороны - флотом.

4. Иметь внимательное наблюдение за Китаем.

5. Приложить все усилия к образованию Балканской Федерации из Болгарии, Сербии, Черногории и Турции, убедив присоединиться сюда же и Румынию. И наконец:

6. Употребить все меры, чтобы, поддержав перерождение Австрии в западно-славянскую державу, что может быть достигнуто единственно нашим полным примирением с поляками и дарованием Царству Польскому автономии, сплотить между собой славянские племена Габсбургской[278] монархии и, переведя в их руки власть, оторвать Австрию от союза с Германией.

Все это для мудрой и предусмотрительной дипломатии совершенно осуществимо, ибо того требуют не эгоистические наши интересы только, а сама логика вещей, интересы всех мирных и трудолюбивых племен и народов Европы. Довольно порвать с печальными традициями «Певческого моста», довольно перестать бояться Германии и из страха перед ней идти у нее в хвосте и служить ее целям, чтобы эта программа сама собой стала осуществляться.

А ее удачное проведение снимет с нас и Европы нынешний вечный кошмар великого мирового человекоистребления.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ВЕРЕВКА МИСТЕРА НОКСА

Вот, говорит, тебе веревка, ухватися;
Я потащу тебя, держися

I

Неожиданно перед самым Новым годом в качестве святочного подарка старой Европе и якоря спасения для нас, грешных, министр иностранных дел Североамериканских Соединенных Штатов мистер Нокс[279] высказал предложение о выкупе Маньчжурских железных дорог, или, говоря дипломатическим языком, о нейтрализации Маньчжурии.

Штука оказалась и оригинальной, и головоломной, а главное, совершенно выходящей из обычных дипломатических шаблонов, почему, разумеется, и вызвала страшную разноголосицу в печати.

«Новое время», «Свет» и другие патриотические издания уже успели высказаться по поводу американского предложения отрицательно. С установившейся русской государственной и национальной точки зрения это совершенно понятно. Но я все-таки нахожу не лишним пересмотреть этот вопрос и осветить его не только со стороны нашего великодержавного самолюбия, но и со стороны самых низменных реальностей, пренебрегать коими в наши дни и в нашем печальном положении было бы неблагоразумно.

Из напечатанного предыдущего очерка о возможности мировой войны читатель мог заключить, что я вовсе не склонен бояться не только Японской войны, но и не менее возможной одновременно войны мировой, где нам придется грудью встречать целую половину германского Запада. Я утверждал, что ни Япония, ни Германия при известной с нашей стороны стойкости, не военной даже, а политической, не добьются ничего и вынуждены будут победоносно уйти восвояси.

Но отсюда вовсе не следует, что этой войны нужно желать. Благоразумие требует избегать ее всеми мерами, и поэтому, между прочим, в числе пунктов моей заключительной программы стоял союз с Америкой.

Далее я считал опасной для нас на Дальнем Востоке не Японию, а Китай, начиная с того момента, когда ему удастся создать надлежащее

государственное единство, сильное центральное правительство, деньги и армию, численность которой может нас физически раздавить.

Немного времени прошло с этих пор, а все известия из Китая, одно за другим, таковы, что осуществление последних предположений приходится наблюдать, можно сказать, невооруженным глазом. В своих политических реформах Китай ухитрился стать на такой путь, что еще несколько шагов — и задача его государственного и финансового, а затем и военного перерождения будет решена самым неожиданным и блестящим образом.

Вам известно, что предшественники будущего китайского парламента, парламенты областные, или областные земские собрания, оказались не в пример всем европейским в том же роде учреждениям необычайно дельными, мудрыми, уравновешенными и работоспособными. Представьте себе теперь, что вместо всяких поистине гнусных и дурацких, даже на родине парламентаризма, в Англии, государственных выборов, Китай получит центральное *законодательное* учреждение из делегатов от провинциальных собраний, где соберется самый цвет китайского народа, где не будет борьбы за власть и политических партий, а пойдет одушевленная, мудрая и патриотическая работа, — можно себе представить, что такое это будет?

Это будет нечто вроде наших старых земских соборов, колоссально укреплявших нашу старую государственную власть и сделавших из сравнительно слабой Московии величайшее государство мира. Ведь Петр-то[280] получил для своих реформ готовую, выкованную старыми царями национальную силу, которой недоставало только европейской техники да современного военного искусства. Все остальное было уже сделано, и сделано лучше, чем оставил он.

Китаю будет организоваться еще легче, ибо там монархизм есть прямо религиозный догмат. Посмотрите-ка, как поступили китайцы с любителями-фотографами, осмелившимися сделать снимки с похоронной колесницы старой императрицы: вечная тюрьма! Теперь представьте этакую-то могучую и священную национальную власть, вызвавшую на сотрудничество с собой не *улицу*, а действительно *лучших людей*. Ведь это пахнет такою творческой силой, что Европа только рот разинет.

Ни помешать этому возрождению, ни остановить его мы не можем, да и по какому праву? Все, что мы можем, это пассивно наблюдать, как Китай будет сбрасывать свои многотысячелетние

пеленки, как он встанет пред нами грозною силой, как начнет (и уже начинает!) сначала разговаривать с нами на языке великой державы, а затем, когда явится аппетит на нашу Сибирь, как он на нее обрушится.

Мы будем, конечно, «принимать меры предосторожности». Какие, позвольте спросить? Бросим десятки миллионов переселенцев, чтобы занять все свободные места Сибири? Подготовим армию миллионов в пять штыков? Можно ли об этом серьезно говорить, когда даже против крошечной сравнительно Японии мы не сделали ничего и стоим совершенно беззащитными, делая только дипломатические книксены и улыбки?

Очевидно, что сил, даже не теперешней, расслабленной и лазаретной России, а России окрепшей, одушевленной и вполне здоровой может попросту не хватить на борьбу с возрожденным Китаем и что самая эта борьба возможна только соединенными усилиями всей белой расы. Это — первое положение.

П

Только твердо установив это положение, именно, что Россия может быть, если не на веки вечные, то хотя на подлежащий человеческому предвидению период, поставлена в безопасность от Китая, *при помощи соединенных усилий белой расы*, — только твердо это установив, как исходный пункт всяких рассуждений по вопросам Дальнего Востока, мы будем в состоянии действительно осветить наше нынешнее реальное положение и наметить основания для верной дальневосточной политики.

Еще сравнительно недавно Китай ни малейших опасений для нас не возбуждал. Он спал и желал мирно спать под сенью своей божественной власти, ненавидя кровь, *презирая военное ремесло*, и только умоляя, чтобы его оставили в покое. Мы были единственным белым соседом, которого Китай не боялся, которому верил и в котором до самого 1897 года готов был ждать защиты от других «белых чертей», то есть от Европы.

И в самом деле: мы одни не обижали Китая, не навязывали ему своих товаров и не мошенничали с христианством, как с орудием коммерческого покорения страны. Правда, в I860 году по Пекинскому договору за нами укреплены огромные тихоокеанские вла-

дения и права, но за это Игнатьев[281] действительно спас Китай и династию от разгрома и унижения перед англо-французской экспедицией, остановив бомбардировку Пекина и отведя глаза бесталанным партнерам-дипломатам, шедшим у него на поводу.

С занятием нами Порт-Артура положение резко изменилось и сознание глубокой обиды и предательства осталось на вечные времена. В 1900 году мы по отношению к Китаю оказались уже окончательно на стороне «Европы» и вместе с нею проделали знаменитую экспедицию в Пекин, после которой Китаю оставалось только или переродиться, или быть фактически разделенным на разные «сферы влияния», то есть сыграть роль африканских чернокожих.

Вот когда повернулось колесо истории. Китай выбрал первый путь и стал действительно перерождаться, а мы, русские, в его сознании попали окончательно и бесповоротно в сонм европейских «белых чертей». *Теперь уже не может быть речи ни о каком возврате к прежнему.* Китай уже не тот. Вместо трусости, страха перед силой и «непротивления», Китай обращается в военную державу и даже не старается перед нами прикинуться по-старому смиренным. *Он уверовал в свою будущую силу*, и разубедить его, внушить прежнюю замкнутую пассивность мы не в состоянии.

Таким образом, желаем мы этого или не желаем, — в предстоящей великой борьбе желтой и белой рас мы осуждены идти вместе с белою расой и только с нею вместе можно отстоять Сибирь и Дальневосточные наши владения.

Что такое для белой расы Китай? Для Англии и Америки это необъятный рынок, потеря коего равносильна жесточайшим экономическим катастрофам. Для нас это угроза нашему великодержавному существованию, ибо для будущего китайского нашествия единственный объект — это мы, как единственный обладатель свободных и огромных земель, ни заселить, ни обработать которых мы не умеем. Где мыслимая граница этого нашествия, когда тронется сила в 450 млн народа?

Отсюда полная общность интересов *теперь* и *вперед* между нами и обеими англосаксонскими державами.

Совсем другое дело — Германия. Ее торговля в Китае еще невелика, а главные жизненные интересы не на Дальнем, а на Ближнем Востоке. Но здесь ей поперек дороги стоят Россия и Славянство. Для Германии всего важнее завязать своих противниц и конкуренток,

и прежде всего Россию, на Дальнем Востоке, чтобы самой хозяйничать на Ближнем. Сознания общности интересов белой расы в Германии не существует; за эти интересы Германия не только не даст ломаного гроша, но сознательно предаст их во имя собственных эгоистических шкурных интересов. Франция и с нею одряхлевший Латинский мир в этой борьбе отодвигаются на второй план.

И вот Америка, где люди умеют не только механически жить сегодняшним днем, но и мыслить, и предвидеть, и оценивать великие мировые движения, выступает с головокружительно смелым предложением. Она проектирует своего рода изолирующую прокладку между белым и желтым мирами. Страна гигантских мировых трестов и синдикатов верит в могучую силу экономических организаций и знает им цену. Пусть международная компания возьмет в свои руки главный нерв возрождающегося Китая — его железные дороги, и великий колосс будет усмирен так же, как тигр, у которого выпилят зубы и обрежут когти. Одновременно с этим Американско-европейская прокладка изолирует и сажает на цепь другого азиатского тигренка — Японию, столь жестоко искусавшего и ослабившего гиганта — Россию и готового в любую минуту устроить новую бойню на Дальнем Востоке.

Чтобы оценить американский проект, надо прежде всего посмотреть, кто и как к нему отнесется.

В Англии его сразу поняли и оценили и всецело к нему присоединились. В Японии тоже поняли, и вся хищная страна зашипела от злобы и негодования. В Китае тоже поняли, но прикинулись тише воды, ниже травы. С этой надвигающеюся бедой Китаю пока не справиться, а бессильные протесты бесполезны; поэтому лучше всего хитрить и своих мыслей не выдавать.

А мы? Пока что... мы только растерялись.

Попробуем же разобраться без гнева и предубеждений в американском предложении и спокойно оценить как его важные выгоды, так и опасности, отрицать которых я вовсе не думаю.

III

О *выгодах* американского предложения много говорить не приходится, до того они очевидны. Во-первых, мы развязываемся с дорогой, фактически нам не только бесполезной, но требующей ог-

ромных жертв, без малейшей надежды использовать ее серьезно на пользу России. Совсем другое было бы дело, если бы мы были попрежнему сильны на Дальнем Востоке и догадались своевременно захватить всю Северную Маньчжурию так, чтобы округлилась граница и дорога шла сплошь в наших пределах. Теперь об этом нечего и думать. А раз дорога идет по чужой территории и длина ее такова, что никакие серьезные грузы выдержать перевозки не могут, для военных же целей она заперта, то тратить на ее эксплуатацию деньги — чистое безумие.

Во-вторых, продав дорогу англо-американскому синдикату, мы без всякого формального союза передаем часть охраны наших Дальневосточных владений Англии и Америке. Затратив сотни миллионов долларов и приобретя дорогу для своей промышленности и своего влияния на Китай, ни Англия, ни Америка уже не могут остаться пассивными по отношению к малейшему движению Китая или Японии. Самое любопытное и важное здесь то, что получается безусловная солидарность интересов всех трех белых держав. Мы ничего не можем поделать с Китаем и Японией без англо-американского флота, но и этот флот ничего не может поделать без нашей сухопутной базы и без нашей армии. Другими словами, охраняя коммерческие интересы Англии и Америки (политика открытых дверей) *наравне с нашими*, мы в ответ получаем охрану нашего побережья и владений. И эти владения будут охраняться англичанами и американцами совершенно вне всяких подозрений в неискренности, ибо им выжить нас оттуда, захватить эти владения самим невозможно; это значит - потерять русскую армию и быть немедленно выгнанными.,

В-третьих, изолируется Япония и поступает в фактическую опеку Китай. Как он ни возрождайся, янки так оплетут его своими миллиардами, что не дадут пошевельнуться. Во всяком случае, если и начнется огромная политическая и экономическая борьба желтых с англосаксами, то для нас это будет не только выгода, но и спасение. Мы будем стоять в стороне и наблюдать, переведя первый удар с себя на других.

Достаточно отметить, что американское предложение привело Японию в бешенство, достаточно узнать, что в Германии тоже разгадали сущность дела и уже закричали против продажи дорог в Маньчжурии, чтобы понять, что предложение Америки выгодно для нас.

Теперь об опасностях...

Отрицать их я вовсе не думаю, но и преувеличивать тоже не вижу оснований. Таких опасностей две: политическая и экономическая.

С политической стороны допущение чужих элементов в наши отношения с Китаем и Японией небезопасно в том отношении, что мы до известной степени ограничиваем свою государственную свободу действий, вводим элемент чужой воли и за эту волю становимся ответственными. Железнодорожный синдикат может так повести дело, что вызовет своими действиями к активности Китай или Японию. Между тем, согласно договорам, которые не могут не быть заключены (иначе все предприятие падает), мы будем обязаны защищать интересы международной компании своими боевыми силами, то есть будем втянуты помимо нашего желания в войну.

Опасность крайне серьезная, но ведь она сопровождает *всякий* союзный договор. Заключая союз с Францией, мы обязаны, в случае нападения на нее Германии, выходить на помощь, совершенно не рассуждая, кто в этом споре виноват, и не сама ли Франция фактически вызвала Германию и заставила прибегнуть к оружию. Взаимно и Франция лишается права поднимать подобные вопросы, а должна выходить в поле.

Вторая опасность экономическая. Международная компания, владеющая железными дорогами в Маньчжурии, разумеется, будет хлопотать об эксплуатации не одних только китайских рынков. Она неминуемо проникнет на рынки Сибири и сильно стеснит своею конкуренцией нашу там промышленность и торговлю. Оберечь последние будет тогда гораздо труднее, чем теперь, когда таможенные и железнодорожные тарифы всецело в наших руках.

Опасность, конечно, серьезная, но она временная. Она существует лишь до тех пор, пока русское земледелие и промышленность искусственно тормозятся нашей нелепой финансовой системой. Как только эта система изменится, и наше хроническое безденежье окончится, русская промышленность свои права отвоюет отлично своими внутренними силами. Даже при нынешнем безденежье смотрите, что делает наша плавучая выставка на Ближнем Востоке. Затем, [e]сли даже промышленный рынок Восточной Сибири и будет захвачен американцами, как это было до закрытия порто-франко, то ни в национальном, ни в государственном отношении опасности здесь никакой нет. Колонизуйте русским элементом Восточную Сибирь,

и пусть этот элемент идет во *временную промышленную выучку к американцам.* Развитая промышленность и торговля обусловят быстрый подъем земледелия, которое будет в наших руках, ибо американцы только торговцы и предприниматели, но не колонизаторы. Возьмите Аргентину, растущую, как чисто испанская страна, не по дням, а по часам, несмотря на то, что вся ее торговля в международных руках и что даже земледелие привлекает десятки тысяч эмигрантов всяких национальностей. Государственная администрация, суд, школы — испанские, и вся инородчина очень быстро национализируется*.

Здесь, по-видимому, есть противоречие с тем, что я всегда проповедовал об иностранных капиталах и что читатель найдет, между прочим, в дневниках этой же книжки. Не спорю. Противоречие есть, и приведенные объяснения далеко не убедительны. Но, господа! Ведь тут дело идет не о добровольном и *ненужном* допущении иностранных капиталов туда, где без них свободно можно обойтись, а о *спасении Сибири,* об ограждении себя от будущего китайского нашествия, с которым мы не справимся сами. Здесь уже приходится идти на жертвы, хотя бы и крупные, иначе дело проиграно...

IV

На всех этих рассуждениях приходится поставить точку. Наша мудрая дипломатия сразу и без колебаний разрешила вопрос и вежливо указала американцам на дверь. Мотив отказа тот, что нам не нужно пускать никого третьего, мы этот вопрос решим сам на сам с новой нашей подругой Японией. Наши интересы мы сумеем отстоять собственною мудростью и при помощи желтых друзей, с которыми спеться сущие пустяки.

Любопытно, что одним из главных мотивов отказа было указание, что американское предложение в сильнейшей степени нарушает интересы, кого бы вы думали? — Японии, уничтожает плод ее

'Любопытный пример: года три назад настоятель нашей церкви в Буэнос-Айресе о. К. Изразцов привозил в Петербург двух сыновей, учеников местной гимназии, чистейших испанцев, почти совсем не знающих по-русски. Что с ними сделал почтеннейший протоиерей, не знаю, а хотел он их оставить в России.

побед и совершенно связывает ей руки. Затем оно точно так же неприятно Китаю.

Я имею наивность полагать, что *именно поэтому* за американское предложение нужно было хвататься обеими руками, как за ту веревку, о которой говорится в эпиграфе. Но, как видите, наша дипломатия и гг. патриоты рассуждают по-другому. Остается в самом деле поставить точку и припомнить конец басни о философе, попавшем в яму, и спасительной веревке. Г-н Нокс может перефразировать этот конец так:

Сиди, мой друг, пока приду опять.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО гг. ДЕПУТАТАМ ФИНЛЯНДСКОГО СЕЙМА

Милостивые Государи!

С самого начала нынешнего кризиса в русско-финских отношениях, еще до «Бобриковских времен»[282], я стал на стороне Финляндии и прилагал мой труд и знания, чтобы выяснить историческое и правовое положение Вашего края в составе русской державы и посильно его отстоять от напора все нивелирующего бюрократического принципа централизации, нигде столь чудовищно не разросшегося, как в моем Отечестве.

Мне нет надобности говорить, что, высказываясь за правоту Ваших политических стремлений и за Ваши права, я всего менее желал выступать в роли совсем для меня неподходящей — Вашего защитника. Я защищал не Вас, а интересы, честь и достоинство моей великой Родины — святость царского слова и великодержавную идею России. А так как интересы Вашей страны совершенно совпадали с этими дорогими для меня предметами, то моя защита *общего* нашего дела заслужила с Вашей стороны добрую оценку и признание меня другом Финляндии — титул, хотя при данных обстоятельствах в глазах многих моих ослепленных соотечественников и предосудительный, но для меня ценный и приятный.

Позвольте же в качестве этого невольного Вашего защитника и друга сказать представителям финского народа несколько добрых слов, заранее прося снисхождения, если эти слова покажутся вам жесткими. Но я не привык скрывать правды, коль скоро таковая сделалась мне ясна.

В печальном русско-финском конфликте, столь трагически обострившемся за последние дни, весьма значительная доля ответственности падает на Финляндию, на ее государственных и общественных деятелей и публицистов. Юридически в споре с русским правительством Вы безусловно правы, но правда юридическая не всегда совпадает с правдою нравственною. А между тем именно нарушение высшей нравственной правды, как справедливо выразился Ваш архиепископ Иогансон, всего тяжелее отражается на судьбах народов.

Финляндия в ее нынешнем виде создана русским самодержавием, мистически воплощавшим русскую народную мысль и волю.

Чтобы привязать Вас к России не только оружием, но и любовью, русский неограниченный монарх принял на себя и возложил на свою династию конституционные по отношению к Вам обязательства, и эти обязательства свято соблюдали преемники Императора Александра I, постепенно совершенствуя Ваше государственное устройство и расширяя Вашу конституцию.

Как же Вы относились к русскому самодержавию? Замкнувшись на своей конституционной территории, отмежевавшись самым тщательным образом от остальной империи, Вы даже в собственных своих интересах не захотели внимательно изучить дух русского народа и его воззрения на свою верховную власть. Вы видели в самодержавии только пережитки варварства, вы эгоистически смотрели на русский народ, как на рабов, даже и не подозревая о тех умственных в нем течениях, которые могли бы предостеречь Вас от великих ошибок и показать Вам правду. Вы с доверием и верностью льнули к престолу русского царя, видя в нем только Вашего Великого Князя, и чуждались России, воспитывая в себе отчуждение и презрение к великому народу, с которым соединила Вас судьба.

Это было не только несправедливостью, горько отзывавшейся в русских сердцах, но и грубой политической ошибкой. Именно это Ваше отчуждение и презрение вызвало у нас с пробуждением политической жизни националистическую против Вас агитацию — результат глубокой на Вас обиды.

Агитация эта нашла благоприятную себе почву в первые годы нынешнего царствования, когда государь, приняв страшно тяжелое наследие, еще не успел оглядеться. Жадная к власти бюрократия, чутко оценив народное оскорбленное чувство, поспешила вырвать У государя ряд мероприятий, нарушавших Вашу конституцию. Это, в свою очередь, оскорбило и взволновало Вашу страну, вызвав конфликт, которому суждено было все более и более обостряться.

Что же сделали Ваши политические вожди? Как оценили они происшедшие первые недоразумения и куда Вас повели?

В печальном ослеплении и глубоком незнании России, видя надвигавшуюся революцию, они окончательно осудили русское самодержавие и все свои силы направили на помощь подготовлявшемуся у нас так называемому «освободительному движению».

Это было величайшей политической ошибкой, непростительнейшим дальтонизмом. Ваши главари не разочли силы самодержа-

вия, а главное, позабыли ту простую истину, что ответственный перед Богом, историей и своими народами самодержец всегда справедливее, благороднее, шире безответственной палаты, коей состав и голосования являются капризнейшею игрою всяких случайностей. С другой стороны, они не сообразили той простой вещи, что вмешиваться в домашние дела и домашнюю борьбу России — значит подвергать огромному риску, ставить на карту самые судьбы своего народа.

Я не хочу этим сказать, что в годину русской революции Вы должны были стоять за наше самодержавие. Оно отстояло и отстоит себя само и без Вашей помощи, ибо живет в душе и истории народа, как в Вас живет ваше правосознание. Я хочу сказать, что в этом споре Вашего голоса не должно было быть вовсе, территория Финляндии не должна была ни в какой степени служить революционным плацдармом. Русскому самодержцу и русскому народу слишком трудно простить Вам участие в Парижском заговоре, провоз оружия для русских мятежей, Выборгское сочувствие и гостеприимство, столь мало послужившее Вашим национальным целям и столь грубо оскорбившее наше народное чувство.

Вы поставили Ваше будущее на карту русской революции, и эта карта убита, как в свое время убиты были ставки поляков на Наполеонов I и III и на европейское вмешательство.

И вот перед Вами столь желанный Вам русский парламент. Что несет он Вам? Как смотрит на Вас?

Перед Вами непонятый Вами в своем трагическом одиночестве царь. Не Вы ли сами домогались, чтобы погибло его самодержавие, и император Николай II стал конституционным монархом России? Конституции у нас еще «слйва Богу» нет, самодержец ни юридически, ни фактически еще ничем не ограничен, но постановка законодательства и управления после 17 октября 1905 года уже позволяет ему в трудных вопросах выдвигать вперед «народное представительство» и на него возлагать часть своей высокой и страшной ответственности. Правильно или нет — другой вопрос, но в Вашем деле он пожелал передать предварительное решение Русско-финского спора Государственной] Думе и Совету.

И что же? Я не хочу и не могу предугадывать исход дела в нашем quasi-парламенте, но принципиально Ваше дело перенесено с *суда совести* на *суд толпы.* Неужели же Вы не понимаете, что в первом

случае есть решения, нравственно абсолютно невозможные, а во втором — все возможно? Стоящий на недосягаемой высоте над народом, чувствующий над собой непосредственно голос Бога, с сознанием величайшей ответственности, ни с кем не разделяемой, ни на кого не перелагаемой, самодержец, дурно осведомленный или обманутый, может сделать ошибку, как, например], манифест 3 февраля 1899 г.[283], *которая будет непременно рано или поздно исправлена,* но *сознательно взять на свою совесть неправду не может.* Это не славянофильская теория, это Ваша живая история, господа! Во имя чего создал Финляндию Александр I? Что заставляло ненавистника либеральных учреждений и фанатика самодержавия Николая I короноваться польским конституционным королем и свято хранить Вашу конституцию? Что заставляло Александра II восстановить периодичность сеймов и дать сеймовый устав? По каким причинам весьма «реакционный» по-вашему Александр III не поддался на скверную националистическую у нас агитацию и не только Вашей конституции не нарушил, но расширил права сейма? Ответ один: они были самодержцы, и от имени России могли действовать только как таковые, и в этом была Ваша наилучшая гарантия.

Вы мне укажете на Бобриковский период и на манифест 3 февраля и связанные с ним распоряжения. Вы мне укажете на печальную судьбу «великой депутации» и пр., и пр. Но я уже говорил выше, что эти события совпали с сильным обострением обидного против Вас чувства в России, во-первых; с неосведомленностью молодого монарха и заведомым его обманом бюрократией — во-вторых. Немного терпения, и «закономерность» восстановлена. Вы получили манифест 22 октября 1905 года. Вы скажете, что этот манифест явился следствием проигранной войны и вспыхнувшей революции? Это верно, но я глубоко убежден, что он был бы дан и в совершенно нормальных условиях, коль скоро перед государем осветилась бы нравственная сторона дела, заслоненная политической агитацией.

Может быть, это случилось бы несколько позднее, но случилось бы непременно, ибо Ваше пассивное сопротивление все равно привело бы русскую обрусительную политику к абсурду и вызвало бы необходимость примирения. Но тогда мы не видали бы тех постыдных вещей, которые мы ныне переживаем.

А теперь, господа, только русское самодержавие может решить вопрос надлежащим образом. На Думу надежды нет. Дума — крикли-

вая, пестрая и безответственная толпа, с распаленными партийными страстями. В слепоте своей, затуманенная политической злобой и партийной ненавистью, она ломает Россию и может обрушиться на Вас. Среди ее членов есть Ваши защитники, но их меньшинство, и их нравственный авторитет подорван. Большинство против Вас; оно загипнотизировано давней газетной агитацией, оно сбито с толку систематическим обманом и рассуждать спокойно не может. Государственный Совет тоже делу не поможет — наших сановников Вы знаете, а выборные там — та же нестройная, сбитая с толку толпа.

Можно опасаться, что законопроект будет принят значительным большинством, несмотря на Ваш протест, несмотря на самые серьезные и убедительные доводы, которые все пролетят мимо и отскочат, как горох от стены, от наших господ-законодателей. Живой пример — последний общедворянский съезд, за который я сгорал от стыда и должен был протестовать.

Что же остается делать? Единственный путь — поставить дело так, чтобы в последнюю решающую минуту, когда Ваше дело у нас будет совсем проиграно, мистическая сила остановила руку самодержца, чтобы чернила высохли на обмокнутом к подписи его пере.

Только это — ничего иного не остается! Только этим путем могут быть спасены гарантированные словом самодержца положение и права Финляндии, дорогие для Вас; спасены честь и достоинство России, сохранено «ее лицо» от посрамления, дорогое для нас, и предотвращены страшные и, быть может, непоправимые несчастья.

Все это теперь зависит больше всего от Вас, от того ответа, который даст Ваш сейм на сделанное ему предложение — представить свои заключения.

Я ни минуты не сомневаюсь, что Ваш ответ будет и *может быть* только отрицательным, ибо *формально* Вы совершенно правы. Нет тех аргументов, которыми было бы возможно, вопреки ясным историческим данным, доказать малейшее право России вмешиваться в Ваши внутренние дела или навязывать Вам против Вашей воли общеимперские законы, кроме тех, которым Вы добровольно подчинились сначала или примете впоследствии. Но к этой формальной правоте необходимо прибавить еще и *правоту нравственную*, которая говорит русскому сердцу гораздо громче и повелительнее. А эта Ваша правота нарушена вашим малодушным вмешательством в русскую революцию, Вашим холодным и совершенно не братским отношением к русскому народу, Вашим неуважением к его культуре и историческим преданиям, Вашим стремлением отделить русского царя от русского народа.

Ваш ответ будет отрицательный. Но он может быть или холодно-корректный, или теплый и братский - и только последний отзовется в нашей душе. Но чтобы найти этот тон, этот единственный ключ к русской совести, Вам надо выйти из Вашего гордого отчуждения, *смириться* и *покаяться* перед русским народом и великодушным и добрым его царем.

В этом христианском душевном движении не будет для Вас ни малейшего унижения. Вспомните, господа, что не личное благоволение Александра I создало Финляндию, а выраженная в его лице *воля русского народа*, который 90 лет не протестовал против Ваших привилегий и свобод, радовался успехам Вашей культуры и был чужд всякой зависти. Вы отплачивали ему отчуждением и холодностью, а в последнее время ненавистью и презрением... За что? За грехи горсти *бюрократов*! Вы забыли, что этот народ дал миру Пушкина и Гоголя, Толстого, Тургенева и Достоевского, что этот народ свободным порывом освободил болгар, лил кровь за сербов, спасал Европу. Вы не хотите понять, что Россия уже давно тяжко больна и заслуживает самого нежного, самого братского попечения и сочувствия, а не ненависти и злобы. Вы должны знать, что двести лет антинационального режима создали для русского народа величайшие несчастья, оторвали от него его верхний класс, извратили его самосознание, создали невыносимую и нелепую государственную обстановку и, наконец, расслабили и унизили наш великий народ. Неужели же не величайший грех Ваше гордое к этому народу презрение?

Сумейте же в Вашем ответе загладить этот грех! Сумейте, как глубоко справедливый, разумный и христианский народ, в эту ужасную минуту подняться выше политического раздражения, сумейте сказать России слово благодарности за прошлое, доверия и любви на будущее. Дайте нам понять, что мы не только *не в праве* подчинять Вас нашей опеке и принимать меры недоверия и самосохранения, но что в этой опеке и этих мерах *нет никакой надобности*, ни смысла, что их принимать *грешно*, что свободная Финляндия, независимая от русской бюрократии, сослужит создавшему и взлелеявшему ее русскому народу честно свою службу, даст сама добро-

вольно все то, что нужно для блага общей державы, разделит с нами все справедливые тяготы, не будет жаться угрюмо в своем углу, а братски пойдет с нами рука об руку, что враги России и смутьяны не найдут у Вас впредь ни прибежища, ни сочувствия.

Только на таком языке поймет Вас Россия, только такой голос отзовется в ее душе! Только в ответ на такой призыв молча произнесет русская совесть то магическое слово, которое высушит чернила на царском пере. И та самая толпа сбитых презренными агитаторами с толку наших законодателей, которая сейчас способна провести глубоко несправедливый и позором имеющий лечь на Россию закон[284], завтра в душе поблагодарит Вас, что, спасая себя, Вы спасли честь и достоинство России, не загрязнили души народа-богоносца бесчеловечным актом, столь естественным при нашей умственной анархии, в нашем хаосе разбушевавшихся страстей и национальном раздражении.

Кончаю искренним пожеланием: да поможет Вам Бог стать на ту нравственную высоту, какая нужна для великого вопроса, перед Вами поставленного, и найти тот ключ, который откроет Вам душу Русского народа и сердце его Самодержца.

На Благовещение 1910 года. СПб.

ДИКТАТОР. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

ДИКТАТОР

I

И Петербург, и провинция были как громом поражены объявленным Сенату Высочайшим Указом, в силу коего ввиду объединения власти и прекращения смуты, грозившей полным разложением государству, назначался Верховным Императорским Уполномоченным по всем частям гражданского управления и Главнокомандующим армией и флотом командир Красногорского полка полковник Иванов 16-й с производством в генерал-майоры и назначением генерал-адъютантом.

Об этом полковнике Иванове 16-м никто не имел ни малейшего понятия. Газетные репортеры не могли дать решительно никаких сведений. Бросились в Военное министерство, но там могли только узнать, что полковник Иванов 16-й действительно существует, командует полком всего год, ровно ничем выдающимся не отмечен и имеет послужной список самый скромный и, можно сказать, бесцветный. Из дворян, воспитание получил в кадетском корпусе, затем прошел Павловское военное училище и Инженерную академию, откуда выпущен в строй. Командовал ротой в саперном батальоне. Ранен на рекогносцировке под Шахэ[285] и награжден золотым оружием. Лет от роду 35. Женат, и жена имеет 420 десятин в Новгородской губернии. Вот и все.

Этот формуляр ровно ничего не говорил. Таких офицеров у нас тысячи, и почему именно на Иванове 16-м остановился выбор Государя, являлось ничем не объяснимым. Больше всех были заинтригованы придворные сферы, где о будущем диктаторе никто не имел ни малейшего понятия и само имя Иванова никогда не произносилось.

Не знали даже, где новый правитель государства. Газетные сведения были противоречивы. Одни газеты сообщали, что Иванов уже в Петербурге и находится в Царском Селе, другие, что он едет откуда-то с Дальнего Востока.

Недоразумениям положила конец краткая заметка, появившаяся на следующий день в «Правительственном Вестнике»:

«Верховный Императорский Уполномоченный, сегодня, в 11 часов утра, будет принимать в Зимнем дворце гг. министров, членов св. Синода и Правительствующего Сената».

II

С 10 7_2 часов утра на Дворцовой площади начали вытягиваться несколько линий карет и колясок, а в залах столпившиеся первые чины государства в полной парадной форме с волнением и тревогой ожидали выхода молодого диктатора.

Ровно в 11 часов в Георгиевский зал, где огромным покоем разместились присутствовавшие сановники, вышел генерал-адъютант Иванов.

Это был совсем еще молодой генерал, среднего роста, худощавый, с красивыми чертами лица и острыми, насквозь пронизывавшими, серыми глазами. Он вышел просто и уверенно, подошел под благословение митрополита Антония[286], сделал общий поклон и громким, металлическим голосом сказал следующее:

«Ваши высокопреосвященства и милостивые государи!

Его Величество Государь Император, нравственно истерзанный и измученный вот уже третий год тянущеюся смутой, грозящей России разложением и гибелью, решил положить ей конец и для этого призвал меня и облек Своим высоким доверием и властью. Эту власть я решился принять только как полную, единую и безусловную. Умиротворив Россию, восстановив в ней всеобщее доверие, твердую власть, свободу и порядок, я сложу мои полномочия к стопам Монарха и вернусь к моему скромному делу. Знаю хорошо, что меня ожидает, и готов к этому. Меня могут убить сегодня, завтра или в любую минуту. Но мое место займет тотчас же другой, столь же вам неизвестный Иванов, за ним третий и т.д.; преемственность наша уже намечена и установлена и перерыва в работе не будет никакого. Программа определена твердо и будет выполнена неуклонно. Она очень проста.

Россия тяжко больна — ее нужно вылечить. Лекарство для великой страны — не теория, не доктрина, а здравый смысл. Он затуманился и исчез у нас за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. Его надо отыскать и восстановить, и тогда только станет возможно правительству править, а народу жить.

В этом вся моя программа, и другой у меня нет никакой. И вот я приглашаю вас: вы, отцы и владыки, приложите все усилия оживить и восстановить деятельность Церкви. Безотлагательно должен быть созван российский поместный Собор. Без колебаний и шатаний должна православная Церковь подать свой руководящий голос и указать народу его высшие цели и обязанности. Вам, владыка святой, как первосвятителю Церкви Русской, предстоит сказать твердое и мужественное слово, и я прошу вас не дальше, как завтра, произнести достойное вас слово с соборной кафедры. Оно должно быть повторено в церквях всей России и пронестись как благовест. О подробностях условимся сегодня.

Вас, господа Сенат, как представителей единственного нерасшатанного смутою высшего учреждения России, я прошу твердо встать на защиту закона и порядка. Моим первым шагом должно быть восстановление значения Сената, как высшего правящего органа в Империи, и я прошу гг. первоприсутствующих без малейшего промедления представить мне свои об этом соображения. Вам вскоре предстоит широко поработать в вашей законной роли государственного административного суда, перед которым я поставлю очень крупных обвиняемых. И если правде суждено воссиять в России, это будет венцом ваших, господа, усилий.

Наконец, с вами, господа министры и начальники правящих ведомств, мне предстоит подробная беседа с каждым в отдельности. Здесь я должен сказать вам, как объединенному кабинету, только одно — что именно единства не доставало вам до сих пор, столько же единства замысла и творчества, как и единства исполнения. Наши ведомства, во-первых, совсем не знают России, во-вторых, до сих пор представляли не части одного великого организма, а особые государства, вернее — страны света, связанные только тем, что нарисованы на одном глобусе. Я постараюсь дать вам это единство, а вас прошу дружно и добросовестно мне в этом помочь».

III

Произнесенная ясно, просто и со спокойной уверенностью речь произвела на присутствующих сильное впечатление. Сделав снова общий поклон, генерал-адъютант Иванов удалился из залы. Митрополиты, архиереи и сенаторы двинулись к выходу, министры столпились в кружок, обмениваясь впечатлениями.

— Г. председатель Совета министров, Императорский уполномоченный просят вас к себе, — провозгласил дежурный адъютант.

Столыпин отделился от группы министров и направился в небольшой кабинет, где был Иванов. Двери затворились, и они остались одни.

— Садитесь, — начал диктатор, — и выслушайте меня внимательно. Моей первой мыслью, получив это назначение, было расстаться с вами. И не только расстаться, но торжественно предать вас суду, как одного из главных виновников обострения смуты. Вы, вместо того, чтобы предостеречь Государя и честно открыть Ему глаза на все безумие второго парламентского опыта в России, стали сами усердно играть в конституцию. Вы доверились темной личности — господину Крыжановскому[287] и стали устраивать с ним выборную комедию; вы развели гнусную официозную печать, вроде вашей «России», которая только компрометирует правительство. Вы пошли в народ с подкупом и соблазном, бросая в грязную агитацию правительственные мероприятия, ломавшие и законодательство, и все устои народного быта, чтобы только задобрить деревню и выиграть мужицкие голоса. Это называлось у вас законодательством по 87-й статье! За одно это вы уже заслуживаете самого строгого суда.

— Таково было единогласное требование и общества, и народа, — пытался оправдаться министр.

— Это была ваша фантазия. Ваши меры вызвали общий и дружный протест со всех сторон. Но самое ужасное — это то, что новые законы жестоко скомпрометировали саму идею власти. Народ понял, что бюрократия готова на всякую ломку, на всякую подачку, лишь бы сохранить за собой власть. Поняли, что вы хлопочете не о благе России, а об успехе на выборах. И что же? Получили ли вы, чего хотели? Нет, вас закидали черняками, вам прислали социалистов, анархистов и смутьянйв в еще большем числе. Не правда ли, как хорош ваш парламент! Как хороши вы, которые бегаете туда фехтоваться со всякими Озолями[288], Алексинскими, Зурабовыми!

Столыпин молчал.

— Затем все ваше управление было рядом самых постыдных колебаний, простите мне это выражение, — сплошным вилянием хвостом. Одной рукой вы поддерживали монархические организации, рисуясь перед ними чуть не черносотенцем. Другой рукой вы удерживали местные власти от всяких серьезных мер против анархии. Вы шли на уступки там, где об уступках не могло быть и речи, где только твердость власти и могла произвести нужное впечатление-

Диктатор замолчал на минуту и, не слыша возражений, продолжал, смягчая тон:

— Но я должен быть справедливым. Рядом с этими темными сторонами вашей деятельности есть и светлые, и ради них вам не только можно простить то, что вы наделали, но и возможна дальнейшая работа с вами. Вы не испугались военно-полевых судов - это раз. Вы обновили состав полиции, и особенно губернаторов, и подняли ее на большую высоту — это два. Вы все-таки осадили революционные элементы в Думе — это три. Вы лично мужественный и толковый работник, не боящийся ответственности. Заменить вас было бы трудно. Рука об руку с вами мне удастся сделать многое. Могу я на вас рассчитывать, но уже, разумеется, не на первой роли, а на второй, как исполнителя?

Иванов протянул руку.

— Честно, искренне, душа в душу? Наград у меня для вас никаких нет. Наша награда — благо Родины и суд истории. Жертвы и опасности сплошные, да вы это сами хорошо знаете. Не сердитесь же на меня за горькое слово и будем работать.

Столыпин молча пожал протянутую руку. Собеседники взглянули друг на друга и сердечно обнялись.

IV

Министр повернулся было, чтобы уходить, но Императорский уполномоченный остановил его:

— Еще два слова. Время дорого, и я буду краток. Слушайте же и примите к сердцу то, что я вам скажу. Парламентаризм в России, как вы сами теперь видите, ложь и обман. Возврат к старому режиму невозможен. Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на новый путь. Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под нее нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент — широкое самоуправление, которое должно всецело заместить бюрократию. Все будущее России в земстве, поставленном как первооснова государственного здания. Выделите из области государственной работы все, что имеет местный характер, — только тогда со своим делом будет в состоянии справляться центральное правитель-

ство. Местную работу отдайте самоуправляющимся земствам. Организуйте уезд в совершенно самостоятельную единицу. Группа уездов, однородных по этнографическим, хозяйственным и бытовым свойствам, должна составить самоуправляющуюся область, обнимающую район нескольких губерний. Это должно быть нечто вроде штата Северной Америки. Вот наш тип государства. Союз этих штатов с Самодержавным Царем во главе и будет искомой нашей государственной организацией. Только при этих условиях станет возможной работа центрального правительства, только при такой постановке самодержавия на основах самоуправления будут обеспечены как свобода от нынешней чудовищной надо всем опеки бюрократии, так и порядок, ибо настоящего порядка из Петербурга устроить нельзя, не обращая всей страны в огромные арестантские роты.

Областное деление намечается само собой; его требует и указывает жизнь, его не нужно выдумывать, а только развить и завершить. Смотрите: Финляндия, Польша, Прибалтийский край, Кавказ, Туркестанский край — все это области уже совершенно очерченные. Организуйте по областям и остальную Россию. Что общего между Северным краем и Малороссией, между Заволжьем и черноземным или промышленным районами? А Сибирь? Каким ярким ключом забьет повсюду жизнь, как воспрянет русский человек, когда окончится наш проклятый Петербургский шаблон и всеобщее обезличение! И как будет легко править двумя десятками областей, вызвав в общий центр их лучшие рабочие силы и из них составив все государственные органы. Это будет государственное устройство, которому позавидует Америка. Какой чудный облик и какую несокрушимую силу приобретет Русский Самодержавный Царь, окруженный не оподлевшей бюрократической кастой, не гнилой придворной средой, а истинными выборными всей земли, ее лучшими работниками!

— Вы вводите автономизм и федеративное начало. А если это будет ослаблением государственного единства России? — заметил Столыпин.

— Оставьте эти пошлые книжные определения, — живо возразил диктатор. — Мысль об областях взята не из книжки; она красной нитью проходит через всю русскую историю. Полное самоуправление областям давал Иоанн Грозный. Областное деление являлось

необходимым условием для каждого самостоятельного русского государственного ума от Пестеля[289], либерала и революционера, до крайнего консерватора Фадеева[290]. Я глубоко верю, что государственная связь России не ослабнет, а только окрепнет при широком областном самоуправлении. Отчего так легко править Вильгельму как германскому императору? Да оттого, что вся местная работа лежит на союзных правительствах, что все эти Баварские, Саксонские и Виртембергские короли суть только председатели местных земских управ и несут на себе всю черновую работу управления. Вы говорите: ослабнет связь. А нынешнее полицейское единство прочно? Неужели вы не замечаете, что эта связь совершенно сгнила и, если мы не дадим другой, свободной и широкой, то Россия развалится от одной ненависти своих составных частей к Петербургу? Вон, Менделеев[291] и карту областей дал.

Иванов остановился и взглянул на часы.

— Простите. Серьезный и подробный разговор об этом впереди. В этом главная наша реформа, и я уверен, что когда вы хорошенько вдумаетесь в вопрос, я найду в вас самого ревностного и убежденного сотрудника.

Диктатор подал Столыпину руку и проводил его до двери.

V

— Статс-секретарь Коковцов! — провозгласил адъютант.

Министр финансов вошел и приготовился слушать. Диктатор начал без всяких предисловий.

— Мне предстоит, Владимир Николаевич, здесь же, в беседе с вами решить вопрос о возможности совместной работы. Должен вас предупредить. Я не финансист, а дилетант. Но, следя за всем движением общественной и государственной жизни, я не мог не видеть, что в основе хода и той и другой лежит экономическая политика государства. Сытая и благоденствующая страна — плохой материал Для революции. В разоренной и голодающей, наоборот, неудержим никакой порядок, никакой гражданский строй. Естественно, что я счел своим долгом хотя бы настолько ознакомиться с экономикой и финансами, чтобы не стоять, беспомощно разинув рот, перед специалистом. Это в виде предисловия, а теперь перехожу к делу. Как вы смотрите на финансовое положение России?

— Без займа нам не выйти. Но так как ваше назначение связано, как можно думать, с немедленным роспуском Думы, то я совершенно не вижу возможности сделать заем.

— На займы ставьте крест, Владимир Николаевич. Их больше не будет. Давайте думать, как выйти без займа.

— Если мы не заключим займа, будет дефицит примерно в 300 млн руб. Мы можем, конечно, расходовать наш золотой запас, но в таком случае валюта неудержима и наступит крах.

— А вы, конечно, стоите за поддержание золотой валюты?

— Я не могу себе представить большего несчастья, как возврат к бумажным деньгам, колеблющемуся курсу и т. д. Неужели Россия приносила такие жертвы для установления у себя хорошей и прочной денежной системы, чтобы в один прекрасный день пустить все насмарку?

— Хорошо. Я не стану вас опровергать, но я предложу вам, как министру финансов, ответить не следующий вопрос. Сельское хозяйство, ни частное, ни крестьянское, не может идти без оборотного капитала. Денег в народе нет вовсе. Деревня разорена совершенно. Отсюда — всякие аграрные вопросы, стремление захватить помещичьи земли, возможность новой пугачевщины. Первое средство успокоить сельскую Россию — это влить в деревню посредством мелкого кредита по меньшей мере миллиард рублей. Ваша денежная система может это сделать или нет?

Коковцов вынул из кармана бумажку и подал диктатору.

— Вот справка о состоянии средств наших главных банков в эту минуту. Никакого безденежья не замечается, кассы полны.

Иванов вспыхнул.

— Неужели же вы не понимаете, что эта справка не опровергает, а только подтверждает то,' что я говорю? Да, в банках скопились свободные средства, потому что остановились все промышленные дела, закрыты кредиты, никто не платит, банковские кассы должны иметь огромные резервы в наличности. Да, в банках деньги есть, но в деревню не попадает из них [ни] одной копейки. Вы сами останавливаете всю промышленность, так как держите учетную норму в 7 $У_2$ процентов по 3-месячным векселям, заставляя частные банки брать 10 и 12. Какое промышленное дело может это выдержать? Я ставлю вам совершенно определенный вопрос: можете ли вы создать для народного кредита капитал в миллиард рублей и притом своими средствами, без всяких займов?

— Машин в экспедиции достаточно, можно напечатать хоть пять...

Диктатор сделал нетерпеливое движение, но сдержался.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы грозите, что можно сорвать валюту и начать наводнять Россию бумажками, да? Хорошо. Пусть вы правы. Но тогда, что же по-вашему? Стеречь валюту, отказаться от поднятия хозяйства и устройства народного кредита? Оставить деревню в том ужасном виде, как сейчас? Продолжать строить государственный бюджет на спаивании и обирании народа? Ответьте же мне, как *вам* представляется выход? Покажите положительную сторону вашей программы, или вы предпочитаете жить со дня на день?

— Ваше превосходительство! У меня есть мои твердо сложившиеся воззрения. Я не сторонник финансовых экспериментов и могу вам поручиться, что не я буду тот министр финансов, который вывесит объявление в Государственном банке о прекращении размена.

— Высоко ценю твердость вашего характера и просил бы вас ответить мне на последний вопрос. Вы знаете, чего я хочу. Кто мог бы ответить этим задачам в роли министра финансов? К кому мне обратиться?

— Да чего ж лучше? Вот вам Сергей Юльевич. Он уже категорически отрекается от золотой валюты и будет готов на всякие реформы, какие вам угодно.

— Нет, с Витте у нас будет разговор совсем о другом.

— Ну, тогда возьмите Шипова. Иван Павлович уже писал, кстати, и доклад об уничтожении золотой валюты.

VI

Вслед за Коковцовым в кабинет диктатора был вызван Государственный контролер. Шванебах[292] вошел истым царедворцем, с приятнейшей улыбкой и низким поклоном.

— Бью челом представителю молодости, свежести и энергии. Ваше превосходительство, омолодите нас, стариков...

— Садитесь, Петр Христианович, и будем кратки. Я нарочно пригласил вас после Коковцова, с которым мы, кажется, больше не увидимся. Вы о нем сожалеть не будете?

— Ваше превосходительство, у Мопассана[293] есть прелестный Рассказ...

— Нет, Бога ради, оставим Мопассана. Вы единственный человек, хорошо знакомый с нашими финансами, у вас огромный опыт, вы дали прекрасные работы по финансам. Нынешняя финансовая система никуда не годна и привела нас к разорению и революции. Нам остается два выхода: или перейти к нашей старой серебряной валюте, которая даст нам нужные средства для подъема народного хозяйства, или сделать шаг еще более смелый и перейти прямо на бумажные деньги. Я хочу услышать ваше мнение.

— Я должен покаяться — вы меня ставите в затруднение. Я не сторонник политики графа Витте и писал против золотой валюты, но я еще менее склонен рекомендовать переход к серебру и уже считаю совершенной ересью бумажные деньги.

— Но тогда я вас совсем не понимаю. Если не золото, не серебро и не бумажки, то тогда — что же? Четвертого, сколько мне известно, ничего не открыто. Между тем мне нужен выход.

Диктатор повторил сказанное Коковцову по поводу народного кредита и поставил Шванебаху тот же вопрос. Контролер выслушал внимательно и, казалось, был в величайшем затруднении.

— Признаюсь, ваше превосходительство, Вы застаете меня совершенно врасплох. Это надо обдумать. Усиление денежного обращения целым миллиардом рублей независимо от вопроса, как эти деньги получить, вносит такое усложнение в государственное хозяйство, которое учесть очень трудно.

— Да, но это требование безусловное. Если ему не может удовлетворить современная денежная система, значит, она никуда не годится и нужна иная. И вот об этом я и хотел услышать ваше мнение.

— Я могу сказать только одно: золотая валюта неудержима. Поддерживать размен ценой народного разорения немыслимо. Покинуть ее необходимо. Я думаю, что было бы возможно, не связывая себя ничем, допустить некоторое падение курса и затем удерживать его в благоразумных пределах.

— Что же это будет такое? Золотая система без размена на золото? Впрочем, пусть себе называется как угодно, только достаньте средства для народного кредита.

— Но выпущенный миллиард рублей сделает курс неудержимым, уронит его стремительно!

— Почему? Разве это не будет вполне производительная затрата? И каким образом знаки, которые войдут в народное обращение

и будут им удержаны, могут уронить курс? Какое действие этот миллиард обнаружит на наш расчетный баланс?

— Повторяю вашему превосходительству, что я не могу так сразу ответить на ваши вопросы. Я полагал, что наша беседа пойдет по ближайшему предмету моего ведомства.

— А что же говорить о вашем ведомстве? У вас давным-давно установился девиз, которому и вы неукоснительно следуете: *ни с кем не ссориться*. При бюрократическом строе контроль как *ведомство* иным быть и не может.

— Как же надеетесь изменить это положение?

— По-моему, в таком необъятном государстве, как Россия, контроль не может быть «ведомством». Эта деятельность, составляющая главную силу государственной власти и важную задачу управления, должна принадлежать такому же специальному высшему установлению, как Сенат, стоящему непосредственно около Монарха и составленному из земских выборных людей. Затем контроль государства, стоящий выше всяких партий, пристрастий и местных интриг, должен идти в самую глубину местной жизни и проникать в самоуправление до последней общественной ячейки. Здесь государство должно быть абсолютным, полновластным и неумолимым:

— Какая огромная задача!

— Да, и именно в вашем ведомстве множество молодых сил для ее прекрасного выполнения. Но благодаря вашим верхам, эти силы совершенно пропадают...

VII

Государственный контролер откланялся, и вслед за ним появился Кауфман[294], министр народного просвещения.

— Ну-с, господин командир без армии, — начал диктатор, указывая министру на кресло против себя, — где же мы с вами будем разыскивать русское просвещение? Осталось ли у вас хоть одно высшее учебное заведение работающее?

— Да, дело плохо. Революция захватила всю молодежь поголовно.

— При добром содействии начальства. Не правда ли, как вовремя Дана автономия? Но все-таки, что же вы предполагаете делать? Как вы смотрите на будущее?

— Я думаю, что успокоение молодежи стоит в тесной зависимости от общего успокоения страны. Когда все войдет в норму, тогда и в учебных заведениях кончатся волнения... Мы теперь стараемся спасти что можно. Пусть хоть некоторая часть студенчества выдержит экзамены и не будет выброшена на улицу.

— Это не экзамены, а позор, — гневно перебил диктатор. — Министерство закрывает глаза на самые вопиющие безобразия и хлопочет только о том, чтобы как-нибудь соблюсти внешнюю видимость. Я знаю, как держатся экзамены. Студент берет билет и тут же в сторонке прочитывает соответствующую часть курса по тетрадке. И что бы он ни говорил, какую бы дичь ни нес, профессор не смеет поставить плохую отметку, потому что центральные органы объявляют бойкот, делают насилия. И с этим все мирятся, это называется государственными экзаменами! Безграмотные люди с дипломами высшего образования!?

— Я не вижу, каким образом мы могли бы в это дело вмешаться.

— Это несчастное поколение насквозь отравлено, — не отвечая министру, продолжал диктатор. — Нужно спасать, по крайней мере, будущие поколения, спасать русскую науку. Я не верю в возможность казенной науки, казенной школы, кроме, конечно, школ специально военных и морских. Казенная наука есть величайшая ложь, которую мы когда-нибудь видали. Необходимы решительные и крутые меры. Автономия казенных университетов — чудовищный самообман. Необходимо дать науке полную свободу, полный простор. Пусть каждый учится где угодно, чему угодно, у кого угодно. Задача правительства — только надзор, чтобы публичная школа не развращала учащихся. Отсюда вывод: всякие дипломы должны быть уничтожены, все казенные ёысшие школы упразднены. Университетские здания, лаборатории, разные пособия, библиотеки и пр. могут сдаваться в аренду группам профессоров, которые пожелают открыть тот или иной факультет. Расходы должны покрывать сами учащиеся. Есть ли что безнравственнее, чем брать деньги с нищего народа, чтобы воспитывать современную невежественную и гнусную интеллигенцию? Затем средняя и низшая школа. И здесь принцип тот же: казне, правительству, кроме надзора, делать нечего. Пусть родители сами основывают школы, какие им угодно, и за свой счет. Низшие школы пусть основывают и содержат приходы и селения, средние города и земства...

— Но у нас уже принят принцип всеобщего обучения...

Диктатор вспыхнул.

— Не говорите мне об этой гнусной и безнравственной затее. Мир не видал большего насилия, чем это обязательное вколачивание казенной науки там, где ее совсем не желают. Знаете ли вы, что всеобщее обязательное обучение есть только средство в руках республиканских и масонских правительств перевоспитать по-своему народ, потушить в нем исторические, национальные и монархические чувства, убить веру и поставить в полное подчинение бюрократии? Желать этого для России может только ее предатель и злейший враг. Русский народ жаждет неудержимо просвещения, но в своем историческом, бытовом и христианском духе. Помеха ему только бедность. Улучшите экономическое положение народа, освободите Церковь, устройте широкое самоуправление, и вся Россия без казенной палки покроется школами, и эти школы понесут свет. Найдутся и подвижники для этого дела. Только лишь бы к нему не смел даже издали прикасаться чиновник.

Диктатор помолчал немного и круто переменил тему разговора.

— Теперь о вас лично. Вам наша высшая школа обязана в огромной степени ее нынешним ужасным положением. Вы все время с вашим гениальным Герасимовым[295] оказывали попустительство всяким безобразиям, а главное, вы разрешили прием евреев без нормы. Полюбуйтесь на университеты киевский, московский, одесский.

— Я этого ожидал, — грустно сказал Кауфман, — и моя отставка в кармане.

— Благодарю вас. Передайте ее председателю Совета.

VIII

Генерал-адъютант Иванов взглянул на часы и сказал адъютанту, провожавшему министра юстиции ГЦегловитова[296]:

— Уже половина второго, в три я в Думе. Будьте добры передать гг. министрам, что сейчас я приму только князя Васильчикова[297]. Прошу садиться, — обратился диктатор к ГЦегловитову и прибавил:

— Что нам делать с судом?

Министр грустно поник головой.

— Половина магистратуры в рядах революции. Но это не открытые бунтовщики, о нет! Это добродетельные служители 20-го числа

и пакостят своей Родине исподтишка. Скажите, задумывались ли вы над тем, как вернуть этих господ к сознанию долга?

— Это страшно трудно. Судебное ведомство развращалось давно и совершенно упало при Муравьеве[298]. Чтобы подвигаться вверх, нужно было быть отъявленным карьеристом. Это и сказывается теперь, когда делает карьеру не исполнение долга, не честь и доблесть, а революция. Вопрос почти неразрешимый.

— И однако его во что бы то ни стало надо решать и решать быстро, ибо при потворстве суда справиться с анархией невозможно. Что сказали бы вы на такой прием: произвести основательную чистку верхов, чтобы навести страх на низы?

— Боюсь, что слишком многих придется увольнять...

— А я, наоборот, думаю, что в вашем ведомстве тон всей судебной корпорации дает десяток, много — полтора лиц. Важно только разбить уверенность, что именно эти лица неприкосновенны, хотя бы даже председательствовали на революционных митингах. Но этим вопросом мы успеем еще заняться, а главное на очереди дело — это наши тюрьмы и политические заключенные. Вот где истинное государственное бедствие и самая большая опасность для России. Скажите, у вас по этому вопросу никаких предложений не возникало?

— Обсуждалась амнистия...

— Мне кажется иногда, что русских гг. правящих Бог минутами вовсе лишает разума. Амнистия, то есть освобождение тысяч заведомых революционеров, озлобленных и абсолютно непримиримых! Неужели в этом есть хотя капля здравого смысла?

— Но и такое положение, как сейчас, невозможно.

— Разумеется. Выход необходим, и выход немедленный. Вот из какого принципа я исхожу: нет никакой возможности считать всю эту революционную молодежь преступниками. Даже самые закоснелые, самые кровавые между ними должны рассматриваться только как больные, в крайнем случае, как помешанные. Правительство, которое всю эту молодежь сначала подготовило, затем своими преступлениями, глупостью и трусостью бросило в революцию и сделало преступниками, не имеет никакого нравственного права ни казнить их, ни даже карать. Неужели человека, бросающего бомбу среди толпы женщин и детей, можно считать нормальным и ответственным? Его нужно лечить, как лечат безумцев. Но ваш тюремный режим не лекарство, а окончательная гибель для юноши. Он

поднимается вами в герои, он закаляется лишениями и страданиями и теряет всякую возможность возродиться. С другой стороны, оставаться среди общества он не может. Что же делать поэтому? Мне представляется единственный план, который очень прошу вас принять к сердцу и надлежащим образом обсудить. Всю эту революционную молодежь необходимо изолировать, но не по тюрьмам, а на чистом воздухе, в совершенно глухой местности, в деревне. Представьте себе, что где-нибудь в хорошем климате вы отделяете тысяч двадцать или тридцать десятин, строите временные бараки, или датские домики, что ли, устраиваете сельское хозяйство в целом ряде хуторов и разные технические производства и пускаете туда всю содержащуюся у вас безумную молодежь, предоставляя ей устраивать социальный распорядок, какой ей угодно, на полной свободе, но с безусловным запретом всякого общения с внешним миром. Все средства для правильной работы и дальнейшего образования государство должно дать, а главное — прекрасную серьезную библиотеку. Кругом — военный кордон, предупреждающий всякую возможность побега. Прежде всего вы очищаете от политических все тюрьмы и все места ссылки, отправляя всех туда. Затем туда же пойдут все, кому не по нутру современный общественный строй и кто желает силком насаждать строй социальный. Пожалуйте, господа, изучите сначала на опыте, в самых благоприятных условиях. Таким образом, у вас скопятся в одном месте все герои революции и апостолы социализма. Выигрыш будет огромный, так как теперь эти господа только разносят политическую заразу. Затем всякому мученичеству конец. Ореол героя сменяется простой горячечной рубашкой. Это тоже плюс немалый. Наконец, экономия. Содержание этих господ в таком лагере будет стоить неизмеримо дешевле для казны, чем теперь, — там все будут обязаны работать. Вы себе представляете, что получится?

— Я думаю, прежде всего, эти господа страшно все перегрызутся.

— Это ничего, лучше сказать, это-то и хорошо. Теория всеобщего равенства и социального рая на земле окажется сразу несостоятельной. Явится чрезвычайно деспотическое начальство, против которого пойдут восстания и революции, и, наконец, все хором станут звать городового. Но городовой через эту ограду переступить не смеет. Спасения от деспотизма и анархии не будет, — и этот ужас отрезвит очень многих. На наш старый презренный буржуазный

строй станут смотреть, как на нечто драгоценное и справедливое, в государстве будут видеть не деспотическую власть насильника, а беспристрастного защитника всех. И вот тогда приносите, господа, повинную, отрекайтесь от утопий и пожалуйте в наш старый мир. И поверьте, все придут, никого не останется, ибо утопия, логически развиваясь, не может не дать абсурда. Вы понимаете теперь, чем дорога эта идея и почему я ставлю ее на первый план? Только этим путем мы возродим самых закоснелых преступников, излечим самых безнадежных. Вот почему я буду очень вас просить: составьте специальную комиссию, пригласите туда хороших техников, агрономов. Разработайте мне подробно этот проект «Сумасшедшей» республики. Я даже место вам приблизительно намечу — где-нибудь около Оша, в Фергане, или по Иртышу между Семипалатинском и Усть-Каменогорском. В Европейской России такого уголка не найти. Сделайте также смету, чего все это будет стоить, и помните, что эту меру я считаю самой главной и самой неотложной в борьбе с революцией. А пока честь имею кланяться.

IX

Щегловитова сменил князь Васильчиков.

— Наш с вами разговор, дорогой князь, впереди, и он будет долгий и серьезный. Теперь я едва буду в состоянии наметить только главные темы. Надеюсь, что мне, как ученику и глубокому почитателю вашего отца, воспитавшемуся на его произведениях, вы поверите: я счастлив, имея вас в числе сотрудников, да еще по такому важному отделу, как земледелие и землеустройство. Время коротко и потому приступим прямо к делу. Скажите мне, во-первых, неужели это правда, что вы, сын князя Александра Илларионовича[299], стоите за уничтожение дворянского землевладения? Я этому не могу верить и потому вашей политики в этом несчастном аграрном вопросе совершенно не понимаю.

— Я боюсь, что дворянство осуждено историей и что наша задача — помочь ему благополучно и по возможности безболезненно ликвидироваться.

— Князь! Как грустно мне это слышать от вас! Какая жестокая ошибка думать, что русское дворянство свою роль уже закончило **и** должно уступить место демократии. Что такое демократия? Нацио-

нальное обезличение, пошлая нивелировка умного и глупого, культурного и дикого, упразднение всех традиций, гибель всякого гения и таланта и торжество грядущего Хама? Этого ли надо желать для России? Затем с упразднением дворянства вы социального умственного и экономического равенства все же не введете, значит, в общественном организме кто-нибудь будет занимать место верхнего класса. Кто же, позвольте спросить? Вы хороните русское земельное дворянство и желаете иметь американских ситцевых, нефтяных и стеариновых лордов? Вы снимаете герб и водружаете аршин. Я не отрицаю значения и заслуг русского купечества, но, простите меня, ни Карнеджи и Рокфеллеры[300], ни Саввы Морозовы[301] и Гучковы[302] роли дворянства не сыграют, а русское дворянство было лучшим из лучших. В нем никогда не было и тени сословного эгоизма.

— Я вовсе не отрицаю великого культурного значения нашего дворянства, но ведь перед нами же факт налицо: оно сходит со сцены, оно почти не борется ни за свою землю, ни за свое положение.

— О, как вы ошибаетесь! Оно не сходит со сцены само, его грубо выгоняют и упраздняют. В момент освобождения крестьян три четверти земельного дворянства погибло от невозможности организовать свое хозяйство при безумной и предательской тогдашней финансовой политике. Остальная часть кое-как приспособилась, но ее начала разорять и добивать финансовая политика Витте, сознательно подрывавшего дворянство. Теперь окончательно ликвидируете вы.

— Мы только облегчаем неизбежный естественный процесс.

— Бога ради, столкуемтесь. Неужели вы считаете нынешнее аграрное движение естественным процессом? Неужели вам не ясно, что весь аграрный вопрос заключается у нас в том, что голыми руками нельзя вести современного хозяйства, а вы заставляете это Делать и барина, и мужика. Чтобы иметь высокую земледельческую культуру, необходимо, чтобы на каждую единицу площади обращался значительный оборотный капитал. У нас его нет, так как Россия разорена и совершенно обезденежена. Отсюда мужик ковыряет кое-как свой надел и сидит голодный. Барин или вынужден закабалять мужика на свое хозяйство зимними наймами и безобразно низкой платой, или бросать хозяйство и обращаться в земельного ростовщика, раздавая земли в аренду за безбожную цену — безбожную при нашей безобразной культуре, конечно. Разве не

величайший абсурд, например, наши жалобы на постоянный рост земельных цен? Во всем мире этому радуются, этим гордятся. В Германии за десятину песка платят до 3 тыс. марок, у нас кричат, что 300 руб. за десятину великолепного чернозема грабительская цена. Да весь народ помешался на прирезке земли, на разделе помещичьей земли, на упразднении частных экономий, которые он возненавидел. Откуда это взялось, как не от истощения земель и недостатка оборотных средств, допускающего только хищничество? Денежных знаков у нас не обращается и 10 руб. на жителя, а много ли отсюда приходится на деревню? Когда мужик видит деньги? Что он думает о правительстве, спаивающем его водкой? Каким образом вы его, голодного, нищего, пьяного, научите уважать культуру, которой он не видит, и собственность, когда он весь окружен самым бесстыдным грабежом?

— Прибавьте сюда общину.

— Оставьте общину, князь. Она ни при чем. Она только равняла мужика, не давая России обезземелиться и разбежаться, куда глаза глядят. Община не отучает, а приучает к собственности. Но у нее собственность иного вида, чем у нас. Там она семейная и основана не на мертвой букве закона, а на верной расценке труда каждого из членов семьи. Эта расценка изумительно точна. Крестьянская девушка сегодня поденную плату несет большаку, а завтра прячет в свой сундучок, потому что это ее личный заработок. И попробуйте из этого заработка взять хоть копейку! Смешно и жалко смотреть на ваши усилия разложить общину и расселить мужиков на хутора. Попробуйте, измените национальный характер великоросса, который немыслим без улицы, без мира, без тесного соседства. Я смотрю на общиНу не как на тормоз, а как на лучшее орудие к поднятию сельского хозяйства, умейте только ее на это направить. И вот об этом именно я собирался с вами говорить. Спасение России не в перераспределении землевладения, не в уничтожении поместного класса и культурного хозяйства. Спасение — в народном кредите. С этим вопросом нельзя медлить дня, часа! Но это дело финансового ведомства, а не ваше. Ваше дело направить все усилия для технического подъема земледелия, для широкой организации агрономической помощи всех видов, для устройства переселений. Переселения не только устранят земельную тесноту, где она действительно есть, но и укрепят за нами окра-

ины. И я не знаю, какая часть вопроса важнее. Остановка переселенческого движения есть величайшее преступление, оно может нам стоить Сибири. Затем необходима самая широкая постановка продовольственного вопроса. Он должен быть вновь передан земству, но центральное им заведывание должно быть ваше. Государственный хлебный запас должен быть регулятором цен на хлеб и вместе с тем могущественнейшим рычагом к поднятию земледелия. И здесь земства будут естественными вашими органами. Усердно прошу вас немедленно же поставить этот вопрос на разработку в связи с реформой Крестьянского и Дворянского банков и мелиоративного кредита. Все это должно быть органически между собой связано.

X

К 2 часам министерские аудиенции были покончены. Наскоро позавтракав, генерал-адъютант Иванов направился к зданию Городской Думы, где были собраны человек триста рабочих от всевозможных фабрик и заводов Петербурга, частных и казенных. Выбраны были люди по указанию заводских управлений, самые толковые и авторитетные в своей среде. В зале, кроме рабочих, ожидали городские власти, гласные думы, группа заводчиков и фабрикантов. Городской голова держал на блюде хлеб-соль.

После краткого приветствия головы, на которое диктатор ответил несколькими словами, он подошел к рабочим и, беглым взглядом окинув их пеструю толпу, громко и внушительно произнес:

«Я вызвал вас, чтобы поговорить с вами, и прошу вас в мои слова хорошенько вдуматься, запомнить их и передать там у себя остальным. Его Величество Государь Император назначил меня Своим уполномоченным и даровал мне огромную власть, возложив на меня задачу прекратить смуту и привести Россию в порядок. И я надеюсь с Божьей помощью это сделать. Те, кто затеял в России революцию, начали с вас. Чтобы закончить революцию, я тоже начинаю с вас и говорю вам прямо: довольно безобразий! Стыдно русским людям разыгрывать стадо баранов и терять разум и совесть. Пора понять, что весь этот социализм, борьба труда с капиталом, профессиональные организации и прочее, все это ложь, вздор и только предлог для разных проходимцев забирать

власть над рабочими в свои руки и делать в государстве смуту, разоряя прежде всего самих рабочих. Скажите, что выгадали рабочие за эти несчастные три года? Разорили промышленность, разорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработных, попали под расстрел, озлились, озверели, потеряли образ Божий. Довольно, друзья мои! Знайте: лгут те, кто проповедует борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не может, ибо капитал и труд - союзники, члены одного организма, а не враги. Без труда капитал несостоятелен и мертв, без капитала труд немыслим вовсе. В любовном союзе капитал и труд делают чудеса, во вражде гибнут оба, но раньше гибнет труд. Капиталист остановил дело, свернулся и ушел, а рабочий выброшен на улицу, на нищету и голод. Рабочему хорошо только тогда, когда свободно и выгодно капиталу. Не завидуйте, а радуйтесь, если предприниматель наживает огромные барыши и богатеет. Это ваша прямая польза. Барыши возбуждают зависть в других, открываются новые дела, являются новые капиталы. Этим капиталам нужны рабочие руки, их не хватает, и вот капиталисты наперебой поднимают заработную плату. Весь результат развития промышленности идет в пользу рабочих. Стачкой и забастовкой можно капиталиста заставить пойти на разные жертвы. Но это победа непрочная и нездоровая. Капитал начинает бояться идти в дело, и в конце концов остаются без работы и разоряются рабочие. Небольшая часть останется на повышенной плате, а большинство очутится на улице. Это ли выигрыш?

Друзья мои! Экономические законы не нами выдуманы и нарушать их безнаказанно нельзя. Раз начинается борьба между капиталом и трудом, — конец один и другого быть не может: разорение рабочего, разорение всей промышленности, дороговизна товаров, выгода только для иностранных фабрикантов. Этого ли должны мы добиваться? Вот почему я должен прекратить эту борьбу в самом корне. Прочь все эти ваши союзы, профессиональные организации и прочее! Интересы рабочего должны и будут защищать закон и правительство, а не разные проходимцы, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего — закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школу детям, и пенсию на

старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему. Я считаю стачки рабочих столь же недопустимыми и преступными, как и всякие синдикаты хозяев, союзы и локауты. И я твердой рукой водворю у вас законность, и первые же рабочие скажут за это спасибо.

А затем, господа, мое последнее слово. Революция и всякие безобразия кончены, и ни о чем подобном не может быть более речи. Всякую попытку бунта я раздавлю твердой рукой и не остановлюсь перед самыми решительными, самыми жестокими мерами. Вы, рабочие, — только ничтожная часть русского народа и не вам распоряжаться судьбами России. Ваша сила — кучность, толпа. Но Россия еще вооружена, и армия цела. Патронов хватит, и вверх стрелять не будут. Поэтому скажите вашим, что не должно быть и мысли о каких-нибудь демонстрациях или выступлениях. Шутить я не буду. Гоните в шею всяких ваших ораторов и агитаторов и мирно, дружно, любовно за работу! Надо во что бы то ни стало успокоить столицу и возвратить всеобщее доверие.

Диктатор обратился к группе фабрикантов и прибавил:

- Вы слышали, господа, что я говорил рабочим? Теперь мое слово к вам: будьте добры, сами, без понуждения, установите добрые распорядки, пересмотрите и проверьте надежность вашего служебного персонала, чтобы не давать ни малейшего повода к какимнибудь жалобам. А главное, примите меры, чтобы поставить на работу несчастных, выбитых из колеи, безработных. За спокойствие, порядок и свободу труда я отвечаю вполне, прошу мне в этом верить.

Генерал-адъютант Иванов сделал общий поклон и тронулся к выходу.

XI

Императорскому Уполномоченному были отведены апартаменты в Зимнем дворце. К его возвращению из Думы в приемной дожидались вызванные граф Витте, начальник Главного управления печати Бельгард[303], военный министр и командиры полков вместе с другими начальниками отдельных воинских частей Петербургского гарнизона.

Диктатор сердечно пожал руки министру и военным товарищам.

— Располагайтесь, господа, курите, беседуйте. Мне надо несколько минут переговорить вот с этими господами, и затем мы устроим небольшое совещание. Граф Витте, пожалуйте.

Уполномоченный и отставной председатель Совета Министров прошли в кабинет.

— Я вам очень признателен, генерал, — начал граф Витте, — что вы изволили меня вызвать. Рад буду вам помочь, чем могу. Мой опыт, мои знания, все к вашим услугам.

— Очень сожалею, что не придется ими пользоваться, — сухо остановил Витте диктатор. — Я вызвал вас не за этим...

Витте побледнел.

— Я считаю вас родоначальником и главной пружиной революционного движения в России. Как министр финансов, вы вашей политикой разорили Россию и подготовили то положение вещей, в котором застала нас Японская война. Вы развратили все правительство, печать, общество, вы убили народную честь и совесть. В Портсмуте вы заключили преступный мир и предали Россию и, наконец, как глава правительства вы устроили ряд революционных выступлений, чтобы вырвать у Государя несчастный манифест 17 октября. Все это, взятое вместе, дает такую ужасную картину измены и предательства, что я не затруднился бы расстрелять вас в 24 часа. Я умолял Государя разрешить мне предать вас Верховному суду, как государственного изменника, и с вас начать очищение России. К несчастью, Государь не дал на это своего согласия. Все, на что он меня уполномочил, это предложить вам немедленно и навсегда покинуть Россию. Преклоняюсь перед бесконечной добротой Государя и даю вам сроку... сколько вы желаете?

— Простите, генерал, — произнес Витте, уже успевший несколько оправиться от первого впечатления. — Я этому решению подчиниться не могу. Я не чувствую за собой ни одной из тех вин, в которых вы меня обвиняете. Я действовал по чувству долга, по совести и крайнему разумению. Кроме того, каждый мой шаг бывал всегда известен Его Величеству и Им одобрен. Я требую над собой суда и на этом суде, кого бы вы моими судьями ни поставили, сумею оправдать каждый свой шаг.

— Вплоть до последних бомб в печах, не правда ли? Да, я понимаю вашу мысль. Вы, я знаю, запаслись документами, вроде пресловутого журнала заседания в Царском Селе, когда речь шла о занятии Порт-

Артура. Вы хотите сделать Государя участником ваших преступлений, другими словами — свалить все на Него. О, разумеется, вы, как истинный бюрократ, на каждом шагу устраивали себе надежное прикрытие. Но, поверьте мне, я бы этого не побоялся. Я сумел бы показать, как вы обманывали Государя и подготовляли Его волю к тем актам, которые были вам нужны, а затем предавали Его. Вы рассчитываете на евреев и на нашу революционную печать. Да, вы отчасти правы; вы устроили бы себе грандиозное торжество, новую и огромную рекламу. Какой ценой — вам это все равно. Нет, Государь это хорошо взвесил: вам этого торжества давать нельзя. Так вот-с, какой срок угодно вам назначить?

— А если я не поеду?

— Вы будете арестованы немедленно, прямо отсюда. Я, господин Витте, не затем пригласил вас, чтобы шутить или терять слова на ветер. Я вас не боюсь и справиться с вами сумею. И если *я* вас арестую, то, поверьте, вас уже никакая сила не освободит.

— Хорошо, — подумав немного, отвечал Витте. — Я подчиняюсь воле Государя. Через две недели я уеду.

— О нет! Это слишком долгий срок. Самое большее — через три дня. Это мое последнее слово. Затем с вами отправится мой адъютант, которому вы будете добры передать документы вот по этому списку.

Витте бегло просмотрел бумажку и с ненавистью произнес:

— О, какая тонкая мстительность! От меня требуют выдачи моего единственного оправдания перед историей. Но если там так дорожат историческими свидетельствами, то позвольте же и мне дорожить своей репутацией!

— Вы говорите о вашей «репутации»! Право, вы надо мной смеетесь...

— Некоторых из указанных здесь документов у меня нет...

— Они у вас.

— Да, но не здесь. Было время, когда я ждал обыска и некоторые документы должен был сдать в верное место.

— Вы их возьмете и доставите к 12 часам завтра.

Иванов позвонил и сказал вошедшему адъютанту:

— Вы отправитесь с графом Витте и получите от него документы по этому списку, часть разрешаю получить завтра. Затем — помните мою инструкцию. Надеюсь, что все будет в порядке. Граф, честь имею кланяться. Попросите г. Бельгарда.

XII

Вошел добродушный толстяк, начальник Главного Управления по делам печати. Диктатор радушно подал руку и посадил его против себя.

— Как быть с печатью? — начал он. — Это главная сила и главное орудие смуты.

— Совершенно верно.

— Пока будет существовать анархистская и вообще революционная печать, ни о каком успокоении умов нечего и думать.

— Совершенно верно.

— Неужели нет возможности бороться?

— Мы и боремся, но при существовании нынешних «Временных правил» наша борьба - это ловля ветра в поле.

— Понимаю, понимаю. Нужен серьезный закон о печати, а этот господин (диктатор указал на дверь) умышленно связал правительству руки.

— Да. И мастерски связал. Пока действует чрезвычайная охрана или военное положение — борьба еще кое-как возможна. Но в обыкновенных условиях поделать ничего нельзя.

— Как вам представляется это дело? Есть возможность выработать скоро закон о печати?

— Теперь во всем такая путаница. Комиссия Кобеко[304] кое-что выработала, да все это очень бестолково.

— Я прошу вас высказаться совершенно откровенно относительно моей идеи, которую я хотел бы положить в основу закона о печати. Дело вот в чем. Коренная ошибка всякого законодательства о печати заключается в том, что для законодателя нет литератора, нет писателя, а есть отвлеченный гражданин. Другими словами, под один закон подводят Каткова, Аксакова, Суворина[305], Стасюлевича[306] и всякого безграмотного писаря или жиденка, которому вздумается издавать газету. Ясно, что на таком принципе никакого закона создать нельзя. Вы даете простор Каткову, и этим пользуется всякий гад. Вы пишете закон для гада и душите Каткова. Думаю, что это ясно. Теперь взгляните, какая страшная сила — политическая ежедневная газета. Никакая кафедра не сравнится по значению. Неужели же любой прохвост, могущий подписать заявление и внести гербовый сбор, имеет право занимать эту кафедру? Да ведь это же вопиющий абсурд!

— Старый закон этого не допускал.

— Да, но старый закон отдавал писателя на суд чиновника и кончил тем, что убил независимую печать и расплодил литературного негодяя и хама. Дело не в концессии, а в том, кто и почему ее дает. Закон должен определить писателя, публициста, выделить его из толпы и дать ему полную свободу слова, а толпу отстранить. Здесь не должно быть места произволу чиновника, а ясный и определенный ценз. Для публициста он должен быть троякий: *общегражданский*, то есть добропорядочность, несудимость и т. д., *писательский*, то есть прежние литературные работы и, наконец, *нравственный*, то есть незапятнанная личность. Самый трудный вопрос в том, кто должен все это проверить и давать на газету разрешение. Наилучшая гарантия правильной проверки — ее публичность. Это должно быть нечто вроде защиты диссертации, после которой факультет признает соискателя достойным. Но какой «факультет» является для этого компетентным? Очевидно, роль факультета должна играть здесь коллегия выдающихся литераторов. Если образовать такой постоянный трибунал из людей, имеющих в литературе почтенные имена, ему можно будет доверить не только проверку прав желающих стать редакторами ежедневных политических газет, но и судебные функции, например, дела об окончательном прекращении изданий. Что вы на это скажете?

— Этот вопрос надо разработать.

— И как можно скорее, — добавил диктатор. — А пока необходимо принять меры к очистке печати на почве существующего закона или, если это невозможно, придется отменить или дополнить «Временные правила». Думаю, что опыт у вас уже имеется достаточный и проектировать нужные немедленно изменения вы не затруднитесь.

— Разумеется.

— Затем подумайте: нет ли какого-нибудь способа устранить из печати еврея? Ведь главная доля печатной заразы принадлежит еврейским сотрудникам и корреспондентам. Нельзя ли брать с редакции какие-нибудь подписки, что ли? Ведь пока евреи руководят печатью, она никогда не сделается ни чистой, ни честной, ни патриотичной.

— Это очень трудный вопрос, ибо его никак не сформулируешь. Вы можете устранить еврея номинально, но не устраните фактически. Он будет писать анонимно. А затем и между русскими

всегда найдутся люди, которые за деньги дадут свою подпись и фирму.

— Да! Единственное спасение печати — это выдача разрешений на газеты только истинным уважающим себя писателям. Другого средства нет.

XIII

Бельгард откланялся, и в кабинет диктатора направились Военный министр Редигер[307] и вызванные командиры воинских частей, ожидавшие в зале. Началось совещание, имевшее предметом отчет о состоянии духа Петербургского гарнизона, о готовности войск исполнить в критическую минуту долг присяги, об офицерском и командном составе и, главным образом, о противодействии анархистской пропаганде и о нравственном возрождении армии, расшатанной и поникшей духом после бесславной войны.

Тем временем интеллигентные кружки Петербурга волновались. Был сделан слишком крутой и резкий шаг, полагавший границу всяким уступкам и колебаниям власти. Нашелся человек, которому Государь вверил всю полноту своей державной власти и поручил успокоить Россию и единою своей волей прекратить смуту и двинуть государство на новый путь. Вчера еще этого человека никто не знал, сегодня он уже повелевает всеми, дает тон всей государственной жизни. Без всяких внешних эффектов, без красивых фраз в речах диктатора почувствовалась творческая мысль и железная воля. Рассказы передавали с явными преувеличениями о первых разговорах министров. Его фигура вырастала с часу на час в нечто таинственное. Корреспонденты .свои и иностранные метались по сановникам и осаждали телеграф. Депутаты Думы, предчувствуя развязку, шумели в своих клубах и фракциях. «Русское собрание» стало самым бойким и оживленным центром Петербурга. В Союзе русского народа шли таинственные совещания, комментировались слова неодобрения, будто бы сказанные диктатором по адресу этого учреждения. Стоустая молва подхватывала слухи и говорила о роспуске Союза как о деле решенном. Учащаяся молодежь, переполняющая Петербург, волновалась, как никогда раньше, но в действиях революционной части петербургского населения чувствовалась растерянность и не хватало единства. Войска и полиция были начеку,

готовые предупредить малейшее «выступление». Ожидали самых необыкновенных событий, но толком никто ничего не знал, и эта таинственность возбуждала умы и поднимала общественную атмосферу.

Вечернее прибавление к «Правительственному Вестнику» принесло несколько «Приказов Императорского уполномоченного», разразившихся, как удар грома.

В одном из приказов сообщалось, что академическая автономия не принесла ожидаемых результатов, а потому, впредь до предположенной коренной реформы высших учебных заведений, отменяется.

Второй приказ гласил об исключении всех евреев-студентов и вольнослушателей, как организаторов и руководителей смуты, и о высылке таковых из Петербурга в места оседлости в течение ближайших трех дней.

Это был удар в самое больное место «освободительного движения», и удар неслыханно смелый. Чтобы отважиться тронуть евреев, нужна была большая решимость и полная уверенность в своей силе. Но диктатор пошел еще дальше и в третьем приказе бросил самый страшный вызов всей передовой дружине революции. Приказ гласил, что с Высочайшего соизволения приостанавливается действие закона об отмене телесного наказания, и что к таковому могут присуждать военно-полевые суды как революционеров, так и обыкновенных хулиганов за проступки, где смертная казнь была бы слишком несоответствующим возмездием. Одновременно расширялась компетенция военно-полевых судов по целому ряду революционного характера преступлений, застигнутых на месте. Сюда относились, между прочим, стачки, всякого рода революционные демонстрации, сопротивление властям, уличные насилия и т. п. За все это категорически предписывались... розги.

Передавали слышанное кем-то будто бы подлинное выражение диктатора: «Ваша революция так глупа и так грязна, что казнь для се героев слишком большая честь, — довольно и простой порки». Были ли эти слова произнесены или нет, проверить было невозможно, но эта мера вызывала особенное бешенство среди молодежи и революционной интеллигенции, как явное надругательство над «великой» революцией и полное к ней презрение. Но эта злоба была тем более бессильна, чем больнее был удар; чувствовалось в атмосфере, что приказ попал в цель и что революция им действитель-

но уничтожена и осмеяна. Трезвые и благоразумные голоса высказывались очень смело и определенно: «Вот это дело, давно бы так».

Вечер первого дня прошел в совещаниях диктатора с выдающимися государственными и общественными деятелями. Генерал-адъютант Иванов искал себе по мысли министра финансов, но — увы! — ни между «сановниками», ни среди казенных профессоров не мог найти.

XIV

Участь Государственной Думы была, в сущности, решена с назначением генерал-адъютанта Иванова. Он был слишком военный и слишком здравомыслящий человек, чтобы не понимать всю кричащую нелепость затеи графа Витте: в стране, насквозь возбужденной и перебунтованной, сорок лет лишенной всякого проблеска общественной и политической жизни, ненавидящей правительство, как символ бессмысленного гнета и духоугашения, устроить политические выборы, привлечь к урнам не только культурное сравнительно русское и польское общество, но и никакого понятия о государственном деле не имеющее крестьянское население, но и всякую безграмотную и бестолковую инородчину до тунгусов и якутов включительно, широко снабдить весь этот конгломерат надлежащими орудиями агитации и соблазна, поставить во главе бесчисленной красной печати евреев и всяких социалистов и анархистов и ждать, чтобы из этого дикого шабаша вышло 500 законодателей, «богатырей» и «лучших людей» земли! Это было очевидное безумие, которое и выразилось в первой Думе. Но правительство не остановилось после этого "первого опыта и пожелало его повторить. Получилась та же орда варваров, захватившая большинство парламента, и вся разница с первой Думой была лишь та, что с невероятными усилиями удалось кое-где провести небольшую сравнительно группу правых и умеренных.

Первым сердечным движением диктатора было поэтому желание демонстративно распустить Думу, отменить все наше новое парламентарное устройство и объявить созыв Земского Собора, которому и предложить переработанные заново основные законы с разделением России на крупные области и последовательно проведенным самоуправлением. Но здесь являлось препятствие нравственного свойства. То, что было так легко сделать после первой Думы, после созыва второй не могло не компрометировать Верховную власть. Чем можно было бы в этом случае объяснить эту слепую веру правительства в совершенно непригодную для России форму народного представительства? Зачем понадобился этот злополучный второй опыт, когда уже и первого было чересчур достаточно, чтобы убедиться в сделанной ошибке?

Эти соображения, при желании во что бы то ни стало поднять и укрепить престиж Верховной власти, связывали диктатору руки по отношению второй Государственной Думы и не позволяли ее немедленно разогнать, как это ни было необходимо в интересах общественного порядка и спокойствия. В самом деле, левая сторона Думы представляла собой готовый главный штаб революции. Мятежные организации социалистов и трудовиков поддерживали самые тесные сношения с провинциальными революционными кружками, своими корнями все более и более опутывавшими деревню и волновавшими крестьянство. Разрастался голод, росла цена на хлеб, печать изо дня в день помещала зажигательные статьи, и к лету можно было ждать возобновления беспорядков и мятежей. Все это можно было предупредить только разгоном Думы и восстановлением твердой власти, не знающей никаких колебаний. И от всего этого пока приходилось отказываться, чтобы не давать на посрамление Царского имени и скрепя сердце исполнять существующий, хотя и ошибочный закон.

И вот Иванов решил сделать попытку составить в Думе, хотя бы и искусственно, некоторое благоразумное большинство, которому можно было бы предложить соответственно измененный закон о выборах. Расположение думских партий допускало такую комбинацию,- если бы к правым и октябристам примкнули кадеты и поляки, это дало бы правительству перевес и позволило бы рискнуть на внесение нового избирательного закона, устранявшего из парламента улицу, уничтожавшего совершенно несправедливое преобладание крестьянства и передававшего избирательные голоса в руки более культурных классов.

Вопрос сводился, очевидно, только к согласию кадетов. За поляков диктатор был спокоен. Областное деление, давая Польше широкое местное самоуправление, отвечало в значительной мере их мечтам об автономии, и, кроме того, поляки уже и без того пока-

зали себя совершенно чуждыми революционной левой. Оставались кадеты.

Диктатор хорошо понимал всю трудность задачи — оторвать эту группу от левых «товарищей». Но, с другой стороны, он совершенно не верил в искренность кадетского демократизма и отлично знал, из чего он сделан. Без этого демократизма, без самого бесшабашного заигрывания с левыми кадеты потерпели бы на выборах поражение, совершенно такое же, как мирнообновленцы. Их прошло бы едва несколько человек. Пока выборы в Думу обставлены так, как сейчас, кадеты изменить своей тактики не могут. Но теперь от их собственного согласия зависело переделать выборный закон и обеспечить себя от необходимости ухаживания за революционной улицей. Что же касалось главного стремления кадетских главарей — пробиться к министерским портфелям, удовлетворить это желание было совсем нетрудно. Пусть только кадеты окончательно и бесповоротно разойдутся с социалистами, их либерализм не будет стоять в противоречии с русской государственностью и из их правой половины могут выйти отличные практические деятели.

Ввиду этого диктатор решил войти в переговоры с лидерами кадетской партии, и прежде всего с Милюковым.

XV

Вызов в Зимний Дворец Милюкова на другой день по появлении грозных приказов диктатора произвел в Петербурге сенсацию необыкновенную.

Диктатор встретил главу кадетов чрезвычайно любезно.

— Вы удивлены моим приглашением?

— Ваше превосходительство вполне правы. Что может быть общего между мной и моими единомышленниками и товарищами и вами после вчерашних ваших приказов? Мы отлично сознаем, что сила в ваших руках и спокойно готовимся ко всяким случайностям. Я не могу себе даже представить, какая может быть у вас почва для разговора с нами? Не затем же вы меня вызвали, чтобы говорить о погоде...

— Ну, разумеется. Но я думаю, что между нами разговор не только возможен, но и разговор весьма содержательный и плодотворный. Я буду совершенно откровенен и прошу от вас того же.

— Я весь внимание.

— Насколько я понимаю вас и вашу группу, вы боретесь против бюрократического самовластия и полагаете, что можете достичь вашей цели установлением в России конституционного режима по западному образцу и, конечно, в самой совершенной, то есть самой либеральной форме?

— Вы определили верно.

— Скажите: из двух опытов с Думой вы не вынесли заключения, что парламентаризм в России невозможен и что работоспособной Думы получить нельзя?

— Нет, не вынес. Нам не хватает истинно демократического избирательного закона...

— То есть всеобщей, равной, тайной? Да, но тогда выборы были бы еще менее сознательны и парламент еще бессмысленнее.

— Всякий парламент предполагает борьбу партий и господство одной из них. При всеобщем голосовании партии организуются и будут работать наиболее совершенно.

— Боже мой, все это доктрина, книга! Ну а совсем без партий вы не предполагаете возможным устроение государства?

— Современного — нет.

— Послушайте, я смотрю шире вашего. Вы хотите отдать бюрократию под контроль народного представительства, то есть партий. Я хочу вовсе упразднить бюрократию и все основать на самоуправлении. Неужели это не шире? А главное — ведь именно в этом наш национальный исторический путь. Наше государство выросло не на борьбе и не из борьбы. Но для вас все это «славянофильство», которого вы не любите. Поэтому я выскажу мою мысль в практической форме и тогда вам легче будет сказать: да или нет. Вообразите себе, что Россия разделена на большие области, в своем местном управлении вполне самостоятельные. Области эти составляют государственное единство с Царем во главе. Царь окружен только выборными от областей. Никакого бюрократического аппарата вне участия и контроля этих выборных нет, и за центром оставлены только строго определенные государственные задачи. Может ли такой Царь оставаться самодержавным или необходимы конституционные ограничения?

— Я не могу допустить неограниченной монархии — это абсурд.

— Ну, хорошо. Мы об этом спорить не будем. Предположим на минуту что основные законы устанавливают ограничения, хотя бы,

например, в виде обязательства для Царя соблюдать эти основные законы. Его роль верховной совести, верховного суперарбитра от этого не меняется. Что вы можете иметь против этой схемы?

— Я не могу ее себе представить в действии. Я думаю, что это нечто фантастичное.

— Да, господа, трудно вам отделаться от шаблонов. Но я опять возвращусь к практике, и тогда вы меня лучше поймете. Я хочу вот чего: пусть ваша партия соединится в этом вопросе с октябристами и правыми. Тогда левые будут изолированы, и правительство внесет законопроект о пересмотре основных законов.

— Что же вы предложите?

— Во-первых, полную схему самоуправления, начиная снизу, с прихода.

— С прихода? Вы хотите вероисповедную единицу?

— С территориального прихода для вероисповедного большинства, — твердо ответил диктатор. — При свободе и покровительстве всем вероисповеданиям ни о каких стеснениях здесь речи быть не может. Затем пойдет организация самоуправляющегося уезда. Уезды соединятся в области, где также будет проведено самое широкое самоуправление. Наконец, выборные от областей на основании известного служебного ценза составят из себя высшие государственные учреждения и специальные советы. Все высшее государственное управление будет исключительно в руках выборных земских людей, даже хозяйственная часть армии. Чиновник, как власть, будет совершенно упразднен. Неужели это не шире и не жизненнее западного парламентаризма со всею его ложью и со всеми его мерзостями? Неужели ваше русское чувство не подсказывает вам, что вот это и будет наш искомый и жѐланный тип государства? Да разве такое необъятное государство, как Россия, может управляться иначе? Ведь вы же сами видите, что Россия гибнет и другого средства для ее спасения нет? Скажите же ваш ответ!

— Что я могу ответить вашему превосходительству? У нашей группы политические идеалы и воззрения являются достаточно установившимися, чтобы от них отказываться ради каких-то фантастических построений. Я не могу дать вам ответа даже за себя, да мое личное мнение вам едва ли и интересно.

— Прибавлю вам, что эту схему я считаю единственно верною и спасительною, и я верю, что в этом меня оправдает общий голос

народа, который я сумею вызвать. Если я теперь пригласил вас, то только потому, что мне не хочется прибегать к таким крайностям, как распущение Думы. От вас зависит помочь мне всего этого достичь мирно и планомерно.

XVI

Разговор с Милюковым не привел ни к чему. Попытки столковаться с другими главарями кадетской группы — тоже. Эта партия не имела мужества порвать с левыми и дать нужное большинство для мирного разрешения вопроса. Оставалось действовать, тем более что со всех сторон поступали донесения губернаторов о том безобразно вредном влиянии, которое производили стенографические записи левых речей, широко распространявшиеся в темной среде крестьянства.

Диктатор не считал достойным правительства и себя подыскивать предлог к роспуску Думы или искусственно вызывать конфликт. Он решил закрыть Думу лично, в простой, но торжественной форме, среди обыкновенного заседания и без малейших полицейских или военных предосторожностей. Генерал-адъютант Иванов слишком верил в силу своей воли и твердо знал русскую психологию. Революция существовала только вследствие трусости перед нею.

Шел третий день с назначения Иванова уполномоченным. В кулуарах Государственной Думы господствовало страшное возбуждение по поводу опубликованных приказов диктатора, но в первый раз обнаружился в рядах левых коренной раскол, и крестьяне, самые, по-видимому, крайние, оставались в еврейском вопросе очень равнодушными. Многие из них говорили даже довольно откровенно, что приказы хороши и что как евреев, так и безобразничающую молодежь давно пора сократить. Главари выбивались из сил сплотить крестьян на активный протест, но те упорно твердили, что их интересует только земля и воля, и не выражали желания рисковать Думой из-за того, что из Петербурга вышлют сотню-другую жидов или «пропишут» кому-нибудь телесное нравоучение. С другой стороны, самый факт назначения Императорского уполномоченного [c] огромными правами, почти равными Царским, производил сильнейшее впечатление и парализовал всякую охоту к борьбе. За эти два дня репутация человека, абсолютно бесстрашного и с железной во-

лей, успела настолько укрепиться за Ивановым, что у революционных элементов явно опускались руки. Эта же наличность возродившейся столь неожиданно новой твердой власти производила могущественное впечатление на простого мирного обывателя, и он решительно поднимал голову и готов был даже выражать удовольствие.

Заседание Думы шло сумрачно и вяло, когда к Таврическому дворцу подъехала коляска уполномоченного, сопровождаемого небольшим казацким конвоем.

В зале водворилась мертвая тишина, когда вошел диктатор. Правая сторона и часть центра встали. Начали вставать отдельные депутаты и между левыми. Не спеша, подошел Иванов к епископам Платону[308] и Евлогию[309] и принял благословение. Затем приблизился к трибуне председателя и тихо сказал несколько слов.

Головин[310] бледный, как полотно, поднялся с места.

— Слово принадлежит Верховному уполномоченному Его Императорского Величества. Слагаю с себя председательство и прошу всех встать.

Головин сошел с трибуны, а за ним поднялся диктатор, остановился и обвел взглядом залу. На крайней левой десятка полтора депутатов продолжали сидеть. Он направил туда пристальный взгляд, и под этим повелевающим взглядом медленно и неохотно встали еще несколько человек.

— Всех прошу встать, — тихо произнес Иванов, и эти слова раздались по всем углам огромной залы, до того торжественна была тишина. В голосе диктатора чувствовалась отдаленная приближающаяся гроза.

— С Высочайшего соизволения объявляю вторую Государственную Думу закрытой.

Зала словно окаменела. На правой стороне Пуришкевич[311] провозгласил театрально:

— Государю Императору «ура»!

Этот крик был слабо поддержан правыми, но Иванов поднял руку, и зала вновь стихла.

— Господа, — произнес спокойно диктатор. — Мы переживаем великий исторический момент. Мне было суждено своей слабой рукой повернуть страницу русской истории. Дай Бог, чтобы это была последняя страница страшного и позорного для России петербургского периода. В эту ужасную двухсотлетнюю полосу мы

забыли Бога, исказили нашу историю, развратили и обезличили наш великий и умный народ. Разросшаяся язва чиновничества и канцелярщины убила в нас истинную свободу, самодеятельность, человеческое достоинство. В христианской доброй и мирной стране расплодилась ненависть, ослабло и исчезло национальное чувство. Ложь и обман проникли насквозь в нашу общественную жизнь, и когда Россия была вызвана на великое испытание последней войны, все наши народные и общественные язвы раскрылись, и у нас не хватило ни старого русского мужества, ни старой силы, ни патриотизма, чтобы отстоять честь и интересы Родины. Совершенно естественно и законно тотчас же после первого позора началось наше освободительное движение. Велика и болезненна была народная обида и негодование на тех, кто привел Россию в такое ужасное положение. Понятно, что и у правительства опустились руки, и оно, вчера еще грозное и самоуверенное, вдруг ослабло и бессильно заметалось, ища выхода. И вот тут-то сказалось наше забвение истинных народных основ, наше презрение к велениям родной истории. Правительство сделало последний шаг по ложному западному пути, по которому шло двести лет, и увенчало свои великие исторические ошибки последней и самой тяжкой: было дано подобие западной конституции, дважды был собран западного типа парламент. Тем временем поднялись все придавленные и озлобленные общественные силы, легко возбудили оскорбленный, униженный и материально разоренный народ, закон и порядок исчезли, водворилась анархия, и на глазах у всех Россия очутилась на краю пропасти.

Все это естественно и понятно, все это нужно было пережить, но пора же наконец дать место и любви к Родине, и здравому русскому смыслу. Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть: разве вот это наше собрание обладает необходимой мудростью, верой и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию? Огромное большинство вас, господа, в первый раз слышите о тех важных и бесконечно сложных государственных работах, которые предстоит исполнить. Можете ли вы даже браться за них? Но при этом еще Добрая половина из вас затуманена злым и ложным учением социализма, способным только к разрушению и ненависти. А сколько между вами и чуждых России по духу людей, которым наша великая страна ничуть не дорога, ибо была доселе мачехой, а не матерью? Чего же можно было ждать от вас в смысле обновления России?

Мне удалось получить согласие Государя Императора закончить этот печальный опыт русской конституции и парламента. Расставаясь с вами и распуская Государственную Думу, считаю своей обязанностью, как лицо, облеченное высоким доверием Монарха и всею полнотой государственной власти, сказать вам с полной откровенностью, какой путь намечен мной к обновлению России, чего наша Родина может и должна от меня ждать, пока Богу угодно меня сохранить, а Царю мне верить и мою работу одобрять.

Ни о каком возврате к старым порядкам нет и не может быть речи. Эти порядки ненавистны всем вам, еще более ненавистны Государю. В основе этих порядков лежало бюрократическое самовластие чиновника, презрение и недоверие к живым общественным и народным силам. Нашей задачей является постановка чиновника на свое служебное и ответственное место и такая организация сил общественных и народных, при которой Царь правил бы Россией в полном духовном единстве с народом. Эта организация и есть наш главный, жизненный и неотложный вопрос.

Дело это Верховной властью поручено мне. Оно распадается на две, резко разграниченных и совершенно определенных задачи. Во-первых, успокоение России, во-вторых, ее обновление.

Для первой задачи, заявляю это громко, я чувствую себя и подготовленным, и достаточно решительным, и сильным. Моя рука не дрогнет и ум не смутится употребить всю огромную государственную мощь на восстановление и удержание порядка, и притом полного, безусловного, без всяких послаблений и колебаний. Я слишком горячо люблю мою великую Родину, чтобы остановиться малодушно перед самыми "крутыми мерами, когда речь идет не только о ее благе и спокойствии, но и о всей будущности, о самом ее существовании. Здесь я не спасую.

Что касается второй половины задачи — обновления и возрождения России, вы имели бы право считать меня последним из безумцев, если бы я здесь отважился сделать хоть один шаг на основании личной мысли, личных взглядов и соображений. Такое реформаторство, такое сочинительство я считаю тягчайшим преступлением. И если наша бюрократия заслужила нынешнюю всеобщую к себе ненависть, то именно за эту свою преступную повадку реформировать и сочинять, ни у кого не спросясь.

Дело нашего обновления — дело разума всей земли, дело ее совести и правды, и я считаю здесь своей задачей одно — вызвать этот подлинный голос земли, дать простор великому мирскому разуму. Не в несколько недель или месяцев, а спокойно, кропотливо, целыми годами придется перестраивать наше ветхое государственное здание, перестраивать во всех частях. Безобразно управление, плохи финансы, расстроено просвещение, ослабла военная сила, все плохо, все ждет исправления. И пусть же знают все, что эта работа начнется теперь же, по всем частям; начнется лучшими силами, лучшими специалистами, каких только может выдвинуть Россия. Но как бы ни были эти люди сведущи и талантливы, как бы ни была хороша их работа, ни одна самая малая часть ее не будет поднесена к подписи Царя и проведена в жизнь без всенародного гласного одобрения. Никакого самовластия, никакого насилия, никакой неожиданности — вот что будет девизом нашего нового законодательства. Готовые законопроекты будут рассылаемы на обсуждение земских собраний, городских дум, сословных собраний, биржевых комитетов. Будут собраны, взвешены и распределены все мнения, приняты в соображение все указания. Исправленный и переделанный согласно этому каждый законопроект будет вновь разослан на окончательное обсуждение, и только тогда, когда в нем воплотится и отразится вся народная мысль, со всех концов России, тогда можно будет считать закон созревшим для утверждения и осуществления.

Разумеется, на первую очередь будут поставлены: здравая экономическая политика и организация самоуправления и управления. Затем, когда Россия будет организована, не будет уже надобности в таком сложном ходе законопроектов. Первым делом новой организации будет устройство достойных великой России законодательных органов. Эти органы утвердит и поставит Великий Русский Земский Собор, которому будет предложена на последний просмотр вся огромная всенародная работа.

Вот тот путь, господа, который мне представляется единственно правым, единственно спасительным. И то правительство, которое честно и смиренно будет ему следовать, не заслужит обвинения в насилии и самовластии. Моя личная задача будет: охранять этот путь, не допускать от него отступать, хранить свято заветы величайшего смирения перед народной мыслью и разумом.

Мне нет надобности говорить вам, что я считаю этот путь устроения России возможным только при широчайшей общественной свободе, при полной гласности и при самой твердой охране законности. Я страстно чту свободу, но свободу не для одной какой-либо партии или группы, а для всех; такая свобода требует строжайшего общественного порядка. Я не менее страстный поклонник свободной мысли, но и эта свобода дается только при ясном сознании правды и важности высказываемого, при строгой ответственности за всякое праздное или вредное публичное слово. Не забывайте, что печатное и живое слово является зачастую еще более сильным орудием разрушения, чем созидания.

В заключение, господа, позвольте сказать вам, что, вступая на новый путь, надо запастись любовью и добром. Повелевая мне распустить Государственную Думу, Государь Император приказал мне передать вам, что он дарует полное прощение и забвение всем политическим преступлениям. Это не значит, чтобы были немедленно освобождены все те, кто насильственно выбросился из рамок общественного порядка или запятнал свои руки кровью и насилием. Это значит, что отныне государственная власть будет смотреть на них не как на преступников, а как на более или менее тяжко больных, которых надо лечить.

Я кончил, господа, и смиренно прошу у вас прощения за те горькие минуты, которые нам всем здесь пришлось пережить. Грех лежит на всех нас. Простим же чистосердечно друг другу, не затаим зла в сердцах наших и, вступая в новую полосу русской истории, проникнемся миром и любовью и будем работать каждый на своем посту для блага Родины и во славу нашего Самодержавного Царя!

Диктатор отдал глубокий поклон собранию и тихо сошел с трибуны.

* * *

Страница русской истории была повернута без шума и крови.

ИВАНОВ 16-й И СОКОЛОВ 18-й

XVII

Роспуск Государственной Думы не вызвал никаких волнений, ни революционных выступлений. Все отлично понимали, что власть

в надежных руках и что генерал-адъютант Иванов не такой человек, чтобы испугаться какого угодно бунта. Затем выцвела, испошлилась и безмерно надоела всем и самая Дума. Бесконечные озлобленные словоизвержения левых, бестолковые выходки правых, вечные колебания и некая особая «высшая тактика» кадетов и октябристов и совершенная безграмотность и бестолковость крестьянского «представительства» надоели до тошноты. Никаких надежд на «работоспособность» Думы не оставалось, а между тем это странное сборище в Таврическом дворце остановило все законодательство, обратило дело важнейших реформ в глупую комедию.

Вот почему господа депутаты, получив прогоны в обратный путь, разъехались довольно мирно. На этот раз не только никаким Выборгом и не пахло, но даже представительство крайних левых в сильной степени поджало хвосты, бравируя и угрожая только для виду.

Да и меры предусмотрительности были приняты серьезные. Губернаторам были посланы энергичные приказы наблюдать за деятельностью бывших депутатов; были распущены все профессиональные организации, где главарями или тайными руководителями состояли революционеры, и в течение нескольких дней закрыты все газеты социал-демократического или социал-революционного толка.

Все это не могло не произвести надлежащего воздействия, и хотя либеральная и кадетская печать проливала горькие слезы над торжеством «реакции» и сулила всякие ужасы, огромное большинство в обществе и в народе, утомленное трехлетней анархией, приветствовало крутые меры диктатора и, судя по его первым речам и распоряжениям, с доверием смотрело на будущее и ждало.

А диктатор?

О, как отчетливо сознавал он всю страшную тяжесть лежавшей на нем задачи, всю бесконечную трудность приведения в порядок необъятной страны, где после сорока лет преступного духоугашения три года подряд анархия расшатывала все устои, отравляла умы и сердца! Он отлично понимал, что наступившее успокоение измеряется днями и часами, что им не сделано еще ровно ничего, что те, на кого он мог и должен был опереться, только кредитуют его, кредитуют, можно сказать, под звук его имени да под необычность факта его призыва к власти. А что, если ему не удастся сделать того великого дела, на которое он шел? Что, если его личный ум и личные силы окажутся слабыми, а общество на его страстный призыв

ие ответит и нужных ему работников не даст? А зло, старое зло стоит кругом. Освободительный взрыв ничего не принес, ничего не направил, он только вскрыл одновременно тысячи гнойных язв русской жизни, которые раньше затягивались, замазывались и вгонялись вовнутрь. Россия раскололась во всю величину и пошла по двум противоположным дорогам. И те, кто пошли налево, в сторону освободительного движения, возненавидели тех, кто пошел направо, в сторону защиты старых устоев государства. Ненависть, раздуваемая партийною печатью, сделала гигантские успехи и отравила всех. Люди, приставшие к освободительному движению, возненавидев смрадные язвы старого режима, возненавидели вместе с ним и самые основы русского народного и исторического быта, возненавидели патриотизм и даже самое имя своей Родины. Люди противного лагеря свою справедливую ненависть ко лжи, насилию и деспотизму освободительного движения перенесли и на ту великую правду, которую оно в себе заключало, и бросились слепо на защиту старого...

Словно микробы страшной болезни заражали все больше и больше обе стороны. Иванов с ужасом видел, что его, цельного, спокойного, уравновешенного и здорового, могут не понять ни там, ни здесь. Он почти не видел вокруг себя тех спокойных, трезвых и здоровых людей, на которых он мог бы опереться, не находил того незараженного политически слоя, откуда мог бы черпать нужный персонал своих помощников. А в правительственном мире, куда он попал, карьеристы всех видов и рангов образовали вокруг молодого диктатора многоголовое море, и это море грозило его залить.

Нужно было действовать, и действовать решительно и быстро. Программа у Иванова была*, но только в виде самых общих директив. Нужны были, с одной стороны, талантливые исполнители, с другой - сознательное и доверчивое отношение общества. Это отношение на минуту установилось, оно было как бы выхвачено блестящим первым выходом Иванова, но диктатор отлично сознавал, до какой степени общественное настроение капризно и непрочно. А исполнителей не было.

Особенно тягостно было диктатору полное отсутствие талантливых финансистов. Он ясно сознавал, что ключ к материальному возрождению России лежит в финансах, и усиленно искал министра, не принимая пока что отставки Коковцова. Но ни в огромной

нашей бюрократической машине, ни среди многочисленной профессуры, ни в банковских, ни в торгово-промышленных сферах нельзя было остановиться ни на одном имени.

XVIII

Возрождение России представлялось Иванову в трех основных формах. Возрождение *духовное* требовало очищения и восстановления Церкви во всей ее внутренней силе и правде. Возрождение *политическое* требовало уничтожения всеразъедающего начала бюрократизма и возрождения земщины, которая должна была стать добрым историческим фундаментом государства. Наконец, возрождение *экономическое* требовало правильной и стройной денежной системы, которая могла бы достойно обслуживать великую страну, дать широкое развитие народному кредиту, освободить Россию от ее печального рабства у иностранной биржи, создать национальную независимость, оплодотворить русскую предприимчивость, поднять народный труд.

И ни в одной из этих областей Иванов не находил людей, которые были бы на уровне понимания объема и значения своей задачи. Среди огромного персонала высшей церковной иерархии и академической богословской профессуры, при всем изобилии ученых специалистов и приличных администраторов, меньше всего можно было встретить людей истинно церковного духа. Двухсотлетняя жизнь Русской Церкви, обращенной в бюрократическое ведомство, принесла свой горький плод. Все мнения и течения, от крайнего католического, почти ультрамонтантского или византийского и до ярко рационалистического протестантского и даже революционного, были налицо; не видать было лишь русского исторического понимания Церкви в простом, несколько суровом и строго православном ее облике. Не чувствовалось веяния теплой народной веры; ни под одной раззолоченной митрой не было видно *народного* святителя, смиренного и вместе с тем авторитетного и любимого. Собор был накануне своего созыва, но не ждал от него больших плодов диктатор и даже скорее опасался тех споров и разногласий, которые могли возникнуть к соблазну и потрясению Церкви.

Оставались миряне - ревнители Церкви. Здесь блистали имена Д- А. Хомякова[312], А. А. Папкова[313], Г. А. Шечкова[314], А. А. Киреева,

Н. П. Аксакова[515], Ф. Д. Самарина[316], Н. Д. Кузнецова[317]. Диктатор решил созвать у себя частное совещание, чтобы обменяться мыслями и установить твердый взгляд на приход, как на основную не только церковную, но и общественную, земскую и государственную ячейку.

На совещание собрались намеченные Ивановым лица из бывших налицо. Он открыл заседание таким обращением:

«Пусть вас не удивляет, господа, что в вопросе, близко касающемся Церкви, я пригласил вас, мирян, а не лиц духовных. Мне нужно осветить один вопрос, где наше духовенство является стороной и дать ответ может только односторонний. Признаю заранее свою полную некомпетентность в вопросах церковных и, прямо скажу, невежество в вопросах канонических и богословских. Но этих сторон касаться я не думаю. Я ставлю вопрос исключительно государственного характера и хочу услышать ваше мнение. Древняя Русь была основана на тесном единстве государства и Церкви, народа и общества и Церкви. Точнее: и государство, и народ составляли Церковь, жили в ней. Основной ячейкой всего быта народного и земского строя был приход. Этот строй был настолько прочен, настолько отвечал нашему национальному характеру, что в Смутное время только он один спас Россию от порабощения и анархии и восстановил государство, вдохнув в него тот же церковный и земский дух, которым был проникнут сам.

Теперь мы видим совсем не то. Прекрасно оборудованная Церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душой народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа Церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих, говеть, даже молиться, но жизнь стала языческою, в жизни Церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений. А с государственной точки зрения, на которой я единственно имею право стоять в этом вопросе, является вот что: наша национальная основа всей государственности и общественности есть христианство, иной нет. Эта основа отнята, выкрадена, изуродована, и вот мы не можем найти никакой общественной связи, никакого цемента для разлагающегося государства. И я глубоко убежден, что, пока в той или иной форме мы этой связи

не найдем и не восстановим, пока народная тоска по высшей Божией правде не будет утолена, до тех пор анархия не кончится, ибо самая эта анархия есть, по-моему, только протест против опрофанированного идеала, против казенной лжи, вставшей на место народной правды.

Мне думается поэтому, что первым шагом к восстановлению правды в русской жизни есть возрождение прихода. Оживите нашу древнюю церковную общину, верните народу Христа - и Россия воспрянет духом и обновится».

XIX

Разумеется, собеседники признали полную правильность такой постановки вопроса, только Хомяков заметил:

— Против того, что вы высказали, возразить нечего, но я боюсь продолжения. Вопрос о приходе — лукавый вопрос. Насколько правильна его идеальная, церковная сторона, настолько же опасны те формы, в которых нам предлагается возрождение прихода. Избави Бог соединять это дело с организацией так называемой мелкой земской единицы, а я в ваших словах уже предчувствую этот вывод.

— Грустно мне это слышать, — отвечал диктатор, — но чтобы сразу поставить вопрос начистоту и во всем объеме, я выскажу свою мысль до конца. Приход я понимаю не только как церковную общину, в деле веры руководимую епископом и составляющую, следовательно, ячейку местной Церкви, — кажется, это не противоречит канонам? — но и как самостоятельную низшую организацию земскую, административную, финансовую, судебную, школьную, словом, как очаг местной самодеятельности и самоуправления. Только в приходе возможен сознательно производимый выбор деятелей, только в приходе достижимо истинное равенство, ибо это равенство перед Богом и братство о Христе, только на приходе можно основать истинную земщину.

Самарин горячо возражал:

— Едва ли это правильно. Вы смешиваете дело Церкви с делами ей посторонними и этим создаете опасность обмирщения Церкви, растворения дела Божия в заботах о благоустройстве внешнем. Это очень опасный принцип.

Хомяков прибавил:

— Вы вводите в Церковь элементы ей чуждые и, быть может, даже враждебные. Кто будет управлять приходом? Совет в форме большинства? Значит, будет баллотировка, подсчет голосов? Неужели этого одного недостаточно, чтобы совершенно убить церковный дух?

Остальные собеседники тоже высказали свои сомнения относительно мысли диктатора, казавшейся им слишком резкой и радикальной.

Иванов грустно покачал головой.

— Простите, господа, вы все здесь специалисты и знатоки вопроса, а я профан, едва прочитавший пять-шесть книг. Но я моим непосредственным чувством иду в самую глубину вопроса, куда проникнуть вам мешает ваш научный балласт. Простите эту самоуверенность, но я думаю, что опасности обмирщения Церкви не существует. Что-нибудь одно. Или еще в русском народе сохранилась его вера и духовные идеалы, или он уже их потерял. Если случилось последнее, то все наши заботы о Церкви, все наши сложные рассуждения, организации, каноны, соборы и прочее — все это ложь, пережиток невозвратно минувшего прежнего, и тогда государству нечего с этим со всем делать и надо искать простых гражданских форм общежития, а Церковь предоставить своей судьбе. Но если вера жива, если, несмотря на все свое одичание, разврат, пьянство и т. д., русский народ свои идеалы хранит, если его вера и дух жизнеспособны, если, наконец, верно, что «врата адовы не одолеют», тогда не бойтесь за Церковь, не опекайте и не изолируйте ее. Не Церковь обмирщится от прикосновения к мирскому, а это мирское одухотворится! Если возможна церковная община, если наша русская общественная связь есть связь братства о Христе, то эта община будет и судиться о Христе, и самоуправляться о Христе, и землю пахать о Христе, и даже кредит давать и торговлю вести о Христе. Я чувствую глубокую фальшь в том, что вы словно боитесь за Христа, что Он не справится, у Него не хватит силы одушевить ту группу людей, которая, однако, приняла и носит Его имя... Признаюсь вам, на меня тяжелое впечатление произвели работы Предсоборного Присутствия...

Кузнецов возразил:

— Мы, как члены Присутствия, занимались преобразованием прихода лишь в церковном отношении и убеждены, что обращение

его в земскую единицу еще не обеспечивает его развития в религиозном отношении. Во всяком случае, это вопрос законодательства чисто государственного, и мы не могли им заниматься.

— Я понимаю, — отозвался Иванов. — Значит, мне вы собственно не возражаете?

На стороне Иванова были Шечков и Папков, но и они высказывались несколько робко и уклончиво.

— Но вы себе едва ли представляете, — заметил Хомяков, — что это такое будет в действительности. Вы предоставляете пьяным, слабым и темным людям выбирать себе священника. Вы предоставляете кулакам распоряжение церковными суммами. Вы вводите наконец наш неверующий и политически развращенный третий элемент в приход, где он сразу же сплотится и возьмет верх. Хорош будет ваш приходский совет из неверующего семинариста-попа, красного фельдшера, трех-четырех распропагандированных «сознательных» запасных и кулака церковного старосты! А выборы, а водка, а всякая мерзость при этом! И этой милой компании вы отдаете и интересы Церкви, и все самоуправление!

Диктатор с горечью возразил Хомякову:

— Вы этого боитесь, да? Хорошо: я иду навстречу и преувеличиваю картину в худую сторону. Что может получиться? Вообразите самое ужасное, самый безобразный приходский совет. Начнутся невероятные притеснения, взятки. Кассу раскрадут. В церкви богослужение будет совершаться кое-как, а может быть, будут допущены и прямые кощунства. В школу поставят анархиста-учителя, и начнется соблазн детей. Ну, придумайте самое худшее! И чем хуже вы придумаете, чем больше представите себе безобразий, тем более я буду рад, ибо тем скорее произойдет кризис. Скажите, господа, неужели вы думаете, что население с этим может помириться, что все так и останется? Да за кого же вы, в самом деле, принимаете наше крестьянство? Если в нем исчезла уже здоровая сердцевина, если все это только разбойники, неверующие и хулиганы, тогда о чем толковать? Ставьте на России крест, и пусть идут брать ее кто угодно: немцы, японцы, татары. Тогда ведь никакой и земской единицы не устроишь. Но я в это не верю. Я думаю, что если безобразия будут, то тут же начнется здоровая реакция. Пусть только мужик убедится, что у него руки в самом деле развязаны, что начальство ему не мешает, *только не мешает*, и вы посмотрите, что будет. Года не

пройдет, как вся эта накипь будет убрана и здоровые элементы прихода сплотятся. В деревне это легко, и это движение уже идет повсюду. Агитаторам больше не верят, а крик «земли и воли» совершенно другое дело, и я полагаю, что в данных условиях он весьма естественен. Но это уже посторонний вопрос. А теперь, господа, я предлагаю вам обсудить следующее. Моя мысль, что территориальный приход должен лечь в основу земского самоуправления, вами не поколеблена, а усилена. Оставим пока инородческие окраины и возьмем сплошные православные части России. Организуем в первую очередь их и тем самым, конечно, страшно усилим. Вот готовый законопроект приходской организации, составленный одним добровольцем из глухой провинции. Мне он очень нравится. Потрудитесь его рассмотреть и сделать ваши замечания. Я приму их с благодарностью, и, что нужно, будет исправлено. Затем проект будет отпечатан и разослан на обсуждение всех, сначала приходских, затем волостных сходов. В этом деле крестьяне вполне компетентны, простите, господа, думаю, что даже более компетентны, чем все мы, здесь находящиеся, ибо это дело практики. Нужно только ясно и определенно поставить вопросы и к участию в этих сходах привлечь духовенство и землевладельцев. Обработка волостных ответов, их сводка и проверка будет сделана на уездных земских собраниях. Ну а затем весь этот огромный материал будет систематизирован, и мы получим полную картину народной мысли по этому вопросу. Вы не откажетесь, господа, разумеется, — если этот путь признаете правильным, — помочь именно в разработке вопросов, которые на местах должны быть поставлены? Дело это спешное и неотложное. Независимо от своего существа, оно дорого еще и как величайшее орудие успокоения. Народ поймет, что правительство его уважает и отнюдь не насилует, а, наоборот, желает работать совместно с ним. Поэтому прошу вас организоваться в комиссию, заслушать проект и проредактировать вопросные пункты для обсуждения на сходах.

XX

Проект приходского самоуправления, присланный диктатору и ему понравившийся, был очень прост. Приходская община обнимала собою территориальный округ сельский и городской, причем

малые приходы соединялись и подчинялись центральному управлению. В общину входили все постоянные жители без различия исповедания. Приходское собрание составлялось из землевладельцев и уполномоченных от селений и выбирало свой постоянный орган, «приходский совет». В этот совет на правах непременного члена входил старший православный священник прихода и духовные лица тех исповеданий, которые составляли не менее трети населения. Члены совета избирали между собой председателя, приходского голову и распределяли обязанности. Церковный староста ведал хозяйством храма, остальные члены — приходской полицией, приходской кассой, школами, дорогами, благотворительными учреждениями, приходскими предприятиями. Устанавливался приходский суд. В каждом приходе открывалось кредитное учреждение для приема вкладов и выдачи ссуд и склад орудий и семян, а также материалов и инструментов для местных кустарных промыслов. Восстановлялось выборное начало для духовенства. Кандидатами в священники могли являться или благочестивые прихожане в возрасте не моложе 40 лет, или учителя, зарекомендовавшие себя школьной деятельностью в ближайших приходах, в возрасте не моложе 30 лет. Кандидаты предлагались приходским советом общему собранию и по избрании отправлялись к епископу на испытание и для посвящения. В этих избраниях иноверцы участия не принимали, выбирая свое духовенство сами. В случае отсутствия кандидатов в священники таковые рекомендовались епископом, но должны были, во всяком случае, не менее двух лет учительствовать при местной школе до принятия священного сана или в сане диакона.

Приход получал право самообложения. Жалобы на неравномерность или притеснения приносились уездному земскому собранию, которое проверяло и утверждало приходские раскладки. Земскому же собранию приносились жалобы на действия местных приходских властей в случае, если общее собрание прихода не давало жалобщику удовлетворения. Апелляционной инстанцией для приходского суда являлся съезд мировых судей. Церкви прихода освобождались от всяких взносов на епархиальные нужды; необходимые для этого суммы ставились в смету уездного земства. Раскладка всякого рода земских сборов производилась на целые приходы, которые и распределяли их внутри своей территории. В приходе велись книги населения — кадастровые книги и планы всех земель.

Контроль над приходским самоуправлением принадлежал: в области вероучения, церковной практики и суда — епископу; в области управления — уездному земству; в области финансов — уездному государственному контролеру, лично ревизовавшему периодически всякого рода денежную отчетность прихода; в области судебной — местным мировым судьям; в области школьной — местной земской инспекции; наконец, в ведении списков по воинской повинности и по учету запасных и ополченцев — местному воинскому начальнику. Во всех случаях нарушения закона или обязательных постановлений соответственная контролирующая власть имела право привлечения виновных к судебной ответственности.

Общее собрание сельского прихода производило выборы в гласные уездных земских собраний, а городского — городских дум. Каждый сельский приход выбирал двух гласных: одного от личных землевладельцев известного имущественного ценза, другого от крестьян, а в городах равное количество от домовладельцев и от остальных членов прихода, причем начиная с пятого года по введении приходского самоуправления, выбираемы в земские и городские гласные могли быть лишь лица, прослужившие в должности членов приходского совета не менее трех лет.

Высшей властью прихода и ответственным лицом за все приходское управление являлся, по проекту, председатель приходского совета, приходский голова. Он приводил в исполнение все постановления приходского совета и суда, скреплял своей подписью светскую переписку, наблюдал за делопроизводством, ревизовал все отрасли приходского дела, принимал в экстренных случаях распорядительные меры, единолично сообщая о своих действиях приходскому совету. Все правительственные и земские распоряжения производились через него. Отрешить от должности приходского голову и членов совета могло только земское собрание или суд.

Все земские сборы поступали в приходскую кассу, и все расходы производились через приходский совет. Непосредственно уездное земство производило только такие расходы, коими обслуживалось несколько приходов или целый уезд. Значительная неправомерность в имущественном положении различных приходов исправлялась соответственно уездной раскладкой, чем достигалась возможность выполнять в самых бедных приходах необходимые функции управления.

Таков был проект, предложенный Ивановым на обсуждение сведущих людей. Когда он был доложен собранию, диктатор сказал:

— Этот устав, господа, написан скромным сельским священником в глухой деревне. Относитесь к нему, как хотите, изменяйте любую часть. Но два принципа я считаю здесь основными. Во-первых, именно то, против чего вы протестуете: тесную связь с Церковью, общую работу «Бога для». Самоуправление идет около того храма, который собирает на молитву. Во-вторых, законченность организации. Приход является здесь совершенно цельною общиною, почти семьей, с совершенно определенной физиономией. И при этом полная самостоятельность всех отправлений. Все требует сплоченной дружной местной работы. Это будет фундамент и школа русского самоуправления. И я глубоко убежден, что там на местах поймут и оценят эту схему. Нужно только ее как следует объяснить и умело поставить вопросы. Затем помните, господа, что совершенства на земле вообще нет и что лучшее есть враг хорошего.

Диктатор удалился, а между сведущими людьми начались прения, наши долгие русские прения, где обыкновенно ярко блещут высокие принципы, кипит глубокая научная эрудиция, стойко отстаиваются самые тонкие оттенки мнений, но где незаметно ускользает вся практическая, серая, жизненная сторона вопроса.

Своеобразный плебисцит о приходе Иванову пришлось редактировать помимо комиссии...

XXI

Председатель Совета Министров Столыпин докладывал диктатору важнейшие из текущих дел, когда курьер подал карточку. Это было строго запрещено ввиду невероятной облавы со стороны «всякого чина и звания людей», желавших проникнуть к диктатору. На гневный взгляд Иванова курьер почтительно прошептал:

— Виноват, ваше высокопревосходительство, они сказали, что вы их ожидаете.

Но морщина на лице диктатора быстро разгладилась и глаза улыбнулись, когда он взглянул на карточку. На ней стояло всего: «Соколов 18-й».

Он подал карточку Столыпину и сказал:

— Знаете, кто это?

— Не имею никакого понятия.

— Ваш будущий министр финансов.

— О! Как это вовремя! Кто это такой?

— Я тоже его не знаю и никогда в глаза не видел.

Столыпин выразил на лице полное изумление.

— Прочтите: «Соколов 18-й». Что это значит? Кто может послать такую карточку Иванову 16-му? Очевидно, только тот, кто знает, что мне больше всего нужно, и знает, что именно он сумеет это дать. Я уверен, что это военный. Это офицер? — обратился Иванов к курьеру.

— Так точно, ваше высокопревосходительство.

— Вот видите. Ну-с, кажется, все особенно важное мы покончили. Я могу его принять. Хотите остаться на минутку, Петр Аркадьевич, посмотреть, что такое «Соколов 18-й»? Проси!

В кабинет вошел молодой офицер в артиллерийской форме. В его фигуре не было ничего выдающегося. Среднего роста, коренастый блондин с маленькими усиками и гладко выбритым подбородком. Привлекали разве внимание глаза, глубокие и вместе с тем добрые и насмешливые. Эти глаза смеялись иногда при совершенно серьезной физиономии.

— Ваше превосходительство, имею честь явиться.

— Очень рад, — Столыпин — капитан Соколов. Вы занимаетесь финансовыми вопросами?

— Вы угадали, ваше пр-во.

— Давно?

— Более пятнадцати лет.

Иванов многозначительно взглянул на Столыпина. Министр только пожал плечами.

— Когда же вы начали? Ведь вам самое большее тридцать — тридцать два года.

— Я работаю с семнадцати лет, еще с училища.

— Ну, конечно, своим предметом овладели.

— Судить не берусь. Я занимался русскими финансами.

— Скажите, каким образом вы на этом предмете остановились?

— У нас в училище была группа юнкеров, которая сейчас же по поступлении решила заниматься каждый какой-нибудь наукой. Один брал химию, другой биологию или социологию, третий — языкознание. Я тоже искал себе предмет. Случайно попалась мне одна книжка по финансам, из которой я увидал, что русской финансовой науки нет и что ее предстоит создать. В это время как раз был назначен Витте и поднимались финансовые вопросы. Это решило мой выбор. Я увидал, что в этой области я могу принести Родине наиболее пользы, и стал работать.

— Вы признаете европейскую финансовую науку или считаете ее вздором?

— Ваше пр-во, что за вопрос! Разумеется, признаю, то есть, вернее сказать, чту. Помилуйте, там гиганты мысли...

— А русскую?

— Ну, это другой вопрос.

— Хорошо. Предупреждаю вас, что я в финансах профан. Скажите мне, почему все то, что у нас сделано и делается в России по указанию финансовой науки, является сплошной глупостью и разорением?

— Постараюсь ответить по возможности точно. Финансовая наука есть ряд выводов из фактов, из статистики, из истории. Западная наука имела факты и данные из западной жизни и их отлично осветила. Наших русских данных она почти не касалась. Между тем разница настолько велика, что при изучении наших данных может явиться даже совсем другая теория финансов. Это раз. Ну а затем недобросовестность и соблазн. Здесь разобраться трудней всего. Значительное число ученых прямо продалось бирже и проповедует то, что ей на руку. Этим, между прочим, мастерски пользовался Витте. В его время чуть не все европейские знаменитости были на содержании у кредитной канцелярии. Из наших он тоже навербовал немало. Возьмите, например, покойного Миклашевского[318]. До Витте дал чудные работы по бумажным деньгам, затем поговорил с Сергеем Юльевичем — и начал воспевать золото. Также были завербованы Чупров[319], Постников[320], Янжул[321], Озеров[322] и др., я таких знаю человек десять из наших профессоров. Европейцы тоже. Знаете ли вы, что последняя статья Леруа Болье[323] в «Neue Freie Presse», наделавшая столько шуму, была писана в кабинете у Витте? Зачем в Париже сидит Рафалович[324]? Почему ни одна русская газета строки не напечатает против золотой валюты? Я не говорю, конечно, про так называемые черносотенные...

Столыпин встал с кресла.

— Для меня все это китайская грамота. Я рассуждаю о финансах, как петербургская дама... вы мне разрешите откланяться?

— Вы напрасно обижаете петербургских дам, — серьезно заметил Соколов. — Они рассуждают лучше многих профессоров.

Иванов встал тоже.

— Да, Петр Аркадьевич, время дорого, поезжайте. Но и с вами, капитан, сейчас я разговаривать не могу. А разговор у нас будет основательный. Времени у меня, вы сами понимаете, совсем нет. Можете не поспать ночь, тогда милости просим завтра после двенадцати — сюда же. Пропуск вам даст адъютант.

— Слушаю-с.

На столе резко задребезжал телефон. Иванов взял трубку.

— Это Государь. До свидания, господа.

XXII

Председатель Совета Министров и молодой капитан удалились, а Иванов приставил трубку к уху и расположился поуютнее у стола, чтобы' говорить с Государем. Слышна была только половина разговора, которую и отметим.

— Доложите Его Величеству, что я у телефона.

— Ваше Величество, а я только что собирался к Вам явиться, но Вы так милостивы, все меня бережете. Уверяю Вас, меры приняты, опасности никакой.

— С нетерпением ожидал. И у Вашего Величества это на сердце лежит. Слушаю, слушаю! Только, ради Бога, позвольте быть совершенно откровенным.

— Сносился телеграммой. Увы! Антонович болен, только что начал поправляться, но еще к делу не годен.

— Да, ужасно жаль. Что за болезнь, не знаю.

— Ваше Величество, вы разрешили мне... и требовали от меня правды. А что же я могу сказать? Типичный бюрократ, интриган, хитрый, ловкий. Куда ветер подует, туда и он. Финансы знает, но только в смысле административной рутины и критики. Я с ним говорил и вынес убеждение, что творчества тут и не заводилось.

— Простите, Ваше Величество, а уж этого кавалера я и совсем боюсь. Кто его знает, что у него в середке? Теперь ругает Витте на всех перекрестках, а вчера еще плакал ему в жилет и клялся, что был

его правой рукой. Про нравственную сторону я уже не говорю, но и талант под большим сомнением. Великолепный оратор, а на деле — что он после себя оставил?

— Не знаю, Ваше Величество, лично не знаком. Человек независимый, энергичный. По финансам как будто понимает. Прикажете с ним от Вашего имени поговорить?

— Ах, виноват, понимаю. Боюсь, что Ваше Величество слишком полагаетесь на мои силы. Слушаюсь-с, жду, кого Вам будет угодно назвать еще.

— Разве Вашему Величеству не известна Коркинская история? А 17 млн Прокудинских[325]? Нет, это имя и произносить невозможно. Человек совершенно скомпрометированный.

— Да, да, к несчастью!

— Господи, как Вас эти мошенники обманывали! Если Ваше Величество интересуетесь, я Вам эти истории подробно доложу.

— Ну, конечно, Сергей Юльевич.

— Слушаю, слушаю. Вот уже тут, Ваше Величество, я ничего не могу сказать. Константин Петрович[326], царство ему небесное, циник был великий, да и в людях тоже зачастую ошибался. Да, это человек его школы. Я читал эту вещицу, да кто у нас по финансам не писал? А по-моему это типичный петербургский тайный советник.

— Ваше Величество, сами знаете, что это действительно порода, зоологический вид. Благоволите посмотреть его послужной список. Точь-в-точь, как у Коковцова, хоть в «Стрекозе» печатай. Бродил из ведомства в ведомство, участвовал в самых невозможных комиссиях, получал прибавки, аренды и Высочайшие благоволения, имеет все ордена «до Белого Орла включительно». А толку от него ни на три копейки. Уверяю Вас, что все эти господа похожи на старую затрепанную колоду карт. Как ее ни перетасовывать, все будут одни и те же фигуры. Обновить Россию могут молодые и свежие элементы, этим старцам надо предоставить присвоенную пенсию и черные рамки в «Новом Времени».

— Ну, конечно, помимо чинов! Ах, Ваше Величество, как давно это было нужно сделать! Это составило бы славу Вашего царствования. Ведь из-за чина правительство формально изолировано от всяких свежих сил.

— Слушаю, Ваше Величество! Вот это действительно имя. Он и на Мс,'я произвел совершенно такое же впечатление. Только ведь это

барин и страшный лентяй. Он может в любую минуту остыть, бросить все и уехать к себе в Сычевку или во Флоренцию.

— Да, разумеется, страшно симпатичен. И притом отличный оратор, владеет толпой. Справится с чем угодно, талант несомненный. И однако в Думе рта не разинул. А между тем, чтобы попасть в Думу, ушел из Государственного Совета.

— У меня? Продолжаю настойчиво искать. Боюсь обнадеживать Ваше Величество, но, кажется, мне придется скоро Вам докладывать и просить Вас начать упразднение чинов на деле и сделать производство довольно необыкновенное...

— Нет, нет, Ваше Величество, позвольте умолчать. Я вот его хорошенько рассмотрю да проэкзаменую. Тут надо быть страшно осторожным.

— Теперь? Сейчас принимаю депутацию объединенного дворянства. Кажется, будут граф Бобринский[327], князь Касаткин-Ростовский[328] и саратовский Ознобишин[329].

— Слушаю-с, слушаю-с! Ваше Величество, можете быть покойны! Я сам дворянин и свое звание глубоко чту. Но этим господам маленькое нравоучение прочесть не мешает.

Разговор кончился. Иванов положил телефон на место, глубоко вздохнул и задумчиво произнес:

— Наслаждение работать с таким Царем... Какой Он славный, добрый! И что с этой добротой делали! Опутывали, всячески обманывали, наконец, оклеветали перед Россией. А Он спокоен, как праведник: «История Меня оправдает». И никто, никто не знает Его в настоящем виде! Погодите, милостивые государи, я покажу вам вашего Царя во весь рост!_

Иванов вздохнул, нажал пуговку звонка и сказал:

— Просите дворянскую депутацию.

XXIII

Вошли граф А. А. Бобринский, председатель Совета Объединенных Дворянских Обществ, член Совета кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский и саратовский губернский предводитель В. Н. Ознобишин.

— Очень рад, господа, с вами познакомиться, — начал Иванов, — и готов вам служить. Я сам дворянин и глубоко чту идею *русского* дворянства (диктатор сделал ударение на слове «русского»). Но чем

больше я его люблю и чту, тем более критически отношусь к его современным представителям и их работе. Ну вот хоть бы ваша организация, ваши съезды...

— Что же вы имеете против нашей работы? — мягко спросил граф Бобринский.

— Если не ошибаюсь, у вас в руках постановления последнего съезда? Я их уже знаю, читал. В них много дельного, здравого, но простите, господа, все это не государственные мысли, не государственная точка зрения. Сословного эгоизма тут нет, это правда, но вы говорите, как представители только одного класса — частного землевладения.

Князь Ростовский сказал строго и нервно:

— Я думаю, что теперь это главный и самый угрожаемый интерес.

— Вот именно поэтому, — отвечал диктатор. — Государственная точка зрения — это широкий взгляд на все земледелие — и частное, и крестьянское, в связи со всею жизнью государства. Укажите правительству на те ужасные условия, в какие земледелие поставлено, и найдите средства помочь беде. А вы все сводите на агитацию революционеров да на механическую защиту земельной собственности. Ну, хорошо. Правительство примет драконовские меры, остановит аграрные волнения, усмирит бунтующего мужика. А дальше что? Полагаете ли вы, что водворится тишь да гладь, и вы будете спокойно сидеть на местах и вести хозяйство?

— Простите, генерал, разумеется, правительство должно не только это сделать, но и создать общие условия, чтобы разрешить наш аграрный вопрос и дать возможность всем работать спокойно на земле, — возразил гр. Бобринский.

— Правительство? — живо подхватил Иванов. — Да, конечно, правительство! Но я желал бы знать, какими силами оно это сделает? Правительство может разве уловить созревшую в обществе мысль и кое-как ее осуществить, но, избави Бог, требовать от него творчества! Какие у него орудия для этого? Чиновники, казенные профессора, всякие добровольцы да газетчики? Нет, господа, простите меня, Довольно с нас этого творчества. *Вы* осветите дело, *вы* выносите и дайте нам решение вопроса. Кому это сделать, кроме вас? Вы — Ум страны, ее культурнейший слой.

— Вот, оригинальная точка зрения, — заметил кн. Касаткин-Ростовский. — Да разве нас когда-нибудь слушали, разве нас спрашивали?

Иванов встал с кресла и начал ходить по кабинету.

— Вы должны были заставить себя слушать. Дворянство было единственным классом, голос которого нельзя было ни спрятать, ни заглушить. Но оно спало сорок лет, оно на своих собраниях не поднимало никаких общегосударственных вопросов, хотя и имело на это право. Что же, вы скажете, что оно не сознавало опасности, не видело, куда Россия идет? В начале царствования был поставлен дворянский вопрос. Витте, конечно, постарался его сейчас же перекрутить. Что же, вы протестовали, господа? Ваши губернские предводители бросились к Государю, чтобы раскрыть Ему глаза на подлог? Нет, вы допустили, что вопрос сошел на нет, на понижение процентов Дворянского банка, на какие-то пустые пансионы-приюты, на дворянскую канцелярию и тому подобную мелочь. Вы сами похоронили дворянство... Но это еще не все. А ваши губернские предводители? Когда правительство струсило после проигранной войны и растерялось, с чем пришли к Государю двадцать шесть предводителей? Вместо того, чтобы принести мужественный голос первого сословия, вдохновить ослабевшую власть, сказать твердое слово от имени всей земли Русской, господа предводители явились рекомендовать конституцию, то есть позорную сдачу! А теперь что они делают?

— Вам известно, что объединенное дворянство не одобряет действий предводителей... — заметил Бобринский.

— Да, у вас чуть не вышло раскола. Ваша организация стала в независимое положение. Но что же сделала она сама? Три съезда дворянство топчется на месте, никак не умея выйти из круга интересов одного класса землевладельцев. Да и здесь только просьбы к правительству о содействии и защите. Один-единственный человек Павлов[330] поднял у вас финансовый вопрос, но вы его похоронили.

— Финансовые вопросы очень скользкая почва — мы в них не компетентны.

— Тогда кто же, господа, компетентен? Чиновники? Казенные профессора? Ищите специалистов, ставьте эти вопросы, обсуждайте, иначе ваша государственная роль кончена. Или вы культурное сословие, мозг страны, или дворянство погибло.

Разговор перешел на резолюции последнего съезда. Диктатор с горечью остановился на мнении дворянства об изменении избирательного закона.

— Неужели вы не замечаете, господа, как мелко и узко поставлен вами вопрос? Неужели вы верите, что путем избирательного закона можно собрать в России приличную Думу и с нею законодательствовать? Ведь это же абсурд!

Выступил со своею философией дворянства В. Н. Ознобишин. Им написано целое историческое исследование, доказывающее то положение, что роль дворянства в России — *управлять*, что целые века воспитали в нем особое свойство, ставшее прирожденной принадлежностью сословия, — «уметь *повиноваться* без унижения и *приказывать* без наглости». Отсюда естественная необходимость сохранить в своей роли это сословие, служилое по самому своему существу и представляющее элемент государственного единства и воли.

— Вы, может быть, правы в своем определении прежней роли дворянства, — возразил диктатор. — Таковым оно было и должно было являться, пока Россия слагалась, пока сила шла вперед. Но теперь надо рамки раздвинуть шире и обосновать этическую сторону лучше. Я бы определил дворянство в будущей его роли так: сословие абсолютно бескорыстное, совершенно лишенное классового эгоизма. Все живут более или менее для себя и имеют свои интересы. Интерес дворянства — интерес общий: государства, земства, народности. Все говорят за себя — дворянство говорит за всех. Вы скажете, что это крайний идеализм, — тем лучше. Но в России только эти вещи и ценятся, только с такого рода первым сословием и может помириться народная совесть. Отсюда и все требования, предъявляемые к дворянству. И первое из них: во что бы то ни стало удерживать свою землю, ибо без этого культурная роль дворянства неосуществима. Но удерживать землю не для того, чтобы извлекать из нее доход *всяким* путем, а для того, чтобы нести на своих плечах руководительство земледельческой культурой, идти впереди масс, быть их старшими братьями, учителями. Ступень выше — и перед вами земская работа, которая также целиком ваша. И не по писанному праву, не по закону только, а потому, что само население выдвинет вас в земство, увидав в вас просвещенных руководителей. А затем и земство только школа для подготовки к государственному делу. Лучшие силы дворянства, воспитавшись на земстве, дадут отбор самых лучших работников в центре. Вот русская дворянская схема. И если бы вы ее понимали, господа, вы не ломали бы головы

над изменением избирательного закона, а сразу бы остановились над системой земских областей.

Во время этой речи старик Касаткин-Ростовский сверкал глазами и боролся со своей одышкой. Когда Иванов указал на бегство с земли русского дворянства и на стойкое сопротивление остзейского, князь не выдержал и заговорил горячо и гневно:

— Хорошую нотацию вы нам, старикам, прочли, ваше превосходительство. Удерживать землю, быть учителями — ну еще бы! А вы изволили подумать, каково это нам за этот период было удерживать землю и быть учителями, когда все государство российское целых сорок лет обрушивалось на деревню и только и знало, что подкапывать и разорять хозяйство и унижать дворянство? Что же, мы бежим с земли добровольно? Вон, посмотрите. Помещики из сожженных усадьб сбежались в города, ютятся по маленьким квартирам — это, вероятно, только от малодушия? Молоды вы, ваше превосходительство, и горячи. Тут глубокая трагедия, и грешно бросать нам такие обвинения. А вы вот лучше поверните-ка государственную машину, коли сможете, в другую сторону. Попробуйте-ка сделать, чтобы она не душила деревню, а ей помогала. Тогда вы увидите, много ли будет этих малодушных и уступим ли мы немцам в любви к земле?

— Да, да, да! Это будет моей главной задачей, но повторяю вам, господа: один я бессилен. Правительство, весь чиновничий слой, все это тянет не туда. Мы порвали все традиции: славянскую, церковную, земскую, дворянскую, зато бесконечно развили канцелярскую, бюрократическую. Все чиновники, никого нет, кроме чиновников! Так пусть же дворянство первое освободится от этой заразы и вернется на свои рельсы. Я именно желаю опереться на вас, но для этого нужно не обижаться на меня, не сердиться, а вдуматься, широко поставить государственный вопрос и помочь мне вашей мыслью, вашей правдой. А если мои слова кому-нибудь показались оскорбительными, прошу меня великодушно простить.

XXIV

Ровно в полночь капитан Соколов 18-й был в Зимнем дворце. Ему пришлось ждать около часу, пока освободится диктатор, заваленный делом. Наконец курьер пригласил его в кабинет.

Генерал-адъютант Иванов в рабочей тужурке сидел у стола, пересматривая груду писем, бумаг, депеш и газетных вырезок, которые подавались беспрерывно, уже отсортированные секретарем. Диктатор делал на бумагах широкие пометки синим карандашом и направлял к исполнению, некоторые откладывал.

— Снимите шашку и садитесь. Мне осталось работы на две минуты.

Скоро Иванов встал, потянулся, хрустнул косточками пальцев и промолвил, вновь опускаясь в кресло:

— Вы себе не можете представить, как в этом проклятом Петербурге бумага засасывает человека.

— Неужели, ваше пр-во, не можете передать эту работу министрам? Что же они делают?

— Наивный вопрос, голубчик. Во-первых, они так же купаются в бумаге, как и я, а во-вторых... считают своим долгом интриговать и подставлять и сами себе, и мне ногу на каждом шагу. Здесь, в этом море интриг и подлостей, десять процентов сил расходуешь на работу, а 90 — на трение и всякие мерзости...

— Да зачем же вы их держите? Неужели у вас нет людей «без трения», на которых вы могли бы положиться?

— Легко сказать! Ищу, присматриваюсь. Довериться никому нельзя. Держу пока этих господ — за их, по крайней мере, знание административной рутины. В том-то и дело, что новичок, не бюрократ, запутается безнадежно с первого шага. Двести лет нарастала эта плесень. Минутами чувствую, как у меня мешаются мозги. Ну, да бросимте это, давайте разговаривать.

— Прикажете докладывать?

— Нет, мой дорогой. Время чертовски дорого. Поэтому вести и направлять разговор буду я. Сначала сверимся. Я вам скажу, что я знаю по финансам, вы меня остановите, где я совру. Затем, если наши показания сойдутся, я вам задам вопросы о том, чего я не понимаю. Идет?

— Слушаю-с.

— Ну так вот. То, что я прочел, выяснило мне, что в основе всей организации современного государства лежат деньги — это раз. Все может быть плохо, но денежная система хороша, и государство будет процветать. Все хорошо, но денежная система плоха, и государство разорится и попадет в революцию. Так?

— Совершенно верно.

— Дальше. Золото, ставши теперь мировыми деньгами, вздорожало. Отсюда огромные выгоды для тех стран, которым должны, и огромные убытки для стран, которые платят проценты. Россия задолжена по уши, следовательно, золото ее разоряет. На восстановление биметаллизма надежды нет, значит, она должна ради самосохранения взять деньги более дешевые, то есть перейти на серебро или на чистые бумажки. Это я понимаю. Но здесь являются сомнения. Во-первых, уплата процентов по займам. Чем она будет обеспечена, раз мы покинем золото? Ведь сумма платежей страшно увеличится?

— Разумеется. И все-таки страна будет в огромной выгоде. Судите сами. Представьте себе, что нам надо платить 100 млн процентов. У меня точных цифр под руками нет, и я беру цифры схематически. Курс рубля понижен до $^{2}/_{3}$. Значит, нам придется платить не сто, а полтораста миллионов. Но в то же время мы вывозим на миллиард рублей товара. По новой расценке мы получим за него полтора миллиарда. Другими словами, государственное хозяйство потеряет пятьдесят миллионов, а народное выиграет полмиллиарда.

— Понимаю, понимаю. Но ведь соответственно нам и за ввоз придется платить в полтора раза дороже?

— Несомненно. Но так как иностранные товары вздорожают в полтора раза, то ввоз их сам собою сократится. Одновременно низкий курс будет давать огромную премию для вывоза. В результате расчетный баланс сразу сильно перекачнется в нашу пользу, и народное хозяйство получит огромные барыши.

— Понимаю! Но, голубчик мой, ведь одновременно последует перестановка всех внутренних цен. Так что, в конце концов, выгода получится фиктивная?

— Вот здесь я с вашим пр-вом не согласен. Это случилось бы только в том случае, если бы мы потребляли много иностранных товаров и не могли бы заменить их своими. Но что же мы потребляем, если взять народную массу? Чай? Да ведь он стоит всего около двугривенного фунт, остальное пошлина. Пряности и лекарства? Пробки? Но ведь этого ввозится на пустяки. Хлопок? Поднимется цена, и среднеазиатский не только вытеснит американский и египетский, но и сам пойдет за границу. Машины — сами будем делать. Металлами мы завалим все рынки. Уголь, нефть — свои. Мода, гастрономия — да Господь с ними, пусть дорожают. Я совсем не вижу

причин, чтобы предметы народного потребления вздорожали. Россия сейчас совершенно обезденежена и лишена кредита. Подешевеют деньги, явятся оборотные средства, двинется промышленность, и внутренняя конкуренция не только не даст ценам повыситься, но и еще их понизит.

— Но хлеб все-таки вздорожает, а следовательно, поднимется и заработная плата?

— Очень немного. Я сравнивал колебания хлебных цен и заработных плат. Связь есть, но очень слабая. Мука колеблется от 50 коп. до 1 рубл. 70 коп. за пуд, а заработная плата чуть прогрессирует. Наконец, если цены на хлеб или мясо поднимутся очень высоко, в ваших руках есть всегда средство их благоразумно понизить — это вывозные пошлины.

— Насколько я вас понимаю, весь ваш расчет основан на том, что рубль может упасть в цене на международном рынке и сохранить полную стоимость дома?

— Именно это, и больше ничего, и в этом я **вижу единственный** способ экономического возрождения России.

XXV

— Это для меня теперь совершенно ясно. Но вот вопрос, который вы мне, пожалуйста, выясните. Чем больше, значит, понижается рубль, тем выгоднее для народного хозяйства. Увеличивается премия на вывозные продукты, сокращается иностранный ввоз. Но где же граница этой выгодности? Ведь она должна же где-нибудь быть? Иначе надо было бы понижать курс рубля до копейки.

— Простите, ваше пр-во, я этот вопрос предвидел. Граница есть, и ее укажет практика. Позвольте мне выразить это положение в такой форме. Во-первых, внутренняя стоимость рубля, то есть его покупательная и расплатная сила должны быть по возможности постоянными. Это достижимо без всякого металла путем только правильного устройства внутреннего денежного обращения, то есть народного кредита и эмиссионной операции. Во-вторых, его международная стоимость должна сполна регулироваться государственной властью и строго отвечать потребностям страны в сношениях с внешним миром. В известный период вам нужно как можно полнее изолировать Россию — держите самый низкий курс. В другое

время эта уединенность будет вредна — поднимайте курс до паритета с международными деньгами. Это дело народно-хозяйственной политики.

— Я не совсем вас понимаю.

— Ну вот, например, сейчас: Россия совершенно истощена. Всякий рубль, уходящий за границу, равняется выпускаемой из государства крови. Денег в обращении ничтожно мало. Народный труд парализован. Понижайте курс, изолируйте Россию от заграницы, развивайте народный труд, работайте на вывоз, ограничивайте ввоз, скопляйте национальные капиталы. Но затем проходит десять, двадцать лет. Россия поправилась, разбогатела. Долги заплачены. Русские капиталы в избытке и сами начинают искать внешних рынков. Уединение становится вредным. Снимайте все перегородки, и с Богом на мировую арену. Разница между внутренними и международными деньгами сама собою упраздняется. Эту мысль, по другому, правда, поводу, высказывал Мак-Кинлей[331] в день своей смерти...

— Понял, понял. Другими словами, это экономика больного государства, желающего поправиться. Это ваши личные выводы?

— Да, если хотите. Это органическая часть русского учения о бумажных деньгах. Оно принадлежит не мне. Но и я здесь тоже несколько поработал.

— Ну-с, будем продолжать. Итак, вы стоите за чистую бумажную валюту? А серебро? Что вы имеете против возврата на серебро? Не было ли бы это проще и легче?

— Я вам отвечу коротко. В настоящем положении России и при существующих ценах серебра наш обратный переход на серебряную валюту мог бы тоже довольно прилично решить вопрос о нашей денежной системе. При серебре мы могли бы иметь хорошие национальные деньги и на первое время даже в нужном количестве. Можно было бы свободно выпустить около 2 млрд разменных на серебро билетов и на эти деньги организовать народный кредит, перевооружить армию, создать нужные крепости и железные дороги, выстроить флот. Но позвольте мне быть вполне откровенным. Витте напустил на нас панику перед бумажными деньгами. Если бы я разговаривал не с вами, я бы, разумеется, из соображений тактики, не сказал бы ни слова о бумажных деньгах и рекомендовал бы простой переход на серебро. Практически этого совершенно достаточно. Но вы не человек толпы. Вы меня понимаете и мне более

или менее доверяете. Вам я не побоюсь высказать всю мою мысль до конца. Так вот, ваше пр-во, бросьте вопрос о серебре. Зачем вы хотите связывать свободный и свободно управляемый бумажный знак с металлом? Почему рубль должен изображать непременно 4 золотника 21 долю серебра?

— Но если вы откинете металлическое основание, что же тогда будет изображать рубль?

— Идейную меру ценностей. Выраженный в цифрах акт посредничества Верховной власти в сделках и расчетах подданных.

— Но где же тогда гарантия постоянства этого знака? А ведь постоянство — это самое важное условие денег.

— Да, разумеется. Но кто же вам сказал, что металл дает это постоянство? С 1873 года покупная способность золота возросла в 2 ½ раза. Завтра Россия переходит на серебро, и нынешняя покупная способность этого металла начинает неудержимо расти. Остановить ее не в вашей власти. Наоборот, именно раскрепленный от металла денежный знак может быть идеально постоянным.

— Это страшно любопытное, но и черт знает какое рискованное положение! Да, всякий металл имеет свою внутреннюю ценность, и эта ценность меняется. Но каким образом может быть постоянным бумажный знак, ни на что не разменный?

Иванов встал. За ним встал и собеседник, и оба начали ходить по комнате. Соколов волновался.

— Прошу ваше пр-во выслушать меня с полным вниманием. Здесь центр тяжести всей моей системы. Усвоите вы эту точку зрения, ваше дело сделано. Не усвоите и не одобрите, у нас обоих будут связаны руки. Мое дело будет парализовано на три четверти.

— Я вас слушаю, слушаю.

— Человек живет окруженный атмосферой воздуха. Воздух состоит из нейтрального азота и активного кислорода. Состав атмосферы постоянный, и человек ее не замечает вовсе и о ней не думает. Попробуйте увеличить количество кислорода. Человек чувствует, что сгорание его тканей пошло быстрее, постоянство его жизненных условий нарушено. Попробуйте убавить — он начинает чувствовать стеснение, задыхаться. Деньги для общественного организма — то же, что кислород для дыхания. При правильном денежном обращении, которое нераздельно с постоянством ценности денежного знака, деньги являются только орудием обмена и никакой самосто-

ятельиой роли не играют. Но вот заметно стеснение в деньгах. Деньги дорожают, промышленность это чувствует и начинает задыхаться. Обратно: количество денег растет, они дешевеют и в промышленности является нездоровое возбуждение — дорожают товары. Деньги давят как своим недостатком, так и избытком, и вместе с тем в обоих случаях непременно изменяется их ценность, или покупная сила. Теперь ясно вам, когда денежный знак является постоянным? Это тогда, когда денег в народном обращении как раз столько, сколько в данную минуту нужно.

— А каким образом это определяется?

— Для этого определения точных способов нет, да оно и не нужно. Все это делается автоматически.

— Здесь мы пришли к самому важному возражению против бумажных денег. Это не мое возражение, а ходячее. Правительство может напечатать массу бумажных денег и перепутать всю экономику.

Соколов вспыхнул.

— Это одно из самых недобросовестных возражений, какое только можно себе представить. Это все равно, что возражение против постоянной армии. А вдруг правительство выставит на улицах военные отряды и начнет расстреливать прохожих!

— Значит, вы не допускаете возможности чрезмерных выпусков?

— Ваше превосходительство! Имейте терпение меня дослушать. Бумажные деньги самое совершенное орудие государства. Возьмите армию. Во время войны войска бросают в сражение и сразу выводят из строя иногда десятки тысяч. В мирное время берегут солдата от лишней царапины. Так и бумажки. В военное время их приходится выпускать массами, как в Отечественную войну. Здесь, конечно, страдают все экономические отношения, но бумажки все-таки самый дешевый способ ведения войны для такого государства, как Россия. Это огромный налог на все капиталы и перенапряжение народного труда. В мирное время ни о каких неправильных выпусках бумажек не может быть речи, разумеется, если государство сколько-нибудь правомерное. Ведь печатать бумажки и раздавать их направо и налево — это, в сущности, то же самое, что делать фальшивые ассигнации. Эмиссионный банк должен и может быть так устроен, чтобы знаки выпускались автоматически, то есть чтобы деньги появлялись сами собою, когда они должны явиться и, отработавши, исчезали опять же сами собою, с точностью до рубля. Никакому сомнению, никакому произволу здесь не может быть ни малейшего места.

— Вы не увлекаетесь вашей теорией? Такое автоматическое снабжение возможно? Как его осуществить?

— А вот потрудитесь оценить сами этот аппарат. Вообразите себе наш средний уезд. Денег обращается там крайне мало, кредита, можно сказать, никакого. Хозяйство самое хищническое и ростовщики дерут по 5 коп. в месяц и больше. Вот что вы делаете. Во-первых, в каждой волости открываете учреждение мелкого кредита, скажем, кредитное товарищество, кстати, это прекрасный тип. Это товарищество первое время работает на деньги, ссуженные Государственным банком, ибо своих вкладов взять негде. Во-вторых, преобразовываете уездное казначейство в отделение Государственного банка со всеми банковскими операциями. При нем учетные комитеты: от землевладельцев, от торговцев, от промышленников, от учреждений мелкого кредита. Кредиты открываются, разумеется, обдуманно и осторожно, но широко, так, чтобы ни один кредитоспособный не остался без удовлетворения. Казенные и земские суммы не выделяются, а проходят только по счетам, единство кассы полное. Отделение выдает деньги и принимает вклады. Начинается работа. Сразу же оказывается, что денег в уезде обращается ничтожно мало и кассу отделения приходится «подкреплять». Центральный эмиссионный банк печатает свои знаки и посылает. Уезд всасывает их и работает. Но вот понемногу рядом с расходной кассой работает все сильнее и приходная. Возвращаются ссуды. Являются отработавшие свободные деньги, которые никто дома не держит, а вносит на вклад или на текущий счет, чтобы воспользоваться процентом, разумеется, если кредитное учреждение под боком, а не за сотни верст, как теперь. Наконец, наступает момент, когда расход и приход денег в отделении уравновешиваются и новые знаки из банка не нужны. В уезде устанавливается свое правильное денежное обращение и банку остается только определить, какой свободный резерв знаков должно держать отделение. Но это уже мелочь, подробность. Не все ли равно, сколько у меня в кладовой лежит неходячих денег в пачках? Вы понимаете, ваше превосходительство, что дело совсем не в количестве выпущенных денег, а в условиях их обращения, то есть вот в этих кредитных учреждениях и их надлежащей организации. Скажите: если бумажки будут идти только этим путем в об-

ращение, может быть вопрос о чрезмерном их выпуске? Может ли явиться малейшая надобность в каком-нибудь металлическом покрытии?

— Но могут быть злоупотребления кредитом...

— Так поставьте его правильно! Вот и все.

— У вас и это все разработано?

— Конечно.

Часы пробили четыре.

XXVI

— Нам придется прервать наш разговор до завтра, — сказал Иванов. — Поберегите меня, я совершенно изнемогаю. Никакое здоровье не выдержит такой работы, как моя в эти дни. Хуже всего, что от переутомления не могу спать. Завтра наша с вами беседа будет, надеюсь, кончена... Пожалуйста, набросайте на бумажке в самых кратких чертах те реформы, которые нужны в финансах. Мне нечего от вас скрывать: из нашего сегодняшнего разговора я убедился, что вы именно тот человек, которого я искал на пост министра финансов.

— На пост министра финансов? — удивленно спросил Соколов.

— Ну, конечно. Почему вы так удивились?

— Потому что я шел к вам совсем не за этим. Этот пост не для меня.

— Вы боитесь не справиться?

— Моя работа — провести вам необходимые реформы. Для этого прежде всего нужна полная свобода и спокойствие. Министры же ваши засосаны по уши административной тиной.

— Ну тогда вас надо сделать товарищем министра.

— Зачем? Разве мне нельзя работать на свободе, имея дело только с вами?

— Да, если бы дело шло только о реформах. Но и здесь вы же один не справитесь. Вам будут нужны подготовительные работы, чиновники, канцелярия.

— Вы мне откроете кредит, и я возьму людей со стороны или выберу и укажу кое-кого из чиновников, и вы их мне откомандируете для работы.

— Ах, вы не знаете здешней техники. Так работать нельзя. И потом, кроме реформы, мне нужно ваше постоянное участие в текущих делах министерства. Я не могу больше переносить Коковцова ни минуты. Он корректен и мил необыкновенно, но его мыслительная машина совсем особенная, и затем — это ученик Витте и центр интриги против меня.

— Я в вашем распоряжении, приказывайте. Но я буду очень ослаблен, если вы меня запряжете в административное дело. Наконец, я могу сам запутаться.

Иванов тронул Соколова за погон.

— С этой штукой не запутаетесь. Мы с вами люди военные.

— А мой чин?

— Государь этим стесняться не будет. Назначил же Он меня.

— Слушаю-с.

— Ну, идите с Богом и завтра приходите, обсудим вашу программу. Помните одно: окажись вы хоть гений, будь ваша программа чудо творчества, я не сделаю ни шага втемную. Надеетесь ли вы хорошо растолковать ваши положения в широких слоях? Согласятся ли с вашей программой земские собрания?

— А при чем тут земские собрания?

— А вот при чем. Впредь до созыва Земского Собора и устройства новых законодательных органов на основе областного деления России законодательные меры, не терпящие отлагательства, должны быть проводимы, по-старому, через Государственный Совет. Но ни один законопроект не должен быть туда внесен иначе, как после обсуждения его на дворянских, земских и городских собраниях, а если нужно, то и в других собраниях, до волостных сходов включительно. Свод всех высказанных мнений даст фундамент закону достаточно надежный, и Государственному Совету останется только хорошо редактировать общий голос народа. Так вот, мой дорогой: нужно, чтобы ваша идея была совершенно раскрыта и выяснена. Ее Должны понять на любом уездном земском собрании. Вы сумеете это сделать?

— Надеюсь.

— Вы одобряете этот путь?

— Ваше превосходительство! Как же я мог его не одобрить? Ведь это единственный путь уважения к своему народу.

— Я рад, что вы меня сразу понимаете. Я заклятый враг всякого сочинительства, бюрократического ли или парламентарного. Итак, До завтра.

Соколов откланялся, а диктатор, совершенно измученный, бросился в постель и долго не мог заснуть. В тяжелом утреннем кошмаре над ним плавали корректные физиономии тайных и действительных тайных советников с улыбкой на устах и ядом на сердце. Иванов чувствовал, как глубоко растревожено им двухсотлетнее бюрократическое гнездо, как не простят ему эти корректные сановники посягательства на их владычество в стране. «Умякоша словеса их паче елея и та суть стрелы», — этот текст вертелся в сознании Иванова и отгонял его сон. Проклятый Петербург!

XXVII

Прошла неделя со дня объявления диктатуры и назначения Иванова 16-го чрезвычайным Императорским уполномоченным. Какие мины ни подводила под ненавистного ей диктатора высшая петербургская бюрократия, доверие Государя Иванову было непоколебимо и опиралось на твердо поставленный диктатором девиз: «Никакого сочинительства — всякая реформа должна быть плодом всестороннего и всенародного обсуждения». Об этот принцип разбивались все интриги.

Но проводить идею в жизнь было нелегко. Это было формальное упразднение не только бюрократического самовластия, но и всей бюрократической касты. Правящий слой хорошо понимал, что в своей схеме обновления России Иванов не отводит бюрократии совсем никакого места, строя все из земского и выборного начал. Отсюда интриги и самые непредвиденные препятствия на каждом шагу.

И тем не менее дело подвигалось. Злобствовала и бастовала чиновная рать, но из глубин народных и земских, так верил Иванов, должны были явиться и люди, и идеи. Очень важное и ценное — проект устройства основной государственной и земской ячейки — прихода, вполне разработанный, был уже у диктатора в руках. По финансам, составлявшим главную заботу Иванова, неожиданно явился именно тот человек, который как раз отвечал потребности, — Соколов. В министры земледелия был намечен знаменитый «дворянин Павлов», и его возвращения из-за границы ожидал диктатор. Но оставалось еще огромное дело — проведение областного деления России и устройство центральных государственных и областных

земских органов, и здесь Иванову приходилось уже работать самому, почти без помощников, до такой степени идея областей и земской децентрализации была чужда и ненавистна бюрократии.

Зато им самим эта идея была усвоена вполне. Она, собственно, и выдвинула его к власти в тот момент, когда Государь, отрешившись от старого режима, испытал первое и горькое разочарование в своей конституционной попытке. Иванов перечитал все, что было в русской литературе по этому вопросу, и нашел идею областей даже у такого великого государственного централиста, как Император Николай I. Его самостоятельные генерал-губернаторства были в зачаточном виде теми же большими областями. Только бюрократия и здесь поспешила стать поперек дороги — свела на нет великую и плодотворную мысль.

Областная идея решала все жгучие и острые вопросы управления, вызвавшие политическую и социальную смуту и едва не погубившие Россию. Верховная власть в лице Самодержца Царя получала необыкновенно прочное и широкое обоснование. Воплощенный представитель чистого государственного начала и национальной мощи, Государь освобождался от засасывающих мелочей управления, являлся свободным от всякого духовного насилия и обмана со стороны элементов, упорно расхищавших его власть. К сотрудничеству с ним призывались лучшие силы страны в лице свободных и независимых земских работников, уже показавших себя на долгой работе в уездах и областях. Из этих людей без всякой бюрократической примеси составлялись высшие государственные учреждения в виде целого ряда советов, каждый из выдающихся специалистов, каждый из стойких и убежденных людей с незапятнанным и славным трудовым прошлым, способных не рабски исполнять выхваченные министрами Высочайшие повеления, но говорить Царю всю правду, беречь Его Самого от возможной ошибки и слабости человеческой. Окруженный системой постоянно обновляющихся и прочно поставленных государственных органов, совершенно не зараженных ни придворными, ни бюрократическими традициями, Государь мог сознательно и свободно исполнять свою священную задачу — выступать верховным Судьею, последним Суперарбитром, Живым Носителем национальной совести. Его личной инициативе не мешало ничто, но эта инициатива была всецело обеспечена от всяких нашептываний и влияний и осуществлялась в формах, совер-

шенно исключавших всякую мысль о незакономерности и произволе. Самодержавную волю не связывало ничто, но путь ее осуществления был твердо предуказан, и царственная мысль переживала такую проверку, что заблудиться не могла. В рамках, рисовавшихся Иванову, одинаково умещались и гениально-безудержный Петр, и душевно искалеченный Павел[332]; живая совесть Помазанника и доверие Земли его советникам были теми основными конституционными устоями, на которых строилось новое здание русской государственности.

Но от идейной формулировки до фактического осуществления или даже точного определения, хотя бы в форме самых черновых законопроектов, расстояние было огромное. И над этой своей заветной и главной мыслью Иванов был осужден работать совершенно один, так как сотрудников по душе не находил никого.

А работа была поистине гигантская. Нужно было дать совершенно новое устройство уезду, принимая во внимание как условия центра, так и крайнее разнообразие окраин. Нужно было дать организацию каждой из 18 областей, из которых должна была, по мысли Иванова, сложиться Россия. Каждая область, чтобы дать нечто живое и цельное, определенно «явить лицо свое», должна была получить своеобразное устройство по совершенно особому для каждой уставу. Никакой шаблон не мог иметь места, так как устраивать Литву, Малороссию, Центр, Поволжье, Кавказ или Сибирь приходилось не иначе, как считаясь со всеми особенностями каждого края и имея в виду особые условия его государственной связи с целым и подчинения русской идее, русской национальной политике. И все это приходилось делать одновременно. До устройства областей нельзя было получить центральных органов, на основании областной схемы составленных. С другой стороны, утверждать и вводить областные уставы могли лишь центральные государственные установления нового типа. Старые для этого совершенно не годились. Получался замкнутый круг, из которого не виделось выхода даже путем Земского Собора. Последнему могла быть предложена разве совершенно законченная и всею страной одобренная работа лишь на окончательное одобрение. Но как эту работу исполнить? Кем, какими силами, когда бюрократия о ней не хочет и слышать, а, наоборот, потому только и схватилась за парламентаризм и создала Государственную Думу, чтобы устроить новое торжество бюрократическому централизму?

И вот Иванов пришел к такого рода мысли: для предварительных соображений по выработке областных уставов созвать сначала в чисто русских областях земские совещания в намеченных областных центрах, преподав этим совещаниям только самые общие указания, но зато твердо очертив государственные пределы областных самоуправлений. Пусть сами земские люди коренной России разработают для себя и у себя свое домашнее устройство, а затем уже наступит очередь устраивать инородцев. В состав этих совещаний, кроме немногих лиц по вызову, должны были войти особо избранные местным дворянством, уездными земскими собраниями и городскими думами делегаты. Все работы этих областных совещаний поступали на сверку и разработку в совещание центральное, и затем после сделанных исправлений проекты областных уставов рассылались на заключение соответственных уездных собраний с тем, чтобы вернуться для окончательной редакции в совещания областные. Исходящие отсюда готовые законопроекты областных уставов должны были быть представлены на одобрение Земского Собора.

Выбирая время между официальными приемами и множеством текущих дел, усердно работал Иванов над этим вопросом, который он считал самым важным, самым основным всей своей реформаторской деятельности. «Главные основания» для работы выборных людей земской Руси были уже готовы. Белая петербургская ночь застала диктатора над проектом Высочайшего манифеста, возвещающего созыв первых десяти областных совещаний. Над сонной Невой торжественно плыли звуки часовых колоколов Петропавловской крепости, игравших полночь, когда курьер доложил о приходе Соколова.

XXVIII

— Послушайте, мой дорогой, — встретил Соколова диктатор, — по поводу вас вышел скандал. Я имел крупную неприятность с Коковцовым. Когда я ему сказал, что вас необходимо назначить его товарищем, он наговорил мне дерзостей и поставил меня в невозможность не принять его отставки. Я об этом доложил Государю и сказал, что, кроме вас, у меня никого нет, но что за вас я ручаюсь. Государь очень интересуется вами, и завтра вы должны представиться. Хотите или не хотите, а портфель за вами.

Соколов потер лоб рукою.

— Страшный хомут вы на меня надели. Боюсь, чтобы главная работа не пострадала.

— Успокойтесь. Я об этом думал. Проводить реформы в роли товарища при Коковцове - дело безнадежное. Авторитет министра — великая вещь. Министра боятся и не посмеют так накладывать ему палок в колеса, как товарищу. А чтобы не отрываться от главного дела, вы лучше сами раздайте текущие дела товарищам. Не отказывайтесь только от *моих* работ. Мне ваше участие в Совете Министров будет очень важно: ведь мои работы теснейшим образом связаны с вашими.

Соколов качал головой:

— Будет страшно трудно. Возьмите хоть одну Кредитную канцелярию. Ведь это вертеп разбойничий. Или Государственный банк! Они на всякого министра сомкнутым строем идут. А монополия? А Дворянский и Крестьянский банки? А Таможенный департамент? У меня холод по спине идет, когда я об этом только подумаю. Вы представьте себе только, какая разгорится ненависть ко мне с первого же дня!

— Полноте! Это *вы* только кажетесь таким смиренным...

— Да не в смирении дело, ваше превосходительство, а во времени. Времени на сутки отпущено только 24 часа.

— Ну так или иначе, дело сделано.

— Но вы меня, наконец, совсем не знаете!

Но Соколов отбивался напрасно.

— Я вас уже знаю.

Иванов достал из кучи бумаг конверт и показал Соколову:

— Здесь вся ваша биография, а мое личное впечатление только усилило прекрасную аттестацию.

Капитан покраснел.

— А формальная сторона?

— Пока — «с производством в полковники»... Итак, завтра к Царю, а теперь за дело. Ваша программа?

— Со мной.

— Докладывайте последовательно. Приблизительно то же вам завтра придется докладывать и в Петергофе.

— Извольте слушать.

Соколов вынул из кармана листок бумаги, положил перед собой и начал.

— Наше финансовое преобразование должно распадаться на три части:

1. Переустройство денежной системы.
2. Переустройство государственного хозяйства.
3. Переустройство органов хозяйственного управления.

— Постановка широкая и правильная, — заметил Иванов. — Продолжайте.

— Денежная система может быть переустроена в двух направлениях в зависимости от того, насколько широко будет поставлена задача. Можно, во-первых, восстановить серебро и нашу старую денежную систему и, во-вторых, перейти к чистым бумажным деньгам.

— За какой способ стоите вы? Помнится, за второй?

— Ваше превосходительство, финансы — это математика. Вы задаете определенную задачу, финансист ее решает. Ваша задача какая? Расширить денежное обращение? Создать широкий народный кредит? Найти в распоряжение правительства 2 млрд руб.? Это достижимо одинаково и при бумажках, и при серебряной валюте. Я лично стою за бумажку, как за аппарат, неизмеримо более совершенный. Но здесь возражение — новизна дела. Серебро, наоборот, является системой испытанной. Выбор зависит от руководителя политики, ему виднее.

— Хорошо. Для перехода на серебро что вы делаете?

— Выделяю из общего золотого запаса примерно 600 или 700 млн в неприкосновенный военный фонд. Остальное золото обращаю на осторожную покупку серебряного запаса в 400 млн руб., что даст возможность выпуска по норме Императора Николая I 2 400 000 кредитных билетов. Свободную чеканку серебра не восстановляю сразу, ибо это был бы крах, а прекращаю золотой размен и начинаю понижать курс с тем, чтобы довести его до паритета с серебром года в два. Устанавливаю двойственный бюджет - золотой для расчетов международных и серебряный для внутренних. Сливаю воедино Государственный банк, сберегательные кассы и банки: Дворянский и Крестьянский. Организую уездные казначейства в отделения Государственного банка и устраиваю полную сеть мелких кредитных учреждений. Казенные суммы провожу только по счетам.

— А по государственному долгу?

— Требую к заштемпелеванию всю находящуюся за пределами России ренту, сохраняя только за нею право на платеж процентов

золотом. Внутреннюю ренту конвертирую во вкладные билеты без курса и перевожу ее на серебро. Разумеется, некоторая часть ускользнет за границу, но это можно сократить до минимума. По этой внутренней части ренты государство сразу освобождается от платежа процентов. А ведь этой ренты около миллиарда. Вот вам ежегодное сбережение в 40 млн.

— Я эту операцию не совсем улавливаю. Как это казна освободится от процентов?

— Очень просто. Сейчас рента около 71. Я выпускаю миллиард кредитных рублей и выкупаю всю внутреннюю ренту. Ваш капитал, положим, помещен в ренте. Но вы не хотите получить наличные деньги? Я передаю их на вклад в Государственный банк и вручаю вам вкладные билеты, приносящие те же 4 %, но разменные по предъявлении. Вы только выиграли, ибо ваша бумага стала 100. Банк же получит миллиард рублей оборотных средств, которые через свои отделения и мелкие кредитные учреждения пустит в обращение из 4 $У_2$ **%.** Очевидно, платить по вкладам будет уже не государство, а те клиенты, которые будут пользоваться деньгами. Вашему превосходительству это ясно?

— Как нельзя более. Это возврат к Канкриновской системе?

— Вернее, личной системе Николая I. Да, я возвращаюсь только к ней, разумеется, в идее, а не в подробностях.

— Ну-с, а при системе чисто бумажной?

— Будет то же самое, только я не буду связан посторонней силой — собственной стоимостью серебра и могу действовать гораздо свободнее и планомернее. Я не буду ждать никаких сроков, свободная чеканка серебра будет не нужна, фонд тоже. Я просто буду держать курс рубля на том уровне, какой нужен для народного хозяйства.

— Ясно. Но для этого нужна монополия по продаже и покупке драгоценных металлов?

— Да, Государственный банк иначе курсами управлять не может. Тратты покупать и продавать должен только он. Впрочем, при этой системе никто больше этим заниматься и не будет. Фондовая биржа исчезнет.

— Так что игру на курсе вы совершенно исключаете?

— Ее нельзя будет вести. Государственный банк раздавит всякого спекулянта — и здешнего, и заграничного.

XXIX

— Ладно. Переходим к следующему вопросу.

— Второй вопрос — государственное хозяйство. Я считаюсь с вашей областной системой и начинаю с того, что всякое прямое обложение государство передает земству. Источники государственных доходов — косвенные налоги и государственные имущества: леса, земли, ископаемые; затем железные дороги, казенные заводы, кредитные учреждения, монополии; табачная, нефтяная, платиновая, быть может, марганцевая и элеваторная. Я надеюсь сделать эти имущества высокодоходными, установив лишь тот принцип, что казна дает средства и контролирует. Управление же делом поручается областным самоуправлениям или устанавливается аренда. Разумеется, элеваторы и железные дороги должны быть централизованы, но здесь есть приемы управления, безусловно гарантирующие доходность.

— Ну-с, а водка?

— Водку прочь.

— А доход от монополии и акциза?

— Я возмещу его всеобщим государственным страхованием.

— Я об этой идее слышал. Она ваша?

— Нет, это мысль покойного А. Д. Пазухина. Я только ее разработал.

— Напомните мне в двух словах.

— Извольте. Государство привлекает к обязательному страхованию все: строения от пожара, поля от града, скот от эпизоотий, суда и товары в пути и т. д. Страхует пенсию на старость, помощь в несчастных случаях, пособие при совершеннолетии, приданое при замужестве. Минимум — обязательно, дальше добровольно. При полутораста миллионах населения, огромном пространстве и крупнейших цифрах рисков, а главное, при очень простой организации - величина премии будет ничтожна. Разложите на эту необъятную массу клиентов и имуществ налоги в 500-600 млн — вы получите такую картину: те же деньги и с того же населения будут взяты не за отраву, а за бесценные и бескорыстные услуги государства.

— А с водкой как?

— Предоставьте областям. Хотят - пусть запрещают совсем, как те штаты, где temperance[333], или пусть пьют пиво и виноградное

вино. Хотят — пусть вводят Готеборгскую систему или вытрезвляют публику иначе. На месте виднее.

— Помните, что все ваши предположения, вся ваша программа государственного хозяйства должна быть обсуждена и одобрена на местах.

— Я за нее боялся бы в Петербурге, но не в провинции. Там здравый смысл еще есть и меня хорошо поймут.

— Ну, помогай вам Бог. Теперь последнее: организация дела.

— Во-первых, из состава Министерства финансов должен быть выделен Государственный банк. К нему, как я уже говорил, должны быть присоединены Дворянский и Крестьянский банки, которые составят его ипотечный и культурный отделы, и сберегательные кассы. Здесь же должен быть Монетный двор и, может быть, Экспедиция заготовления государственных бумаг. Затем тарифные учреждения и Горный департамент вместе с управлением казенных лесов, управлениями новых монополий, почтами и телеграфами должны быть слиты в одно Ведомство государственных предприятий. Несмотря на разнообразие этих отраслей, их общая черта — хозяйственный, а не чиновничий способ ведения дела.

— Что же должно остаться собственно за Министерством финансов?

— Распоряжение государственными средствами, государственная приходная и расходная касса, то есть Департамент неокладных сборов, Таможенный департамент, департамент Государственного Казначейства и Комиссия погашения долгов. И этого слишком достаточно, чтобы человек едва мог справиться и охватить всю машину.

— Совершенно правильно. Теперь последний вопрос: земское участие в финансовом управлении?

— Очень просто. Области посылают своих специальных выборных в соответственные советы. Таким образом составляется Совет Государственного банка, Совет государственных предприятий, Финансовый Совет у меня. Это для управления. А для экономического законодательства составьте из представителей областей выборный Народно-хозяйственный Совет, параллельный Государственному Совету по вашей схеме. Нужно только строго соблюдать правило, чтобы в эти советы попадали люди с соответственным служебным цензом, а не «ораторы» и не присяжные поверенные.

Иванов встал с места.

— Ну-с, мой дорогой, ваш экзамен вы выдержали блестяще. Завтра... то есть, виноват, сегодня, к Государю, он вас выслушает, благословит — и за дело! Первая ваша работа будет обстоятельное, деловое, скромное и вместе с тем блестящее изложение вашей программы, которое мы разошлем по земствам и городам. Можете сказать трогательную речь на приеме ваших подчиненных. Эта речь должна выделить и одушевить лучших и дать вам преданных сотрудников. А теперь с Богом, мой дорогой. Дайте я вас обниму.

Через день в «Правительственном Вестнике» появился Высочайший приказ о назначении капитана Соколова 18-го министром финансов с производством в полковники. У экономического руля стала, наконец, молодая сила, и русское государственное хозяйство должно было тронуться по новой дороге.

У ОЧАГА ХИЩЕНИЙ

XXX

Диктатор работал, не покладая рук. В лице новоназначенного полковника Соколова он видел свою правую руку по обновлению России и притом в самом главном, в финансах. Заботы о поднятии земледелия, о широкой организации переселенческого дела и о правильном движении крестьянского вопроса вообще он предполагал возложить на Н. А. Павлова, человека широких государственных взглядов, тонкого знатока крестьянского быта и хозяина-практика. «Дворянина» Павлова диктатор знал с ранней юности; они были связаны тесной дружбой, и хотя их жизненные дороги разошлись, но глубокое доверие друг к другу и искренняя приязнь остались. Они были на «ты».

Но Павлов уже несколько месяцев был за границей, не оставив даже своего адреса, так что Иванов был лишен возможности ему писать или телеграфировать. Он наводил справки и узнал, что вскоре после покушения на его жизнь, убедившись в невозможности оставаться в деревне и вести хозяйство, Павлов ликвидировал свои Аткарские имения, захандрил и уехал за границу лечиться. Темные слухи прибавляли сюда роман, подстерегающий незримо каждого русского талантливого человека.

Появление Павлова в Петербурге было такой же неожиданностью, как и его отъезд. Он появился на «диктаторской половине»

Зимнего дворца и застал генерал-адъютанта Иванова только что возвратившимся из Петергофа. Старые друзья сердечно обнялись.

— Я тебя заждался, Николай.

— Ну вот, на, бери меня, запрягай, куда хочешь, но только я боюсь, что мы с тобой, Миша, никуда не доедем. Ну какой ты диктатор, позволь тебя спросить? Ты шут гороховый, прости меня за откровенность, кстати же, нас никто не слышит. Ты, пожалуйста, не морщись! Работа работой: что прикажешь, то свято исполню, а теперь ты мне ответь: какой ты диктатор? Кого ты расстрелял? Кого разогнал?

— Что за кровожадность! Позволь тебя спросить, кого это и почему я должен расстреливать?

— Нежная душа! Россия представляет оподлевшее и озверевшее царство. Бомбы делают чуть не в каждом доме. Грабят, насилуют, убивают за три копейки. Понятие о собственности, о законе, о безопасности совершенно исчезло. Народ развратился, пропил Бога, растоптал стыд и совесть и обратился в коллективного великого хулигана. Неужели же ты не понимаешь, что повесить, расстрелять в один день шесть тысяч наиболее закоренелых убийц, злодеев или вожаков этой вашей поганой революции, значит, произвести нравственное воздействие, нагнать спасительного страху, вызвать психологический поворот? Ведь ты-то понимаешь, надеюсь, что вся честная, порядочная, работающая Россия тебя за это не осудила бы, а поблагодарила от души? А ты разыгрываешь Манилова! Ты говоришь красивые речи, а с людей снимают шкуры или бьют и калечат их, как скотину... Ты что, вероятно, крови не выносишь, падаешь в обморок?

Иванов улыбался, а Павлов впадал все в больший пафос.

— Ты кончил? — перебил диктатор.

— Нет еще, и ты меня дослушаешь до конца, а потом будешь говорить. Дальше. Государь передал тебе почти всю Свою власть. Ты Его «Верховный» уполномоченный. Что же ты сделал? Закрыл Думу? Ну, еще бы! Это догадались бы и Столыпин, и Горемыкин[334].

А ты дал удовлетворение народной правде, народной тоске, народному справедливому презрению к Петербургу? Ты выслал из Петербурга в первый же день 122 тайных советника и 435 действительных статских по тому списку, который у тебя был в руках? Ты предал военно-полевому суду 57 главных воров, ты отдал под обыкновенный суд 787 воров второго разряда? Ты пригласил тотчас же весь новый правительственный персонал? Может быть, это были бы люди менее

знающие, менее опытные, важно то, что это были бы люди новые, чтобы старым этим гнильем и не пахло? Вместо этого ты что делал? Ты оставил Столыпина премьером, ты излагал тоном только что выпущенной институтки свою программу... кому? Шванебахам, Щегловитовым, Коковцовым, ты от них ждал содействия и работы! Ты вызывал Милюкова и чуть ли не устраивал кадетское министерство. Только Бог да ихняя глупость спасли от такого идиотства!

— Ты кончил? — еще раз, но уже более нетерпеливо перебил диктатор. Но Павлов не слушал.

— Удивляюсь, как ты не вызвал к себе Максимова, графа Ивана Ивановича Толстого[335] или Саблера[336]. Как ты не поинтересовался поговорить о политике с Зурабовым или Алексинским? Затем, для какого черта ты лезешь под бомбы, для чего выезжаешь? Разве ты не знаешь, что за тобой прямо охотятся? Кому нужна твоя смелость? Ты понимаешь, что вот это твое бесстрашие и бравирование есть прямое преступление перед Родиной, потому что, убей они тебя, заменить будет некем!

— Ты кончил наконец?

— Ну, положим, кончил. Надо тебя послушать.

— Так вот, слушай. Крови я не боюсь и в обморок не падаю. Когда нужно, пусть расстреливают или вешают, я в это время буду спокойно курить папиросу. Но дело-то в том, что вешать и расстреливать нет ни смысла, ни нравственного права. Кто *их* такими сделал, каковы они сейчас? Кто развратил Россию, кто отупил и затем озверил молодежь? Режим. Так какое же право имеет этот же самый режим расстреливать? Ведь правительство вчера еще ползало перед революцией?

— Да ты-то, мой милый, *этот* старый режим представляешь? Твое правительство и вчерашнее - это одно и то же? Да, впрочем, конечно, одно и то же, потому что ты всех их оставил. Ну тогда, разумеется, и продолжай миндальничать и распускать нюни...

Диктатор вспыхнул.

— Слушай, Николай, ты от меня требуешь крови? Ты хочешь, чтобы я Петербург уставил виселицами или начал всех расстреливать? Идет! Начинаю с завтрашнего дня. И знаешь, кого первого я расстреляю?

— Ну?

— Тебя.

Павлов изумленно взглянул на диктатора.

— Да, тебя! И ты знаешь, за что! Где ты был эти пять месяцев? Родина истекает кровью, люди твоего закала и твоей цены на счету, а ты дезертировал? Что ты делал за границей? Ты можешь ответить на этот вопрос, когда я предам тебя военно-полевому суду? А ведь к тебе-то, мой милый, требования я предъявлю немножко не те, что к здешним тайным советникам? Говори же.

— Пожалуйста, личную жизнь оставь в покое.

— Личную жизнь? Ну, конечно, теперь личная жизнь! Да мы-то с тобой разве имеем на нее право? Для нас это дезертирство, а за дезертирство face au mur[337]!

XXXI

— Так-то, мой милый Николай Алексеевич. Надеюсь, на этом вопрос о расстрелах и виселицах будет между нами покончен. Ты забыл мой взгляд на смертную казнь. Вооруженное восстание или бунтующая толпа: стреляй пачками или ставь пулемет и жарь. Захватил на месте преступления бомбовщика, поджигателя или экспроприатора, и тут же его на фонарь или на березу. Это и справедливо, и энергично, и психологически благотворно. Но уже через час, не только через сутки, казнь есть преступление и мерзость. Это отвратительное холодное убийство по суду, только развращающее и зрителей, и исполнителей. Недаром в России почти нельзя достать палача. Вот тебе мой ответ на первую половину. Вторая половина твоей филиппики показывает только то, что твои государственные взгляды и приемы чересчур мелки, мой милый. Я, Николай, не хуже тебя знаю, что такое Петербург. Знаю, что гнать в три шеи здесь надо всех, и худых и хороших, потому что по здешней бюрократической этике самый лучший не постесняется в любой момент провалить важнейшее государственное дело, выкрасть себе любое добавочное содержание, аренду, командировку, синекуру брату любовницы; самый благородный промолчит, вернее, прикроет любую пакость, обманет Царя, войдет в подлейший компромисс, оправдает всякую наглую плутню. Самый лучший! Про худших, следовательно, нет и речи. Но, душа моя! Я принял паровоз на ходу. Я не могу остановиться среди поля менять трубы, которые все текут. Надо как-нибудь дотащиться до станции.

— Не трубы текут, а в твоем паровозе паров нет, голубчик, — отозвался Павлов. — Твоя машина едва ползет и того и гляди станет среди поля, до станции тебе не доехать. Чтобы доехать, нужно вот этот поганый, гнилой и ржавый паровоз отцепить и бросить под откос, а вызвать новый, вспомогательный.

— Откуда, где он? Неужели ты думаешь, что можно серьезно разогнать здешнюю бюрократию и насажать новых людей, ну хоть из земства или дворянства? Да ты, во-первых, не сыщешь сразу и половины нужного персонала, потому что все лучшее уже отобрано и помещено. В провинции остается только заваль, все мало-мальски грамотное давно убежало к казенному пирогу. Попробуй, набери новых: получится чепуха невероятная, и затем эти новые тотчас же примут все мерзкие приемы нынешних. Душа моя! Не забудь, что и дворянство, и земство почти также развращены, как и бюрократия. Но эта хоть дело знает, работать может, а те только болтуны и политики.

— Выбирай отдельных людей. Двигай военных.

— Я и выбираю. Вот я познакомлю тебя с новым министром финансов Соколовым — пальчики оближешь. Затем ты иди, бери земледелие. Самое лучшее ведомство, чтобы применить твою теорию разгона. Сделай милость, мешать не буду.

— Будь покоен, вычищу. Я не Ермолов[338].

— Чисти, чисти. Только имей в виду, что рамки еще важнее. В этих рамках оподлеют и наилучшие, и наоборот: огромная часть самых негодных, по-видимому, людей, которых ты собираешься разогнать или даже расстрелять, могли бы при ином государственном строе оказаться дельными работниками.

— Знаю, знаю! Это твоя областная система? Ты все еще носишься с этой утопией?

— А ты все держишься за губернию?

— Да, да, за губернию и дальше ни шагу! Послушай, Миша: твои области не только ошибка, это преступление. Что ты хочешь — разделить Россию? Создать чухонскую, польскую, киргизскую, грузинскую, армянскую автономии? Растворить русский народ в массе всякого инородческого сброда? Неужели ты можешь взять на свою совесть это ужасное дело? Ведь это же прямое разложение и гибель России.

— Николай, выслушай меня и будь свободен и беспристрастен. Я отлично понимаю, что ты мне не сотрудник, раз ты не разделя-

ешь моей главной и основной мысли. Значит, я тебя должен убедить, или мы пожмем друг другу руки и разойдемся. Выслушай же меня.

Диктатор был взволнован. Павлов сел к столу и приготовился і слушать.

— Хорошо. Я буду не только беспристрастен, но постараюсь взглянуть на мое губернское деление, как на предрассудок. Но мою критику и здравый смысл ты не обманешь и не подкупишь. Кроме правды, я тебе не скажу ничего. Говори, я слушаю.

— Спасибо тебе. Итак! Ты, конечно, стоишь за восстановление во всей полноте царского Самодержавия? Да?

— Ну, разумеется.

— Ну, так знай, что Самодержавие и бюрократия, то есть министерства и губернское деление, несовместимы.

— Почему?

— Да потому, что у Царя нет и не будет никакой возможности, ни времени иметь дело с каждой из 70 губерний. Между ними и Царем должен стать непременно посредник — министр внутренних дел. Министр и вокруг него система департаментов и канцелярий, то есть та самая бюрократия, которую мы имеем сейчас и которую ты рекомендуешь расстрелять. Нет такой реформы, которая губернию могла бы непосредственно приблизить к Царю, создать в ней управление без передатчиков. Как ни ставь губернское земство, бюрократия его всегда оседлает. С другой стороны, губернатору ты тоже не можешь дать самостоятельного положения — эта должность слишком мелка. Губернатор будет фактически всегда только приказчик министра внутренних дел, то есть всей той канцелярской с... — это выражение Юрия Самарина! — которая его окружает и вертит и им, и Россией. Дальше. Что такое губерния сама по себе? Французский департамент в огромных размерах. Орудие централизации, обезличения, орудие подчинения местной жизни бюрократическому режиму. Если тебе этот режим дорог, держись за губернию и мирись со всеми последствиями, но если ты хочешь здорового развития самоуправления, то к черту с губерниями!

— Ну-с, а область? В чем ее преимущества?

— Неужели тебе не ясно? У меня Россия слагается из 18 областей. В каждую Царь назначает наместника и, конечно, 18 человек легко может лично назначить, без всякого посредничества и представления. И не только назначить, но и через них поддерживать с областью живую связь. Область стоит непосредственно перед Царем, как крупный живой организм: с одной стороны, наместник, или генерал-губернатор во главе местного правительства, с другой - очень самостоятельное областное земство. Царь здесь правит лично, являясь между ними живым Суперарбитром, Верховным Судьей. Бюрократии места нет. Бюрократия будет, но далеко внизу, под наместником, взнузданная местным земством. Обмана и насилия над Царской волей и судом никакого не будет и быть не может. Далее. Я утверждаю, что только при областях возможно строго нормальное разграничение местного земского и общегосударственного дела. А это разграничение нужно, как солнечный свет, как воздух. Россия задыхается от того, что все сосредоточено в Петербурге. От этого же правительство не может править и в канцеляриях распложается всякий гад. Оставь за Царем и центральным правительством только их подлинные дела да контроль. Этого и без того окажется так много, что едва можно будет справиться. Ведь Россия занимает шестую часть суши! Нужно не о том думать, чтобы оставлять за правительством больше дела, а о том, чтобы как можно больше сдать областям, где все интересы понятны, где они однородны и близки. Царю и центральному правительству надо освободиться от очень многого, совершенно забыть о так называемом внутреннем управлении, о просвещении, о благополучии, о земледелии, о промышленности и всякого рода местном хозяйстве и делах. Все это нужно сдать и думать только о России, как о целом. Скажи же мне, Николай, неужели все это можно поручать губерниям? Это явная бессмыслица. Губерния слишком слаба и затем, посмотри, какая выйдет чепуха и пестрота. Возьми, например, группу губерний Московского промышленного района или черноземное Поволжье. Интересы первой чисто промышленные, второй — земледельческие. Выхода никакого иного нет. Вся группа может твердо поставить и повести промышленную политику своего района или охватить земледельческие интересы Поволжья. Но что могут сделать губернии порознь? Их земства должны или действовать каждое по-своему, вразброд, или работать солидарно, то есть съезжаться на съезды. Губернаторы однородных районов тоже. Ну, для них ты, положим, откроешь порайонные отделы при разных министерствах. Чувствуешь ты, как областное объединение само напрашивается? Областной съезд губернских земств — да обрати его просто

в областное земское собрание: тогда тебе губернские собрания будут вовсе не нужны. Порайонные отделы отправь на места, в областные центры. Тогда у тебя в каждой области окажется свое министерство земледелия, свое министерство промышленности, просвещения. Губернаторы станут излишними, а вместо них явится областной министр своего ведомства и вокруг него съезды не губернских земств, а специальных делегатов от уездов.

— Ну вот тебе и автономия готова. Раздели еще армию, и тогда Москва с своими промышленными интересами может объявить войну Саратову или Тамбову.

XXXII

— Послушай, Коля, это же недобросовестно! В тебе, свободном человеке и земском деятеле, сидит старый бюрократ и, кроме того, злец. При чем тут автономия? Неужели ты не можешь сообразить, что государственная связь мною не только не нарушается, но страшно укрепляется? Взгляни только, что отдается областям и что остается за государством. Во-первых, Верховная Власть и законодательство. Положение Царя и Его власть усилены чрезвычайно, потому что Царь освобожден от опеки бюрократии, от всяких подлогов и обманов, и Его воля проявляется прямо, а не через мертвый аппарат. Вся полнота Его Самодержавия при нем, и это будет настоящее Самодержавие, сознательное и свободное. Законодательство даст связь очень прочную, а так как все мелочи перейдут к областям, и законы будут издаваться только общие и крупные и вырабатываться не чиновниками и не парламентскими болтунами, а лучшими силами областей, то уже одно законодательство выкует стальную связь государства. Дальше. Вся военная сила в единых руках Царя, Суд весь царский. Финансы, денежная система и публичный кредит в руках государства. Железные дороги, монополии, почты и телеграфы и множество разнообразных государственных предприятий тоже остаются за государством. Полиция, правда, областная, но она в руках наместников, людей непосредственно Царем уполномоченных. А контроль? Я иду очень далеко и ввожу государственный контроль вплоть до уезда. Всякая областная, уездная и приходская копейка будет подлежать не местной, а государственной проверке, и эта ревизия будет беспощадна. Это ли ослабление государства?

Этой ли связи недостаточно? Ответь мне, что у меня, собственно, ослаблено? Откуда может явиться сепаратизм? Говори же.

— Видишь ли, я терпеливо тебя слушал. Говоришь ты удивительно хорошо. Но я все-таки думаю, что ты мне стараешься втереть очки. Ты совершенно не касаешься вопроса о том, кому ты передаешь самоуправление и в чьих руках может очутиться администрация твоих областей. Да, пока ты говоришь о Севере, о центральном промышленном районе, о среднем Поволжье, о черноземном Центре и, пожалуй, русских степях, я готов согласиться, что областное устройство имеет некоторые преимущества. Но окраины? Польша? Финляндия, Малороссия? Западный край? А Татарский Восток? А Кавказский винегрет? А Прибалтийские немцы со всякими эстами и латышами?

— Да кто же тебе сказал, что я хочу устраивать области по одному шаблону? Инородческий вопрос очень серьезный и, будь покоен, ни в одной области власть не попадет в дурные руки. Но об инородческих областях нельзя говорить вообще, а можно только о каждой в отдельности, ибо сходства между ними никакого нет.

— Хорошо, хорошо. Ну вот тебе на первый раз Финляндия. Там что должно быть, по-твоему?

— Точное исполнение Императорского слова. В Финляндии Русский Царь обещал заменить собой конституционного шведского короля. Это слово несокрушимо и составляет основание финского автономного права. Выгодно это или невыгодно для России, вопрос особый, но слово Царское свято. Поэтому Финляндия не в счету остальных областей и пользуется действительной *государственной* автономией, которая должна быть точнейшим образом формулирована и закреплена, как конституция, пока ее финны не нарушат или не пожелают изменить. Но это длинный разговор.

— Значит, ты за финляндскую конституцию?

— Да, именно потому, что я сторонник Самодержавия. Если допустим принцип, что Русский Царь, связав себя и наследников своих торжественным обещанием, может без всякого повода в одно прекрасное утро свое слово нарушить и счесть себя от обещания свободным — Самодержавия нет, а будет восточная деспотия.

— Но если он не имел права этого делать?

— В России — да! Но Русский Самодержец включал в Империю новую чужую область и считал государственным интересом дать

тому, чужому народу известные обещания. На это его самодержавства было так же достаточно, как на объявление войны, заключение мира, на подписание любого договора. На таких же основаниях могли бы присоединиться к государственному организму России Сербия, Болгария, славянские части Австрии. Но оставь, пожалуйста, Финляндию и говори о других областях.

— Ну-с, вот Польша. Я твое полонофильство знаю.

— Не полонофильство, а славянофильство. Поляки в славянстве занимают по численности второе место, по патриотизму, сплоченности и культурности — первое. Если тебе угодно держаться немецких завоевательных теорий, то, конечно, поляки — покоренный народ, и баста! Вся задача — их обрусить, то есть переварить в государственном организме. На это я скажу, мой милый, что эта задача не только гнусная и безнравственная, но и заведомо неосуществимая: это бессмысленная порча русского желудка. Другая точка зрения — славянская. Здесь надо признать, что ни о каком покоренном народе не может быть речи, а что и поляки, и мы совершенно одинаковые и равноправные члены будущего Славянского союза. Готовы ли на это поляки, желают ли они честно идти с нами рука об руку, быть друзьями, а не врагами? Я думаю, что готовы, но что вернее всего их об этом спросить самих. И если они ответят «да», то в этом ответе вся программа и для них, и для нас. Тогда коренная Польша должна быть рассматриваема, как польская часть союза, совершенно такая же, как мы, русская часть, то есть с теми же правами и обязанностями. Это значит, что у себя, внутри своей этнографической черты, поляки должны быть полными хозяевами, а в государственном организме со-хозяевами.

— Со-хозяевами? Это что же, какая-то Австро-Венгрия, Полоно-Россия?

— Успокойся. Это со-хозяйство при областной системе будет не только не страшно нам, но очень полезно. Сообрази: ведь поляки составят одну область против чисто русских двенадцати и пяти инородческих. Следовательно, их голос никогда русского большинства в союзе не перевесит.

— Ну-с, а в Западном Крае?

— В Западном Крае у меня две области: на юге Малороссия с Киевом, на севере Литва и Белоруссия с Вильной. И там, и здесь поляки являются незначительным меньшинством. Пойдет свободная культурная борьба, где полякам ни о какой наступательной роли не придется и думать, а только отстаивать свои позиции. Да, наконец, со славянской точки зрения, какое дело государству до этой борьбы?

— Дай им свободу, поляки эти обе твои области живо обработают.

— Не думаю. В Киеве их оттеснили без всякой помощи правительства. Хохлы не дадут себя ополячить. В Белоруссии будет то же самое, раз казенная опека исчезнет. Будь ты земцем, Христа ради, и предоставь людям бороться и устраиваться, как сами знают. Что это за проклятая ваша опека!

— Позволь, пожалуйста! Вообрази, что твое Северо-Западное областное собрание подберется такое, что объявит у себя польский язык официальным...

— Я скажу: на здоровье! И буду рассуждать так: если все литовское, великорусское и белорусское население этого края, в лице большинства уездных земских собраний и городских дум, с этим примирится и протеста не заявит, значит, русское национальное дело там пропало, никаких русских элементов больше нет и никакой полиции их не создать. Но ведь это же вздор! Ведь если подобный анекдот случится, то начнутся такие протесты со всех сторон, что всю затею вышибут сразу. Пусть только власть не мешается и даст полную свободу. Тогда русское чувство само поднимется и себя отстоит. А начни только покровительствовать, возьми русские элементы под опеку — полная полонизация края неизбежна. Холмщина живой пример. Без казенной опеки боролись сотни лет, взяли в опеку, — все убежали в поляки и католики. Я, например, с полнейшим равнодушием отношусь к так называемому украинофильству. Это продукт ненависти хохлов к нашей бюрократии — и только. Закончи эту гнусную систему централизации и опеки. Да неужели же кому-нибудь в голову придет отречься от русской культуры и начинать культуру малороссийскую? В этом нет никакого смысла, потому что малороссийский язык есть только жаргон и опоздал на тысячу лет. Есть русская культура и польская, есть русский и польский языки, и есть «грае грае воропае» и малороссийский театр с ужасно однотонным репертуаром. Дай свободу, и все отлично станет на свое место. Ни один образованный хохол не станет ни говорить, ни писать по-малороссийски. А захочет ради курьеза — сделай одолжение! Надоест и бросит.

— Ну, а как насчет киргизов и прочих? Это тоже со-хозяева?

— Брось, пожалуйста, этот тон. Я очень люблю милейших татар, но ты же понимаешь, что их роль в *славянском* и христианском государстве не может быть ни главной, ни одинаковой со славянами. Их будущее — воспринять русскую культуру, и государство должно этому всеми мерами помочь. Или: прячься в деревню, сажай хлопок, ешь конину, торгуй мылом.

— Значит, мусульманским инородцам политической роли ты не даешь никакой?

— Ну, разумеется. В областях с татарами хозяевами должны быть русские и те из мусульман, которые стали чисто русскими по культуре. У нас даже генералы есть магометане. Но разве же это татары? Я думаю, что они свою татарщину совершенно позабыли.

— Конечно, так же смотришь ты и на всяких эстов, латышей, жмудинов и т. д.

— Совершенно. Все это этнографический материал, и только. Возьми, например, Кавказ. Разве там самой силой вещей не устанавливается русская культура и русское господство? И заметь, господство, никого не угнетающее и никому не мешающее!

— Погоди, еще остались балтийские немцы.

— Этот вопрос решается историческими отношениями немцев к славянам. Эта культура нам враждебная и вместе с тем с огромными претензиями. Придется бороться, тем более, что сзади балтов национальная Германия. По правде говоря, немецкий вопрос у нас, как и еврейский, являются очень трудными. Тут не так просто разобраться.

XXXIII

Разговор был прерван адъютантом, доложившим о приезде министра финансов, который спешно вошел вслед за докладом. С первого взгляда на молодого полковника Иванов мог заметить, что случилось нечто необычайное. Соколов был очень взволнован; он почти бессознательно пожал руку Павлова, с которым его познакомил диктатор, и бросился в кресло, тяжело дыша.

Иванов участливо спросил:

— Что с вами, мой хороший? На вас лица нет.

Соколов помолчал несколько секунд и, как бы выдавливая из себя слова, произнес:

— Зачем вы меня... назначили? Здесь управлять нельзя... Здесь не управлять надо, а взять взвод пехоты... или лучше... поставить хороший пулемет и... расстреливать всех веером.

— О, о! — воскликнул Павлов, вскочив с места и подходя к Соколову. — Вот это я понимаю, вот это язык русского министра.

— Вы нездоровы? Что случилось?

Иванов подошел и без церемоний приложил руку ко лбу министра финансов.

— У вас жар, надо врача?

— Оставьте, — резко ответил Соколов. — Будет жар, когда человек вырвался из самого пекла... Нет, ради Христа, доложите Государю, что я больше не могу... я отказываюсь... Ведь я же просил вас меня не назначать...

— Послушайте, полковник, — строго сказал диктатор, — говорите толком, что случилось? Сегодня в «Новом Времени» я прочел вашу речь, сказанную вчера на приеме чинов министерства. За нее я готов был вас расцеловать. Государь был очень доволен и мне сегодня это выразил. Полная скромность и вместе с тем вера в будущее, мужественная энергия... Я за вас искренне порадовался. И вот, в одни сутки...

— Да вот, в одни сутки... свалился, как подбитое орудие. Я, ваше превосходительство, сегодня в первый раз принимал публику, просителей...

Павлов воскликнул:

— Ну, теперь все понятно! Это значит, что вы собственными глазами увидали, что такое Министерство финансов и вообще вся наша бюрократия и какие здесь делаются дела? Да, да, совершенно к вам присоединяюсь. Кроме пулемета, никакого лекарства нет...

Иванов налил полстакана воды и поставил около Соколова.

— Успокойтесь. Выпейте воды и рассказывайте по порядку, с кем вы беседовали и что услыхали.

Павлов придвинул стул и с иронической улыбкой приготовился слушать.

— Вы, господа, простите... связно я не могу... У меня все в голове перепуталось и только остались впечатления разбоев на большой Дороге, сдираемых шкур, вопли, стоны... Ну, вот вам, во-первых. Солидная энергичная дама, вчера богачка, уважаемая в обществе... Сегодня ограблена дотла, умоляет отсрочить продажу последних имений, хлопочет о восстановлении чести мужа, которого засудили

и уморили. Я ие помню всего хода дела, оно страшно сложно, но суть в том, что Витте, который выручал всех жидов на десятки и сотни миллионов, не захотел поддержать во время кризиса группу чисто русских и очень крупных дел на Юге. Отказал только потому, что это были русские люди и русские дела. Инициатор кончил самоубийством, а дела, на которых опиралось благосостояние целого края, попали в разгром. Разгром производили соединенными силами: московские древлеправославные ростовщики, Муравьевское Министерство юстиции и Виттевско-Коковцовское Министерство финансов. Ростовщики привезли из Москвы целый вагон подставных акционеров, сразу забрали в руки или пустили по ветру все дела, сделав нищими тысячи семей, юстиция стала на сторону хищников и устроила самый безобразный процесс, засудив невинных людей, а финансы... эти держали себя, как известные специалисты на пожаре. Я знал об этом процессе по газетам, но мне и в голову не приходило, какая здесь страшная грязь и как позорна роль правительства. Я буквально задыхался, и задыхался не только от сознания полнейшей беспомощности пересмотреть дело, исправить зло, дать торжество правде, но от сознания еще худшего: что я, как министр, обязан быть солидарным со всей этой помойной ямой, которая называется финансовым ведомством, обязан идти в том же направлении и во главе той же шайки или в самом деле поставить пулемет и, как согласен и Павлов, начать расстреливать...

Павлов не без торжества обратился к Иванову:

— Ну-с, господин диктатор, что я тебе говорил?

— Погоди, пожалуйста, пусть расскажет дальше.

— Извольте. Дальше другой человек со снятой с живого кожей. Крупный акционер одного "из огромных заводов — теперь тоже нищий. В свое время горячился, боролся с разбойническим правлением, ходил к прокурору, хотел возбудить следствие. Нельзя! Необходимо заключение Министерства финансов, а оно, конечно, не дает, так как солидарно со всеми ворами и не желает «подрывать промышленность». Акционер остался без поддержки, общество выхватило миллионную промышленную ссуду и задолжало по уши Государственному банку. Ссуду, разумеется, наполовину раскрали посредники и покровители, остальное пошло по карманам правления. Сажает им Витте казенного директора. Ну, раз казенный директор, значит, воровство благословлено. Общество раскрали вдребезги, дочиста. Ликвидация — и акции могут идти в обойную бумагу. Ни суда, ни расправы, потому что каждый шаг прикрыт специально выкраденными Высочайшими повелениями. Я обещаю пересмотреть дело и знаю отлично, что просителя обману и что ничего из этого не будет... Хороша картинка?

— Обычная, ежедневная, — прибавил диктатор.

— Дальше. Является солидный купец. Просит пересмотреть дело об отказе ему в утверждении устава великолепно задуманного общества взаимного страхования. Отказали в полной дружбе и солидарности: Страховой комитет Министерства внутренних дел и наша Кредитная канцелярия. Начинаю раскапывать и узнаю, что эти оба заведения стоят ревностнейшим образом на страже интересов частных страховых обществ. Вы понимаете, конечно, что это делается не из-за одних прекрасных глаз? Узнаю дальше: правительство оформляет и прикрывает всякую пакость, всякий грабеж страховых обществ до гигантских поджогов включительно. Существует шайка, которая на всем этом кормится, и никакому министру с этим не справиться. Все дело в докладе, а доклад будет составлен той же шайкой. Ну, скажите, чем это можно уничтожить, кроме пулемета?

Павлов опять вставил торжествующим тоном:

— Ну-с, мой добрейший генерал, что вы имеете на это возразить?

Иванов молча ходил по кабинету. Соколов продолжал более спокойно:

— Потом пошла коллекция других обобранных и обиженных. Обокрали казну при постройке дороги и обокрали подрядчиков. Министерство финансов испрашивает Высочайшее повеление, и все прикрыто. Раскрали минеральные воды, вмешался Государственный контроль, поддержали финансы, все прикрыто. Введена хлебная операция — явный грабеж. Покупает Крестьянский банк миллионное имение' — ограблена казна, ограблен владелец, ограблены крестьяне. Нужно же ухитриться ограбить все три стороны! Ограблено пароходство и во главе разбойной шайки, разумеется, финансовое ведомство. Клянусь вам, в эти три часа я думал, что я не в Петербурге в казенном здании, а где-нибудь в ущелье по дороге из Елизаветполя в Тифлис. Я сгорал от стыда и не знал, когда кончу прием. Но последний номер был самый жестокий.

— Простите, что я вас перебиваю, — вступил в разговор Павлов. — То, что вы рассказываете, вас, очевидно, поразило. Неужели это для

вас было ново и вы этого не знали? Но поверьте, что все это анекдоты для детей по сравнению с крупными и серьезными вещами, которые проделывались в Министерстве финансов. И когда? Не при Витте или Коковцове, а при добродетельнейшем и благороднейшем Бунге. Слыхали ли вы историю о том, как господин Ламанский, знаменитый Евгений Иванович, управлявший Государственным банком, взял в 1883 году на 54 млн руб. погашенных выкупных свидетельств и продал их во второй раз публике? Я сам лично видел печатную об этом записку. Если хотите удостовериться, потребуйте дело о последней реформе Главного выкупного учреждения. Она там есть. Заметьте, все это было разоблачено, подробно доложено Витте, но так и осталось под сукном, причем никто даже не поинтересовался, куда, собственно, пошли эти деньги за проданные бумаги? По карманам ли разошлись, или на них свели роспись без дефицита. Что же такое в сравнении с этим те разбойные подвиги, о которых вы рассказываете? Вот почему мое первое требование от генерала было: расстрелять или повесить в пример прочим главных воров. Вот тогда это была бы диктатура! И народ бы поверил, что правительство есть.

Соколов отвечал с глубоким убеждением:

— Я совершенно к вам присоединяюсь.

XXXIV

— Ну, рассказывайте ваш последний «самый жестокий» анекдот, а затем буду я говорить, — сказал Иванов.

— В конце приема входит американец с письмом от своего посланника, где тот его горячо рекомендует и просит выслушать и помочь. Чудесная типичная фигура, черный сюртук, как с картинки. Весь обритый, глаза добрые и честные и вместе с тем умные и проницательные. Говорит по-русски с затруднением. Я по-английски знаю, и дело у нас пошло. Прежде всего мой американец вынимает бумагу, засвидетельствованную консулом, справку, выданную временным генерал-губернатором Владивостока — Андреевым при теплом письме. Оказывается, что вот этот мистер Кларксон явился в 1898 году к нам на Дальний Восток с хорошим капиталом и оказал русскому делу и правительству ряд ценных услуг: открыл и разработал около Владивостока отличные угольные месторождения, которые и снабжали порт во время войны. Быстро поставил в лазареты Красного Креста 50 тыс. деревянных складных кроватей собственной системы, чем вывел Красный Крест из большого затруднения. Выстроил огромный кирпичный завод и сильно понизил цены на кирпич для казенных построек. Организовал доставку из Австралии замороженного мяса... Словом, что нужно краю — Кларксон готов. Он и новые товары ввозит, и промышленность двигает, и гранит ломает, и пароходы заводит, и из тайги грунтовые дороги строит, и автомобили по ним грузовые пускает, словом, американец во весь рост. Ну, разумеется, как ни велик был капитал Кларксона, без кредита работать нельзя, а для кредита на Дальнем Востоке графом Витте устроен, как известно, Китайский банк. Так как Кларксон приехал с отличными рекомендациями больших английских и американских банков, то ему сразу же открыли кредит. Теперь слушайте, что будет. Видят господа из Китайского банка, что у Кларксона дела растут, как грибы, и доходы плывут, предлагают работать в компании, то есть банк входит к Кларксону пайщиком. Кларксон доверяется, едет в Порт-Артур расширять дело и поручает вести свои книги бухгалтеру Китайского банка Эрслину. Через несколько месяцев банк заявляет, что правление в Петербурге этой комбинации не утвердило, но что ему будет по-прежнему открыт кредит. Между тем смотрит Кларксон: за это время чиновники банка обокрали его по книгам на сумму свыше 800 тыс. руб. Вообразите его положение: ссориться — значит остановить и погубить без кредита все дела. Между тем банк, признавая некоторые «неправильности», тянет дело, отчета не дает и эти 800 тыс. явно замошенничивает. Американец решает не ссориться и надеется на возможность покрыть этот грабеж из будущих доходов. В это время на эту — украденную-то! — сумму с него дерут жидовские проценты и затягивают над ним петлю. За девять лет Кларксон переплатил более 1 млн 200 тыс. руб. одних процентов. Начинается война. В Порт-Артуре разграбляют склады и магазины Кларксона на сумму, по расчету местных властей, свыше $У_2$ млн. Дела ухудшаются, торговля и все предприятия в опасности. Банк требует обеспечения кредитов Кларксона и берет у него, кроме векселей, еще закладные на копи и пароход. Задача банка и его местных заправил была: захватить все основанные Кларксоном дела, а самого его выкурить.

Но американец не из таких. Он начинает новое дело — доставку замороженного мяса и этим может быстро покрыть все долги и убытки. Тогда управляющий мясным отделением Китайского банка Кон (конечно, жид), наносит Кларксону последний удар. Его векселя протестуются раньше срока, мясо мошенническим образом захватывается и продается, имущество забирается, и Кларксон разорен. Он едет в Петербург и добивается, что правление признает действия своего агента во Владивостоке «неправильными». Едет назад и находит господина Кона, не желающего подчиняться решению правления. Вместо этого Кларксону предлагают администрацию с тем же Коном во главе! Ну, одним словом, сняли с человека шкуру по всем правилам товарищеской техники.

Просмотрел я его документы, выслушал объяснения — вижу очевидный грабеж на большой дороге. Соображаю, что Китайский банк находится под контролем Министерства финансов и что там в правлении сидит представитель правительства и директорами состоят разные высокопоставленные россияне. Подать сюда правление Китайского банка с русскими кондитерскими генералами!

Ведут ко мне генералов. На первом плане председатель правления князь Эспер Эсперович Ухтомский[339]. Посажен Ротштейном[340] и Витте. Сам по себе ничтожество полное, но был одно время вблизи Государя и теперь режет с этого купоны. Роль в банке и в Китайской дороге: расписываться в получении жалованья. Далее сынок и племянничек. Сынок министра Вышнеградского и племянничек министра Сольского[341]. Вышнеградский, кроме того, директор Международного банка и председатель правления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, а Сольский — директор Брянского правления и что-то такое быш или есть в Государственном банке. Затем генерал Путилов[342], правая рука Витте, бывший директор его канцелярии; был в Крестьянском и Дворянском банках, участвует в нескольких жирных правлениях, нефтепромышленник. Затем представитель правительства Давыдов[343], вице-директор Кредитной канцелярии, говорят, замечательный музыкант. Жалованья 60 тыс. руб. Остальные соответственно: Вышнеградскому, например, пришлось в разделе до 140 тыс. Делает эта теплая компания то же, что везде и всегда: получает жалованье, делит наградные и затем не только ничему не мешает, но покрывает все пакости и отстаивает, где следует, в «сферах».

Наконец идут «работники» и иностранцы. Работники — это два русских немца — Бок и Берг. Пропускаю. Иностранцы — финансисты и дельцы по своим делам: барон Готтингер, в России не живет, Нетцлин тоже, Верстрат — французский коммерческий агент, Бизо и Рандр — статисты. Ну, вот вам и все Дагестанское ущелье. Местные агенты главным образом жиды: французские, бельгийские, бердичевские. Хорошенькое заведеньице? Начинаю расследовать: генералы мои ни бе, ни ме. А дела все сплошь таковы, что расстрелять мало! Нет, кажется, той пакости, как по отношению к казне, так и к краю, и к публике, которая бы не проделывала» в Китайском банке вовсю. Дело Кларксона — пустяки, детская шалость. Ну вот-с. Теперь благоволите сообразить, что мне следует делать?

— Вы что сделали? — спросил Иванов.

— Пока ничего. Вызвал Болеслава Малешевского[344], чтобы спросить у него: как попал в Банк Давыдов и что он там делает? Услыхал такое объяснение, что тут же должен был заявить пану Болеславу, чтобы завтра же подавал в отставку. И знаете, что он мне ответил? Пари держу, что не догадаетесь.

Павлов вмешался:

— Я знаю. Он ответил вам, что в отставку не подаст, а просит уволить его по 3-му пункту.

— Да, вы действительно *их* знаете, Николай Алексеевич! Именно так и сказал, да еще прибавил, что он пересидел уже Витте, Плеске[345], первого Коковцова, Шипова, второе издание Коковцова и надеется пересидеть и меня. Недурно?

— По всем правилам. И смотрите, пересидит. Вы не выдержите, уйдете, а он останется.

— Да я и пришел с отставкой. Если наш генерал меня не поддержит и не даст сразу взять их всех в руки, слуга покорный, мне в министерстве делать совершенно нечего.

XXXV

Курьер вошел с депешей на подносе и подал Соколову.

— Вашему высок-ству срочная.

— Ого! Целых три листка. Из Смоленска. Разрешите прочесть. При первых же строках министр остановился, опустил руку с депешей и тяжело вздохнул. Диктатор спросил:

— Опять какая-нибудь пакость?

— Как раз к нашему разговору. Продолжение всех мерзостей, которые на меня сегодня обрушиваются. Позвольте читать вслух?

— От кого депеша? — спросил Павлов.

— Подпись: Александр Мещерский[346]. Телеграфирует из тюрьмы.

Павлов заволновался.

— Мещерский, Александр Павлович? В тюрьме? Это какая-то мистификация!

— Вы его знаете?

— Еще бы! Первый хозяин в Смоленской губернии, а может быть, и в России. Замечательный писатель. Я знаю его по съездам, где его речи производили сильнейшее впечатление. И вдруг в тюрьме! Читайте, пожалуйста!

Соколов прочел следующее:

«Срочная. Петербург, министру финансов. Постановлением следователя заключен в тюрьму до внесения 5 тыс. залога. Обвиняюсь в растрате заложенного Государственному банку хлеба. Окружной Суд состава преступления не нашел, следствие прекратил; возобновила Судебная Палата. Адвокату Ждановичу, другу прокурора, доверенному еврея Гирмана, ведущего со мной процесс, овладевшего моим имением, необходимо меня уголовно очернить. Ссуда была выдана с нарушением устава и всяких правил. Количество хлеба определялось немолоченного, на глаз, печатей, знаков охраны никаких не было. Так выдавалось всем. Никаких заявлений о праве продажи не делалось. Чисто Шейлоковская операция, спекулирующая на уголовщину. Чиновники банка все брали взятки. Осматривавший хлеб взял 100 руб., его расписка. Временный управляющий отделением взял 300 — есть вексель. Банк потворствует, прикрывает безобразия отделений. Ссуды не возвращаются, например Муравьева, двоюродного брата министра юстиции. Того преследуют гражданским иском, велики связи. Иск безнадежный, ибо имение обеспечивают дружеские закладные. Жалуюсь на действия следователя. По закону жалоба арестованного рассматривается 24 часа, моя валяется две недели. Адвокаты отказываются от моего дела, боятся нарушить отношения с судом. Жене следователь сказал, что и сейчас не видит состава преступления. Между тем прокурор приказывает взять залог 5 тыс., достать негде, разорен совершенно, с убийцы графа Игнатьева[347] потребовали только 100 руб. Суда не боюсь, на суде буду подсудимым не я, а Министерство финансов и Государственный банк. Скандал выйдет всероссийский. Прошу Ваше Высокопревосходительство приказать прекратить дело, заведомо вздорное и дутое».

— Черт знает что! — воскликнул диктатор.

Павлов горячо заговорил:

— Вот она, ваша юстиция! Ни дать ни взять, как в Харьковских банках. Там прокуроры и следователи свирепствовали в угоду братьям Рябушинским[348], здесь это требуется жиду Гирману. Я знаю это несчастное дело. Мещерского разорили ростовщики при благосклонном содействии Дворянского и Крестьянского банков. Полумиллионное имение, по культуре первое во всей средней полосе, пошло в лом за 100 тыс. руб. только потому, что Министерство финансов ни с того ни с сего в самое критическое время приостановило операции своих ипотечных банков. Если бы Мещерскому помогли, он бы отлично выпутался из своих долгов и у него осталось бы земли тысяч на двести. Теперь он разорен бесповоротно и все, что им в культурном смысле сделано, пропало бесследно. Генерал, надо Мещерского спасти?

Соколов сказал:

— Необходимо доложить Государю.

— Боже мой! Припоминаю, — добавил Павлов. — Мне Мещерский говорил полгода назад, что Государь очень тепло отнесся к его ходатайству, которое ему передал Трепов[344]. Но из этого ничего не вышло, так как Коковцов постарался по данным Государственного банка сделать доклад против Мещерского и по поводу этой вот хлебной ссуды выставил перед Государем Мещерского мошенником.

Иванов обратился к Соколову.

— Мой дорогой, рассмотрите это дело и сделайте, что можно. О Мещерском я доложу Его Величеству сам и надеюсь, что мне Государь поверит. Боже мой, Боже мой! Ведь это же в самом деле какое-то разбойное гнездо.

XXXVI

Иванов большими шагами ходил по кабинету. Он был взволнован и тяжело дышал. Соколов положил депешу в карман и ждал. Воцарилось на несколько минут томительное молчание, которое прервал Павлов:

— Вот что, старый дружище. Иронию всякую в сторону и будем говорить совершенно серьезно. Вся эта мерзость так разрослась, так усилилась, что без террора никак не обойтись. Только страхом еще и можно что-нибудь сделать. Но страху нужно нагнать на этих господ такого, чтобы каждый из них, ложась спать, благодарил Бога, что он не повешен и не сослан в Восточную Сибирь. Скажи мне вот что: Государь тебе террор разрешит?

— Я дал слово Государю, что террора у него просить не приду, разве в случае вооруженного мятежа, но ведь этого же быть не может, да тогда и просить не нужно, а стрелять.

Соколов сделал нетерпеливое движение, Павлов даже привско-1 чил с места и крикнул:

— Да ведь это измена делу! Это предательство — таким образом | добровольно связать себе руки!

— Не кипятись, успокойся! Не волнуйтесь и вы, полковник. Вот I я вас выслушал, выслушал и тебя. Теперь за мною очередь. Перебрали мы много всяких мерзостей, надо сделать заключение. Все, что вы) здесь, мой дорогой полковник, говорили, для меня совсем не ново. Я вам скажу гораздо больше. В других ведомствах везде то же самое, с той только разницей, что у вас в министерстве хоть и грабят, но все же кое-что делают, в других ведомствах даже на бумаги с марками не отвечают. Вот он вопит: террор, террор! Да ведь, господа, если пускать террор, так надо расстрелять или выслать всех без исключения! Ведь ни одной канцелярии, ни одного департамента нет, где бы этого не было. И я не знаю, в сущности, кто гаже: тот ли, кто грабит, или тот, кто корчит из себя добродетель, сам не берет, но воров прикрывает и обеляет? Подумали ли вы, что террор равносилен остановке всей машины? Ведь здесь, в Петербурге, незаряженного нет ни одного квадратного аршина. Неужели я о терроре не думал? И у меня это была первая мысль. Но позвольте мне, как практику, заявить вам, что не только террор, а даже простая массовая смена персонала - вещь, абсолютно невозможная. Может получиться положение, при котором вы пожалеете даже о нынешних хищниках.

— Так что же делать? — воскликнул Соколов.

— Погодите. Я вас слушал, выслушайте и меня. Что делать? Попытаться это воровство и разврат вывести. Александр III это пробовал, но ему не удалось. Помните манифест 29 апреля о «неправдах и хищениях»? Прекрасный манифест, и пожалуй, что-нибудь бы вышло, если бы правительство, одной рукой приглашавшее «бороться с неправдой и хищениями», другой рукой этих самых неправд и хищений не прикрывало. Попробуйте разоблачить какого-нибудь сановного вора. Он бежит к своему министру, тот пишет записочку графу Толстому, этот зовет Вяземского[350] или Феоктистова[351], и хищение спасено: по газетам рассылается циркуляр «не сметь касаться такого-то дела». Вы видите, где стоят неприятельские батареи? Берите их и ставьте там свои. Хищение разрослось на молчании печати - выводите его посредством печати. Представьте себе, что завтра появляется в «Новом Времени» беседа с вами, где вы заявляете, что решились во что бы то ни стало выбраться из разбойного вертепа, каким стало ваше ведомство, и не только не будете преследовать печать за разоблачения, а своих чиновников за доставление печати сведений, но наоборот: будете ей признательны, как наилучшей помощнице, а чиновников приглашаете и благословляете давать печати материал для разоблачений. Скажите, неужели это средство не лучше каких хотите виселиц и пулеметов?

Павлов раздумчиво покачал головой.

— А ты себе представляешь тот кавардак, который получится? Хорошо окажется твое правительство перед Россией и перед Европой, когда вся эта помойная яма будет вскрыта? Да от этого зловония мы все разбежимся. И потом: где это у нас печать с такими гражданскими чувствами? Печатному жиду нужен скандал, и ничего больше.

— Успокойся, мой милый. Молчанием престижа правительства не поднимешь. Все знают, что Петербург — гнездо разврата и воровства, и спасения никакого нет. А тут все узнают, что нашелся, наконец, честный министр, который не только не прикрывает никакой мерзости, но сам просит ее выводить на свет Божий и казнить. Ну вот, например, пусть все то, что нам здесь рассказывал полковник Соколов, будет завтра напечатано в «Новом Времени». Неужели это не вызовет величайшего подъема доверия и благодарности правительству?

— Да, это верная мысль, — сказал Соколов. — Так что, вы мне Разрешаете устроить такое интервью?

— Не только разрешаю, прошу вас об этом. Телефонируйте Суворину: он или сам об этом напишет, или Меньшикову[352] поручит. Это будет хорошее начало. А я прикажу в «России» перепечатать.

Присоединился и Павлов.

— А что, Николай, скандал скандалом, а пожалуй, что и толк будет?

— Ну вот, спасибо тебе, что наконец понял. А теперь другая половина дела. Разумеется, ни Соколов в финансах, ни ты в земледелии не будете в состоянии разобрать все старые пакости и удовлетворить всех обобранных и обиженных. Что вы скажете на такую мысль: вызвать в Петербург по одному человеку от губернских земств и образовать исключительно из них Верховную Комиссию для разбора правительственных злоупотреблений и вознаграждения потерпевших? 36 земских губерний, да 9 — западных, вот тебе сорок пять человек Раздели по пяти — получишь девять подкомиссий, почти по числу министерств. Работа пойдет скоро, и тут же получится и побочный результат. При исследовании каждого дела тотчас же из самих чиновников выделятся порядочные элементы, которые теперь забиты и затиснуты. Они помогут комиссиям разобраться, дадут весь нужный материал, осветят дело. В результате, когда придется разгонять воров, эти господа дадут готовый кадр честных агентов, из которых и можно будет назначать на все должности. Ну, Николай, что ты на это скажешь?

— Скажу, мой милый, что ты charmeur[353] и молодец. Ты меня этим прямо подкупаешь.

— Ну вот, так-то. А то виселицы да пулеметы. На что это похоже!

— Да уж очень сердце изболело. Ведь в самом деле, черт знает, до чего дожили!

— Но все-таки, помните, господа. Все это меры экстренные, так сказать, сверхъестественные. Произведется впечатление, получится некоторое довери'е, масса хищников уйдет, многих отдадим под суд, но это еще не решение вопроса. Россия устроится только тогда, когда вместо бюрократического в ней будет земское управление. Вне этого никакого выхода нет, и ты, мой милый Николай Алексеевич, со мной согласишься.

— Это твои области?

— Да, области и ничто другое.

XXXVII

Казалось бы, вопрос об оздоровлении правящего персонала и о получении наконец честного правительства решался этим путем удовлетворительно. Но в глубине души у диктатора было полно

сомнений. Петербург представлялся ему огромным тифозным или холерным бараком, где и стены, и сама почва были пропитаны бактериями разврата, самовластия и хищений. Оздоровить до материка эту почву не было никакой возможности, так как в Петербурге, собственно, и нет никакого материка, а зыбучее болото. В этой ужасной атмосфере заражались и гибли лучшие русские люди. И наоборот, те же Петербургские бюрократы, порывая связи со столицей, иногда совершенно преображались.

Русская история давала по этому вопросу ясные указания. Во всех таких случаях наилучшим средством являлось: бросить зараженное место, как бросают тифозный барак, и переносить столицу на новое, открывая новый период истории. Период Московский, расцвет землесобирания и русской национальной исключительности закончился и изжил сам себя. Москва не давала простора Петру и не могла, как столица, ввести Россию в круг европейских держав и европейской цивилизации. Петр бросил ее, построил новую столицу на краю государства, ушел к инородцам, открыв период иноземных культурных влияний. Россия была выбита из национальной исключительности и приняла крещение европейской цивилизации. Петербург страшно расширил, устроил технически и дисциплинировал Россию, но теперь и он изживал сам себя, являя картины величайшего безобразия и разложения. Полоса иноземных влияний должна была закончиться вместе с иноземной системой управления — централизованной бюрократией. Но эту реформу в Петербурге провести было, очевидно, нельзя. Здесь, казалось, вопияли самые камни, отстаивая свое хищное и злое господство над Россией. Русский народный дух, вера, совесть, патриотизм не могли здесь ни возродиться, ни расцвести.

И вот диктатор мечтал о перенесении столицы из Петербурга. Но куда? Ему слышались вещие голоса великих русских публицистов, давно еще звавших «домой». Это было отчасти заветом Императора Александра III, лелеявшего эту мысль после 1 марта 1881 года и подробно обсуждавшего с Катковым вопрос о перенесении столицы. Александр III чувствовал себя пленником в Петербурге, который он имел случай изучить еще Наследником престола.

Но не лежало сердце диктатора к Москве. Развенчанная Петром столица давно уже потеряла всякое значение духовного и национального центра России. Умерли великие мыслители, угасли огни

на нх алтарях, исчезли или выродились великие органы общественной мысли. Москва потеряла историческую нить и стала не душой, не сердцем, а брюхом России. Соответственно этому почти сошел со сцены ее старокультурный слой - дворянство, зато пышно расцвела самая уродливая из всех буржуазий. Тон московской жизни стало задавать новое поколение московского купечества и фабриканты, не сохранившие никаких исторических традиций, ни национальных устоев. Влиятельным покровительством и поддержкой стало пользоваться самое бесшабашное декадентство, босячество и всякие революционные отбросы. К моменту позорного мира и начала революционных выступлений Москва очутилась сплошь в руках кадетов и революционеров всякого калибра. Вооруженное восстание не отрезвило москвичей и не помешало им два раза выставить в Думу ярко-красные элементы, и притом людей заведомо несерьезных. Старая патриотическая и национальная Москва бесповоротно сошла со сцены. То, что собралось здесь под флагом патриотических организаций, было так же плохо и несерьезно, как и левые элементы, а выдающимися талантами, людьми высокой доблести и патриотизма ни одна сторона похвалиться не могла. И в довершение всего Москва ожидовела, почти как Одесса или любой еврейский город.

Для Иванова, кровного великоросса, было горько сознавать окончательное падение Москвы, как сердца России, но он ясно видел, что в его славянскую схему Москва не укладывалась. Не ей, очевидно, приходилось стать центром для нового периода русской государственности. Столицей новой славянской России сам J собой рисовался Киев, колыбель Русского царства, стольный го-; род древних былин и очаг первой русской церковности, гражданственности и свободы. Широко раскинувшийся на своих священ-; ных горах, весь залитый солнцем, опоясанный Днепром, Киев стоял 2 особняком среди смрадной вакханалии Петербургского периода и с падением Москвы постепенно сосредоточил в себе и незави- j симую русскую мысль, и русскую науку, и государственное понимание событий. В Киеве естественно созрела идея о славянском призвании России. Здесь, по слову поэта, должно было состояться великое примирение двух враждующих славянских племен и утвердиться основа союза всех славян вокруг России. Эта идея вырывалась неудержимо при каждом подходящем случае. Ясно, что

в этой почве были ее ростки, не затоптанные бесшабашной централизацией.

Но Петербург? Но те огромные капиталы, которые за два века туда вложены? Иванов был, прежде всего, практик со здравыми экономическими взглядами и ясно понимал, что такой вопрос, как перенесение столицы, не может быть решаем на основании одних политических соображений. Нужно было представить себе во всем объеме также и экономическую картину такого крупного исторического события.

Здесь дело складывалось так: местного, самостоятельного значения Петербург, как город, не имел никакого. Он жил почти целиком за счет России, извлекая из нее средства, как правящий центр, как резиденция Двора, как рассадник высшего образования, как фабричный город и, наконец, как отпускной порт. С перенесением столицы отпадали, очевидно, два главных источника дохода: все то, что расходовала в Петербурге бесчисленная высшая бюрократия и большая часть из того, что расходовал Двор. Остальные три источника оставались.

Откуда могла явиться компенсация?

Во-первых, Петербург, как резиденция, мог сохранить отчасти свое значение. Если зиму и осень Двор мог проводить в новой столице, то для лета Петербург с его побережьем, прохладой и чудными дворцами по заливу представлял значительные преимущества. Затем перенесение столицы не упраздняло Петербурга, как крупного областного центра для Северной области. Ее управление должно было быть достаточно сложным и разветвленным, чтобы потребовать значительного персонала. Если постараться поднять значение Петербурга, как военного и торгового порта, развить коммерческое мореплавание и расширить местную промышленность и торговлю, то все убытки могли быть забалансированы и капиталы, вложенные в городские недвижимости, почти не пострадать.

Вопрос решался удовлетворительно и безобидно для всех, и это сообщало предположениям диктатора необходимую реальность и осуществимость. Он надеялся, что первый же созыв представителей от областей поддержит его мысль о необходимости нового государственного центра, и в тишине, не сообщая пока никому, Разрабатывал свой проект.

XXXVIII

Результатом разговора министра финансов с А. С. Суворины было «Маленькое письмо», вызвавшее в бюрократических сферах Петербурга волнение неслыханное, напоминавшее тот момент в 1882 году, когда маститый публицист одним ударом уложил в могилу «Священную Дружину». А. С. Суворин, разумеется, не уступил такой пикантной темы Меньшикову, а пустил в ход весь блеск своего таланта первого русского фельетониста. Письмо содержало передачу без всякого смягчения известного уже рассказа Соколова и заключительной сентенции Иванова. Затем Суворин говорил от себя:

«Итак, вот первый осязательный результат появления у власти молодого и свежего военного элемента. Я всегда любил военных и верил, что выражение "по-военному" есть наилучшая форма похвалы. "По-военному" значит прямо, правдиво, смело. И вот, по-военному нас взяли и перерядили всех из мундиров, фраков и сюртуков в арестантский халат. Положение для правительства великой державы как будто несколько необычное, но... "стерпится—слюбится". Только не вышло бы недоразумения? Арестантский халат страшен, когда его носишь один, а все остальные при лентах и звездах. Но когда его наденут, как "общегенеральскую" форму, во всех ведомствах, то многие почувствуют себя в нем даже удобнее. Постыдно, когда вора введут в компанию честных людей. Но вор в воровской компании чувствует себя на высоте положения, и чего доброго, стыдно будет не тому кто крал, а тому кто крал мало. Того замучает зависть, которая у нас давно заступила место совести.

Во всяком случае, призыв молодого министра финансов обещает России прелюбопытный спектакль. То, что раньше ходило под массой сплетен и в печать попадало только в виде намеков, за которые нам, журналистам, жестоко нагорало, теперь будет рассказано совершенно откровенно и обосновано документально. Открывается нечто вроде гигантской всероссийской прачечной, где всякому желающему предоставляется отныне мыть грязное белье своего высшего начальства и выводить пятна хищений. А пока эта стирка будет идти, господа тайные и действительные статские, шталмейстеры и егермейстеры, генералы от инфантерии и генералы от кавалерии, адмиралы флагманы и адмиралы "по адмиралтейству" приглашаются стоять голенькими и воспринимать всякие комплименты.

И услышим же мы истории! Сколько материалу даст одно Морское ведомство. Какие крысы побегут оттуда! А наше интендантство, наши артиллерийские, инженерные и всякие иные управления! Как раз вчера был у меня один почтенный фабрикант, имевший неосторожность впутаться в казенную поставку. Знаете, что он мне передавал? А вот что: по сдаче заказа у них принято делить добычу. Мзда вкладывается в конверт, на нем пишется адрес его превосходительства, сиятельства или высокородия и с пачкой таких конвертов клиент идет благодарить начальство за хорошую приемку. Отправляется и мой приятель и начинает жать руки и раздавать конверты. Вдруг видит: молодой капитан краснеет и не берет. Тот тоже конфузится и, конечно, извиняется, что предложил. - "Ничего, - говорит, — ничего, я не обижаюсь. У нас здесь все берут, только я еще не могу". — Теперь мой приятель громко рассказывает в обществе, как факт, достойный изумления: в таком-то хозяйственном управлении есть член, который *еще* не берет!

Назидательные вещи будут рассказаны про покупку судов во время войны, когда аргентинские крейсера попали к японцам только потому, что две своры русских покупателей не давали одна другой кончить дело, вымогая неслыханные взятки. Недурно выйдет повествование о неумытной (надо, чтобы корректор хорошо посмотрел за целостью второго "н") российской юстиции, в деле харьковских банков проявившей несвойственную ей энергию, так как эта энергия нужна была не в интересах правосудия, до которых никому дела нет, а в интересах торгового дома братьев Рябушинских, которые разграбили харьковские банки и вынудили бедного министра юстиции, как только запахло революцией, спешно уложить чемоданы и спасаться послом в Рим.

А сколько материалу доставит графиня Сахалинская[354] с ее штатом всякого калибра банковских жидов и гешефтмахеров[355]! Как хороши выйдут многие тайные, действительные тайные, сенаторы и статс-секретари, которые по характеру своей должности много Украсть не могли и к участию в грабежах не допускались, а потому во имя справедливости и "для равновесия" получали особые наградные по ста, по двести и более тысяч в один прием! Любопытно, окажется ли в Петербурге хоть один праведник, который бы от такого "пожалования" в свое время отказался?

Но всего не перечтешь. Наш симпатичный диктатор и его новые министры полагают этим путем довести Россию до честности. Давай им Бог успеха, но вот вопрос: куда денут они весь огромный синдикат сиятельных и превосходительных хищников, который так хорошо устроился за счет России? Не придумают ли святые отцы Синода какого-нибудь особого обряда очищения, вроде, например, освящения колодца после попавшей мыши, этаких каких-нибудь молитв с коленопреклонением о ниспослании русскому правительству честности, как засохшим полям дождя? Кажется, такую молитву составил в свое время В. К. Саблер и даже показывал ее Победоносцеву; причем будто бы последний сказал: многих эта молитва очистит, но вас с Шемякиным[356] никакой святой водой не отмоешь. Легко освятить колодезь после одной мыши, но если их навалятся тысячи?

Вообще, поживем, увидим. Чего доброго, найдется и такое превосходительство, которое гордо скажет: "Я не крало". Будем сажать его сейчас же под святые. Но я думаю, гораздо больше будет таких, которые с горестью выкликнут: "Мне не пришлось украсть". А уж такого, которое могло бы сказать: "Я не крало и не давало красть", наверное, во всем Петербурге не окажется».

«Маленькое письмо» вызвало в Петербурге истинную панику. Диктатор не гнал никого. Он требовал только, чтобы обвиненный j оправдался документально. И однако началось массовое бегство за границу высшего правительственного персонала. Подавали в отставку и ликвидировали свои дела директора департаментов, члены разных советов, управляющие отдельными частями, многие сенаторы. В либеральной печати наперерыв старались разоблачить сановников консервативного образа мыслей, печать патриотическая спешила вывести к позорному столбу высокопоставленных кадетов и конституционалистов, которые, как оказывалось, были все сторонниками графа Витте, обучались в его школе и видели в конституции и парламентаризме лишь новое расширенное поле для хищений. Большинству и думать было нечего ни оправдываться, ни требовать над собой формального суда. Никогда еще «Правительственный Вестник» не пестрил таким множеством отставок и новых назначений, никогда движение по административной лестнице не шло так быстро...

Но зло сидело так глубоко и чистка правящего персонала столицы требовала такой массы «жертв» и такой колоссальной перетасовки, что генерал-адъютант Иванов не без тревоги смотрел на

будущее. Атмосфера недовольства сгущалась, враждебные ему силы сплачивались. Диктатор ждал бури и к ней готовился.

XXXIX

Иванов избегал корреспондентов. Не потому, чтобы он не любил гласности или стеснялся высказываться, а потому, что русская печать и ее «сотрудники», за ним бегавшие и добивавшиеся интервью, были чересчур омерзительны. Не многим лучше были и господа иностранные корреспонденты, которых по объявлении диктатуры набежало видимо-невидимо, едва ли не больше, чем даже на «конституцию». Немецкие газеты понаслали евреев, которых Иванов не переносил, французы были феноменально невежественны и ловили самые нелепые сплетни; оставались сравнительно приличные англичане.

Одного из них, очень серьезного корреспондента «Daily Telegraph» принял Иванов. По русским внутренним делам этот джентльмен был, как оказалось, осведомлен не хуже самого диктатора и даже знал кое-что, Иванову неизвестное. Поэтому разговор сразу перешел на международные отношения.

Диктатор сказал:

— Должен вас предупредить, что внешняя политика до меня ни малейшим образом не касается. Это, по нашей государственной традиции, область личной работы Государя Императора, который направляет непосредственно министра иностранных дел. Мое мнение может иметь цену только личного моего мнения, и притом в качестве совершенно частного человека.

— Но дела международные связаны так тесно с внутренним состоянием России, что ваше влияние всегда будет огромно, даже если бы вы этого и не хотели. Наконец, вы занимаете настолько исключительный и важный пост, что ваше мнение по тому или иному вопросу имеет и само по себе огромный интерес.

— Я к вашим услугам — спрашивайте.

Англичанин вынул записную книжку и поставил Иванову следующий категорический вопрос: «Какого он мнения о возможности и необходимости англо-русского политического союза?»

— На категорический вопрос я дам и категорический ответ. Я считаю такой союз совершенно возможным и безусловно необходимым.

— Как вам представляется его цель?

— Защита интересов белой расы и христианства против желтого Востока и мусульманского мира. У России и Англии не противоположные, а совершенно тождественные задачи. И той, и другой величайшие опасности грозят со стороны желтых. Япония может совершенно выбить Англию с рынков Дальнего Востока и составляет серьезную угрозу Индии и остальным колониям Тихого и Индийского океанов, совершенно так же, как она угрожает России со стороны Сибири и Амура. Затем, и у России, и у Англии миллионы мусульман подданных, вернее, мусульманский мир поделен фактически между этими державами. Всякое между ними соперничество в Азии ли, или на Ближнем Востоке является огромной опасностью и может вдохновлять мусульманский мир на несбыточные замыслы. Наоборот, союз Англии и России заключает мусульманский Восток в железные рамки. Совершенно то же и относительно желтых. Наш союз охранит вам восточные рынки, нам — политическое спокойствие.

— Чрезвычайно рад это слышать. Теперь позволю себе предложить вам следующий вопрос, непосредственно вытекающий из первого. В чем вы видите препятствия к осуществлению англо-русского союза?

— Во взаимном непонимании своих истинных интересов и в недоверии, основывающемся на столетних предрассудках. Почему Англия не доверяет России? Почему вся ее политика состояла прежде всего в борьбе с Россией повсюду, где только России приходилось выступать со своими мировыми задачами? Потому, что Англия подозревала нас в захватнической политике, воображала, что мы стремимся к бесконечному расширению в Азии и даже захвату Индии. Между тем это совершенный вздор. Ни одно из наших завоеваний в Средней Азии, ни одно расширение границы не носило добровольного характера, а происходило вопреки нашей воле, исключительно по необходимости обеспечить свои владения. Об Индии никто у нас никогда не помышлял, и только душевнобольной Павел, да и то в припадке гнева, мог затеять туда экспедицию. Что стали бы мы делать с сотнями миллионов инородцев, буддистов и мусульман? Неужели у нас мало своих? Неужели мы настолько глупы, что не понимаем опасности разжижения господствующего государственного племени? Для самого объемистого национального желудка есть предел переполнения, за которым всякий дальнейший глоток смертельно опасен. Но Англия не хотела этого понимать и вела свою политику к ослаблению и подрыву России, вредя ей, где могла, без малейшей пользы для себя. Наше недоверие и нелюбовь к Англии были только результатом этой политики. И я должен сознаться, что это недоверие, воспитываясь десятилетиями, укрепилось чрезвычайно. Союз с Англией у нас совершенно непопулярен.

Корреспондент заметил:

— Здесь также играла роль Германия. Она всегда старалась сеять между нами раздор. А немецкие влияния у вас очень сильны, особенно в придворных сферах.

— С этим я спорить не буду, хотя с Александра III влияние Германии заметно уменьшилось, а о дружбе с ней нет и речи. Довольно того, что оказался возможным союз с Францией.

— И тем не менее в этом вопросе вы, несомненно, испытываете сильнейшее нравственное давление Германии.

— Поверьте, — отвечал диктатор, — что оно не помешало бы очень тесному сближению России и Англии, если бы Англия серьезно захотела рассеять наше против нее предубеждение, показать нам, что она нам не враг; хотя бы только это! Ведь не воспользовались же мы вашими затруднениями в Бурскую войну? А ведь тогда можно было наделать вам серьезных бед! Зачем же вы идете всегда против нас?

— Скажите, в чем заключаются ваши от нас требования?

— Вы поймете их сами, когда захотите стать на ту точку зрения, что и мы, и вы, то есть и славяне, и англосаксы, как два главных христианских народа, должны стоять во главе Белой расы и европейской цивилизации и идти в тесном союзе. Тогда для Англии выгодна не ослабленная и расстроенная Россия, а Россия могучая и сильная. Выгодно окончательное решение славянского вопроса, то есть политическое объединение всех славян в мировое государство, самое сильное на суше. Выгодно окончание Восточного вопроса и получение нами проливов. Выгодно, наконец, ослабление и изолирование Германии, врага славянства и рассадника новейшего милитаризма и политического хищничества. Всему этому вы в ваших интересах обязаны помогать, а взамен этого мы будем считать в своих интересах всякое благо и выгоду Англии. Нам будет

выгодно, чтобы Англия была владычицей морей, чтобы ее колонии сплотились в тесную мировую группу, такую же великую и сильную, как наша. Мы гарантируем вам и обладание Индией, и твердое положение на рынках. Наша необъятная сухопутная сила станет в ваше распоряжение взамен вашего флота, который встанет на защиту наших интересов. Раздел мирового владычества между англосаксами и славянами будет полный, и на нашей планете водворится, наконец, желанный мир и порядок, ибо против этих двух сил не найдется никакой третьей.

— О, сэр! — воскликнул корреспондент. — Ни от одного русского я не слыхал никогда ничего подобного.

— Очень жаль! Но я думаю, что и ни одному англичанину не приходило в голову поставить вопрос на эту почву, иначе он горько осудил бы всю вашу политику. Чего добились вы, допустив позор России на Берлинском конгрессе и отдалив решение славянского вопроса? Что выиграли британские интересы от того, что Турцию оседлала Германия и теперь за вашей спиной пробирается к Персидскому заливу? Что принесет вам союз с Японией? Разве то, что дружескими руками вас вытолкнут из Китая, а может быть, и из Австралии?

— Позвольте уверить вас, что эти ваши мысли будут с восторгом приняты в нашей стране.

— Только прошу вас оттенить категорически, что это мои мысли, как частного лица и никакого отношения к направлению нашей официальной политики не имеют.

XL

Буря, которую предвидел и ожидал диктатор, наконец разразилась. После первых же серьезных разоблачений и вызванных ими увольнений вокруг ген.-ад. Иванова стала складываться многочисленная коалиция сановников, прикосновенных если не непосредственно к хищениям, то к попустительству или явному укрывательству. Были подняты на ноги все сферы, пущены в дело все связи. Высокопоставленные хищники знали хорошо, что за известную черту разоблачения перейти не могут и известные имена в печать не попадут. На невозможности твердо удержать эту черту и была рассчитана вся кампания. Иванова и его недавно призванных министров обвиняли в создании новой революции взамен только что законченной, революции сверху, гораздо более крутой и опасной в России, чем какая угодно революция снизу.

После одного бурного заседания Совета министров под председательством Иванова Столыпин, проводив остальных коллег, обратился к диктатору:

— Уделите мне полчаса. Есть важные сообщения.

Диктатор молча наклонил голову, и они прошли в кабинет.

— Я знаю, что у вас за сообщения. Я жду их уже три дня. Вы, мой многоуважаемый Петр Аркадьевич, по-видимому, выражаете желание стать на *ту* сторону. Предупреждаю вас: я не уступлю и не отступлю. Мы с вами условливались, что хищникам пощады не будет. Теперь вы колеблетесь?

— Да, я колеблюсь. Вы в стороне и до вас доходят только отголоски того горя, тех страданий, в центре которых мне приходится стоять. То, что у нас в эти дни творится, и то, что вы считаете чисткой России, это какая-то ужасная вакханалия, какое-то Иродово[357] избиение младенцев, а вовсе не чистка! Меня осаждают со всех сторон, умоляя унять разоблачения этой подлой, тысячу раз подлой и грязной печати, которую вы спустили с цепи. Довольно вам, что вчера передо мной стала на колени старуха-фрейлина? Она просила спасти ее родственника, невинного человека, которого ваш Павлов гнал с семьей буквально на улицу.

— Это барон Аугсбург, что ли?

— Да, да. Ведь в самом же деле тут страшная драма!

— Тут две драмы, Петр Аркадьевич. Одна драма личная — это вот этот ваш барон, который, бедняга, даже и сейчас понять не в состоянии, откуда на него свалилась беда и за что его гонят. Ведь он всю жизнь смотрел на государство, как на свою баронскую усадьбу, и все кругом так смотрели. Но другая драма — государственная, и эта будет поглубже. Из-за того, что у этого барона красивые дочери (и все замужем за сановниками!) и тетка фрейлина, должна гибнуть Россия! А Россия гибнет именно от этих Аугсбургов. Ведь вы посмотрите, где этот барон сидел и какая государственная сила через него проходила. И что же он собой изображал в механизме управления? Вся его работа была сплошным преступлением, остановкой, закупоркой важнейшей артерии. И это делалось в личных видах, в интересах всяких родственников и свойственников. Соколов не дает

ему пенсии, Павлов гонит. Что же делать? Или по-старому назначать в Сенат или Государственный Совет? После того, что говорилось в печати? Слуга покорный! Ведь благодаря этому и так эти высшие учреждения стали местом ссылки.

Столыпин живо возразил.

- Я не оправдываю барона. Но ведь эти Аугсбурги и Полетаевы все наше правительство. Ведь этих людей тысячи! Вчера все это было властное, неприкосновенное, сегодня вы совершенно неожиданно объявили им войну. Вы гоните их без всякой пощады. С ними лишается хлеба целая армия их родственников, их близких и друзей, это все связано в одну сеть, в одну ткань, которую вы так грубо рвете. Ведь это же живые люди, наконец! И все они, разумеется, цепляются за верха, у всех связи при Дворе... Вы этим возбуждаете против себя всех...

- Я это знаю, но что же делать, Петр Аркадьевич? Дезинфекция должна быть сделана. Ведь вы же понимаете, что с этим персоналом ни о каком обновлении России, ни о каких реформах и думать нечего?

— Да, но не мучьте же, не губите людей. Их надо снять с их постов, но осторожно, жалостливо. Ведь то, что у нас делается в эти дни, ей-Богу, напоминает очень скверные страницы Французской революции[358].

— Жалостливо? То есть с пенсиями, арендами, милостивыми рескриптами? Да у России на это средств не хватит! И потом - драть с разоренного мужика, чтобы кормить отставного хищника? Где же справедливость?

- А где же справедливость с одного человека взыскивать все грехи нескольких поколений? Затем спуститесь, генерал, на практическую почву и подсчитайте ваши силы. Вы подняли такие стоны, такой плач, такие жалобы и мольбы, что Государь может поколебаться. Ведь на Него идет теперь осада - все поднято, все брошено в борьбу с вами. Ведь вы же знаете, какие там связи? И связи не вчерашние. Устоите ли вы перед целой коалицией?

Диктатор прямо и пристально взглянул в лицо Столыпину.

— Я лично устою, даже если вы будете у нее во главе, Петр Аркадьевич. Я верю в непоколебимое ко мне доверие Государя, и Его прямое, честное сердце. Доказательство налицо. Это ваша записка?

Диктатор подал Столыпину объемистую тетрадь, на первой странице коей рукой Государя было написано: «Прошу М. А. внимательно разобрать и дать объяснение».

Столыпин вспыхнул. Диктатор продолжал:

— Написано мастерски. Кто это вам составлял? Сигма[359]? Гурьев[360]? Но знаете, было бы гораздо корректнее с вашей стороны подать это Государю через меня. Неужели вы думаете, что я бы эту вещь решился скрыть от Его Величества? Но разница в том, что если бы ее принес я, то принес бы, как свободное мнение моего сотрудника, с которым я очень и очень должен считаться. А когда вы подали эту записку непосредственно, за моей спиной, то она получает значение совсем другое. Вы выступаете на борьбу со мной и желаете поставить Государя перед альтернативой: или вы, или я? У нас, у военных, это называется интригой, ваше высокопревосходительство.

— Михаил Андреевич, я не интриган, но всему есть границы. Я давно уже ждал случая побеседовать с вами откровенно. Я был призван к власти раньше вас и явился с определенной программой. Мой способ обновления России был проще и медленнее вашего, но, я думаю, вернее. Его Величеству было угодно одобрить вашу программу и вас поставить у руля. Я преклонился и честно стал на вторую роль в качестве вашего сотрудника. Но теперь для меня ясно, что вы ведете Россию к катастрофе. Вы разрушаете самый центр управления и создаете полный хаос. Все, чего я достиг с огромными усилиями, за что так жестоко пострадала моя семья, и чуть я сам не пожертвовал жизнью, пущено вами насмарку. Я стал исполнителем программы, которую одобрить не могу, а теперь, вдобавок, являюсь козлом отпущения в этой жестокой игре, которую вы называете «чисткой России». Нет, я не интриган, ваше превосходительство, я только высказал Монарху мои мысли... А затем пусть судит Он сам.

— Петр Аркадьевич! Я это чувствовал давно. Я знал, что здесь, на этой чистке мы разойдемся. Вы принадлежите к старой аристократии и всеми корнями вросли в здешнюю почву. Я маленький дворянин, почти плебей. Дворянство купил своей кровью мой дед под Бородиным. Мои корни все там, в России, с Петербургом я ничем не связан и мне жаль живую Россию, а не здешнюю публику. Вы являетесь, может быть невольно, отголоском старого, умирающего петербургского режима. Ну, что же, спорить, так спорить! Пусть Государь решает, работать нам вместе невозможно. Но прежде чем

я этот вопрос поставлю перед Государем, я попрошу вас дать мне еще одно маленькое объяснение более интимного свойства. Вы читали эту заметку?

Диктатор протянул Столыпину отчеркнутое место в «Новом Времени». Министр несколько смутился, но твердо ответил:

— Я ничего не знаю.

— Странно. Ваш брат открыто сотрудничает у Суворина. И вот, полюбуйтесь на эту *случайность*. На другой день после того, как Государь высказал мне, какое хорошее впечатление произвел на него Крутогорский губернатор, в «Новом Времени» брат министра внутренних дел делает против Тумарова очень скверный выпад.

— Повторяю вам, я ничего не знаю.

— Ну хорошо, на этом и закончим. Теперь я попрошу вас подождать минутку, пока Государю будет угодно сказать свое слово.

Иванов взял телефон, дал звонок и попросил доложить о себе Государю. Через минуту томительного молчания задребезжал ответный сигнал. Иванов твердым и ясным голосом сказал:

— Ваше Величество! Разрешите доложить, что мы только что объяснились с Петром Аркадьевичем по поводу его записки. Наши воззрения совершенно расходятся и совместная работа невозможна. Считаю долгом совести просить Ваше Величество решить, чья работа представляется более соответствующей Вашим видам и пользам России? Петр Аркадьевич убежден, что я приведу Россию к новой катастрофе. Кроме того, я так измучен, так устал и надломил здоровье, что с радостью сдам власть и могу рекомендовать именно Петра Аркадьевича на мое место.

Еще минуту длилось молчание. Иванов с трубкой, плотно приложенной к уху, смотрел прямо на Столыпина, министр нервно перебирал пальцами.

— Ваше Величество, — раздался почтительно, но настойчиво голос Иванова. — Уверяю Вас, это невозможно. Мы лично и не думали ни ссориться, ни расходиться. Расходятся наши воззрения, наши программы. Петр Аркадьевич, по совести и убеждению, обязан мне противодействовать. С другой стороны, и я не могу рассчитывать на ту работу, которой он в душе не сочувствует. Ваше Величество слишком милостивы и, конечно, Вашему сердцу больно, но решить необходимо теперь же. Ваше Величество, мы ждем!..

Опять наступило молчание.

Иванов сидел неподвижный, как изваяние. Момент был решительный, но диктатор был спокоен и готов ко всему. Перед ним в тумане мелькали его любимый полк, его новгородская деревня, где он ценил каждый час отдыха в общении с природой. Наконец в телефоне послышалось своеобразное журчание перебегающих слов. Столыпин вздрогнул.

— Слушаю-с, Ваше Величество, — ответил Иванов. Диктатор встал и подал Столыпину трубку телефона.

— Угодно вам выслушать решение Его Величества? Через две минуты Столыпин грустно выходил из кабинета.

Проводив его, диктатор сказал дежурному адъютанту:

— Телеграфируйте в Крутогорск Тумарову, чтобы явился немедленно.

КАБИНЕТ ДИКТАТОРА

XLI. Губернатор «со статьей»

Получив от генерал-адъютанта Иванова 1б-го служебную депешу, вызывавшую его в Петербург, крутогорский губернатор Павел Николаевич Тумаров показал ее жене и дал знать по телефону на вокзал, чтобы ему оставили купе в скором поезде, проходившем через Крутогорск на Москву всего через два часа.

Сборы Тумарова были недолги, была готова во всякую минуту к любой поездке и его жена, преданная своему мужу и своему долгу как образцовая русская женщина. Так как энергичный губернатор ждал ежеминутно бомбы или пули, то Мария Николаевна не отпускала его одного никуда и была как бы его ангелом-хранителем.

— Ну, разумеется, тебя, Павлик, вызывают для назначения, — сказала Мария Николаевна, когда они уселись в вагон, распрощались с группой провожавших и поезд тронулся, — но что он тебе предложит?

— Ничего не знаю. Мы с ним виделись всего один раз у Лаунида[361], правда, поговорили по душам, но ведь он меня совсем не знает. А в Петербурге, кроме врагов, никого... Да не все ли, Маруся, равно? Чем выше положение, тем более опасностей, а для тебя тревог. Давай лучше укладываться, я страшно измучен за эти дни.

Пока поезд спешил к Москве, можно в нескольких словах сделать характеристику Тумарова, которому судьба предназначила крупную историческую роль.

Революция выдвинула его из скромных рядов русского судебного сословия и сделала известным под кличкой «губернатор со статьей».

Тумаров говорил:

— Среди наших губернаторов есть отличные работники. Одно жаль: законов не знают. В нашем Своде Законов есть такие статьи, о существовании которых люди даже и не подозревают. Сделает человек что-нибудь, даже умное и хорошее, но без статьи, — глядь и нарвался! А со статьей милое дело: без ошибки — ни возражений, ни жалоб!

Так и пошло: «губернатор со статьей». В Крутогорске эта «статья» создала ему огромную популярность и перепортила немало крови местной красной братии.

Назначенный Столыпиным совершенно случайно из прокуроров в губернаторы, Тумаров явился в Крутогорск в самый разгар «освободительного движения». Первое, что он застал, — это огромное количество всяких революционных организаций, легализованных по новому закону как профессиональные союзы.

Собирает Тумаров свое губернское особое по обществам и союзам присутствие и заявляет:

— Тут у вас, господа, открыто множество профессиональных союзов и все незаконно. Нарушена статья такая-то, запрещающая участие посторонних лиц. Союз портных — члены адвокаты и акушерки. Союз фельдшериц — члены учителя гимназии и т. д. Я все их закрываю, но мне любопытно знать, кто о них был докладчиком?

Поднимается фабричный инспектор и заявляет, что докладывал он и что зарегистрированы союзы правильно.

Видит Тумаров, что докладчик «левее кадетов», делает перерыв и отзывает фабричного инспектора в сторону:

— Скажите, мой дорогой, вам известна статья такая-то, объясняющая, что бывает чиновнику за фальшивую справку? Неизвестна? Так вот: за это чиновник увольняется со службы. Но я не хочу портить вашей карьеры и рекомендую вам самому подать в отставку. Срок — два часа.

С первого же дня Тумарову пришлось повести в Крутогорске отчаянную борьбу с местной революционной печатью. Временные правила от 24 ноября 1905 года были составлены словно нарочно для того, чтобы администрация не могла захватить выпущенный

номер газеты. Тумаров распорядился отпечатать бланки приказов о конфискации, где оставалось только проставить номер «Крутогорского Голоса» и статью закона. Затем полиция дежурила у типографии и, как только издание начинали укладывать на подводу, номер мчали к губернатору. Тот вставал, бегло проглядывал и говорил по телефону, какой пункт нужно проставить в приказ об аресте, затем ложился снова спать.

Когда, таким образом, за месяц было конфисковано что-то около 20 номеров, газета сама собой прекратилась.

Но издатель, местный кадет из купцов, Пузатов, не сдавался. Он объявил губернатору войну и представил на регистрацию несколько новых газет с разными редакторами. Проходят установленные семь дней — свидетельство не выдается. Пузатов к губернатору.

— Ничего не знаю, никаких прошений не поступало.

— Как так?

Наводят справки, и оказывается, что подпись Пузатова на прошении нотариального засвидетельствования не имеет, что прямо требуется статьей такой-то.

— Вздумали воевать со мной, а законов не читаете! Дети вы!

Наконец, все формальности соблюдены, и для отказа предлога нет. Но и вечные конфискации надоели. Зовет Тумаров двух частных типографщиков, так как, конечно, ни губернская, ни земская типографии революционной газеты печатать не будут.

— Я должен вас, господа, предупредить. Разрешены газеты такая-то и такая-то. Печатать собираются у вас. По статьям таким-то мне предоставлено право закрывать типографии. Поэтому прошу вас быть особенно осторожными. Газеты будут революционные, и я церемониться не буду...

— Ваше превосходительство, да мы лучше их печатать не будем.

— Что вы, что вы! Наоборот, пожалуйста, печатайте. Я только вас предупреждаю.

После этого разговора новые газеты не нашли ни одного охотника рисковать своим заведением, и главное орудие революции было вырвано.

Последним подвигом, прославившим Тумарова на всю Россию, было оштрафование на 500 руб. местного присяжного поверенного Брехунцова за речь, произнесенную им в крутогорском окружном суде.

Полетели телеграммы, была двинута в поход вся революционная сила. Столыпин смалодушествовал и не только не поддержал Тумарова, но отдал распоряжение уже зачисленный в средства казны штраф возвратить Брехунцову.

Но Тумаров себя побежденным не признал.

— Высшая политика — дело начальства. Приказано возвратить — ничего против этого не имею. Я поступал, строго держась статьи такой-то. Я оштрафовал за революционную агитацию, и мне решительно все равно, где эта агитация идет. Говорят, что окружной суд — территория председателя суда, а он не нашел нужным остановить оратора. Это его дело. Но я этой экстерриториальности не признаю, в законе этого исключения не показано, поэтому я революционные речи буду останавливать везде — и в суде, и в театре, и, если нужно, даже в церкви.

В самое короткое время Крутогорск из ярого революционного гнезда обратился в совершено спокойный и по-старому консервативный город. Наиболее опасные элементы были высланы, земство очищено, полиция подтянута, благоразумные и спокойные люди, до сих пор запуганные и прятавшиеся, оправились и подняли головы.

Неожиданное для всех назначение Иванова 16-го диктатором открывало для Тумарова, как для крупного человека, обладающего железной волей и мужественной решимостью, широкую дорогу. Он инстинктивно сознавал, что перелом совершился и наступило время действовать, приглядывался и ждал. Он знал, что Иванов ищет людей себе по мысли и отчетливо помнил и его умные, быстрые, проницательные глаза, и свой короткий и единственный, но очень содержательный и важный разговор с Ивановым после обеда у петербургского градоначальника, когда Тумарову и в голову не приходило, какую головокружительную карьеру готовит судьба его собеседнику, скромному армейскому полковнику.

«Он меня понял» — думал Тумаров.

Поезд остановился у Казанского вокзала. На платформе к Тумарову подошел агент Охранного отделения с телефонным сообщением от градоначальника Рейнбота[362]:

— Генерал-адъютант Иванов просят крутогорского губернатора остаться в Москве и пожаловать к ним завтра в Кремль. Час приема будет назначен.

Тумаров подумал: «Вот молодец, начинает с Москвы».

Он подсадил жену в экипаж и отправился провести неожиданный день отдыха у родственницы.

XLII. Привет Москве

Новое правительство формировалось туго. Иванов не спешил с назначениями, выбирая людей безусловно подходящих, а таковых меньше всего можно было найти между множеством петербургских тайных советников, жаждущих министерских портфелей и готовых в любую минуту принять любой.

Два самых нужных человека были найдены. Соколов работал днями и ночами, подготавливая необходимые финансовые реформы и сдав почти полностью все текущие дела товарищам. Павлов со всей энергией взялся за аграрный вопрос, бесконечно запутанный законом 9 ноября и противоположными крайностями правительственной политики. Оставалось заместить ушедшего Столыпина и приискать подходящих работников на посты государственного контролера и министра народного просвещения. Из остальных ведомств озабочивали Иванова только Синод, куда Иванов уже решил пригласить в обер-прокуроры известного деятеля по возрождению прихода А. А. Папкова, да Морское министерство, изображавшее истинные авгиевы конюшни... без лошадей. Здесь диктатор не хотел торопиться, поджидая, пока Соколов окончательно установит свой финансовый план. До этого нельзя было определить, с какими средствами начнется возрождение русского флота, а следовательно, и выработать надлежащую программу.

Отчасти по той же причине, но главным образом высоко ценя работоспособность и добросовестность генерала Редигера, Иванов не беспокоился и за военное ведомство. Что же касается последнего остававшегося — Министерства путей сообщения, здесь диктатор не считал себя достаточно компетентным, ввиду узкой специальности дела, и решил приняться за необходимые реформы только после того, как переустроенный Государственный контроль с новым деятелем во главе осветит надлежащим образом дефекты казенного строительства, казенного надзора за частными дорогами и казенного хозяйства на линиях государственных.

Вскоре после роспуска Думы Иванов доложил Государю о необходимости лично побывать в Москве и получил Высочайшее согла-

сие. Отпуская Своего уполномоченного, Государь поручил ему передать «низкий поклон и Царский привет матушке Москве».

Был заказан экстренный поезд, и Иванов выехал, захватив с собой только двух адъютантов. О поездке никто не имел понятия, и первопрестольная столица узнала только из газет, что диктатор уже прибыл и остановился в Большом Кремлевском дворце.

К полудню следующего дня вереница экипажей направилась через все кремлевские ворота на прием. Чиновная, сановная и коммерческая Москва торопилась облечься в мундиры и ленты, чтобы взглянуть на легендарного диктатора, имя коего вот уже месяц было у всех на устах, а железная рука чувствовалась в воздухе.

Ровно в половине первого генерал-адъютант Иванов вышел к ожидавшей его огромной толпе, наполнявшей Андреевскую залу широким полукругом, остановился, окинул беглым взглядом собравшихся и произнес следующее:

— Господа!

Облеченный Высочайшим доверием Его Величества и призванный Государем привести в порядок нашу дорогую Родину, только что пережившую все ужасы бессмысленнейшей смуты, я счел своей обязанностью при первой же возможности явиться сюда, в первопрестольную Москву, чтобы поклониться святыням Московским и почерпнуть сил и вдохновения в ее славных исторических стенах, полных великих подвигов и народных преданий. Я привез матушке Москве поклон и Царственный привет Государя Императора (Иванов сделал глубокий поклон). Я был свидетелем той бесконечной доброты, того душевного умиления, с которыми Государь вспоминал о Москве и Своем в ней пребывании. И как бы хотелось верить, что Москва достойна этой доброты и этой высокой любви, как бы хотелось забыть, что этот священный для России и великий город так опозорил себя в годину смуты. Я не о восстании московском говорю, не о революции здешней, которую можно было бы назвать только глупой и детской, не будь она так подла и грязна... Я говорю о всеобщем ей попустительстве, о всеобщей рассеянности и трусости, благодаря которым немногого не хватало, чтобы древняя наша столица стала достоянием анархии, а ее святыни и памятники обратились в развалины, как драгоценнейшие здания Парижа в безумные дни Коммуны[363].

Вот где позор Москвы, а не в безумствах недоучившейся и невежественной молодежи, попавшей в сети еврейских революционных

вожаков, доморощенных и заграничных. Не с этой молодежи, развращенной убийственной школой, почти не видавшей доброй семьи и воспитания, нужно спрашивать, а с тех, кто вырастил эту молодежь, как молодых животных, кто сам лишь лицемерно говорит о Боге, о Родине, а не носит их живыми в сердце своем и потому не может и передать своим детям. Спрашивать с тех нужно, кто в тяжелую для России минуту вместо грозного слова обличения, вместо мужественного отпора разбушевавшимся недорослям, мирволил смуте и льстил гнусностям освободительного движения. А были и такие, что прямо науськивали молодежь и на этом строили целые планы. Этому предательству, этой измене нет названия.

С величайшей тоской приходилось наблюдать постепенное падение Москвы как национального русского центра, как средоточия ума и народной совести.

Нет ничего удивительного, что в Петербурге свили себе прочное гнездо все нерусские элементы и антигосударственные идеи, что и отразилось так ярко на выборах в обе Государственные думы. Но если Петербургу совершенно естественно быть революционным и кадетским городом, то можно ли было себе представить, чтобы Москва, видевшая в своих стенах все революционное безобразие и едва не попавшая в руки смутьянов, побежала снова за «освободителями»?

Плоха же историческая память москвичей! Позабыли нынешние поколения, что здесь собирались Земские Соборы, здесь установилось единение Самодержавного Царя с русской землей в лице ее земщины. Москва стала центром западного конституционализма, Москва отрешилась от своих славных преданий и поклонилась чужим богам.

В Москве зародилась чущая русскому духу и русскому народу западная буржуазия, жаждущая политической власти, мечтающая о господствующей роли в России. Но где право этой буржуазии на господство? В чем ее национальные политические или культурные заслуги? Что дала она, какую новую идею выдвинула? До сих пор ее государственные подвиги не выходили за пределы промышленного кулачества, спорта, сорения деньгами да грандиозного разврата...

В голосе диктатора звучало раздражение, и он едва сдерживал охватившее его волнение. В зале царила мертвая тишина. Ничего подобного не говорилось никогда на официальных приемах.

Иванов остановился, перевел дух и закончил свою речь в тоне более мягком.

— Не конституционные домогательства, не парламентские гнусности, не отвратительная рознь и партийная ненависть должны исходить из Москвы, господа, а светлая, яркая и здоровая русская историческая мысль, великий труд и великий пример всей стране. И к этому труду в полном единении с вашим Царем и Его правительством я призываю вас. Из Москвы должно пойти обновление нашей Родины, но прежде должна возродиться сама Москва. Позвольте же пожелать, чтобы это возрождение началось скорее, и снова, как встарь, поставило Москву духовным центром и водительницей русского народа.

Диктатор умолк. Мертвое молчание царило еще несколько секунд в зале, где словно застыла пестрая и яркая толпа в полторы тысячи человек. Затем все стали расходиться, сконфуженные и угнетенные смелой речью, и только при выходе начались разговоры и обмен впечатлениями. Мнения разделились, и лишь немногие решались громко одобрить речь диктатора. Большинство глухо ворчало, а кое-кто находил даже упреки Иванова неуместными.

Но ничего этого диктатор уже не слыхал. Удалившись к себе, он дрожавшей от волнения рукой налил стакан воды, залпом его выпил и дал распоряжение адъютанту:

— Сегодня я приму только Тумарова.

— Ваше превосходительство! Получена депеша от Порубина. Он сегодня должен быть в Москве.

— А, очень рад! Вот это отлично. Телефонируйте, что я его жду и приму во всякое время.

— Может быть, вам угодно принять Тумарова сейчас? Он был на приеме и ждет.

Через минуту Павел Николаевич Тумаров входил в кабинет диктатора.

XLIII. Новый министр внутренних дел

Иванов сердечно пожал руку Тумарова, заглянул в его глаза, имевшие удивительное свойство смеяться при самом строгом выражении лица, и сам рассмеялся.

— Ну-с, мой дорогой губернатор «со статьей», рад вас видеты Садитесь. Известно вам, зачем я вас **вызвал?**

— Воля начальства. Впрочем, у меня в Крутогорске все в исправности.

— Ну, разумеется! Нет, я вас не из-за Крутогорска вызвал. Я думаю, мы с вами поработаем в более широких сферах. Что вы думаете о моей идее областного устройства России?

— Ваше превосходительство, конечно, разрешите полную откровенность?

— Если вы станете меня обманывать, я же это разберу.

— Тогда позвольте заметить, что я считаю эту идею **преждевременной.**

— Вот как! А принципиально вы с ней согласны?

— Я этот вопрос недостаточно изучил. Вам виднее.

— Почему вы считаете области преждевременными?

— Мало того, опасными. Это слишком большая ломка, которую при теперешнем хаосе предпринимать очень рискованно. И кроме того, насколько мне известны ваши цели, они достижимы вполне и без этой ломки.

— А мои цели вам ясны?

— Думаю, что не ошибаюсь, по крайней мере в общих чертах. Вы распустили вторую Думу и третьей собирать не хотите, так как, разумеется, это ерунда. Но и бюрократии вы объявили войну. Насколько я понимаю, вы хотите обосновать все центральное управление на ряде земских советов, коллегий или как вам угодно будет их назвать. Все это было изложено в газетах довольно подробно.

— Эту-то мысль, по крайней мере, вы считаете правильной?

— Несомненно. В настоящую минуту все толковое и работоспособное в России, если искать, конечно, независимых людей, сосредоточено в земских собраниях, губернских и уездных... Берите прямо оттуда.

— Слишком много народу придется вызвать. Мне нужны земские выборные: в Государственный Совет - раз, в Народно-хозяйственный — два, в оба Сената — административный и контрольный — три, четыре, в Государственный банк — пять, в Земледельческий совет — шесть, в Железнодорожный — семь, в Школьный — восемь, в Интендантский — девять, понадобятся, вероятно, и еще. Неужели губернские земские собрания могут такое количество народу выставить? Ну и соберется кое-кто, когда нужны истинные работники и тонкие специалисты. И затем, каков будет состав этих советов? Земских

губерний — 36, но нельзя же исключать окраин, например, Западный Край, Польшу. Нет основания также не приглашать сибиряков, кавказцев. Затем приглашать по одному от губернии нельзя. Чтобы известная общественная единица, например уезд, губерния, область, город, могла действительно высказаться, необходима по крайней мере группа из трех человек, ее выборных, которые могли бы между собой посоветоваться. Областей у меня предположено 18. Каждая область более или менее однородна. В каждой области можно найти трех старых опытных земских деятелей в Государственный Совет. Вот вам 54 человека испытанных работников. С остальными членами состав Совета можно довести до 70-80 человек, - и это будет коллегия вполне работоспособная. От 60 же губерний я должен взять 180 человек, то есть довести состав Совета до 210-220 человек. Это уже говорильня, пойдут партии и т. д. Чем меньше число членов, тем лучше работает всякая коллегия, это старая истина.

— Я с этим, ваше превосходительство, спорить не буду. Но разве же вы не имеете средств то же самое сделать иначе? Губернские земства выберут каждое по три человека, а те уже от себя выделят тот состав, который вам необходим. Ведь земцы отлично знают друг друга.

— И пусть они это сделают на месте, а не в Петербурге. Согласитесь, что в области, составленной из однородных губерний, выборы будут гораздо лучше и сознательнее, чем в общей куче. Мне это совершенно ясно. Да что вы, наконец, имеете против областей? Ну назовем их генерал-губернаторствами, если область для вас «жупел».

— Нет, не жупел, а...

— Ну что же, в чем же дело? Говорите откровенно, не стесняясь.

Тумаров покачал головой, поморщился, как бы избегая неприятного ответа и, наконец, сказал:

— Я лгать не умею. Не в областях тут дело, ваше превосходительство, а в том, что с [1]904 года *Россию задергали.* Дайте отдохнуть, дайте перевести дух. Дергал Святополк[364], все вверх ногами перевернул Сергей Юльевич, задергал и раздергал Столыпин. С вашим назначением прошел хороший электрический ток, все ожило, повеселело. Дайте же передохнуть, не задергивайте вы.

— Милый вы человек! Но ведь обновлять-то строй нужно? Ведь мы сидим между двух стульев. Ко мне со всех сторон пристают в Петербурге: собирайте Думу. Столыпин перед уходом хвалился,

что он с Крыжановским такой новый избирательный закон выработает, что Дума будет мягче шелку. Я его спрашиваю, а как вы его проведете, когда ваша премудрая конституция на это никакого права не дает? Он говорит: ничего, один раз можно и самодержавно поступить. Так неужели же вы за Думу?

— За кого вы, ваше превосходительство, меня принимаете?

— Хорошо. Дума — чепуха. Что же, оставаться при старом бюрократическом режиме?

— Да ведь вы же изволите предлагать ряд советов из земских людей? Чего же лучше? И устраивайте.

— Так о чем же мы с вами спорим?

— А вот о чем. Вам представляется широкая реформа: областное деление, блестящий манифест, упразднение губерний. А я говорю: дайте отдохнуть от реформ. Не пишите манифестов, удержите существующие губернии, не делайте перетасовок, а проводите вашу мысль будничным, деловым способом. Если хотите, я даже и против областей ничего не имею, но пусть они вырастут сами, а не свалятся в готовом виде. Ну вот, например, вы Россию разделили мысленно на 18 областей. Отлично. Оставьте всякие эффекты, а просто назначьте в избранные районы генерал-губернаторов. Пусть они соберут у себя земские съезды из своих губерний. На эти съезды передайте разработку ваших предложений об областном устройстве, да еще замаскируйте слегка, чтобы никакой ломки не было видно: укажите на общие районные интересы и необходимость совместного их решения. Затем устройте около генерал-губернаторов порайонные советы из выборных от губернских, а еще лучше — от уездных земств. Если эта идея имеет здоровый росток, он проклюнется сам собой. Все само вырастет.

Пока Тумаров говорил, диктатор улыбался. Эти были его собственные мысли, но несколько в ином практическом освещении.

— Павел Николаевич! Да ведь мы с вами, в сущности, и не спорим.

— Я то же думаю.

— А вы могли бы все это провести в жизнь?

— Да, но я, ваше превосходительство, должен предупредить: я только исполнитель, и исполнитель до крайности осторожный. Творчества во мне не ищите.

— Но зато критика будет?

— Без критики можно Бог знает куда зайти.

— Ну так вот что. Идейная сторона для меня выяснилась, а вашу практическую деятельность, вашу смелость, мужество и прямоту я уже знаю. Знаю также, что вы шагу не ступите без «статьи». Поезжайте сегодня же в Петербург и явитесь к Государю.

— Слушаю-с. Что я должен буду доложить?

— Вас Государь назначит и даст вам Свои указания.

— Назначит... чем?

— Господи ты Боже мой! Министром внутренних дел, не митрополитом же здешним.

— Спасибо за доверие. Отказ сочтете, пожалуй, за трусость.

«Бедная Маруся, — подумал Тумаров, — теперь-то предстоит ей мука и тревоги. Но Бог милостив».

XLIV. Спасительная мера

В 11 час. вечера Тумаров и его верная спутница жизни сходили с лестницы скромного дома на Собачьей площадке, чтобы сесть в извозчичью коляску и ехать на Николаевский вокзал, когда к подъезду подкатил частный пристав и на ходу перехватил Тумарова, вручив ему собственноручное письмо диктатора. Крутогорский губернатор подошел к фонарю у крыльца, разорвал конверт и прочел следующие строки, написанные широким размашистым почерком Иванова.

«Дорогой Павел Николаевич!

Обстоятельства изменились, поездку отложите, жду завтра к часу завтракать.

Ваш *Иванов*».

— Что такое? — спросила жена.

— Отбой, играй назад, остаемся.

— Значит, назад в Крутогорск? Господи, как я счастлива.

— Ничего не понимаю.

Частный пристав подошел с масляной улыбкой, светившейся даже в полутьме пустынной улицы.

— Ваше превосходительство... осмелюсь побеспокоить.

— Что прикажете?

— Насчет вашего высокого назначения... Правда ли, ваше превосходительство?

— Какого назначения?

Пристав расплылся в широчайшую улыбку:

— На то мы и полиция, чтобы быть осведомленными... Вернейшие слухи...

— Совершенно ничего не знаю.

Блюститель порядка ловко козырнул, извинился за беспокойство и укатил, а Тумарову только на лестнице пришла в голову странность поведения частного пристава. Говорили они с Ивановым в четыре глаза, а в Москве уже «вернейшие слухи».

Вечер был потерян, но еще не все разъехались, и мог составиться винт, за которым Тумаров и просидел трудолюбиво до двух часов ночи.

Однако ему не спалось, он нервничал и ворочался, и в восемь уже встал. Облачившись в тужурку, принялся Тумаров за кофе, рука машинально протянулась за свежей газетой. На подносе лежало «Русское Слово», еще полное запаха типографской краски.

— Что за охота сестре эту мерзость выписывать — проворчал Тумаров, раскрывая газету и... вдруг остановился и словно застыл на месте с непроглоченным куском сухаря во рту...

Во всю вторую страницу Сытинской[365] газеты стояла крупнейшая подпись:

НОВЫЕ МИНИСТРЫ,

а под ней в подлинном тексте именной Высочайший Указ:

«Нашему статскому советнику *Павлу Тумарову* повелеваем быть министром внутренних дел с производством в действительные статские советники.

Нашему действительному статскому советнику *Александру Пашкову* повелеваем быть обер-прокурором при святом Правительствующем Синоде.

Нашему члену Совета Государственного Контроля тайному советнику *Афанасию Васильеву*[366] повелеваем быть Государственным Контролером.

Правительствующий Сенат не оставит учинить по сему надлежащее исполнение».

Первым инстинктивным движением нового министра было крикнуть «Маруся», но на дамской половине все еще было тихо, а Тумаров привык беречь вечно чуткий сон жены. «Пусть спит», подумал он и снова взялся за газету. Целая полоса была посвящена вчераш-

нему приему во дворце. Речь диктатора была отпечатана крупным шрифтом. Привычным глазом стал Тумаров пробегать передовые статьи и тотчас же натолкнулся на такое рассуждение:

«Трудно более подчеркнуть торжество реакции, чем это делает каждый день злая насмешница-судьба. Интеллигентная и освободительная Москва дожила до счастья ad personam[367] услыхать высокие поучения в стиле бессмертного ялтинского отца-командира Думбадзе[368], а теперь ей предстоит, вероятно, и увидать все то, что мы за эти дни наблюдали в Петербурге с момента восстановления "диктатуры сердца" в новом, улучшенном и исправленном, издании. Но мы не будем повторять слов покойного А. И. Кошелева[369], вырвавшихся при чтении телеграммы о назначении графа Д. А. Толстого: "Что же теперь?!" Наш ответ начертан Огненными буквами во всех прогрессивных сердцах...»

— Ах, собачьи дети!

Тумаров не мог больше читать и с сердцем швырнул газету. Перед ним, как живой, встал «Крутогорский Голос», только что раздавленная им вредная и грязная газета. Но что такое какой-то жалкий провинциальный листок перед огромной московской простыней, насчитавшей свыше ста тысяч подписчиков и разносившей заразу по всей России? Тумаров видел у себя в Крутогорске результаты сытинской «коммерции» и оттуда еще категорически настаивал перед правительством о необходимости усмирить революционную печать. Теперь эта печать велением судьбы была в его руках.

Но над «Русским Словом» мысль Тумарова останавливалась недолго. Было необходимо сообщить новость жене и тотчас же перебираться из квартиры родственницы, так как через час явится с визитом вся официальная Москва.

Тумаров заглянул в окно и увидел перед своим подъездом околоточного и двух городовых. Приотворил дверь в залу и увидал жандармского офицера, какого-то чиновника в мундире и красавца городового с грудью, увешанной медалями. Было тихо, как в храме.

— Ротмистр, будьте добры съездить в «Славянский Базар» и взять мне номер комнаты в три с приемной. Затем надо экипаж...

— Экипаж уже приготовлен, ваше превосходительство.

— Спасибо. И затем надо уехать, никого не беспокоя. Здесь прошу не принимать никого.

Было около 10 часов, когда Тумаровы въехали на Никольскую. В «Славянском Базаре» несмотря на неурочное время, кипело, как в улье. Темный вестибюль гостиницы был переполнен полицией и жандармами, зорко оглядывавшими каждого посетителя. Проходя через толпу, Тумаров уловил взглядом грузную фигуру Сытина с мышиными глазками на лисьей физиономии.

«И вызывать никого не надо», — подумал Тумаров.

Он прошел во вторую комнату своего номера, предназначенную быть кабинетом, и, увидав на столе телефон, попросил соединить себя с Большим Кремлевским дворцом.

Загадка тотчас же объяснилась. Иванов телефонировал Государю, что посылает в Петербург Тумарова. Государь отвечал, что Он охотно назначает Тумарова заочно, отлагая представление до приезда в Петербург Иванова вместе с Тумаровым. Это составит разницу всего в несколько дней, а так как назначение не может ждать, то Государь подпишет указ сегодня же, присоединив, кстати, и двух других членов кабинета, о которых с Ивановым уже было условлено.

Явился с поздравлением градоначальник Рейнбот. Оглядев номер, он заметил, что случайно это те же самые комнаты, где останавливался покойный Плеве[370] в первый свой приезд в Москву и откуда он ездил говеть в Троицкую лавру.

В голосе градоначальника Тумаров заподозрил оттенок лукавства и сказал очень просто:

— К Троице я не поеду. Я в этом году говел. Если бы можно съездить совершенно без огласки, я бы не отказался. Но демонстративно не хочу.

— Как прикажете с приемом? Желающих огромное количество.

— В час я у Императорского уполномоченного. До двенадцати могу принимать. Кто там из наиболее видных?

— Официальные лица, а затем... Монархическая партия с Грингмутом и Восторговым[371], Союз русских людей со Щербатовым[372] и Бартеневым[373], Союз русского народа с Ознобишиным. У них ликование. Говорят: наш черносотенный министр.

— Ого! Эти союзы — несчастие для всякого министра. Знаете что, Анатолий Анатольевич, направьте-ка вы их лучше в Кремль, к высшему начальству. Тот, кажется, им собирался сказать несколько теплых слов. Он даст верный тон, а мы уж так и пойдем. Я к официальным лицам сейчас выйду, а из частных... надо поговорить с Сытиным.

— Слушаю-с. Он там дожидается.

— Не знаете, он зачем?

— Вероятно, с жалобой на меня.

— Вот что: вы хорошо помните указ о приостановке закона об отмене телесных наказаний? Пункт «г» второй статьи вы применяли?

— Раза два всыпал: одному наборщику и одному вольнослушателю. Жиду, конечно.

— Что, если бы я попросил вас по пункту «г» угостить Ивана Дмитриевича двадцатью пятью горячими?

— Если вам угодно будет приказать.

— Для начала министерской работы. Идет. Давайте-ка его сюда.

Знаменитый издатель, вызванный первым, польщенный вниманием к «прессе» нового министра, вошел в кабинет — развязный и сияющий. Рейнбот отошел к окну, а Тумаров смерил глазами Сытина.

— Вы ко мне?

— К вашему высокопревосходительству. Пора закончить здешний произвол, от которого нам житья нет...

— Та-та-та, на каком вы языке беседуете, господин Сытин... Ну так вот,- вы ко мне, а я хотел сам вас вызвать. Сегодняшняя передовая есть верх наглости и является прямой революционной провокацией. Вам известен пункт «г» второй статьи Высочайшего указа 27 февраля? Я могу пожалеть мальчишку-революционера, начитавшегося глупых книжонок. Могу отнестись снисходительно к болвану-профессору, проповедующему вздор, потому что тут можно хоть заподозрить убеждения. Но вы, господин Сытин, вы революцией торгуете, для вас у меня пощады нет. Вчера огребали деньги у Победоносцева и Саблера, сегодня подуло другим ветром, и вы торгуете революционной газетой... Вы наживаетесь на разврате, на гибели России, на глупости несчастной молодежи, на подуськиваниях и натравливаниях...

Сытин бледнел, краснел и, наконец, как был, во фраке, опустился на колени.

— Ваше высокопревосходительство, помилосердствуйте! Завтра же разгоню всю редакцию. Самая патриотическая газета будет. Самому надоело. Типографию какую сожгли!

— Это завтра. А сегодня, Анатолий Анатольевич, благоволите дать господину Сытину в его участке 25 розог. И возьмите с него подписку, что он их получил, а то будет отпираться.

XLV. Профессор Порубин

К назначенному диктатором часу новый министр внутренних дел явился во дворец и застал у Иванова двух лиц, приглашенных вместе с Тумаровым к завтраку. Это были новоназначенный обер-прокурор Синода Папков и профессор Порубин, тот самый, которого ждал диктатор и телеграмме которого так обрадовался.

Папков, в ожидании назначения, которое уже было условлено, жил в Москве несколько дней, заканчивая давно начатую работу, — исчисление имущества московских церквей и монастырей. Он приобрел широкую и почетную известность как инициатор возрождения прихода, о чем горячо ратовал в Предсоборном Присутствии. Из лиц, приглашенных Ивановым на совещание о приходе вскоре после назначения диктатора, Папков ближе всех принял к сердцу идеи Иванова о создании всесторонней административной, земской и городской единицы на территории прихода и обстоятельно разработал переданный ему Ивановым проект сельского священника. До окончания этой работы Папков просил отложить свое назначение, чтобы не отвлекаться текущими делами Синода.

Нечего говорить, до какой степени было возбуждено против Папкова московское духовенство, хорошо знакомое с его идеями. Обладая огромными капиталами и доходами, московские батюшки умели до сих пор с необыкновенным искусством отстаивать свое неприкосновенное положение от всяких посягательств своего или чужих ведомств и, конечно, не кроткому и миролюбивому митрополиту Владимиру[374] удалось бы сломить столетиями сложившийся и окрепший строй. Тонкие психологи в рясах отлично учитывали всю трудность реформы и не верили ни в настойчивость, ни в силу Папкова.

Профессор технической химии и известный публицист Иван Васильевич Порубин был вызван диктатором в надежде столковаться о портфеле ведомства просвещения, но воззрения старого ученого были настолько радикальны, что диктатор был положительно смущен. Он не решился поэтому делать единоличного доклада Государю, а сначала хотел обсудить вместе с несколькими наличными министрами программу Порубина.

Инцидент с Сытиным был уже известен во дворце. Вся компания залилась дружным смехом при входе Тумарова.

— Поздравляю с крестником, — заявил Иванов. — Вот это я понимаю, это по-военному.

— Не забыта и юридическая сторона, — добавил Папков. — Взята собственноручная подписка на случай запирательства.

Порубин молча подошел к Тумарову, важно поклонился ему, коснувшись пальцами пола, и произнес:

— Если бы это спасительное средство применяли вовремя, Россия не переживала бы того, что мы все видели.

Иванов пригласил своих гостей к завтраку и, не откладывая, приступил к делу.

— Господа, нас немного, но я все же надеюсь, что сообща мы разберемся, и мне не придется брать на себя одного слишком тяжелую нравственную ответственность. Благоволите прослушать программу нашего уважаемого профессора и установить на нее вашу точку зрения. А вам, добрейший Иван Васильевич, не угодно ли будет сообщить вашим будущим товарищам то, что вы мне передавали.

Порубин, высокий худой старик лет 60 с огромной, совершенно белой бородой и розовыми щеками, был когда-то профессором и пользовался в ученом мире большим уважением. Конфликт с графом Д. А. Толстым, еще министром народного просвещения, выбросил его из профессуры. Порубин вышел в отставку и засел в своем небольшом имении, устроив у себя ценную лабораторию.

Скоро он увлекся хозяйством и науку почти забросил, но зато стал посылать в журналы статьи, посвященные вопросам народного быта, хозяйства и особенно просвещения. Статьи эти создали ему крупное имя совершенно независимого и весьма радикального публициста, а изданная им книга «Свет или Тьма?», прочитанная всеми и ставшая в свое вре́мя событием, заставила Иванова обратиться к нему, когда явился вопрос о министре народного просвещения.

— Я, господа, буду краток, — начал Порубин, — и не стану вам рисовать современное положение нашего просвещения. Все это вам хорошо известно, а потому прямо перехожу к положительной стороне. Вот его высокопревосходительство сделал мне честь — предложил пост министра просвещения. Я хоть и стар, но, как видите, силы еще сохранились, и поработать для России рад. Но я понимаю работу только тогда, когда нет никаких недоразумений, никаких трений. У меня сложилось совершенно цельное и последовательное

воззрение на постановку школы в России, настолько цельное, что не допускает никакого компромисса. Или моя программа будет одобрена вся целиком и проведена без колебаний в полном объеме, или я не сделаю ни одного шага из моей Малиновки...

Тумаров перебил профессора:

— Я вашу книгу читал. Сколько помню, вы стоите за полное упразднение казенного просвещения?

— С издания моей книги прошло пятнадцать лет, да тогда по цензурным условиям и нельзя было всего высказать. Теперь мои взгляды сложились окончательно. Вот основной принцип: *правительство должно совершенно отказаться от насаждения просвещения. Пусть каждый учится, где хочет, чему хочет, у кого хочет и за чей счет хочет*, только не за казенный. И этот принцип надо проводить без всяких исключений или смягчений.

Иванов отозвался с улыбкой:

— Ну вот, не угодно ли передать портфель просвещения автору подобных афоризмов?

— Да разве я вашего портфеля ищу, разве я вам набиваюсь? Кто меня вызывал срочными телеграммами? Я с посевов уехал...

Диктатор отвечал нетерпеливо:

— Боже мой, не в этом дело. Вы сказали ваш принцип, а я скажу мой. Я не допускаю никакой капитальной ломки, ни одной основной реформы без твердо установленного общественного одобрения. Другими словами, необходимо обстоятельное обсуждение этого вопроса, ну хоть бы земскими собраниями. Но скажите, ради Бога, можно ли даже предложить земским собраниям обсуждать такого рода вопрос? Ведь по всей России поднимется вопль.

— Ваше превосходительство, я человек старого закала. Меня вы на ваши либеральные теории об общественном мнении не поймаете. Где это ваше общественное мнение? Кто его выразители? Либеральные крикуны? Жидовские публицисты? Союз русского народа? Или господа «православные», готовые сжечь всю Россию и сами подохнуть с голода? Дело идет о спасении России. Все может ждать, но не школа, ибо мы вот все перемрем, а школа выпустит таких прохвостов, что не только в министры, в околоточные некого будет взять. Тут нельзя терять ни минуты.

Тумаров и Папков молчали, с любопытством прислушиваясь к спору. Диктатор начинал волноваться.

— Оставьте «общественное мнение», профессор. Это пошлый избитый термин. Говорите об общественной или лучше о *народной совести*. Это понятие не формальное. Это совсем невесомая, но величайшая сила, и вы должны быть уверены, что она за вас, а не против вас...

— Согласен! Так позвольте же мне эту совесть искать прежде всего вот здесь (Порубин показал на сердце). Я живу одной жизнью с русским народом, верую его верой, мыслю его умом. Если вот отсюда (тот же жест) протеста не будет, то позвольте мне думать, что и народ моей мысли не опротестует, и история меня не осудит.

Диктатор живо ответил:

— Счастлив тот, кто смеет говорить с такой уверенностью. Но не забудьте, профессор, что все фанатики и все утописты рассуждают так же.

— Ваше превосходительство, скажите это не вы, а кто другой, я бы ответил по-своему. Но вас я люблю и чту и знаю, что оскорблять меня вы не хотели. Нет, я не фанатик и не утопист. Я сам жду критики и рад ей, иду ей навстречу. Но позвольте мне критику выдающихся людей, а не пересуды только. Это большая разница. Будем кратки. Вот здесь сидят два человека, одинаково крупные, одинаково государственные работники. Пусть возражают. Мало? Зовите еще людей выдающихся, но *единиц*, а не *cmadol* А ваши земские собрания, простите меня, — стадо, как и всякая Дума, всякий парламент. Туда я разговаривать не пойду.

— Профессор прав, — сказал Тумаров.

— Не правда ли? — отозвался Порубин — И потом, эти люди не могут быть судьями, потому что заинтересованы сами, являются стороной выделе. Наше просвещение есть подарок обществу за счет народа. И вот я прихожу й этому обществу и предлагаю от этой подачки, от этой субсидии отказаться и взять все расходы на самих себя. Да меня вытолкают в три шеи! Вы посмотрите: отовсюду только и просят: дай денег на университет, на политехникум, открой такие-то курсы, такие-то школы...

— Как же быть, господа? — спросил Иванов.

Папков отозвался:

— И вы, ваше превосходительство, правы, и профессор по-своему прав. Надо действовать осторожно. Почему бы нам не посвятить этому делу совещание, прихватив еще человека три-четыре? Пригласите Дмитрия Алексеевича Хомякова, Федора Дмитриевича Самарина, ну, Иловайского[375], Самоквасова[376], что ли? Они, кажется, все сейчас в Москве.

— Что вы скажете, Павел Николаевич?

— Хорошая мысль. Я бы пригласил еще Николая Алексеевича Хомякова[377]. Он в этом вопросе единомышленник Ивана Васильевича. Я читал его статью в «Русском Деле» о закрытии университетов.

— Да, но, говорят, Хомяковых нельзя приглашать вместе?

— Ничего, при вас спорить не будут.

— Слушаю-с. Только вы имейте в виду, что Хомякова Николая я совсем не знаю, а Хомяков Дмитрий расширит вопрос до дня мироздания, от Самарина же, кроме его вечного «едва ли», вы ничего не получите. Ладно, я вас соберу.

XLVI. Вопль одинокого

В Кремле звонили уже к заутрени, когда генерал-адъютант Иванов заканчивал свой трудовой день.

После бесчисленных приемов, совещаний и выездов, оставшись, наконец, один, диктатор захотел отвести немного душу в беседе с женой. Он начал ей писать письмо бегло, телеграфным стилем, но душа наболела и перо само ходило по бумаге, несмотря на страшную усталость, почти разбитость, которую ощущал Иванов.

Он писал, между прочим:

«Ты спрашиваешь, каким образом я так неожиданно попал в Москву и что тут делаю? Я тебе признаюсь. Я просто сбежал из Петербурга, чтобы хоть на короткое время подышать другим воздухом. Ты знаешь, что там сейчас делается и каково мое положение. Я задыхался от всех тамошних интриг, мерзостей и подвохов, а главное, от ужасающей пустоты. Принимая власть, я, признаюсь, ждал немногого от тамошних людишек, но нашел еще меньше.

Теперь передо мной прошла коллекция выдающихся москвичей. Здесь-то уж люди могли бы сохраниться. В Петербурге один бог — "двадцатое число", и все то, что укрепляет бюрократию, есть добро, что ее подкапывает, — зло. Здесь есть люди независимые, правда, но, Боже мой, что это за убожество! Ни там, ни здесь истинно государственной творческой мысли и не заводилось. Большинство думает по шаблону, по книжке или по газете, а если попадется человек оригинальный, то так и говори вперед, что это маньяк или поме-

шанный; одним словом, я могу ждать всякого успеха, если что удастся сделать хорошее, могу встретить и уже встречаю ненависть, но все это совершенно пассивное. Я не вижу и признаков того, что в культурных странах называется *общественным мнением.* Восторгается и приветствует глупая толпа. Неистовствует и злобствует она же. Дайте мне умных и толковых сотрудников - их нет. Дайте умных идейных врагов - тоже нет. В результате я оказываюсь совершенно изолированным, среди огромной толпы и как будто на необитаемом острове. Свобода действий полная, никакая мера препятствий не встретит, все или равнодушны, или бессильны и безвольны, но именно от этого-то и опускаются руки. Меня зовут диктатором, передо мной все расступается, - делай что хочешь, но делай *один,* когда я именно хочу *общественной, соборной* работы, где бы я лично был только регулятором, или, точнее, исполнителем общего решения, того решения, которое дали бы общественный ум, общественная совесть, а я только бы оформил и осуществил. Только такое творчество я могу понять, только такой работе могу себя отдать. А мне приходится думать за Россию, то есть сочинять, фантазировать, самого себя убеждать, самого себя опровергать.

Не думай, дорогая, что это говорит моя гордость. Я не этим болен, а скорее смирением. Ты скажешь: как так нет людей? Да разве может великий народ, великая страна обходиться без людей? Я скажу: люди, конечно, есть. Но или я их не могу найти, или их Господь так всех оглушил, что вывел из строя и сделал негодными.

Посмотри, Бога ради: что такое наши современные партии, на которые разбилась Россия. Начинай слева. Пропускай всю честную компанию эсеров, эсдеков и всяких иных "товарищей". Стадо буйных помешанных, и притом круглых невежд. Их единственная заслуга перед Россией та, что они заставили сорвать две Думы и показали, что такое российский социализм разных оттенков. Затем бери кадетов. Между ними много очень умных, сведущих и, пожалуй, даже почтенных людей, но разговаривать ни с одним нельзя. Это рабы своей ненависти, своей жажды власти и своих дурацких программ. Дай им четверохвостку, дай им еврейское равноправие и позволь разорить частное, особенно дворянское землевладение. Зачем? Да чтобы вычеркнуть всю Русскую историю, уничтожить все традиции, весь дух старого строя и быть... совершенно голенькими европейцами. Черт знает что!

Подвинься вправо. Мирнообновленцы? Славные, симпатичные евнухи! Дайте им чистенькую конституцию, чистенькие министерские портфели, и они в перчаточках будут чистенько править Россией. Тьфу! А по образованию, по внутренней порядочности и чистоте рук это настоящие джентльмены. Вот образец русского либерального пустоцвета.

Октябристы? Их две категории. Одни попали сюда, чтобы только не быть с правыми, и готовы принять конституцию, ни капельки в нее не веря. Это умственные лентяи. Другие — из купцов — вот они где, настоящие сознательные умные конституционалисты! О, они давно уже мечтают о конституции, давно разведали, где раки зимуют. Аршин вырос из-за прилавка и тянется к царской мантии и скипетру. Сохрани Бог, утвердится в России парламентаризм, тогда эти господа станут хозяевами и переделают "Святую Русь" по-своему. Погана западная буржуазия, но наше кулачье еще гаже. Этим, пока я у власти, война не на жизнь, а на смерть!

Забыл третью группу - карьеристов. К стыду нашего дворянства, это все крупные землевладельцы, лезущие как бараны в рот к чумазому. Погодите, милостивые государи! Чумазый предал Францию жиду, чумазый съел философскую Германию, чумазый съест и вас со всем вашим благородством и идеализмом. Да и съел уже почти. Вот они, палаццо московские в мавританском стиле, вот откуда шли деньги на революцию, вот где сила нынешней Москвы!»

Иванов прочел последние строки, вылившиеся из-под пера, и подумал с улыбкой: «Однако вместо письма жене я, кажется, целую политическую лекцию написал?»

Но мысль, работавшая в одном направлении, не хотела сходить с рельсов, и перо машинально продолжало:

«И ни там, ни здесь нет людей! Может быть, и есть, но все так завязли в эту проклятую политику, что помощи от них не жди. О Господи, как я одинок!

Но ты, может быть, укажешь на правых, — вот где люди. Увы, моя дорогая, здесь убожество еще ярче, партийность еще возмутительнее. Сами ни одной живой творческой идеи не выдвинули и только повторяют зады, а своих противников ненавидят насмерть и считают русскими только одних себя. А между собой перегрызлись и готовы друг другу перервать горло. Злы, точно их сырым мясом кормят.

Я пробовал искать людей во всех партиях и не нашел. Где же люди? Быть может, там, в глуши, в деревнях, среди молчащих? Но, Бога ради, не обман ли это воображения? Не искание ли это грибов на том месте, где когда-то был лес, а теперь и пни сгнили?

А между тем весь ужас в том, что кроме земства у нас в России ничего серьезного не осталось. Либеральная интеллигенция для дела совершенно непригодна, городские слои плохи и ненадежны, народу еще нужно научиться азбуке государственного разумения, которое из него за двести лет совершенно вышибли, на духовенство надежды нет. На кого же я должен опереться, где искать общественного мнения, общественной совести, государственной мысли?

Я о моих сотрудниках не говорю. Кое-как днем с огнем я их подобрал. Со всей России дюжина министров наберется. Но так и кажется, что мы составляем каких-то заговорщиков, какую-то шайку, у которой я атаман. Ответственность страшная и разделить ее не с кем, потому что мои товарищи, в сущности, прячутся за моей спиной. Каждый добросовестно работает над своей частью, но на целое смотрю один я и, верь мне, дух замирает от страха за каждый свой шаг. А я не робкого десятка.

Прости, дорогая, что занимаю тебя этими вещами. Но верь, изболела душа. Я не говорю уже про чисто физическую муку. Дела без конца, и дело засасывает настолько, что каждую минуту рискуешь оступиться и наделать бед.

Ах, зачем ты не около меня? Я знаю, ты права, удалившись от суеты и выставки. Но мне тебя нужно до боли. Бывают минуты, когда мозги путаются, и вот тут единственная отрада и облегчение - моя Вера, к которой рад бы прибежать на минутку, перекинуться словом, отдохнуть душой, но моя Вера за тысячу верст...»

Диктатор кончил несколькими сердечными строками и запечатал письмо. Пробило шесть часов, но нервы бедного Иванова так расходились, что вместо сна он вышел на террасу дворца, откуда, как на ладони, была видна вся Москва, освещенная первыми лучами восходящего солнца.

Иванов облокотился на балюстраду и задумался.

«Какая страшная тайна - наша Россия. Господи! Ты поставил меня, ничтожного и слабого, у Твоего избранного сосуда, а я не в силах даже его разглядеть. Поддержи меня, вдохнови и помоги».

По Кремлю раздавался медленный перезвон к ранней обедне.

XLVII. Основы учебной реформы

Совещание по школьному вопросу, собранное Ивановым, вышло необыкновенно бурным. Диктатор председательствовал и не только не стеснял выражения самых крайних мнений, но сам их вызывал, не стесняясь все более и более обострявшейся атмосферой. Именно среди раздражения собеседников и высказывалось до конца то, что в тихой и мирной беседе умалчивается или не договаривается.

Профессор Порубин одержал блестящую победу, убедив диктатора и наличных министров в строгой целесообразности и спасительности своего плана, который поначалу даже Иванову показался чересчур радикальным.

А этот план состоял не больше и не меньше, как в совершенном отказе правительства не только от государственной школы, но и от самой инициативы народного образования. Государство оставляло за собой только те специальные школы, которые были нужны ему непосредственно, как, например, школы военные и морские, и предоставляло полную свободу школе общей, частной и общественной.

Упразднялись Императорские университеты. Казенные здания вместе с коллекциями, клиниками, музеями и всякого рода имуществом предполагалось сдавать на льготных условиях в аренду группам профессоров на основании строго выработанных договоров. Средства должны были давать сами желающие получить образование, а также общество и богатые фундаторы[378]. Правительство оставляло за собой только надзор за внешним порядком и за ходом преподавания без всякого вмешательства во внутреннюю жизнь и самоуправление высшей школы. Проводился один основной принцип: все в высшей школе должно быть *безусловно гласным и открытым.* Правительственный инспектор имел право присутствовать на каждой лекции, на каждом заседании, на каждом экзамене, требовать копию каждой бумаги академического делопроизводства.

Если он находил что-нибудь противозаконное или замечал нарушение договора с правительством, он имел право делать письменные предложения ректору или возбуждать судебное преследование. В случае указанных на суде серьезных злоупотреблений, предвиденных в договоре, контракт мог быть уничтожен судебным приговором, и тогда высшая школа закрывалась и передавалась другому составу профессорской коллегии.

Были строго обдуманы переходные меры от нынешнего порядка к новому, чтобы не нарушать ничьих интересов и не делать грубой ломки.

При обсуждении этой части плана Порубина негодованию и возбуждению приглашенных на совещание профессоров не было предела. Ученые всех оттенков дружно держались за излюбленное 20-е число и с ужасом представляли себе перспективу вольного университета.

— Вы убьете науку, вы разгоните всю молодежь, — почти кричал профессор Мануйлов[379]. — Разве вы не знаете, что Россия нищая? И сейчас две трети студентов не могут обойтись без пособий на взнос платы и без стипендий. Что же будет тогда, когда университет должен будет назначить плату до 300 рублей?

Порубин отвечал спокойно:

— Про науку нет речи. Кому нужна чистая наука, тот ее найдет. Речь о лицах интеллигентных профессий, врачах, юристах, агрономах, учителях. Пройдя высшую школу и получив диплом, юноша получает готовый капитал, позволяющий ему вырабатывать в среднем от 2 до 3 и 4 тыс. руб. в год. По самой скромной капитализации это составит 50-60 тыс. Четыре года университета по вашей же расценке потребуют 1200 руб. платы за учение и тысячи две расходов на содержание. Итого 3 200 руб. Сравнительно с получаемым капиталом эта сумма ничтожная. А если этим путем будет остановлен несколько прилив учеников из низших слоев, то худого в этом ничего нет. Пополнятся ряды других профессий. Теперь все лезут в студенты, и в России нет порядочного слесаря, кузнеца, плотника. Тогда волей-неволей пойдут на производительную работу, да и диплом потеряет значение. Неужели же справедливо облагать нищий народ, чтобы создавать новое сословие господ, садящихся ему на шею? Наши университеты ведь, в сущности, только школы чиновников.

Средняя школа по плану Порубина подлежала передаче местным земским и городским самоуправлениям с предоставлением им полной свободы в установлении учебных планов, в выборе системы преподавания и приглашении директоров и преподавателей, при условии такого же правительственного надзора, как и за школой высшей. Для переходного времени государство оказывало средней школе, уже существующей, некоторое пособие. Пенсии учительскому персоналу и служащим переводились по добровольному соглашению в общее государственное страхование.

Наряду со школами общественными стояли на полной свободе всякого рода частные школы, подчиненные той же инспекции. Порубин полагал достаточным иметь в каждой губернии по одному инспектору школ с помощниками в каждом уезде для надзора за школами низшими. Обязанность инспекторов состояла в постоянных разъездах по уездам и городам и представительстве, с одной стороны, государственного обвинения на суде, с другой — в оказании всякого рода помощи и поддержки, которую могло дать местной школе министерство. Эта поддержка выражалась отчасти в прямых ассигнованиях из Государственного Казначейства, а затем в виде рекомендации директоров, учителей, учебных пособий, в пополнении кабинетов и т. д. Школьный инспектор и его помощники являлись обязательными членами соответственных земских собраний и городских дум с правом участия во всех школьных комиссиях и непосредственного доклада земским и городским собраниям своих замечаний о постановке и ходе школьного дела. Решающего голоса они, разумеется, не имели.

Дипломы всякого рода отменялись, но зато широко ставились государственные экзамены. По каждой отрасли государственной службы устанавливались особые программы, где рядом с определенным кругом научных познаний требовалось широкое практическое знакомство со специальностью службы. Это обусловливало необходимость основательных практических занятий соискателя, которые всячески и облегчались. А затем, как общее правило, устанавливалось, что никто не мог занять никакого штатного места на государственной или общественной службе, не прослужив по крайней мере одного трехлетия на соответственной низшей должности в *приходе*. Не делалось исключения даже для врачей. К государственному экзамену, дававшему право на медицинскую практику, допускались только лица, прослужившие приходскими фельдшерами не менее трех лет.

Низшая школа передавалась в полное распоряжение и ведение прихода и была согласована с проектом приходского самоуправления, уже совершенно разработанным А. А. Папковым. Она содержалась исключительно на местные приходские и земские средства, причем ни в распределение школьной сети, ни в преподавание, ни

в хозяйство школы государство не входило, оставляя за собой, как уже сказано, только надзор и благожелательную помощь, коль скоро за ней обращались. Ни о каком обязательном всеобщем обучении, разумеется, в проекте Порубина не могло быть и речи, так как старый профессор самый этот принцип считал величайшим над народом насилием и орудием, годным разве для масонских и еврейских правительств.

Заседание кончилось полной нравственной победой Порубина. Никаких голосов не считали, но было видно, что запаса аргументов у противников реформы не хватило. Иванов был совершенно убежден и стройной последовательностью Порубинского плана во всех его частях, и верностью исходной точки зрения, а главное, несокрушимой верой и стойкостью самого автора.

Приглашенные стали разъезжаться. Диктатор задержал на минуту Порубина.

— Ну-с, мой милый профессор, мне остается только просить у вас прощения за первоначальные сомнения. Надеюсь, что в личном докладе Государю вам удастся выиграть одобрение и Его Величества. Но я вас все-таки предупреждаю: в моем донесении я буду просить разрешения передать все ваши соображения на предварительное обсуждение уездных земств.

— А если земства выскажутся против?

— Успокойтесь. Во-первых, я этого не думаю, а во-вторых, когда будут собраны все земские ответы, почему же вы полагаете, что мы будем голоса только подсчитывать, а не *взвешивать?*

— Ну, это другое дело.

Через два дня в «Правительственном Вестнике» появился Высочайший Указ о назначении Ивана Васильевича Порубина министром народного просвещения.

XLVIII. Государственный контролер

Новый Государственный контролер Афанасий Васильевич Васильев был хорошо известен чиновному Петербургу своими крайними славянофильскими взглядами, своей борьбой с Витте по железнодорожным вопросам и своими странностями.

Еще совсем маленьким чиновником Министерства народного просвещения Васильев в Славянском движении 1876 года играл

выдающуюся роль. Аксаков двинул Москву, Васильев разбудил Славянское общество в Петербурге и заставил его действовать. Умело обходя цензуру он от имени общества печатал зажигательные воззвания, организовал сборы в пользу восставших сербов, наконец, как уполномоченный Славянского общества, двинулся на Волгу и на Нижегородскую ярмарку и разогрел на всем Востоке России славянское и патриотическое чувство до очень высокой температуры. Довольно сказать, что тогдашний нижегородский архиепископ, впоследствии известный Московский митрополит Иоанникий выходил с крестным ходом на площадь и возглашал публичные моления «о победе и одолении архистратига Славянских сил Михаила Григорьевича Черняева[380]», ведшего на личный страх войну против «дружественной державы».

Деньги лились рекой, в каждом городке основывалось отделение Славянского общества и, наконец, общенародное чувство вылилось в великой освободительной войне, в которую славянофилы увлекли Александра II.

До какой степени бюрократия придавала значение Васильеву как агитатору, свидетельствует забавный случай с панихидой по Яну Гусу[381], назначенной Васильевым в Казанском соборе. Панихида была запрещена, но за собором была «на всякий случай» поставлена батарея артиллерии с боевыми снарядами.

Человек своеобразных радикальных воззрений и несомненный агитатор, Васильев, однако, как-то ухитрялся не только оставаться чиновником, но и подвигаться в сановники. С ним вошел в тесную дружбу Тертий Филиппов[382], ценивший его необыкновенную работоспособность и нравственную высоту. В Контроле могли бы развернуться и принести огромную пользу России такие работники, как Васильев. Назначенный директором Департамента железнодорожной отчетности, он повел упорную борьбу с только что воссиявшим в качестве экономического и финансового гения Витте. Васильев сразу определил, из чего эта гениальность сделана и какие ужасные пути России прокладывает. Начинался грандиозный выкуп железных дорог и усиленное строительство. Казна трещала по всем швам. Но золотой фейерверк, пущенный Витте, прикрывал все раны Казначейства и отводил всем глаза. Васильев видел все и боролся сколько мог. «Русский Кольбер» оказался, однако, сильнее. Он нашел уязвимый пункт в Государственном контролере и овладел Тер-

тием Филипповым. После одного из блестящих выступлений Васильева в Обществе содействия, где последний смертельно перепугал Витте указанием, что его золотая валюта есть дело антихристово и носит даже звериное число*, Витте настоял на переводе Васильева в военную и морскую отчетность, где для министра финансов он уже был почти безопасен.

После смерти Филиппова Васильева скоро со всеми почестями и в чине тайного советника похоронили в совете Государственного контроля.

О странностях Афанасия Васильевича говорил весь Петербург. Так, например, в качестве славянофила-практика он носил старинный русский костюм, в котором не только ходил дома, но и выступал на публичных собраниях. «Тайный советник в желтых сапогах», кроме того, был бесконечно добр. Его дом был пристанищем всех неудачников, начинающих литераторов, изобретателей. Всей этой голодной братии он находил работу у себя в департаменте, превышая зачастую смету и вызывая нарекания. Его департамент называли в шутку Ноевым ковчегом. «Если случится всемирный потоп, то Афанасию Васильевичу не придется строить ковчега, а будет довольно только хорошо законопатить окна и плыть по Фонтанке», — говорили остряки.

Разумеется, в своих поисках людей генерал-адъютант Иванов не мог не остановиться сразу же на Васильеве как на самом подходящем человеке на пост Государственного контролера, который вдобавок, по его плану, получал совершенно самостоятельное, вневедомственное положение.

Диктатор вызвал Васильева к себе и имел с ним продолжительную и совершенно интимную беседу; в результате этого разговора было некоторое колебание Иванова. С одной стороны, Васильев был бесспорно удивительным работником и как бы прирожденным контролером. С другой — его воззрения на финансы, экономию и особенно аграрный вопрос были донельзя странны. По финансам, например, Васильев хотя и стоял за бумажные деньги, но совершенно отрицал проценты на капитал. Иванов только развел руками, когда услыхал, что каждый человек должен оставлять себе на старость *только то, что может прожить*, и не должен ничего

* 1 рубль кредитный был приравнен к 66,6 коп. золотом.

приносящего доход завещать детям. Это курьезное положение исключало всякую возможность спора или обмена мнений. Еще курьезнее были мнения Васильева о земле. Здесь царила наивная смесь толстовства, христианского коммунизма и собственных умозаключений при фанатической вере в свою бесспорную правоту.

Иванов припомнил добродушную улыбку Государя, когда, перечисляя лиц, пригодных на пост контролера, он назвал Васильева. Государь не сказал ни слова, Он только улыбнулся, но в этой улыбке было предостережение.

Пришлось подождать до приискания министра финансов, чтобы этот вопрос решить вместе с ним и Павловым. Иванов был уверен, что странные личные идеи Афанасия Васильева останутся при нем для собственного употребления и не помешают дружной совместной работе.

Однако после первого же свидания Соколова с Васильевым министр финансов заявил категорически:

— Ваш праведник в желтых сапогах — сумасшедший.

— Не торопитесь с заключениями, — ответил диктатор. — На таких праведниках стоит Россия. Я имел терпение прочитать записки Васильева по выкупу дорог и те части всеподданнейших отчетов контролера, которые он редактировал. Советую с ними познакомиться и вам. Вы увидите, как самые вздорные идеи, которые человек высказывает в кружке знакомых, не мешают удивительной государственной работе. Я поражен был этой дисциплиной мысли, что у нас особенно редко.

— Хорошо, генерал, прочту. Мне самому важно ознакомиться с историей выкупа дорог.

Павлов был знаком с Васильевым уже раньше и хотя тоже пожимал плечами по поводу его идей, но сразу и без колебаний нашел, что лучшего Государственного контролера нельзя и желать:

— Афанасий Васильевич — глубокий сторонник *соборности*, и это для нас лучшая гарантия, что палок в колеса он нам не насует.

Но Иванов все еще колебался и медлил. Он чувствовал, что вся ответственность в случае неудачи назначения падет на него. А между тем Государственному контролеру предстояла огромная реформа, готовилась новая и чрезвычайно важная роль.

По мысли диктатора, которую всецело разделял и Афанасий Васильев, Государственный контроль предстояло совершенно выде-

лить из системы управления и на нем создать могущественную связь центра с будущими областями. Наверху должен был быть организован Контролирующий Сенат из представителей земских областей, параллельный Сенату административному; внизу сеть учреждений Контроля расширялась до уезда, охватывая собой всю денежную отчетность всякого рода касс до приходских включительно. Вверить проведение такой реформы можно было только лицу, совмещавшему огромный служебный опыт с высокой нравственной доблестью и выдающейся работоспособностью. Желтые сапоги и некоторые странности воззрений ничуть не мешали и не отнимали цены у Афанасия Васильева.

Диктатор чистосердечно доложил обо всем Государю перед своим отъездом в Москву и всецело положился на Царскую волю.

Государь обещал подумать и ответил назначением Васильева вместе с двумя другими министрами, о которых ходатайствовал Иванов.

Теперь образование кабинета можно было считать почти законченным. Главные портфели были в хороших руках.

XLIX. Проекты министра финансов

Наследство, оставленное старым режимом в экономическом смысле, было невыносимо. Золотая реформа и финансовая политика Витте, выражавшаяся в бесшабашном грюндерстве и неслыханном государственном мотовстве, давала себя знать полным расстройством деревни. Оплата огромного государственного долга была обусловлена только колоссальным вывозом хлеба и сырья в явный ущерб народному питанию." А между тем вывоз зависел от урожая, урожаи же падали все ниже и ниже. За последние годы голод стал обычным ежегодным явлением и только переходил с полосы на полосу, вызывая жертвы казны в десятки и сотни миллионов, жертвы бесполезные и развращающие.

Новому министру финансов, Соколову, приходилось в первую очередь ставить два вопроса: народный кредит, смело и широко организованный, должен был поднять сельское хозяйство; государственный хлебный запас, в связи с системой государственных элеваторов, имел обеспечить народное продовольствие, правильное обсеменение полей и упорядочить заграничный вывоз.

С первых же дней своего управления Соколов образовал под своим председательством комиссию из специалистов и расположил занятия таким образом, что работу вел сам, а члены комиссии вносили только обстоятельную критику и устанавливали подробности. Перед внесением в комиссию той или другой части проекта Соколов и Павлов собирались для ее обсуждения и согласования с работами Павлова по земельному вопросу. Прения в комиссии освещали Соколову недостатки редакции и вызывали различные изменения и дополнения, которые затем разрабатывались и редактировались секретарем под личным руководством Соколова. Никаких голосований не делалось, журналы заседаний составлялись самые краткие, «на память».

Работа шла быстро и к отъезду Иванова в Москву была вчерне почти готова.

Вот как определялся «план» Соколова.

Была задумана обширная сеть элеваторов, составлявших государственную монополию и разделенных на областные районы соответственно будущим областям. Каждый уезд имел один или несколько элеваторов, рассчитанных по своему объему так, чтобы хранить постоянно полугодичную норму продовольствия для всех жителей уезда и надлежащий запас посевных семян яровых хлебов.

Кроме того, при водных путях и на узлах железных дорог основывалась сеть пропускных элеваторов, которые могли в короткое время забрать, очистить, просушить, рассортировать и отправить по назначению весь вывоз данного района. Ни о каких железнодорожных залежах при этом не могло быть и речи, наоборот, освобождался в значительной степени под другие перевозки подвижной состав. Цепь замыкалась портовыми и пограничными элеваторами, обслуживавшими специально и монопольно отпускную торговлю. Движение хлеба внутри России было совершенно свободно, но весь хлеб, идущий за границу, должен был обязательно пройти через государственный выпускной элеватор, подвергаясь там обезличению, браковке и очистке. Этим устранялась навсегда возможность такого безобразного явления, как умышленная подмесь евреями к хлебу всякого сора, парализовавшая наш отпуск.

Внутренняя хлебная торговля была свободна, и пропуск через элеватор необязателен, но условия пользования элеваторами устанавливались такие, что для помещика, крестьянина, мельника или

хлеботорговца было бы чистым безумием продавать свой хлеб большими партиями, отправлять его или хранить помимо элеватора.

По выработанному уставу, элеватор принимал всякий хлеб во всякое время и в любом количестве, делая разницу в условиях только для хлебов посевных и продовольственных. Посевные хлеба принимались в условленных сортах, хранились и отправлялись особо. Продовольственные хлеба определялись тут же при приемке на сырость и засоренность и немедленно поступали в обработку, то есть сортировались, просушивались и обезличивались. Владельцу выдавался варрант[383] по расчету на чистое количество сухого хлеба такой-то марки. Этот варрант являлся документом, по которому его предъявитель мог получить, в любое время и из любого элеватора Империи, равное количество того же сорта хлеб за отчислением расходов на обработку и провоз по определенному тарифу.

Ежегодно перед жатвой Совет продовольственного управления объявлял порайонные цены, по которым казна принимала хлеб нового урожая для пополнения государственного запаса. По этим ценам кредитные учреждения принимали и оплачивали варранты в течение трех осенних месяцев. В остальное время года курс на хлеб стоял свободный, варранты обращались по вольной цене, правительство же посредством своих запасов выступало в роли регулятора, выпуская свой хлеб на рынок при сильном подъеме цен или являясь покупателем варрантов при понижении. Было очевидно, что, составив продовольственный совет из серьезных знатоков дела и владея запасами около миллиарда пудов наличного хлеба, такая фирма, как Российское государство, могла бы не бояться никакой конкуренции, держать хлебные цены на уровне, наиболее благоприятном русскому земледелию, и одновременно заставляла бы иностранного потребителя платить возможно высокую цену.

Этим же путем население снабжалось хорошими, совершенно чистыми семенами тех сортов, которые подходили для каждой местности. Уже одно это могло поднять урожай на крестьянских полях на одно-два зерна.

Затем сельский хозяин являлся совершенно свободным в своих операциях, ликвидируя ли урожай немедленно по объявленной цене, или с варрантом на руках ожидая повышения.

Разумеется, для осуществления этого проекта в полном объеме требовались колоссальные затраты, вводить же элеваторы по частям

не имело смысла. Полная сеть по приблизительному подсчету стоила не менее 1200 млн руб., да оборотный капитал хлебной операции определялся примерно в полумиллиард. Но этих затрат Соколов не боялся, и деньги имел готовые. Было достаточно снять с рынка на равную сумму ренты, заменив ее облигациями продовольственного или хлебного займа и выпустив на соответственное количество кредитных рублей. Государственная роспись сразу освобождалась от 68 млн процентов по обмененной ренте, элеваторы же при умелом хозяйстве должны были не только покрыть эту сумму, но и дать значительный чистый доход.

Самое любопытное в проекте Соколова было то, что грандиозный выпуск денежных знаков на элеваторы и хлебную операцию решал одновременно и второй неотложный государственный вопрос - устройство народного кредита. Основная мысль была та, что открытый в Государственном банке на вновь выпущенные бумажки строительный кредит в 1200 млн руб. исчерпывался не сразу, а постепенно, в точно определенные сроки. Следовательно, деньги могли быть в непрерывном движении, обслуживая одновременно сеть провинциальных учреждений Банка и через них кассы мелкого кредита. Достаточно было обязать заводы, строящие по казенным заказам металлические части элеваторов, а также остальных подрядчиков-строителей работать по условным текущим счетам местных отделений Банка, чтобы почти весь огромный строительный кредит совершенно освобождался и мог быть направлен с первого же момента в оборотные средства земледелия.

Техника мелкого кредита была уже разработана другой комиссией, и Соколов торопился к сводке всей работы.

В 10 часов вечера на третий день по приезде Иванова в Москву Императорский уполномоченный и министр внутренних дел сидели за чтением только что присланного Бельгардом законопроекта о печати, когда зазвонил петербургский телефон, и Иванов узнал голос министра финансов:

— Маленькая заминка в деле. Нужны ваши инструкции. По телефону передать трудно. Не разрешите ли прокатиться повидать вас? Поговорим, а завтра...

Вдруг все смолкло. Прошло минуты две. Диктатор пробовал телефон так и этак, ничего не выходило.

— Опять перерезали, — заметил Тумаров.

— Надо это безобразие кончить, — нервно сказал диктатор. — Черт знает что!.. Вчера прервали *мой* разговор с Государем...

— Слушаю-с, — невозмутимо отвечал Тумаров. — Разрешите сказать два слова в телефон.

Диктатор встал, Тумаров сел на его место и дал энергический звонок...

— Сто двадцать один, ноль два.

— Готово.

— Иван Демьянович, вы?

— Очень хорошо. Потрудитесь дать срочные депеши губернаторам петербургскому, новгородскому и тверскому и сообщите немедленно здешнему, что я возлагаю с завтрашнего дня на их личную ответственность междугородный телефон. В случае дальнейшей кражи проволоки губернатор соответствующей губернии будет смещен и предан суду за нерадение.

— Больше краж не будет, — уверенно сказал Тумаров.

L. Н. А. Хомяков

У Иванова сидел приглашенный им на интимную беседу Николай Алексеевич Хомяков. Лучшее в России имя и значительная популярность бывшего смоленского предводителя и директора Департамента земледелия были достаточными мотивами, чтобы именно с Хомяковым поговорить по душам о самом важном из вопросов, вызвавших поездку диктатора в Москву.

Об этом вопросе он не распространялся даже со своими ближайшими сотрудниками, новыми министрами, распределяя между ними текущие и неотложные реформы. Сначала Иванов и сам хотел было отложить этот вопрос и не поднимать его до окончания всего плана внутренних преобразований. Но он недостаточно учел психологической стороны дела и с грустью видел, что одни деловые реформы, одна его личная деятельность по успокоению России, хотя и очень успешная, не в состоянии создать того всенародного духовного подъема, без которого немыслима дружная общественная и государственная работа.

Общественная технология требовала яркого, могучего, широкого размаха, требовала чего-нибудь великого в уровень великой страны и великого народа. Будничная работа заменить этого не могла.

Сколь ни нелепы были первая и вторая Думы, но Иванов чувствовал, *что с упразднением этого странного института над Россией словно* опустился мрачный и тяжелый занавес. Буря утихла, но и солнце не показывалось, а стоял какой-то серый петербургский день, когда все ждали солнца.

Таким солнцем, по мнению диктатора, мог быть единственно великий Земский Собор в Москве или Киеве, где бы в торжественной обстановке состоялось желанное единение Царя и Народа в лице земщины, разрушенное было гнусной революцией и надорванное конституционной попыткой графа Витте. На этом Соборе была бы восстановлена во всей полноте и красоте своей наша историческая Конституция 1613 года, поставившая над Россией династию Романовых, земских и народных Царей. Здесь были бы торжественно возвещены с высоты Престола разработанные в стройную систему необходимые России реформы. Отсюда началось бы прочное и спокойное, без малодушных колебаний и сомнений, управление Россией, основанное не на бюрократии, а на свободной сплоченной земщине.

Разумеется, Собор имел бы смысл отнюдь не в форме европейского парламента, а в своем оригинальном древнерусском значении «Совета всея Земли».

Диктатор знал, что Хомяков агитирует за Думу и что его агитация не так бесплодна, как это можно было предполагать, так как парламент был задуман бюрократией и нужен прежде всего ей.

— Не могу вас понять, Николай Алексеевич, — говорил Иванов. — После двух печальных опытов, когда уже совершенно ясно определилась вся ложь, положенная в основу нашего парламентаризма, вы хлопочете о третьей Думе. Неужели вы в нее верите?

Хомяков отвечал:

— Я не придаю Думе того значения, какое ей приписывают доктринеры, но с соответственным изменением выборного закона Государственную Думу можно собрать приличную и работоспособную.

— *Вы* это говорите? *Вы* верите в сознательность русских государственных выборов?

— Партии помогут.

— А вы считаете партии благом? Ведь это же мерзость!

— Я небольшой их поклонник, но что же вы поделаете? Раз мы на почву 17 октября встали, без партий не обойтись.

— А вы полагаете, что 17 октября мы действительно получили конституцию?

— Ничего не знаю. Знаю только, что от 17 октября назад хода нет. Самодержавие может остаться как термин, как звук, чтобы не вносить в народ смуту, но в действительности оно кончилось.

— Вы не допускаете возможности восстановления самодержавия?

— Михаил Андреевич, в самую критическую минуту я твердо стоял за самодержавие. На Петербургском Земском Соборе моя подпись стоит в числе меньшинства. Но когда я прочел Манифест 17 октября, я сказал себе, что с этим вопросом кончено, и мы теперь должны быть конституционалистами, а то иначе попадешь в Союз русского народа.

Диктатор грустно покачал головой:

- Да, да. Ваша крылатая фраза «мы конституционалисты по Высочайшему повелению» облетела всю Россию.

Собеседники помолчали.

- Николай Алексеевич, откровенно и спокойно скажите мне, зачем вам Дума? Ведь не могу же я искать здесь каких-нибудь личных целей - для этого вы сын Алексея Степановича Хомякова и крестник Гоголя. Ради чего вы на ней настаиваете?

- Извольте, буду откровенным. Дума - единственное средство хоть несколько сбавить спеси у бюрократии и дать политическое воспитание русскому народу. Даже две первых шалых Думы, как вы их называете, уже свое дело сделали. Посмотрите, как подтянулись все ведомства! Министры перестали быть далай-ламами, и теперь глупого человека или проходимца в министры посадить нельзя. А ведь мы таких имели. Вот уже вам огромный результат. Затем, государственные дела, хоть и вкось и вкривь, но обсуждаются открыто. Прения печатаются, и их не спрячешь. Я уверен, что третья Дума будет спокойная и деловая и тогда каждое произнесенное в ней слово, каждый спор будет высоко поучителен.

- Да, если соберутся «лучшие люди», но ведь их не пропустят.

— Дайте хороший выборный закон.

- Нет, не то все это, не то. Поразительно ослепление русских выдающихся умов! В 80-х годах я был юнкером. У нас в курилке училища собирались постоянно своего рода митинги. Рассуждали, конечно, о русской конституции. Я участия не принимал, но внимательно прислушивался. И вот что я вынес. Наши юнкера, совсем

мальчишки, были и образованнее, и здравомысленнее нынешних больших публицистов. Камень преткновения была именно выборная система, и я сейчас с гордостью могу сказать, что даже самые крайние у нас фанатики конституционализма были вынуждены признать абсолютную невозможность центрального парламента. Все комбинации перебрали, и наконец пришли к полному отрицанию и совершенно естественно повернули на федерализм. А теперь взгляните, ну не комичное ли это явление, что Хомяков стоит за Думу? Ведь просто глаза приходится протирать!.. Неужели все то, что я от вас слышу, серьезно? Я думаю, что вы просто надо мной смеетесь, Николай Алексеевич?

Хомяков начинал сердиться на этот настойчивый допрос. Он отвечал с нервной ноткой в голосе:

— И затем, что самое важное. Я этого не хотел говорить, но вы, ваше превосходительство, меня заставляете... Поэтому простите...

— Пожалуйста, чем резче, тем лучше.

— Я держусь за Думу не потому, что жду от нее серьезного законодательства, если уж на то пошло, мой почтеннейший Михаил Андреевич, а потому, что она немножко приостановит наш реформационный пыл. Я боюсь ваших грандиозных планов. За эти дни все поставлено ребром. Витте так не торопился, как вы, и на то не решался. Вон, смотрите, у вашего Соколова заседание за заседанием. Я этих самородков боюсь, особенно когда они начинают ломать фундаменты. Затем Павлов. Вы ведь знали, что такое «дворянин Павлов», и вытащили его в министры земледелия. Я с ужасом вижу, какая ломка предстоит. Почище Герценштейновских[384] иллюминаций. Затем, что ваш Папков наделает со своим приходом! А в довершение всего вы отдали внутренние дела Тумарову и тот уже начинает пороть литераторов. Столыпин совершенно прав, что вы приведете Россию к революции, на этот раз настоящей. Так вот, я считаю Думу отличным тормозом для такой политики. Пусть она будет неработоспособна, черт с ней. За это время Россия успокоится, одумается, а там будет видно.

Последние слова были произнесены Хомяковым тем самым тоном, каким в выдающиеся минуты он говорит на собраниях, всех волнуя и покоряя. Каждое слово вонзалось в Иванова, как отравленная стрела. Глаза диктатора загорелись, и он встал с места. Поднялся и Хомяков.

— Простите, что вас побеспокоил. Если вы решились приравнять меня к Витте, всякий дальнейший спор бесполезен. Замечу только, что вы напрасно приписываете мне реформаторское самовластие. Именно этим не болею я и не дам заболеть никому из моих сотрудников. Я проведу в жизнь только то, что будет одобрено и оправдано народной совестью, а вызвать и допросить эту совесть, поверьте, сумею.

Хомяков нервно засмеялся.

— Да, да, вы ваши законопроекты будете рассылать на уездные земские собрания! Читал, читал! Так дайте сначала гласным жалованье, а то там в уездах есть нечего, ни одного экстренного собрания не соберете.

Диктатор и Хомяков смерили друг друга взглядами. И оба взволнованные, оба опознавшие друг в друге непримиримых противников, сдержались. Разговаривать о Земском Соборе было при этих условиях даже странно. Иванов овладел собой и подал руку Хомякову.

— Николай Алексеевич, я вас не понимаю.

— И не трудитесь, генерал. На что я вам? Поговорите лучше с братом Митей, с тем сойдетесь скорее. У него, пожалуй, станете даже beatus vir[385], как Сергей Юльевич. А я — пас.

«Я тебя, милый человек, раскусил», — подумал Хомяков, выходя.

«Я боюсь его понимать, — подумал диктатор, провожая. — Неужели это только оскорбленное самолюбие? Но чем же я его оскорбил?»

LI. Ф. Д. Самарин

Неудача с Хомяковым не смутила Иванова, и он решил поговорить о Земском Соборе с другим выдающимся москвичом — Федором Дмитриевичем Самариным, которому он напрасно предлагал перед тем портфели просвещения и Синода.

Ф. Д. Самарин категорически отказался от всякого служебного назначения, но обещал диктатору самую широкую помощь мнением и советом, когда ему будет угодно за этим обратиться.

По вопросу о Земском Соборе Иванов и в Ф. Д. Самарине никакого сочувствия не встретил. Основатель и глава «Кружка москвичей», разумеется, принципиально Собора не отрицал, но считал его и бесполезным, и несвоевременным. Со своим тонким и острым

анализом и несокрушимой диалектикой Самарин высказал Иванову целый ряд соображений против Собора.

— Главная задача Собора — вывести Верховную власть из неловкого положения, созданного Манифестом 17 октября, неосуществима. Манифест был издан Государем единолично и может быть отменен точно так же. Мнение Собора для Царя необязательно. Если поставить дело так, что Собор будет просить об отмене Манифеста и восстановлении самодержавия, то все же инициатива будет исходить только от Царя, и все поймут, что и самый Собор лишь затем и созывался, чтобы заявить заранее известное ходатайство.

— Но я признаюсь, — говорил Самарин, — не вижу надобности в формальной отмене Манифеста 17 октября. Как ни прискорбно, что этот документ был издан, как ни печальны для власти обстоятельства и условия, при каких он появился на свет, все же сам по себе он не имеет того значения, какое склонна приписывать ему публика. Царская власть зиждется у нас не на каком-либо законодательном акте или статье законов. Она создана нашей историей, она выросла вместе с Русской Землей, и корни ее глубоко проникли в русскую народную почву. Поэтому отменить или умалить и поставить в известные пределы власть Русского Царя не может никто, хотя бы и сам Самодержец. Она остается неизменной, доколе будут существовать те реальные условия, из коих она возникла и в коих черпает свою силу. Я глубоко убежден, что судьба русского самодержавия зависит не от того, останется ли в силе Манифест 17 октября или нет, а от того, будет ли оно само сознавать свое историческое значение, останется ли оно верно своему призванию и оправдает ли оно, наконец, ту народную веру, в которой заключается вся его жизненность и сила.

Второе возражение Самарина заключалось в том, что если Собору будет предложено выработать новое положение о государственном устройстве взамен учреждения Государственной Думы, то этим самым Собор станет в положение Учредительного Собрания, то есть будет выше Царя; в самом деле, Собором будут отменены два важнейших акта, изданных Царем единолично. Разве это не будет окончательным ударом самодержавию?

Третье возражение касалось самой техники созыва. Самарин указывал, что Собор в его древней форме, то есть в составе высших государственных учреждений, «Освященного Собора» епископов и выборных от всех сословий, никакой гарантии устойчивости

и единства не дает. Большинство высших сановников тянут к кадетам, среди епископов рознь, дворянство ничего сплоченного не представляет, крестьянство распропагандировано и может не устоять перед агитацией смутьянов, остальные сословия созданы искусственно и ничего определенного не представляют. Земства же и города, организованные *всесословно,* очевидно, *сословных* выборных дать не могут. Таким образом, огромный состав Собора получится донельзя пестрым и даже его облика нельзя себе заранее представить.

Очевидно, поэтому, что ожидать Собора единого и цельного, по мысли Самарина, невозможно. Но если даже предположить, что такой Собор соберется, то в чем будет его задача? Приведет ли он к умиротворению? Уляжется ли смута, укрепится ли власть?

Ничего подобного Самарин не ждал. Наоборот, так как Собору предстояло было выработать новую схему государственного строя, взамен «Положения о Государственной Думе», которое уже стало фактом вне спора и этим самым внесло известное успокоение, то на нем снова поднялись бы все вопросы и разногласия, мутившие русское общество в революционный период. Собор не смог бы устоять перед давлением улицы. Почему вы думаете, говорил Ф. Д. Самарин, что Собор должен воссоздать историческую Царскую власть, а не пойти по совершенно иному пути?

В силу этих соображений Собор не мог, по мнению Самарина, оказать ни в каком случае и того благотворного психического воздействия в смысле подъема патриотического чувства, которого ожидал Иванов.

Диктатор энергично возражал:

— Но эти серые будни невозможны. Никакое творчество правительства не будет плодотворно, пока мы осуждены действовать за личный счет и риск. России, как больному, необходима прежде всего бодрость и жажда выздоровления, необходим подъем духа и веры. А я чувствую, как этого не хватает.

— Что делать! Пусть это придет само. Дайте, с одной стороны, действительно сильную и строгую власть, возобновите порядок, с другой — работайте над экономическим подъемом народной жизни, а затем — ждите терпеливо.

— Мы все работаем по мере сил. Намечен и разрабатывается стройный план реформ во всех областях. Но неужели же мы осуждены проводить эти реформы старым бюрократическим путем? Ведь

это полное неуважение к великой стране, которая изображает из себя не голую же доску, на которой пиши, что хочешь?

— Но вы же вводите ваш принцип опроса земств. Для успокоения вашей совести этого должно быть достаточно.

— Увы! Это тоже отдает канцелярией. Я чувствую, что затерян какой-то ключ к живому общению правительства с лучшими силами русского народа. Дайте этот ключ, и России вы не узнаете в какой-нибудь месяц.

— Да, и вы ищете этот ключ в Земском Соборе? Напрасные надежды. По-моему, Земский Собор станет нравственно возможен только тогда, когда Россия уже возродится и окрепнет.

— Тут действительно заколдованный круг. А что вы скажете, Федор Дмитриевич, о перенесении столицы обратно в Москву или в Киев?

— Я не поклонник Петербурга, вы это знаете, но я не вижу пользы и от этого крутого шага. Старой Москвы больше нет, а новая ничуть Петербургу не уступит. Разве не Москва шла впереди освободительного движения? Разве не здесь происходили съезды земских и городских деятелей, всякие крестьянские съезды? А здешнее губернское Земство, здешняя Городская Дума? Что осталось в Москве истинно русского и государственного? А Киев? Да разве нынешний Киев похож на Киев Владимира Святого[386]? Разве Киев создал и провел русскую государственную идею?

Диктатор проводил Ф. Д. Самарина и грустно задумался.

— Не то все это, не то! Деловая сторона в порядке, но где та божественная искра, которая зажгла бы Россию и сразу раскрыла бы сердца и освободила души от этого убийственного мрака и холода? Никто ни во что не верит, никто не смеет верить. Какой-то лазарет, какое-то кладбище, а не живая и бодрая страна! Но прочь уныние! Вы заставляете меня действовать в одиночку, вы на одного меня валите всю работу, — хорошо, будем работать в одиночку!

— Министр внутренних дел, — доложил адъютант.

— Просите, просите...

Ш. Закон о печати

Тумаров вошел с большим портфелем, раскрыл его и положил перед диктатором объемистую печатную записку, оклеенную традиционной ленточкой.

— Посмотрели?

— Никуда не годная работа.

— Это жаль. А вы не очень строги к ней?

— Помилуйте! Разве это закон? Целую стопу бумаги исписали. 268 статей! Чиновник не может иначе, как сочинять, причем старается предусмотреть всякие мелочи, предписать каждый шаг. Но жизнь в казенные рамки не укладывается, и получается чепуха. И потом, я совершенно не вижу, чтобы в этой комиссии участвовал хоть один журналист. А ведь только они и знают дело.

— Ну что же делать? Бросим это в печку, а законом о печати займитесь вы.

— А не подождать ли, ваше превосходительство, с этим делом? В хороших руках и временные правила будут достаточны. Измените две-три статьи, да кое-что добавьте, вот и все. Есть вопросы гораздо более острые.

— Дорогой Павел Николаевич, в том-то и дело, что нужны «хорошие руки». А где они? Здесь же, по крайней мере, будет гарантия, что во главе политической газеты не очутятся прохвосты. Дайте хоть только это да избавьте печать от жида. Закон о печати ясный, точный, краткий нужен бесконечно. Наша несчастная смута поддерживается печатью. Пока печать не упорядочена, вся наша работа наполовину парализована.

— Я совершенно согласен, что закон о печати нужен. Я не хотел только ставить его на первую очередь.

— И главное, займитесь им сами.

— Воля ваша, Михаил Андреевич, я в этой области не ходок.

— Поручите кому-нибудь.

— Но кому же? Выйдет опять комиссия Кобеко. Но если вы настаиваете, я предложу вам один план.

— Пожалуйста.

— Да пусть сами газетчики напишут закон о печати.

— Это очень любопытно.

— Судите сами: чего мы будем ломать голову и сочинять, чтобы они потом обходили каждую статью и дурачили правительство? Пусть пишут сами, а мы дадим только главные основания.

— Я вас понимаю, это блестящая идея.

— Очень рад, что вы одобряете. Итак, я бы составил комиссию из опытных и уважаемых, разумеется, *русских* редакторов, издателей, типографщиков, пригласил бы кое-кого из серьезных писателей и поручил бы всю работу им без всякого участия кого-либо из чиновников. Затем, когда законопроект будет составлен, можно передать его на рассмотрение Главного управления по делам печати. Пусть там его разберут по косточкам и дадут заключение. Тогда для нас будет все совершенно ясно.

— Боюсь, что для этой комиссии будет трудна редакция закона.

— Сделайте одолжение, пусть приглашают кого угодно на помощь. Какое нам дело? Ведь в их интересах иметь точный и хороший закон. Нам важно дать только основания.

— У вас они сложились?

— Да, я их набросал.

Тумаров достал из портфеля листок и передал Иванову

— Я думаю, что этого будет достаточно.

Иванов прочел нижеследующее:

«ГЛАВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАКОНА О ПЕЧАТИ

1. Предоставить самую широкую свободу всякой честной, искренней и серьезной мысли. Положить твердый предел всякого рода злоупотреблению печатным словом и устранить спекуляцию печатным товаром.

2. Установить точку зрения на политическую газету как на право для заслуженных и совершенно определившихся в литературном и нравственном отношении писателей иметь публичную кафедру для проповеди своих воззрений.

3. Установить точную ответственность автора, редактора и издателя перед судом.

4. Установить особые формы суда по делам печати применительно к особому характеру печатных проступков и преступлений.

5. Установить точную характеристику преступлений печати, характер и размер наказаний.

6. Выработать меры для пресечения вредного действия печатного произведения до судебного решения.

7. Выработать ряд мероприятий для борьбы с порнографией, развратными объявлениями и вредными спекулятивными изданиями.

8. Совершенно отстранить евреев от политической печати и выработать меры, обеспечивающие печать от еврейского засилья и влияний».

Иванов прочитал этот пункт и воскликнул:

— Ого! Если бы было возможно это осуществить?

Тумаров отвечал:

— Ничего нет проще. Берите с каждого утверждаемого редактора подписку в форме честного слова, что в числе его сотрудников и служащих евреев не будет, а затем смотрите на нарушение этого слова как на акт безнравственности, уничтожающий данную концессию, — и дело в шляпе.

— Ну а как же быть с крещеными евреями?

— Россия ничего не потеряет, если мы исключим и их. Может быть, будут отстранены некоторые хорошие жидки, но что же делать? А оставьте крещеных, — пресса будет по-прежнему еврейская, - они все перекрестятся. Нет, уж лучше совсем исключить евреев.

— Ничего против этого не имею. Мне только кажется, что ваша программа чересчур обща.

— Поэтому я и назвал ее «главными основаниями». Некоторые I указания можно дать дополнительно. Да их просить, наверно, будет сама комиссия. Ведь я же ее не брошу на произвол судьбы, а буду косвенно руководить.

— Ну, помогай вам Бог. Эту комиссию я попрошу вас организовать тотчас же, как вернемся в Петербург. А теперь давайте ваших губернаторов.

— Да, задали вы мне, ваше превосходительство, задачу!

— Ничего, ничего... Вы в отличных условиях. Еще Плеве говорил: «Ах, хоть бы одного вице-губернатора мог я назначить самостоятельно». А у вас руки развязаны совершенно. Ни одной записочки, ни одного рекомендательного письма не будет.

LIII. Протоиерей И. Восторгов

Как ни разобрано было время у генерал-адъютанта Иванова 16-го, но он нашел полчаса, чтобы принять знаменитого протоиерея Иоанна Восторгова, составлявшего душу и центр московских' монархических организаций.

В кабинет вошел толстенький священник с небольшой окладистой бородой, черными проницательными и повелевающими глазами и совершенно голым черепом, обрамленным черными густыми короткими волосами, с грехом пополам слагавшимися сзади в духовное украшение.

Диктатор встал и сделал шаг навстречу протоиерею, пристально его разглядывая.

Прошло с полминуты молчания. Первым заговорил Восторгов.

— А я, ваше превосходительство, знаю, что вы сейчас думаете.

— Это любопытно. Ну скажите, что я думаю?

— А вот что вы думаете: «Поп Восторгов, зачем ты в эту компанию попал?»

— Вы отчасти угадали. Духовное лицо в роли политического агитатора... как будто несколько странно, но ведь у нас в России все перепуталось.

— Я в этой роли неволей. Жалко было отдавать патриотические организации в поганые руки. Я всячески от политической деятельности открещивался и если еще не ушел, то, как говорят актеры, только «по желанию публики». Мое призвание — школа. Но теперь для мирной деятельности время плохое, — я стараюсь работать над другого рода просвещением. Вот, позвольте вам поднести наши издания.

— Спасибо. Время мне дорого, и потому я буду краток и приступлю прямо к делу. Вы мне должны дать короткую, сжатую, яркую характеристику монархических организаций и их главарей. До сих пор я мог только убедиться, что в этом лагере ужасная бедность содержания и невероятные претензии. Итак, начнем. Что такое доктор Дубровин[387]?

— Несчастный человек. Хороший врач и никуда не годный политик В момент начала революции он был очень популярен в Петербурге как врач, имевший огромный район практики. Его вынесла волна и поставила во главе патриотического движения в Петербурге. При его самолюбии эта роль ему понравилась. А так как никаких данных для настоящего вождя у Дубровина не было, а о политике он попросту не имел никакого понятия, то вокруг него собрался всякий сброд.

— Дальше. Пуришкевич?

— Очень талантливый и разносторонний человек, отличный организатор. Его беда — неукротимое самолюбие и жажда власти при полном отсутствии всякого нравственного регулятора. Он способен проработать 16 часов кряду, но не способен никому подчи-

няться. Отсюда постоянные конфликты с Дубровиным, доходившие чуть не до драки. Ну а затем, что у них самое противное, это политиканство и девиз «цель оправдывает средства». Для Пуришкевича «все можно».

— Хорошо. Теперь здешние. Мне до крайности несимпатичен ваш Грингмут. Вы, кажется, его поклонник?

— Ваше превосходительство, я цену ему знаю, но это незаменимый человек для Москвы. Он один умеет держать некоторый порядок и предотвращать столкновения. Я не могу себе представить, во что обратились бы наши монархические организации в Москве, уйди Грингмут.

— Теперь скажите мне, что такое князь Щербатов?

— Александр Григорьевич? Очень затрудняюсь дать надлежащую характеристику.

— Пожалуйста, отец протоиерей, откровенно. То, что вы мне скажете, из этой комнаты не выйдет.

— Что же вам сказать? По-моему, князь Александр Григорьевич — человек очень благонамеренный, но совершенно несерьезный. За ним ухаживают, его ставят везде во главе, а между тем, чем он ни руководил, все всегда проваливалось. Да иначе и быть не может: сегодня он заявляет, что все спасение, положим, в Земском Соборе. Спрашиваете его завтра, и он вам отвечает, что Земский Собор — «это пустяки-с», а вот он основывает крестьянскую газету и этим повернет всю Россию. Послезавтра крестьянская газета забыта и основывается уже «Братство Пресвятой Богородицы», разумеется, с таким же успехом и результатом.

— Ну, а Ознобишин Николай?

— Ну, это индейский петрс. Кого только он не насобирал в свой союз! Довольно назвать Николая Николаевича Дурново и Грекоса Сарандинаки.

— Надеюсь, эта организация несерьезная?

Протоиерей хитро улыбнулся одними глазами.

— Ваше превосходительство, как и все.

— А что, отец протоиерей, вы, кажется, и сами обо всех этих так называемых патриотических организациях не особенно лестного мнения?

— Не наше это, не русское дело! Все эти союзы имели смысл только в один коротенький промежуток времени, как противодействие революции. Но революция усмирена, и сами союзники решительно не знают, куда идти и что с собой делать.

— А вы сами как смотрите на желательную деятельность правых элементов?

— Нам необходима церковная организация, нравственное воздействие на общество, возрождение православия. В этом духе задумано Всероссийское Православное Братство.

— Опять централизация? А что вы скажете о восстановлении прихода? Не там ли наше настоящее русское дело?

— Боюсь, ваше превосходительство, что ни в нашем духовенстве, ни в обществе не хватит для этого нужных сил. В приходское дело замешается политика и ворвутся самые нежелательные элементы. Ведь вот и на Востоке, где приход уцелел, мы видим большие безобразия, что же будет у нас? Просмотрите-ка мою брошюрку о приходе. Там все это обстоятельно освещено...

— Ну, отец протоиерей, об этом мы с вами спорить не будем, да мне и некогда. А вот будьте добры передать вашим друзьям — и здешним, и петербургским: организаций их я пока закрывать не буду, они мне только жалки и сами по себе безвредны. Разве вот придется обуздать «Вече» и вашего протеже Оловеникова[388]. Это настоящая помойная яма. Затем я категорически требую, чтобы вся эта недостойная игра депешами на имя Государя была окончена. Этого я терпеть не собираюсь и говорил уже об этом с Тумаровым. Затем все эти хоругви, процессии — тоже насмарку. Ваши союзы сделают гораздо лучше, если будут спокойно разрабатывать местные вопросы и ходатайствовать не о политике, а о местных нуждах...

Протоиерей откланялся, диктатор проводил его глазами и подумал про себя: «Ничего не поймешь. Совершенно новый для меня тип. Разбирай, кто может: не то протопоп Аввакум[389], не то Лентовский[390] в рясе...»

Московская поездка диктатора, кроме тех явных целей, которые читатель мог видеть, имела и еще одну задачу, но уже совершенно секретную. Иванову было необходимо убедиться, насколько справедливы слухи о безобразиях в управлении градоначальника. Слухи ходили самые невероятные. Из сведений, которые под рукой успели собрать сам уполномоченный и новый министр внутренних дел, явствовало, что без строжайшей сенаторской ревизии не обойтись.

Эту ревизию давно желал назначить Государь, но общая смута задерживала дело. Теперь революция догорала, оставив густой смрад, и можно было приступить к генеральной чистке первопрестольной столицы. Затем и у самого диктатора более или менее развязывались руки. Кабинет был образован, и могла начаться широкая творческая работа по обновлению и возрождению Родины.

ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Фантастический политико-социальный роман

Часть первая

Вместо предисловия

Как ни хлопотал я, как ни старался найти несколько недель посвободнее, чтобы закончить шалость пера, которую я обещал читателям под громким названием «романа», — ничего поделать не мог. Ни весной, ни летом, ни осенью свободного времени не оказалось, а потому должен был ограничиться тем, что пересмотрел и несколько переделал уже написанную раньше первую часть, то есть почти *треть* намеченного, и издаю ее в свет с моими обычными извинениями, к которым читатели так привыкли.

Называю это произведение шалостью, конечно, только по форме и по обстановке писания. Имей я возможность практически соблюдать священный завет литературы: «Служенье муз не терпит суеты», — вышло бы, может быть, нечто совершенно иное, цельное и даже художественное, теперь же это лишь очень плохое исполнение некоего хорошего замысла.

Об этом замысле разрешите сказать два слова.

Литература «романов будущего», с легкой руки Беллами, разрослась до огромных размеров. В самом деле, в этакой форме сойдет самое несуразное вранье, лишь бы рассказ носил хоть сколько-нибудь занимательный характер и рисуемое будущее было лучше настоящего. А так как хуже последнего, собственно говоря, никто ничего не придумает, то это удивительно облегчает задачу наших российских Жюль Вернов[391] и Фламмарионов[392].

В эту шеренгу захотелось встать и мне, с похвальной, впрочем, целью. Я хотел в фантастической, и следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленной. Это служило для нее своего рода проверкой. Если программа верна, то в романе чепухи не получится, все крючки на петельки попадут. Если в программе есть дефекты принципиальные, они неминуемо обнаружатся, как обнаружились дефекты будущего социального строя, несмотря на

огромный талант Беллами и удивительное уменье этого автора кататься на самых смелых турусах на колесах.

В первой части мне удалось затронуть следующие важные вопросы: о печати, о приходе, о денежном обращении и кредите, о евреях, о женском и общем образовании, о славянстве, об административном и земском устройстве России, о Церкви, старообрядцах и старокатоликах. Все это заняло 20 глав.

Во второй и третьей части когда-нибудь надеюсь нарисовать будущую культурную и богатую сельскую Русь с будущей общиной и помещиком, пройти вопросы народного образования, продовольствия, податный, судебный, сословный, рабочий.

Прошу читателя не думать, что я пытаюсь *предсказать* что-либо. Отнюдь нет: я очень хорошо знаю, что ничего подобного не будет. Я хотел только показать, чтобы могло бы быть, если бы славянофильские воззрения стали руководящими в обществе и правящих сферах.

Повторяю: сделано это только наполовину и притом из рук вон плохо. Переделка улучшила мало. Ничего не поделаешь с тоном, который уже взят. Но я прошу снисхождения хотя бы уже ради того, что «роман» этот в свое время писался фельетонами в уличную газету, которую я возымел дикое намерение «отмыть» и «приподнять», но которая упорно старалась меня запачкать по уши и втянуть в свое болото. Очень уж было заманчиво в невинной форме изложить заветную политическую, церковную и общественную программу славянофильства перед тридцатитысячной аудиторией простецов, никогда ни о чем подобном не слыхавших.

Не без некоторой досады пускаю я эту фантазию в печать за моей подписью. Лучше бы она могла быть, много лучше. Ну, да ничего не поделаешь...

Октябрь 1902
Москва

I. Искушение

24 июля 1899 года вечером я попал в один кружок. Было много незнакомых мне лиц. Как водится, сидели, пили чай и бранились. Бранились не между собой, а вообще, то есть бранили нашу русскую современность во всех ее видах.

Что же делать? Бранить все и всех — наша национальная слабость. Да и то сказать: разве же нам хорошо живется? Разве не нависла над почтеннейшим нашим отечеством густая туча всевозможных недоразумений, из которых многие прямо могут отравить жизнь?

Не бранятся у нас разве только люди, целиком отдавшие себя на служение Мамону, да и те, лишь пока им везет удача. Не бранятся еще, когда пьют водку. Тогда всякая политика откладывается сама собой, люди предаются блаженству свинского времяпрепровождения, затем теряют образ человеческий и начинают уже не браниться, а ругаться и сводить между собой старые и новые счеты, кончая иногда фонарями (не электрическими), а в публичном месте — и полицейским протоколом.

Наша компания пила только чай, и даже без коньяку, и бранилась очень усердно. Бранили все окружающее, всю русскую жизнь, доходили даже до очень печальных пророчеств. России прямо сулили разложение и гибель, если так пойдет дальше.

Этот, совсем уже крайний, взгляд вызывал, однако, возражения. Возражали, что хоть сейчас и дурно живется, но все-таки Русь-матушка идет по своему историческому пути вперед и вперед; что перемелется — мука будет... и т. д.

Я прислушивался и не выдержал:

— Эх, дорого бы я дал, чтобы дожить, да посмотреть, что у нас лет через сто будет?

Это мое восклицание никем поддержано не было, но я увидел, что на меня пристально посмотрел нестарый еще человек, сидевший в сторонке, да так посмотрел, что мне жутко стало. В этих черных, блестящих глазах было что-то пронизывающее, острое, углубляющееся в самую душу.

Должно быть, я смутился от этого взгляда. Велика и могущественна тайна, скрытая в глазах у человека. Что такое, в самом деле, глаз? Ничего особенного. Камера-обскура, фотографический аппарат без пластинок. Подите-ка, определите, отчего одни глаза вас ласкают, радуют и манят к себе, обдавая словно солнцем и теплом, а другие колют, как кинжалы?

Через минуту этот человек подошел ко мне и сказал тихо:

— Правда, вы хотели бы увидеть, что будет через сто лет в России?

Я оправился от моего смущения и отвечал,-

— Да, очень бы хотел.

— Серьезно?

— Совершенно серьезно.

Он подумал немного.

— Сто лет слишком длинный срок. Жизненная сила человека не выдержит и погаснет. Но лет на пятьдесят заснуть можно. Да и на что сто лет? В России идет все с такой быстротой, что вы ее и через пятьдесят лет не узнаете. Возьмите, например, хоть бы последнюю половину девятнадцатого века. Разве Россия 40-х годов хоть издали похожа на Россию девятидесятых?

— Все равно, и через полвека любопытно...

— На этот срок заснуть можно...

— В самом деле? Это не сказка и не шутка?

— Ничуть. Это великое научное открытие, сделанное, разумеется, не нашей европейской наукой...

— А чьей же?

— Индийской. Мы привыкли искать там магии, фокусничества. Между тем в смысле изучения основных свойств человека, особенно его нервов и души, там ушли очень далеко. Да неужели вы не читали о тамошних опытах временного прекращения жизни?

— Читал что-то... Кажется, там зарывали в землю усыпленного факира и через несколько времени пробуждали. Только я был уверен, что это вздор, сказки, что-нибудь вроде россказней покойной Блаватской[393]...

— Вы ошибаетесь. Это не фокусы, а совершенно серьезные научные опыты. Человека, разумеется, если он сам пожелает, усыпляют на очень продолжительный срок. Его тело тщательно хранят, потому что, вы понимаете, в этом все дело. Затем осторожно возвращают к жизни. Он не только не подвергается никакой опасности, но в течение своей длинной летаргии (и чем срок дальше, тем верней) излечивается от некоторых внутренних болезней.

— Это удивительно.

— Вы бы согласились испытать это на себе?

— Да вы это серьезно или вы надо мной смеетесь?

— Полноте! Это было бы слишком с моей стороны глупо.

— Но кто же это может сделать? И где?

— Здесь, в Москве. С неделю назад сюда приехал очень замечательный молодой индус-ученый. Я с ним познакомился совершенно случайно. Он здесь пробудет неделю; он остановился на пути

в Париж, чтобы познакомиться с некоторыми здешними врачами и знахарями. Знаете ли вы, что двух наших москвичей он уже усыпил?

— Неужели! Кого же?

— Купца и молоденькую барышню. Купцу предстояло лететь в трубу, а человек был честный и порядочный и потому хотел застрелиться. Я предложил ему пожертвовать собой для опыта. Он взял самый длинный срок — пятьдесят лет. Охотно сам пошел. «Тогда, — говорит, — наверно, люди будут гораздо честнее, а теперешних я, — говорит, — и видеть не хочу. Пусть их за это время переколют!»

— Ну, а барышня?

— Та от безнадежной любви. Влюбилась в какого-то шута горохового, совсем уж и свадьба была назначена. Вдруг перед самым венцом тот, жених-то, заявляет, что он отказывается, потому что тятенька обещал из дому выгнать и денег гроша не дать. А дело-то у них, понимаете, зашло дальше, чем нужно. Особенных последствий нет, но вокруг ракитова куста уже повенчались. Ну вот вы и представьте себе положение барышни. «Отравлюсь» или «утоплюсь» — и конец. Я и говорю: чем травиться или топиться, поезжайте-ка вы лет на пятьдесят в отпуск на тот свет. Проснетесь опять молоденькая и хорошенькая и карьеру себе еще лучше потом сделаете. Что вы думаете? Согласилась. Повез я ее к моему индусу, и тот ее живо обработал. Дня два тренировал, на третий спеленал, запечатал и лежи!.. Так поедем?

— Ну, а если какая-нибудь ошибка, да не проснешься? Тогда что?

— Все равно, к Страшному Суду проснетесь. Еще лучше, меньше нагрешите. Только на этот раз я шучу, не бойтесь. Наука у них безошибочна...

— Позвольте... но ведь в эти пятьдесят лет меня, то есть мое тело, будет нужно хранить... Вы подумайте только. Разве у нас сберегут как следует? Либо пожар, либо подмочат или заморозят.

— Будьте покойны. У него это все предусмотрено.

— Именно?

— Да что вы меня расспрашиваете? Пойдемте к индусу. Ведь вас никто не неволит непременно засыпать. Поедемте *так*, посмотреть, познакомиться. Зовут его dr. Блэк. Он вам покажет много любопытного. Поговорите с ним. Это большая умница. Вы по-английски говорите?

— Серьезно?

— Совершенно серьезно.

Он подумал немного.

— Сто лет слишком длинный срок. Жизненная сила человека не выдержит и погаснет. Но лет на пятьдесят заснуть можно. Да и на что сто лет? В России идет все с такой быстротой, что вы ее и через пятьдесят лет не узнаете. Возьмите, например, хоть бы последнюю половину девятнадцатого века. Разве Россия 40-х годов хоть издали похожа на Россию девятидесятых?

— Все равно, и через полвека любопытно...

— На этот срок заснуть можно...

— В самом деле? Это не сказка и не шутка?

— Ничуть. Это великое научное открытие, сделанное, разумеется, не нашей европейской наукой...

— А чьей же?

— Индийской. Мы привыкли искать там магии, фокусничества. Между тем в смысле изучения основных свойств человека, особенно его нервов и души, там ушли очень далеко. Да неужели вы не читали о тамошних опытах временного прекращения жизни?

— Читал что-то... Кажется, там зарывали в землю усыпленного факира и через несколько времени пробуждали. Только я был уверен, что это вздор, сказки, что-нибудь вроде россказней покойной Блаватской[393]...

— Вы ошибаетесь. Это не фокусы, а совершенно серьезные научные опыты. Человека, разумеется, если он сам пожелает, усыпляют на очень продолжительный срок. Его тело тщательно хранят, потому что, вы понимаете, в этом все дело. Затем осторожно возвращают к жизни. Он не только не подвергается никакой опасности, но в течение своей длинной летаргии (и чем срок дальше, тем верней) излечивается от некоторых внутренних болезней.

— Это удивительно.

— Вы бы согласились испытать это на себе?

— Да вы это серьезно или вы надо мной смеетесь?

— Полноте! Это было бы слишком с моей стороны глупо.

— Но кто же это может сделать? И где?

— Здесь, в Москве. С неделю назад сюда приехал очень замечательный молодой индус-ученый. Я с ним познакомился совершенно случайно. Он здесь пробудет неделю; он остановился на пути

в Париж, чтобы познакомиться с некоторыми здешними врачами и знахарями. Знаете ли вы, что двух наших москвичей он уже усыпил?

— Неужели! Кого же?

— Купца и молоденькую барышню. Купцу предстояло лететь в трубу, а человек был честный и порядочный и потому хотел застрелиться. Я предложил ему пожертвовать собой для опыта. Он взял самый длинный срок — пятьдесят лет. Охотно сам пошел. «Тогда, — говорит, — наверно, люди будут гораздо честнее, а те-перешних я, — говорит, — и видеть не хочу. Пусть их за это время переколют!»

— Ну, а барышня?

— Та от безнадежной любви. Влюбилась в какого-то шута горохового, совсем уж и свадьба была назначена. Вдруг перед самым венцом тот, жених-то, заявляет, что он отказывается, потому что тятенька обещал из дому выгнать и денег гроша не дать. А дело-то у них, понимаете, зашло дальше, чем нужно. Особенных последствий нет, но вокруг ракитова куста уже повенчались. Ну вот вы и представьте себе положение барышни. «Отравлюсь» или «утоплюсь» — и конец. Я и говорю: чем травиться или топиться, поезжайте-ка вы лет на пятьдесят в отпуск на тот свет. Проснетесь опять молоденькая и хорошенькая и карьеру себе еще лучше потом сделаете. Что вы думаете? Согласилась. Повез я ее к моему индусу, и тот ее живо обработал. Дня два тренировал, на третий спеленал, запечатал и лежи!.. Так поедем?

— Ну, а если какая-нибудь ошибка, да не проснешься? Тогда что?

— Все равно, к Страшному Суду проснетесь. Еще лучше, меньше нагрешите. Только на этот раз я шучу, не бойтесь. Наука у них безошибочна...

— Позвольте... но ведь в эти пятьдесят лет меня, то есть мое тело, будет нужно хранить... Вы подумайте только. Разве у нас сберегут как следует? Либо пожар, либо подмочат или заморозят.

— Будьте покойны. У него это все предусмотрено.

— Именно?

— Да что вы меня расспрашиваете? Пойдемте к индусу. Ведь вас никто не неволит непременно засыпать. Поедемте *так*, посмотреть, познакомиться. Зовут его dr. Блэк. Он вам покажет много любопытного. Поговорите с ним. Это большая умница. Вы по-английски говорите?

— Говорю.

— Ну так вам и переводчик не нужен. Пойдемте, право, будете меня потом благодарить...

Мне оставалось только согласиться. Мы вышли, сели на собственную пролетку моего знакомого, и раскормленный рысак, широко раскачиваясь на ходу, понес нас на одну из окраин Москвы.

II. Доктор Блэк и его обстановка

Я посмотрел на часы, когда кучер круто осадил лошадь у старого массивного каменного дома. Было ровно одиннадцать вечера. Луна ярко светила. Мы вошли в ворота, прошли два двора, вышли в калитку и очутились в очень густом и заросшем саду, полном слив, яблонь и груш. Деревья ломились под множеством плодов и были со всех сторон подперты жердями. Пройдя шагов сто по извилистой дорожке, мы увидели узенькую площадку-цветник и за нею двухэтажный каменный особняк, весь оплетенный брионией и диким виноградом.

Четыре окна наверху были освещены голубоватым светом, а внизу, на площадке, за красивым садовым столиком, на котором стояла свеча в круглом стеклянном колпаке, сидел молодой человек в костюме английского туриста и читал газету; на ее заголовке стояло «India News».

— Позвольте вас, господа, познакомить, — произнес по-английски мой спутник.

Он назвал меня. Сидевший за столиком оказался доктором Блэком.

— Это не настоящее его имя, а псевдоним, под которым он пишет в английских журналах и путешествует. Настоящее его имя и не выговоришь. Да вам оно и не нужно.

Доктор Блэк подал мне руку и мягко пожал мою. Никогда еще не видел я такой руки. Она была нежна и совершенно мягка, как будто в ней вовсе не было костей.

Мы уселись, и я мог рассмотреть доктора.

Лета его было трудно определить, как вообще лета человека другой расы. Ему было, по-видимому, не больше тридцати. Маленького роста, очень сухощавый и стройный. Гладко зачесанные черные, как вороново крыло, волосы. Характерный серо-желтоватый цвет кожи. Маленькие усики с остро закрученными концами. Великолепные белые зубы, видимые, впрочем, очень редко, так как доктор почти не смеялся, и замечательные глаза, еще более проникавшие в душу, чем у моего спутника, — глаза почти фосфорические, властные и повелевающие. Мне, мужчине, становилось от них жутко; можно себе представить, как трепетали перед этим взглядом и повиновались ему нервные женщины...

— Я уже собирался уходить, — заметил доктор. — Становится сыро, да только очень хорош вечер. Хотите пройти ко мне наверх?

Доктор говорил без акцента на прекрасном английском языке, но несколько певучее, чем англичане. Мы пошли за ним.

Роскошно отделанная комната была оклеена светло-голубыми обоями и освещалась лампой с горелкой накаливания под синим стеклом. Это придавало всей обстановке некоторую таинственность, усиливавшуюся от своеобразного убранства. Огромный, крытый коврами, диван занимал всю стену; кругом висели дорогие старые гравюры и картины. Большой стеклянный шкаф был наполнен, словно лаборатория, объемистыми склянками с притертыми пробками. В раскрытом сундуке в углу помещались тоже светлые и темные бутыли с жидкостями и металлические ящики с сухими препаратами.

Традиционных принадлежностей всякой магии — скелетов, черепов, чучел и т. п. — не было и в помине. Зато под большим стеклянным колпаком стояли дорогие химические весы.

Тяжелая портьера отделяла соседнюю комнату, которая тоже была освещена, так как в узенькую щель проникал луч света. Пахло слегка лабораторией, хотя были открыты окна.

— Чаю, господа? Я угощу вас превосходным чаем с моей родины.

Доктор два раза ударил в ладоши, и перед нами появился малайский мальчик, одетый в национальный костюм. Блэк сказал ему два слова, тот исчез и через минуту появился с чайным прибором.

Мы расположились поудобнее и между нами начался общий разговор, который скоро перешел на магию, мертвецов и всякую чертовщину. Я, конечно, интересовался больше всего опытами долголетнего сна и хотел узнать все подробности. Особенно занимало меня хранение тела в такой долгий срок, как тридцать или пятьдесят лет. Доктор Блэк охотно отвечал на мои вопросы.

— Я делаю обыкновенно так: помещаю усыпленного пациента в два герметически закрытых ящика; сначала в стеклянный, который запаиваю стеклом, затем этот первый ящик ставлю в очень просторный и прочный железный футляр и, залив промежуток гипсом,

снова запаиваю. Получается укупорка безусловно герметическая. Затем важно только, чтобы вокруг тела не было резких колебаний температуры и, конечно, никакой внешней опасности: пожара, наводнения, разграбления.

— Значит, где же хранить тело лучше всего?

— Я думаю, всего безопаснее похоронить, как обыкновенного мертвеца, лишь бы было достаточно глубоко.

У меня мурашки пошли по коже.

— Ну, а если *в срок не* догадаются или забудут, то и конец? А ну, как он там проснется?

— Сам пациент проснуться не может, а на случай забвения очень легко принять меры. Я составляю самую точнейшую инструкцию, как оживлять, вкладываю ее в запечатанный конверт и делаю надпись: «Вскрыть такого-то года и числа». Этот конверт всегда можно сдать на хранение в совершенно благонадежное место. Я сдаю обыкновенно в Парижскую академию, которая наверно и через пятьдесят лет будет существовать. Когда наступит срок, конверт будет вскрыт. Там найдут полное указание, где похоронен пациент и что с ним надлежит делать.

— Оживление очень трудно?

— Наоборот, оживление гораздо проще усыпления. Довольно вернуть телу нормальную температуру и влить в него живой крови...

— Как влить? Разве кровь будет выпущена?

— Непременно. До последней капли. Только при этом и могут быть безопасно остановлены все жизненные процессы на долгое время. Я останавливаю жизнь, но ее оболочку оставляю и храню в полной готовности жизнь снова принять. Вливается свежая кровь, и тело оживает.

— Но откуда же вы возьмете свежей человеческой крови?

— О, это делается и сейчас! Очень просто. Приглашаются три-четыре здоровых человека. Вскрывается на руке артерия, например, arteria brachialis, и такая же артерия у пациента. Затем обе артерии соединяются гуттаперчевою трубочкой, сердце действует, как насос, и живой человек отдает некоторую долю своей крови. Потом берут часть у другого и т. д. Затем действуют электричеством. Тотчас же восстановляется деятельность сердца, и человек оживает.

— И неужели все отправления будут восстановлены, и разум, **и** память?

— Все в неприкосновенности.

Мы пили чай и продолжали наш разговор. Доктор Блэк и не пытался меня уговаривать подвергнуться его удивительному опыту. Мы попробовали еще каких-то индийских ликеров. Мало-помалу я начал чувствовать сладкую истому во всех членах и понемногу дремать.

Было уже 2 часа ночи. Мы засиделись и не заметили времени. Мой спутник предложил, наконец, мне ехать домой. Но я был бесконечно признателен доктору Блэку, который избавил меня от скучной операции возвращения по скверным московским мостовым. Радушно и просто предложил он мне уснуть на этом же диване; доктор заявил, что он живет один, и я его нисколько не стесню.

Мой спутник распрощался и уехал. Малаец-слуга принес прекрасное белье, подушки и одеяло, и мы расстались с доктором Блэком, сердечно пожав руки и пожелав друг другу доброй ночи.

Я ложился в необыкновенно радужном и светлом настроении, в каком давно себя не чувствовал. Сердце едва билось, но ровно и сладко. Голова была свежа, чудные грезы начинали окружать меня наяву. Прошедшее, настоящее, все заботы, печали, дела куда-то отодвинулись. Я чувствовал себя вне пространства и времени, и это тихое блаженство радости и покоя приписывал удивительным индийским ликерам.

«Разумеется, — думал я, — туда было подложено что-то усыпляющее, наркотическое, здесь у нас в Европе еще неизвестное...»

От овладевшей мной истомы я едва мог раздеться. Грезы становились все прекраснее. Где-то вдали раздавалась чудная тихая музыка, к которой упорно хотелось прислушаться. Этот новый мир охватил меня всего, едва моя голова коснулась подушки. По старой привычке я хотел было закурить папиросу, но сил уже не было...

* * *

Несчастный! Я и не подозревал страшного двойного предательства.- и со стороны моего спутника, привезшего меня сюда, и со стороны этого ужасного доктора Блэка. Мне и на мысль не приходило, чтобы, заснув 25 июля 1899 года в 2 час. 30 мин. утра, я проснулся только 7 октября 1951 г., пролежав пятьдесят один год и два месяца под землей на кладбище одного из московских монастырей и возвращенный к жизни чистейшей случайностью.

III. Пробуждение

Но погибнуть мне не было суждено. Наступил момент моего пробуждения.

Ко мне начало понемногу возвращаться сознание. Затеплилось чуть заметно мое «я», ожил мозг. Я начинал сознавать, что существую; реально это выражалось в том, что было различимо слабое ощущение холода и еще более слабое появление теплоты, как будто меня согревали и никак не могли согреть, не могли одолеть мертвенного холода, который сковывал все мое тело.

Но тела своего я не чувствовал. Я не мог бы найти сам своим самосознанием, где у меня рука, глаз, ухо. А кругом был мрак и мертвая тишина.

Теплота, однако, усиливалась. Понемногу я начал ощущать, вернее, сознавать, несколько мест, очевидно, мне принадлежавших, которые не то терли, не то мяли. Начал чувствовать, как поднимают и опускают мои руки, сгибают ноги, давят грудь и накачивают в легкие воздух. Но я не мог ни открыть глаз, ни чего-либо услышать, кроме неопределенного далекого шума. Затем я почувствовал несколько резких болезненных толчков и сильнейшую боль в спине и конечностях. Шум распадался уже на отдельные голоса. Я слышал почти над самым ухом французские слова:

- Le coeur va bien. II est sauve[394].

Это были первые слова, которые я понял. Но ни ответить, ни шевельнуться, ни открыть глаз я по-прежнему не мог. Сколько времени это происходило, не знаю.

Боль и шум, наконец, прекратились. Я почувствовал, что снова теряю сознание и засыпаю.

Через несколько времени я проснулся и на этот раз уже основательно. Раскрыв глаза, я увидел прямо против себя огромное окно, ярко освещенное солнцем. Лучи заливали всю комнату и мучительно отражались на белых стенах и белоснежном белье моей постели. В креслах у моих ног дремала красивая женщина в сером парусинном платье и белом переднике с красным крестом на груди. Я чувствовал себя бесконечно слабым. Хотел позвать ее и не мог. Попробовал поднять руку, но она тотчас же упала без движения. Мой шорох разбудил сиделку. Она поднялась с места, и наши взгляды встретились.

— Тсс! Не шевелитесь и не говорите. Я сейчас позову доктора.

Она нажала кнопку и вошел служитель.

— Доложите доктору Неведомскому и пошлите сказать профессору Бонпарелю: пациент проснулся.

Я собрал все силы и едва мог спросить шепотом.

— Где я?

— Молчите, молчите. Сейчас придут врачи. Вы в центральной городской клинике для нервных болезней. Мы пробуждаем вас уже десятый день. И вот, наконец, — слава Богу!

Больше она не сказала ничего, да и я был настолько слаб, что стал опять впадать в дремоту.

Через несколько времени я вновь проснулся, почувствовав во рту нечто необыкновенно горькое. Вокруг меня была толпа. Говорили шёпотом. Мои силы постепенно возвращались. Я уже мог отвечать односложными звуками на краткие вопросы француза-профессора. Мне прописали лекарство, назначили ванну, определили питание, и с этого момента началось довольно быстрое восстановление моих сил.

Через пять дней я уже кое-как ходил, пробовал читать газеты, ел порцию «выздоравливающих» и мог довольно определенно узнать, что со мной случилось.

Моя сиделка, оказавшаяся прекрасной сестрой милосердия и очень образованной девушкой, принесла мне кипу разнообразных московских изданий, где говорилось обо мне. Господа репортеры рассказали все так обстоятельно-подробно, что словесное сообщение было бы вполне излишним. Среди статей мелькало множество прекрасных фотографических снимков, сделанных в тексте совершенно неизвестным мне способом, и на этих снимках я мог увидеть все фазы моего пробуждения.

Дело, как оказывается, происходило так. Доктор Блэк, усыпив меня, проделал надо мной все необходимые операции, затем запаял в двойной гроб и тихонько похоронил на кладбище N-ского монастыря в Москве. Была составлена инструкция для моего оживления и, как обещано, сдана на хранение в Парижскую академию.

Вообразите себе, однако, что за год до наступления моего срока в Париже произошла кровавая революция. Правительственным войскам снова пришлось брать Париж, как восемьдесят лет назад. Осада длилась очень долго, и во время бомбардировки Парижская акаде-

мия со всеми ее архивами была почти разрушена. Бумаги прятали куда попало, в подземелья и погреба, и значительная их часть погибла. Мой конверт был найден совершенно случайно в подвале церкви Мадлэн одним из священников, который, прочитав на обложке, что срок вскрытия давно прошел, отнес свою находку к епископу. Там конверт распечатали и узнали, что в Москве, на таком-то кладбище закопан живой человек, которого надо было извлечь и оживить еще год назад!

Подняли тревогу, собрали врачей и назначили особую комиссию с профессором dr. Бонпарелем во главе для поездки в Россию. Здесь, конечно, никаких препятствий не встретилось, мои бренные останки были выкопаны, оживлены, и вот, ваш покорный слуга очутился вновь среди своих соотечественников — увы! — на целых два поколения младших, чем он.

Нечего делать, надо опять жить. Давайте же посмотрим, как устроились и действуют господа наши внуки и правнуки...

IV. Московская пресса

Ко мне еще никого не допускали. Я был почти отрезан от внешнего мира и поэтому первое, что остановило мое внимание, были газеты. Фу, сколько бумаги! Это были огромные простыни, или тетради, выходившие в день двумя, а некоторые даже тремя изданиями. Больше и толще всех была газета «Европеец». Она имела 16 полос большого газетного формата и чуть не половину ее страниц занимали огромные иллюстрации, относящиеся к событиям дня. Под большинством была подпись: «по телефону». А, значит, дошли до передачи картин на расстояния! Большинство сообщений было очень сжато, составляя чуть не одну подпись к картинке. Моему случаю было посвящено несколько великолепных клише.

Последнее относилось ко вчерашнему дню. Репортер-фотограф снял меня во весь рост во время первого моего выхода на прогулку. Скоро!

Другая газета, менее крикливая по внешности и меньше, но с большим вкусом иллюстрированная, носила название «Святая Русь». Ба! Старые знакомые: «Московские Ведомости!», «год издания сто девяносто седьмой». Старуха помолодела, тоже завела иллюстрации

и выросла в огромную тетрадь... Вот «Русские Ведомости». Также ли скучны они, как тогда, в мое время? А объявлений-то, объявлений! Да какие! Это были настоящие публичные лекции с иллюстрациями, чертежами и подробнейшими описаниями преимуществ разных товаров, их выработки, происхождения, материалов и пр.

Я заглянул в текст и сразу на первой же странице «Европейца» натолкнулся на такое воззвание:

«Общество друзей цивилизации и свободы приглашает своих членов и сочувствующих лиц на большое *публичное* собрание сегодня, 12 октября 1951 года, в крытом дворе общества на Воробьевых горах. Начало в 7 час. вечера».

Затем было напечатано следующее:

«Национальное движение последних лет в России настолько овладело общественной жизнью, что друзьям гуманности, свободы и европейской цивилизации приходится напрячь все усилия в последней борьбе. Мы с каждым днем теряем почву. Наше общество пригласило знаменитого германского юриста и историка профессора Аарона Гольденбаума прочесть несколько публичных лекций, чтобы осветить перед нашими друзьями и сторонниками мира и прогресса фатальный вопрос».

Далее шло почти афишными буквами: *Где на Земном шаре искать убежища для свободы и гуманности?*

Отстав на целых пятьдесят лет от современности, я решительно ничего в этом воззвании не понимал. На Воробьевых горах публичное собрание, то есть митинг? Национализм, да еще воинствующий в России, где в мое время чуть не руки целовали всякому иностранцу? Какие-то «друзья цивилизации и свободы» ищут убежища для гуманности... Приглашен профессор Аарон... Ба! Да это еврейская штука! Это они, мои старые друзья, узнаю их.

Инстинктивно развернул я «Московские Ведомости», хотя в мое время мы и не были приучены искать в органе г. Грингмута объяснений по еврейскому вопросу. Но ведь г. Грингмута давно уже нет, и кости его истлели...

Однако «Московские Ведомости» и без г. Грингмута продолжали, по-видимому, нести верную службу национальным началам и консерватизму.

И действительно, в вечернем издании старейшей нашей газеты я нашел относившийся к моему вопросу entrefilet[395].

«Наши космополиты, либералы и гуманисты, — писала газета, - проиграв свое дело по всей линии, напрягают, по собственному их признанию, все усилия в *последней* борьбе. В качестве, вероятно, *последнего* бойца будет ораторствовать на одном из их скопищ на Воробьевых горах небезызвестный еврейский профессор и великий гешефтмахер Аарон Гольденбаум. Любопытно, как-то ему удастся одолеть "варварский" принцип "Россия для русских" и снова закабалить нашу Русь? Не менее любопытно также, где будет им указано "на Земном шаре" убежище для европейской гуманности и свободы после того, как эту гуманность и свободу во второй раз вытурили из их собственных Сирии и Палестины».

Я не мог удержаться от восклицания:

— Хорошо пишут «Московские Ведомости»! Так вот какой, с Божьей помощью, поворот за пятьдесят лет! В России объявились националисты, одолели космополитов! Евреи, в мое время обратившие было Россию в свой Ханаан, чувствуют дело проигранным и собираются уходить. Когда, кто, как совершил это чудо?

Мои размышления были прерваны поданной карточкой: «Махмет Рахим Сакалаев, сотрудник-посетитель газеты "Желтая Идея"».

— Вас одолевали сотрудники газет, но до сегодня их не пускали. Позволяли вас снимать только фотографам. А теперь врачи разрешили, дело зависит от вас. Если хотите, я его пущу. Вам не вредно будет с ним разговаривать? — спросила меня сестра.

— Нет, я думаю, а что?

— Да уж эта «Желтая Идея» очень изуверский орган. Вообразите, проповедуют буддизм, славяно-монгольскую цивилизацию, азиатские идеалы!

— Что же, это хорошо. В мое время этим занимался кн. Ухтомский в «С.-Петербургских Ведомостях». Просите этого Махмет-Рахима...

Не успел я сказать это, как подали другую карточку, тоже репортерскую. Это был «сотрудник-посетитель» «Уличной Жизни», некий господин Солнцев, финансист и правовед.

— Не принимайте его, — заявила сестра. — «Уличная Жизнь» — это отвратительная газета.

— Шантажная, грязная?

— Что такое «шантажная»? — переспросила сестра.

— Как бы вам объяснить? В мое время эта мерзость была обычным явлением. Ну вот, например, редакция газеты пишет про кого-

нибудь гадости с таким расчетом, чтобы тот пришел и откупился. Это называлось шантажом.

— О, нет, не то! Шантажа, как вы его понимаете, у нас в печати, можно сказать, не существует вовсе, и притом давно уже. Грязь тоже выведена. За грязь и общественный соблазн суд налагает очень строгие наказания и даже закрывает газеты. «Уличная Жизнь» просто неустойчива, беспринципна, наконец, нахальна. На днях еще ей в редакции сделали скандал из-за неуважительного отзыва о нашем гениальном Федоте Пантелееве.

Мне не удалось на этот раз узнать, что это за гениальный Федот Пантелеев, потому что нужно было решать вопрос, принять или не принять господина Солнцева, репортера или «сотрудника-посетителя» «Уличной Жизни». Я все-таки решил принять. Эка важность какой-то там неуважительный отзыв о Федоте Пантелееве! В мое время господа редакторы-издатели... Ну да что об этом говорить! И какое дело до какого-то Федота Пантелеева?

V. Новые порядки в печати

Вошел изящнейший молодой человек с небольшим портфелем и вместе с ним служитель с карточкой Махмета-Рахима Сакалаева, на которой было написано карандашом:

«Очень сожалею, что присутствие г. Солнцева помешает нашей беседе, равно сожалею о вашем, совершенно извинительном, впрочем, незнакомстве с нашими литературными условиями. Позвольте навестить вас в другое время».

Я передал карточку Солнцеву, который прочел ее и несколько сконфузился.

— Фанатики!

Сестра отозвалась:

— Не фанатики, а с вами не хотят иметь дела. Стыдитесь, г. Солнцев!

Она повернулась и вышла из комнаты.

— Я ничего не понимаю. Объясните мне, пожалуйста, в чем тут дело и почему против вашей газеты так возбуждены?

— С удовольствием все вам объясню, но прежде позвольте исполнить мою обязанность. В нашем деле дороги минуты, даже секунды. Позвольте предложить вам несколько вопросов. Ваши ответы я запишу и сдам на воздушную почту, а затем я к вашим услугам.

Ои вынул из портфеля крошечную пишущую машинку, вставил листок бумаги, что-то быстро нашлепал и обратился ко мне. Я заметил, что машинка работала без всякого шума, едва слышно.

Допрос оказался самый обыкновенный, как бывало и в мое время. Солнцев желал знать некоторые интимные подробности из моей жизни, еще в печать не попавшие, задавал и другие вопросы о моей эпохе и знаменитых современниках. Записывал он с быстротой лучшего стенографа, так что в десять минут составилась довольно большая статья. Он вложил свое писание в тоненький конверт со штемпелем и передал служителю для отправки отсюда же, с клинической воздушной станции. Затем обратился ко мне:

— Теперь я весь ваш... На десять минут.

— Видите ли, меня ваши газетные дрязги мало интересуют. Но я в свое время был сам журналистом и мне хотелось бы знать, в каком положении печать? Скажите, цензура есть?

— К несчастью, нет. Упразднена.

— Как так «к несчастью»?

— Я не застал цензурных времен, но я глубоко убежден, что тогда писать было гораздо легче и жизнь журналиста была менее отравлена. Вы видели?

— Вы мне говорите невероятные вещи. Вы, литератор, вздыхаете о цензуре! Да что же такое с вами делают сейчас?

— Сейчас? О, Господи! Ну, вычеркнул у вас цензор что-нибудь, хотя и не понимаю, как и что можно вычеркивать, раз говорится спокойно и серьезно... Ну, положим, вычеркнул! Вы печатаете остальное, что вам пропущено и спите спокойно. А теперь дрожи за каждую строку. Наши суды положительно с ума сходят. Недавно одного почтенного человека и старого журналиста посадили на месяц в рабочий дом, как вы думаете, за что? За «предумышленный обман читателя в форме недобросовестной полемики». Слыхали в ваши времена о таких преступлениях? Дальше: закрыли газету за «злостное и постоянное вторжение в частную жизнь и общественный соблазн». А весь соблазн заключался в том, что был помещен роман с несколькими эффектными убийствами. И роман, который читался нарасхват!

— Но как же можно закрывать издание за роман?

— А вот подите же! Обвинитель представил мнение художественного общества, суд вызвал «сведущих людей» и издание запретили.

У нас думают, что рассказы об убийствах и разных преступлениях действуют психически на публику, подготовляя преступления. Да вы знаете ли, что у нас тащат к суду и налагают взыскания за простые сообщения о кражах и мошенничествах?

— Ну, а в политическом отношении как? Печать очень стеснена?

Мой собеседник вздохнул.

— Нет, тут-то свободно. Теории можно проповедовать какие угодно, о политике говорить тоже можно без стеснения. Да что нам политика? Нам важна общественная жизнь; ну, какой может иметь газета успех, если того нельзя, другого нельзя? Ведь все эти «вопросы», я думаю, и в ваше время достаточно публике надоели.

— Значит, по делам печати только суд? А разрешение на издание нужно получать по-прежнему?

— Ах, нужно, но только не по-прежнему. Как прежде лучше было! Есть у вас небольшая протекция, знает вас начальство за человека благонадежного, идите и подавайте прошение. Теперь совсем иначе.

— Насколько я понимаю, разрешение получить стало труднее?

— Еще бы! Да еще как! Нужно представить в управление словесности подробную программу, да не название отделов газеты, а целый свод взглядов и убеждений, которые будет проводить орган, затем представить доказательства беспорочного и вполне нравственного прошлого, список своих литературных работ... Да не угодно ли еще эту представленную программу защитить в публичном собрании при управлении словесности!..

— Что это за управление словесности?

— А это отделение при Славянской академии.

— Как вы сказали: Славянской?

— Да! Ведь вы не знаете, что Академия наук, которая была при вас, была переименована сначала в Российскую, а потом в Славянскую академию. Это случилось лет двадцать назад, когда взяли Царьград.

— Разве Константинополь наш?

— Да, это четвертая наша столица.

— Простите, пожалуйста, а первые три?

— Правительство в Киеве. Вторая столица - Москва, третья - Петербург.

Все это было для меня, разумеется, новостью, и я стал расспрашивать моего собеседника об исторических подробностях совершившихся великих событий, но тому, к несчастью, было некогда.

Его десять минут прошли. Он торопился и скоро от меня ушел. Я хотел было приняться за сестру, но та вошла с развернутой бумагой, только что полученной, и сообщила мне, что, согласно решению городской Думы, мне назначено пребывание и полное содержание в странноприимном управлении прихода Николы на Плотниках впредь до того времени, когда, «по ознакомлении с новым укладом жизни и обстоятельствами, я могу стать самостоятельным и полезным членом общества».

Так гласила присланная из городской Управы бумага.

В тот же день, часов около шести вечера, в сопровождении доктора и сторожа, я был перевезен в прекрасной клинической карете на Арбат и сдан на попечение управляющему странноприимного дома Степану Степановичу Памфилову. Мне отвели скромную, но чистую и уютную комнату, и я, еще слабый и уставший, как от разговоров и впечатлений, так и от переезда, поскорее залег в постель, чтобы собраться с силами для новых предстоявших мне впечатлений.

VI. Приходский дом и учреждения

Да-с, многое за это время пережила Москва! Ее теперь совсем узнать нельзя, — наше поколение начинает уже не верить тому, что рассказывается в старых книгах. Серьезно: я даже представить себе не могу. Неужели в ваше время люди могли спокойно жить, не разбегаясь или не вешаясь с отчаяния?

Так говорил Степан Степанович, мой гостеприимный хозяин, управляющий странноприимным отделением в приходе Николы на Плотниках. Здоровье мое достаточно восстановилось, чтобы можно было безопасно изучать-новую Москву и ее распорядки, и я охотно принял предложение Степана Степановича — осмотреть здешние приходские учреждения.

Как раз на сегодня было кстати назначено заседание собрания приходских уполномоченных, которому предстояло обсуждение чрезвычайно важного, поднятого в Думе, вопроса. Речь шла о непомерном размножении в Москве еврейского и иностранного элемента, сделавшего старую русскую Москву совершенно международным и еврейским городом.

Так стояло в повестке. Этот важный вопрос о борьбе с чужеродным населением, совершенно было покорившим и обезличившим

Москву, Дума передала на предварительное обсуждение приходских собраний.

— Где же собирается ваше приходское собрание? — спросил я.

— В приходском доме.

— Что это за приходской дом?

— Да вот этот самый, где мы с вами находимся. Ведь я уже имел честь об этом докладывать.

— Верно, верно, но вы простите мою рассеянность. Все это ведь для меня совершенная новость.

Степан Степанович улыбнулся.

— А при вас этих домов не было?

— Были дома причта. Про приходские дома я и не слышал.

— Но где же у вас собирались приходские собрания?

Я начал припоминать и не мог припомнить.

— Неужели в наемном помещении? Но тогда как же выражались ваши приходские капиталы? У нас они помещены в домах. Неужели вы их держали в процентных ваших бумагах?

Теперь я сделал удивленное лицо.

— Какие приходские капиталы? У нас были капиталы духовного ведомства, были церковные деньги. О приходских капиталах я ничего не знаю. Да и относительно приходских собраний я тоже ничего не могу сказать. Кажется, у нас их тоже не было.

— Но как же у вас выбирали священника, например?

— У нас священников не выбирали...

— Ах, виноват, виноват! Ведь выборное начало восстановлено всего сорок лет назад, а вы проспали пятьдесят. Да, да, у вас действительно и приходских собраний не было, да, собственно говоря, не было и прихода... Ну, так вот вы посмотрите, как это устроено теперь...

В эту минуту в комнату вошел полицейский. Он доложил, что из центральной больницы для умалишенных доставили выздоровевшего больного, который возвращается в приход на попечение родных, под наблюдением странноприимного управления. Степан Степанович удалился к больному, а я остался с полицейским, присевшим отдохнуть с дороги.

На нем был красивый синий кафтан, а на груди серебряный знак с обозначением прихода.

— Вы на службе у прихода?

— Так точно, — отвечал полицейский, оказавшийся рязанским уроженцем.

— А кто вами начальствует?

— Мы находимся в распоряжении приходского пристава.

— Это что же такое? Вроде прежних частных приставов или участковых?

— Не могу знать, о чем вы изволите спрашивать. Наш приходской пристав выбирается приходским собранием, а утверждается градоначальником. Сколько приходов, столько и приставов...

— Что же, ваш пристав под начальством у градоначальника, рапортует ему?

Полицейский улыбнулся.

— Мудреное вы слово сказали, господин, должно быть — по-старинному... Что это значит — *рапортует*? Господа пристава с градоначальником разговаривают по проволоке, а каждую субботу собираются по «концам» на кончанские советы. Там обсуждают разные наши полицейские дела.

— Это что же за «концы» такие?

— А это большие городские части. У каждого конца свое управление и свой голова.

— Сколько же всех в Москве концов?

— Пока двадцать, но, вероятно, прибавится, потому что очень уж наш город разрастается.

— А сколько теперь в Москве жителей?

— С чем-то четыре миллиона.

— Вот как!

Степан Степанович воротился и стал торопить меня на собрание; до его открытия оставалось всего десять минут; впрочем, идти было недалеко. Зала собраний помещалась в том же приходском доме.

«Приходской дом» представлял собой грандиозное четырехэтажное здание со множеством прекрасных квартир и несколькими залами для собраний. Одна из зал, самая большая, предназначалась для общих собраний всего прихода, торжеств и публичных чтений, в меньших залах происходили заседания обыкновенных приходских собраний и разных комиссий, а также читались всевозможные дневные и вечерние курсы.

Казенные квартиры были отведены приходскому голове, духовенству, приходскому казначею, приставу, судье, заведующему школами, эконому, носившему название «распорядителя по хозяйственной части», приходскому врачу, акушерке, учителям и многим другим служащим. Одна из больших зал была обращена в зимний храм, так как старинная, тщательно реставрированная и охраняемая, каменная церковка была слишком тесна и в ней служили только летом.

Внутри обширного двора помещался роскошный зимний сад под общей стеклянной крышей, в котором возилась детвора. Везде, разумеется, была проведена вода, все отлично освещено и соединено разнообразными сигнальными аппаратами. В одном из этажей находилась пневматическая почта. Внизу, в подвалах, были обширные склады разнообразных материалов и припасов, принадлежащих приходским учреждениям.

VII. Приходская казна. Общественный кредит

Мы прошли несколько лестниц и коридоров. Я обратил внимание на массивные дубовые двери с табличкой: «Приходская казна».

— Там у вас хранятся деньги?

— Ваш вопрос не совсем ясен для меня. Как мы их будем хранить и зачем?

— Разве вы живете без денег?

— Нет, у нас деньги есть, то есть мы считаем на деньги. Ваш старинный рубль так и остался рубль. Но я бы желал посмотреть на чудака, который стал бы теперь носить деньги в кармане или деньгами платить. Мы рассчитываемся чеками.

— А! Это и мы знали. Только в мое время чеки были в ходу в одной Англии. У нас было золото, серебро и бумажки.

— Знаю, знаю! Воображаю себе, как это было неудобно. Носить в кармане металлические кружки! Во-первых — тяжесть, во-вторых, можно было выронить, а затем — какая потеря времени считать деньги, менять их, брать сдачу!

— Разве теперь этого ничего нет?

Степан Степанович улыбнулся.

— Металлические деньги лет двадцать, как вышли из употребления вовсе. Их теперь нет нигде, разве в музеях. Теперь даже и бумажные деньги становятся редкостью. У каждого из нас есть открытый счет в приходской казне, а в кармане — чековая книжка. Подумайте

сами: не гораздо ли же проще взять книжку, написать на листочке две-три цифры и отдать этот листок, чем платить по-вашему?

— Позвольте! Как так? Ну, а если моего чека не возьмут?

— Как же не возьмут, если на нем напечатано ваше имя и звание прихода?

— Ну, хорошо. Значит, я могу написать на чеке какую угодно цифру?

— Какую угодно, конечно, смотря по тому, сколько у вас есть денег на счету в казне.

— Ну, а если я имею, скажем, сто рублей, а напишу чек на двести?

— Не понимаю. Как же вы это сделаете?

— Да очень просто. Возьму и напишу: «200 рублей».

Степан Степанович задумался.

— Нет, вы этого не сделаете.

— Да почему же?

— А потому, что это было бы очень... глупо.

Теперь я ничего не понимал. Что это было бы мошенничество, это — ясно. Ну, так и говори. Но почему же это глупо?

Степан Степанович пришел на помощь моему затруднению. Он спросил меня:

— Вы мне объясните: зачем и кому это может понадобиться?

— Странные у вас понятия, господа. Ну, да вот, например, у меня в кармане... виноват, «на счету» сто рублей. А в магазине я высмотрел шубу, за которую просят 200. Если у меня хватит совести, я чек и выдам.

— Голубчик мой, ей-Богу, вы бредите или говорите явные несообразности. Уверяю вас, что вы этого не сделаете. Начать с того, что вам незачем идти в незнакомый магазин. Вы придете в нашу «палату образцов» и выберете себе ту вещь, которая понравится; затем вам ее вытребуют по телефону из склада или закажут по вашей мерке. Вы заплатите чеком.

— Ну, хорошо. Вот я там и дам чек выше, чем имею право.

— Да не дадите, уверяю вас! Во-первых, наш заведующий образцами одежды знает весь приход поголовно, — следовательно, знает и вас, так как вы не в первый же раз приходите покупать платье. Во-вторых, если вы подобный чек дадите, вас завтра же, по окончании дневных счетов в казне, пригласят туда и попросят исправить вашу ошибку, то есть пополнить цифру вашего кредита. Поверьте,

вас даже не заподозрят в злом умысле, а только попеняют вам за небрежность.

— Ну, а если я не пополню?

— Взыщут с вашего имущества.

— А если у меня не окажется имущества?

— Этого случая быть не может. Тогда у вас есть поручитель, - иначе не может быть и чековой книжки...

— Вот как!

— Разумеется; если у вас нет имущества, а только личный труд, вам может быть открыт кредит только за чьим-нибудь поручительством. Конечно, это лицо будет известно приходскому казначею.

— Значит, взыщут с него, с этого поручителя?

— Да, запишут на его счет и его уведомят, а уж вы ведайтесь с ним сами. При этом имейте в виду, что по его заявлению о прекращении поручительства ваша чековая книжка отбирается и вы нигде не достанете ни гроша.

— Ну, а если я книжку не отдам?

— Этого случая я не знаю, но в законе на этот счет предусмотрено. Ваше имя публикуется в списке людей неблагонадежных, и вы тотчас же очутитесь вне общества. Знаете, это — ужасное положение! Так можно умереть с голоду или попасть в рабочий дом; вам останется просить милостыню, а это у нас — тяжкое преступление. За него сейчас же у нас под замок и на работу...

— Да, этак, пожалуй, у вас мошенничать трудно.

— Уверяю вас, совершенно нельзя.

Кое-как я этот порядок понял. Но многое все-таки мне оставалось еще неясным. Я спросил:

— Ну, а как же быть жителю другого города или другого прихода? Ведь чужие чеки, надеюсь, не ходят?

— Наши приходские чеки ходят по всей Москве. Злоупотреблений опять-таки быть не может, потому что все кассы связаны телефоном. А когда кто-нибудь уезжает из Москвы, он берет кредитивы на местные кассы.

— И злоупотреблений не бывает?

Степан Степанович рассмеялся.

— Наконец-то я вас понял и совершенно извиняю. Вам везде мерещатся подвохи и злоупотребления. Вот, должно быть, мошенническое было ваше время!..

— Неужели у вас все так уж честны?

— Как вам сказать? Люди — всегда люди. Но вы обратите внимание вот на что. За триста, за четыреста лет перед вами вся Европа кишела разбойниками. Убивали и грабили на всех дорогах. Тогдашний честный человек ехал в дорогу вооруженный с ног до головы, иногда даже с конвоем. Попробовали бы вы ему сказать, что наступит такое время, когда все дороги будут безопасны и можно будет ехать за тысячи верст без всякого оружия, — он бы не поверил и расхохотался. Так вот и вы не верите, что наш век справился с мошенничеством и почти совсем его вывел. Однако это так.

VIII. Духовенство. Приходское собрание

Мы подошли к небольшой зале, где уже собралось человек пятьдесят мужчин и дам, скромно одетых, с какими-то значками на груди. Моего спутника сердечно приветствовали. Я в моем костюме конца XIX века возбуждал общее любопытство. Мне самому было неловко в моем куцом сюртучке и узких панталонах среди толпы в красивых и просторных одеждах, несколько напоминавших наши древнерусские образцы, но значительно улучшенные. Меня рассматривали совершенно так же, как бы мы рассматривали неожиданно появившегося среди нас современника Екатерины II[Wl] в парике с пудрой и французском кафтане.

Часы пробили 8 вечера, и в залу вошли два благообразных старика. Один из них, судя по одежде, был священник. У другого на груди была массивная золотая цепь с бляхой, наподобие наших знаков мировых судей. Публика в зале почтительно расступилась, многие подходили к священнику под благословение и целовали его руку.

— Я думаю, батюшка, можно начинать? — спросил человек с цепью.

— Да вот, что-то отец дьякон замешкался, — отвечал старик-священник, поглядывая на дверь.

— У отца дьякона сейчас кончился школьный совет, — заметила одна дама. — Я видела, как он торопился. Забежал, должно быть, к себе выпить стакан чаю.

— Чай бы ему и здесь подали, — заметил человек с цепью. — Что же задерживать собрание?

— Кто это? — спросил я у моего спутника.

— Наш приходской голова. Строгий человек. Был предводителем дворянства в своем уезде, теперь переехал в Москву и поселился в нашем приходе. Замечательный человек.

— А! Так у вас дворянство еще есть?

Степан Степанович даже обиделся.

— Не только есть, но и пользуется большим уважением. Правда, его значительно меньше, чем было в ваше время, но зато это действительно цвет земли Русской. Теперь дворянства не высидишь в канцелярии, — это время прошло. Теперь дворянство дается лишь за действительные заслуги Царю и Родине, а не за продырявление казенных стульев. Да, кстати, и чинов нет. Их упразднили уже лет тридцать тому назад.

— Ну, а другие титулы остались?

— Остались, конечно. Есть и графы, и князья. Бароны больше иностранцы и евреи. Была такая полоса в начале XX века, когда Россия попала в очень тяжелые финансовые обстоятельства. Тогда множество евреев нахватало баронских титулов. Но теперь баронства больше не дают. Да и графства тоже не дают, потому что все это - иностранщина. Но зато восстановлено древнерусское боярство.

Около нас проходил старик-священник, оживленно беседовавший с пожилой дамой.

— Вашего священника, кажется, здесь очень уважают, — заметил я.

— Да, это — выдающейся по уму и высокой нравственной жизни человек, — отвечал Степан Степанович. — За это его и избрали.

— Он, вероятно, глубокого богословского образования?

— Ошибаетесь. Он — крестьянин, почти нигде не учившийся. Правда, он очень начитан в Священном Писании. Но его избрали не столько за это, сколько за его жизнь.

— Крестьянин? — переспросил я. — Но как же вы его узнали и определили его достоинства?

— Он очень долго жил в нашем приходе. У него была столярная мастерская... Однако странные вы задаете вопросы: да разве же при нашей широкой и открытой общественной жизни выдающийся человек может надолго остаться в тени? Мало того: мы три года упрашивали отца Никанора принять сан священника. Сам владыка его просил.

— Вот как. Что же, вероятно, теперь и большинство духовенства из простого народа? Ведь там всего непосредственнее вера и глубже благочестие.

— Нет, наше духовенство из всех сословий. Вот, например, наш отец дьякон родовитый князь, и даже Рюрикович. Явилось призвание — и он надел рясу... А вот и он кстати.

В эту минуту раздался громкий и протяжный звонок. Члены приходского совета заняли места за большим столом, покрытым голубым сукном, все встали, повернувшись, лицом к большому, окруженному лампадами, образу святителя Николая, и пропели хором старый великолепный тропарь святому: «Правило веры и образ кротости».

Затем все уселись, и приходской голова объявил собрание открытым.

IX. История еврейского вопроса

Все смолкло. Секретарь прочел протокол предыдущего заседания, который и был утвержден без возражений. Затем председатель поднялся и в коротких словах изложил сущность вопроса в том виде, как ставила его Дума на обсуждение приходских собраний. Речь шла о завершении нашего национального возрождения путем устранения еще очень сильного еврейского влияния на городские дела, а также о борьбе с многочисленным и сильным иностранным элементом Москвы, не принадлежавшим к новой приходской организации.

Голова предпослал краткий исторический очерк еврейского вопроса в России. Все, что происходило в XIX столетии, было мне хорошо известно, но с середины 1899 года нить моих сведений обрывалась, и я с жадностью вслушивался и ловил совершенно новые для меня факты.

Начало XX века было ознаменовано, с одной стороны, установлением почти полной еврейской равноправности, с другой — чрезвычайно сильными и частыми еврейскими погромами во всей Европейской России и даже в Сибири, усмиренными повсюду военного силой.

Началось с того, что в трудную финансовую минуту под давлением парижского Ротшильда, в руках которого фактически находился регулятор государственного кредита России, была упразднена черта еврейской оседлости и евреям было разрешено не только селиться в городах раньше запретной для них части России, но и покупать земли в селениях, сначала в ограниченном размере и по особому разрешению местных властей, затем без всякого ограничения. Поднялось массовое передвижение евреев во внутрь страны. Не осталось почти ни одного вида торговли или промышленности, который не был бы ими захвачен. Вслед затем было уничтожено процентное отношение для учащихся евреев почти во всех средних и высших учебных заведениях. За эти две льготы Ротшильд дал нам возможность заключить два больших металлических займа.

Последней льготой было допущение евреев-офицеров на службу. В самое короткое время ими были переполнены все военные и юнкерские училища и во многих выпусках кряду число евреев-офицеров доходило до 60 и 70 % всего числа производимых юнкеров.

По мере того, как расширялись права евреев и они стремительно расселялись по России, скупая дома, земли, основывая фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы, росло против них народное возбуждение, сдавленное недавними кровавыми репрессиями, но каждую минуту готовое выразиться в самых резких формах. Обнаружилось разложение в нашей прекрасной и доблестной армии. С одной стороны, при военном усмирении еврейских погромов солдаты начинали плохо слушаться евреев-офицеров и выражали охоту присоединяться к бушевавшим толпам, что совсем уже компрометировало и армию, и законный порядок, с другой стороны — между евреями-офицерами, занимавшими должности по Главному Штабу, нашлось несколько личностей, выдававших иностранным державам наши важнейшие военные секреты. Полковник Зильберштейн продал одной соседней державе новейший план мобилизации нашей западной границы, был судим и приговорен к расстрелу, но помилован и только заключен пожизненно в крепость. Профессор военной академии генерал Мордух Иохелес в 1922 году скопировал тоже для соседней державы планы двух наших важнейших крепостей, был пойман, уличен и повешен.

В первый раз не без тяжелых колебаний правительство решилось принять некоторые меры, и в 1924 году было издано распоряжение, в силу которого евреи впредь не должны были иметь доступа в Главный Штаб, артиллерию и инженерные войска. Это вызвало взрыв

негодования во всей Европе, которая в это время была уже в совершенном подчинении евреям. В нашей армии произошел крупный раскол, и отношения офицеров-русских к офицерам-евреям до крайности обострились. Дуэли происходили чуть не ежедневно, и дисциплина, видимо, падала.

Новый ряд страшных еврейских погромов довершил дело. Кроткий и незлобивый русский народ был раздражен до такой степени еврейской эксплуатацией, что доходил в отдельных случаях до неслыханных зверств. Но права евреям были даны, ими они успели уже широко воспользоваться, и отнять их назад или вновь восстановить границу оседлости было невозможно. Правительство было совершенно бессильно справиться с обострившимся до последних пределов еврейским вопросом.

Поворот начался с великой финансовой катастрофы, разразившейся во второй половине 20-х годов. Говоривший не останавливался на ней подробно, но я понял, что эта катастрофа каким-то образом развязала нам руки, и с этого момента началось как постепенное наше освобождение от давления иностранного биржевого еврейства, так и наше национальное возрождение.

Но самым могущественным толчком на пути этого возрождения было восстановление нашего древнего церковно-общинного строя. Начало этому делу было положено еще в 1910 году устройством прихода как низшей земской и городской единицы и восстановлением избираемого приходом духовенства.

Эта законодательная мера приветствовалась взрывом всеобщей радости. У православных русских людей явилась точка опоры, восстановилась союзность, упраздненная в течение почти 200 лет. Наряду со всемогущим еврейским кагалом явилась тесно сплоченная православная организация в лице бесчисленных церковных общин. С евреями началась не законодательная, а чисто культурная борьба, и в этой борьбе в первый раз за огромный срок победа начала склоняться на сторону коренных русских людей, которые, наконец, почувствовали себя хозяевами земли своей.

Вопрос, который Московская городская дума ставила на обсуждение приходских собраний, был следующий. Основанная в 1939 году специально для борьбы с еврейской и иностранной эксплуатацией России газета «Святая Русь» поддерживала вот уже двенадцать лет неустанную патриотическую агитацию в том смысле, что христиане

должны ничего не покупать у евреев, ничего им не продавать, не входить ни в какие сделки и отношения, изолировать их в общественном смысле и заставлять ликвидировать дела и уходить. Этим способом освободилась от евреев русская Польша, откуда они все мало-помалу перекочевали в Россию. А уж Польша ли не была в свое время истинным Ханааном?

Проповедь эта имела полный успех, и начавшееся по всей России движение, совершенно мирное и чуждое всякого оттенка насилия, оказалось для евреев страшнее самых кровавых погромов. Приходское устройство и правильная постановка общественного кредита при изобилии и дешевизне денег необыкновенно помогали в борьбе.

Евреи начинали терять почву. Приходы открывали собственные склады, мастерские, магазины. Чековая система, сама собой вошедшая в жизнь после финансового краха и полного исчезновения металлических денег, делала самостоятельными и независимыми даже самых слабых. Не помогали никакие хитрости и торговые выдумки. В первый раз за всю свою историю евреи были поставлены в необходимость кормить себя сами, кормить руками, а не изворотливостью, так как в их услугах переставало с каждым днем нуждаться организованное общество. Что оставалось делать?

Уходить? Но куда? Европа вся была переполнена. Из Палестины, вновь было захваченной евреями, их усердно гнали арабы, сирийцы, греки... И вот началось массовое принятие евреями православия, что давало одно из главных и драгоценных по времени прав: право сделаться членом прихода.

Движение это настолько беспокоило коренных русских людей, что церковное правительство задалось вопросом о желательности и полезности таких обращений, и последний поместный собор епископов Московской области выработал специальный законопроект, который предлагал внести в ближайшую сессию Государственного Совета. Проект этот заключался в том, чтобы допускать до крещения только тех евреев, искренность обращения коих будет засвидетельствована приходским собранием уполномоченных и притом не ранее, как через пять лет после заявленного о том ходатайства.

Но и этого ревностным защитникам чистоты русской народности казалось мало. Предлагалось на новых христиан не распространять полных прав членов прихода, а только на их детей. Другая

редакция законопроекта требовала для принятия в церковную общину ходатайства за каждого данного еврея со стороны самого приходского общества в лице '/, всех голосов. Было очевидно, что при этих условиях разве совершенно исключительный по своим нравственным качествам еврей мог быть принят, как член прихода.

Это предложение архиерейского собора и было городской думой передано на обсуждение приходских уполномоченных.

X. Трагедия народа Божия

Речь председателя кончилась. Слово было предоставлено юристу профессору Матвееву, одному из влиятельнейших прихожан и бесплатному юрисконсульту прихода. Поднялся скромного вида не старый еще человек в больших синих очках и начал горячо доказывать уместность и необходимость нового закона.

— Основное право всякого организованного общества, — говорил он, — есть право самоопределения. Нельзя заставлять ту или иную группу людей принимать в свою среду то лицо, которое она не захотела бы принять добровольно. При страшном развитии еврейской силы и влияния в России только один приход показал свою жизнеспособность в смысле сопротивления евреям. Только приход ими не захвачен. Евреи, входящие к нам в качестве наших сочленов, ничего не внесут, кроме разложения, раздора и недобросовестности. Неужели после достигнутых успехов мы снова дадим им укрепиться и забрать нас в руки? А теперь опасность больше, так как евреи стремятся проникнуть в самую нашу цитадель.

Оратору возражали, что с принятием христианства, хотя бы и не совсем искренним, а лишь по нужде, еврей выходит из своей национальной организации, прерывает с ней связь и, становясь членом православного общества, мало-помалу в нем растворяется.

— Слыхали мы это! — заговорил пожилой человек с гривой густых черных волос, сидевший вдали от стола. — Но ведь не забывайте, господа, что борьба с евреями идет не религиозная, а племенная. В этом все дело. Еврей-мозаист и еврей-христианин, на мой взгляд, одно и то же. Религия ничего не переменит ни в его взглядах, ни во вкусах, ни в образе действий. Его кровь совсем иная, чем наша, равно, как и его психология. Нашей ли группы член или своей, он будет всегда одним и тем же элементом гибели и разложения для

всякой страны, для всякого общества. К чему отуманивать себя заведомо несостоятельными рассуждениями? Пусть евреи живут, как могут и как умеют. Правительство встало на совершенно справедливую и прекрасную точку зрения. Никто не нарушает прав евреев и не домогается их умаления. Но не нарушайте же и наших прав, прав христианского общества, прав хозяев этой земли. Мы не желаем иметь евреев членами нашей церковной общины, мы не верим в искренность их обращения — и аминь! Пусть остаются вне нас и устраиваются, как хотят.

Защитником евреев выступил один молодой еще член совета. Он сказал примерно следующее:

— Станьте же на минуту, господа, и на еврейскую точку зрения. Обратите внимание на то, что делается в Москве, и оцените результаты. Почти во всех приходах идет настоящая война, хотя и совершенно мирная, но тем более беспощадная. Образуются группы, дающие друг другу слово ничего у евреев не покупать и ни в какие деловые отношения с ними не входить. За какие-нибудь пять лет приостановилась чуть не половина еврейских торговых дел. Многие из них были вынуждены продать свои дома и земли, ибо квартиры стоят не занятыми, а на сельские работы никто не идет. Что остается делать евреям? Ведь жить же нужно! Ведь такие стачки, какие теперь устраиваются против них повсюду, хуже, чем средневековые гонения. Если мы не на словах, а на деле христиане, мы должны быть милосердны и терпимы...

Профессор не выдержал и попросил слова:

— Все это жалкие слова, — заявил он. — И сейчас, как пятьдесят и сто лет назад, еврейский вопрос один и тот же. Евреи не желают заниматься производительным и вообще черным трудом, не хотят тянуть общую лямку с христианами. Им нужно *господство*, нужна торговля, нужен легкий умственный труд, нужен простор для «комбинаций» и гешефтов. Как не заставите вы волка есть траву — так не заставите еврея трудиться наравне с нами. Вспомните, как еще недавно мы задыхались в их тисках и с какими страшными усилиями освободились. Оглянитесь, какое ужасное наследство остается еще от этой несчастной исторической полосы. Неужели же всего этого недостаточно для нашего вразумления?

Прения затягивались. Я видел, как ораторы кружились вокруг одного пункта, который и в мое время составлял камень преткно-

веиия при решении еврейского вопроса: с одной стороны — высокие понятия человечности, братства во Христе и пр., с другой — явные, доказанные и вековым опытом проверенные противообщественные, чисто расовые свойства евреев.

Дав высказаться всем, старик священник пожелал вставить и свое мудрое слово.

— Борьба борьбе рознь, друзья мои, — сказал он. — При самой высокой христианской любви ко всем, нельзя осудить человека, который, располагая полной свободой действия, идет, например, к врачу-христианину и дает ему заработок и не желает лечиться у врача-еврея, осуждая последнего сидеть без дела. Я не могу осудить никого из нас, составляющих здешнее или иное церковное общество, за то, что он не захочет допустить в свою среду, — а эта среда — наша семья — чуждого по духу и крови человека только потому, что этот чужеродец заявил под давлением обстоятельств о принятии нашей веры. Мы не можем войти к нему в душу и проверить его искренность, но, к несчастью, мы уже имеем слишком частые примеры разложения дружной и доброй приходской жизни вследствие появления евреев в качестве равноправных членов православной семьи. Избави Бог от угнетения и насилия над кем бы то ни было. Евреи теперь полноправны. Им открыты все роды деятельности. Русский народ не гонит их из земли своей. Он желает лишь, чтобы они изменили, насколько можно, свою природу, а не только свои верования. А изменится эта природа только тогда, когда не будет для них никаких иных способов жизни, кроме такого же труда, какой несет и весь русский народ. Пусть идут на землю, пусть переделываются духовно, и тогда христианство не будет для них одним лишь внешним оружием для удержания их нынешних способов жизни. А не захотят этого, да будет им ведомо отныне и навсегда, что уступок им никаких не будет и вся православная Русь, как один человек, ответит: вы нам не нужны!

Раздались крики: «Да», «да», «не нужны!» Председатель сказал несколько слов, заключая прения. Затем было предложено согласным с думским проектом сидеть, несогласным встать. Последних оказалось из 48 присутствовавших только двое: говоривший после профессора оратор и худой высокий старик с семитским профилем и совершенно белой бородой. Это был аптекарь-еврей, лет тридцать уже как принявший христианство по глубокому убеждению и принявший его тогда, когда такой шаг ровно никаких выгод не сулил...

Я заметил у этого почтенного человека платок в руке. Глаза его были влажны. Он плакал.

Вечная, неизменная в своем существе трагедия разыгрывалась и здесь, как и в мое время. Менялись формы, но содержание оставалось. Виноватых не было, зато тем тяжелее было видеть глубокое человеческое горе, незаслуженное лично, но тем более оскорбительное, тем более тяжкое.

Заседание кончилось пением хора, и мы тихо разошлись. В этот вечер решилась и моя судьба. Мне было ассигновано городом пособие в размере 2400 руб. в течение одного года при полной свободе приискать себе род занятий и место жительства. Я решил сделать небольшое путешествие, чтобы посмотреть обновленную Родину и посетить места дорогого мне детства.

XI. Мой отъезд. Железные дороги

Утром на следующий день Степан Степанович вручил мне бумагу, которую привожу полностью. Она являлась одновременно и моим паспортом, и кредитивом.

Управление города Москвы
ГОРОДСКАЯ КАЗНА
22 октября 1951 года
Д. № 28.261.

Предъявитель сего дворянин такой-то, согласно дневной записи Московского Городского Совета от 20-го текущего октября, утвержденной городским головой, имеет доверие в каждой открытой кассе Российской Империи с 1 ноября 1951 года в течение одного года на 200 руб. в месяц, выдаваемых на основании прилагаемого расчетного листа в одолжение Московской городской казны.

Главный казначей *Лишин.*
Начальник счетоводства *Петров.*

Вторая половина листа состояла из двенадцати «расчетных ярлыков» за одним и тем же нумером, которые должны были отрезаться по предъявлении, в обмен на чековую книжку.

На эти 200 руб. в месяц, принимая во внимание вздорожание многих предметов против моего времени, то есть относительную дешевизну денег, широко путешествовать было, понятно, нельзя. Этой суммы хватило бы только в обрез. Но мне как журналисту, попавшему в столь любопытное и исключительное положение, было уже предложено несколькими редакциями очень выгодное сотрудничество. Я остановился на двух изданиях: одном столичном — киевском и одном московском, куда должен был посылать корреспонденции. Через самое короткое время я получил денежные кредитивы от обоих изданий, точно так же на все «открытые кассы Российской Империи». Теперь я мог выехать из Москвы, не откладывая, хотя на дворе стояла глубокая осень и была скверная, сырая погода. Я думал, и как оказалось, совершенно основательно, что наши мудрые господа потомки будут иметь и осенью в деревне достаточный комфорт, — не так, как в наше время, и что в родных местах я, по крайней мере, не утону в грязи. Проводить меня на вокзал вызвалась хорошенькая дочь Степана Степановича, Дарья Степановна, ради которой я даже дня на два отложил свой отъезд. Собственно говоря, провожала не она меня, а я ее. Вместе с группой подруг-сверстниц она отправлялась в путешествие по Кавказу и Персии. Барышням, знавшим обо мне все подробности из газет, было очень любопытно хоть часть дороги проехать с живым человеком XIX столетия. Девицы только что окончили свое образование и предпринимали поездку-прогулку как ради развлечения и отдыха, так и для ознакомления с отечеством. Такие прогулки были, как оказывается, для всей учащейся молодежи как бы последней школой. Они продолжались несколько месяцев, причем и государство, и общественные управления широко приходили на помощь молодежи, выдавая путевые пособия и понижая до последних пределов цены на проезд и на все то, что можно было иметь от казны, земства, городов или приходов. Таким образом, Степану Степановичу это путешествие его дочери в течение месяцев шести могло обойтись никак не дороже 200-300 руб., что было вполне в его средствах.

Отъезд наш произошел так: было сказано по телефону насчет багажа и билетов. Утром явился агент железной дороги, который вручил нам ярлычки наших мест в вагонах и забрал чемоданы [illegible]мой и Дарьи Степановны. В 4 часа дня, после раннего обеда и сердечного прощания с отцом моей спутницы, мы вышли на Арбат,

прошли несколько шагов, подождали две-три минуты, пропустили несколько электрических вагонов, бежавших не туда, куда нам было нужно, и вошли в свой, отправлявшийся на Южную железную дорогу.

Как и в мое время, по улицам шли пешеходы и ехали в два ряда извозчики и частные экипажи. Тротуары были шире, дома выше, мостовые превосходные. Несмотря на шедший в эти дни дождь, грязи не было и в помине. Меня поразило отсутствие автомобилей и велосипедов.

— И то и другое давно уже запрещено Думой, — объяснила моя спутница. — Автомобили лет тридцать назад совсем было упразднили лошадей. Жизнь в городе стала невыносимой до того, что участились помешательства. А что касается до велосипедов, то было обнаружено не только увеличение всяких расстройств, но даже некоторое как бы одичание среди пользовавшихся ими. И вот сначала велосипеды были запрещены для женщин, затем изъяты из употребления и вовсе.

Через 10 минут мы были на Садовой, где я узнал новый в мое время вокзал Курской и Нижегородской дорог, теперь значительно расширенный и обратившийся в центральный городской вокзал, от которого двигалось в разные стороны до 1400 поездов в день, а в праздники — свыше 2 тыс. Вместо унылой асфальтовой площади перед ним был разбит великолепный сквер из высоких деревьев, уже потерявших свой лист. Только могучие ели да сосны оставались в зимнем зеленом уборе.

— Ну а железные дороги, как видится, целы? — засмеялся я.

— Да, с железными дорогами обществу уже расстаться было нельзя, хотя, знаете ли, года три назад шла жестокая против них агитация. Указывали, что благодаря быстроте сообщения общество дичает. Ну, это течение победы не одержало. Однако добились того, что скорость выше 120 верст в час запрещена.

— Сто двадцать верст!

— Ах, это что за скорость! В 45-м году между Москвой и Киевом ходили поезда по 150 верст в час.

— Теперь этого уже нет?

— Я вам говорю, что скорость в 120 верст признана предельной.

— Скорей, скорей, осталось всего пять минут, вы чуть не опоздали, — щебетала на подъезде группа девушек, встречая мою спутницу.

Мы прошли на огромную платформу, которую я тоже не мог бы узнать. Необъятных размеров стеклянная арка была перекинута через двадцать или тридцать пар рельсов с платформами между ними. Поезда приходили и уходили поминутно без дыма и почти без грохота. Огромные паровозы наших времен были заменены легкими электрическими двигателями также иного устройства, чем в мое время. Вагоны тоже показались мне и длиннее, и выше.

Мы отыскали нужную платформу и перед нею наш поезд. На вагонах не было обозначения классов, да их, как оказалось, не существовало вовсе. Вагон для дам, два вагона доя мужчин, вагон-гостиная и столовая. Это был скорый Индийский поезд, шедший из Москвы прямо и почти без остановок до Индийского океана, через Тулу, Харьков, Ростов, Владикавказ, Тифлис и Тегеран к порту Чахбар, где еще в мое время было намечено к прорубке «окно». Теперь все это давно было исполнено, и Персия представляла нашу провинцию, такую же, как Хива, Бухара и Афганистан. Прямых поездов ежедневно отправлялось три и, кроме того, десять обыкновенных, по дешевому тарифу.

Едва я успел найти и занять свое место, как поезд тронулся. В несколько минут Москва осталась позади.

Последние отблески короткого октябрьского дня исчезли, и вокруг нас разостлалась темная пустыня с быстро мелькавшими кое-где электрическими огоньками. Мы встречали и на полном ходу обгоняли поезда, шедшие, как оказалось, по параллельным рельсам. Движение между Москвой и Югом разрослось настолько, что на нынешней Курской дороге во всю ее длину было уложено четыре рельсовых пути.

XII. Школа. Женский вопрос

— Куда вы там забились, дедушка? Идите к нам.

Звонкий голосок принадлежал Дарье Степановне, которая вместе с другой подругой отправилась меня разыскивать.

«Дедушка!» Это меня так окрестила моя хорошенькая спутница. Положим, что официально мне было уже более 80 лет и на этот почетный титул я имел все права, но ведь из этих 80 лет нужно было вычесть проведенные мной под землею 51 год. Я был тот же тридцатилетний мужчина, что и в памятный для меня вечер моего усыпления. Мало того, мне казалось, что после такого продолжительного отдыха и при доброй заботливости управления странноприимного дома прихода Николы на Плотниках я даже несколько окреп и помолодел.

Во всяком случае, прошла моя нервность, так как теперь я был слишком чужд окружавшей меня действительности, чтобы волноваться. Я проспал мою старую Россию, которую любил и жизнью которой жил. Теперь я был только свидетелем чужой жизни, почти иностранцем. Тяжело было это ощущение, но избавиться от него не было возможности.

Мы прошли в вагон-гостиную. Там собралось разнообразное общество. Семь или восемь подруг Дарьи Степановны, старичок почтенной наружности, как оказалось, отставной профессор, приглашенный барышнями сопровождать их во время путешествия и давать нужные объяснения. Два молодых человека в вышитых шелками толстых шерстяных рубашках. Пожилая дама. Председатель земской управы одного из южных уездов. Черный, широкоплечий тифлисский армянин, несколько иностранцев.

Девушки окружали своего профессора и чему-то усердно смеялись. При моем входе раздалось то же восклицание «дедушка», и молодежь обступила меня.

Последовали взаимные представления. Двое молодых людей в рубашках показались мне студентами, окончившими свои научные занятия и присоединившимися к дамской экскурсии. Судя по нежным взглядам, изредка обмениваемым, и некоторой интимности отношений, молодые люди уже имели своих избранниц в группе девушек. Моя догадка скоро подтвердилась, так как я услышал слово «твой жених», сказанное одной из девушек по адресу другой.

Скоро появился чайный прибор с большим самоваром, достали дорожную провизию, пирожки и фрукты, мне отвели почетное место за столом рядом со стариком-профессором, и начался разговор, направленный на мое поучение и просвещение. Девушки наперебой старались рассказать, как устроено «у них». Я едва поспевал задавать вопросы.

Мой первый вопрос был, конечно, о том, из каких учебных заведений мои спутницы?

Все рассмеялись.

— Успокойтесь, никаких учебных заведений у нас нет. Все эти ваши гимназии, институты и прочее давно упразднено.

— Как же у вас учатся?

— Первоначальное образование дается дома. Родители соединяются в кружки и приглашают к детям учителей по своему вкусу и выбору. Затем, кто желает учиться, ходит на приходские курсы. Видели наши аудитории? Там читают все предметы, которые нужны для среднего образования, и полный курс домоводства. Большинство девушек бедного класса тем и заканчивает.

— Ну а те, которые желают учиться дальше?

— Те выбирают себе интересующие их предметы и слушают или высшие курсы вместе со студентами, или ходят на специальные городские курсы.

— Значит, высшее образование вполне свободно? Дает ли же оно женщине какие-нибудь права?

— Права? Какие права? Мы совершенно полноправны...

— Например, стать врачом, адвокатом...

— Ах, вы вот про что! Да ведь эти профессии все вольные! Зачем же тут какие-нибудь права?

— Ну, в мое время это было не так-то легко.

— Знаем, знаем. У вас шла борьба о том, давать ли женщине диплом и допускать ли ее к тем занятиям, которые вы считали пригодными только для мужчин. Мы этот вопрос решили проще. Мы отменили все дипломы. Любой из нас, мужчина или женщина, может вполне свободно учить, лечить, защищать на суде. Разве же может невежда взяться за незнакомое ему дело? Возьмите хоть врачевание. Да кто же решится лечить, не зная медицины? Ведь за всякое шарлатанство установлена строжайшая ответственность! А если кто-нибудь лечит и лечит успешно, народ к нему идет и жалоб никто не заявляет, так с какой же стати власть будет вмешиваться?

— Ого! Это что-то совсем по-американски. Но, однако, вы же ввели большие стеснения в области печати, такие даже, каких не было и в мое время?

Профессор возразил:

— Печать не стеснена. Книга, брошюра бесцензурна и совершенно свободна. Газета — совсем другое дело. Газета есть общественная кафедра, есть формальная *власть*. На эту кафедру нельзя пускать первого встречного. Это *общественная должность*, а не частная

профессия. Вот почему здесь требуется такой же публичный экзамен, как и для других общественных специальных служб.

— Разве у вас общественные должности даются по экзамену?

— Все, где требуются специальные познания. Чтобы получить место городского, земского или приходского врача, например, или адвоката, преподавателя, нужно выдержать экзамен, и притом очень строгий.

— Кто же экзаменует?

— Ученые, к которым обращается соответственное учреждение. Например, открывается место приходского врача. Вызываются желающие. Все более или менее заручились свидетельствами о слушании курсов у хороших профессоров. Но приходу этого мало. Приходской совет приглашает трех-четырех знаменитых врачей, образует совещание, и это совещание экзаменует желающих. Вот на основании этих экзаменов и пишут договор.

— Как это сложно! У нас, раз получил человек диплом, его уже вновь не экзаменовали.

Все разом запротестовали:

— Сложно? А ваш порядок был лучше? У нас не может быть тех невежественных шарлатанов-врачей, какие бывали в ваши времена. Получил диплом — и бросил заниматься наукой.

— А много у вас женщин-врачей?

— Порядочно. Женские и детские болезни лечат **преимущественно** женщины, мужские - мужчины.

— Ну, а адвокаты?

Девушки переглянулись и рассмеялись.

— Есть женщины-адвокаты, и даже знаменитые... Только наши суды их недолюбливают.

— А чему вы рассмеялись, Дарья Степановна?

— Да вот видите ли, — ответил за нее старик-профессор, — в адвокаты идут преимущественно те дамы, которых уж очень Господь лицом обидел. Все наши дамы, юридические знаменитости, — на подбор рожи. Да и какая порядочная женщина пойдет на такую кляузную должность?

— Судя по всему, у вас, господа, женского вопроса как будто вовсе нет?

— Женского вопроса? — заметила смеясь хорошенькая блондинка, та самая, которой было сказано «твой жених». — Женский воп-

рос у нас заключается в том, чтобы честно и умело отдать свою руку и сердце порядочному человеку, не ошибиться в выборе и его не обмануть. Вот как ставится у нас женский вопрос.

— Браво, Саша, браво! Выражено прекрасно, — заметил молодой человек, жених этой самой Саши.

— Неполно, сударыня, — отозвался профессор. — Если вы хотите дать настоящее представление, то добавьте уж кстати: быть хорошей матерью, дать своей Родине преданных, умных и здоровых граждан.

Я подумал:

«Рассказать бы это нашим интеллигентным барышням!» Мою мысль словно угадала миловидная брюнетка, смеявшаяся больше всех.

— Да, да! — сказала она. — А вот мы никак понять не можем вашей постановки женского вопроса. Перед отъездом я прослушала два чтения о женском движении в России во второй половине XIX века и вынесла очень странное впечатление. Объясните нам, пожалуйста, почему у вас образованные девушки с таким пренебрежением смотрели на брак и на роль жены и матери?

Я попытался объяснить, как умел, зарождение и ход у нас так называемого женского вопроса. Были ли мои доводы слабы, или публика слишком психологически чужда, но мои девицы так и остались при убеждении, что это была своего рода психическая болезнь, если не что-нибудь худшее. Поняли, впрочем, что в мое время семья была из рук вон плоха. Я спросил в свою очередь:

— А у вас живут счастливее?

— У нас семья поставлена недурно. При прочной общественности и не может быть иначе.

— Развод облегчен?

— Юридически — очень. Брак расторгает духовная власть по данным, добытым светским судом. Но разводы у нас — большая редкость. Разведенных супругов судит очень строго само общество. Их презирают. Конечно, не во всех случаях, например, когда один из членов семьи сойдет с ума или неизлечимо болен и т. д., делается снисхождение. Но вообще развод считается делом постыдным, и это так вошло в наши нравы, что составляет гарантию вполне достаточную.

Быстро заторможенный ход поезда и множество замелькавших по обеим сторонам окон огней указали на приближение большой станции. Это была Тула. 186 верст расстояния мы сделали в полтора

часа с маленькими минутами. Здесь мне предстояла пересадка, так как мой путь лежал не к Каспию, а к Черному морю, на Севастополь. Я мог бы ехать прямо из Москвы таким же, как наш, скорым Черноморским поездом, но я хотел проводить Дарью Степановну и потому должен был в Туле пересаживаться и ждать два с половиной часа.

Поезд простоял всего пять минут. Самым сердечным образом простилась со мной моя дорожная компания, я пожелал милым девушкам всяких успехов. Через минуту вдоль платформы пронесся ряд окриков «готово!» — и поезд без всяких звонков и свистков плавно покатился, исчезая в густом тумане, а я прошел на вокзал и, бросив беглый взгляд на огромную, ярко освещенную стену, остановился, словно вкопанный, как был, с мелким багажом на руках.

XIII. География новой России

На стене, которая так привлекла мое внимание, была изображена огромная карта Российской Империи, аршин 8 в вышину и аршин 12 в ширину. Вот она, матушка Русь, какой стала за полвека! В первую минуту я даже немного растерялся. Во-первых, не было привычных делений на губернии, которые так запомнились еще со школьных времен. Во-вторых, западная граница шла совсем не там, где в мое время.

Теперь эта западная граница начиналась у Данцига, крупными буквами обозначенного «Гданьск», охватывала всю Восточную Пруссию и Познань и упиралась в крошечную, тоже нашу русскую область с крупно отпечатанным городом «Будышин». Я узнал маленькую, поэтическую Лужицу. Далее государственная черта переходила в прежнюю Австрию, охватывала всю Чехию с Моравией и, мимо Зальцбурга и Баварии, спускалась к Адриатическому морю, окружая и включая Триест.

В этой новой части Российской Империи определялись яркими красными границами следующие области: *Царство Польское* со столицей Варшавой, напечатанной крупно, и двумя главными городами Краковом и Познанью, отмеченными помельче. *Червонная Русь* со Львовом, *Лужица* с Будышином, *Чехия* с Веной в качестве столицы, Прагой и Оломуцем, напечатанными помельче. Маленькая, обрезанная со всех сторон *Венгрия* с Будапештом, *Сербо-Хор-*

вация со столицами Белградом, Дубровником и Загребом, *Румыния* с Бухарестом, *Болгария* с Софией и Адрианополем, и, наконец, *Греция*, охватывающая прежнее королевство, острова и часть побережья, с Афинами в качестве главного города.

Очень крупно был обозначен Царьград, четвертая столица Империи, по-видимому, не принадлежавший ни к какой области.

Но крупнее всех сверкал Киев. Здесь была первая столица России, перенесенная с Севера. Мне припомнились вещие стихи Тютчева[397]:

> ...в славянской мировой громаде
> Строй вожделенный водворится,
> Как с Русью Польша примирится.
> А примирятся эти две
> Не в Петербурге, не в Москве,
> А в *Киеве* и Цареграде.

Итак, значит, сон поэта исполнился! Россия объединила славянские племена, «славянские ручьи» «слились в русском Море», а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии.

С западной границы от этой новой славянской России взгляд мой перешел на наш старый центр и на Восток. Как изменилось административное деление России!

Губерний, как я уже заметил, не было. Широкой красной полосой были очерчены новые, более крупные области: на севере, правее Финляндии, оставшейся в старых очертаниях, крупно выделялся Петербург. Он был главным городом Северной области, огромного пространства, охватывавшего бывшие в мое время губернии Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная половина этих двух губерний соединялась с прежними губерниями: Вятской, Пермской и Казанской и во главе области крупным шрифтом стояло: Казань. Далее шла группа губерний - Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Московской и Нижегородской с Москвой в качестве областного центра. Киев служил центром значительной области из прежних губерний Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской с Холмщиной, выделенной из состава Польши.

Средние черноземные губернии: Орловская, Тульская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская с частью губернии Рязанской и области Войска Донского группировались вокруг Воронежа, ставшего центром. Далее шло Заволжье с Оренбургом, Новороссия с Одессой, Северный Кавказ с Ростовом-на-Дону, Закавказье с Тифлисом. Сибирь, обозначенная на отдельной карте сбоку, разделялась на четыре области с городами Омском, Томском, Иркутском и Владивостоком. К ним примыкала «оккупированная», должно быть, область «Маньчжурия». Таким же цветом были закрашены области, вошедшие в состав Империи на особых правах, как Бухара, Афганистан, Персия. Сквозь всю последнюю, начиная от Астары, шла железная дорога, упираясь в порт Чахбар на Индийском океане.

Я так увлекся созерцанием преобразованной Родины, что совершенно не заметил, как вокруг меня собралась порядочная толпа. Выйдя из поезда на Тульском вокзале, я воображал, что мое инкогнито будет полное. Увы! Телефоны уже оповестили о моем отъезде из Москвы с поездом таким-то, и даже о моей пересадке в Туле, а кроме того, со мной вместе вышел из вагона земский голова, тоже в Туле менявший поезд. Я был открыт господами любознательными потомками несмотря на то, что был одет в их современный костюм и через четверть часа захвачен ими для разговоров и угощений. Особенно усердствовала молодежь.

Меня усадили за большим столом под огромным бронзовым бюстом, который я сразу узнал. Это был Лев Толстой, гордость Тулы и величайший русский писатель. Когда я сказал мельком, что в свое время знал Толстого лично, выражению восторга и зависти не было границ. Увы! Ничего нового моим собеседникам я сообщить об их кумире не мог, так как мельчайшие подробности жизни великого писателя были известны здесь каждому школьнику.

— Вы знаете, говорили мне с жаром, после его смерти Ясная Поляна была куплена земством. Там устроены толстовский музей и библиотека, открыта художественная школа, убежище для престарелых писателей и настроено множество дач. Да, мы чтим Толстого!

Разговор перешел на интересовавшие меня исторические события за истекшие полвека, свидетелем которых я не был. Присутствующие наперерыв старались меня просветить. Особенно усердство-

вал молодой профессор, основавший в Туле высшие политехнические курсы и с моим поездом ехавший до Харькова. Он говорил, другие подсказывали и дополняли.

XIV. Политическая летопись полувека

Вот как все происходило. В 1900 году начались китайские беспорядки. Вся Европа бросилась усмирять, а в сущности, делить Китай. Впереди всех шли немцы, которым удалось добиться, чтобы соединенными силами европейцев командовал их фельдмаршал. Россия с самого начала отказалась от дележа Китая и отвела свои войска из Пекина, чтобы охранять только свою Сибирскую дорогу, которая в Монголии и Маньчжурии была вся разрушена. Настроение русской публики было относительно Китая самое миролюбивое. Однако «экспедиция», затеянная в составе европейского концерта, все-таки привела Китай к покорности. Был заключен мирный договор, Китай обязался платить огромную контрибуцию, и двор вернулся в Пекин.

Но не успели европейцы сдать Китаю Тянь-Дзин, как в Небесной Империи вновь началось восстание. Хотя ввоз оружия и был запрещен, но сами же европейцы провезли его контрабандой множество. Пекинское правительство стало серьезно обучать войска, для чего, как водится, пригласило немецких инструкторов. Дело пошло хорошо. В мелких стычках китайцы уже не бежали, как раньше, а дрались весьма исправно.

Через два года разразилось наконец новое и страшно кровавое восстание против европейцев. На этот раз Россия благоразумно воздержалась от участия в -«усмирении Китая» и вступила с ним в соглашение, по которому Маньчжурскую свою дорогу и все, что к северу, оставила за собой, южную же ветвь вместе с новыми городами Дальним и Порт-Артуром передала обратно Китаю, исправив таким образом свои границы.

Имея обеспеченный тыл и уже порядочную армию, Китай победоносно отражал инвазионные отряды англичан и немцев. Последние мало-помалу переправили в Китай до 200 тыс. войска, но всего этого оказывалось мало. Тем временем в самой России началось движение в пользу Китая. Русское общество было глубоко возмущено немецкими зверствами над мирными китайцами, которых немцы вешали, расстреливали и т. п. Оскорбляли могилы предков, выжигали целые города. После возвращения специальной миссии, посланной в Пекин, в Россию приехал уполномоченный богдыхана просить защиты. Россия осталась нейтральной, но по секрету было разрешено нашим офицерам, не выходя в отставку, поступать в китайские войска.

Негодование против немцев было так велико, что этим разрешением воспользовалось множество наших офицеров запаса. Можете себе представить, что произошло. Ведь китайцы превосходные солдаты, и им недоставало лишь путного командования и военных традиций. Как только появились русские офицеры, война начала принимать совсем другой оборот.

В Германии, понятно, злобствовали и шипели, но официально держали себя тише воды, ниже травы. Но вот, на четвертый год войны случилось одно обстоятельство, которое переполнило чашу терпения России и вызвало разрыв между нею и Германией.

Очень важный стратегический пункт Дзян-дзи-фу защищали китайцы под командой русского полковника Птицына. Осада была беспримерная по мужеству и лишениям осажденных. Но вот, наконец, немцы взяли город.

Птицын и шесть китайских офицеров, бывших под его командой, были расстреляны.

Когда весть об этом дошла до России, негодование выразилось настоящим взрывом. Россия прекратила с Германией дипломатические сношения и отозвала своего посла. Германский посол тоже выехал и вслед за тем, как-то сами собой, даже без официального объявления, начались военные действия.

Тройственный союз еще существовал, а потому нам приходилось иметь против себя сразу и Австрию, и Германию. Как ни была истощена и ослаблена Германия четырехлетней войной, но все же это была грозная сила. Немцы, опередившие нас в мобилизации, вторглись в Царство Польское. Но не успели они еще дойти до первой линии наших крепостей, как совершенно неожиданно наступила катастрофа для их союзницы — Австро-Венгрии.

Выдвинутая против нас императором Францем-Фердинандом восьмисоттысячная армия под Самбором и Станиславом сложила оружие. Дело в том, что драться с Россией желали только одни мадьяры. Даже поляки, благодаря мудрой и примирительной поли-

тике Николая II, отказались поднимать против нас оружие, тем более что все земли старой Польши были необыкновенно возбуждены фактами страшных немецких насилий в Познани. Поляки присоединились к остальным славянам и положили оружие.

Мадьяры отступили за Карпаты, забранные немецкие офицеры были отправлены в Россию в плен, а австрийская армия была наскоро реорганизована и присоединена к нашей южной армии, половина которой могла быть переброшена в Царство Польское против Германии.

Я воскликнул:

— А Франция? А наш союз?

Со всех сторон раздались голоса:

— Франция... опоздала. При начале военных действий правительство выдвинуло несколько корпусов против Италии, которая устроила мобилизацию и привела на военное положение свою западную границу. Но в Германию ей вступить пришлось позднее. Случилась катастрофа с русскими ценностями, и в самом Париже начались смуты и беспорядки. Министерство сменялось за министерством, а тем временем русские войска заняли Берлин. Уже когда мы были там, а по всей Австрии были объявлены выборы на местные сеймы, чтобы решить вопрос о дальнейшем будущем габсбургской монархии, Франция перешла Рейн и остановилась, заняв Эльзас и Лотарингию. Война для Германии оказалась непосильной, и немцы стали просить мира.

В это же время выручили нас парижские и лондонские Ротшильды, произведя конверсию нашего долга и снабдив нас необходимым золотом.

— В чем же заключались условия мира?

— Германия отдавала нам все земли старой Речи Посполитой, Эльзас и Лотарингию возвращала себе Франция.

— А Англия?

— О! Англия в самом начале войны покинула свою союзницу, Германию, объявила себя нейтральной и прежде всего постаралась захватить немецкие колонии и флот. Теперь greater Britain[598] окончательно устроена.

— Неужели Индия не восстала?

— России было не до того, чтобы вызывать там восстание. Были у нас охотники устроить поход на Индию, но дело кончилось тем, что мы заняли Афганистан и Персию и дальше не пошли. Да тогда нам не позволяли и наши финансы.

— Неужели Англия и до сих пор владеет Индией?

— Владеет — этого нельзя сказать. Англия умна. Ввиду возможных осложнений, она поспешила дать Индии полную автономию. Индия теперь так же свободна, как Австралия, Канада, Южная Африка. Да и самой Англии в прежнем виде не существует. Теперь это союз британских колоний — и только.

— Южная Африка... А кстати: что с бурами? Чем кончилась война.

— Конечно, Англия подавила в конце концов несчастных буров. Но сейчас Африка организована довольно хорошо. Там возникли Южно-Африканские штаты, вполне самостоятельные и только номинально принадлежащие к союзу Великобританских колоний. Голландцы там равноправные хозяева.

XV. Судьбы Австрии и славянства

— Но позвольте, мы отошли от самого любопытного. Расскажите, что случилось с Австрией.

— Ах, да! Ну вот, австрийская армия сдалась, император бежал сначала в Вену, оттуда направился в Будапешт. Городские и областные управления, где повсюду было славянское большинство, объявили восстановление исторических прав своих земель. Черногория вступила в Хорватию и Герцеговину. Сербы заняли Боснию и сербские части южной Венгрии. Румыны вступили в Трансильванию. Между поляками и русскими галичанами последовало полное примирение. Восточная Галиция до реки Сан объявила себя частью России, западная Галиция выслала к Государю депутацию с просьбой объединить польский народ в его этнографических пределах. Чешский сейм принял в свою среду моравских и словацких депутатов и очертил границу чешских земель, включив туда же Вену, где насчитывалось до $^1/_2$ млн чехов. Хорват и сербов удалось примирить. Затем Венгрия была оккупирована; а так как она находится в самой середине славянских земель и выделить ее нельзя, то она была более или менее насильственно включена в союз как автономная земская область. Императору было даже предложено остаться королем венгерским, но он предпочел сложить корону и удалиться вовсе.

Война была кончена, и вот наступил вопрос о будущности австрийских земель. Местные сеймы выслали своих делегатов на общеавстрийский сейм и там было сделано два предложения: образовать независимую Западно-Славянскую, или Дунайскую, федерацию или присоединиться к России, стать под державу русского Царя, который охотно гарантировал австрийским народам полное национальное самоуправление при крепком государственном единстве.

Последняя мысль восторжествовала. И что страннее всего: за присоединение к России ратовали преимущественно венгры, поляки и хорваты. Они боялись, что в независимой австрийской федерации против них будет всегда слишком преобладающее большинство православных народностей. Центральная же русская власть, даже самодержавная, им была далеко не так страшна.

Кроме того, тут действовали и соображения экономические. При государственном единстве с Россией упразднялись всякие таможенные преграды и местная промышленность получала огромные рынки. Наконец, знали слишком хорошо, что русские государи свято держат свои обещания и выполняют договоры.

Вот почему значительным большинством голосов общеавстрийский сейм постановил ходатайствовать перед нашим Государем о принятии всех австрийских земель на правах автономных земских областей в состав Российской Империи.

— А мы мечтали, что образуется Славянский Союз и в нем растворится «Российская Империя».

— Послушайте, это смешно. Вы посмотрите, какая необъятная величина Россия и какой к ней маленький привесок западное славянство. Неужели было бы справедливо нам, победителям и первому в славянстве, а теперь и в мире народу садиться на корточки ради какого-то равенства со славянами? Да они и сами этого не просят. Они имеют свою национальную обстановку, свои земли, язык, управление и очень довольны, что состоят членами великой Русской державы.

— Ну а Турция? Константинополь?

— Турция осудила сама себя на гибель, присоединившись для войны с Россией к австро-германскому союзу. Мы не могли выделить против нее больших сил, а потому всей своей армией Турция обрушилась на Болгарию и страшно опустошила Македонию и Восточную Румелию. Но болгары при нашей и сербской поддержке

далее Филиппополя турок не пустили. Им было нанесено несколько жестоких поражений. Затем соединенные русские, болгарские, сербские и греческие силы вступили в Константинополь, откуда султан предусмотрительно убежал в Азию, где и сидит до сих пор. С тех пор мы из Царьграда не выходили.

— Чей же Константинополь теперь?

— Наш. Но он не включен в состав ни одной области, а представляет вольный имперский город, с небольшой вокруг него территорией. Укрепления Босфора и Дарданелл на обоих берегах находятся в русских руках, но теперь они потеряли всякое значение и почти упразднены.

Мне хотелось расспросить про внутренние перемены, совершившиеся за этот срок в самой России. Но на это уже не было времени. Подходил мой поезд. К счастью, меня, как уже сказано, провожал молодой харьковский профессор, возвращавшийся домой. Он и земский голова, со мной приехавший, обещали изложить мне все подробности дорогой.

Подошел поезд, я отыскал свое место, и мы понеслись на Юг.

XVI. Федот Пантелеев и наше возрождение

Хотя было уже довольно поздно и я порядочно устал и от дороги, и от пережитых впечатлений, но мне не хотелось упускать такого знающего и милого собеседника, как ехавший со мной харьковский профессор, и я решил пожертвовать лишним часом сна, чтобы расспросить его о тех превращениях, которые испытала за полвека моя, теперь такая богатая, такая бодрая и прекрасная Родина.

— Из всего того, что я видел и слышал, я могу заключить, что Россия выбилась на свою историческую дорогу, процветает, благоденствует и преуспевает. Контраст с моим временем невероятный. Скажите, как это все произошло? С каких пор мы сделали такие огромные успехи?

— Да именно с тех пор, как вышли на историческую дорогу, как вы совершенно правильно выразились. А эта историческая дорога наша — не что иное, как гармоническое сочетание самодержавия и самоуправления. Нужно было сделать лишь первый шаг в этом направлении, чтобы все сразу выяснилось и пошло само собой.

— Что же это был за первый шаг?

— Восстановление прихода, воскрешение органической жизни на месте мертвого бюрократического механизма. Оживший приход дал новую жизнь земству; а раз земство ожило, обновилась и вся жизнь России.

— Прекрасно, верно, эти идеи и в мое время носились в воздухе, но вы мне передайте факты. Кто, как, в каком порядке все это выработал и осуществил?

— А вот видите ли. В первые годы этого столетия реакция против земства и самоуправления была особенно сильна. От земства понемногу были отняты все его функции и оно обратилось в пустой звук...

— Помню, помню, мы в мое время именно этого и ждали...

— Наконец, земство было окончательно упразднено, а вместо него были введены административные советы из лиц по назначению губернаторов. Разумеется, в провинции наступило удушье неслыханное. Но это было последнее слово петербургского периода русской истории. В воздухе почувствовались совсем новые веяния, и, наконец, с назначением на должность министра внутренних дел нашего гениального Федота Пантелеева, долгая полоса реакции была закончена, и мы сразу вступили на широкий путь давно жданных внутренних реформ.

Я припомнил имя «гениального Федота Пантелеева», произнесенное еще в клинике ухаживавшей за мной сестрой милосердия. «Так вот кто этот Федот Пантелеев, — подумал я, — министр внутренних дел!..»

Профессор продолжал:

— В это же время России предстояли великие испытания, и всем было ясно, что для исторического подвига мало одного внешнего порядка, а необходим подъем духа, необходима свобода... не в западном, скверном смысле, і в нашем, русском, историческом. И вот довольно было с высоты Престола раздаться давно желанному призывному живому и бодрящему слову, чтобы все сразу ожило. Вот тут-то и выдвинулся Федот Пантелеев...

— Кто он, собственно?

— Простой, маленький дворянин, совершенно незнатный. Он сидел у себя в деревне, в Саратовской губернии, и появился в Петербурге довольно неожиданно. Им был сделан в Историческом Обществе доклад, обративший на него общее внимание. Я не помню заглавия этого доклада, но знаю, что автора «призвали», и с этого дня его звезда начала подниматься. Волна выдвинула его на пост

министра, и за несколько лет до последней великой европейской войны реформы в России были закончены...

— Я вас слушаю, слушаю.

— Еще великий Аксаков сказал, что славянский вопрос есть, в сущности, русский внутренний вопрос, и эти слова блистательно оправдались. Ну, как мы, такие, как в ваше время, могли сметь поднимать славянский вопрос? Разумеется, славяне отвернулись бы от нас и засмеяли нас... Но теперь было совсем другое дело.

Мой собеседник готов был опять увлечься своим красноречием и позабыть о фактах, которых я от него ждал. Я постарался вернуть ему потерянную нить.

— Ах, да... Первая и самая трудная реформа, как я уже сказал, была — восстановление прихода. Затем последовало восстановление земства. Уездное земство было организовано из выборных от приходов, и ему были переданы все органы управления. В то же время было восстановлено древнее каноническое избрание епископов и в каждом уезде учреждена епископская кафедра. Церковное управление само собой слилось с земским. Уезд стал епархией, земское собрание — епархиальным советом. Получилась живая органическая единица. Очень скоро оказалось, что деление на губернии не отвечает новым условиям и мешает истинному развитию и проявлению самодержавия. При огромной, прямо необъятной, русской территории, чтобы Государь мог во всей силе и полноте проявлять свою самодержавную власть, ему можно иметь дело лишь с очень крупными земскими единицами, и такой единицей была принята *область*.

Мне мысленно представилась только что виденная в тульском вокзале карта. Я спросил:

— Что же такое ваша нынешняя область и в чем ее отличие от прежней губернии?

— В широкой постановке самоуправления, в полном отсутствии бюрократического духа, который в ваше время господствовал щсвязывал по рукам и ногам всю местную жизнь.

— Это любопытно. Как же устроена ваша область?

XVII. Центральное и областное управление России

Во главе стоит начальник области или наместник, непосредственно назначаемый Верховной властью. Рядом с ним, в полной от него

независимости, — областной предводитель дворянства, избранный уездными предводителями области. По всем делам области предводитель и наместник докладывают Государю совместно. Областной предводитель есть по праву председатель областного земского собрания, которое состоит из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда, и из всех уездных предводителей дворянства. Это собрание действует совершенно самостоятельно в пределах своего регламента. Ему даже предоставлено право местного законодательства в развитие и пополнение общего. Это нечто похожее, но гораздо шире, чем ваши прежние обязательные постановления. Правит областью Областная Дума, коей члены заведуют каждый своей частью. Это в маленьком виде прежнее западное министерство, ответственное перед собранием и наместником. Разумеется, дела области от дел государственных, с одной стороны, и от дел уездных — с другой, строго разграничены. Ну, пожалуй, прибавлю еще, что непременным членом Думы состоит областной митрополит. По делам Церкви в своей области он докладывает лично Государю в присутствии наместника и областного предводителя. Эти три лица большей частью имеют всегда общий доклад у Царя.

— Ну а начальнику области дана широкая власть?

— Его власть чисто исполнительная, хотя при несогласии с земским собранием он имеет право приостановить исполнение любого постановления. Но в этом случае немедленно созывается чрезвычайное собрание в усиленном составе для пересмотра дела.

— А если это собрание подтвердит решение первого, а наместник или начальник области по-прежнему не будет согласен?

— Тогда весь спор в двухнедельный срок должен быть передан Церковному Собору; если rte согласен митрополит по какому-нибудь церковному делу — в Сенат, если дело идет о формальном правонарушении, или в Государственный Совет, если дело имеет характер политический.

— А, — заметил я, — Сенат и Государственный Совет существуют?

— Еще бы, — отвечал профессор. — Только их деятельность значительно расширена и упорядочена. Заседания их публичны и гласны, кроме секретных государственных дел, и прения печатаются в стенографических отчетах в «Правительственном Вестнике»... Ну вот мы дошли теперь до центрального правительственного аппарата, и я вам передам в кратких чертах его постановку. Во-первых,

я думаю, лишнее говорить, что самодержавие не только сохранилось, но необыкновенно укрепилось и приобрело окончательно облик самой лучшей, самой свободолюбивой и самой желанной формы правления, при условии, конечно, что страна живет нравственными началами, а не хищным эгоизмом. Вот почему, хотя превосходство самодержавия теперь не отрицается никем, даже на Западе, по-прежнему только одна Россия самодержавна. В Германии, например, сделанная попытка устроить по нашему образцу самодержавную монархию кончилась катастрофой. Вас это интересует? Я, пожалуй, расскажу...

— Нет, это потом, а теперь кончите про наш государственный аппарат.

— С удовольствием. Наверху мы сейчас имеем четыре главных органа царской самодержавной власти. Во-первых, Государственный Совет, как орган *законодательный.* Он действует так же, как и в ваше время; вся разница лишь в том, что в его состав входят члены от областей, составляющие около половины всего состава; затем из его ведения выделены вопросы экономические и финансовые. Для законодательства в этой области существует особый Народохозяйственный Совет, совершенно параллельный Государственному. Оба эти учреждения, каждое в своей области, вырабатывают законопроекты, которые, как и в ваше время, называются «мнениями», отнюдь для самодержавной власти необязательными, и подносятся на Высочайшее утверждение. Итак, вот два органа *законодательных.* Во-вторых, орган *административный-*, это — Сенат. Он имеет задачей наблюдение над точным и неуклонным повсюду и всеми соблюдением закона. Деятельность его замечательно упорядочена в наше время. Не говоря уже про быстрое и очень самостоятельное учинение всех возникающих дел, сенаторы посылаются по областям самодержавной властью в качестве уполномоченных для разбора чрезвычайных дел. Им даются громадные права, например, приостанавливать уездное и даже областное самоуправление, смещать выборных лиц, производить при себе новые выборы и т. д. Сенаторские поездки, собственно, и подняли наше самоуправление на ту высоту, на которой оно сейчас стоит. Четвертый орган — *судебный.* Лет тридцать назад от Сената были отняты совершенно неподходящие ему функции кассационной инстанции и был учрежден Верховный Кассационный Суд.

— Ну а министерства у вас есть? Мой собеседник улыбнулся.

— Есть, конечно, но они так больше не называются. Надо вам заметить, что мы относительно всяких ломок и переименований необыкновенно консервативны. Но в эпоху реформ ваше бюрократическое прошлое до такой степени всем надоело, что даже самое название «министерство» было упразднено; это, конечно, — мелочь, однако характерная. Да и самое слово было иностранное, — не стоило жалеть.

— Как же ваши ведомства сейчас называются? Неужели приказы?

— Ну, это было, пожалуй, и еще хуже. Наши центральные ведомства называются просто «управлениями» или имеют собственные имена.

— Назовите мне, пожалуйста, ваши эти управления.

— Извольте. Во-первых, Большая казна. Это — ваш прежний Государственный банк. Теперь это вполне самостоятельное учреждение и замечательно организованное. Система его отделений, уездных и областных казен упразднила давно уже все частные банки. Затем Державная казна, соответствующая вашему прежнему Министерству финансов. Она ведает общегосударственными приходами и расходами. Счетная палата — ваш прежний Контроль. Управление государственной безопасности — ваша прежняя полиция. Затем идут управления земледелия, промышленности и торговли, наук и искусств, путей сообщения, почт, телеграфов и телефонов, народного здравия, государственных имуществ и предприятий, военное, морское, внешних сношений...

— Вот видите, «почты, телеграфы, телефоны», — значит, иностранные слова все-таки остаются?

— Ах, Боже мой, — воскликнул профессор, — я ведь говорю только про такие иностранные слова, для которых есть готовый и точный русский синоним. Зачем же выдумывать и ковать новые слова, когда иностранное слово уже органически вошло в состав языка и его обогатило? Это в ваше время сочиняли слова вроде «мокроступов», «шарокатов» и пр. Помните «Петроград»?

— Ну, нет, это было много раньше. В мое время над этим уже смеялись. Хотя «Петроград», правда, это при мне. Но вот что: в вашем перечислении вы забыли упомянуть про министерство или Управление внутренних дел...

— Нет, я не забыл, но этого министерства больше нет.

— Позвольте, вы же, кажется, назвали вашего реформатора Федота Пантелеева министром внутренних дел?

— Совершенно верно. Он и был им целых двадцать лет, пока не закончились реформы. Затем его пожаловали государственным канцлером и он в виде особой милости просил Государя никого не назначать на его место, а самое министерство упразднить, создав для полиции особое Управление государственной безопасности. Этим замечательным актом было устранено последнее недоразумение между Центром и областью.

— Я начинаю чтить вашего Федота Пантелеева. Скажите, он жив?

— О, да! Сейчас ему около 70 лет, но он совершенно здоров и бодр и работает неутомимо. Это ближайший друг и советник Царя и, можно сказать, спаситель и опора русского Самодержавия. Ведь мы чуть-чуть не повернули на западный конституционный путь. Тогда был бы конец России. Спас нас именно Федот Пантелеев. Однако, смотрите, уже Орел, — заметил мой ментор, когда мимо наших окон замелькали электрические огни освещенной платформы. — Если мы еще будем говорить, то не успеем заснуть, и я приеду домой с головной болью, а мне предстоит экстренная и спешная работа...

— Простите, пожалуйста, но уж продолжите вашу любезность еще на десять минут, не больше. Мне хотелось предложить вам несколько вопросов...

— Десять минут, пожалуй, но, ради Бога, только десять минут. Спрашивайте.

Профессор взглянул на часы и покачал головой.

— Все это для меня очень ново и я сразу не разберусь, пожалуй. Судя по тому, что вы рассказывали, ведь и у вас есть и ведомства, и бюрократия. Вы устранили, правда, централизацию, вы поставили области на место губерний, но ведь по существу-то в руках государства осталось все по-старому: финансовое управление государственное и очень централизованное, железные дороги все казенные, телеграфы и телефоны тоже, есть у вас государственная полиция, завели вы даже новое министерство, виноват, Управление народного здравия. Значит же, есть у вас чиновничество, есть бюрократия? Правда, ваш Федот Пантелеев добился упразднения Министерства внутренних дел. Не спорю, это очень эффектный поступок для министра — но ведь теперь это Министерство внутренних дел есть в каждой

области. Ведь ваша область устроена наподобие самостоятельного государства... В чем же разница?

— Я понимаю ваши недоумения. Как человек XIX века, вы с трудом схватываете нашу обстановку; еще труднее вам уловить ее принципы, ее дух. Ну, разумеется, бюрократия есть, если называть ею наш обширный персонал государственных и земских агентов. Но упразднен старый бюрократический принцип, установлена полнейшая гласность, ответственность.

— Знаете, профессор, чтобы нам понять друг друга, прежде всего мне придется попросить вас сделать более точное определение. Что такое по-вашему бюрократический принцип, бюрократический дух?

— Извольте. Бюрократический принцип — это было ваше деление и передача власти. Верховная власть избирала министров. Министры подбирали свой персонал, центральный и провинциальный, и передавали ему власть. Местная власть избирала низших служащих и облекала их властью. Эта власть шла из единого источника, постепенно разветвляясь от кабинета Царя до избы мужика или прилавка купца. Получался необъятного размера правящий механизм, в котором по теории все делалось именем Государя и на основании закона, на практике же... вы, вероятно, лучше меня знаете, что было. На практике господствовал в ваше время полный произвол низших агентов власти, ибо контроль отсутствовал и ответственности, можно сказать, не существовало. Низший агент был ставленником высшего и контролировался только им. Ясно, что при столкновении с обывателем самый лучший из высших агентов имел наклонность становиться на сторону своего ставленника и обывателю было очень трудно с ним бороться. До Государя же правда могла доходить только случайно. Вы помните, как ревниво оберегали себя местные власти от печати? Помните, как в ваше время отсутствовал всякий общественный контроль над бюрократией? Да это же и понятно. Престиж власти не допускал над собой контроля со стороны первого встречного.

— Ну, а у вас?

— Мы поняли ту простую вещь, которую в ваше время не понимали. Самодержавие в его истинном *свободном* виде недробимо и неделимо. Следовательно, Государь не может и не должен быть только вершиной бюрократической пирамиды. Он Самодержец, а не глава бюрократии. Под ним не *механизм* бумажного управления

с передачей власти из рук в руки, но ряд живых *организмов* - самоуправляющиеся по данному им закону области... Централизация и у нас есть, но какая? Техническая. Это совсем другое дело. Почтовый чиновник, начальник железнодорожной службы, агент Большой казны — это не власть, это служебные элементы государства. Вся общественная власть возникает из выборов, вся государственная власть в руках Царя. Вот наша схема. А так как государственная власть всецело обнимает собой и господствует над властью общественной, контролирует ее и правит ею, то не только никакого ущерба или ограничения царского самодержавия здесь не происходит, но только при этих условиях и возможно настоящее истинное и свободное самодержавие. В том-то и дело, что теперь не может быть речи о делении России на правящих и управляемых, как в ваше время, причем правящие, как носители власти, всегда оказывались детьми, а управляемые пасынками. Теперь и правящие и управляемые стоят рядом и равноправные перед лицом своего верховного судьи — самодержавного Царя. Пока их спор между собой не выходит из рамок закона, личное вмешательство Верховной власти не требуется. Но вот — закон бессилен, или страдает несовершенством, или прямо указывает, что дело должно взойти на *личное* решение Государя. Тогда во всей силе и полноте проявляется самодержавная власть Царя, и спор решен. Повторяю вам, мы признаем только *личное* самодержавие Царя, он один выше закона, все остальные подзаконны. В наше время возможен упорный и долгий спор между каким-нибудь маленьким приходом, или даже отдельной личностью и представителем Государя в области, наместником, или целым областным правительством; и мы твердо знаем, что раз этот спор поднимется до Самодержца, его суд будет нелицеприятен... и безошибочен, потому что дело будет освещено со всех сторон. Но, ради Бога, давайте же, наконец, спать...

— Нет-нет, еще минутку!..

XVIII. Православная Польша

— Вот вы мне рассказали про наше внутреннее переустройство. В идее все эти вещи проповедовались и в наше время, и ваше дело заключалось лишь в том, что вы все это осуществили. Между тем я вижу, что вы разрешили и такие вопросы, которые в мое время

считались прямо неразрешимыми. Возьмем хоть Польшу. Знаете ли, что пятьдесят лет назад лучшие русские умы отказывались от решения польского вопроса, и, я помню, были даже голоса, которые рекомендовали произвести с Германией обмен: ей отдать наше Царство Польское по Вислу, а от Австрии взять Восточную Галицию; этим хотели, с одной стороны, завершить объединение русского народа, с другой — избавиться от Польши, которую называли «пластырем, приставленным к русскому государственному организму». Теперь я вижу Польшу, воскрешенную и объединенную, в составе Империи. Неужели с поляками нет никаких недоразумений? Неужели это добрые и спокойные граждане? Ну а католичество, ксендзы, шляхетские традиции, ненависть, вечные замыслы против России? Каким чудом все это исчезло?

— Очень просто. Католичества в Польше почти нет. Польша в духовном единении с нами.

Я даже с места привскочил.

— Польша православная?!

Профессор опять улыбнулся.

— Вы все меряете на прежний ваш аршин, — заметил он. — Присоединиться к вселенскому церковному единству вовсе не значит «перейти в православие». Православие — это *восточная* форма вселенского христианства. Но есть формы и другие: *западная, африканская*...

— Я догадываюсь: западная — это старокатоличество?

— Верно, хотя это слово почти вышло из употребления. Мы их называем «западными христианами», они нас — восточными, и мы находимся в полном единении. Существует разница в обрядах, но Никейский символ веры принят западными церквами, и все догматические и существенные в церковной практике разности сглажены и устранены.

— А прежнее католичество? А папа?

— Папство еще существует, но это уже одна тень прежнего. Католический мир начал распадаться еще в ваше время. Теперь огромное большинство западного христианского человечества покинуло Рим. Англиканство раньше всех примкнуло к вселенскому единству. Теперь на Западе существует несколько автокефальных церквей: Германская, Французская, Английская, Швейцарская, Итальянская, образуется Испанская. И все в единении с Востоком.

— Но как же это происходило в Польше?

— Польское старокатолическое движение существовало давно, но не имело успеха, пока латинство было единственной защитой польской народности. Да и мы долго чуждались церковного единения со старокатоликами, подрывая и их, и общее церковное дело. Но вот, наконец, истинно церковные и христианские взгляды восторжествовали. С одной стороны, наш Синод еще до восстановления патриаршества, снесясь с автокефальными церквами Востока, объявил, что нет препятствий к общению в таинствах со старокатоликами, с другой стороны, русское правительство приняло замечательно мудрую и симпатичную меру: оно признало старокатоличество в Царстве Польском и первого из польских епископов, отложившегося от Рима и папы, графа Валерия Дембского, призвало в архиепископы варшавские. Он ввел у себя национальное богослужение на польском языке, причащение под обоими видами, отменил безбрачие духовенства и в местных католических кружках произвел полный раскол. Поляки увидали, что ни о каком здесь обрусении нет речи, а наоборот, это-то и есть их национальное возрождение. Началось массовое присоединение к новой Церкви, приобретшей весь облик национальной Польской Церкви. Почти одновременно последовало официальное единение старокатоличества с восточным православием, и вот неожиданно для самих себя поляки стали нашими единоверцами. К тому времени изгладились почти и последние следы русско-польской вражды, назрело решение славянского вопроса, и мы имеем теперь в наших пределах Польскую, Чешскую, Венгерскую и другие национальные церкви, возникшие одна за другой.

— Последний вопрос, а то я действительно злоупотребляю вашей добротой. Как же решился другой, тоже в мое время считавшийся неразрешимым, вопрос: а Северо-Западный край, Белоруссия, Литва, Юго-Западный край и прочие? Неужели мы их отдали полякам?

— Господь с вами! Да это теперь самые фанатические русские области. Мы, жители Центра, даже посмеиваемся немножко над их чрезмерным патриотизмом, которому теперь уже вовсе ничего не угрожает. Довольно было остановить культурную борьбу с поляками да дать простор местным силам, чтобы русское дело сделало там огромный успех. В Белоруссии и Литве — увы! — не поляки зло, и не с ними приходится бороться. Пока шла русско-польская враж-

да, наш Северо-Запад был чуть не сполна захвачен евреями и немцами. Вот с кем должны были повести упорную борьбу и русские, и поляки, и эта борьба не кончена даже сейчас... Ну, однако, давайте же, наконец, спать...

— Спокойной вам ночи, профессор, и великое спасибо...

Мы пожали друг другу руки. Мой собеседник улегся и почти тотчас же заснул, я же, хотя и страшно устал, но был до такой степени взволнован всем виденным и слышанным, что мой сон окончательно пропал. Я проворочался до самого рассвета, а утром только было начал смыкать глаза, как новое любопытное и неожиданное явление заставило меня не только проснуться, но и встать на ноги.

XIX. Уездный архиерей. Окончание раскола

На одной из станций с полуминутной остановкой в наш вагон вошел высокий, статный монах. Когда он снял шубу и передал ее послушнику, оставшись в рясе с пелеринкой и бархатном, обшитом черным валиком, низеньком круглом клобуке, я понял, что это — архиерей.

Он осмотрелся кругом и, заметив свободное кресло около меня, извинился и сел.

Я подошел под благословение и спросил:

— Куда, владыка, путь держите?

— В Севастополь, друг мой, а оттуда через Царьград в Иерусалим.

— Доброе дело... А епископствовать где изволите?

— Здесь неподалеку, за Днепром, в Концерополе.

— Это город?

— Новый уездный город Киевской области.

— Ах, да! Ведь теперь епископские кафедры учреждены в каждом уездном городе...

— Что значит «теперь»? Это сделано уже давно, лет, пожалуй, с тридцать...

— Да, да, владыка, я слышал.

— Ну вот, у вас опять какие странные слова: «слышал». Точно вы сами никогда архиерея не видали?

— Уездного — никогда, владыка, — улыбнулся я.

— Да как же так? Вы православный?

— Православный, владыка, да только я на особом положении...

Он посмотрел на меня пристально, затем улыбнулся сам, достал из кармана газету, развернул ее, и, найдя мой портрет и небольшую статейку, вскинул на меня глаза, как бы желая окончательно убедиться, и подал мне.

— Верно, это вы самый и будете?

Я пробежал заметку. В ней действительно говорилось обо мне, напоминалась моя история и сообщалось о моем отъезде на Юг.

— Да, это — я, владыка.

— Ну, так теперь все понятно. Да, с любопытством прочел я вашу историю. Немало, я думаю, и вы подивились среди нас? Наверно, не скажете, что в ваше время против нашего было лучше?

— Разве можно сравнивать? Вы гораздо счастливее нас.

— Я себе легко представляю ваше время. Много было у вас недоразумений, неустройства и бед. Но едва ли мы уже настолько ушли против вас вперед, чтобы нельзя было и сравнивать. Каждой эпохе, каждому поколению свойственны свои радости и свое горе. Почем вы знаете, что и в наше время для выдающихся по уму и сердцу людей нет тех самых, а может быть, и больших душевных страданий, чем были у ваших лучших людей?

— Ну нет, владыка, с этим позвольте не согласиться. Страдание страданию рознь. Но если в ваше сердце закрадывается отчаяние за самую судьбу вашей Родины и вашего народа, если вы перестаете верить и осуждены лишь молча смотреть... Этого страдания, я думаю, ни с каким другим нельзя и сравнивать. Неужели в ваши дни найдется хоть один человек в России, который бы *такое* страдание испытывал?

Владыка задумался на минуту, а потом сказал:

— Да, вы переживали тяжелый конец одного культурного периода, а нам досталось жить в светлом начале другого. Верно, верно; след этого настроения остался в литературе вашего времени. Но простите меня: не было ли это все-таки некоторым малодушием со стороны ваших современников? Неужели были такие уж незыблемые основания для вашего мрачного пессимизма? Неужели не было в жизни совсем никаких данных для воссоздания себе хоть сколько-нибудь сносной картины будущего? А Церковь?

— В мое время Церковь-то больше всего и заставляла трепетать за будущее: вера и личная, и народная падала на глазах...

— Знаю, знаю; ужасная вещь — падение веры.

Мой спутник умолк, погруженный в думу. Мне захотелось воспользоваться таким благоприятным случаем, как наша встреча, и расспросить его о нашем церковном возрождении. Отчасти факты я уже знал. Но, разумеется, никто не мог бы так просветить меня в этом деле, как этот бодрый и энергичный старец.

— О русском церковном возрождении я кое-что слышал, владыка, — обратился я к нему — но многое для меня еще неясно. Я знаю, что у вас восстановлен приход, духовенство избирается; во главе Церкви, как в древности, стоит патриарх, собираются соборы епископов. Знаю, что православная Церковь вступила в общение со старокатоликами. Но внутреннее церковное русское единство восстановлено? Старообрядческий раскол устранен?

Владыка отвечал:

— О, давно. От раскола едва остаются слабые воспоминания. Есть еще рационалистические секты, например штунда, духоборы. Но старообрядцы давным-давно стали чадами нашей Восточной Церкви, и, по правде говоря, им она больше всего обязана своим нынешним цветущим состоянием...

— Очень рад это услыхать. Я всегда сам так думал. Но расскажите, как же все это совершилось?

— Вы помните, вероятно, — отвечал владыка, — что в царствование Александра III старообрядцам были даны очень существенные льготы? Затем началось понемногу движение в обратном направлении. Опасались чрезмерного роста старообрядчества, которое действительно стало усиливаться. У них и прежде была своя полная церковная организация, а тут пошли правильные периодические епископские соборы, вся Россия оказалась разделенной на епархии и архиепископии, и это создавало соблазн тем больший, что, несмотря на все усилия миссионеров, дело борьбы с расколом не подвигалось, а наоборот, раскол все усиливался. Вы легко поймете, конечно, что в деле веры крутыми мерами внешнего принуждения никогда добрых результатов не достигалось, да и сами эти меры, как насилие, совершенно несовместимы с духом Христова учения. Поэтому раскол усиливался. Случаи отпадения от православия и единоверия и возвращения в раскол становились все чаще и чаще. Положение единоверцев было фальшивое как по отношению к старообрядцам, так и относительно Церкви. Все дело заключалось в недоразумении с клятвами Собора 1667 года. Теперь даже трудно себе представить те мотивы, в силу которых тогдашняя церковная власть отказывалась сделать необходимые шаги для канонического разрешения соборных клятв. Но вот, наконец, наступил момент, когда медлить и колебаться стало невозможным. Церковная власть получила разрешение созвать Поместный Собор иерархов Русской Церкви, и на этот Собор были позваны для объяснений выдающиеся вожаки старообрядчества. К тому времени и единоверцы получили то, чего давно добивались, — особых архиереев в качестве викарных в некоторые епархии. Старообрядцы и единоверцы выработали для Собора обширную записку, содержавшую полное изложение тех условий, при которых первые соглашались прекратить свое отчуждение от господствующей Церкви, вернуться к послушанию ей и общению. Этих условий я не имею под руками в буквальном их тексте, но я не побоюсь привести их вам на память. Старообрядцы требовали обращения Собора к восточным патриархам тех самых престолов, предстоятели коих участвовали в наложении клятв. Это, разумеется, не представляло никаких особых затруднений. Россия была политически полновластной на Востоке. Затем, по снятии клятв, они требовали установить полное равенство старого и нового обряда и не стесняемый ничем выбор того или другого. В приходах со смешанным населением рекомендовали установить или двойной состав причта, или служение по обоим обрядам по очереди. Далее старообрядцы ставили непременным условием восстановление древнего устройства прихода, то есть выборного духовенства, и управления церковными имуществами посредством выборных приходских властей, при законодательном признании прихода церковной общиной и полноправным юридическим лицом. Наконец, относительно высшего иерархического устройства Русской Церкви старообрядцы предлагали восстановление патриаршества и постоянное ежегодное созвание епископского Собора в качестве верховной русской церковной власти. Все эти требования большого противодействия на Соборе не встречали, ибо служили лишь отголоском общего желания всех верующих русских людей и в огромном большинстве разделялись и самими иерархами собора. Но одно препятствие казалось непреодолимым. Старообрядцы требовали, чтоб их архиереи австрийского белокриницкого посвящения были признаны Собором в сущем сане, даже без предварительного отречения от

заблуждений и без какого-либо покаяния или перепосвящения. Они настаивали на том, что их белокриницкая иерархия произошла от *незапрещенного* канонически боснийского митрополита Амвросия. Соглашаясь, что рукоположение им первых старообрядческих епископов было единоличным, то есть несогласным с канонами, они утверждали, что того требовала крайняя нужда, и приводили аналогичные примеры из русской церковной истории. Этой уступки Собор сделать не решался, и, кто знает, чем бы кончилось дело примирения, если бы не нашли очень счастливого и истинно христианского выхода сами старообрядцы. Несмотря на то что у них в ту минуту состояло около двенадцати архиереев австрийского белокриницкого посвящения, они попросили их ради дела церковного мира удалиться на покой; это сразу устранило главное препятствие. Собор закончил свои заседания торжественным актом, где излагались подробности нового церковного распорядка и возвещалось возвращение в лоно Церкви двадцати миллионов ее ревностных чад. Акт этот вошел в Свод Законов как основной церковный закон. Вслед за тем на утверждение Верховной власти были представлены три избранные собором кандидата, из коих и был утвержден патриархом митрополит киевский Варсонофий.

XX. Обновленная Русская Церковь

— Разве кафедра патриарха не в Москве? — спросил я.

— Нет, высшая церковная власть по канонам там же, где и средоточие правительственной власти, — в Киеве. По областям управляют митрополиты, простые епархии имеют границами уезды, но теперь и эта единица начинает казаться слишком большой. Епископ, согласно канонам, должен знать в лицо всю свою паству, а это при наших иногда огромных уездах прямо невозможно. Пока мы стараемся исправить недостаток назначением викарных архиереев в большие села.

— Но ведь содержание ваше, владыка, все же должно дорого стоить. Не трудно ли это для населения?

— Вы ошибаетесь, друг мой, — отвечал владыка. — Наше содержание стоит очень мало, потому что мы лично ничего не получаем. Да и какое жалованье монаху? Разве об этом можно говорить?

— Вот как! — заметил я в удивлении. — В мое время было совершенно иначе. Но на какие же средства вы живете?

— Средства нам дает епархиальный совет, состоящий из представителей приходов, или то же земское собрание. Каждый год составляется смета на содержание архиерейского дома, духовного правления, кафедрального храма, хора и на все наши необходимые расходы. Необходимая сумма раскладывается на городские и сельские приходы, которые и вносят. Раскладка эта — самая умеренная. Бедные приходы из нее вовсе изъемлются; мало того, иногда епархиальный совет им же еще оказывает пособие. Но зато митрополиты и патриарх по мере нужды посылают нам милостыню. Средства для этого дают богатые монастыри.

— Разве у вас в управлении нет монастырей?

— Теперь нет. Архиереи монастырями больше не управляют... Многое, слава Богу, изменилось с тех пор, как установлено избрание епископов.

— А кстати, владыка, как это избрание совершается? В мое время об этом и мечтать не смели...

— Когда епископская кафедра освобождается, в тот город отправляется окружной архиепископ или митрополит области. Он имеет нескольких кандидатов, которых ему поручено предложить от имени областного синода. Но избрание этих лиц для местной паствы отнюдь не обязательно. Она избирает из них лишь в том случае, когда не имеется своего достойного кандидата.

— А как составляется избирательная коллегия?

— Избирает вся Церковь, то есть весь церковный народ. Каждая общественная группа должна быть законно представлена. Таким образом, избирательное собрание составляется из представителей духовенства и монастырей, земства и городов, а также отдельных корпораций, где они имеются, например, академии, университеты и т. п.

— Ну а самый порядок выборов?

— Избиратели собираются обыкновенно в местном соборном храме, и после торжественного богослужения и молебствия собрание объявляется открытым под председательством прибывшего архиепископа или митрополита. Составляется список предлагаемых кандидатов, куда также включаются и кандидаты Синода. Затем против отдельных кандидатов предъявляются канонические возраже-

ния. Остающиеся в списке лица подвергаются голосованию, и получивший большинство голосов объявляется избранным. Его имя вывешивается на три воскресных службы во всех церквах епархии, и в течение двух месяцев каждый может объявить протест с надлежащими, конечно, доказательствами. К истечению этого срока в данный город съезжаются епископы соседних уездов, количеством не менее двух, и назначается день для докимасии, а затем рукоположения.

— Что такое «докимасия»? — спросил я.

— Древнее церковное испытание веры и жизни. Рукополагаемый удостоверяет чистоту своего исповедания. Тут же разбираются все взводимые на него обвинения и протесты против его избрания. Затем, когда испытание кончено, совершается торжественное рукоположение, и новый епископ произносит свое первое слово пастве.

— А если голоса разделятся?

— Тогда выбор предоставляется жребию.

— А от кого зависит перемещение епископов?

— Перемещение? Зачем может понадобиться перемещение?

— Например, если возникнут недоразумения между епископом и его паствой?

— Перемещений у нас не бывает. Помилуй Бог разлучать паству и пастыря из-за личных недоразумений. Разве это решение вопроса? При незначительных столкновениях достаточно христианского воздействия архиепископа области, в случаях же более тяжелых созывается церковный суд. Перемещений же, о которых вы говорите, на моей памяти было всего два случая. Слободскому Павлу врачи предписали покинуть Северо-Восточную область и поселиться на юге. Одновременно освободилась кафедра в Феодосии. Он послал просьбу митрополиту Новороссийскому предложить феодосийской пастве его принять. Та охотно согласилась, и дело было кончено. Другой подобный случай был в Сибири. Вот и все, что я знаю.

— Последний вопрос, владыка, если позволите: консистории сохранились?

Владыка улыбнулся.

— Нет, их больше нет. Существуют епархиальные советы, собирающиеся периодически для разрешения хозяйственных дел, и духовные правления при архиереях в качестве учреждений постоянных. Правления состоят из членов по выбору приходского духовенства и монастырей и являются при епископе в качестве совещательных

органов. Он утверждает их постановления и на их рассмотрение передает все важные вопросы церковного управления. Но мнение правления для епископа необязательно. Его решение всегда самостоятельное и единоличное, как и требуется канонами. Чтобы закончить об органах епархиального управления, прибавлю, что у архиерея существуют особые священники — духовные следователи, особые священники-проповедники и, наконец, особые наблюдатели над преподаванием Закона Божия и пения в школах и храмах.

Совершенно незаметно в живой и интересной беседе прошло три часа. Поезд быстро несся к югу, прорезая Новороссийскую степь.

— Смотрите-ка, вот и море Господь послал, — заметил владыка, осеняя себя широким крестом. — Скоро и нашему пути конец.

Направо и налево весь горизонт занимал Сиваш, такой же мутный, мелкий и противный, как и в мое время. Чайки, как осужденные грешные души, кружились над тростниками.

— А вы, почтеннейший господин предок, куда путь держите? — спросил владыка.

— Посижу недельки две на южном берегу, соберусь с силами, а потом хочется в родных местах побывать, — отвечал я.

— Ну, помогай вам Бог. Чай, из родных никого не осталось?

— Никого, владыка, из близких. Я наводил справки: все мое родство — внук и внучка покойной сестры. Они обо мне не имеют никакого понятия... Вот поеду — познакомлюсь.

— Желаю вам найти в них истинных родных и хороших людей, — сказал владыка.

Быстро пролетели мы Крым, сделав всего одноминутную остановку в Симферополе, и к двум часам остановились у севастопольского вокзала.

Конец первой части

КОММЕНТАРИИ

I Россия будущего

Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы»). I. Самодержавие и самоуправление (исследование). II. О земщине и бюрократии (переписка С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским). М., 1907. Публикуется по данному изданию.

1 *Мещерский* Владимир Петрович (1839-1914) — князь, писатель, публицист, издатель консервативного журнала «Гражданин» (1872-1877, 1882-1914), автор популярных романов. Друг молодости Александра III и один из наиболее активных респондентов императора. Писал также наследнику престола, а затем императору Николаю II. Не занимая официальных должностей, имел вес в правительственных кругах как человек, близкий двум последним императорам. Оставил «Воспоминания» (М., 2001).

2 «Гражданин» — «политический и литературный журнал-газета» (с № 4 1872 г. — "газета-журнал политики и литературы"). Издавался в 1872-1879 и 1882-1914 гг. в Петербурге. После возобновления в 1882 г. издатель — В. П. Мещерский; редактор — В. П. Мещерский (1882-1894, с 1893 второй редактор — К. Ф. Филиппеус), в 1895 № 1-31 — К. Ф. Филиппеус, с № 32 (1895) по № 55 (1906) - В. П. Мещерский, с № 56 (1906) - М. Н. Назаров (исключение: № 28-35 (1913) — В. П. Мещерский). В 1906 г. заглавие «Гражданин — Дневники». Последний номер — № 27 (6 июля) 1914 г. Фактическим руководителем журнала почти на всем протяжении его существования (за исключением 1877-1879) и его основным автором был В. П. Мещерский,

3 Золотой телец — в ветхозаветных преданиях золотой (или позолоченный) идол быка; был сооружен Ааароном по требованию народа, который стал поклоняться золотому тельцу как воплощению самого Бога. В переносном смысле — олицетворение богатства, денег.

4 Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка») — законодательный акт, подписан российским императором Николаем II в момент наивысшего подъема Октябрьской всероссийской политической стачки. Провозглашал гражданские свободы, создание народного представительства Государственной думы.

5 *Аксаков* Иван Сергеевич (1823-1886) — русский публицист и общественный деятель. Один из идеологов славянофильства. Редактор журналов «День», «Москва», «Русская беседа», «Русь» и др. В годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. организатор кампании за освобождение славян от власти Турции.

6 *Аксакова* Анна Федоровна (1829-1889) — в девичестве А.Ф.Тютчева; < дочь Ф. И. Тютчева от первого брака, жена И. С. Аксакова. Фрейлина императрицы Марии Александровны.

7 ч; Со второй половины XIX в. в Турции основывается общество «новых j османов». В 1876 г. ему удалось добиться провозглашения конституции

и созыва двухпалатного парламента. Однако, воспользовавшись поражением турецких войск в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., Абдул-Хамид И приостановил действие конституции и расправился с лидерами либерального движения (эпоха зулюма). Идеи «новых османов» подхватило движение младотурок, членов буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс» (1889), пришедших к власти в ходе младотурецкой революции 1908 г.

[8] *Леонтьев* Константин Николаевич (1831-1891) — русский писатель, публицист и литературный критик.

[9] *Николай I* (1796-1855) — российский император с 1825 г., третий сын Павла I.

[10] *Сперанский* Михаил Михайлович (1772-1839) — русский государственный деятель, граф (1839). С 1807-1808 гг. ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного Совета (1810) и издания «Общего учреждения министерств» (1811). В 1812-1816 гг. в результате интриг его противников сослан; в 1819-1821 гг. генерал-губернатор Сибири. С 1821 г. член Государственного Совета и Сибирского комитета. С 1826 г. фактический глава II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, руководил работой по кодификации законов. Под руководством Сперанского составлено первое «Полное собрание законов Российской империи» (т. 1-45,1830) и «Свод законов Российской империи» (т. 1-15, 1832). С 1838 г. председатель Департамента законов Государственного Совета.

[11] *Гоголь* Николай Васильевич (1809-1852) — русский писатель.

[12] *Мицкевич* (Mickiewicz) Адам (1798-1855) — польский поэт, деятель освободительного движения. В 1817-1823 гг. создатель и участник тайной организации «филоматов». С 1824 г. в ссылке в России; издал книгу «Сонеты» (1826; в том числе популярный цикл «Крымские сонеты»), поэму патриотического и революционного звучания «Конрад Валленрод» (1828), сборник «Поэзия» (т. 1-2, 1829), в который вошли баллады «Три Будрыса» и «Дозор» (известные в пушкинском переводе). С 1829 г. в эмиграции (преимущественно в Париже). Пережив мировоззренческий кризис (середина 1830 — конец 1840-х гг.), возобновил революционную деятельность.

[13] *Сырокомля* (Syrokomla) Владислав (наст, имя и фам. Людвиг Кондратович Kondratowicz) (1823-1862) — польский поэт. Антикрепостнические поэмы («Янко-могильщик», 1856) и стихи («Освобождение крестьян», 1859); лирика (в том числе созданное в 1844 г. стихотворение «Почтальон», перевод Л. Н. Трефолева лег в основу известной в России народной песни «Когда я на почте служил ямщиком»),

[14] *Оржешко* (Павловская) Элиза (1842-1910) — польская писательница; автор рассказов, повестей, романов («Хам», «На провинции», «Над Неманом», «Низины», «Меир Иезофович», «Могучий Самсон»), Основные темы: быт еврейства, шляхетские типы и пр. Большинство произведений в русском переводе печатались в «Русской мысли».

[15] Неистребимую («нерастворимую») Германию *(лат).*

[16] Генеральные штаты (фр.). Во Франции высшее сословно-представительное учреждение (1302-1789), состоявшее из депутатов духовенства, дворянства и третьего сословия. Созывались королями главным образом для получения от них согласия на сбор налогов. Депутаты третьего сословия Генеральных штатов 1789 г объявили себя Национальным собранием.

[17] Так в тексте.

[18] *Александр II* (1818-1881) — российский император с 1855 г.; убит народовольцами.

[19] *Киреев* Александр Алексеевич (1833-1910) — генерал-майор (1878), с 1907 г. — генерал от кавалерии; адъютант великого князя Константина Николаевича, консервативный публицист славянофильской ориентации. Сотрудничал в «Известиях славянского благотворительного общества», газете «Русь», журнале «Богословский вестник».

[20] *Иванцов-Платонов* Александр Михайлович (1835-1894) — протоиерей, богослов и проповедник. Окончил курс Московской духовной академии; с 1872 г. профессор Московского университета по кафедре церковной истории; с 1877 г. доктор богословия, профессор. Автор многочисленных работ по истории церкви.

[21] *Дурново* Николай Николаевич - русский консервативный публицист и журналист, издатель-редактор газеты «Восток» (1879-1886).

[22] Речь идет о *Севастопольской* обороне [13(25).9.1854-27.8(8.9). 1855 гг], во время Крымской войны 1853-1856 гг. русские войска под командованием вице-адмирала В. А. Корнилова [до 5(17).Ю], вице-адмирала П. С. Нахимова [до 28.6 (10.7)] и генерала Д. Е. Остен-Сакена 349 дней героически обороняли Севастополь от превосходящих вооруженных сил Франции, Великобритании, Турции и (с 1855) Сардинии.

[23] Речь идет об императоре Александре II.

[24] Грюндерство (от *нем.* Griinder — основатель) — массовое лихорадочное учредительство акционерных обществ, банков и страховых компаний. Сопровождается широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием дутых предприятий. В России за 1868-1873 гг было создано 301 акционерное общество, в Великобритании за 1869-1873 гг. - 4241.

[25] *Александр III* (1845-1894) — российский император с 1881 г.

[26] Имеется в виду убийство Александра II народовольцами 1 марта 1881 г.

[27] *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823-1889) — граф, государственный деятель и историк, почетный член (1866), президент (с 1882) Петербургской АН. В 1864-1880 гг. обер-прокурор Синода, в 1865-1880 гг. министр народного просвещения.

[28] *Кривошеий* Александр Васильевич (1857-1921) — государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета, юрисконсульт частной Северо-Донецкой железной дороги. С 1884 г. служил в Министерстве юстиции, с 1887 г. — в земском отделе Министерства внутренних дел. В 1889-1891 гг. - комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском. С 1902 г. начальник Переселенческого управления МВД. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. член Государственного совета и товарищ министра финансов. Гофмейстер (1909), статс-секретарь (1910). В 1908-1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из соратников П. А. Столыпина в проведении аграрной реформы, сторонник ликвидации общинного землевладения и развития хуторского хозяйства. С 1916 г. член комиссии по делам сельского хозяйства Государственного совета. После Октябрьской революции один из организаторов Правого центра. В 1918 г. в Киеве организовал монархический «Совет государственного объединения России» (был товарищем его председателя). В годы Гражданской войны был председателем правительства Юга России П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции.

[29] *Вышнеградский* Иван Алексеевич (1831-1895) — ученый в области автоматизации, государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1888). Один из основоположников теории автоматического регулирования, основатель научной школы по конструированию машин. В 1888-1892 гг. министр финансов.

[30] *Перцов* Петр Петрович (1868-1947) - публицист и литератор.

[31] *Грингмут* Владимир Андреевич (1851-1907) - писатель, публицист, общественный и политический деятель. Родился в семье доктора философии, получил домашнее образование. С 1866 по 1870 г. слушал лекции в Московском университете. Занимался педагогической деятельностью и литературным трудом. С декабря 1896 по 1907 г. редактор-издатель «Московских ведомостей». В апреле 1905 г. создал одну из первых монархических партий - Русский (Московский) монархический союз. Стал председателем Союза. Был одним из организаторов Всероссийских съездов русских людей.

[32] *Катков* Михаил Никифорович (1818-1887) - публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1851-1855, 1863-1887). В 1830-х гг. примыкал к кружку Н.В.Станкевича. В 1850-х гг. умеренный либерал, сторонник английского политического строя. С 1860-х гг. один из вдохновителей т. н. «контрреформ».

[33] *Победоносцев* Константин Петрович (1827-1907) - государственный и политический деятель, правовед и историк права, публицист. Коллежский асессор (1849), надворный советник (1852), коллежский советник (1854), статский советник (1858), действительный статский советник (1863), обер-прокурор 8-го департамента Сената (1863). В 1859 г. защитил магистерскую диссертацию. В I860 г. избран профессором Московского университета. Преподавал законоведение членам царской семьи, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II. Переехал в Петербург, стал тайным советником и сенатором, назначен членом Государственного совета, с 1880 по 1905 г. занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода Русской православной церкви.

[34] Человек человеку волк *(лат).*

[35] Прежде всего, преимущественно *(фр).*

[16] Эти слова традиционно приписываются французскому королю Людовику XIV, с именем которого связывается расцвет абсолютизма.

[17] *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853-1900) - философ, публицист. Сын историка С. М. Соловьева. Учился на естественном отделении физико-математического, затем на историко-филологическом факультетах Московского университета. В 1874 г. защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Критика западной философии против позитивистов», а в 1880 г. — докторскую — «Критика отвлеченных начал». В марте 1881 г. в связи с приговором, вынесенным народовольцам, произнес речь, в которой осудил смертную казнь. Был вынужден оставить преподавательскую работу. Сотрудничал в журнале либерального направления — «Вестник Европы». Занимался литературной и философской работой; переводил Платона, вел философский отдел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В 1889 г. избран почетным членом Российской Академии наук по разряду изящной словесности.

[38] *Крылов* Иван Андреевич (1769-1844) - русский писатель, баснописец; академик Петербургской АН (1841). Создал более 200 басен, высмеивающих общественные и человеческие пороки. В настоящем случае речь идет о басне «Квартет».

[39] *Петр I Великий* (1672-1725) - русский царь с 1682 г. (правил с 1689), первый российский император с 1721 г., младший сын царя Алексея Михайловича. Государственный, военный и культурный деятель России. Провел реформы государственного управления (созданы Сенат, коллегии, органы высшего государственного контроля; церковь подчинена государству; проведено деление страны на губернии, построена новая столица — Петербург). Проводил политику меркантилизма в области промышленности и торговли (создание мануфактур, металлургических, горных и других заводов, верфей, пристаней, каналов). Возглавлял армию в Азовских походах (1695-1696), Северной войне (1700-1721) и др. Руководил постройкой флота и созданием регулярной армии. По инициативе Петра I открыты многие учебные заведения, Академия наук, принята гражданская азбука и т. д.

[40] Привязной аэростат *(фр.).*

[41] *Сазонов* Сергей Дмитриевич (1860-1927) - государственный деятель. Землевладелец. Окончил Александровский лицей и с 1883 г. начал служ-

бу в Министерстве иностранных дел. С 1888 г. служил около 20 лет в заграничных посольствах и миссиях: секретарь посольства, советник и поверенный в делах в Великобритании, чрезвычайный и полномочный посол в Ватикане, посланник в США. Член Государственного совета, гофмейстер. В 1909-1910 гг. товарищ министра иностранных дел. С ноября 1910 до июля 1916 г. — министр иностранных дел. В 1917 г. посол Временного правительства в Великобритании. После Октябрьской революции был министром иностранных дел у А. В. Колчака, член Особого совещания у А. И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции.

[42] Орден Святой Анны (учрежден в Голштинии в 1735, в России — в 1742); в 1797 г. разделен на 3 степени, в 1815 г. учреждены 4 степени, имел также Знак отличия (1796).

[43] *Аристид* (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) - афинский полководец, политический противник Фемистокла, один из организаторов Делосского союза.

[44] *Наполеон I Бонапарт* (Napoleon) (1769-1821) — французский император в 1801-1814 гг., марте-июне 1815 г. Начал службу в войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии; выдвинулся в период Французской революции, достигнув чина бригадного генерала, и при Директории (командующий армией). В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот (18 брюмера), в результате которого стал первым консулом; в 1804 г. провозглашен императором. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи. В войне 1812 г. против России потерпел поражение. В 1814 г. отрекся от престола, был сослан на остров Эльба, но в марте 1815 г. снова занял престол («Сто дней»). После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола (22 июня 1815). Последние годы жизни провел на острове Святой Елены пленником англичан.

[45] Шипка — перевал в Болгарии, в горах Стара-Планина, высота 1185 м. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русско-болгарские войска (генералы Ф. Ф. Радецкий, Н. Г. Столетов) на перевале 9-14 (21-26) августа 1877 г. отразили упорные атаки турецких войск Сулейман-паши, а затем пять месяцев удерживали Шипку до перехода русской армии в наступление.

[46] *Меншиков* Александр Данилович (1673-1729) — русский государственный и военный деятель, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), сподвижник Петра I. Сын придворного конюха. Крупный военачальник во время Северной войны 1700-1721 гг. В 1718-1724 гг. и 1726-1727 гг. президент Военной коллегии. При Екатерине I фактический правитель государства. Императором Петром II сослан в Березов.

[47] Антей - в греческой мифологии великан, властитель Ливии, сын бога Посейдона и богини земли Геи. Был непобедим, пока соприкасался с матерью-землей. Задушен Гераклом, оторвавшим его от земли.

[48] Так в тексте.

[49] Речь идет о христианском представлении — «конце света» и Страшном суде.

[50] Усилием фантазии, при помощи воображения *(франц.)*.

[51] Имеется в виду сторонник идей К. Маркса.

[52] *Александр I* (1777-1825) — российский император с 1801 г.

[53] *Боголепов* Николай Павлович (1846-1901) — государственный деятель, правовед. В 1883-1887 гг. и 1891-1893 гг. ректор Московского университета. С 1898 г. министр народного просвещения. Ужесточил преследования студентов за участие в массовых волнениях, вплоть до отправки в солдаты. Смертельно ранен П. В. Карповичем. Автор трудов по истории римского права.

[51] *Минин* Кузьма (?-1616) — организатор национально-освободительной борьбы русского народа против польской интервенции начала XVII в. и один из руководителей второго Земского ополчения 1611-1612 гг. Нижегородский посадский. С сентября 1611 г. земский староста, в 1612-1613 гг. член земского правительства, с 1613 г. думный дворянин.

" *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578-1642) — князь, полководец, соратник К. Минина. Участник первого Земского ополчения 1611 г., один из руководителей и командующих второго Земского ополчения и временного Земского правительства. В 1613-1618 гг. руководил военными действиями против польских интервентов. Возглавлял ряд приказов.

[56] Важных персон *(франц)*.

[57] *Чукмалдин* Николай Мартемьянович (1836-1901) — родился в бедной крестьянской семье в с. Кулаково. Проделал путь от крестьянского мальчика до московского купца-миллионера. Построил в родном селе каменную школу, ремесленное училище, каменную церковь в «русском стиле», разбил парк с редкими породами деревьев, беседками, ротондами, прудом. Разбогатев, много путешествовал: объехал Россию, Западную Европу, Палестину и Египет. Результатом этих путешествий явилось несколько книг: «Путевые очерки Кавказа», «Путевые очерки Палестины и Египта» и др. За границей собрал редкостные вещи, жертвуя их Тюменскому реальному училищу.

[58] *Юсупов* Феликс Феликсович (1856-1928) — князь, граф Сумароков-Эльстон, русский генерал-лейтенант (1915), генерал-адъютант (1915). Его отец — Феликс Эльстон (внебрачный сын германского императора Вильгельма I, женился на единственной дочери графа Сумарокова) получил право именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Учился в Пажеском корпусе (не окончил), в 1876 г. выдержал офицерский экзамен при Чугуевском пехотном юнкерском училище. В 1876 г. выпущен в Одесский уланский полк; в 1879 г. прикомандирован к Кавалергардскому полку. В 1882 г. женился на последней в роду княжне Зинаиде Николаевне Юсуповой; в 1891 г. ему было разрешено носить титул и фамилию жены (в дальнейшем титул князя Юсупова мог наследовать толь-

ко старший сын). В 1883-1885 гг. причислен к Министерству внутренних дел. С 1886 г. адъютант великого князя Сергея Александровича. С 1904 г. командир Кавалергардского полка, в 1908-1911 гг. — 2-й бригады 2-й гвардейской Кавказской дивизии. С 1912 г. председатель совета Императорского Строгановского центра Художественно-промышленного училища. С 1915 г. главный начальник Московского военного округа и главноначальствующий над Москвой. 19 июня 1915 г. был освобожден от должности главного начальника, а 3 сентября 1915 г. — от должности главноначальствующего. После Октябрьской революции уехал в Крым, а в 1919 г покинул Россию. Его *сын* Феликс Феликсович Юсупов *(1887-*1967) был одним из участников убийства Г. Е. Распутина.

[59] Речь идет о т. н. «деле Дрейфуса» — сфабрикованном в 1894 г. французской военщиной судебном деле по обвинению офицера французского Генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса (A. Dreyfus) (1859-1935) в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Борьба вокруг дела Дрейфуса привела к политическому кризису. Под давлением демократических сил страны А. Дрейфус в 1899 г. был помилован, в 1906 г. реабилитирован.

[60] Речь идет о Всемирных выставках, организуемых с целью показа разносторонней деятельности народов в области экономики, науки, техники, культуры и искусства. Различаются выставки универсальные (демонстрация достижений в различных областях человеческой деятельности) и специализированные (показ достижений в какой-либо одной конкретной сфере деятельности). Первой выставкой была международная промышленная выставка в Лондоне в 1851 г. Строго определенной периодичности выставки не имели и устраивались с промежутками от 2 до 7 лет. Всего с 1851 по 1970 г. было организовано 39 универсальных выставок, из них в Париже - в 1855,1867,1878,1889,1890, 1900,1937 гг.

[61] Конец России *(лат.).*

[62] *Игнатьев* Николай Павлович (1832-1908) - граф, генерал от инфантерии (1878), русский дипломат и государственный деятель, русский посол в Константинополе (1864-1877). Участник подготовки Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. В 1881-1882 гг. - министр внутренних дел.

[63] Всеобщие выборы *(франц.).*

[64] *Немесида* (Немезида) — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм. Изображалась с атрибутами контроля (весы, уздечка), наказания (меч или плеть) и быстроты (крылья, колесница, запряженная грифонами); синоним неизбежной кары.

[65] Речь идет об императоре Александре II.

[66] *Ормузд* (Ahuramazda) - бог света по религии Зороастра, олицетворение добра, противник Аримана.

[67] *Ариман* — греческое название древнеиранского божества Анхра-Майнью. Анхра-Майнью (в Авесте - Ангро-майнью, др.-иран. Ахраманью - злой или враждебный дух, среднеперсидский Ахриман, у греческих авторов - Ареиманиос, Ариман и др.) - в древнеиранских дуалистических религиях, в зороастризме, у персов глава злых божеств и олицетворение злого начала, антагонист Ахурамазды и святого духа Спента-майнью, творец всего дурного (смерти, болезни, зимы, иссушающего зноя, вредных и хищных животных и т. д.).

[68] Шедевр *(франц.).*

[69] *Маркс* (Marx) Карл (1818-1883) - философ, политэконом, основоположник марксизма.

[70] *Ротштейн* Федор Аронович (1871-1953) - советский историк, общественный деятель, дипломат, академик АН СССР (1939). Член Коммунистической партии с 1901 г. В 1890-1920 гг. в эмиграции в Великобритании. Активно участвовал в английском рабочем движении. В 1895-1911 гг. член Социал-демократической федерации (с 1907 — Социал-демократическая партия), входил в ее исполком в 1901-1906 гг. В конце 1890 - начале 1900-х гг. активно сотрудничал в марксистской прессе Великобритании, России, Германии, США. После создания в 1911 г. Британской социалистической партии возглавил ее левое крыло. В годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Ротштейн стоял на позициях интернационализма. Был в числе основателей и сотрудников органа британской социалистической партии «Колл» («Call», 1916-1920). Участвовал в создании Коммунистической партии Великобритании (1920).

[71] *Голохвастов* Павел Дмитриевич (1838-1892) - ученый-публицист славянофильского направления. Знаток древнерусской истории, быта, народного творчества. Общался с Л. Н. Толстым, хотя и осуждал его религиозные искания. Являлся сторонником идеи созыва Земского собора (1882).

[72] *Иван N* Васильевич Грозный (1530-1584) - великий князь «всея Руси» с 1533 г., первый русский царь с 1547 г., сын Василия III. С конца 1540-х гг. правил с участием Избранной рады. При нем начался созыв Земских соборов, составлен Судебник 1550 г. Проведены реформы управления и суда (Губная, Земская и др. реформы). Покорены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Для укрепления единовластия в 1565 г. была введена опричнина. При Иване IV установились торговые связи с Англией (1553), создана первая типография в Москве. В 1558-1583 гг. велась Ливонская война за выход к Балтийскому морю, началось присоединение Сибири (1581).

[73] Речь идет о событиях Смутного времени. Летом 1610 г. шведские войска подступили к Новгороду и Пскову. Ряд поражений русского войска привел к свержению Василия Шуйского (1552-1612). Власть перешла к «Семибоярщине», по инициативе которой на русский трон был избран польский королевич Владислав, а в октябре того же года Москву занял

польский гарнизон. Владислав IV Ваза (1595-1648) — польский король с 1632 г.

[74] Михаил Федорович *Романов* (1596-1645) - царь с 1613 г, первый царь из династии Романовых. Сын Ф. Н. Романова (Филарет) и К. И. Шестовой (Марфа). Избран Земским собором. Правительство Михаила Федоровича ликвидировало последствия Смутного времени. Заключены Столбовский мир 1617 г. со Швецией и Деулинское перемирие 1618 г. с Речью Посполитой. В 1620-х гг. предпринято составление новых писцовых и дозорных книг. Улучшена организация войска (новый Устав, полки иноземного строя). Предпринята неудачная Смоленская война 1632-1634 гг. Продолжалось освоение Поволжья и Сибири. Разрешено строительство заводов иностранцам.

[75] *Терпигорев* (псевд. Атава) Сергей Николаевич (1841-1895) - русский писатель-публицист. Автор книг о пореформенной деревне: «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (1880), «Потревоженные тени» (1888-1890).

[76] *Тургенев* Иван Сергеевич (1818-1883) — русский писатель.

[77] *Толстой* Лев Николаевич (1828-19Ю) - граф, русский писатель, член-корреспондент (1873), почетный академик (1900) Петербургской АН.

[78] *Григорович* Дмитрий Васильевич (1822-1899/1900) - русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1888).

[79] *Островский* Александр Николаевич (1823-1886) - русский драматург, член-корреспондент Петербургской АН (1863).

[80] *Достоевский* Федор Михайлович (1821-1881) - русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1877).

[81] *Салтыков* (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826-1889) - русский писатель, публицист. В 1868-1884 гг. редактор журнала «Отечественные записки».

[82] *Страхов* Николай Николаевич (1828-1896) - философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской АН (1889). В книгах «Мир как целое» (1872),-«О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895) высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм, а также спиритизм; один из идеологов почвенничества.

[83] *Данилевский* Николай Яковлевич (1822-1885) - русский публицист и социолог, идеолог панславизма. В сочинении «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам.

[84] *Пушкин* Александр Сергеевич (1799-1837) - русский поэт и прозаик, родоначальник новой русской литературы, утвердивший нормы русского литературного языка.

[85] *Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814-1841) — русский поэт.

[86] *Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791-1859) — русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1856). В автобиографических книгах «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) — живописные картины усадебной жизни конца XVIII в., формирование детской души, проникновенная поэзия природы. «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника...» (1852).

[87] *Хомяков* Алексей Степанович (1804-1860) - русский религиозный философ, поэт, публицист; основатель славянофильства. Сотрудничал в журнале «Европеец», «Москвитянин», «Русская беседа», был председателем общества любителей русской словесности при Московском университете (1858-1860). Сторонник отмены крепостного права путем реформы. В самодержавии видел единственно возможную для России политическую власть, но предлагал созыв Земского собора и ряд других либеральных реформ (свободное выражение общественного мнения, отмена смертной казни и т. п.). Статьей Хомякова «О старом и новом» (1839) датируется возникновение славянофильства. Творчеству Хомякова свойственна полемическая направленность (критика католицизма, протестантизма, западников, немецкого классического идеализма и др.). В центре его воззрений — учение о «соборности» («кафоличности», цельности, внутренней полноте), характеризующей природу не только христианской церкви, но также человека, общества, процессов познания и творчества.

[88] Колупаевы и Разуваевы — символические фамилии кулаков-мироедов у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Возможно, что писатель связывал фамилию Колупаев с глаголом «колупать», то есть отдирать, отделять что-либо (у неимущего).

[89] *Ламанский* Евгений Иванович (1825-1902) - финансист, управляющий Государственным банком; способствовал основанию обществ взаимного кредита. Сочинения: «О денежном обращении с 1650 по 1817 и об операциях государственных кредитных установлений в России с 1807» (1854), «Индия» (1893).

[90] *Безобразов* Владимир Павлович (1828-1889) - экономист, географ, академик Петербургской АН (1867). Автор работ по вопросам кредита и финансов. Выступал с критикой крепостничества. В I860-1870-х гг. по поручению правительственных учреждений собрал обширные сведения о состоянии российской промышленности и торговли. Редактор журнала «Сборник государственных знаний» (т. 1-8, 1873-1880). Труды: «Государственные доходы. Теоретические и практические исследования» (т. 1-2, 1868-1872), «Хлебная торговля в Северо-Восточной России» (1870), «Народное хозяйство России» (т. 1-3, 1882-1889).

[91] Псевдоним С. Н. Терпигорева.

[92] *Канкрин* Евгений Францевич (1774-1845) - граф, государственный деятель. В 1823-1844 гг. министр финансов. В 1839-1843 гг. провел финансо-

вую реформу, ввел в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установил обязательный курс ассигнаций. Добился бездефицитности государственных бюджетов, временно укрепил финансы России.

[93] *Корф* Модест Андреевич (1800-1876) — граф, государственный деятель, историк, почетный член Петербургской АН (1852). С 1834 г. государственный секретарь, в 1849-1861 гг. управляющий Императорской публичной библиотекой, в 1861-1864 гг. начальник II отделения Собственной его императорского величества канцелярии. В 1864-1872 гг. председатель департамента законов Государственного совета. Автор официозного сочинения о восстании декабристов.

[94] *Герострат* — грек из г. Эфес (Малая Азия); сжег в 356 г. до н. э., чтобы обессмертить свое имя, храм Артемиды Эфесской (одно из семи чудес света). В переносном смысле — честолюбец, добивающийся славы любой ценой.

[95] *Судейкин В. Т.* — начальник Главного управления по делам печати (30.12.1915-7.5.1916).

[96] В финансах — полное соответствие стоимости бумажных денег золотым.

[97] Денежная нехватка, дефицит *(франц.).*

[98] Образ жизни *(лат.).*

[99] *Мазини* (Masini) Анджело (1844-1926) - итальянский певец (тенор). Представитель искусства бельканто. Исполнял лирические и драматические партии. С 1877 г. неоднократно пел в России.

[m] *Баттистини* (Battistini) Маттиа (1856-1928) — итальянский певец (баритон), представитель искусства бельканто. Выступал и в русском репертуаре: Онегин («Евгений Онегин» П. И. Чайковского), Демон («Демон» А. Г. Рубинштейна) и др.

[101] «Панама» — жульническая афера правления акционерной компании, созданной во Франции в 1879 г для сооружения Панамского канала. Для сокрытия хищений, злоупотреблений и тяжелого финансового положения правление компании подкупило французских министров, сенаторов, депутатов, редакторов газет. Крах компании в 1888 г. разорил десятки тысяч мелких держателей акций. В переносном смысле — крупное политическое и финансовое мошенничество, афера.

[102] *Валуев* Петр Александрович (1815-1890) — граф, государственный деятель. В 1861-1868 гг. министр внутренних дел Российской империи, руководил подготовкой и проведением земской и цензурной реформ. В 1872-1879 гг. министр государственных имуществ, в 1879-1881 гг. председатель Комитета министров. Лавировал между «либеральными бюрократами» и консерваторами. Автор «Дневника».

[103] Речь идет о революциях 1848-1849 гг. в Европе, в частности, о революции в Венгрии. Последняя началась 15 марта 1848 г. народным восстанием в Пеште. Созданное в марте правительство отменило крепостное право и провело другие реформы, но не признало провозглашенную

в мае национальную автономию Хорватии, Славонии, Далмации. Это позволило Габсбургам использовать хорватские войска против венгерской революции. 11 сентября в Венгрию вторглась хорватская армия, для отражения которой был создан 21 сентября Комитет защиты родины (с октября — революционное правительство) во главе с Л. Кошутом. Комитет сформировал революционную национальную армию, которая нанесла ряд поражений австрийским и хорватским войскам. Однако в январе 1849 г. габсбургские войска заняли Пешт, революционное правительство переехало в Дебрецен, где 14 апреля парламент провозгласил полную независимость Венгрии и низложение Габсбургов с венгерского престола. В мае Кошут был избран верховным правителем страны. Либеральное дворянство пошло на соглашение с Габсбургами. Австрийский император призвал на помощь русского царя; в мае в Венгрию были введены войска интервентов. 13 августа 1849 г. венгерская армия капитулировала у крепости Вилагош.

[104] Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Россия» (1854).

[105] *Аксаков* Константин Сергеевич (1817-1860) - историк, публицист, лингвист и поэт. Один из идеологов славянофильства. Выступал за отмену крепостного права при сохранении самодержавия.

[106] *Александр Македонский* (Великий) (Алéxandras ho Mégas) (356-323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г. до н. э., сын царя Филиппа II, воспитывался Аристотелем. Победив персов при Гранике (334), Иссе (333), f Гавгамелах (331), подчинил царство Ахеменидов, вторгся в Среднюю Азию (329), завоевал земли до реки Инд, создав крупнейшую мировую 4 монархию древности.

[107] Гордиев узел — согласно древнегреческой легенде, запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги. Предсказание оракула гласило, что развязавший узел получит господство над миром. По преданию, Александр Македонский в 334 г. до н. э. в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом (отсюда «разрубить гордиев узел» — принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса).

[108] Палестина (от древнеевр. пелиштим - филистимляне) - историческая область в Западной Азии. В III тыс. до н. э. здесь осели племена ханаанеев. В XII в. до н. э. побережье Палестины завоевано филистимлянами; на остальной территории в XI в. до н.э. древнееврейские племена основали Израильско-Иудейское царство, распавшееся около 928 г. на два: Израильское (существовало до 722) и Иудейское (до 586). Впоследствии Палестина входила в состав государств Ахеменидов (после 539), Птолемеев и Селевкидов (в III-II вв.), Рима (с 63 до н. э.), Византии (с 395 н. э.). В VII в. Палестину завоевали арабы, в XI в. - крестоносцы, в XII в. — египетские султаны, с 1516 г. в составе Османской империи. В переносном смысле — символ торговли и духа предприимчивости.

[109] Преимуществом (*франц.).*

""Основные положения, принципы, основы мировоззрения *(лат).*

[111] *Мария Александровна* (Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария) (1824-1880) — урожденная принцесса Гессенская, первая жена императора Александра II, российская императрица (1855-1880).

[112] *Самарин* Юрий Федорович (1819-1876) - русский общественный деятель, философ, публицист. Один из идеологов славянофильства, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., в 1859-1860 гг. член Редакционных комиссий. Труды о социально-политических и национальных отношениях в Прибалтике.

[113] *Черкасский* Владимир Александрович (1824-1878) - русский общественный деятель, князь. Был близок к славянофилам, сотрудничал в журнале «Русская беседа». Как член Тульского губернского комитета и Редакционных комиссий принимал активное участие в подготовке отмены крепостного права, сторонник наделения крестьян землей за выкуп. В 1861-1863 гг. мировой посредник Тульской губернии, до 1866 г. главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Вместе с Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным разработал закон о предоставлении в собственность крестьянам в Польше находившихся в их пользовании земель. В начале 1870-х гг. московский городской голова, инициатор подачи либерального адреса Александру И. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. уполномоченный Красного Креста при действующей армии и заведующий гражданской частью в Болгарии.

[114] *Елена Павловна* (Фредерика Шарлотта Мария) (1806-1873) - великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича (с 1823), дочь вюртембергского принца Павла-Карла. В литературно-политическом салоне Елены Павловны в С.-Петербурге обсуждались планы государственных преобразований, реализованные в ходе реформ 1860-1870 гг. Основала ряд больниц, приютов, общину сестер милосердия, Клинический институт в С.-Петербурге, оказывала поддержку Петербургскому университету, АН, Вольному экономическому обществу и другим научным обществам.

[115] *Жуковский* Василий Андреевич (1783-1852) - поэт, почетный член (1827), академик (1841) Петербургской АН. Начав как сентименталист, стал одним из создателей русского романтизма. Перевел «Одиссею» Гомера, произведения Ф. Шиллера, Дж. Байрона.

[m] *Адлерберг* Александр Владимирович (1818-1888) - граф, государственный деятель. Сын В. Ф. Адлерберга, друг и доверенное лицо императора Александра II. С 1861 г. командующий Императорской Главной квартирой, с 1866 г. член Государственного совета, в 1870-1881 гг. министр Императорского двора, одновременно с 1871 г. канцлер российских императорских и царских орденов.

[117] *Ливен* (Liven) Андрей Александрович (1839-1913) - светлейший князь, государственный деятель, действительный тайный советник (1913), статс-секретарь (1874, 1913). В 1879-1881 гг. управляющий Министерством государственных имуществ.

[118] *Суворов* Александр Аркадьевич (1804-1882) — светлейший князь, генерал-адъютант, прибалтийский (1848-1861) и петербургский (1861-1866) генерал-губернатор, впоследствии генерал-инспектор пехоты, пользовался репутацией либерала.

[119] *Толстой* Иван Матвеевич (1806-1867) - граф, камергер (1834), действительный статский советник (1843), шталмейстер (1855), обер-гофмейстер (I860). Заведующий Конюшенной частью Двора великого князя Александра Николаевича (1840), член Комитета государственного коннозаводства (1851-1859), товарищ министра иностранных дел и сенатор (1856), член Государственного совета (1861), главноначальствующий над Почтовым департаментом (1863), заведующий Телеграфным управлением (1864), министр почт и телеграфов (1865).

[120] *Толстой* Алексей Константинович (1817-1875) - граф, русский писатель. С 1834 г. служил в Московском архиве Министерства иностранных дел, затем был на дипломатической и военной службе; с 1843 г. занимал различные придворные посты. В 1840-х гг. формируется талант Толстого - лирика и автора баллад. С 1854 г. печатал в «Современнике» стихи и литературные пародии от имени вымышленного Козьмы Пруткова (в соавторстве с А. М. и В. М. Жемчужниковыми). В конце 1850-х гг. сотрудничал в славянофильской «Русской беседе», затем в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы». В 1861 г. Толстой отдалился от двора и сосредоточился на литературных занятиях. Опубликовал драматическую поэму «Дон Жуан» (1862), исторический роман «Князь Серебряный» (1863), историческую трилогию — трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870).

[121] Со знанием дела *(франц).*

[122] *Лорис-Меликов* Михаил Тариелович (1825-1888) - граф, государственный деятель, генерал от кавалерии (1875), почетный член Петербургской АН (1880). Фактический руководитель военных действий на Кавказе в 1877-1878 гг. В 1880 г. председатель Верховной распорядительной комиссии, в 1880-1881 гг. министр внутренних дел. Автор неосуществленного проекта переустройства системы государственного управления (так называемая «Конституция» Лорис-Меликова). В апреле 1881 г подал в отставку в знак протеста против отказа правительства Александра III от курса реформ.

[123] *Мамонтов* Савва Иванович (1841-1918) - промышленник и меценат. Из купцов. Акционер железнодорожного и промышленного обществ. В 1870-1890 гг. подмосковное имение С. И. Мамонтова Абрамцево стало одним из центров художественной жизни. При содействии Мамонтова были

созданы художественные мастерские, развивавшие традиции русского народного творчества. В 1885 г. основал на свои средства Московскую частную русскую оперу (действовала до 1904). В 1899 г. разорился.

[m]*Ададуров* Николай Евграфович (1836—?) — действительный статский советник (1895). Инженер путей сообщения. Член Инженерного совета Министерства путей сообщения (1899).

О нашем финансовом положении

О нашем финансовом положении (Записка, представленная в ноябре 1898 г. Его Императорскому Величеству в Ливадии) // Русское дело. 1906. № 20. С. 13-15. Публикуется по данному изданию.

[125] *Витте* Сергей Юльевич (1849-1915) — государственный и политический деятель. С 1878 г. начальник эксплуатационного отдела правления Общества Юго-Западных железных дорог. В 1889-1892 гг. директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Активно содействовал постройке Великой Сибирской магистрали. В феврале — августе 1892 г. управляющий Министерства путей сообщения. С августа 1892 г. министр финансов. Провел ряд экономических преобразований. Ввел винную монополию (1894), осуществил денежную реформу (1897). С августа 1903 по 1905 г. председатель Комитета министров. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905). Был удостоен графского титула. Один из авторов Манифеста 17 октября 1905 г. Первый председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906).

[126] *Татищев* Сергей Спиридонович (1846-1907) — дипломат, историк, публицист консервативно-националистического направления, сотрудник М. Н. Каткова и А. С. Суворина. В 1864 г. поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. В 1865-1877 гг. занимал последовательно должности секретаря русского консульства в Рагузе (Турция), миссии в Афинах и посольства в Вене. В 1881 г. поступил в Министерство внутренних дел, состоял чиновником особых поручений при гр. Н. П. Игнатьеве. *В 1883 г. вышел в отставку, уехал за границу. Занимался изучением истории отечественной дипломатии. В 1898 г. поступил на службу в Министерство финансов и до 1904 г. оставался русским финансовым агентом в Лондоне.

[127] Оль П. В. — русский публицист и исследователь истории монополий, банков, иностранного капитала и др.

[128] Индекс *(англ)*. Индексы — в статистике относительные величины, количественно характеризующие динамику совокупности, состоящей из непосредственно несоизмеримых единиц, или части такой совокупности (например, общий индекс оптовых цен всех товаров и групповые индексы цен продовольственных и непродовольственных товаров или промышленных и сельскохозяйственных товаров и т. д.).

[129] До победного конца *(франц)*.

[130] Имеется в виду работа: *Шарапов С. Ф.* Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895: Доклад Обществу для содействия русской промышленности и торговли С. Ф. Шарапова на основании цифровых данных, собранных и сгруппированных П. В. Олем. СПб., 1897.

Бумажный рубль. (Его теория и практика)

Талицкий (Сергей Шарапов). Бумажный рубль. (Его теория и практика) СПб., 1895. Текст книги публикуется по данному изданию полностью, за исключением приложения (С. 135-156).

[131] *Киреевский* Иван Васильевич (1806-1856) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. В отходе от религиозных начал и утрате духовной целостности видел источник кризиса «европейского просвещения» и господства отвлеченного мышления в немецкой идеалистической философии. Задачей самобытной русской философии считал переработку «европейской образованности» в духе учений восточной патристики.

[1)2] *Гюго* (Hugo) Виктор Мари (1802-1885) - французский писатель, глава и теоретик французского демократического романтизма. После переворота Луи Наполеона Бонапарта (1851) эмигрировал и выпустил памфлет «Наполеон Малый» (1852), сборник стихов «Возмездие» (1853). Автор исторических романов «Собор Парижской богоматери» (1831), «Отверженные» (1862), «93 год» (1874); сборника стихов «Легенда веков» (т. 1-3,1859-1883). В настоящем случае речь идет о написанной в 1852 г. книге «История одного преступления» (т. 1-2. Изд. 1877-1878).

[133] «Эта книга не просто полезна, она необходима — и я ее публикую» *(франц)*.

[m]*Смит* (Smith) Адам (1723-1790) - английский экономист, представитель политической экономии. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). Разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости.

[1]*рСэй* (Say) Жан Батист (1767-1832) - французский экономист, иностранный почетный член Петербургской АН (1816). Главное сочинение.- «Трактат политической экономии...» (1803). Сторонник свободной торговли и невмешательства государства в экономическую жизнь. Один из авторов теории факторов производства. Сформулировал т. н. закон рынка, полагая, что обмен продуктов автоматически ведет к равновесию между куплей и продажей.

WPumpdo (Ricardo) Давид (1772-1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической политэкономии. Основные теоретические труды: «Начала политической экономии и налогового

обложения» (1817). Развивая идеи А. Смита, доказал, что стоимость товаров, единственным источником которой является труд рабочего, лежит в основе доходов различных классов общества — заработной платы, прибыли, процента и ренты. Именно исследование законов, определяющих распределение этих доходов между классами, Рикардо считал главной задачей политэкономии. Сформулировал закон обратно пропорциональной зависимости между заработной платой рабочего и прибылью капиталистов. Разработал также теорию распределения, теорию воспроизводства общественного капитала, теорию денег.

[137] *Вагнер* (Wagner) Адольф (1835-1917) - немецкий экономист. Испытал влияние идей исторической школы (направление в юридической науке, выступавшее против идей естественного права); подчеркивал зависимость хозяйственной жизни от правовых отношений и института частной собственности.

[138] Jlo (Law) Джон (1671-1729) — шотландский финансист, создатель т. н. системы Ло, которая была основана на выпуске в обращение необеспеченных бумажных денег. Считая, что бумажные деньги сами по себе обладают определенной ценностью, Ло утверждал, что их усиленный выпуск благотворно скажется на деловой активности и увеличении богатства нации. Предложение Ло нашло поддержку в придворных кругах Франции, находившейся накануне финансового краха. В 1716 г. был создан частный банк (в 1718 г. преобразован в государственный), бумаги которого гарантировались именем короля, а Ло стал министром финансов Франции. Однако вследствие чрезмерного выпуска бумажных денег, не обеспеченных золотом и серебром, в 1720 г. государственный банк лопнул, и Ло бежал за границу. «Система Ло» сыграла определенную роль в зарождении учения физиократов.

[139] *Лист* (List) Фридрих (1789-1846) - немецкий экономист. Один из организаторов «Всеобщей ассоциации германских промышленников и купцов». В противовес классической трудовой теории стоимости выдвинул т. н. теорию производительных сил, основой которых считал «умственный капитал» (успехи в науках, искусстве), определяемый им как главный источник богатства. Сторонник протекционизма, выступал за государственное вмешательство в экономическую жизнь. Защищал идею господства Германии в Европе.

[140] *Родбертус-Ягецов* (Rodbertus-Jagetzow) Карл Иоганн (1805-1875) - немецкий экономист. Изучал вопросы земельной ренты и прибыли. Выступил с идеей прусского «государственного социализма».

[141] Борьба за существование *(англ).*

[142] *Ротшильды* (Rothschild) - финансовая группа в Западной Европе. Восходит к Майеру Амшелю Ротшильду (1744-1812), основавшему в 1766 г. банк во Франкфурте-на-Майне, и пятерым его сыновьям, которые также основали банки в Вене, Неаполе, Париже, Лондоне.

[143] *Альвардт* (Ahlwardt) Герман (1846-?) - германский политический деятель. Работал учителем, потом ректором одной берлинской народной школы. В конце 1880-х гг. выступал в брошюрах и в речах на народных митингах с проповедью самого крайнего антисемитизма. Вследствие нападок на городское управление Берлина с обвинениями в том, что оно будто бы продалось евреям, был удален от должности. В 1892 г. выпустил брошюру «Judenflinten» (Берлин, 1892), в которой доказывал, что оружейная фабрика еврея Леве поставила в армию негодные ружья, которые были приняты правительством вследствие подкупа. Привлеченный на суд по обвинению в клевете, ни документов, ни свидетелей, ни даже сколько-нибудь обоснованных подозрений указать не мог и был приговорен к пяти месяцам тюрьмы. Сильное развитие антисемитизма в это время создало Альвардту популярность, и он в декабре 1892 г. был выбран на дополнительных выборах в рейхстаг. Однако даже родственная ему антисемитская партия реформы не пожелала принять в свою среду заведомого клеветника, который и в рейхстаге продолжал свою кампанию, обвиняя министра финансов Миккеля в продажности. Речи и брошюры Альвардта отличаются грубостью нападок. В 1893 и 1898 гг. он был переизбран в рейхстаг, однако в начале XX в. перестал появляться в нем и вскоре сошел с политической сцены.

[144] *Блейхредер* (Bleichreder) Герсон (1822-1893) - немецкий финансист, глава крупного банка в Берлине, личный банкир Бисмарка, его неофициальный советник по финансовым делам, спонсировавший вместе с Ганземаном колониальные захваты Германии (в частности, в Новой Гвинее, 1884).

[145] Дальтонизм — частичная цветовая слепота, наследственное нарушение цветового зрения у людей, заключающееся в неспособности различать некоторые цвета (большей частью красный и зеленый). Впервые описан Джоном *Дальтоном* (Dalton) (1766-1844).

[146] *Прудон* (Proudhon) Пьер Жозеф (1809-1865) - французский социалист, теоретик анархизма. Пропагандировал мирное переустройство общества путем реформы кредита и обращения; выдвинул идею учреждения «Народного банка» с целью предоставления дарового кредита для организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких производителей.

[147] *Фулье, Фуйе* (Fouiĺlee) Альфред Жюль Эмиль (1838-1912) - французский философ и социолог. Преподаватель философии Парижской нормальной школы (1872-1879). В своей эклектической метафизике Фулье при помощи «метода примирения» пытался объединить различные философские направления. Основными факторами мирового процесса Фулье признавал особые духовно-волевые состояния, «идеи-силы», реализующие себя через понимание и признание их массами. В социологии Фулье — органицист. Общество, согласно Фулье, есть психологический «договорный организм», не существующий независимо от индивидов. В процессе эволюции чувство общественной солидарности прогресси-

рует вместе с сознанием индивидов, в связи с чем возрастает зависимость уровня развития общества от идеологических факторов, а также от сознательной воли его членов. Высшая стадия эволюции понимается Фулье как полное единство социального и индивидуального в условиях развитых форм договорных отношений.

[148] *Кольбер* (Colbert) Жан Батист (1619-1683) - генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 г. Экономическая политика Кольбера (так называемый кольбертизм) — одна из разновидностей меркантилизма: добивался роста государственных доходов главным образом путем создания крупных мануфактур, увеличения вывоза и сокращения ввоза промышленных изделий.

[149] *Цешковский А.* (1814-1894) - экономист, депутат от великого княжества Познанского в прусском сейме. Его работа «О кредите и средствах его обращения» получила широкую известность, выдержав три издания в Париже, и привлекла внимание видных русских экономистов.

[150] *Маклеод, Маклауд* (Macleod) Генри Даннинг (1821-1902) - английский экономист, юрист. В 1849 г. вступил в корпорацию адвокатов. Директор Королевского банка (до 1858). В 1868-1870 гг. участвовал в разработке кредитного законодательства. Политическая экономия, по Маклеоду, - это учение об обмене, поэтому предмет этой науки трактовался им с точки зрения меновой концепции. Отрицал трудовую теорию стоимости, сводя меновую стоимость товаров к оценке покупателями потребительных стоимостей товаров. Отождествлял кредит с деньгами, а деньги с капиталом, преследуя цель затушевать подлинный источник капитала — прибавочную стоимость.

[151] *Кауфман* Илларион Игнатьевич — экономист, профессор Санкт-Петербургского университета. Сочинения: «Теория колебания цен» (1867), «Теория и практика банковского дела» (1873-1877), «Кредитные билеты, их упадок и восстановление» (1888), «Вексельные курсы России за 50 лет, 1841-1890» (1892).

[152] *Бунге* Николай Христиановцч (1823-1895) - государственный деятель, экономист, академик Петербургской АН (1890). В 1859-1862, 1871-1875 и 1878-1880 гг. ректор Киевского университета. В 1859-1860 гг. член Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы 1861 г. В 1881-1886 гг. министр финансов. В 1887-1895 гг. председатель Комитета министров. Проводил политику протекционизма, финансирования промышленности. При Бунге была отменена подушная подать, создан Крестьянский банк, заложены основы фабричного законодательства.

[153] *Алексей Михайлович* (1629-1676) - русский царь из дома Романовых с 1645 г. Сын царя Михаила Федоровича. В правление Алексея Михайловича усилилась центральная власть и оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649); воссоединена с Русским государством Украина (1654), возвращены Смоленск, Северская земля и др.; подавлены

восстания в Москве, Новгороде, Пскове (1648,1650,1662) и Крестьянская война под руководством С. Т. Разина; произошел раскол русской церкви.

[154] *Роuiер* (Roscher) Вильгельм Георг Фридрих (1817-1894) - немецкий экономист, основоположник исторической школы политэкономии. Профессор Гётгингенского (с 1843) и Лейпцигского (с 1848) университетов. Признавал лишь эволюционные формы общественного развития; хозяйственные явления объяснял путем поиска исторических аналогий. Считал, что неравенство доходов в обществе стимулирует экономический прогресс.

[1,5] *Дмитрий Донской* (1350-1389) - великий князь московский (1359) и владимирский (с 1369), сын Ивана II. При нем в 1367 г. построен, белокаменный Кремль в Москве. Возглавил вооруженную борьбу против монголо-татар и добился победы на реке Вожа (1378). В Куликовской битве проявил себя талантливым полководцем, за что и был прозван Донским. В княжение Дмитрия Донского Москва утвердила свое руководящее положение в русских землях. Впервые передал великое княжение (Василию I) без санкции Золотой Орды.

[156] Возможно - *Шипов* Иван Павлович (1865-1919) - министр финансов (28.10.1905-24.4.1906).

[157] *Кокорев* Василий Александрович (1817-1889) - российский предприниматель, меценат, публицист, почетный член АХ (1889). Разбогател на винных откупах. Вел торговлю с Персией. Основал первый нефтеперегонный завод в Баку, Волжско-Камский банк. Акционер железнодорожного и др. обществ.

[1,8] *Гиляров-Платонов* Никита Петрович (1824-1887) - российский историк, экономист, публицист, издатель. Близок к славянофилам. Участник подготовки крестьянской (1861) и цензурной (1865) реформ. Автор трудов по истории церкви, политэкономии, публицистических статей о современном положении православной церкви в России, в т. ч.: «Основные начала экономики» (1889), «Вопросы веры и церкви» (т. 1-2, опуб. в 1905-1906).

[159] *Мальцовы* (Мальцевы) - заводчики и землевладельцы в России XVIII - начала XX в. Из купцов, с 1755 г. дворяне. Родоначальники - Василий и Афанасий — в 1724 г. основали стекольный завод близ Можайска, после 1747 г. перевели завод частично на р. Гусь в район современного г. 1усь-Хрустальный, частично в с. Дятьково (ныне город в Брянской области). В конце XVIII - начале XIX в. занимали ведущее положение в частной стекольно-хрустальной промышленности. Иван Сергеевич (1807-1880) состоял на государственной службе, участвовал в миссии А. С. Грибоедова в Тегеране, с 1864 г. сенатор; владел 111 тыс. десятин земли, 6 тыс. крестьян, 11 заводами в Мещерском крае; участник кружка «Любомудров», писал для «Московского вестника» М. П. Погодина. Сергей Иванович (1810-1893) первоначально был на военной службе, генерал-майор, с 1849 г. в отставке, занялся предпринимательством; его

заводской округ близ Брянска стал одним из крупнейших центров отечественного машиностроения.

[160] *Эдисон* (Edison) Томас Алва (1847-1931) — американский изобретатель и предприниматель, организатор и руководитель первой американской промышленной исследовательской лаборатории (1872, Менло-Парк), иностранный почетный член АН СССР (1930). В 1869-1876 гг. сконструировал ряд оригинальных приборов, в том числе прибор для передачи информации (биржевых курсов) на расстояние, вел работы по многократному телеграфированию, усовершенствовал пишущую машинку и др. В 1876 г. переехал в Менло-Парк (шт. Нью-Йорк), где основал крупную лабораторию с мастерскими. В этот период он усовершенствовал телефон А. Белла и создал фонограф (1877), предложил и внедрил промышленный образец лампы накаливания (1879) и различную электротехническую аппаратуру; провел опыты по электрификации железных дорог и др. Сконструировал самые мощные для того времени электрические генераторы. По его проекту в Нью-Йорке была построена первая в мире электростанция постоянного тока, находившаяся в общественном пользовании (1882).

[161] Гринбеки *(англ.* greenbacks, букв. — зеленые спинки) — бумажные деньги, не разменивавшиеся на золото.

[162] Не только юридически, но и фактически *(лат).*

[163] *Мальтус* (Malthus) Томас Роберт (1766-1834) — английский экономист. Утверждал, что безработица и бедственное положение рабочих при капитализме — результат «абсолютного избытка людей», действия «естественного закона народонаселения».

[164] Беден крестьянин — беден король *(франц.).*

[m] *Рувье* Морис — глава французского правительства (1905-1906), состоявшего из представителей «левого блока». Отличался жесткой политикой в отношении церкви (законопроект об отделении церкви от государства) и армии (снижение срока военной службы с 3 до 2 лет, «чистка» офицерского корпуса от клерикалов и националистов).

[166] *Гурьев* Александр Николаевич (1864 - не ранее 1915) — публицист, фактический редактор газеты «Русское государство» (1906), затем — сотрудник газеты «Россия».

[167] *Людовик XIV* (Louis) (1638-1715) — французский король (с 1643) из I династии Бурбонов. С именем «короля-Солнца» обычно связывают рас-1 цвет французского абсолютизма.

[168] «Государство — это я» *(франц.).*

[169] Бюллетень для голосования *(франц.).* Здесь — голос на выборах.

[170] Меркурий — в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников. Изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе I и с жезлом в руке. Соответствует греческому Гермесу.

[171] Сберегательная касса *(франц.).*

[172] *Беллами* (Bellamy) Эдуард (1850-1898) — американский писатель. Сын священника. По образованию юрист. В историческом романе «Герцог Стокбриджский». (1879, отдельно издан в 1901) Беллами описал выступления народных масс в 1786 г. как результат экономического неравенства. Мировую известность принес Беллами утопический роман «Взгляд в прошлое» (1888; русский перевод: «В 2000 году», 1889), где изображено достигнутое в процессе мирной эволюции социалистическое общество как строй всеобщего равенства; для этого произведения характерны реформистские и технократические иллюзии. В США роман содействовал возникновению «Клубов Беллами», стремившихся воплотить в жизнь планы писателя. В период спада этого движения написал книгу «Равенство» (1897; рус. пер.: 1907), в которой развивал и уточнял идеи своего романа.

[173] «Русские», «египетские», «венгерские» *(франц).*

[174] *Лессепс* (Lesseps) Фердинанд (1805-1894) — французский дипломат, инженер-предприниматель, иностранный почетный член Петербургской АН (1876). Руководил сооружением Суэцкого (1859-1869) и Панамского (1879-1890) каналов.

[175] Египетский заем *(франц).*

[176] Расчет (пошлины, процентов и т. д.) *(франц).* Ликвидация — производство окончательного расчета после исполнения коммерческой сделки.

[177] Мы ограблены *(франц.).*

[178] Долой министра *(франц.).*

[179] Поляковы — российские предприниматели, банкиры, участники железнодорожного строительства, братья. Яков Соломонович (1832-1909) — основатель ряда банков, в том числе в Иране. Самуил Соломонович (1837-1888) — владелец ряда железных дорог, основатель многих банков. Лазарь Соломонович (1842-1914) — основатель в Москве банкирского дома.

[180] Вельзевул, в Новом Завете глава злых духов, демонов.

[181] Светская или республиканская мораль *(франц).*

[182] Поляков Самуил Соломонович — см. комм. 179-

[183] В большом масштабе, с размахом *(франц).*

[184] Третьяковы — российский купеческий род (упоминается с XVIII в.). Торговали льняным полотном и пряжей, владели текстильными предприятиями. Наиболее известны братья: Павел Михайлович (1832-1898) — директор правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, член совета Московского купеческого банка. Член советов Попечительства о бедных в Москве и Московского художественного общества. Действительный член АХ (с 1893). Почетный гражданин Москвы (с 1897). Собиратель произведений русского искусства. В 1892 г. его коллекция — одно из крупнейших собраний национальной живописи — стала основой Третьяковской галереи. Содержал Арнольдовское училище для глухонемых детей. Оказывал материальную помощь отдель-

ным художникам и Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. Сергей Михайлович (1834-1892) — собиратель западноевропейской живописи, свое собрание завещал Москве; в 1877-1881 гг. московский городской голова. Станфордский университет основан в 1885 г. Входит в научно-промышленный территориальный комплекс, т. н. Станфордский научно-исследовательский парк.

185 Имущество *(лат).*

186 Сравнение не является аргументом *(франц).*

187 Помни о смерти *(лат).*

188 *Антонович* Афиноген Яковлевич (1848-1917) — российский экономист-статистик В 1893-1895 гг товарищ министра финансов, затем член совета Министерства народного просвещения. Утверждал, что основа капитализма — «строго демократический принцип равенства», в том числе равенства прибылей.

189 В настоящее издание этот доклад не включен.

m *Пазухин* Алексей Дмитриевич (1845-1891) — русский консервативный публицист, государственный деятель, правитель канцелярии Министерства внутренних дел.

Финансовое возрождение России

Финансовое возрождение России. Доклад, прочитанный в заседании «Русского Собрания» в Петербурге 9 марта 1908 г. М., 1908. Публикуется по данному изданию.

191 *Коковцов* Владимир Николаевич (1853-1943) — государственный и политический деятель, граф; министр финансов (1904-1914), председатель Совета Министров (1911-1914). В 1918 г. эмигрировал во Францию, где вскоре занял пост председателя International Bank of Commerce.

m *Рейтерн* Михаил Христофорович (1820-1890) — граф, государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1863). В 1862-1878 гг. министр финансов, осуществил реформу финансового устройства страны, содействовал железнодорожному строительству. В 1881-1886 гг. председатель Комитета министров.

m *Бутми* (наст. фам. Кацман) Георгий Васильевич (1856 - после 1917) — политический деятель. Участник создания и один из идеологов Союза Русского народа, сотрудник газеты «Русское знамя» (1906), автор многочисленных юдофобских статей, в 1906 г. вместе с П. И. Крушеваном выпустил несколько изданий «Протоколов сионских мудрецов». В 1912-1913 гг. член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела.

194 Необходимое, непременное условие *(лат).*

195 Возможно, речь идет о *Мальцове* (Мальцеве) Иване Сергеевиче. См. комм. 159-

19b *Рубонин* Петр Ионович (1825-1894) — один из крупных русских железнодорожных и промышленных дельцов I860-1880-х гг. XIX в. Выходец из крестьян. Вначале — мелкий откупщик, затем подрядчик на строительстве Исаакиевского собора в Петербурге. В I860-1870-х гг., разбогатев, стал концессионером и главой правлений целого ряда железнодорожных обществ: Лозово-Севастопольской, Грязе-Царицынской, Орловско-Витебской, Балтийской, Уральской, а также Петербургской и Московской конки. Нажив миллионное состояние, в 1870-1880-е гг. Губонин стал одним из учредителей ряда крупнейших промышленных предприятий, создаваемых при правительственной поддержке. В 1875 г. добился титула потомственного дворянина; стал крупным земельным собственником (имение Гурзуф в Крыму и др.).

197 *Алчевский* Алексей Кириллович (1835-1901) — российский предприниматель и финансист. Муж Х. Д. Алчевской. Создатель и один из владельцев Харьковского земельного банка и ряда акционерных обществ (Алексеевского горно-промышленного, Донецко-Юрьевского металлургического и др.). В 1860-х гг. глава либерального кружка «Громада» (Харьков), финансировал педагогическую и просветительскую деятельность жены. В 1901 г. разорился и покончил с собой.

198 *Челышев* Михаил Дмитриевич (1866-1915) — депутат III Государственной думы от Самарской губернии. Предприниматель, собственник большого торгового дома (кирпичные и асфальтовые дороги, бани, доходные дома). Активно участвовал в местном управлении: гласный Самарского уездного земства и Самарской городской думы.

199 Имеется в виду брошюра: *Шарапов С., Оль П.* Как ликвидировать золотую валюту? СПб, 1899.

Русские исторические начала и их современное приложение

Русские исторические начала и их современное приложение. Речь, произнесенная С. Ф. Шараповым 30 ноября 1907 г. при открытии Аксаковского Политического и Литературного Общества. М, 1908. Публикуется по данному изданию.

200 *Киреевский* Иван Васильевич (1806-1856) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. Киреевский Петр Васильевич (1808-1856) — русский фольклорист, публицист, славянофил. Брат И. В. Киреевского, с которым сохранял отношения в течение всей жизни, участвуя практически во всех его литературно-издательских начинаниях.

201 *Аксаков* Сергей Тимофеевич и *Аксаков* Константин Сергеевич - см. комм. 86, 105.

202 Движение в поддержку так называемого национального возрождения у южнославянских народов. Первым его очагом на Балканах было

сербское восстание 1804-1813 гг. В 1821 г. вспыхнуло национально-освободительное движение в Греции, в 1848-1849 гг. — в Хорватии, Словении и Воеводине. В Дунайских княжествах был поднят вопрос об объединении Молдовы и Валахии в единое государство. Национально-освободительные движения в Болгарии, Боснии и Герцеговине протекали на фоне Восточного кризиса 1875-1878 гг., явившегося следствием международных противоречий, вызванных борьбой великих держав за «турецкое наследство».

[203] Берлинский трактат заключен 1(13) июля 1878 г. державами — участницами Берлинского конгресса. Подтвердил независимость Черногории, Сербии и Румынии. Северная Болгария стала автономным государством, Южная Болгария (Восточная Румелия) осталась под властью турецкого султана, получив административную автономию. К России отошли устье Дуная, крепости Каре, Ардаган, Батум с округами. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

[204] Русско-японская война за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Начата Японией. В ночь на 27.1(9.2). 1904 г. японский флот внезапно атаковал Порт-Артур и блокировал Тихоокеанскую эскадру. В январе-марте японские войска высадились в Корее, в апреле — на Ляодунском полуострове, начав осаду Порт-Артура. Русская армия в августе (сентябре) 1904 г. потерпела поражение в сражении при Ляояне, в сентябре (октябре) - на р. Шахэ. 20.12.1904 (2.1.1905) г. пал Порт-Артур. В феврале (марте) 1905 г. японские войска нанесли тяжелое поражение русской армии при Мукдене, в мае японский флот уничтожил 2-ю Тихоокеанскую эскадру при Цусиме. Война завершилась Портсмутским миром 1905 г., ускорила начало революции 1905-1907 гг.

[205] *Филарет* Московский (в миру Василий Михайлович *Дроздов)* (1782-1867) — архиепископ (с 1821), позднее митрополит Московский (1825-1867). В 1809-1819 гг. инспектор, затем ректор Петербургской духовной академии, профессор философии, член Библейского общества. В 1819-1849 гг. член Синода, имел большое влияние как на церковные, так и на государственные дела, был составителем акта о передаче престола Николаю I, Манифеста 19 февраля 1861 г. и др. актов.

[206] *Платон* (в миру Петр Георгиевич Левшин) (1737-1812) - митрополит Московский, церковно-государственный деятель, проповедник, учредитель духовных учебных заведений и воспитатель, историк церкви.

[207] *Никанор* (в миру Александр Иванович Бровкович) (1827-1890/1891) — архиепископ Херсонский и Одесский (с 1886), духовный писатель, религиозный философ.

[ш] *Гапон* Георгий Аполлонович (1870-1906) — священник, агент охранки. С 1902 г. связан с С. В. Зубатовым. В 1904 г. организовал и возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II, шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. До октября 1905 г. в эмиграции. Разоблачен, повешен рабочими-дружинниками.

[209] *Петров* Григорий Спиридонович (1866-1925) — писатель, священник и проповедник; редактор журнала «Друг трезвости» (1900-1901) и газеты «Правда Божия» (1906). Получил громкую популярность своими красноречивыми проповедями и книгами, в которых выдвигал нравственные евангелические идеалы в противовес обрядовому христианству. Главные сочинения: «Евангелие как основа жизни», «По стопам Христа».

[2,0] *Антонин* (в миру Андрей Иванович Капустин) (1817-1894) — церковный деятель, археолог, археограф. Автор трудов по истории христианского Востока, основатель Русского палестинского общества (1882) и Музея христианских древностей в Иерусалиме.

[211] *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848-1925) — генерал от инфантерии (1901). В 1898-1904 гг. военный министр. В Русско-японскую войну 1904-1905 гг. командовал войсками в Маньчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом. В Первую мировую войну командующий армией и Северным фронтом (в 1916). В 1916-1917 гг. туркестанский генерал-губернатор, руководил подавлением Среднеазиатского восстания 1916 г. Автор военно-исторических и военно-географических работ.

[2П] *Стесселъ* Анатолий Михайлович (1848-1915) — российский генерал-лейтенант (1901). Участник подавления Ихэтуаньского восстания. В Русско-японскую войну 1904-1905 гг. начальник Квантунского укрепленного района, обнаружил бездарность и трусость, сдал Порт-Артур противнику. Приговорен военным судом к смертной казни, но помилован императором Николаем II.

[21}] *РейсВ.А.* — полковник, участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. Предан Верховному военно-уголовному суду в связи со сдачей Порт-Артура.

[214] *Фок* Александр Викторович (1843-1926) — русский генерал-лейтенант (1904). Окончил Константиновское военное училище (1864). В 1871-1876 гг. служил в Отдельном корпусе жандармов. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 1890-х гг. командовал полком, с 1900 г. - 4-й Восточно-Сибирской стрелковой бригадой, участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. Его бездарное руководство войсками во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. явилось причиной ряда неудач в боях на подступах к Порт-Артуру; был отстранен от командования 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией. После гибели генерала Р. И. Кондратенко (декабрь 1904) назначен по приказу генерала Стесселя начальником сухопутной обороны Порт-Артура и явился вместе с ним виновником преждевременной сдачи крепости. Отдан под суд, но в 1908 г. оправдан, хотя и уволен со службы.

[215] *Рожественский* Зиновий Петрович (1848-1909) — вице-адмирал, начальник Главного морского штаба с 1903 г. В Русско-японскую войну

1904-1905 гг. командующий 2-й тихоокеанской эскадрой, отправленной 2 октября 1904 г. из Либавы. 14 мая 1905 г. близ острова Цусима в Корейском заливе произошел бой между эскадрой Рожественского и японской эскадрой адмирала Того, в ходе которого русская эскадра была большей частью потоплена, частью сдалась японцам (отряд Небогатова). Рожественский был ранен и сдался японцам на миноносце «Бедовый». За сдачу миноносца был предан суду, но оправдан.

[216] *Небогатое* Николай Иванович (1849—?) — контр-адмирал, участник Цусимского сражения (1905), которому после ранения З. П. Рожественского было передано командование русской эскадрой. С отрядом из четырех броненосцев он был окружен японским флотом, сдал корабли противнику и сам попал в плен, за что, по возвращении в Россию, вместе с 77 своими офицерами был предан военно-морскому суду (декабрь 1906). Суд приговорил его к смертной казни, с ходатайством о замене ее 10-летней каторгой; к тому же наказанию были приговорены три командира судов; еще четыре офицера приговорены к нескольким месяцам крепости, остальные оправданы. Пробыв 25 месяцев в крепости, Небогатов был помилован. В целях самооправдания и обвинения адмирала Рожественского Небогатов (еще до суда) напечатал в газете «Наша жизнь» статью «Цусимский бой».

[217] *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862-1911) - государственный деятель. Происходил из старинного дворянского рода. Окончил Орловскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета (1885). В 1887-1889 гг. служил в департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. С 1889 г. предводитель дворянства в Ковенском уезде, с 1897 г. ковенский губернский предводитель дворянства. В 1902 г. назначен гродненским, в 1903 г. саратовским губернатором. С апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июня 1906 г. одновременно председатель Совета министров. Гофмейстер (1906), член Государственного Совета (1907), статс-секретарь (1908). 1 сентября 1911 г. смертельно ранен Д. Г. Богровым в Киевском оперном театре.

[218] *Милюков* Павел Николаевич (1859-1943) - политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). С 1886 г. приват-доцент этого университета. В 1892 г. получил степень магистра русской истории. За пропаганду либеральных идей в 1895 г. уволен из университета и выслан в Рязань. С 1897 г. преподавал в Софии. Читал лекции в Лондоне, Чикаго и др. В 1905 г. один из организаторов партии кадетов, член ЦК партии, ее идеолог и лидер. Редактор партийной газеты «Речь». Депутат III и IV Государственной думы. Летом 1915 г. сыграл значительную роль в создании Прогрессивного блока. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. С марта по май 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. После октября 1917 г. участвовал в антибольшевистском движении. Эмигрировал, был одним из влиятельнейших лидеров русской эмиграции.

[219] *Гучков* Александр Иванович (1862-1936) - политический деятель. В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1891 г. — чиновник особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе. С 1893 г. — член Московской городской управы. В 1899 г. — волонтер в армии буров в Англо-бурской войне в Южной Африке, был ранен. В 1901 г. назначен директором, затем управляющим Московским учетным банком. В 1904 г. воевал в Македонии с турками. Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. - уполномоченный отряда Красного Креста. Один из основателей и лидер «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы; с марта 1910 по март 1911 г. ее председатель. В 1915 г. избран в Государственный Совет. Во время Первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. Участник «Прогрессивного блока». Вместе с В. В. Шульгиным принял документ об отречении Николая II. После Февральской революции 1917 г. - начальник Петроградского военного гарнизона, затем военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Выступал за войну «до победного конца». После Октябрьской революции участвовал в организации борьбы против большевиков. С 1918 г. в эмиграции.

[220] Германия превыше всего *{нем).*

[221] *Тихомиров* Лев Александрович (1852-1923) - политический деятель, публицист. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», Исполкома «Народной воли», редактор народовольческих изданий. В 1882-1889 гг. в эмиграции; представитель Исполкома за границей. В 1888 г. отрекся от революционных убеждений и подал прошение о помиловании. По возвращении в Россию перешел на монархистские позиции, ведущий публицист, затем редактор газеты «Московские ведомости».

Поворот в аграрной политике
Кто и как растаскивает Россию
Обязательность всеобщего обучения
Как в Тамбове справляют Георгиевский праздник

Поворот в аграрной политике // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 34. Апрель 1910. Мой дневник. С. 86-90. Публикуется по данному изданию.

Кто и как растаскивает Россию // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 31-32. Январь-февраль 1910 г. Мой дневник С. 101-104. Публикуется по данному изданию.

Обязательность всеобщего обучения // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 33. Март 1910. С. 3-13. Публикуется по данному изданию.

Как в Тамбове справляют Георгиевский праздник // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 31-32. Январь-февраль 1910 г. Мой дневник. С. 113-117. Публикуется по данному изданию.

[222] Вероятно, происходит от франц. слова «светский» (la'ique).

[223] *Писарев* Дмитрий Иванович (1840-1868) — русский публицист и литературный критик, философ-материалист, революционный демократ. Главный сотрудник «Русского слова». В 1862-1868 гг. был заключен в Петропавловскую крепость за революционную пропаганду. Выдвинул идею достижения социализма через индустриальное развитие страны («теория реализма»). Главные труды: «Очерки из истории труда», «Реалисты», «Разрушение эстетики».

[224] Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» (1838).

[225] *Муратов* Николай Павлович (1867—?) — государственный деятель, почетный гражданин Тамбова. Окончил училище правоведения в Петербурге. С 1889 г. служил в Кутаисском окружном суде, с 1893 г. — товарищ прокурора Владимирского окружного суда, с 1899 г. — Московского суда. В 1903 г. назначен прокурором в Тверь, в 1905 г. — в Ярославль. В 1906-1912 гг. — тамбовский губернатор. Муратов жестко боролся с либерализмом и радикальными идеями.

[226] *Скобелев* Михаил Дмитриевич (1843-1882) — русский военачальник, генерал от инфантерии (1881). Участвовал в завоевании Средней Азии (Хивинский поход 1873, Ахалтекинская экспедиция 1880-1881) и подавлении Кокандского восстания 1873-1876 гг. В Русско-турецкую войну 1877-1878 гг. успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке — Шейново. Сторонник панславизма.

[227] *Суворов* Александр Васильевич (1729/30-1800) — граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), русский полководец и военный теоретик, генералиссимус (1799). Участник Семилетней войны. Во время Русско-турецких войн (1768-1774 и 1787-1791) одержал победы при Козлудже (1774), Кинбурне (1787), Фокшанах (1789), Рымнике (1789) и штурмом овладел крепостью Измаил (1790). В 1799 г. блестяще провел Итальянский и Швейцарский походы. Автор военно-теоретических работ.

[228] Возможно — *Дыновский* Конрад Конрадович (1863—?) — юрист. После окончания юридического факультета Киевского университета командирован в юридическую семинарию в Берлин для приготовления к профессуре по римскому праву. Состоял приват-доцентом Одесского университета по римскому праву. Был членом Одесского окружного суда, членом Одесской судебной палаты, юрисконсультом Министерства юстиции и товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, юрисконсультом Министерства финансов и членом консультации при Министерстве юстиции. Провел дело о непробиваемых панцирях во Франции и дело Хельфельда в Берлине. По последнему делу издан был сборник заключений авторитетных германских правоведов на тему о недопустимости обращения взыскания на имущества иностранных государств. В этом сборнике, составленном по его плану, выступил автором вступления, в котором излагались обстоятельства данного дела и спорные вопросы. В 1905-1910 гг. состоял приват-доцентом Петербургского университета.

Социализм как религия ненависти

Социализм как религия ненависти М., 1907. Публикуется по данному изданию.

[229] Определение Французской революции (1789-1794) как «великой» вошло в историографию XIX в. под влиянием республиканского («якобинского») крыла. Король Людовик XVI созвал в мае 1789 г. Генеральные штаты. Депутаты от третьего сословия (купцы, ремесленники, буржуа, рабочие) объявили себя 17 июня Национальным, а 9 июля — Учредительным собранием. Попытка разгона собрания вызвала народное восстание: штурм Бастилии 14 июля 1789 г. явился началом Французской революции. В августе 1789 г. принята Декларация прав человека и гражданина. После низвержения монархии в результате восстания 10 августа 1792 г., возглавленного Парижской Коммуной, политическое руководство перешло к жирондистам, которым противостояли якобинцы, стремившиеся к углублению революции. 22 сентября 1792 г. учреждена республиканская форма правления. В январе 1793 г. по приговору Конвента (высший законодательный и исполнительный орган) был казнен король Людовик XVI, обвиненный в государственной измене. Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. привело к установлению якобинской диктатуры. Правительство якобинцев, опираясь на поддержку народа, обеспечило победу над вторгшимися во Францию войсками европейских монархических государств (Пруссии, Австрии и др.), радикально разрешило аграрный вопрос. Однако ограничительный режим и террор якобинцев подорвали их социальную базу. Термидорианский (по названию 11-го месяца французского республиканского календаря) переворот 1794 г. низверг якобинскую диктатуру. К власти пришла крупная буржуазия.

[m] *Драконт* (Дракон) — афинский архонт. Составил в 621 г. до н. э. Свод Законов (первая кодификация афинского права), отличавшихся крайней жестокостью (отсюда «драконовские законы», «драконовские меры»), В данном случае речь идет о законе Ле Шапелье (по имени докладчика в Учредительном собрании) 1791 г. о запрещении рабочих организаций (коалиций) и стачек (отменен в 1864). По вопросу о собственности, видимо, имеется в виду статья «Декларации прав человека и гражданина» (1789), утверждавшая в качестве «естественного», «неприкосновенного и священного» право частной собственности.

№ *Аладьин* Алексей Федорович (1873-1927) — депутат I Государственной думы от Симбирской губернии. Один из инициаторов и фактический лидер Трудовой группы — депутатов крестьян и интеллигентов народнического направления в Государственной думе России (1906).

[232] *Жилкин* Иван Васильевич (1874-1958) - депутат I Государственной думы от Саратовской губернии; член Трудовой группы. Сотрудник газет: «С.-Петербургские ведомости» (1903-1904), «Наша жизнь» (1905-1906), «Товарищ» (1906-1907), «Слово» (1908), «Радикал» и др.

[233] *Алексинский* Григорий Алексеевич (1879-1967) — политический деятель, I в 1900-х гг. социал-демократ, примыкал к большевикам, участник революции 1905-1907 гг, депутат II Государственной думы (1907). С 1909 г. член социал-демократической группы «Вперед», организатор партийных школ на Капри (1909) и в Болонье (1910-1911), выступал против В. И. Ленина. В 1917 г. член ЦК социал-демократической группы «Единство». С 1919 г. в эмиграции, сотрудник газет «Общее дело», «Русская газета» и др.

[234] *Рамишвши* Исидор Иванович (1859-1937) — грузинский социал-демократ, меньшевик. По профессии — учитель. Депутат I Государственной думы от Кутаисской губернии, выступал по вопросу о белостокском погроме и по аграрному вопросу. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906) от Тифлисской организации. В 1908 г. был выслан в Астраханскую губернию, в 1913 г. — вновь арестован и затем выслан в Самарскую губернию. В 1917 г. — член бюро Исполкома Петроградского совета, был избран в Учредительное собрание. В 1918-1920 гг. — член меньшевистского правительства Грузии.

[235] *Зурабов* Аршак Герасимович (1873-1926) - социал-демократ, меньшевик. По профессии — журналист, депутат II Государственной думы.

[236] *Церетели* Ираклий Георгиевич (1881-1959) - политический деятель, один из лидеров социал-демократов-меньшевиков. Депутат II Государственной думы. В 1917 г. член Исполкома Петросовета, с мая — министр почт и телеграфов, с июля — министр внутренних дел Временного правительства. С 1918 г. член правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

[237] *Энгельс* (Engels) Фридрих (1820-1895) - немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма.

[238] *Каутский* (Kautsky) Карл (1854-1938) - один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала, центрист.

[239] Тред-юнионы *(англ.* trade-unions) — название профсоюзов в Великобритании и ряде др. англоязычных стран.

[240] *Гейден* Петр Александрович (1840-1907) - граф, земский деятель, один из создателей «Союза 17 октября» (1905) и партии мирного обновления (1906, председатель ее ЦК). Депутат I Государственной думы. В 1895-1905 гг. президент Вольного экономического общества.

[241] *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630-1671) - предводитель Крестьянской войны (1667-1671), донской казак В ходе восстания 1670 г. были

заняты города Царицын, Астрахань, Саратов. Разбитый царскими войсками под Симбирском, отступил на Дон, но был захвачен в Кагальнике; казнен.

[242] *Пугачев* Емельян Иванович (1740 или 1742-1775) - предводитель Крестьянской войны (1773-1775), донской казак, участник Семилетней 1756-1763 гг. и Русско-турецкой 1768-1774 войн, хорунжий. Под именем Петра III поднял восстание яицких казаков, в 1774 г. выдан заговорщиками властям; казнен.

[243] *Бебель* (Bebel) Август (1840-1913) - один из основателей (1869) и руководитель Германской социал-демократической партии и II Интернационала.

[244] Прибавочная стоимость *(нем).*

[245] Минимум *(лат).*

[246] Девятое января 1905 г. («Кровавое воскресенье») - день расстрела войсками мирного шествия петербургских рабочих (свыше 140 тыс.) с петицией к царю. Начало революции 1905-1907 гг.

За что любят нас французы?

За что любят нас французы? // Московский Сборник. Из произведений М. Д. Скобелева, И. С. Аксакова, В. С. Соловьева, О. Ф. Миллера, А. А. Киреева, А. М. Кояловича, П. И. Аристова и др. / Под ред. С. Ф. Шарапова. М, 1887. С. XXI-XXXII. Публикуется по данному изданию.

[247] *Бисмарк* (Bismarck) Отто фон Шенхаузен (Schönhausen) (1815-1898) - князь, первый рейхсканцлер германской империи в 1871-1890 гг. Осуществил объединение Германии по «прусскому сценарию» («железом и кровью»). Одновременно ввел исключительный закон против социалистов и вместе с тем провозгласил некоторые социальные реформы. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г, направленного против Франции и России.

[248] *Гегель* (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) - немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе теорию диалектики. Основные сочинения: «Феноменология духа» (1807), «Наука логики» (Ч. 1-2, 1812-1816), «Энциклопедия философских наук» (1817).

[249] Французская революция (1789-1794) - см. комм. 229 1793 г. олицетворяет собой пик революции - якобинскую диктатуру, послужившую основанием к определению ее «великой» в леводемократической традиции.

[250] Революция 1848-1849 гг. в Германии. 27 февраля 1848 г. начались массовые народные собрания и демонстрации в Бадене. 18 марта произошло восстание в Берлине, 29 марта было сформировано либеральное правительство. 22 мая созвано прусское Национальное собрание. В апреле и сентябре 1848 г. произошли восстания в Бадене, 14 июня — захват берлинскими рабочими арсенала, в мае 1848 г. - открытие во Франкфурте-на-Майне общегерманского Национального собрания,

в мае-июле 1849 г. — движение в Саксонии и Юго-Западной Германии в защиту принятой в марте 1849 г. Франкфуртским национальным собранием имперской конституции. В ноябре—декабре 1848 г. дворяне-монархисты произвели государственный переворот в Пруссии, открывавший путь к восстановлению абсолютизма.

[251] Франко-прусская война 1870-1871 гг. между Францией, стремившейся сохранить свою гегемонию в Европе и препятствовавшей объединению Германии, и Пруссией, выступавшей совместно с рядом др. германских государств; в ходе войны пала Вторая империя во Франции и завершилось объединение Германии под главенством Пруссии. При Седане (1-2.9.1870) французская армия была разгромлена. Прусские войска оккупировали значительную часть французской территории, участвовали в подавлении Парижской Коммуны 1871 г. Франко-прусская война завершилась Франкфуртским мирным договором 1871 г.

[252] *Лютер* (Luther) Мартин (1483-1546) - глава реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций (1517). Основатель немецкого протестантизма. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

[кь] Бер (Bert) Поль (1833-1886) — французский естествоиспытатель и врач, член Института Франции (1881). Доктор медицины (1863) и доктор естественных наук (1866). Ученик и преемник К. Бернара по кафедре физиологии на факультете естественных наук в Сорбонне (1869), основоположник современной авиационной и подводной медицины. Его исследования по пересадке и прививке животных тканей явились ценным вкладом в пластическую хирургию. В 1859 г. Бер опубликовал «Лекции по сравнительной физиологии дыхания». Классический труд Бера о барометрическом давлении (1878) остался неоцененным и лишь 30 лет спустя английский физиолог Дж. С. Холдейн назвал Бера отцом учения о влиянии барометрического фактора на животный организм. «Лекции по зоологии» переведены на русский язык (1882, 4-е изд. 1904).

[254] *Красиньский* (Krasinski) Зыгмунт (1812-1859) — польский писатель. Автор романтических философско-исторических драм («Небожественная комедия», 1835; «Иридион», 1833-1836). В поэме-«видении» «Перед рассветом» (1843), цикле «Псалмы будущего» (1845-1848) — религиозно-мистические настроения.

[255] *Словацкий* (Slowacki) Юлиуш (1809-1849) — польский поэт-романтик.

[2%] *Буланже* (Boulanger) Жорж (1837-1891) — французский генерал, в 1886-1887 гг. военный министр. В 1887-1889 гг. возглавил движение, названное по его имени (буланжизм).

[257] *Греви* (Grévy) Жюль (1807-1891) — французский политический и государственный деятель, президент Французской республики (1879-1887), лидер умеренных республиканцев.

[258] Король *(франц).*

[259] Небытие, ничто *(франц).*

[ш] *Деруле́д* (Deróulede) Поль (1846-1914) - французский поэт, политический деятель. Участник подавления Парижской Коммуны 1871 г., организатор и лидер шовинистической «Лиги патриотов» (1882-1889), один из главных пропагандистов буланжизма, активный антидрейфусар. В 1889 и 1898 гг. избирался в Палату депутатов. 23 февраля 1899 г., в день похорон президента Франции Ф. Фора, Дерулед пытался с помощью военных произвести антиреспубликанский государственный переворот, окончившийся неудачей. В 1900 г. был приговорен к изгнанию из Франции, в 1905 г. амнистирован.

[261] *Гамбетта* (Gambetta) Леон (1838-1882) - премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881-1882 гг. Лидер республиканцев, член «Правительства национальной обороны» (сентябрь 1870 — февраль 1871), пытался организовать отпор прусским войскам.

[262] *Милъваа* Люсьен (1850-1918) - французский журналист и политик, издатель журнала «Родина».

Ввиду грядущей мировой войны

Ввиду грядущей мировой войны // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 31-32. Январь-февраль 1910 г. С. 1-39- Публикуется по данному изданию.

[263] Портсмутский мир завершил Русско-японскую войну 1904-1905 гг. Заключен 23.8(5.9).1905 г. в Портсмуте, США, штат Нью-Хэмпшир. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно вывести войска из Маньчжурии. Потерял силу после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

[264] Квантун (Гауньдун) — встречающееся в литературе название части Ляодунского полуострова.

[*65] *Азеф* Евно Фишелевич (1869-1918) - один из основателей и лидеров партии эсеров, глава ее Боевой организации, провокатор, с 1893 г. секретный сотрудник Департамента полиции. Руководитель ряда террористических актов. В 1901-1908 гг. выдал полиции многих эсеров. В 1908 г. разоблачен В. Л. Бурцевым и скрылся за границей.

[266] Янки *(англ.* yankee) — термин, получивший распространение с XVIII в. Первоначально прозвище американцев — уроженцев и жителей Новой Англии; во время Войны за независимость в Северной Америке 1775-1783 гг. кличка, употреблявшаяся английскими солдатами по отношению к восставшим колонистам; со времени Гражданской войны 1861-1865 гг. прозвище жителей Северных штатов; позднее распространилось на всех американцев.

[267] *Пирр* (319-273 до н. э.) - царь Эпира в 307-302 и 296-273 гг. до н. э, полководец эллинистической эпохи. Воевал на стороне г. Тарента с Римом, одержал победы при Гераклее (280) и Аускулуме (279), последнюю ценой огромных потерь (т. н. пиррова победа).

[268] Австро-Венгрия создана в результате преобразования Австрийской империи Габсбургов на основе соглашения 1867 г между Австрией и Венгрией, признанной, как и Австрия, суверенной частью государства. Делилась на Австрийскую империю (или Цислейтанию) и Королевство венгров (или Транслейтанию). Распалась в 1918 г.

[269] *Фердинанд I Кобургский* (1861-1948) - с 1887 г. князь, в 1908-1918 гг. царь Болгарии, из немецкого княжеского рода. Основатель династии Кобургов. Усилил германское влияние в Болгарии. Вовлек Болгарию в Первую мировую войну. Отрекся от престола.

[270] *Петр I* Карагеоргиевич — сербский король (в 1903-1921). Пришел к власти в результате заговора, свергнувшего династию Обреновичей.

[271] *Чарыков* Николай Валерианович (1855-1930) — камергер и действительный статский советник (1895), гофмейстер (1908). Товарищ министра иностранных дел (1907-1909), посол в Турции (1909), сенатор (1912-1917).

[272] 24 октября 1909 г. в местечке Ракониджи около Турина путем обмена нотами было фактически заключено секретное итало-российское соглашение, по которому обе стороны обязывались стремиться к сохранению статус-кво на Балканах, а в государствах региона поддерживать т. н. «принцип национальности». Соглашение стало одним из важнейших шагов отхода Рима от Тройственного союза.

[273] Тройственный союз 1882 г. — военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии. В 1904-1907 гг. в противовес Тройственному союзу был создан блок Великобритании, Франции и России (Антанта).

[274] *Гогенцоллерны-Зигмарингены* (Hohenzollern-Sigmaringen) — румынская королевская династия (1866-1947), одна из ветвей династии Гогенцоллернов. Основатель — Кароль I, которому наследовали Фердинанд I (1914-1927), Кароль II (1930-1940), Михай I (1927-1930,1940-1947).

[275] *Линевич* (Леневич) Николай Петрович (1838/1839-1908) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905). В 1855 г. поступил юнкером на военную службу. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. С 1895 г. командующий войсками Южно-Уссурийского отдела. С 1900 г. командир корпуса. Во время подавления Ихэтуаньского восстания 1899-1901 гг. возглавлял (в 1900-1901) союзные войска империалистических государств и штурмом взял Пекин. С 1903 г. командующий войсками Приамурского военного округа и генерал-губернатор Приамурья. В начале Русско-японской войны 1904-1905 гг. (до середины марта) временно командовал Маньчжурской армией, а с октября 1904 по март 1905 г. — 1-й Маньчжурской армией; с 3 марта 1905 г. главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. В феврале 1906 г. за недостаточно активную борьбу с революционным движением снят с должности.

[276] Берданка — однозарядная винтовка системы американского изобретателя Х. Бердана, усовершенствованная в 1860-х гг. российскими инженерами А. П. Горловым и К. И. 1униусом. Находилась на вооружении российской армии в 1868-1891 гг. С конца XIX в. винтовки стали магазинными («магазинками»), В 1891 г. в России принята винтовка (7,62 мм) С. И. Мосина.

[277] *Карл XII* (Karl) (1682-1718) - шведский король (с 1697), полководец. В начале Северной войны 1700-1721 гг. одержал ряд крупных побед, но вторжение в 1708 г. в Россию завершилось его поражением в Полтавском сражении 1709 г.; бежал в Турцию. В 1715 г вернулся в Швецию. Убит во время завоевательного похода в Норвегию.

[278] *Габсбурги* (Habsburger) — династия, правившая в Австрии (с 1282 герцоги, с 1453 эрцгерцоги, с 1804 австрийские императоры). Присоединив в 1526 г. Чехию и Венгрию (где титуловались королями) и др. территории, стали монархами обширного многонационального государства (в 1867-1918 Австро-Венгрия). Габсбурги были императорами «Священной Римской империи» (постоянно в 1438-1806, кроме 1742-1745), а также королями Испании (1516-1700). Главные представители: Карл V, Филипп II (Испанский), Мария Терезия, Иосиф II, Франц Иосиф I.

Спасательная веревка мистера Нокса

Спасательная веревка мистера Нокса // Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. № 31-32. Январь-февраль 1910 г. С. 64-76. Публикуется по данному изданию.

[279] *Нокс* Филандер (1853-1921) — государственный секретарь США; в 1909 г. выдвинул план «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае) в целях создания условий для проникновения американского капитала в эту часть Китая. 6 ноября 1909 г. Нокс направил английскому правительству ноту, в которой изложил проект (т. н. «План Нокса») предоставления Китаю международного займа для выкупа КВЖД у России и ЮМЖД у Японии. Согласно проекту, управление выкупленными железными дорогами должно было осуществляться международной комиссией из представителей стран — участниц займа. Англия дала уклончивый ответ, тогда 14 декабря 1909 г. план был направлен Японии, России, Франции и Германии. В январе 1910 г. он был отвергнут Россией и Японией, к которым присоединились также союзник России — Франция и союзник Японии — Англия.

[280] Т. е. Петр I.

[281] Имеется в виду Николай Павлович Игнатьев.

Открытое письмо гг. депутатам Финляндского Сейма

Открытое письмо гг. депутатам Финляндского Сейма // «Свидетель». Личный орган Сергея Шарапова. № 34. Апрель 1910. С. 54-67. Публикуется по данному изданию.

[ш] *Бобриков* Николай Иванович (1839-1904) — из дворян. Окончил Академию Генерального штаба (1865). С августа 1898 г. финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа. Инициатор принятия Положения 3 февраля 1899 г. о порядке издания общегосударственных законов, которое резко ограничивало права Финляндского сейма и Сената. В 1899 г. вывел из ведения Сената русские школы. Провел указ от 12 января 1899 г., запретивший назначение на должности сенаторов, губернаторов и начальников главных управлений лиц, не владевших русским языком. Были также ликвидированы особые финляндские войска (июнь 1901), финляндский кригс-комиссариат и милиционная экспедиция Сената (июнь 1903), Финляндский кадетский корпус (июль 1903). Был уволен вице-президент хозяйственного департамента Сената К. Тудера. Инструкцией от 13 марта 1903 г. Бобриков сосредоточил в своих руках всю полноту власти в Великом княжестве. Благодаря Положению от 20 марта 1903 г. получил «особые полномочия», в том числе право закрывать торговые и промышленные заведения, частные общества и высылать за границу в административном порядке. Подобные действия вызвали протест финской общественности. В июне 1904 г. был смертельно ранен сыном бывшего финляндского сенатора Эугеном Шоманом, который после покушения застрелился.

[283] 3 февраля 1899 г. вышел царский Манифест об издании общегосударственных законов, который резко ограничивал права Финляндского сената и Сейма. Тогда же были изданы «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Законы для Финляндии должны были издаваться императорской властью; в отличие от законов, не относящихся к Финляндии, требовались предварительные заключения высших административных органов Финляндии и Финляндского сейма.

[284] 1 4 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении П. А. Столыпиным в Государственную думу и Государственный Совет законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. 17 марта законопроект был оглашен в Думе. 22 марта он был передан для изучения в специально образованную для этого комиссию, которая рассматривала законопроект в заседаниях 27, 29, 30 апреля и 6 мая и приняла его. 10 мая он поступил на повестку дня Думы и был признан спешным. В Думе законопроект обсуждался в семи

заседаниях, шесть дней. Ночью 25 мая была принята формула перехода к постатейному обсуждению. 164 голосами против 23 законопроект был принят и 31 мая передан в Государственный Совет, утвердивший законопроект через месяц. 17 июня он был утвержден императором и стал законом. В Думе против законопроекта выступили кадеты. Еще 21 октября 1909 г. на заседании ЦК, посвященном Финляндии, кадетами была создана специальная комиссия, в которую вошли П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Д. Д. Протопопов, В. Д. Набоков, В. М. Гессен и М. М. Ковалевский. Дискуссия завершилась на ноябрьской конференции 1909 г., где Милюков применительно к Финляндии настаивал на термине «государственная автономия», из которого вытекала необходимость параллельного российскому законодательства Финляндии. Точка зрения Милюкова на конференции победила. В резолюции говорилось, что «конференция признает необходимым, чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для Империи и Великого княжества законы и устанавливающего порядок их законодательного разрешения, был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и Финляндского сейма в установленном сеймовым уставом порядке». Короче, законы, касающиеся Финляндии, должна была утверждать еще и сама Финляндия. Против законопроекта высказались также прогрессисты (И. Н. Ефремов, В. С. Соколов 2-й и А. М. Масленников). Еще резче против законопроекта выступили трудовики — А. А. Булат и особенно Г. Е. Рожков и А. Е. Кропотов. Разумеется, против была и социал-демократическая фракция в лице четырех ее ораторов: Е. П. Гегечкори, Н. С. Чхеидзе, Г. С. Кузнецова и И. П. Покровского // *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991. Примечания. С. 402. Законом, принятым III Государственной думой и подписанным Николаем II 17 июня 19Ю г., общеимперское законодательство распространялось и на Финляндию, а из сферы действий Финляндского сейма изымались вопросы обороны, суда и налогообложения.

Диктатор. Политическая фантазия

[ч] Лев Семенов (С. Ф. Шарапов). Диктатор. Политическая фантазия. М., 1907; Лев Семенов (С. Ф. Шарапов). Иванов 16-й и Соколов 18-й (Политическая фантазия. Продолжение «Диктатора»), М., 1907; Лев Семенов (С. Ф. Шарапов). У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение «Диктатора»), М., 1907; Лев Семенов (С. Ф. Шарапов). Кабинет диктатора (Завершение «Диктатора»), М., 1907. Публикуется по данному изданию.

[285] Речь идет о событиях Русско-японской войны, когда в августе (сентябре) 1904 г. русская армия потерпела поражение в сражении при Ляояне, в сентябре (октябре) — на р. Шахэ.

[286] *Антоний* (в миру Александр Васильевич Вадковский) (1846-1912) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898). С 1906 г. первоприсутствующий член Святейшего Синода, фактически глава Русской православной церкви.

[287] *Крыжановский* Сергей Ефимович (1862-1935) — государственный деятель. В 1906-1911 гг. товарищ (заместитель) министра внутренних дел России, ближайший помощник П. А Столыпина, участник разработки проектов ряда реформ. С 1911 г. государственный секретарь, с 1916 г. статс-секретарь, член Государственного Совета. С 1918 г. в эмиграции. Редактор исторического сборника «Русская летопись» (Париж, 1921-1925).

[288] *Озалъ* Иван Петрович (1878-?) — социал-демократ, меньшевик, по профессии - коммерсант, депутат II Государственной думы от Риги.

[289] *Пестель* Павел Иванович (1793-1826) — декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия, организатор Тульчинской управы, основатель и директор Южного общества декабристов, полковник (1821), командир Вятского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813-1814 гг. Республиканец. Автор «Русской правды». Арестован 13 декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. казнен.

[290] *Фадеев* Ростислав Андреевич (1824-1883) — военный историк, публицист, генерал-майор. Противник военных реформ Д. А. Милютина, сторонник панславизма. В 1876-1878 гг. доброволец, участник национально-освободительной борьбы балканских народов. Автор трудов по истории войны на Кавказе, «Письма о современном состоянии России» (1881).

[291] *Менделеев* Дмитрий Иванович (1834-1907) — ученый-энциклопедист, педагог, член-корреспондент Петербургской АН (1876). В 1880 г. выдвигался в академики, но не был избран, что вызвало резкий общественный протест. Профессор Петербургского университета (1865-1890), ушел в отставку в знак протеста против притеснения студенчества. Открыл (1869) один из основных законов естествознания — закон периодической зависимости свойств химических элементов от их атомных масс, руководствуясь которым составил периодическую систему химических элементов. Автор свыше 500 печатных трудов. Организатор и первый директор (1893) Главной палаты мер и весов.

[292] *Шванебах* Петр Христианович (1848-1908) — действительный статский советник (1882), в должности гофмейстера Двора великой княгини Екатерины Михайловны (1888), тайный советник (1896). Экономист. Член Комитета финансов (1904), главноуправляющий землеустройства и земледелия (31-5—26.10.1905), государственный контролер (24.4.1906-13.6.1907). Автор работы «Наше податное дело» (СПб, 1903).

[293] *Мопассан* (Maupassant) Ги де (1850-1893) — французский писатель. Мастер короткого рассказа.

[294] *Кауфман* Петр Михайлович (1857-1926) — камергер (1890), действительный статский советник (1891), гофмейстер (1898), обер-гофмейстер

(1908). Историк. Управляющий делами Собственной Его Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии (1892), сенатор (1900-1903), министр народного просвещения (24.4.1906 - 1.1.1908).

[295] *Герасимов* Осип Петрович (1863-1920) — действительный статский советник (1905). Товарищ министра народного просвещения (1905-1908, 1917).

[296] *Щегловитов* Иван Григорьевич (1861-1918) - государственный деятель, министр юстиции в 1906-1915 гг, в 1917 г. председатель Государственного Совета. Организатор политических процессов (в том числе дела Бейлиса), введения военно-полевых судов и телесных наказаний для политзаключенных. Расстрелян ВЧК.

[297] *Василъчиков* Борис Александрович (1863-1931) — князь, государственный деятель. Сын А. И. Васильчикова. В 1900-1903 гг. псковский губернатор, во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. уполномоченный Российского общества Красного Креста в действующей армии. С 1906 г. член Государственного Совета. В 1906-1908 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием, ближайший сподвижник П. А Столыпина. После октября 1917 г. в эмиграции.

[298] *Муравьев* Николай Валерианович (1850-1908) - действительный статский советник (1884), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1901). Криминалист. Прокурор Петербургской (1882) и Московской (1884) судебных палат, обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1891), государственный секретарь (1892), министр юстиции (1.1.1894-14.1.1905), посол в Италии (1905).

[299] *Василъчиков* Александр Илларионович (1818-1881) - князь, экономист, публицист, земский деятель, близкий к славянофилам. Сын И. В. Васильчикова. Автор трудов по истории русской общины и аграрному строю дореформенной России; «Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах» (т. 1-2, 1876).

Я[0] Рокфеллеры (Rockefeller) - финансовая группа США. Сложилась в конце XIX в. Ее основатель — Дж, Д Рокфеллер-старший (1839-1937). Промышленное ядро — нефтяная компания «Стандард ойл компани (Нью-Джерси)» (с 1973 «Эксон»), финансовый центр - «Чейз Манхэттэн банк». Сфера влияния: промышленность (электротехника, машиностроение) и кредитно-финансовые институты, страхование жизни. Из семейства Рокфеллеров наиболее известны: сын Дж Д. Рокфеллера-старшего - Джон Дейвисон Рокфеллер-младший (1874-1960; субсидировал покупку земли для штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке и построил Рокфеллеровский центр).

[301] *Морозов* Савва Тимофеевич (1862-1905) - промышленник и меценат. Из рода текстильных предпринимателей Морозовых. По образованию химик. Финансировал создание Московского Художественного театра. Сочувствовал и помогал революционерам. По рекомендации врачей-невропатологов уехал за границу. Покончил жизнь самоубийством.

Гучков Николай Иванович (1860-1935) — российский общественный и политический деятель, предприниматель. Брат А. И. 1учкова. Входил в правления ряда акционерных обществ, в советы нескольких банков. Член Союза земцев-конституционалистов, один из создателей «Союза 17 октября» (1905), член его ЦК. В 1905-1913 гг. московский городской голова, способствовал благоустройству города. Создатель и глава московского Славянского комитета (1912), Русско-Карпатского общества (1913). После октября 1917 г. участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции. Гучков Александр Иванович — см. комм. 219-

Бельгард Алексей Валерьянович (1861-1942) — камергер, статский советник. Вице-губернатор Лифляндской губернии, затем эстляндский губернатор. Начальник Главного управления по делам печати (1905-1912). Сенатор (1912).

304 *Кобеко* Дмитрий Фомич (1837-1918) — действительный статский советник (1866), тайный советник (1872), действительный тайный советник (1902). Член Совета министров (1879-1887,1893-1900), директор Департамента окладных сборов (1887) и Общей канцелярии Министерства финансов (1892-1893), член Государственного Совета (1901-1917). Историк и библиограф, директор Императорской Публичной библиотеки (с 1902).

305 *Суворин* Алексей Сергеевич (1834-1912) — писатель, драматург, журналист, издатель. Окончил в Воронеже Михайловский кадетский корпус (1851), саперное Константиновское училище (1853), по окончании которого уволен в статскую службу в чине коллежского регистратора. В 1856-1859 гг. преподаватель Бобровского уездного, а в 1859-1861 гг. Воронежского уездного училищ. С 1858 г. публикует корреспонденции, рассказы и переводы в столичных и местных изданиях. В 1861 г. переезжает в Москву и увольняется в отставку в чине губернского секретаря. В 1861-1862 гг. секретарь редакции журнала Е. В. Салиас де Турнемир «Русская речь». С 1863 по 1874 г. сотрудник и секретарь редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском инвалиде», «Молве», «Биржевых ведомостях». В 1876 г. вместе с В. И. Лихачевым приобрел газету «Новое время», издателем и фактическим редактором которой оставался до своей кончины.

Стасшевич Михаил Матвеевич (1826-1911) — русский историк, общественный деятель, журналист, издатель-редактор журнала «Вестник Европы» (1866-1908).

307 *Редигер* Александр Федорович (1853-1920) — генерал-майор (1893), генерал-лейтенант (1900), генерал от инфантерии (1907). Специалист в области военной администрации. Начальник канцелярии Военного министерства (1901), военный министр (1905-1909), член Государственного Совета (1905-1917).

308 *Платон* — церковный и общественный деятель, участник монархического движения. В 1914 г. назначен архиепископом Кишиневским.

Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский) (1868-1946) — митрополит Западноевропейский. С 1919 г. в эмиграции. В 1930 г. отстранен митрополитом Сергием (Страгородским) от управления русскими церквами в Западной Европе. Вместе с «верными» ему приходами перешел под юрисдикцию Константинопольского патриархата. В 1945 г. воссоединился с Русской православной церковью, назначен экзархом русских православных приходов в Западной Европе.

310 *Головин* Федор Александрович (1867/68-1937) — земский деятель, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК. Председатель II Государственной думы. Деятель «Земгора». В 1917 г. комиссар Временного правительства. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. Репрессирован.

311 *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870-1920) — политический деятель. Родился в семье бессарабского помещика. В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса). Гласный Бессарабского губернского земства. С 1900 г. — чиновник хозяйственного департамента и Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. Один из основателей и лидеров монархистских организаций: Союза Русского народа (СРН), затем Русского народного союза имени Михаила Архангела. Один из основателей и товарищ (зам.) председателя Главного совета СРН (1905). Председатель комиссии по изданию «Книги русской скорби» (изд. в 1908-1914 гг. и содержала биографии «мучеников и борцов за идею православия, самодержавия, царя и русской народности, погибших в результате террористических актов»). Был депутатом II, III, IV Государственной думы. Приобрел известность своими скандальными выходками во время выступлений в Думе. В годы Первой мировой войны был на фронте в качестве уполномоченного Красного Креста. Организовал собственный санитарный поезд. Отошел от активной политической деятельности. В декабре 1916 г. (вместе с кн. Ф. Ф. Юсуповым-младшим, вел. кн. Дмитрием Павловичем) в целях спасения трона принял участие в убийстве Г. Е. Распутина. 18 ноября 1917 г. арестован Петроградской ЧК. 3 января 1918 г. приговорен Ревтрибуналом к четырем годам принудительных общественных работ при тюрьме. 17 апреля освобожден в связи с заболеванием сына, 1 мая 1918 г. попал под амнистию, объявленную декретом Петроградского Совета. Вскоре уехал на Юг в Киев, а затем на Дон, где создал Всероссийскую народно-государственную партию и стал издавать в Ростове-на-Дону журнал «Благовест». Умер в Новороссийске от сыпного тифа.

312 *Хомяков* Дмитрий Алексеевич (1841-1919) — педагог, церковный деятель, философ славянофильского направления. Старший сын основателя

славянофильства А. С. Хомякова. Из старомосковского дворянского рода. Член правых («дворянских») организаций: «Кружок москвичей» и Союз Русских людей (с 1905). Пользовался авторитетом в церковных кругах (являлся членом Предсоборного присутствия). Его труды оказали влияние на развитие русской консервативной мысли (Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М, 1903; О классицизме. Харьков, 1904; К истории отечественной бюрократии. Тула, 1904; Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М, 1906; О непротивлении злу. Харьков, 1907; Православие как начало просветительно-бытовое, личное и общественное. М. 1907; Народность. М, 1908; Собор, соборность, приход и пастырь. М, 1917). Полемизировал с М. Н. Катковым и К. П. Победоносцевым. Получил поддержку в лице Л. А. Тихомирова, творчески развившего ряд выработанных Хомяковым положений.

[313] *Папков* Александр Александрович (1868-1920) — церковный писатель. Окончил училище правоведения и Петербургский археологический институт. С 1900-х гг. губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии. Член Предсоборного совета. Член Священного Собора Российской православной церкви 1917-1918 гг. Автор работ о церковных братствах и приходах и работ по истории церкви: Церковные братства. СПб, 1893; Упадок православного прихода (XVHI-XIX вв.). Историческая справка. М, 1899; Православные приходы в Финляндии. 1901; Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-Освободителя (1855-1870). СПб, 1902; Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб, 1903; О благоустройстве православного прихода. СПб, 1906; Начало возрождения церковно-приходской жизни в России // Русский вестник. 1900. Т. 265. Февраль; Т. 266. Март и т. д.

[314] *Шечков* Георгий Алексеевич (1856-1920) — землевладелец, публицист. Окончил юридический факультет Московского университета (1881). Почетный мировой судья и земский гласный. Предводитель дворянства. Помещик, член III—IV Государственной думы от Курской губернии. Член Союза Русского народа и Союза Михаила Архангела. В начале 1917 г. намечался кандидатом в члены Совета съездов монархических организаций. Был арестован С. В. Петлюрой и два месяца содержался в заключении. После освобождения скрывался. Скончался в Одессе от сердечного приступа.

[315] *Аксаков* Николай Петрович (1848-1909) — русский философ, богослов, историк, писатель и литературный критик славянофильского направления. Публиковался в изданиях: «Благовест», «Русская беседа», «Русский труд». Опубликовал ряд статей и брошюр, посвященных церковным вопросам. В 1910 г. выпустил книгу «Всеславянство», в которой одинаково отвергал союз и с Германией, и с Британией, считая, что «жизненные усилия» славян должны быть устремлены к выработке общеславянского политического идеала наряду с частными идеалами каждого из

племен — общеславянского идеала, который давал бы возможность достигать искомой «гармонии в разнообразии», примирял бы различные «идеалы и вожделения племен».

[316] *Самарин* Федор Дмитриевич (1858-1916) — общественный и религиозный деятель. В 1880 г. — предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии. Член Государственного Совета (1906-1907), дважды (при Витте и Столыпине) отказался войти в состав правительства. Друг М. А. Новоселова и один из основателей Новоселовского кружка. Вместе с братьями П. Д. и С. Д. Самариными продолжал после отца издание сочинений Ю. Ф. Самарина.

[317] *Кузнецов* Николай Дмитриевич (1868-1930/31) — богослов, магистр церковного права, присяжный поверенный Московской судебной палаты, член Предсоборного присутствия, член Святейшего Собора Русской православной церкви, профессор Московской духовной академии. Член «Кружка ищущих христианского просвещения». После октября 1917 г. выступал в защиту патриарха Тихона и церкви. Входил в совет Союза объединенных приходов г. Москвы. Арестован по «делу» Союза объединенных приходов в 1919 г. В 1920 г. был приговорен к расстрелу, замененному «концентрационным лагерем». В 1921 г. освобожден и вновь арестован около 1928 г. Умер в ссылке в Алма-Ате (точная дата смерти неизвестна).

[318] *Миклашевский* Александр Николаевич (1864-1911) — экономист, специалист по вопросам денежного обращения, представитель монометаллизма. Брат И. Н. Миклашевского. Профессор Юрьевского (Тартусского) университета (с 1896). Сторонник теории предельной полезности.

[319] *Чупров* Александр Иванович (1842-1908) — экономист, статистик и публицист, член-корреспондент Петербургской АН (1887). Один из основоположников отечественной статистической науки, автор учебников по статистике, многочисленных работ по политэкономии, аграрному вопросу, железнодорожному хозяйству. Организовал Общество распространения технических знаний (1869), Статистическое отделение при Московском юридическом обществе (1882, его бессменный председатель), ставшее центром земских статистиков. В 1882 г. — организатор переписи населения Москвы. 35 лет сотрудничал в газете «Русские ведомости».

[320] *Постников* Владимир Ефимович (1844-1908) — русский экономист-статистик. Учился в Петровской земледельческой академии в Москве. Служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ по устройству казенных земель. Член Вольного экономического общества. Наиболее значительные труды Постникова: «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891), «Из хозяйственной жизни Самарского края» (1894). Основываясь на большом фактическом материале, он отмечал рост числа применяемых в сельском хозяйстве машин, расширение размеров хозяйств у верхушки крестьянства и изменение в связи с этим

условий жизни в деревне, положения в сельской общине, которая перестала быть однородной. Постников приводил статистический материал о разложении крестьянства, о применении наемного труда в крупных крестьянских хозяйствах.

[m] *Янжул* Иван Иванович (1846-1914) - экономист и статистик, действительный член Петербургской АН (1895). Автор трудов по вопросам налоговой политики, фабричного и рабочего законодательства.

[322] Озеров И. Х. — либеральный профессор, сторонник легальных рабочих организаций и зубатовского движения.

[323] *Леруа-Болъе* Пьер Поль (1843-1916) - французский экономист.

[ш] *Рафалович* Артур Германович (1853-1921) - финансист, экономист, агент Министерства финансов в Париже (1894-1917).

[325] Возможно — *Прокудин-Горский* Сергей Михайлович (1863-1944) - надворный советник, директор правления Товарищества Гатчинских заводов «А. С. Лавров». Внес большой вклад в развитие фотографического дела в России, редактор-издатель журнала «Фотограф-любитель». Член Общества взаимного кредита деятелей печатного дела. После революции эмигрировал.

[326] Имеется в виду Победоносцев К. П.

[327] *Бобринский* Алексей Александрович (1852-1927) - граф, политический и государственный деятель, археолог. В 1906-1912 гг. председатель Совета объединенного дворянства, депутат III Государственной думы, с 1912 г. член Государственного Совета, один из лидеров группы правых, в 1916 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел, затем министр земледелия. Председатель Археологической комиссии (1886-1917), обследовал ок. 1 тыс. курганов на Юге России. С 1919 г. в эмиграции.

[328] *Касаткин-Ростовский* Николай Федорович (1848-1908) - князь, камергер, крупный помещик. Действительный статский советник. Один из инициаторов создания Курской Народной партии, почетный председатель Курского губернского отдела Союза Русского народа, член правой группы Государственного совета. Участвовал в организационном оформлении Объединенного дворянства.

[329] *Ознобишин* Владимир Николаевич (1855-после 1916) — действительный статский советник, камергер. Дворянин Саратовской губернии, крупнейший землевладелец. В 1905-1917 гг. саратовский губернский предводитель дворянства. С 1911 г. — член Государственного совета; в 1912 г. сложил с себя это звание. Член Совета министра земледелия. Почетный член Саратовского отдела Русского Народного союза им. Михаила Архангела, председатель Саратовского Общества поборников народного просвещения.

[330] *Павлов* Николай Алексеевич (?—1931) — дворянин и крупный землевладелец Саратовской губернии, публицист консервативного направления. Сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Гражданине», где печатался за подписью «Дворянин Павлов» (на это указывает С. Ф. Шарапов).

Видный деятель Объединенного дворянства и политических кружков правого направления. 1 декабря 1905 г. как член делегации Союза землевладельцев был принят Николаем II. В октябре 1906 г. выступал в Русском Собрании, квалифицируя подписание некоторыми дворянами Выборгского воззвания как измену. Выдвигал проект «объединения дворян земельных на экономической почве».

[331] *Мак-Кинли* (McKinley) Уильям (1843-1901) - государственный деятель США. С 1877 г. член конгресса США. В 1890 г. по его инициативе был принят закон о повышении таможенных тарифов на ввозимые товары (в среднем на 50 %), что привело к повышению цен на товары массового спроса и способствовало росту монополий и увеличению их прибылей. В 1897-1901 гг. Президент США от Республиканской партии. Правительство Мак-Кинли развязало испано-американскую войну 1898 г., провозгласило в 1899 г. доктрину «открытых дверей» в Китае. 6 сентября 1901 г. был ранен анархистом и 14 сентября скончался.

[332] *Павел I* (1754-1801) - российский император с 1796 г. Убит заговорщиками-дворянами.

[333] Воздержание от спиртных напитков, трезвенность *(англ.)*.

[™] *Горемыкин* Иван Логгинович (1839-1917) - государственный деятель. Окончив Императорское училище правоведения (I860), начал службу в канцелярии 1-го департамента Сената, затем был чиновником особых поручений в комитете по делам Царства Польского. В 1866 г. назначен плоцким вице-губернатором, в 1869 г. перемещен на ту же должность в Келецкую губернию. В 1882 г. назначен исполняющим должность товарища обер-прокурора 1-го департамента Сената, в 1884 г. — обер-прокурором 2-го департамента Сената. В 1891-1894 гг. - товарищ министра юстиции, с 1894 г. — сенатор и управляющий межевой частью Министерства юстиции на правах товарища министра. В 1895 г. стал товарищем министра внутренних дел и с октября занял пост министра (занимал до 1900). С конца 1899 г. - член Государственного Совета. В апреле 1906 г. назначен председателем Совета министров. Пробыл на этом посту до июля 1906 г. Уволен. В январе 1914 г. вновь назначен на пост председателя Совета министров. Выступал противником IV Государственной думы и «Прогрессивного блока». Был связан с кружком Г. Е. Распутина. В январе 1916 г. был заменен Б. В. Штюрмером. После Февральской революции 1917 г. арестован. Давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После освобождения летом 1917 г. получил разрешение выехать с семьей на Кавказ. Уехал в имение, близ Сочи, при разгроме которого был убит бандитами.

[335] *Толстой* Иван Иванович (1858-1916) - государственный и общественный деятель, граф, историк, археолог, нумизмат. В 1889 г. назначен конференц-секретарем Академии художеств, а с 1893 по 1905 г. был ее вице-президентом.

[336] *Саблер* Владимир Карлович (с 20.11.1915 ~*Десятовский)* (1845-1929) - государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1867), в котором впоследствии читал лекции. С 1881 г. на различных должностях в Святейшем Синоде. В 1883 г. назначен управляющим канцелярией Святейшего Синода. В 1887 г. состоял личным секретарем великой княгини Екатерины Михайловны. В 1892-1905 гг. товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. С 1905 г. в отставке. Член Государственного Совета с 1905 г. В 1911-1915 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. Пользовался поддержкой Г. Е. Распутина. Во время Первой мировой войны с разрешения Императора сменил фамилию, так похожую на немецкую. После отставки отошел от политической деятельности. После революции арестовывался. Последний раз в 1926 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)». Был выслан в Тверь, где и скончался, живя в глубокой бедности.

[337] Лицом к стене *[франц).* Здесь — расстрел.

[338] *Ермолов* Алексей Сергеевич (1847-1917) — государственный и общественный деятель, ученый-агроном, почетный член Петербургской АН (1899). В 1892-1893 гг. товарищ министра финансов, в 1893 г. управляющий Министерством государственных имуществ, в 1894-1905 гг. министр земледелия и государственных имуществ, член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902-1905). Член Государственного Совета с 1905 г. (лидер группы центра), сторонник столыпинской аграрной реформы. С 1912 г. председатель Всероссийской сельскохозяйственной палаты. Автор трудов по агрономии, агрохимии, полеводству, аграрному вопросу и др.

[339] *Ухтомский* Эспер Эсперович (1861-1921) - князь, камер-юнкер. Публицист консервативного направления. Редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1896).

[340] *Ротштейн* Адольф Юльевич (1858-1904) - банкир, председатель правления Петербургского Международного банка.

[341] *Сольский* Дмитрий Мартынович (1833-19Ю) - граф (1902), государственный деятель. С 1864 г. статс-секретарь, в 1878-1889 гг. государственный контролер, друг и ближайший сотрудник М. Т. Лорис-Меликова, провел реформу ведомства государственного контроля. С 1889 г. председатель Департамента законов, с 1893 г. - Департамента государственной экономии Государственного Совета, в 1905-1906 гг. председатель Государственного Совета, участвовал в выработке Основных государственных законов Российской империи.

[342] *Путилов* Алексей Иванович (1866-1929) - предприниматель. Из дворян. Служил в Министерстве финансов (до 1906). Директор Русско-китайского, затем Русско-азиатского банков. Участник многих акционерных обществ. Совладелец концерна Стахеева — Батолина. С декабря 1917 г. в эмиграции.

[343] *Давыдов* Леонид Федорович (1866-?) — действительный статский советник, в звании камергера (1909)- Член правления Русско-китайского банка (1899), вице-директор (1905) и директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1908-1914).

[344] *Малешевский* Болеслав Фомич (1849-1912) - финансист, с 1894 г. директор кредитной канцелярии Министерства финансов. Автор работы «Теория и практика пенсионных касс» (1890), трудов по организации железнодорожных пенсионных касс.

[345] *Плеске* Эдуард Дмитриевич (1852-1904) — действительный статский советник (1890), тайный советник (1896). Музыкант-исполнитель. Директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1892), управляющий Государственным банком (1894), министр финансов (16.8.1903 - 4.2.1904), член Государственного Совета (1904).

[346] *Мещерский* Александр Павлович (1867-1938) - российский предприниматель, политический деятель, статский советник. В тяжелой промышленности и в важнейших банках, где значительное участие принимал иностранный капитал, интенсивные процессы монополизации происходили в условиях отсутствия крупных российских капиталистов. Фактическое руководство осуществлялось немногочисленными людьми, зачастую владевшими относительно небольшими капиталами (например, ведущие инженеры Н. С. Авдаков, Н. Дитмар, А. П. Мещерский) или бывшими крупными чиновниками, «рекомендованными» в банки Министерством финансов. Так высшие служащие монополий постепенно становились их фактическими участниками и хозяевами.

[347] *Игнатьев* Алексей Павлович (1842-1906) - граф, генерал от кавалерии (1898). Сын П. Н. Игнатьева. В 1885-1889 гг. иркутский, в 1889-1896 киевский генерал-губернатор. С 1896 г. член Государственного Совета. Убит эсером С. Н. Ильинским.

[m] *Рябушинский* Павел Павлович (1871-1924) - промышленник, банкир. Совладелец «Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями», Московского банка, «Товарищества типографии П. П. Рябушинского», акционер многих др. компаний. Входил в ЦК партии «Союз 17 октября», с 1906 г. - в партию мирного обновления, в 1912 г. - в Московское отделение ЦК партии прогрессистов. В 1915 г. инициатор создания и председатель московского Военно-промышленного комитета, член Государственного Совета от промышленности. Оказывал финансовую поддержку выступлению генерала Л. Г. Корнилова. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

[349] *Трепов* Дмитрий Федорович (1855-1906) - генерал-майор (1900), московский обер-полицмейстер (1896-1905), с января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, с апреля товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий корпусом жандармов, с октября дворцовый комендант; один из организаторов вооруженного подавления революции 1905-1907 гг.

[350] *Вяземский* Павел Петрович (1820-1888) — чиновник Министерства иностранных дел, с 1856 по 1859 г. помощник попечителя Петербургского, с 1859 по 1862 г. попечитель Казанского учебных округов. С 1873 по 1881 г. председатель комитета цензуры иностранной, с 7.4.1881 по 31.12.1882 г. начальник Главного управления по делам печати; исследователь и издатель памятников древнерусской письменности.

[351] *Феоктистов* Евгений Михайлович (1828-1898) — государственный деятель, литератор, мемуарист. Родился в семье офицера. Окончил Московский университет (1851). Сотрудничал в «Современнике», «Московских ведомостях». В 1871-1883 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения». От умеренного либерализма 1850-1860-х гг. эволюционировал в 1870-1880-х гг. к консерватизму. В 1883-1896 гг. начальник Главного управления по делам печати, сотрудник министра внутренних дел Д. А. Толстого, противник демократической и умеренно либеральной печати (закрытие «Отечественных записок» и «Голоса»),

[352] *Меньшиков* Михаил Осипович (1859-1918) — писатель, фельетонист. С середины 1880 г. сотрудничал в «Неделе»: статьи по вопросам личной и общественной морали, навеянные учением Л. Н. Толстого (книга «Думы о счастье»). Со второй половины 1890-х гг. фельетонист «Нового времени». Расстрелян большевиками. Реабилитирован.

[353] Обаятельный человек *(франц).*

[354] Намек на жену С. Ю. Витте. *Витте Матильда Ивановна* (урожд. Нурок; по 1-му браку Лисаневич) (1863 - не ранее 1920) — графиня, вторая жена С. Ю. Витте.

[355] Делец, коммерсант, предприниматель (от немецкого Geschäft — дело, торговая сделка).

[356] *Шемякин В. И.* — делопроизводитель.

[357] *Ирод!Великий* (ок. 73-4 до н. э.) — царь Иудеи с 40 г. (фактически с 37), овладел троном с помощью римских войск. Мнительный и властолюбивый, уничтожал всех, в ком видел соперников; в христианстве ему приписывается «избиение младенцев» при известии о рождении Христа (отсюда нарицательное значение имени Ирод — злодей).

[358] Речь идет о периоде якобинского террора (1793-1794).

[359] Имеется в виду *Сыромятников* Сергей Николаевич (лит. псевд. Сигма) (1864-1933) — публицист, писатель, путешественник. Служил в Министерстве юстиции. Печатался в «Неделе» (1888-1893), «Новом времени» (с 1893), «Санкт-Петербургских ведомостях», «Историческом вестнике», «Варшавском дневнике» и др. В качестве корреспондента «Нового времени» путешествовал по Дальнему Востоку (1897), Японии, Китаю, Корее, США. Командирован в Корею (1898), на берега Персидского залива (1900). Принимал активное участие в организации Русского Собрания, был товарищем его председателя.

[360] Имеется в виду *А. Н. Гурьев.*

[>61] *Лауниц* Владимир Федерович фон дер (1855-1906) — действительный статский советник и в должности шталмейстера (1903), генерал-майор свиты (1905). Харьковский уездный предводитель дворянства (1895), архангельский вице-губернатор (1901), тамбовский губернатор (1903), петербургский градоначальник (1905).

[ьбг] *Рейнбот* Анатолий Анатольевич (1868-1918) — генерал-майор свиты (1906). Исправляющий должность казанского губернатора (1905), московский градоначальник (1906-1907).

[363] Парижская Коммуна 18 марта — 28 мая 1871 г. Поражение бонапартистского режима во Франко-прусской войне 1870-1871 гг., политика правительства Третьей республики привели к восстанию парижан и свержению 18 марта правительства, бежавшего во главе с А. Тьером в Версаль. С 18 по 28 марта временным революционным правительством был ЦК Национальной гвардии. 28 марта была провозглашена Парижская Коммуна. Правительство представляло собой две фракции: «большинства» (главным образом бланкисты) и «меньшинства» (в основном прудонисты). Парижская Коммуна являлась и законодательным, и исполнительным органом. 21 мая версальцы вступили в Париж; до 28 мая коммунары сражались на баррикадах. Подавление Коммуны сопровождалось разгулом террора.

[364] *Святополк-Мирский* Петр Дмитриевич (1857-1914) — князь, государственный деятель, генерал от кавалерии (1913). В августе 1904 — январе 1905 г. российский министр внутренних дел. Накануне революции 1905-1907 гг. пытался привлечь оппозицию на сторону правительства.

[365] *Сытин* Иван Дмитриевич (1851-1934) — известный русский издатель-просветитель. Начал издательскую деятельность в 1876 г. в Москве, открыв свою типографию. После Октябрьской революции 1917 г. состоял консультантом в Госиздате. С 1928 г. — персональный пенсионер.

[366] *Васильев* Афанасий Васильевич (1851-1929) — общественный деятель, публицист славянофильского направления, один из учредителей и член Совета Русского Собрания.

[367] Собственноличо *(лат).*

[m] *Думбадзе* Иван Антонович (1851-1916) — правый государственный деятель, генерал-майор свиты, градоначальник Ялты, покровитель Союза Русского народа (СРН).

[369] *Кошемв* Александр Иванович (1806-1883) — русский публицист и общественный деятель, идеолог славянофильства. Помещик-предприниматель, автор умеренно-либеральных проектов отмены крепостного права, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Издатель и редактор журналов «Русская беседа», «Сельское благоустройство».

[370] *Плеве* Вячеслав Константинович (1846-1904) — государственный деятель. С 1902 г. министр внутренних дел России, шеф отдельного корпуса жандармов. Проводил политику разложения революционного движения

изнутри, подавления стачек и крестьянских восстаний. Один из активных сторонников Русско-японской войны 1904-1905 гг. Убит эсером Е. С. Созоновым.

371 *Восторгов* Иван Иванович (1864-1918) — родился в семье священника. В 1887 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1887-1889 гг. — надзиратель и учитель русского и церковно-славянского языков в Ставропольском духовном училище. С августа 1889 г. в священном сане, служил в Ставропольской епархии. С 1894 г. служил в Закавказье. С 1900 г.— епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты. С января 1901 г. — протоиерей. Был редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». С августа по октябрь 1901 г. находился в командировке в г. Урмии (Персия) для обозрения дел Русской православной духовной миссии и ревизии состоящих при миссии школ. С июня 1906 г. служил в Московской епархии в должности проповедника-миссионера с правами противосектантского епархиального миссионера. Член Совета Братства св. Петра митрополита в Москве. Член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде. В августе 1907 г. — участник миссионерского съезда в Нижнем Новгороде. С октября 1907 г. синодальный миссионер-проповедник при Святейшем Синоде. В 1908 г. — участник IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. С 1909 г. — заведующий московскими пастырскими курсами. Настоятель Князе-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме. Основатель Московских Высших богословских женских курсов. 30 мая 1918 г. арестован ВЧК в Москве. Помещен в московскую внутреннюю тюрьму ВЧК, потом был переведен в Бутырскую тюрьму. Расстрелян в Москве. Канонизирован.

[m] *Щербатов* Александр Григорьевич (1850-1915) — князь. Экономист и консервативный публицист. Рузский уездный предводитель дворянства (1883), президент Московского общества сельского хозяйства (1892-1905), председатель Союза Русских людей (1905).

373 *Бартенев* Юрий Петрович ,(1866-1908) — публицист славянофильского направления, общественный деятель. Один из организаторов и руководителей Союза Русских людей и Всенародного русского союза.

374 *Владимир* (в миру Богоявленский Василий Никифорович) (1848-1918) — родился в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1874 г. по окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. В 1882 г. рукоположен во иерея. Овдовел, и в 1886 г. принял монашеский постриг. Возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря Козловского уезда Тамбовской губернии. В 1891-1892 гг. — епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 г. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С февраля 1898 г. — митрополит Московский и Коломенский. С ноября

1912 г. — митрополит Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода. Как член Святейшего Синода принимал участие в канонизации святых. Доктор богословия (1915). С ноября 1915 г. — митрополит Киевский и Галицкий, с оставлением первенствующим членом Святейшего Синода. Член Предсоборного Совета, член Священного Собора Российской православной церкви 1917-1918 гг, почетный председатель Собора до 21.11/04.12.1917 г. (дня настолования патриарха Тихона). 25 января 1918 г. зверски убит в Киеве около Киево-Печерской лавры, где и погребен. Канонизирован.

375 *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832-1920) — историк, публицист. Труды: «Разыскания о начале Руси» (полемика с норманистами), «История России» (т. 1-5); учебники по русской и всеобщей истории. В 1897-1916 гг. издатель-редактор газеты «Кремль», с 1905 г. член Союза Русских людей.

376 *Самоквасов* Дмитрий Яковлевич (1843-1911) — русский археолог и историк русского права. С 1877 г. — профессор истории русского права в Варшавском, а с 1894 г. — в Московском университетах. Производил археологические раскопки во многих районах России. Наиболее известны раскопанные им погребения воинов-дружинников вокруг Чернигова и курган Черная Могила. В 1891 г. передал свою археологическую коллекцию Историческому музею в Москве.

377 *Хомяков* Николай Алексеевич (1850-1925) — общественный и политический деятель. Сын А. С. Хомякова, брат Д. А. Хомякова. С 1880 г. служил по выборам от дворянства. Участник нелегальных земских съездов 1904-1905 гг. Один из создателей «Союза 17 октября» (1906) и член его ЦК. В 1906 г. член Государственного Совета по выборам от дворянства, депутат II—IV Государственной думы, в 1907-1910 гг. председатель III Государственной думы, один из лидеров думской фракции «октябристов».

378 Основатели.

379 *Мануйлов* Александр Аполлонович (1861-1929) — родился в дворянской семье. В 1883 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса). В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию. Читал лекции по политэкономии в Московском университете. В 1901 г. получил степень доктора. В 1905 г. избран ректором Московского университета, в 1908 г. — переизбран. В феврале 1907 г. вошел в Государственный совет от Академии наук и университетов. В январе 1911 г. подал в отставку, протестуя против запрещения студенческих сходок в стенах высших учебных заведений. Был лишен членства в Государственном Совете, уволен от должности ректора и профессора. С 1914 г. — председатель экономического совета Всероссийского союза городов. Вел преподавательскую деятельность, одновременно сотрудничая в либеральной прессе. Член ЦК кадетской партии. С марта по июль 1917 г. — министр просвещения во Временном правительстве. После Октябрь-

ской революции 1917 г. преподавал в Московском университете. В 1919-1920 гг. — консультант наркома финансов, участвовал в подготовке и проведении денежной реформы 1922-1924 гг. С 1924 г. член правления Госбанка.

[380] *Черняев* Михаил Григорьевич (1828-1898) - русский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант (1882). Участвовал в Крымской и Кавказской войнах. В 1864-1865 гг., командуя особым Западно-Сибирским отрядом, захватил на территории Кокандского ханства Аулие-Ата, Чимкент и Ташкент и был назначен военным губернатором вновь образованной Туркестанской области. За превышение власти в 1866 г. уволен в отставку. С 1873 г. (до 1878) вместе с военным публицистом Р. А. Фадеевым издавал в Петербурге консервативно-националистическую газету «Русский мир». Когда началось Герцеговинско-боснийское восстание 1875-1878 гг., Черняев, вопреки желанию русского правительства, в 1876 г. тайно уехал в Белград и был назначен командующим сербской армией, которая потерпела поражение во время войны Сербии и Черногории с Турцией в 1876 г. В начале Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был зачислен на военную службу, но назначения в действующую армию не получил. В 1882-1884 гг. туркестанский генерал-губернатор. С 1886 г. в отставке.

[381] *Гус* (Hus) Ян (1369-1415) — руководитель чешского освободительного движения и религиозного реформаторства в Чехии, проповедник, мыслитель, профессор, ректор Пражского университета. По обвинению в ереси сожжен на костре католической инквизицией.

[382] *Филиппов* Тертий Иванович (1825-1899) - государственный деятель, историк, ученый-фольклорист, друг К. Н. Леонтьева. С. Ю. Витте оставил следующую характеристику Филиппова: «Тертий Иванович был церковник; он занимался церковными вопросами и вопросами литературными, но литературными определенного оттенка, вопросами чисто мистического направления. Он был человек неглупый, но как государственный контролер и вообще как государственный деятель он был совершенно второстепенным. Т. И. Филиппов собственно не занимался теми делами, которыми он должен был заниматься, т. е. контролем над всеми государственными, экономическими и хозяйственными функциями. Перевели его в государственный контроль потому, что он в своей деятельности проявлял русское национальное направление» // *Витте С. Ю.* Воспоминания. М, I960. Т. 1. С. 307.

[383] Варрант (от *англ.* warrant — основание, правомочие) — в гражданском праве ряда государств (Франция, Великобритания, США, Япония и др.) документ, выдаваемый владельцу товара при сдаче его на склад. Обычно состоит из двух частей — складского свидетельства и собственно варранта. Является видом ценной бумаги, так как владелец товара может продать или заложить его, передав варрант покупателю по индоссаменту.

[384] *Герценштейн* Михаил Яковлевич (1859-1906) - политический деятель, экономист. С 1903 г. преподавал в Московском университете, Московском сельскохозяйственном и Московском коммерческом институтах. Участник нелегальных земских съездов 1904-1905 гг. Один из создателей Конституционно-демократической партии (1905), глава ее аграрной комиссии, один из авторов аграрной программы партии. Депутат I Государственной думы. Убит.

[385] Прекрасным государственным мужем *(лат).*

[386] *Владимир I* (?—1015) - князь новгородский с 969 г., киевский с 980 г. Младший сын Святослава. Покорил вятичей, радимичей и ятвягов; воевал с печенегами, Волжской Булгарией, Византией и Польшей. При нем сооружены оборонительные рубежи по рекам Десна, Осетр, Трубеж, Сулла и др., заново укреплен и застроен каменными зданиями Киев. В 988-989 гг. ввел в качестве государственной религии христианство. При Владимире I древнерусское государство вступило в период своего расцвета.

[387] *Дубровин* Александр Иванович (1855-1921) - врач, политический и общественный деятель, статский советник, организатор и руководитель Союза Русского народа (СРН), председатель Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа. Из дворян. Сын полицейского чиновника в г. Кунгуре. По окончании Петербургской Медико-хирургической академии (1879) - военный врач. С 1889 г. работал в детских приютах Петербурга, в 1890-е гг. был врачом ремесленного училища цесаревича Николая, которым руководил Н. А. Майков. Занимался частной практикой, благодаря которой составил состояние, приобрел акции и 5-этажный доходный дом. С 1905 г. председатель Главного совета Союза Русского народа (СРН), издатель и редактор партийной газеты «Русское знамя». 12.12.1906 г., после взрыва террористами дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове, оказавшись случайно поблизости, принял деятельное участие в помощи пострадавшим. К аграрной реформе Столыпина отнесся крайне отрицательно, что привело к обострению политических отношений между ними. В 1909 г. скрывался от судебного преследования в связи с обвинением в убийстве М. Я. Герценштейна. Смог избежать преследования благодаря поддержке, выраженной Николаем II. С 1912 г. организатор и пожизненный председатель «Всероссийского дубровинского Союза Русского народа» («старый» СРН стал именоваться «Марковским», «обновленческим»). После Февральской революции арестован и 28 февраля 1917 г. помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости по обвинению в убийстве в Териоках в 1906 г. М. Я. Герценштейна и в связи с подозрениями на причастность к убийствам членов Государственной думы Г. Б. Иоллоса (1907) и А. Л. Караваева (1908), а также к двум покушениям на жизнь С. Ю. Витте. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного пра-

вительства (март, апрель, май 1917), признавшей в итоге Дубровина «не совершившим ничего уголовного». 14 октября 1917 г. освобожден из-под стражи по состоянию здоровья. Вновь арестован сотрудниками ВЧК 21 октября 1920 г. Обвинялся в том, что «с 1905 по 1917 г. являлся председателем «Союза Русского народа», который боролся с освободительным движением в России». Расстрелян. Имеются два постановления по «делу Дубровина» с аналогичным приговором: 1) Коллегии ВЧК от 29-12.1920 г. и 2) заседания Президиума ВЧК от 14.4.1921 г. Точных сведений о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения не имеется. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7.9.1998 г. реабилитирован.

[m]*Оловенников* Владимир Владимирович (?—1908) — редактор-издатель монархической газеты «Вече» (1905—1910).

[389] *Аввакум* Петрович (1620/1621—1682) — глава и идеолог русского раскола, протопоп, писатель. В 1646-1647 гг. член «Кружка ревнителей благочестия». Выступил против реформ Никона. В 1653 г. сослан с семьей в Тобольск, в 1663 г. возвращен в Москву, продолжал борьбу с официальной церковью. В 1666-1667 гг. осужден на церковном соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет прожил в земляной тюрьме.

[390] *Лентовский* Михаил Валентинович (1843-1906) — актер, антрепренер. Играл (с перерывами) в Малом театре, много гастролировал по российской провинции. С огромным успехом выступал в опереттах. В Москве в 1882 г. открыл Фантастический театр, спектакли которого отличались грандиозностью постановок, необычайностью эффектов. Создал театры оперетты в Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде. В 1882 г. также открыл в Москве Новый театр и театр «Скоморох». К 1894 г. разорился. В 1898-1901 гг. режиссер в Московской частной русской опере С. И. Мамонтова.

Через полвека

Через полвека. Фантастический политико-социальный роман. Часть I // Сочинения Сергея Шарапова. Т. VIII. М, 1902. С. 3-80. Роман не был завершен. Публикуется по данному изданию.

[391] *Берн* (Verne) Жюль (1828-1905) — французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Автор многочисленных научно-фантастических, приключенческо-географических и социально-утопических произведений.

[m]*Фламмарион* (Flammarion) Камиль (1842-1925) — французский астроном. Проводил исследования Марса, Луны и двойных звезд. В 1883 г. основал обсерваторию в Жювизи (близ Парижа). Известен как автор научно-популярных книг по астрономии, из которых наибольший успех имела «Популярная астрономия» (1880), переведенная на многие языки мира. В 1882 г. основал научно-популярный журнал «Астрономия».

[393] *Блаватская* Елена Петровна (1831-1891) — русская писательница и теософ. Странствовала по Европе, Северной Африке, Малой Азии, Северной и Южной Америке, Индии и Китаю. В 1859 г. возвратилась в Россию и с I860 г. устраивала спиритические сеансы. Уехав в 1873 г. в США, печатала в американской прессе статьи по спиритизму. Приняла американское гражданство (1877). Под влиянием индийской философии основала в 1875 г. в Нью-Йорке Теософическое общество. В 1878 г. уехала в Индию, где также обосновалось Теософическое общество. В 1884 г. вернулась в Европу, где был предан гласности ряд писем Е. П. Блаватской, из которых явствовало, что многочисленные ее «феномены» были обманом. Главные сочинения Е. П. Блаватской: «Разоблаченная Исида» (1877), «Тайная доктрина» (т. 1-3, 1888-1897).

[394] Сердце работает хорошо, он спасен *(франц).*

[395] Небольшая статья *(франц).*

[396] *Екатерина IIАлексеевна* (1729-1796) — российская императрица с 1762 г. Немецкая принцесса София Фредерика Августа. Оформила сословные привилегии дворян. В ее правление значительно окрепло русское абсолютистское государство, произошла Крестьянская война под руководством Е.И.Пугачева (1773-1775). Были присоединены: Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ, западно-украинские, белорусские и литовские земли (по трем разделам Речи Посполитой).

[397] *Тютчев* Федор Иванович (1803-1873) — русский поэт. Состоял на службе в Коллегии иностранных дел (дипломатические миссии в Мюнхене в 1822-1837 гг. и Турине в 1837-1839 гг.), с 1848 г. занимал должность старшего цензора Министерства иностранных дел, а с 1858 г. возглавлял Комитет иностранной цензуры. Проникнутая страстной, напряженной мыслью и одновременно острым чувством трагизма жизни, лирика Тютчева художественно выразила сложность и противоречивость действительности. В 1840-х гг. политические взгляды поэта приобретают панславистскую окраску.

[398] Великобритания (искаж. *англ).*

Библиография

Шарапов С. Ф. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1900-1906.

Шарапов С. Ф. Соч. Кн. 1-3. СПб., 1892.

Малоземелье как результат ненормальных отношений труда к вознаграждению в крестьянском хозяйстве: Доклад С. Ф. Шарапова. М., 1881.

Шарапов С. Ф. Будущность крестьянского хозяйства: (Критико-экономическая монография). М., 1882. Ч. 1.

Министерство земледелия и его задачи в России: Доклад С. Ф. Шарапова. М, 1882.

Шарапов С. Ф. Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1882.

Шарапов С. Ф. Почему Лодзь и Сосновицы побеждают Москву? Публичная лекция. М., 1886.

Шарапов С. Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве Талицкого. М., 1886.

Московский сборник. Из произведений М. Д. Скобелева, И. С. Аксакова, В. С. Соловьева, О. Ф. Миллера, А. А Киреева, А. М. Кояловича, П. И. Аристова и др. Под ред. С. Ф. Шарапова. М., 1887.

Шарапов С. Ф. А. Н. Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки: Публичная лекция. СПб., 1893.

Шарапов С.Ф. По русским хозяйствам. Путевые заметки из летней поездки 1892 г. в газету «Новое время». М., 1893.

Шарапов С. Ф. К сведению будущего министра земледелия. Обмен мыслей между Рцы, №***, Н. А. Аксаковым и С. Ф. Шараповым. СПб., 1894.

Шарапов С. Ф. Русский сельский хозяин. Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах. СПб., 1894.

Шарапов С. Ф. Франция и славянство: Речь в торжественном заседании Санкт-Петербургского Славянского Общества. СПб., 1894.

Шарапов С. Ф. Бумажный рубль. (Его теория и практика) СПб., 1895.

Шарапов С. Ф. По садам и огородам. Путевые заметки из поездки летом 1894 г. СПб, 1895.

Шарапов С. Ф. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. С приложением 16 неизвестных писем А. Н. Энгельгардта к А. Н. Куломзину. СПб, 1895.

Шарапов С. Ф. По Черноморскому побережью: Письма из поездки в составе экспедиции министра земледелия и государственных имуществ... М, 1896.

Шарапов С. Ф. Среди хозяев: Путевые письма из поездки по выдающимся хозяйствам Средней России. СПб, 1896.

Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881-1895: Доклад Обществу для содействия русской промышленности и торговли С. Ф. Шарапова на основании цифровых данных, собранных и сгруппированных П. В. Олем. СПб, 1897.

М. Г. Черняев: К 50-летию его служения России: Очерк С. Ф. Шарапова. СПб, 1898.

Шарапов С. Ф. Вопрос о валюте на Орловском областном съезде сельских хозяев 1898. СПб, 1899.

Шарапов С.Ф. Золотая валюта. Париж, 1899.

Шарапов С., Оль П. Как ликвидировать золотую валюту? СПб, 1899.

Самодержавие и самоуправление: Исследование Сергея Шарапова. Берлин, 1899.

Шарапов С. Ф. Денежная сила Франции. Екатеринбург, 1900.

Шарапов С. Ф. Чему можно поучиться среди русских хозяйств: Письмо из поездки по хозяйствам Средней России. М, 1900.

Две записки Сергея Шарапова о русских финансах, поданных в феврале 1900 г. новому Государственному контролеру П. Л. Лобко. Берлин, 1901.

Самодержавие и самоуправление: Исследование Сергея Шарапова. 1902.

Самодержавие и самоуправление: Исследование Сергея Шарапова. Изд. 2-е, перераб. М, 1903.

Шарапов С. Ф. Сущность аграрного кризиса. М, 1906.

Шарапов С. Ф. Диктатор. Политическая фантазия. М, 1907.

Шарапов С. Ф. Земля и воля... без денег. Публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 г. в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному Смоленскому Губернскому Дворянскому Собранию 1 июня 1907 г. М., 1907.

Шарапов С.Ф. Иванов 16-й и Соколов 18-й (Политическая фантазия. Продолжение «Диктатора»). М, 1907.

Шарапов С. Ф. У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение «Диктатора»). М, 1907.

Шарапов С. Ф. Кабинет диктатора (Завершение «Диктатора»). М, 1907.

Шарапов С. Ф. Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы»), I. Самодержавие и самоуправление (исследование) II. О земщине и бюрократии (переписка с кн. В. П. Мещерским). М, 1907.

Шарапов С. Ф. Социализм как религия ненависти М, 1907.

Шарапов С. Ф. Государственная роспись и народное хозяйство. Речь, произнесенная в С.-Петербурге в Русском Собрании 9 дек. 1907 г. и публичная лекция, прочитанная в Смоленске 10 янв. 1908 года. М, 1908.

Шарапов С. Ф. Истинно русский Шмидт: Печальная история от сочетания пламенного патриотизма с государственной изменой. М, 1908.

Шарапов С. Ф. «Матрикулированные» октябристы, или Как я не попал в Государственную думу. М, 1908.

Шарапов С. Ф. О всеславянском съезде: Открытое письмо к А. А. Борзенко. М, 1908.

Шарапов С. Ф. С Англией или с Германией? М, 1908.

Шарапов С. Ф. Самодержавие или конституция? Первые шаги 3-й «Думы солидной бестолочи». М, 1908.

Русские исторические начала и их современное приложение. Речь, произнесенная С. Ф. Шараповым 30 ноября 1907 года при открытии Аксаковского Политического и Литературного Общества. М, 1908.

Шарапов С. Ф. Финансовое возроэдение России. Доклад, прочитанный в заседании «Русского Собрания» в Петербурге 9 марта 1908 г. М, 1908.

Пасхалов К. Я, Шарапов С. Ф, Землеустроение или землеразорение? (По поводу закона 9 ноября 1906 года). М, 1909.

Шарапов С. Ф. Ближайшие задачи России на Балканах. М, 1909.

Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф. Германия и славянство. Доклад Санкт-Петербургскому Славянскому Съезду Аксаковского Политического и Литературного общества в Москве. М, 1909.

Шарапов С. Ф. По поводу закона 9 ноября 1906 г.: Открытое письмо к К. Н. Пасхалову. М., 1909.

Шарапов С. Ф. Что делать с Финляндией? М, 1910.

«Россия быстро движется к государственному банкротству». Записка С. Ф. Шарапова великому князю Александру Михайловичу. 1895 г. / Публ. М. Ю. Конягина // Исторический архив. 1999. № 3. С. 176-188.

Самодержавие и самоуправление / Публ. А. В. Репникова // Москва. 2003. № 3. С. 219-223.

Указатель имен

Аввакум — 605
Ададуров Н. Е. — 148
Адлерберг А. В. — 144
Азеф Е. Ф. - 404
Аксаков И. С. - 5-7, 11, 20, 26, 135-136, 143, 282, 337-339, 340-341, 350, 394, 396, 400, 466, 585, 657
Аксаков К. С. - 7, И, 136, 336
Аксаков Н. П. — 484
Аксаков С. Т. - 116, 336
Аксакова А. Ф. — 26
Аладьин А. Ф. - 369, 374
Александр I - 96, 419, 437, 439, 441
Александр II - 67, 69, 70, 82, 106, 114, 118, 120, 135-136, 143-144, 343, 439, 585
Александр III - 70, 145, 337, 343, 419, 439, 540, 543, 551,668
Александр Македонский — 138
Алексей Михайлович — 696
Алексинский Г. А - 369, 374, 446, 521
Алчевский А. К. — 319
Альвардт Герман (Ahlwardt) — 170
Амвросий — 670
Андреев — 534
Антей — 87
Антоний (Вадковский А. В.) — 444
Антонин (Капустин А. И.) — 339
Антонович А. Я. - 282, 494
Ариман — 105
Аристид — 85
Атава — *см.* Терпигорев С. Н. — 115, 117
Аугсбург - 553-554

Бартенев Ю.П.-571
Баттистини М. — 127
Бебель А. — 374
Безобразов В. П. - 117, 221
Белинский В. — 227
Беллами Э. - 242-243, 607-608
Бельгард А. В. - 463, 465, 468, 591
Бер П. - 393
Берг - 537
Бизо — 537
Бильдерлинг — 339
Бисмарк О. - 373, 391
Блаватская Е. П. — 610
Блейхрёдер (Bleichroder) Г. — 171, 178
Блэк-611-613, 615
Бобриков Н. И. — 436
Бобринский А. А. — 496-497
Боголепов Н. П. — 96
Богоявленский В. Н. — *см.* Владимир - 573
Бок - 537
Бонпарель — 617, 618
Брехунцов — 559—560
Бровкович А. И. — *см.* Никанор — 339, 631
Буланже Ж. - 395-396, 397
Бунге Н. Х. - 184, 304, 386, 534
Бутми Г. В. - 21, 307, 333

Вагнер А - 166-167
Вадковский А. В. — *см.* Антоний — 444
Валуев П. А, - 130, 143-144
Варсонофий — 670
Васильев А В. - 7,11, 21, 569, 584-588
Васильчиков А. И. — 458
Васильчиков Б. А. - 455, 458
Вельзевул — 248
Верн Ж. - 607
Верстрат — 537
Виталь А. — 363
Витте С. Ю. - 7, 8, 16, 150-153, 307, 334, 340, 344, 349, 351, 384, 406, 451, 452, 463-465, 470, 493-494, 498, 504, 509, 532, 534-537, 548, 584-586, 588, 593, 595, 596
Владимир (Богоявленский В. Н.) — 573
Владимир Святославич — 599
Владислав — 108
Восторгов И. И.-9, 571, 602-603
Вышнеградский И. А. — 70, 536
Вяземский П. П. — 541

Габсбурги — 426
Гамбетта Л. - 398

Гапон Г. А.-339
Гегель Г. В. - 392
Гейден П. А.-373
Георгиевич — 267
Георгиевский В. С. - *см.* Евлогий — 476
Герасимов О. П. — 455
Геростратт — 119
Герценштейн М. Я. — 595
Гиляров-Платонов Н. П. — 210
Гирман - 538-539
Гогенцоллерны-Зигмарингены — 412
Гоголь Н. В. - 115-116, 142, 441, 594
Головин Ф. А. — 476
Голохвастов П. Д. — 107
Гольденбаум А. — 620
Гопингер — 537
Горемыкин И. Л, —520
Греви Ж. - 396
Григорович Д. В. — 116
Грингмут В. А. - 76, 110, 571, 604
Гриппенберг — 339
1убонин П. И. - 319
Гурьев А. Н. - 266, 555
Гус Ян - 585
Гучков А И. - 347, 459
Гучков Н. И. - 459
Гюго В. - 164, 394

Давыдов Л. Ф. — 536
Данилевский Н.Я.-7, 116, 161, 199, 210
Дембский В. — 665
Дерулед П. - 397
Донской Дмитрий — 194
Достоевский Ф. М. - 7, 116, 339, 347, 394, 397, 441
Дрейфус А. - 100
Дроздов В. М. — *см.* Филарет — 339
Дубровин А. И. - 8, 9, 604
Думбадзе И. А — 570
Дурново Н. Н. - 67, 604
Дыновский К. К. — 366

Евлогий (Георгиевский В. С.) — 476
Екатерина II — 630
Елена Павловна — 144
Ермолов А. С. — 523

Жданович — 538
Жилкин И. В. - 369, 374
Жуковский В. А. — 144

Зеленой П. А. — 82
Зильберштейн — 633
Зубов П. П. - 257
Зурабов А. Г. - 369, 446, 521

Иван (Иоанн) IV Грозный — 108
Иванов 16-й - 443,446,449-450,455, 461, 470-471, 492-501, 508-510, 512-513, 530, 537, 544-546, 548, 549, 552-553, 556-557, 560-561, 564, 570-575, 577, 580, 586-587, 589, 591-593, 595-597, 601-602
Иванцов-Платонов А. С. — 67
Игнатьев А. П. — 538
Игнатьев Н. П. - 102, 145, 430
Изразцов К. — 434
Иловайский Д. И. — 577
Иоанникий — 585
Иохелес М. — 633
Ирод - 553

Канкрин Е. Ф.- 119, 173, 184, 185, 224-225, 238,516
Капустин А И. — *см.* Антонин — 339
Карл XII - 424
Карнеджи — 459
Касаткин-Ростовский Н. Ф. — 496-497, 500
Катков М. Н. - 76-77, 116, 466, 543
Каутский К. — 370
Кауфман И. И. - 178, 181, 453, 455
Кауфман П. М. — 716
Киреев А. А. - 6-7, 67, 483
Киреевский И. В. — 161, 336
Кларксон - 534-535, 537
Кобеко Д. Ф. - 466, 600
Кожин — 142
Коковцов В. Н. - 302, 304, 449-452, 482, 495, 509, 512-514, 521, 532, 534, 537, 539
Кокорев В. А — 210, 319

Колупаев — 116
Кольбер Ж.-Б. - 173, 585
Кон - 536
Корф М. А. — 119
Кошелев А. И. — 570
Красильников А. А. — 216
Красинский З. — 393
Кривошеин А. В. - 70, 351-353
Крыжановский С. Е. — 446, 567
Крылов И. А.- 80, 84, 116
Кузнецов Н. Д. - 484, 486
Кульжинский С. К. — 148
Куропаткин А. Н. — 339

Ламанский Е. И. - 117, 221, 233, 534
Лауниц В. Ф. - 557
Лентовский М. В. — 605
Леонтьев К Н.-28, 116
Лермонтов М. Ю. — 116
Леруа-Болье П. П. - 493
Лессепс Ф. — 245
Ливен А. А. - 144
Лик - 259
Линевич Н. П.-418
Лист Ф. - 167, 169
Лишин — 639
Ло Д. - 166
Лорис-Меликов М. Т. - 144-145
Лотье — 267
Людовик XIV - 77, 240, 392
Лютер М. — 393

Мазини А. — 127
Мак-Кинлей У. — 504
Маклеод Г. — 175
Максимов Е. Д.-521
Малешевский Б. Ф. — 537
Мальтус Т. — 227
Мальцев И. С. - 339
Мальцов — 212
Мамонтов С. И. — 148
Мануйлов А. А. — 582
Мария Александровна — 143-144
Маркс К. - 107, 369-370, 372
Матвеев — 636
Менделеев ***Д. И.*** - 449
Меншиков А. Д. — 85
Меньшиков М. О. - 541, 546
Меркурий — 240
Мессарош — 110
Мещерский А. П. - 538, 539
Мещерский В. П. - 6, 10, 14, 25, 74-78, 79, 87, 95, 103, 111, 121, 130, 140, 538-539
Миклашевский А. Н. — 493
Мильвуа Люсьен — 399
Милюков П. Н. - 347, 472, 475, 521
Минин К - 97, 108
Михаил - 109, 339
Михаил Федорович — 109
Мицкевич А. — 49, 393
Мопассан Г.- 451, 452
Морозов С. Т.-459
Муравьев Н. В. - 456, 532, 538
Муратов Н. П. - 364-366

Наполеон I - 85, 217, 238, 393, 422, 424, 438
Небогатов Н. И. — 340
Неведомский — 617
Немезида — 104
Нетцлин — 537
Никанор (Бровкович А. И.) — 339, 631
Николай I - 29, 69, 96, 111, 119, 135, 147, 312, 330, 333, 439, 511, 515-516, 652
Нокс Ф. - 427, 435

Озеров И.Х.-493
Ознобишин В. Н. - 496, 499, 571, 604
Озоль И. П.-446
Оловеников В. В. — 605
Оль П. В.- 21, 156, 158, 333
Оржешко Э. — 49
Ормузд — 105
Островский А. Н. — 116

Павел I- 512, 550
Павлов Н. А - 498, 510, 519, 521, 523-524, 530, 533, 538-541, 553-554, 561, 587, 589, 595
Пазухин А.Д. - 299, 517
Памфилов С. С. — 624
Пантелеев Ф. — 655-656, 661
Папков А А - 483, 487, 561, 569, 573-575, 582, 595

Перцов П. П. - 74
Пестель П. И. — 449
Петр I - 336, 428, 512, 543
Петр I Карагеоргиевич — 408
Петров — 639
Петров Г. С. - 339
Пирр - 407
Писарев Д. И. - 358
Платон (Левшин П. П.) — 339
Платон (митр. Кишиневский) — 476
Плеве В. К. - 571, 602
Плеске Э. Д. - 537
Победоносцев К. П. - 76, 495, 548, 572
Пожарский Д. М. - 97, 108
Полетаев — 554
Поляков Лазарь — 247
Поляков С. С. - 247, 251
Померанцев А. А. — 319
Порубин И. В. - 564, 573-576, 581-582, 584
Постников В. Е. — 493
Прокудин С. М. - 495
Прудон Ж. - 171
Птицын — 651
Пугачев Е. И. — 374
Пузатов — 559
Пуришкевич В. М. — 8, 476 -
Путилов А. И. — 536
Пушкин А. С, - 116, 441

Разин С. Т. - 374
Разуваев — 116
Рамишвили И. И. — 369
Рандр - 537
Рафалович А. Г. — 493
Редигер А. Ф. - 468, 561
Рейнбот А. А. - 560, 571-572
Рейс В. А. - 339
Рейтерн М. Х. - 304
Рикардо Д. — 166
Родбертус-(Ягецов) К. — 167, 263, 265
Рожественский З. П. — 340, 405
Рокфеллер — 459
Ротшильд - 162, 168, 178, 233, 242, 247-248, 251, 253, 259, 632-633, 652
Ротштейн А. Ю. - 107, 536
Ротштейн Ф. А. — 107
Рошер В. - 194
Рувье М. - 698
Рябушинский П. П. — 539, 547

Саблер В. К, - 521, 548, 572
Сазонов С. Д. — 84
Сакалаев М.-Р. - 620-621
Салтыков (Салтыков-Щедрин) М. Е. — 116, 397
Самарин С. Ф. - 7, 161, 396
Самарин Ф. Д. - 484, 576, 596-599
Самарин Ю. Ф. - 11,144, 336, 396, 524
Самоквасов Д. Я. — 577
Сарандинаки Г. — 604
Сахалинская графиня — 547
Святополк (Святополк-Мирский) П. Д. - 566
Сигма (Сыромятников С. Н.) — 555
Скобелев М. Д. - 6, 366, 398
Слободский П. — 672
Словацкий Ю. — 393
Смит А. — 166-167
Соколов 18-й-491-492, 500, 509, 514, 519, 530-531, 537, 539-542, 546, 553, 561, 588-589, 591, 595
Солнцев — 620-621
Соловьев В. С. — 78
Сольский Д. М. — 536
Сперанский М. М. — 35, 69, 94
Станфорд М. — 259
Стасюлевич М. М. — 466
Стессель А. М. — 339
Столыпин П. А - 16, 346, 348,446,447, 449, 491-493, 520-521, 553-558, 560-561, 566, 595
Страхов Н. Н. — 116
Суворин А С. - 5, 6, 466, 541, 546, 556
Суворов А. А. — 144
Суворов А. В. — 366
Судейкин В. Т. - 119
Сырокомля В. — 49
Сытин И. Д. - 569, 571-573
Сэй Ж.-Б. - 166-167

Татищев С. С. - 151
Тер-Адербейджанова — 92

Терпигорев С. Н. (Атава) - 115-117
Тихомиров Л. А. - 10, 12, 348
Токарев — 129
Толстой А. К. - 144
Толстой Д. А. - 70, 83-84, 108, 339, 570, 574
Толстой И. И.— 521
Толстой И. М. - 144
Толстой Л. Н. - 116, 394, 397, 441, 541
Трепов Д. Ф. - 539
Третьяков П. М. — 259
Тумаров П. Н. - 556-560, 564, 566-576, 591-592, 595, 599, 602, 605
Тургенев И. С. - 115-116, 441
Тютчев Ф. И. - 648

Ухтомский Э. Э. — 536, 620

Фадеев Р. А. - 449
Феоктистов Е. М. — 541
Фердинанд I Кобургский — 408
Филарет (Дроздов В. М.) - 339
Филиппов Т. И. - 255, 585-586
Фламмарион К. — 607
Фок А. В. - 339
Франц-Фердинанд — 651
Фулье А. — 171

Хомяков А. С. - 116,135,161, 336, 348, 396
Хомяков Д. А. - 483, 485, 577, 596
Хомяков Н. А. — 9, 21, 336, 576-577, 592-596

Церетели И. Г. — 369
Цешковский А. — 175, 225

Чарыков Н. В. - 408
Челышев М. Д. — 327
Черкасский В. А. — 144
Черняев М. Г. — 585
Чукмалдин Н. М. — 100
Чупров А. И. - 493

Швамдрюбер — 99
Шванебах П. Х. - 451-452, 521
Шемякин В. И. - 548
Шечков Г. А. - 483, 487
Шипов И. П. - 210, 451, 537
Штакельберг - 339

Щегловитов И. Г. - 455, 521
Щедрин — *см.* Салтыков-Щедрин М. Е, - 116, 397
Щербатов А. Г. - 8, 571, 604

Эдисон Т. — 214
Энгельс Ф. — 370
Эрслин — 535

Юсупов Ф. Ф. - 100

Янжул И. И. - 493

Содержание

Сергей Федорович Шарапов
А. В. Репников . . . 5

С. Ф.ШАРАПОВ. ИЗБРАННОЕ . . . 23

Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы») . . . 25
I. Самодержавие и самоуправление . . . 27
II. О земщине и бюрократии (переписка С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским) . . . 74

О нашем финансовом положении. (Записка, представленная в ноябре 1898 года Его Императорскому Величеству в Ливадии) . . . 150

Бумажный рубль. (Его теория и практика) . . . 160
Часть I. Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгах . . . 165
Часть II. Опыт практической организации бумаго-денежного обращения и народного кредита . . . 268

Финансовое возрождение России. Доклад, прочитанный в заседании «Русского Собрания» в Петербурге 9 марта 1908 года . . . 301

Русские исторические начала и их современное приложение. Речь, произнесенная С. Ф. Шараповым 30 ноября 1907 года при открытии Аксаковского Политического и Литературного Общества . . . 336

Поворот в аграрной политике . . . 351

Кто и как растаскивает Россию . . . 355

Обязательность всеобщего обучения . . . 357

Как в Тамбове справляют Георгиевский праздник . . . 364

Социализм как религия ненависти . . . 367

За что любят нас французы? . . . 391

Ввиду грядущей мировой войны . . . 401

Спасательная веревка мистера Нокса . . . 427

Открытое письмо гг. депутатам Финляндского Сейма . . . 436

Диктатор. Политическая фантазия . . . 443
Диктатор . . . 443
Иванов 16-й и Соколов 18-й . . . 480
У очага хищений . . . 519
Кабинет диктатора . . . 557

Через полвека. Фантастический политико-социальный роман . . . 607

КОММЕНТАРИИ . . . 675

Библиография . . . **734**

Указатель имен . . . **737**

Научное издание

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века

Шарапов Сергей Федорович

Избранное

Ведущий редактор *Е.АКочанова*
Редактор *Г.М.Соколова*
Художественный редактор *А. К Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М.М.Ветрова*
Компьютерная верстка *И.Д.Звягинцева*

ЛР №066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.09.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 46,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1431

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Польское. Но потерпит поражение их союзница — Австро-Венгрия, и в результате, пока Франция медленно и неуклюже будет вести военные действия против Италии, русские войска, единодушно поддержанные славянами («драться с Россией желали только мадьяры», но их быстро разгромили), займут Берлин. Франция оккупирует Эльзас и Лотарингию, а Англия захватит немецкие колонии. Россия же, вопреки идее «устроить поход на Индию», которая выдвигалась в русских консервативных кругах (идея имела целью нейтрализовать Англию), ограничится занятием Афганистана и Персии.

В 1885 г. Шарапов описал сценарий возможной войны России и Англии. Войны, которой, нужно отметить, он совершенно не хотел. Россия «потеснит сразу же англичан в Средней Азии, немедленно и без больших потерь займет весь Афганистан, перевалит в случае надобности дальше и возмутит целую Индию, стонущую под английским владычеством»[18]. В ответ Англия нанесет удар «на всех морях», который подорвет могущество России, но сама будет разбита: «Индия восстает <„> и выбрасывает англичан в море <...> австралийские и американские колонии Англии <...> могут легко проделать то же, что и Северо-Американские Штаты сто лет назад. Австралия образует независимую группу, Канада, естественно, сольется с Соединенными Штатами. Великобритания останется одна, но кто поручится, что <...> не восстанут ирландцы?»[19] В итоге война ослабит Россию, «умертвит» Англию и поможет Германии, которая «почти доросла до степени третьей мировой державы восточного полушария», установить свою гегемонию в Европе[20]. Следовательно, Россия должна стремиться к компромиссу, дабы не позволить усилиться еще одной своей внешнеполитической сопернице, поскольку «война Англии с Россией есть выход и спасение для Германии»[21]. Впоследствии, в феврале 1911 г, Шарапов обратился к самодержцу с письмом, в котором опять предупреждал об опасности продвижения Германии на восток.

Идеи Шарапова не были восприняты. Друживший с ним С. К. Эфрон считал, что это произошло потому, что «всегда и во всем искренний Шарапов не мог укладываться в рамку, не мог пристать ни к какой партии; всегда и во всем он оставался самим собою, руководствовался и в своих писаниях, и в своих действиях только собственным умом и голосом собственной совести. Он горел любовью к своей родине, и ей он служил всю жизнь не за страх, а за совесть <...> оставаясь самим собою, никого не щадил: одинаково разил и друзей и врагов <...> Шарапов много заблуждался, но заблуждался честно, искренно...»[22] Либералы считали Шарапова ретроградом, готовым обслуживать власть. Не принимали идей Шарапова и многие консерваторы, видевшие в его проектах покушение на административную и территориальную целостность России, полонофильство и отсутствие патриотизма. Это послужило причиной конфликта Шарапова со «Светом», в котором он на некоторое время нашел приют и возможность печатать свои работы.

Попытки Шарапова повлиять на власть заканчивались, как правило, столкновением с цензурой. Ю. С. Карцов в своих неопубликованных воспоминаниях отнес его к числу «несчастливцев Гамлетов консервативной печати»[23], отметив, что «чуждый зависти, искренне доброжелательный, друзей и единомышленников, — Н. А. Хомякова, Д. А Тимирязева, А В. Васильева, Г. В. Бутми, П. В. Оля, — в статьях своих не только расхваливал Шарапов, но и назначал на высокие государственные посты»[24]. После прекращения собственных изданий Шарапов так и не смог «пристроиться к какому-либо чужому органу печати <...> где бы он мог свободно высказаться, где бы ему дали возможность говорить во всю, и вынужден был одновременно печататься <...> и в уличном листке Казецкого "Русский листок" <...>, и в наичерносотенном Оловяковском "Вече", и в кадетском "Московском еженедельнике", и в провинциальных красных органах: в "Смоленском вестнике" еврея Ромма, и в "Южном крае" Юзефовича <„> и, кажется, раза два-три искал гостеприимства в петербургской "Речи", и ему таковое оказали там»[25].

[18] Переписка И.С.Аксакова и С.Ф.Шарапова (1883-1886) // Русская литература. 2005. № 1. С. 177.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 177-178.

[21] Там же. С. 178.

[12] *Эфрон С. К* Воспоминания о С.Ф.Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 499.

[23] *Карцов Ю. С.* Хроника распада //Архив-музей БФРЗ. Ф. 1. М-76 (1). Л. 80.

[24] Там же. Л. 82.

[25] *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 744-745.